Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

Томъ V.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ".

ЗА

МАЙ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. **П. Н. Полевого.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1892.

216614

Wyższa Szkoła Pedagogiczna
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
Katowice
198289

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 апрѣля 1892 года.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
Томъ V.

ГЛАВА I.

Великій Князь Димитрій Іоанновичь, прозваніемъ Донскій.

Г. 1363—1389.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Вел. Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между Вел. Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношенія съ Грецією Путешествіе Пимена. Италіанцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля.

Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, г. 1363. нежели силою: настало время обнажить мечь. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благосло-

венныя Геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу униженному возвратилъ благородство духа. Сіе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: Судьба испытываетъ людей и Государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Димитрій Іоанновичь, удостоенный Великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, искалъ благосклонности и въ другомъ Царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою: Посолъ сего Хана явился съ милостивою грамотою, и Димитрій долженствовалъ вторично ѣхать въ Владиміръ, чтобы принять оную согласно съ древними обрядами. Хитрость безполезная: угождая обоимъ Ханамъ, Великій Князь оскорблялъ того и другаго; но крайней мѣрѣ утратилъ милость Сарайскаго, и возвратясь въ Москву, свѣдалъ, что Димитрій Константиновичь опять занялъ Владиміръ: ибо Мурутъ прислалъ ему съ сыномъ бывшаго Владѣтеля Бѣлозерскаго, Іоанномъ Ѳеодоровичемъ, и съ тридцатью слугами Ханскими ярлыкъ на Великое Княженіе (1). Но гнѣвъ Царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ, и въ доказательство великодушія позволилъ ему тамъ властвовать какъ своему присяжнику.

Гнѣвъ Ханскій.

Мысль Великаго Князя или умныхъ Бояръ его, мало по малу искоренить систему Удѣловъ, оказалась ясно: онъ выслалъ Князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ городовъ, обязавъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ Главы Россіи (2). Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцевъ ихъ, они жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ Князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ.

Стѣсненіе Княжей Удѣльныхъ.

Г. 1364.

Въ сіе время Димитрій Іоанновичь лишился брата и матери. Тогда онъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ

Андреевичемъ, заключилъ договоръ, выгодный для обоихъ ([3]). Договоръ.
Митрополитъ Алексій былъ свидѣтелемъ и держалъ въ рукахъ святый крестъ: юные Князья, окруженные Боярами, приложились къ оному, давъ клятву вѣрно исполнять условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: „Мы клянемся жить подобно нашимъ „родителямъ: мнѣ, Князю Владиміру, уважать тебя, Великаго „Князя, какъ отца, и повиноваться твоей верховной власти; „а мнѣ Димитрію, не обижать тебя и любить, какъ меньшаго „брата. Каждый изъ насъ да владѣетъ своею отчиною без„спорно: я, Димитрій, частію моего родителя и Симеоновою; „ты Удѣломъ своего отца. Пріятели и враги да будутъ у „насъ общіе. Узнаемъ ли какое злоумышленіе? объявимъ его „немедленно другъ другу. Бояре наши могутъ свободно пере„ходить, мои къ тебѣ, твои ко мнѣ, возвративъ жалованіе, „имъ данное. Ни мнѣ въ твоемъ, ни тебѣ въ моихъ Удѣ„лахъ не покупать селъ, не брать людей въ кабалу, не судить „и не требовать дани. Но я, Владиміръ, обязанъ доставлять „тебѣ, Великому Князю, съ Удѣла моего извѣстную дань „Ханскую. Сборы въ волостяхъ Княгини Іуліаніи принадле„жатъ намъ обоимъ. Людей черныхъ, записанныхъ въ Сотни, „мы не должны принимать къ себѣ въ службу, ни свободныхъ „земледѣльцевъ, мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ. Выходцамъ „Ордынскимъ отправлять свою службу, какъ и въ старину бы„вало“ (симъ именемъ означались Татары, коимъ наши Князья дозволяли селиться въ Россійскихъ городахъ). „Если буду „чего искать на твоемъ Бояринѣ или ты на моемъ, то судить „его моему и твоему чиновнику вмѣстѣ; а въ случаѣ несо„гласія между ими рѣшить тяжбу судомъ Третейскимъ. Ты, „меньшій братъ, участвуй въ моихъ походахъ воинскихъ, „имѣя подъ Княжескими знаменами всѣхъ Бояръ и слугъ „своихъ, за что во время службы твоей будешь получать отъ „меня жалованье“.—Отнимая Удѣлы свойственниковъ дальнихъ, Великій Князь не хотѣлъ поступить такъ съ ближнимъ, и Княженіе Московское оставалось еще раздробленнымъ.

Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ Ханъ смѣнялъ другаго: преемникъ Мурутовъ, Азисъ, думалъ также низвергнуть Кали-

г. 1364 тина внука, и Димитрій Константиновичь снова получилъ Ханскую грамоту на Великое Княженіе, привезенную къ нему изъ Орды весною сыномъ его, Василіемъ, и Татарскимъ Вельможею Урусмандомъ; но сей Князь, видя слабость свою, далъ знать Димитрію Московскому, что предпочитаетъ его дружбу милости Азиса, и навѣки отказывается отъ достоинства Вели-
г. 1365. кокняжескаго. Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель; однакожь Димитрій Іоанновичь изъявилъ ему за то благодарность. Андрей Константиновичь преставился въ Нижнемъ (4): желая наслѣдовать сію область, и свѣдавъ, что она уже занята меньшимъ братомъ его, Борисомъ, Князь Суздальскій прибѣгнулъ къ Московскому. Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ еще не перемѣнилось: Св. Сергій, Игуменъ пустынной Троицкой Обители, былъ вызванъ изъ глубины лѣсовъ и посланъ объявить Владѣтелю Нижегородскому, чтобы онъ ѣхалъ судиться съ братомъ къ Димитрію Іоанновичу. Борисъ, утвержденный между тѣмъ на престолѣ Ханскою грамотою, отвѣтствовалъ, что Князей судитъ Богъ. Исполняя данное ему отъ Митрополита повелѣніе, Сергій затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ; но и сія духовная казнь не имѣла дѣйствія. Надлежало привести въ движеніе сильную рать Московскую:
Умиреніе Князя Нижегородскаго. Димитрій Суздальскій предводительствовалъ сію. Тогда Борисъ увидѣлъ необходимость повиноваться: выѣхалъ на встрѣчу къ брату, уступилъ ему Нижній и согласился взять одинъ Городецъ; а Великій Князь, благодѣяніемъ привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича, женился послѣ на его дочери,
г. 1365-1367. Евдокіи: свадьбу праздновали въ Коломнѣ со всѣми пышными обрядами тогдашняго времени.

Язва. Сіе происшествіе случилось въ годъ ужасный для Москвы. Язва, описанная нами въ княженіе Симеоново, вторично посѣтила Россію. Во Псковѣ она возобновилась черезъ 8 лѣтъ (и Князь Изборскій, Евстафій, съ двумя сыновьями былъ ея жертвою), а въ 1364 году купцы и путешественники завезли оную изъ Бездежа въ Нижній Новгородъ, въ Коломну, въ Переславль, гдѣ умирало въ день отъ 20 до 100

человѣкъ (5). Лѣтописцы говорятъ о свойствѣ и признакахъ болѣзни такимъ образомъ: „Вдругъ ударитъ какъ ножемъ въ „сердце, въ лопатку, или между плечами; огонь пылаетъ „внутри; кровь течетъ горломъ; выступаетъ сильный потъ и „начинается дрожь. У другихъ дѣлаются желѣзы, на шеѣ, „бедрѣ, подъ скулою, пазухою, или за лопаткою. Слѣдствіе „одно: смерть неизбѣжная, скорая, но мучительная. Не успѣ„вали хоронить тѣлъ; едва десять здоровыхъ приходилось на „сто больныхъ; несчастные издыхали безъ всякой помощи. „Въ одну могилу зарывали семь, восемь и болѣе труповъ. „Многіе домы совсѣмъ опустѣли; въ иныхъ осталось по од„ному младенцу“. Въ 1365 году зараза открылась въ Ростовѣ, Твери, Торжкѣ: въ первомъ городѣ скончались въ одно время Князь Константинъ Васильевичь, его супруга, Епископъ Петръ, а во второмъ вдовствующая Княгиня Александра Михайловича съ тремя сыновьями, Всеволодомъ Холмскимъ, Андреемъ, Владиміромъ,—ихъ жены, также супруга и сынъ Константина Михайловича, Симеонъ, множество Вельможъ и купцевъ. Въ 1366 году и Москва испытала то же бѣдствіе. Сія жестокая язва нѣсколько разъ проходила и возвращалась. Въ Смоленскѣ она свирѣпствовала три раза: наконецъ (въ 1387 году) осталось въ немъ только пять человѣкъ, которые, по словамъ лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами.

Москва не за долго до язвы претерпѣла и другое несчастіе: пожаръ, какого еще не бывало, и который слыветъ въ лѣтописяхъ *великимъ пожаромъ Всесвятскимъ*, ибо на- Великій пожаръ
чался церковію Всѣхъ Святыхъ (6). Сей городъ раздѣлялся тогда на *Кремль*, *Посадъ*, *Загородье* и *Заръчье*: въ два часа или менѣе огонь, развѣваемый ужасною бурею, истребилъ ихъ совершенно. Многіе Бояре и купцы не спасли ничего изъ своего имѣнія.—Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, Великій Князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и съ Боярами, рѣшился построить *каменный Кремль*, и заложилъ его весною въ 1367 году. Каменный Кремль
Надлежало, не упуская времени, брать мѣры для безопасности

отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ: могли ли они добровольно отказаться отъ господства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость? Мурза Ординскій, Тагай, властвуя въ землѣ Мордовской или въ окрестностяхъ Наровчата, выжегъ нынѣшнюю Рязань: Олегъ соединился съ Владиміромъ Димитріевичемъ Пронскимъ и съ Княземъ Титомъ Козельскимъ (однимъ изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго), настигъ и разбилъ Тагая въ сраженіи кровопролитномъ. Столь же счастливо Димитрій Нижегородскій съ братомъ своимъ, Борисомъ, наказалъ другаго сильнаго Могольскаго хищника, Булатъ-Темира. Сей Мурза, овладѣвъ теченіемъ Волги, разорилъ Борисовы села въ ея окрестностяхъ, но бѣжалъ отъ нашихъ Князей за рѣку Пьяну; многіе Татары утонули въ ней или были истреблены Россіянами; а самъ Булатъ-Темиръ ушелъ въ Орду, гдѣ Ханъ Азисъ велѣлъ его умертвить (7).—Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія.

Частныя побѣды надъ Могола-ми.

г. 1367.

Великій Князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство Новогородцевъ возбудило его негодованіе: многіе изъ нихъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли тогда цѣлые полки, и, безъ всякаго сношенія съ Правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Такъ они (въ 1364 году) ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря съ молодымъ Вождемъ Александромъ Обакуновичемъ и сражались не только съ иноплеменными Сибирскими народами, но и съ своими Двинянами. Сей же Александръ и другіе смѣльчаки отправились внизъ по Волгѣ на 150 лодкахъ (8); умертвили въ Нижнемъ великое число Татаръ, Армянъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ; взяли ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи и возвратились въ отчизну, хвалясь успѣхомъ и добычею. Узнавъ о томъ, Великій Князь объявилъ гнѣвъ Новогородцамъ; велѣлъ захватить ихъ чиновника въ Вологдѣ, ѣхавшаго изъ Двинской области и сказать имъ, что они поступаютъ какъ разбойники, и что купцы иноземные находятся въ Россіи подъ защитою Госу-

Разбои Новогородской вольницы.

даря. Правительство, извиняясь невѣдѣніемъ, нашло способъ умилостивить Димитрія.

Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ Князей. Василій Михайловичь Кашинскій, долговременный непріятель Всеволода Холмскаго, ссорился и съ братомъ его, Михаиломъ Александровичемъ (княжившимъ прежде въ Микулинѣ) за область умершаго Симеона Константиновича. Дядя хотѣлъ быть Главою Княженія; а племянникъ доказывалъ, что онъ, будучи сыномъ брата старшаго, есть наслѣдникъ его правъ и властелинъ всѣхъ частныхъ Удѣловъ (9). Они хотѣли рѣшить тяжбу судомъ духовнымъ: уполномоченный для того Митрополитомъ, Тверскій Епископъ обвинилъ дядю, но долженствовалъ самъ ѣхать въ Москву для отвѣта: ибо Василій и братъ Симеоновъ, Іеремій Константиновичь, жаловались на его несправедливость Святому Алексію. Сіе дѣло казалось неважнымъ: открылись слѣдствія несчастныя для Твери и Москвы. Юноша Михаилъ имѣлъ достоинства, властолюбіе и сильнаго покровителя въ знаменитомъ Ольгердѣ Литовскомъ, женатомъ на его сестрѣ. Зная, что Великій Князь и Митрополитъ держатъ сторону Васильеву — зная также намѣреніе перваго господствовать самодержавно надъ всею Россіею — Михаилъ уѣхалъ въ Литву. Пользуясь его отсутствіемъ, Василій и Іеремій гнали усердныхъ къ нему Бояръ, и предводительствуя данною имъ отъ Димитрія Московскою ратію, опустошили Михайлову область, въ надеждѣ, что онъ не дерзнетъ возвратиться. Но Михаилъ спѣшилъ отмстить дядѣ и брату, ведя съ собою войско Литовское; взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку, и думалъ осадить Кашинъ, гдѣ заключился Василій; однакожь Епископъ примирилъ ихъ, съ условіемъ, что дядя уступитъ старѣйшинство племяннику, и будетъ довольствоваться областію Кашинскою. Междоусобія Тверскихъ Князей.

Князь Московскій участвовалъ въ семъ мирѣ и подтвердилъ его. Но прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила — который назвался *Великимъ Княземъ Тверскимъ* (10), и хотѣлъ возстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, какъ вѣроятно, наученный, Іеремій Константиновичь пріѣхалъ къ Димитрію съ новыми

жалобами, требуя, чтобы онъ взялъ на себя распорядить Удѣлы въ Твери. Михаила позвали въ Москву дружелюбно и ласково: самъ Св. Алексій обнадежилъ его въ безопасности, увѣряя, что судъ Великаго Князя навсегда утвердитъ тишину въ Тверскихъ владѣніяхъ. Слово Митрополита и святость гостепріимства не дозволяли страшиться обмана. Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными Вельможами Москов-
г. 1368. скими: онъ въѣхалъ гостемъ, но сдѣлался невольникомъ. Нарядили Третейскій судъ; хотѣли предписывать законы Михаилу; удалили отъ него Бояръ Тверскихъ, и содержали ихъ какъ плѣнниковъ въ разныхъ домахъ съ Княземъ. Обманъ недостойный Правителей мудрыхъ! и виновники не воспользовались онымъ. Лѣтописцы говорятъ, что прибытіе Ханскаго Вельможи, Карача, заставило совѣтниковъ Димитріевыхъ освободить утѣсненнаго Князя: сей Мурза, какъ вѣроятно, вступился за него; вѣроятно и то, что Св. Алексій, невольно вовлеченный въ дѣло противное совѣсти, удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго насилія. Михаилъ спѣшилъ удалиться, громогласно обвиняя Димитрія и Митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольнымъ и не жаловаться! Онъ уступилъ, безъ сомнѣнія также невольно, Городокъ или область Симеона Константиновича, Князю Іеремію, съ коимъ отправился туда чиновникъ Московскій.

Надлежало довершить оружіемъ, что начали коварствомъ. Василій Кашинскій умеръ ([11]): Великій Князь, какъ бы желая только защитить сына его, Михаила, отъ притѣсненій, послалъ войско въ Тверь; а Михаилъ Александровичь ушелъ къ Ольгерду. Сей Литовскій Государь, болѣе двадцати лѣтъ воюя непрестанно съ Нѣмецкимъ Орденомъ, съ Поляками, Россіянами, купилъ славу Героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ: равнодушно смотрѣлъ на изнуреніе своихъ подданныхъ, и бодрый въ лѣтахъ старости, все еще искалъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1363 году онъ ходилъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ, или въ Подолію, и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три Орды Могольскія ([12]); разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды; опустошилъ

Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей, и похитилъ церковныя сокровища: съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Походъ къ берегамъ Чернаго моря не препятствовалъ Ольгерду безпокоить Россію: Военачальники его взяли Ржевъ, а сынъ, Андрей Полоцкій (въ 1368 году), старался овладѣть другими пограничными мѣстами нашими. Россіяне также дѣйствовали наступательно, и юный Князь Владиміръ Андреевичъ ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, изгнавъ Литву изъ города Ржева. Въ сихъ обстоятельствахъ Ольгердъ долженъ былъ ревностно вступиться за шурина, который предлагалъ ему итти прямо къ Москвѣ и смирить дерзкаго юношу, уже столь рѣшительнаго въ замыслахъ самовластія. Собравъ многочисленные полки, онъ выступилъ къ предѣламъ Россіи съ братомъ Кестутіемъ, также посѣдѣвшимъ въ битвахъ, и съ сыномъ его, отрокомъ Витовтомъ, будущимъ Героемъ, грознымъ для всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что Кестутій, возвращаясь однажды съ войскомъ изъ Пруссіи, увидѣлъ въ Полонгѣ красавицу, именемъ Бириту, и влюбился въ нее: давъ идоламъ своимъ обѣтъ вѣчно сохранить дѣвство и за то слывя богинею въ народѣ, она не хотѣла быть женою храбраго Князя; но Кестутій насильно сочетался съ нею бракомъ. Отъ сей Бириты родился знаменитый Витовтъ.

Запустѣніе Херсона.

Нашествіе Литвы.

Князь Смоленскій, добровольно или принужденно, соединилъ дружину свою съ полками Литовскими, которые шли, не зная, куда: ибо Ольгердъ умѣлъ хранить тайну въ важныхъ предпріятіяхъ, чтобы нападать внезапно, и любилъ побѣждать хитростію еще болѣе, нежели силою ([13]). Онъ былъ окруженъ Россіянами и купцами иноземными; но цѣль его похода оставалась неизвѣстною въ Москвѣ до самаго того времени, какъ сей завоеватель приближался къ нашимъ границамъ. Изумленный Великій Князь отправилъ гонцевъ во всѣ области для собранія войска, и желая остановить стремленіе непріятеля, велѣлъ Боярину, Димитрію Минину, итти

впередъ съ одними полками Московскими, Коломенскими и Дмитровскими. Вторымъ начальникомъ былъ Воевода Князя Владиміра Андреевича, именемъ Іакинѳъ Шуба. Уже Ольгердъ какъ левъ свирѣпствовалъ въ Россійскихъ владѣніяхъ: не уступая Моголамъ въ жестокости, хваталъ безоруженыхъ въ плѣнъ, жегъ города; убилъ Князя Стародубскаго, Симеона Димитріевича Кропиву, а въ Оболенскѣ Князя Константина Юрьевича, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго ([14]), и близъ Тростенскаго озера ударилъ всѣми силами на Воеводу Минина. Многіе наши Князья, Бояре легли на мѣстѣ, и полки Московскіе были истреблены совершенно. Ольгердъ, истязая плѣнниковъ, спрашивалъ: гдѣ Великій Князь? и есть ли у него войско? Всѣ отвѣтствовали единогласно, что Димитрій въ столицѣ и еще не успѣлъ соединить силъ своихъ. Побѣдитель спѣшилъ къ Москвѣ, гдѣ Великій Князь съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, съ Митрополитомъ Алексіемъ, со всѣми знаменитѣйшими людьми затворился въ Кремлѣ, велѣвъ обратить въ пепелъ окрестныя зданія ([15]). Три дни Ольгердъ стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его, а зимніе морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстію и множествомъ плѣнниковъ, онъ удалился, гоня передъ собою стада и табуны, отнятые у земледѣльцевъ и городскихъ жителей; вышелъ изъ Россіи, и хвалился тѣмъ, что она долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ въ ней опустошеній. Въ самомъ дѣлѣ Великое Княжество не видало подобныхъ ужасовъ въ теченіе сорока лѣтъ, или со временъ Калиты, и свѣдало, что не одни Татары могутъ разрушать Государства.

Ноября 21.

Какъ скоро сія буря миновалась, Великій Князь отправилъ брата, Владиміра Андреевича, защитить Псковитянъ отъ Нѣмцевъ. Оскорбленные убіеніемъ нѣкоторыхъ Россіянъ на границахъ Ливоніи въ мирное время, Псковитяне (въ 1362 году) остановили у себя гостей Нѣмецкихъ, а жители Дерпта Новогородскихъ ([16]). Были съѣзды и переговоры. Новгородъ посылалъ Бояръ своихъ въ Дерптъ: наконецъ съ обѣихъ сторонъ задер-

Война съ Орденомъ.

жанныхъ купцамъ дали свободу; однакожь Псковитяне взяли съ Нѣмцевъ не мало серебра за ихъ вѣроломство, и не могли долго ужиться съ ними въ мирѣ. Открылась новая ссора за границы: Посолъ отъ Великаго Князя ѣздилъ въ Дерптъ, и не успѣлъ ни въ чемъ. Въ слѣдъ за нимъ явилось войско Нѣмецкое, предводимое Магистромъ Вильгельмомъ Фреймерзеномъ, Архіепископомъ Фромгольдомъ и многими Коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки подъ его стѣнами и ночью ушло. „Къ несчастію“ (говоритъ тамошній Лѣтописецъ), „Князь Александръ и главные чиновники наши были въ разъ„ѣздѣ по селамъ, а мы ссорились съ Новымгородомъ“. Прибытіе Князя Владиміра Андреевича возстановило согласіе между ими; съ того времени Новогородцы дѣйствовали за-одно со своими братьями, Псковитянами: принудили Нѣмцевъ бѣжать отъ г. 1369. Изборска и вторично отъ Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузенъ, и (въ 1371 году) заключили съ Орденомъ миръ.

Потрясенная нашествіемъ Литвы Москва имѣла нужду въ отдохновеніи: Великій Князь возвратилъ Михаилу спорную г. 1370. 1371. область Симеона Константиновича; но не замедлилъ снова объявить ему войну: принудилъ его вторично бѣжать въ Литву, взялъ Зубцевъ, Микулинъ, и плѣнилъ множество людей, чтобы ослабить Державу опаснаго противника. Раздраженный бѣдствіемъ своего невиннаго народа, Михаилъ вздумалъ свергнуть Димитрія посредствомъ Татаръ ([17]). Уже Мамай силою или хитростію Сила Мамая соединилъ такъ называемую *Золотую* или Сарайскую Орду, гдѣ царствовалъ Азисъ, и свою Волжскую; объявилъ Ханомъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ. Вѣроятно, что онъ былъ недоволенъ Димитріемъ, или находясь въ дружелюбномъ сношеніи съ Ольгердомъ, хотѣлъ угодить ему; по крайней мѣрѣ, выслушавъ благосклонно Михаила, далъ ему грамоту на санъ Великаго Князя: Посолъ Ханскій долженствовалъ ѣхать съ нимъ въ Владиміръ. Но времена безмолвнаго повиновенія миновались: конные отряды Московскіе спѣшили занять всѣ пути, чтобы схватить Тверскаго Князя, и Михаилъ, ими гонимый изъ мѣста въ мѣсто, едва могъ пробраться въ Вильну.

Одержавъ побѣду надъ Крестоносцами Нѣмецкими, сѣдый Ольгердъ наслаждался или скучалъ тогда миромъ. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрій сдѣлалъ Литвѣ новую, чувствительную досаду, посылавъ Воеводъ Московскихъ осаждать Брянскъ и тревожить владѣнія союзника ея, Князя Смоленскаго ([18]). Ольгердъ рѣшился вторично итти къ Москвѣ, какъ скоро болота и рѣки замерзли отъ перваго холода зимняго. Нѣсколько тысячь земледѣльцевъ шли впереди, прокладывая прямыя дороги. Войско не останавливалось почти ни днемъ, ни ночью; не смѣло ни грабить, ни жечь селеній, чтобы не тратить времени, и въ исходѣ Ноября приступило къ Волоку Ламскому, гдѣ начальствовалъ храбрый, опытный мужъ, Василій Ивановичь Березуйскій, одинъ изъ Князей Смоленскихъ, вѣрный слуга Димитріевъ. Три дни бились подъ стѣнами, и рать многочисленная не могла одолѣть упорства осажденныхъ, такъ, что Ольгердъ, потерявъ терпѣніе, съ досадою удалился отъ ничтожной деревянной крѣпости: ибо время казалось ему дорого. Но Россіяне оплакивали своего знаменитаго начальника: непріятельскій воинъ скрылся во рву, и видя Князя Березуйскаго стоящаго передъ городскими воротами, ударилъ его сквозь мостъ копіемъ. Сей вѣрный сынъ отечества, довольный спасеніемъ города, посвятилъ Небу послѣднія минуты жизни: онъ скончался Монахомъ.

Вторичное нашествіе Ольгерда.

6 Декабря Ольгердъ и правая рука его, мужественный Кестутій, расположились станомъ близъ Москвы; съ ними былъ и Князь Смоленскій Святославъ. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада, и вторично не дерзнули приступить къ Кремлю, гдѣ самъ Димитрій начальствовалъ: Митрополитъ Алексій находился тогда въ Нижнемъ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію народа, всегда ободряемаго въ опасностяхъ присутствіемъ Святителя. Но Великій Князь и Бояре, предвидя слѣдствіе взятыхъ ими мѣръ, спокойно ожидали онаго. Братъ Димитріевъ, Владиміръ Андреевичь, стоялъ въ Перемышлѣ съ сильными полками, готовый ударить на Литовцевъ съ тылу; а Князь Владиміръ Димитріевичъ Прон-

скій волъ къ Москвѣ Рязанское войско. Ольгердъ устрашился, и требовалъ мира; увѣряя, что не любя кровопролитія, желаетъ быть *вѣчно* нашимъ другомъ, и въ залогъ искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за Князя Владиміра Андреевича. Великій Князь охотно заключилъ съ нимъ *перемиріе* до Іюля мѣсяца ([19]). Не смотря на то, сей коварный старецъ шелъ назадъ съ величайшею осторожностію, боясь тайныхъ засадъ и погони: столь мало вѣрилъ онъ святости государственныхъ договоровъ и чести народа, имѣвшаго причину ненавидѣть его, какъ жестокаго злодѣя Россіи!

Не только страхъ быть окруженнымъ полками Россійскими, но и другія обстоятельства вселяли въ Ольгерда сіе нетерпѣливое желаніе мира: а именно, новые непріятельскіе замыслы Нѣмецкаго Ордена, о коихъ слегка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледѣльцамъ убрать хлѣба; въ Декабрѣ и Генварѣ было удивительное тепло: въ началѣ же Февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлѣбъ, осенью засыпанный снѣгомъ. Сія оттепель, испорченныя дороги, разлитіе рѣкъ и трудность доставать съѣстные припасы могли имѣть гибельныя слѣдствія для войска въ землѣ непріятельской.—Однимъ словомъ, Ольгердъ, думая только о себѣ, забылъ пользу своего шурина и не включилъ его въ договоръ мирный.

Оставленный зятемъ, Михаилъ вторично обратился къ Мамаю и выѣхалъ изъ Орды съ новымъ ярлыкомъ на Великое Княженіе Владимірское. Ханъ предлагалъ ему даже войско; но сей Князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опустошенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только Ханскаго Посла, именемъ Сарыхожу, съ собою ([20]). Узнавъ о томъ, Димитрій во всѣхъ городахъ Великаго Княжества обязалъ Бояръ и чернь клятвою быть ему вѣрными, и вступилъ съ войскомъ въ Переяславль Залѣсскій. Тщетно врагъ его надѣялся преклонить къ себѣ гражданъ Владимірскихъ; они единодушно сказали ему: „У насъ есть Государь законный; иного не вѣдаемъ“. Тщетно

г. 1371.

Благоразуміе Михаила Тверскаго

Сарыхожа звалъ Димитрія въ Владиміръ слушать грамоту Хана: Великій Князь отвѣтствовалъ: „къ ярлыку не ѣду, „Михаила въ столицу не впускаю, а тебѣ, Послу, даю путь свободный“. Наконецъ сей Вельможа Татарскій, вручивъ ярлыкъ Михаилу, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, осыпанный дарами и честію, пируя съ Князьями, съ Боярами, славилъ Димитріево благонравіе. Михаилъ же, видя свое безсиліе, возвратился съ Мологи въ Тверь и разорилъ часть сосѣдственныхъ областей Великокняжескихъ.

Между тѣмъ грамота Ханская оставалась еще въ его рукахъ: сильный Мамай не могъ простить Димитрію двукратное ослушаніе, имѣя тогда войско готовое ко впаденію въ Россію, къ убійствамъ и грабежу. Великій Князь долго совѣтовался съ Боярами и съ Митрополитомъ; надлежало или немедленно возстать на Татаръ, или прибѣгнуть къ старинному уничиженію, къ дарамъ и лести. Успѣхъ великодушной смѣлости казался еще сомнительнымъ: избрали второе средство, и Димитрій—безъ сомнѣнія зная расположеніе Мамаево—рѣшился ѣхать въ Орду, утвержденный въ семъ намѣреніи Моголомъ Сырыхожею, который взялся предупредить Хана въ его пользу. Народъ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый Государь будетъ имѣть въ Ордѣ участь Михаила Ярославича Тверскаго, и что коварный Сарыхожа, подобно злодѣю Кавгадыю, готовитъ ему вѣрную гибель. По крайней мѣрѣ никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ. Митрополитъ Алексій провожалъ его до береговъ Оки: тамъ усердно молился Всевышнему, благословилъ Димитрія, Бояръ, воиновъ, всѣхъ Княжескихъ спутниковъ, и торжественно поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь Государя добраго ([21]); онъ самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности: но присутствіе его было нужно въ Москвѣ, гдѣ оставался Совѣтъ Боярскій, который уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ Литовскими Послами, въ слѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за Князя Владиміра Андреевича: свадьба совершилась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Любовь народная къ Димитрію.

Іюня 15.

Съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; суевѣріе, устрашенное необыкновенными явленіями естественными, предвѣщало народу государственное бѣдствіе. Въ солнцѣ видны были черныя мѣста, подобныя гвоздямъ, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днемъ въ двухъ саженяхъ не льзя было разглядѣть лица человѣческаго; птицы, не смѣя летать, станицами ходили по землѣ ([22]). Сія тьма продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Луга и поля совершенно изсохли; скотъ умиралъ; бѣдные люди не могли за дороговизною купить хлѣба. Печальное уныніе царствовало въ областяхъ Великокняжескихъ: думая воспользоваться онымъ, Михаилъ Тверскій хотѣлъ завоевать Кострому; однакожь взялъ одну Мологу, обративъ въ пепелъ Угличь и Бѣжецкъ. Знаменія.

Въ исходѣ осени усердные Москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего Князя: Ханъ, Царицы, Вельможи Ордынскіе и въ особенности Темникъ Мамай, не предвидя въ немъ будущаго грознаго сопротивника, приняли Димитрія съ ласкою; утвердили его на Великомъ Княженіи, согласились брать съ онаго дань гораздо умѣреннѣйшую прежней и велѣли сказать Михаилу: „мы хотѣли силою оружія возве„сти тебя на престолъ Владимірскій; но ты отвергнулъ наше „предложеніе, въ надеждѣ на собственное могущество: ищи же покровителей, гдѣ хочешь“ ([23])! Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу Князей Московскихъ и тѣмъ дороже цѣнили покорность Димитрія. Въ Ордѣ находился сынъ Михаиловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, коими Михаилъ былъ долженъ Царю. Димитрій, желая имѣть столь важный залогъ въ рукахъ своихъ, выкупилъ Іоанна и привезъ съ собою въ Москву, гдѣ сей юный Князь жилъ нѣсколько времени въ домѣ у Митрополита; но согласно съ правилами чести, былъ освобожденъ, какъ скоро отецъ заплатилъ Димитрію означенное количество серебра; Михаилъ же оставался непріятелемъ Великаго Князя: Воеводы Московскіе, убивъ въ Бѣжецкѣ Намѣстника Михаилова, опустошили границы Тверскія. Возвращеніе Великаго Князя изъ Орды.

Тогда явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола Владимірскаго, однакожь

всѣми силами противоборствовалъ его системѣ Единовластія, ненавистной для Удѣльныхъ Князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе унизить гордость сего Князя, и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что Рязанцы ходили даже помогать Москвѣ, тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татаръ, Великій Князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу, неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями. Воевода, Димитрій Михайловичъ Волынскій, съ сильною ратію Московскою вступили въ Олегову землю, и встрѣтился съ полками сего Князя, не менѣе многочисленными, и столь увѣренными въ побѣдѣ, что они съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ противниковъ. „Друзья!“ говорили Рязанцы между собою: „намъ „нужны не щиты и не копья, а только одне веревки, чтобы „вязать плѣнниковъ, слабыхъ, боязливыхъ Москвитянъ“. *Рязанцы*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *бывали искони горды и суровы*: суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* Москвитяне, устроенные Вождемъ искуснымъ, побили ихъ на голову ([21]) Олегъ едва ушелъ. Великій Князь отдалъ Рязань Владиміру Димитріевичу Пронскому, согласному зависѣть отъ его верховной власти. Но симъ не кончилась исторія Олегова: любимый народомъ, онъ скоро изгналъ Владиміра и снова завоевалъ всѣ свои области; а Димитрій, встревоженный иными, опаснѣйшими врагами, примирился съ нимъ до времени.

Война съ Олегомъ.

г. 1372.

Михаилъ, все еще имѣя тѣсную связь съ Литвою, всячески убѣждалъ Ольгерда дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Великаго Князя, безъ сомнѣнія представляя ему, что время укрѣпитъ Димитрія въ мужествѣ и властолюбіи; что сей Государь, столь еще юный, рано или поздно отмститъ ему за двукратную осаду Москвы, и захочетъ возвратить отечеству прекрасныя земли, отторженныя Литвою отъ Россіи; что надобно низвергнуть опаснаго непріятеля или по крайней мѣрѣ частыми нападеніями ослаблять его силу. *Вѣчный миръ*, клятвенно утвержденный въ Москвѣ Литовскими Послами, и

новый брачный союзъ съ Домомъ ея Князей произвели единственно то, что Ольгердъ не захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, а послалъ Кестутія, Витовта, Андрея, сына своего, и Князя Димитрія Друцкаго разорять наше отечество. Не уступая брату ни въ скорости, ни въ тайнѣ воинскихъ замысловъ, Кестутій весною осадилъ Переславль, столь внезапно, что схватилъ многихъ земледѣльцевъ на поляхъ и Бояръ, выѣхавшихъ въ села для хозяйственныхъ распоряженій. Въ такое время, когда едва сошелъ снѣгъ и глубокія рѣки находились въ полномъ разливѣ, никто не ожидалъ непріятеля внутри Россіи. Впрочемъ сіе Литовское вторженіе было однимъ быстрымъ набѣгомъ: Кестутій выжегъ предмѣстіе, но снялъ осаду и соединился съ войскомъ Михаила, который опустошилъ села вокругъ Дмитрова, взявъ окупъ съ города ([25]). Обѣ рати двинулись къ Кашину; истребили селенія вокругъ его и также взяли дань съ гражданъ, а Князя Михаила Васильевича, преданнаго Димитрію, обязали клятвою быть подвластнымъ Тверскому. На возвратномъ пути Литовцы злодѣйствовали и въ самыхъ владѣніяхъ ихъ союзника; Михаилъ же, оставивъ Намѣстниковъ въ Торжкѣ, величалъ себя побѣдителемъ. Новое вторженіе Литвы. Апрѣля 6.

Но побѣда еще ожидала его. Не зная, кто останется Главою Россіи, Михаилъ или Димитрій, Новогородцы (въ 1370 году) дали на себя грамоту первому, обѣщая ему повиноваться какъ своему законному Властителю, *если* Ханъ утвердитъ его въ Великокняжескомъ достоинствѣ. Когда же Димитрій возвратился изъ Орды съ Царскою милостію, тогда они заключили съ нимъ договоръ противиться общими силами Михаилу, Литвѣ и Рижскимъ Нѣмцамъ: Великій Князь обязывался самолично предводительствовать войскомъ или прислать къ нимъ брата, Владиміра Андреевича ([26]). Свѣдавъ, что Михаилъ занялъ Торжекъ, Новогородцы спѣшили выгнать оттуда его Намѣстниковъ, ограбили всѣхъ купцевъ Тверскихъ и взяли съ жителей клятву быть вѣрными ихъ древнему Правительству. Немедленно обступивъ Торжекъ, Михаилъ требовалъ, чтобы виновники сего насилія и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли къ себѣ Тверскаго Намѣст- Междоусобіе. Маія 31

ника. Бояре Новогородскіе отвѣтствовали надменно; сѣли на коней и выѣхали въ поле съ гражданами (27). Мужество и число Тверитянъ рѣшили битву: смѣлый Воевода Новогородскій, Александръ Абакумовичь, побѣдитель Сибирскихъ народовъ, и знаменитые товарищи его пали мертвые въ первой схваткѣ; другіе бѣжали, и не спаслися: конница Михаилова топтала ихъ трупы, и Князь, озлобленный жителями, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія обратились въ пепелъ, монастыри и церкви, кромѣ трехъ каменныхъ; множество людей сгорѣло или утонуло въ Тверцѣ, и побѣдители не знали мѣры въ свирѣпости: обдирали до-нага женъ, дѣвицъ, монахинь; не оставили на образахъ ни одного золотаго, ни серебрянаго оклада, и съ толпами плѣнныхъ удалились отъ горестнаго пепелища, наполнивъ 5 скудельницъ мертвыми тѣлами. Лѣтописцы говорятъ, что злодѣйства Батыевы въ Торжкѣ не были такъ памятны, какъ Михаиловы.

Совершивъ сей подвигъ, Тверскій Князь готовился къ важнѣйшему. Набѣгъ Кестутіевъ, прервавъ мирную связь между Литвою и Россіею, долженствовалъ имѣть слѣдствіе, и старецъ Ольгердъ хотѣлъ предупредить Димитрія: зная твердо путь къ его столицѣ, со многочисленнымъ войскомъ устремился къ оной; шелъ по своему обыкновенію, безъ отдыха, и соединясь съ Михаиломъ близъ Калуги (28), думалъ, что Московитяне увидятъ его только на Поклонной горѣ. Но знамена Великаго Князя уже развѣвались въ полѣ: передовый отрядъ Московскій, быстро ударивъ на Ольгердовъ, гналъ бѣгущихъ до самаго ихъ главнаго войска. Россійское стало противъ Литовскаго, готовое къ бою; числомъ одно не уступало другому: надлежало одолѣть искусствомъ или храбростію. Между двумя станами находился крутый оврагъ и глубокая дебрь: ни тѣ, ни другіе не хотѣли сойти внизъ, чтобы начать битву, и нѣсколько дней миновало въ бездѣйствіи, коимъ воспользовался Ольгердъ для предложенія мира. Съ обѣихъ сторонъ желали онаго: если бы Россіяне одержали верхъ, то Литовцы, удаленные отъ своихъ границъ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгердъ побѣдилъ, то Димитрій предалъ бы ему

Третіе нашествіе Ольгерда.

Іюля 12.

Россію въ жертву. Первый имѣлъ выгоду опытности; но самая сія опытность не позволяла ему вѣрить слѣпому случаю, отъ коего не рѣдко зависитъ успѣхъ или бѣдствіе на войнѣ. Зная же, что такъ называемый *вѣчный* миръ есть пустое слово, они заключили единственно перемиріе отъ 1 Августа до 29 Октября, и Вельможи Литовскіе именемъ Ольгерда, Кестутія и союзника ихъ, Святослава Смоленскаго, а Бояре Россійскіе именемъ Великаго Князя и брата его, Владиміра Андреевича, написали договоръ, включивъ въ него съ одной стороны Князей Тверскаго и Брянскаго, съ другой же Рязанскихъ, названныхъ *Великими* ([29]). Главныя условія были таковы: „Нѣтъ войны между нами. Путь нашимъ Посламъ „и купцамъ вездѣ свободенъ. Князь Михаилъ долженъ воз„вратить все похищенное имъ въ областяхъ Великаго Кня„женія во время трехъ бывшихъ перемирій и вывести оттуда „своихъ Намѣстниковъ; а буде они не выѣдутъ, то Димитрій „можетъ ихъ взять подъ стражу, и самъ управиться съ Ми„хаиломъ въ случаѣ новыхъ его насилій: Ольгерду же въ „такомъ случаѣ не вступаться за шурина. Когда люди Москов„скіе, посланные въ Орду жаловаться на Князя Тверскаго, „успѣютъ въ своемъ дѣлѣ, то Димитрій поступитъ, какъ „угодно Богу и Царю: чего Ольгердъ не долженъ ставить ему „въ вину. Михаилу нѣтъ дѣла до Великаго Княженія, а „Димитрію до Твери; они вѣдаются только чрезъОсловъ.— „Князь Литовскій обязанъ возвратить Димитрію сію договорную „грамоту, буде вздумаетъ по истеченіи срока возобновить не„пріятельскія дѣйствія“.

Такимъ образомъ старецъ Ольгердъ заключилъ свои впаденія въ Россію, которыя могли бы имѣть гораздо вреднѣйшее слѣдствіе для ея цѣлости, если бы онъ нашелъ въ Димитріи менѣе бодрости и неустрашимости. Историкъ Литовскій, вмѣсто трехъ походовъ, описываетъ только одинъ, разсказывая слѣдующія обстоятельства, несогласныя съ извѣстіями нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ: „Димитрій, надменный успѣхами „своего оружія, хотѣлъ отнять у Литвы Витебскъ, Полоцкъ „и Кіевъ; прислалъ Ольгерду *кремень, огниву, саблю*, и

„велѣлъ объявить, что Россіяне намѣрены въ Свѣтлую Недѣлю „похристосоваться съ нимъ въ Вильнѣ огнемъ и желѣзомъ. „Ольгердъ немедленно выступилъ съ войскомъ въ срединѣ „Великаго поста и велъ съ собою Пословъ Димитрієвыхъ до „Можайска; тамъ отпустилъ ихъ, и давъ имъ зажженный „фитиль, сказалъ: *Отвезите его къ вашему Князю. Ему „ненужно искать меня въ Вильнѣ: я буду въ Москвѣ „съ краснымъ яйцомъ прежде, нежели этотъ фитиль „угаснетъ. Истинный воинъ не любитъ откладывать: «вздумалъ и сдѣлалъ.*— Послы спѣшили увѣдомить Димитрія „о предстоящей опасности, и нашли его въ день Пасхи иду- „щаго къ Заутренѣ; а восходящее солнце озарило на Поклон- „ной горѣ станъ Литовскій. Изумленный Великій Князь тре- „бовалъ мира: Ольгердъ благоразумно согласился на оный, „взявъ съ Россіянъ много серебра и всѣ ихъ владѣнія до „рѣки Угры. Онъ вошелъ съ Боярами Литовскими въ Кремль, „ударилъ копьемъ въ стѣну на память Москвѣ, и вручилъ «*красное яйцо* Димитрію“ ([30]). — Не говоря о хронологическихъ ошибкахъ сего Историка, замѣтимъ только: что Угра не могла быть границею между Ольгердовымъ Государствомъ и Россіею, пока Смоленскъ оставался еще Княжествомъ особеннымъ или неприсоединеннымъ къ Литвѣ.

Ольгердъ не разсудилъ за благо нарушить перемирія, и года два не безпокоилъ Россіи. Иныя опасности явились; медленно, но грозно восходила туча надъ Великимъ Княженіемъ отъ береговъ Волги. Еще Димитрій соглашался быть данникомъ Моголовъ, однакожъ не хотѣлъ терпѣть насилія съ ихъ стороны. Вопреки, можетъ быть, слову данному Ханомъ, Послы Мамаевы, пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошняго Князя, Димитрія Константиновича,

г. 1374. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. г. 1375. г. 1375. и гражданъ: сей Князь, исполняя, какъ вѣроятно, предписаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу умертвить Пословъ, съ коими находилось болѣе тысячи Мамаевыхъ воиновъ: главнаго изъ нихъ, Мурзу Сарайку, заключили въ крѣпости съ его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайкѣ, что онъ долженъ проститься съ товарищами, и что

ихъ будутъ содержать въ разныхъ домахъ. Испуганный сею вѣстію Мурза ушелъ отъ приставовъ, вбѣжалъ въ домъ Епископскій, зажегъ оный и съ помощію слугъ своихъ оборонялся: они пустили нѣсколько стрѣлъ и едва не ранили самого Суздальскаго Епископа, Діонисія; но скоро были всѣ жертвою народной злобы ([31]).

Неизвѣстно, старался ли Димитрій Константиновичь или Великій Князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ Ханскимъ: по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости, и послалъ войско опустошить предѣлы Нижегородскіе, берега Киши и Пьяны, гдѣ начальствовалъ Бояринъ Парѳеній, и гдѣ чрезъ нѣсколько дней не осталось ничего, кромѣ пепла и труповъ.

Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія, и Россійскіе мятежники взялись ему въ томъ способствовать. Мы упоминали о знаменитости Московскихъ чиновниковъ, называемыхъ Тысячскими, которые, подобно Князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобы предводительствовать ихъ людьми военными ([32]). Димитрій уничтожилъ сей важный санъ, непріятный для самовластія Государей и для Бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному. Послѣдній Московскій Тысячскій, Василій Васильевичь Вельяминовъ, умершій Схимникомъ, оставилъ сына, именемъ Ивана, хотѣвшаго, можетъ быть, заступить мѣсто отца: недовольный Великимъ Княземъ, онъ вмѣстѣ съ богатымъ купцемъ Некоматомъ ушелъ къ Михаилу Тверскому, и представилъ ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрія, чтобы отнять Владиміръ у Московскаго Князя. Отправивъ коварнаго Вельяминова и Некомата къ Хану, Михаилъ самъ ѣздилъ въ Литву, и возвратясь въ Тверь, получилъ изъ Орды грамоту на Великое Княженіе. Мамай обѣщалъ ему войско: Ольгердъ также. Не давъ имъ времени исполнить столь нужное обѣщаніе, легкомысленный Князь Тверскій объявилъ войну Димитрію, послалъ своихъ Намѣстниковъ въ Торжекъ и сильный отрядъ къ Угличу.

Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ.

Война съ Тверскимъ Княземъ.

Великій Князь оказалъ дѣятельность необыкновенную, предвидя, что онъ въ одно время можетъ имѣть дѣло и съ Тверитянами, и съ Литвою, и съ Моголами: гонцы его скакали изъ области въ область; полки въ слѣдъ за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинахъ Волока. — Всѣ Князья Удѣльные, или служащіе Московскому, находились подъ его знаменами: Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ; Димитрій Константиновичь Суздальскій ([33]) съ двумя братьями и сыномъ; Князья Ростовскіе, Василій и Александръ Константиновичи, съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Андреемъ Ѳеодоровичемъ; Іоаннъ Смоленскій, Василій Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичь Моложскій, Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій (*), Василій Михайловичь Кашинскій (сынъ умершаго Михаила Васильевича), Андрей Стародубскій, Романъ Михайловичь Брянскій, Романъ Симеоновичь Новосильскій Симеонъ Константиновичь Оболенскій и братъ его, Іоаннъ Торусскій. Нѣкоторые изъ сихъ Князей — на примѣръ, Смоленскій и Брянскій — не были Владѣтельными: ибо въ Смоленскѣ господствовалъ Святославъ, дядя сего Іоанна, а въ Брянскѣ сынъ Ольгердовъ. Въ Стародубѣ и Бѣлозерскѣ уже властвовали Намѣстники Московскіе ([34]). Оболенскъ, Торусса и Новосиль, древніе Удѣлы Черниговскіе въ землѣ Вятичей подобно Ярославлю, Мологѣ и Ростову, зависѣли тогда отъ Великаго Княженія; однакожь имѣли своихъ особенныхъ Владѣтелей, потомковъ Св. Михала Черниговскаго.

Димитрій, взявъ Микулинъ, 5 Августа осадилъ Тверь. Онъ велѣлъ сдѣлать два моста чрезъ Волгу, и весь городъ окружить тыномъ. Начался приступы кровопролитные. Вѣрные Тверитяне никогда не измѣняли Князьямъ своимъ: говѣли, пѣли молебны, и бились съ утра до вечера; гасили огонь, коимъ непріятель хотѣлъ обратить ихъ стѣны въ пепелъ, и разрушили множество туровъ, защиту осаждающихъ. Всѣ Михайловы области были разорены Московскими Воеводами, города взяты, люди отведены въ плѣнъ, скотъ истребленъ, хлѣбъ

(*) «Томъ IV, прим. 307» (отмѣтка историографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Росс.).

потоптанъ; ни церкви, ни монастыри не уцѣлѣли: но тверитяне мужественно умирали на стѣнахъ, повинуясь Князю и надѣясь на Бога. Осада продолжалась три недѣли: Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ Новогородцевъ, которые явились наконецъ въ его станѣ, пылая ревностію отплатить Михаилу за бѣдствіе Торжка. Еще сей Князь, видя изнеможеніе своихъ воиновъ отъ ранъ и голода, ободрялъ себя мыслію, что Ольгердъ и Кестутій избавятъ его въ крайности: Литовцы дѣйствительно шли къ нему въ помощь; но узнавъ о силѣ Димитріевой, возвратились съ пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: онъ избралъ послѣднее средство, и Владыка Евфимій со всѣми знатнѣйшими Тверскими Боярами пришелъ въ станъ къ Димитрію, требуя милости и спасенія.

Великій Князь показалъ достохвальную умѣренность, предписавъ Михаилу условія не тягостныя, согласныя съ благоразумною Политикою. Главныя изъ оныхъ были слѣдующія ([35]): „По благословенію отца нашего, Алексія Митрополита всея „Руси, ты Князь Тверскій, дай клятву за себя и за наслѣд„никовъ своихъ признавать меня *старѣйшимъ* братомъ, „никогда не искать Великаго Княженія Владимірскаго, нашей „отчины, и не принимать онаго отъ Хановъ, также и Нова„города Великаго; а мы обѣщаемся не отнимать у тебя на„слѣдственной Тверской области. Не вступайся въ Кашинъ, „отчину Князя Василія Михайловича; отпусти захваченныхъ, „Бояръ его и слугъ, также и всѣхъ нашихъ, съ ихъ достояніемъ. „Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взя„тые въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ имѣніемъ гражданъ, нынѣ сво„бодныхъ отъ данной ими тебѣ присяги: да будутъ свободны „и тѣ, кого ты закабалилъ изъ нихъ грамотами. Но предаемъ „забвенію всѣ дѣйствія нынѣшней Тверской осады: ни тебѣ, „ни мнѣ не требовать возмездія за убытки, понесенные нами „въ сей мѣсяцъ. — Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мною „одинъ человѣкъ*: не обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся.— „Откажись отъ союза съ Ольгердомъ: когда Литва объявитъ „войну Смоленскому“ —тогда уже союзнику Димитріеву— „или

„другимъ Князьямъ, нашимъ братьямъ: мы обязаны защитить „ихъ, равно какъ и тебя. Въ разсужденіи Татаръ поступай „согласно съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ ихъ; „рѣшимся ли платить имъ дань, и ты плати оную.—Когда „я и братъ мой, Князь Владиміръ Андреевичь, сядемъ на „коней, будь намъ товарищъ въ полѣ; когда пошлемъ Воеводъ, „да соединятся съ нами и твои“.

Въ другихъ статьяхъ сей договорной грамоты сказано, что Михаилъ, въ исполненіе прежнихъ условій, освободитъ всѣхъ людей Великокняжескихъ, задержанныхъ въ Твери имъ или его Боярами по долгамъ, искамъ и ручательству; что Бояре вольны отъѣхать для службы отъ Московскаго Князя къ Тверскому или отъ Тверскаго къ Московскому, но лишаются въ такомъ случаѣ своихъ жалованныхъ помѣстьевъ; что села измѣнниковъ Ивана Вельяминова и Некомата принадлежатъ Димитрію; что земли и воды Новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода; что тамошніе купцы могутъ безопасно ѣздить чрезъ области Тверскіе; что гражданинъ свободный обязанъ платить дань Князю той области, гдѣ живетъ: хотя бы и находился въ службѣ другаго, но подсуденъ единственно своему Государю; что въ дѣлахъ спорныхъ Бояре Московскіе и Тверскіе съѣзжаются для суда на границѣ, а въ случаѣ несогласія избираютъ Князя Олега Рязанскаго въ посредники; что бѣглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые Московскіе люди не платятъ въ Твери ничего, кромѣ законныхъ, издавна уставленныхъ пошлинъ; что всякой насильственный переводъ жителей изъ одной земли въ другую воспрещается, и проч. Довольный смиреніемъ гордаго соперника, Димитрій оставилъ ему всѣ права Князя независимаго и названіе *Великаго*, подобно Смоленскимъ и Рязанскимъ Князьямъ. Новогородцы же заключили особенный договоръ съ Михаиломъ, который обязался дать свободу ихъ плѣнникамъ, *Житымъ* (или нарочитымъ) и простымъ людямъ; возвратить товары, отнятые у купцевъ Новогородскихъ, возстановить древнія границы между обѣими землями, наблюдать правила

добраго сосѣдства, не стоять за бѣглыхъ рабовъ, должниковъ ([36]), и проч. —Сія междоусобная война, счастливая для Великаго Князя, была долгое время оплакиваема въ Тверскихъ областяхъ, разоренныхъ безъ милосердія: ибо воевать значило тогда свирѣпствовать, жечь и грабить. Димитрій, руководствуясь обычаемъ какъ уставомъ народнымъ, не заслужилъ упрековъ отъ современниковъ, которые напротивъ того славили его великодушіе: ибо онъ не захотѣлъ совершенно истребить Твери ([37]) и свергнуть Михаила съ наслѣдственнаго престола. Лѣтописцы тѣмъ болѣе клянутъ истинныхъ виновниковъ сего бѣдствія, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнувъ чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ Великое Княженіе, были казнены всенародно, къ устрашенію подобныхъ имъ злодѣевъ. Народъ Московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестію смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго сына, прекраснаго лицемъ, и благороднаго видомъ; она совершилась на древнемъ *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій.

Первая смертная казнь въ Москвѣ.

Великій Князь, распустивъ часть войска, послалъ другую на Болгаровъ съ Воеводою, Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, женатымъ на его сестрѣ, Аннѣ ([38]). Сей Князь — одинъ изъ потомковъ Святополка II, какъ вѣроятно, или Романа Галицкаго — выѣхавъ изъ Волыни служить Государю Московскому, усердствовалъ отличаться подвигами мужества. Казанская Болгарія, еще прежде Россіи покоренная Батыемъ, съ того времени зависѣла отъ Хановъ, и жители смѣшались съ Моголами. Мурза Булатъ-Темиръ, какъ мы упоминали, овладѣлъ ею въ 1361 году: послѣ властвовалъ тамъ Осанъ, непріятель Димитрія Константиновича Суздальскаго, сверженный имъ въ 1370 году. Взявъ съ собою Посла Ханскаго — слѣдственно дѣйствуя съ согласія Мамаева — сынъ Димитріевъ, Василій, и братъ, Князь Городецкій, ходили съ войскомъ въ Болгарію: приняли дары отъ Осана, но возвели на его мѣсто другаго Князя ([39]). Новый походъ Россіянъ въ сію землю имѣлъ важнѣйшую цѣль: Великій Князь, уже явный врагъ Моголовъ, хотѣлъ подчинить себѣ Болгарію. Сы-

г. 1376.

Походъ въ Болгарію.

Марта 16. новья Димитрія Суздальскаго соединились съ полками Московскими и приближились къ *Казани*, городу славному въ нашей Исторіи: сообщимъ любопытное преданіе о началѣ его.

Начало Казани. „Сынъ Батыевъ“ — такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою Царя Казанскаго ([40]) — „сынъ Батыевъ, именемъ Саинъ, шелъ воевать Россію, но „обезоруженный смиреніемъ и дарами ея Князей, остановился: „тутъ онъ вздумалъ завести селеніе, гдѣ бы чиновники Та„тарскіе, посылаемые для собранія дани въ наше отечество, „могли имѣть отдохновеніе. Мѣсто было изобильно, *пчелисто „и пажитно*; но страшные зміи обитали въ ономъ: сыскался „волхвъ, который обратилъ ихъ въ пепелъ. Ханъ основалъ „городъ *Казань* (что значитъ *котелъ* или *золотое дно*) и „населилъ его Болгарами, Черемисами, Вотяками, Мордвою, „ушедшими изъ областей Ростовскихъ во время крещенія земли „Русской; любилъ сіе мѣсто, гдѣ сближаются ея предѣлы съ „Болгаріею, Вяткою, Пермію, и часто самъ пріѣзжалъ туда „изъ Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновымъ „Юртомъ*“. Сей Ханъ *Саинъ* былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего Историкъ Татарскій, Абульгази, обыкновенно именуетъ *Сагиномъ* ([41]).

Казанцы встрѣтили Россіянъ въ полѣ: многіе изъ нихъ выѣхали на вельблюдахъ, думая видомъ и голосомъ сихъ животныхъ испугать нашихъ коней; другіе надѣялись произвести тоже дѣйствіе стукомъ и громомъ: но видя неустрашимость Россіянъ, побѣжали назадъ. Войско Россійское, истребивъ огнемъ села ихъ, зимовища, суда, заставило двухъ Болгарскихъ Владѣтелей, Осана и Махматъ-Салтана, покориться Великому Князю. Они дали ему и Димитрію Суздальскому 2000, а на воиновъ 3000 рублей, и приняли въ свой городъ Московскаго чиновника или таможенника ([42]): слѣдственно обязались быть данниками Россіи. Ободренная симъ успѣхомъ, она готовилась къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ Великаго Князя (ибо въ Ордѣ

снова свирѣпствовала тогда язва), однакожь не упускалъ случая вредить Россіянамъ. Сосѣды Нижегородской области, Мордва, взялись указать Моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и Царевичь, именемъ Арапша, съ береговъ Синяго или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ Ханскими полками. Димитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ Великаго Князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждавъ Моголовъ, и надѣясь, что они раздумали итти къ Нижнему, послалъ Воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ Переславскихъ, Юрьевскихъ, Муромскихъ и Ярославскихъ: Князь Димитрій Константиновичь присоединилъ къ нему Суздальцевъ подъ начальствомъ сына, Іоанна, и другаго Князя, Симеона Михайловича ([43]). Къ несчастію, умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на степи Перевозской, тѣшиться ловлею звѣрей какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили ими телеги; спустивъ одежду съ плечъ, искали прохлады; другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобы пить крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья Мордовскіе тайно подвели Арапшу, о коемъ говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности ([44]). Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на Россіянъ, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами, и неся непріятеля на плечахъ. Погибло множество воиновъ и Бояръ: Князь Симеонъ Михайловичъ былъ изрубленъ, Князь Іоаннъ Димитріевичъ утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (осуждая безразсудность Воеводъ Димитріевыхъ, древніе Россіяне говорили пословицу: за *Пьяною люди пьяны*).—

г. 1377 Нашествіе Моголовъ.

Августа 2.

Пословица.

Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею, и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новагорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: никто не думалъ обороняться. Князь Димитрій Константиновичъ ушелъ въ Суздаль; а жители спасались въ лодкахъ вверхъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить; сжегъ городъ, и такимъ образомъ наказавъ его за убіеніе Пословъ Мамаевыхъ, удалился, обремененный корыстію. Сынъ Димитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорѣлую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата, Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

Въ тоже время Моголы взяли нынѣшнюю Рязань: Князь Олегъ, изстрѣленный, обагренный кровію, едва могъ спастися. Впрочемъ они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ Аранша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія (45). Многіе Бояре и купцы лишились всего имѣнія; въ томъ числѣ Лѣтописцы именуютъ одного знаменитаго гостя, Тараса Петрова: Моголы разорили шесть его цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою; видя, что собственность въ сихъ мѣстахъ ненадежна, онъ навсегда переѣхалъ въ Москву.—Чтобы довершить бѣдствіе Нижняго Новагорода, Мордовскіе хищники по слѣдамъ Татаръ разсѣялись злодѣйствовать въ его Уѣздѣ; но Князь Борисъ Константиновичъ настигъ ихъ, когда они уже возвращались съ добычею, и потопилъ въ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы Россіянъ. Сей Князь Городецкій вмѣстѣ съ племянникомъ, Симеономъ Димитріевичемъ, и съ Воеводою Великаго Князя, Ѳеодоромъ Свибломъ, въ слѣдующую зиму опустошилъ безъ битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Онъ взялъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, также нѣкоторыхъ людей чиновныхъ, казненныхъ послѣ въ Нижнемъ. Народъ въ злобномъ остервенѣніи влачилъ ихъ по льду рѣки Волги и травилъ псами.

Сія безчеловѣчная месть снова возбудила гнѣвъ Мамаевъ на Россіянъ: ибо земля Мордовская находилась подъ властію Хана. Нижній Новгородъ, едва возникнувъ изъ пепла, вторично былъ взятъ Татарами: жители бѣжали за Волгу. — г. 1378.
Князь Димитрій Константиновичь, будучи тогда въ Городцѣ, прислалъ объявить Мамаевымъ Воеводамъ, чтобы они удовольствовались окупомъ и не дѣлали зла его Княженію. Но исполняя въ точности данное имъ повелѣніе, они хотѣли крови и развалинъ: сожгли городъ ([46]), опустошили уѣздъ, и выходя изъ нашихъ предѣловъ, соединились еще съ сильнѣйшимъ войскомъ, посланнымъ отъ Мамая на самого Великаго Князя. Іюля 24.

Димитрій Іоанновичь, свѣдавъ заблаговременно о замыслахъ непріятеля, имѣлъ время собрать полки, и встрѣтилъ Татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи. Мурза Бегичь предводительствовалъ ими. Они сами начали битву: перешли за рѣку и съ воплемъ поскакали на Россіянъ; видя же ихъ твердость, удержали своихъ коней: пускали стрѣлы; ѣхали впередъ легкою рысью. Великій Князь стоялъ въ срединѣ, поручивъ одно крыло Князю Даніилу Пронскому, а другое *Окольничему*, или ближнему Княжескому чиновнику, Тимоѳею ([47]). По данному знаку все наше войско устремилось противъ непріятеля, и дружнымъ, быстрымъ нападеніемъ рѣшило дѣло: Моголы обратили тылъ; бросая копья, бѣжали за рѣку: Россіяне кололи, рубили и топили ихъ въ Вожѣ цѣлыми тысячами. Нѣсколько именитыхъ Мурзъ находилось въ числѣ убитыхъ. Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасла остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день Великій Князь уже тщетно искалъ бѣгущаго непріятеля: нашелъ только разбросанные въ степяхъ шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненныя всякими товарами. Довольный столь блестящимъ успѣхомъ, онъ возвратился въ Москву. Сія побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною Россіянами надъ Татарами съ 1224 года, и не стоила имъ ничего, кромѣ труда убивать людей: столь измѣнился воинственный характеръ Чингисханова потомства! Юный Герой Димитрій, торжествуя оную вмѣстѣ со всѣми добрыми подданными, могъ Августа 11. Побѣда надъ Моголами.

сказать имъ словами Библіи: *Отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами* ([48])!

Мамай—истинный Властелинъ Орды, во всемъ повелѣвая Ханомъ—затрепеталъ отъ гнѣва, услышавъ о гибели своего войска; собралъ новое, и столь быстро двинулся къ Рязани, что тамошній Князь, Олегъ, не имѣлъ времени ни ждать вспоможенія отъ Великаго Князя, ни приготовиться къ отпору; бѣжалъ изъ столицы за Оку, и предалъ отечество въ жертву варварамъ. Но Мамай, кровопролитіемъ и разрушеніями удовлетворивъ первому порыву мести, не хотѣлъ итти далѣе Рязани и возвратился къ берегамъ Волги, отложивъ рѣшительный ударъ до инаго времени ([49]).

Успѣхи въ войнѣ съ Литвою.

Димитрій успѣлъ между тѣмъ смирить Литву. Славный Ольгердъ умеръ въ 1377 году, не только Христіаниномъ, но и Схимникомъ по убѣжденію его супруги, Іуліаніи, и Печерскаго Архимандрита Давыда, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ Монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ Вѣры Іисусовой. Нѣкоторые Лѣтописцы повѣствуютъ, что онъ гналъ Христіанъ и замучилъ въ Вильнѣ трехъ усердныхъ исповѣдниковъ Спасителя, включенныхъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ ([50]); но Литовскій Историкъ славитъ его терпимость, сказывая, что Ольгердъ казнилъ 500 Виленскихъ гражданъ за насильственное убіеніе семи Францисканскихъ Монаховъ и торжественно объявилъ свободу Вѣры. Смерть сего опаснаго властолюбца обѣщала спокойствіе нашимъ юго-западнымъ границамъ, тѣмъ болѣе, что она произвела въ Литвѣ междоусобіе. Любимый сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, злодѣйски умертвивъ старца Кестутія, принудилъ сына его, младаго Витовта, искать убѣжища въ Пруссіи. Андрей Ольгердовичь Полоцкій, державъ сторону дяди, ушелъ во Псковъ, далъ клятву быть вѣрнымъ другомъ Россіянъ и пріѣхалъ въ Москву служить Великому Князю. Перемиріе, заключенное съ Литвою въ 1373 году, было давно нарушено: ибо Москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржевъ ([51]).

г. 1379. Декабря 9.

Пользуясь раздоромъ его сыновей, Димитрій въ началѣ зимы отрядилъ своего брата, Владиміра Андреевича, Князей Волын-

скаго и Полоцкаго, Андрея Ольгердовича, съ сильнымъ войскомъ къ Стародубу и Трубчевску, чтобы сію древнюю собственность нашего отечества снова присоединить къ Россіи. Оба города сдалися; но Полководцы Димитріевы, какъ бы уже непризнавая тамошнихъ обитателей единокровными братьями, дозволяли воинамъ плѣнять и грабить. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андреевъ, Димитрій Ольгердовичъ: ненавидя Ягайла, онъ не хотѣлъ обнажить меча на Россіянъ, дружелюбно встрѣтилъ ихъ съ женою, съ дѣтьми, со всѣми Боярами, и предложилъ свои услуги Великому Князю, который, въ благодарность за то, отдалъ ему Переяславль Залѣсскій *съ судомъ и съ пошлиною* ([52]).—Такимъ образомъ Димитрій могъ надѣяться въ одно время и свергнуть иго Татаръ, и возвратить отечеству прекрасныя земли, отнятыя у насъ Литвою. Сія великая мысль занимала его благородную душу, когда онъ свѣдалъ о новыхъ грозныхъ движеніяхъ Орды, и долженствовалъ остановить успѣхи своего оружія въ Литвѣ, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описанія знаменитѣйшаго изъ воинскихъ подвиговъ древней Россіи предложимъ Читателю церковныя дѣла сего времени, коими Димитрій, не смотря на величайшую государственную опасность, занимался съ особенною ревностію.

Дѣла церковныя.

Еще въ 1376 году Патріархъ Филоѳей самъ собою поставилъ Кипріана, ученаго Сербина, въ Митрополиты для Россіи; но Великій Князь, негодуя на то, объявилъ, что Церковь наша, пока живъ Св. Алексій, не можетъ имѣть другаго Пастыря ([53]). Кипріанъ хотѣлъ преклонить къ себѣ Новогородцевъ, и сообщилъ имъ избирательную грамоту Филоѳееву: Архіепископъ и народъ отвѣтствовали, что воля Государя Московскаго въ семъ случаѣ должна быть для нихъ закономъ. Отверженный Россіянами, Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ и повелѣвалъ Литовскимъ Духовенствомъ, въ надеждѣ скоро заступить мѣсто Св. Алексія: ибо сей добродѣтельный старецъ уже стоялъ на прагѣ смерти. Но Великій Князь въ мысляхъ своихъ назначилъ ему инаго преемника.

Между всѣми Московскими Іереями отличался тогда Священникъ села Коломенскаго, Митяй, умомъ, знаніями, красно-

рѣчіемъ, острою памятію, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію и благородными поступками, такъ, что Димитрій избралъ его себѣ въ отцы Духовные и въ *Печатники*, то есть, ввѣрилъ ему храненіе Великокняжеской печати (54): санъ важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возвращала милость Государева къ сему человѣку, наставнику, Духовнику всѣхъ Бояръ, равно свѣдущему въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Онъ величался какъ Царь, по словамъ Лѣтописцевъ: жилъ пышно, носилъ одежды драгоцѣнныя, имѣлъ множество слугъ и Отроковъ. Прошло нѣсколько лѣтъ: Димитрій, желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую предложилъ ему заступить мѣсто Спасскаго Архимандрита, Іоанна, который въ глубокой старости посвятилъ себя тишинѣ безмолвія. Хитрый Митяй не соглашался, и былъ силою введенъ въ монастырь, гдѣ надѣли на него клобукъ Инока вмѣстѣ съ мантіею Архимандрита, къ удивленію народа, особенно къ неудовольствію духовныхъ. „Быть до обѣда бѣльцемъ“ (говорили они) „а послѣ обѣда Старѣйшиною Монаховъ есть дѣло без„примѣрное.“

Сей новый санъ открывалъ путь къ важнѣйшему. Великій Князь, предвидя близкую кончину Св. Алексія, хотѣлъ, чтобы онъ благословилъ Митяя на Митрополію. Алексій, искренній другъ смиренія, давно мыслилъ вручить Пастырскій жезлъ свой кроткому Игумену Сергію, основателю Троицкой Лавры (55): хотя Сергій, думая единственно о постѣ и молитвѣ, рѣшительно отвѣтствовалъ, что никогда не оставитъ своего мирнаго уединенія, но святый старецъ, или въ надеждѣ склонить его къ тому, или не любя гордаго Митяя (названнаго въ Иночествѣ Михаиломъ) отрекся исполнить волю Димитріеву, доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ Монашествѣ. Великій Князь просилъ, убѣждалъ Митрополита: посылалъ къ нему Бояръ и Князя Владиміра Андреевича; наконецъ успѣлъ столько, что Алексій благословилъ Митяя, какъ своего Намѣстника, прибавивъ: „*если* Богъ, Патріархъ и Вселенскій „Соборъ удостоятъ его править Россійскою Церковію“.

Св. Алексій (въ 1378 году) скончался, и Митяй, къ изумленію Духовенства, самовольно возложилъ на себѣ *бѣлый* клобукъ; надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями; взялъ посохъ, печать, казну, ризницу Митрополита; въѣхалъ въ его домъ и началъ судить дѣла церковныя самовластно. Бояре, Отроки служили ему (ибо Митрополиты имѣли тогда своихъ особенныхъ свѣтскихъ чиновниковъ), а Священники присылали въ его казну извѣстные оброки и дани (56). Онъ медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, желая, чтобы Димитрій велѣлъ прежде Святителямъ Россійскимъ поставить его въ Епископы, согласно съ уставомъ Апостольскимъ или Номоканономъ. Великій Князь призвалъ для того всѣхъ Архіереевъ въ Москву: никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться, кромѣ Діонисія Суздальскаго, съ твердостію объявившаго, что въ Россіи одинъ Митрополитъ законно ставитъ Епископовъ. Великій Князь спорилъ, и наконецъ уступилъ, къ досадѣ Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между симъ пареченнымъ Митрополитомъ и Діонисіемъ, ибо они имѣли паушниковъ, которые старались усилить ихъ вражду. „Для чего—сказалъ первый Архіерею Суздальскому—„ты до сего времени не былъ „у меня и не принялъ моего благословенія?“ Діонисій отвѣтствовалъ: „Я Епископъ, а ты Попъ: и такъ, можешь ли бла„гословлять меня?“ Митяй затрепеталъ отъ гнѣва; грозилъ, что не оставитъ Діонисія и *Попомъ*, когда возвратится изъ Царяграда, и что собственными руками споретъ скрижали съ его мантіи. Епископъ Суздальскій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать къ Патріарху; но Великій Князь приставилъ къ нему стражу. Тогда Діонисій рѣшился на безчестный обманъ: далъ клятву не думать о путешествіи въ Константинополь, и представилъ за себя порукою мужа славнаго добродѣтелію, Троицкаго Игумена Сергія; получивъ же свободу, тайно уѣхалъ въ Грецію и ввелъ невиннаго Сергія въ стыдъ (57). Сей случай ускорилъ отъѣздъ Митяя, который уже 18 мѣсяцевъ управлялъ Церковію, именуясь Намѣстникомъ. Въ знакъ особенной довѣренности Великій Князь далъ ему нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался ими въ

Константинополѣ сообразно съ обстоятельствами, или для написанія грамотъ отъ имени Димитріева, или для нужнаго займа денегъ. Самъ Государь, всѣ Бояре старѣйшіе, Епископы, проводили Митяя до Оки; въ Грецію же отправились съ нимъ 3 Архимандрита, Московскій Протопопъ Александръ, нѣсколько Игуменовъ, 6 Бояръ Митрополитскихъ, 2 переводчика и *цѣлый полкъ*, какъ говорятъ Лѣтописцы, всякаго рода людей, подъ главнымъ начальствомъ *Большаго* Великокняжескаго Боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинскаго, собственнаго Посла Димитріева. Казну и рызницу везли на телегахъ.

За предѣлами Рязанскими, въ степяхъ Половецкихъ, Митяй былъ остановленъ Татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе, получилъ отъ новаго тогдашняго Хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлыкъ ([58]), — достигъ Тавриды, и въ Генуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Уже Царьградъ открылся глазамъ Россійскихъ плавателей; но Митяй, какъ вторый Моисей (по выраженію Лѣтописца), долженствовалъ только издали видѣть цѣль своего путешествія и честолюбія: занемогъ и внезапно умеръ, можетъ быть весьма естественно; но въ такихъ случаяхъ обыкновенно раждается подозрѣніе: онъ былъ окруженъ тайными непріятелями; ибо, увѣренный въ особенной любви Великаго Князя, излишнею своею гордостію оскорблялъ и духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Тѣло его свезли на берегъ и погребли въ Галатѣ.

Вмѣсто того, чтобы увѣдомить Великаго Князя о происшедшемъ и ждать отъ него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить въ Митрополиты кого нибудь изъ бывшихъ съ ними Духовныхъ: одни хотѣли Іоанна, Архимандрита Петровскаго, который первый учредилъ въ Москвѣ общее житіе братское ([59]); а другіе Пимена, Архимандрита Переславскаго. Долго спорили: наконецъ Бояре избрали Пимена, и будучи озлоблены укоризнами Іоанна, грозившаго обличить ихъ несправедливость предъ Великимъ Княземъ, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пименъ торже-

ствовалъ, и нашедши въ ризницѣ Митяевой бѣлую хартію Димитрія, написалъ на оной письмо отъ Государя Московскаго къ Императору и Патріарху такого содержанія: „Посылая „къ вамъ Архимандрита Пимена, молю, да удостоите его „быть Митрополитомъ Россійскимъ: ибо не знаю лучшаго“. Царь и Патріархъ Нилъ изъявили сомнѣніе. „Для чего (говорили они) „Князь вашъ требуетъ новаго Митрополита, имѣя „Кипріана, поставленнаго Филоѳеемъ?“ Но Пименъ и Бояре достигли своей цѣли щедрыми дарами, посредствомъ другихъ бѣлыхъ хартій Димитріевыхъ занявъ у купцевъ Италіянскихъ и Восточныхъ столь великое количество серебра, что сей Государь долго не могъ выплатить онаго. Смягченный корыстію, Патріархъ сказалъ: „не знаю, вѣрить ли Посламъ Россій„скимъ; но совѣсть наша чиста“ — и посвятилъ Пимена въ Софійскомъ храмѣ.

Оскорбленный вѣстію о кончинѣ Митяевой, Великій Князь едва вѣрилъ самовольству Пословъ своихъ; объявилъ Пимена наглымъ хищникомъ Святительства, и призвавъ въ Москву Кипріана заступить мѣсто Св. Алексія, встрѣтилъ его съ великими почестями, съ колокольнымъ звономъ, со всѣми знаками искренняго удовольствія ([60]); а Пимена велѣлъ остановить на возвратномъ пути, въ Коломнѣ, и за крѣпкою стражею отвезти въ Чухлому. Съ него торжественно сняли бѣлый клобукъ: столь властъ Княжеская первенствовала у насъ въ дѣлахъ церковныхъ! Главный Боярин, Юрій Олешинскій, и всѣ сообщники Пименовы были наказаны заточеніемъ. Сіе случилось уже въ 1381 году, то есть послѣ славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

Нашествіе Мамаово.

Мамай пылалъ яростію и нетерпѣніемъ отмстить Димитрію за разбитіе Ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но видя, что Россіяне уже не трепещутъ имени Могольскаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго медлилъ, набирая войско изъ Татаръ, Половцевъ, Харазскихъ Турковъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буртановъ или Жидовъ Кавказскихъ, Армянъ и самыхъ Крымскихъ Генуэзцевъ ([61]): одни служили ему какъ подданные, другіе какъ наемники.

г. 1380. Наконецъ, ободренный многочисленностію своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ Князей Ордынскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить Государство Россійское. „Казнимъ рабовъ строптивыхъ!“ сказалъ онъ въ гнѣвѣ: „да будутъ пепломъ грады „ихъ, веси и церкви Христіанскія! Обогатимся Русскимъ зо„лотомъ!“ (62) Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ за-одно. Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ Князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія, будучи хитръ, уменъ, *велерѣчивъ*, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государственныхъ и посредникомъ — какъ мы видѣли — въ гражданскихъ дѣлахъ Великаго Княженія съ Тверскимъ (63). Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію — страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое Княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошолъ въ переговоры съ Моголами и съ Литвою чрезъ Боярина Рязанскаго, Епифана Кореева; заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ Сентября мѣсяца на берегахъ Оки (64). Мамай обѣщалъ ему и Ягайлу всѣ будущія завоеванія въ Великомъ Княженіи, съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками Ханскими.

Измѣна Олеговa.

Димитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ (65). „Мамай *со всѣмъ „царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя“, писалъ онъ къ Великому Князю: „Ягайло также; *но еще „рука наша высока*: бодрствуй и мужайся!“ Въ обстоятель-

ствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслію Димитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступленіи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ Великаго Княженія, чтобы собирать войско и немедленно вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, съ своими слугами, — Бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Дмитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми Боярскими* ([66]) или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота Кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и Вѣру. Казалось, что Россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени Татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую; исчисляли всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцевъ. Князья, Бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство Хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ Государь, обнажая мечь по движенію столь добродѣтельному и столь единодушному! Народъ, до временъ Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами Моголовъ, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ Князей Московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость Россіянъ, и менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечемъ, другіе молитвою и дѣлами Христіанскими. Между тѣмъ, какъ юноши

и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣна въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно Великая Княгиня, супруга нѣжная и чувствительная (67); а Димитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми Князьями и Воеводами, принять благословеніе Сергія, Игумена уединенной Троицкой Обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: Лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Димитрію кровопролитіе ужасное, но побѣду — смерть многихъ Героевъ православныхъ, но спасеніе Великаго Князя (68); упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ Военачальниковъ и далъ ему двухъ Иноковъ въ сподвижники, именемъ Александра Пересвѣта и Ослабю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда Боярином Брянскимъ и витяземъ мужественнымъ (69). Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на Схимахъ и сказалъ „вотъ оружіе нетлѣнное да служитъ оно вамъ „вмѣсто шлемовъ!“ Димитрій выѣхалъ изъ Обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь Небесную.

Въ тотъ часъ, когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія (70), будучи провождаемы Духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, Великій Князь молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, Государей Московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, вспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями и сказавъ ей: „Богъ нашъ заступникъ!“ сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ стремился въ слѣдъ за воинствомъ, громогласно желая ему побѣды. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ. — Въ Москвѣ остался Воеводою Ѳеодоръ Андреевичь, блюсти столицу и семейство Княжеское.

Въ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрій, предводительствуя

сильною дружиною Полоцкою и Брянскою ([71]). Великій Князь хотѣлъ осмотрѣть все войско; никогда еще Россія не имѣла подобнаго, даже въ самыя счастливыя времена ея независимости и цѣлости: *болѣе ста пятидесяти тысячъ* всадниковъ и пѣшихъ стало въ ряды, и Димитрій, выѣхавъ на обширное полѣ Дѣвичье, съ душевною радостію видѣлъ ополченіе столь многочисленное, собранное его Монаршимъ словомъ въ городахъ одного древняго Суздальскаго Княженія, нѣкогда презираемаго Князьями и народомъ южной Россіи. Скоро пришла вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю Орду, уже три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла Литовскаго. Въ тоже время явился въ Коломнѣ Посолъ Ханскій, требуя, чтобы Димитрій заплатилъ Моголамъ ту самую дань, какую бралъ съ его предковъ Царь Чанибекъ. Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностію погубить отечество, Димитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ мира, и не отказывается отъ дани *умѣренной*, согласно съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ; но не хочетъ разорить земли своей налогами тягостными въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечемъ.

Димитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега Рязанскаго и тайныя сношенія его съ Моголами и съ Литвою; не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: „Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ ([72])!“ и принявъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, 20 Августа выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Тамъ настигъ его Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, и Великій Воевода Тимоѳей Васильевичь, со всѣми остальными полками Московскими. 26 Августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Димитрій и *Дворъ* Княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что Великій Князь не дерзнетъ имъ противоборствовать, и захочетъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія ([73]). Слыша. о силахъ Димитрія, равно боясь его и Мамая, Князь Рязанскій не зналъ,

что ему дѣлать; скакалъ изъ мѣста въ мѣсто, отправлялъ гонцевъ къ Татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близь Одоева; трепеталъ будущаго и раскаивался въ своей измѣнѣ; чувствуя, сколь ужасенъ страхъ въ злодѣйствѣ, онъ завидовалъ опасностямъ Димитрія, ободряемаго чистою совѣстію, Вѣрою и любовію всѣхъ добрыхъ Россіянъ.

6 Сентября войско наше приближилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или итти далѣе? Мысли были не согласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ ([74]). Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился—и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ,“ 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густый туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, Ѳеодоръ Романовичъ Бѣлозерскій и Бояринъ Николай Васильевичъ; въ собственномъ же полку Великокняжескомъ Бояре Іоаннъ Родіоновичъ Квашня, Михаилъ Брянокъ, Князь Іоаннъ Васильевичъ Смоленскій; на правомъ крылѣ Князь Андрей Ѳеодоровичъ Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и Бояринъ Ѳеодоръ Грунка; на лѣвомъ Князь Василій Васильевичъ Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичъ Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ Сторожевомъ полку Бояринъ Михаилъ Іоанновичъ, внукъ Акинѳовъ, Князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, братъ его Князь Іоаннъ Торусскій и Андрей Сер-

Сентября 8.

Славная битва Куликовская.

кизъ; а въ засадѣ Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичь Волынскій ([75]), побѣдитель Олега и Болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ,— Романъ Михайловичь Брянскій, Василій Михаловичь Каширскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ,—слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду Государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ ([76]).

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ Князя“ — говорили они — „смотрѣть на битву, видѣть подвиги Воеводъ и награждать „достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. „Безъ тебя нѣтъ побѣды“ ([77]). Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *„братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ „дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу по„ложить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ*

прибѣжище и сила, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ ([78]). Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши—думая, что все погибло—обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ или Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще Князь Владиміръ Андреевичь, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечь, и сказалъ Владиміру: „теперь наше время“. Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай ,съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ Христіанскій!“ и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телегъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями ([79]).

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?“ Никто не могъ дать объ немъ вѣсти ([80]). Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись

искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ.—Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію не вѣрныхъ; Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собой дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей ([81]), такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные Бояре Симеонъ Михайловичь, сынъ Тысячскаго Николай Васильевичь, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ Инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева Священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова ([82]). Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ,

въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Дмитровскую ([83]), доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или въ 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ такъ, что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцовъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагривая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича *Храбрымъ* ([84]), и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, въ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Для чего Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить гнѣздо тиранства? Не будемъ обвинять Великаго Князя въ оплошности. Татары бѣжали, однакожь все еще сильные числомъ, и могли въ Волжскихъ Улусахъ собрать полки новые; надлежало итти

въ слѣдъ за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а Россіяне долженствовали бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имѣя лошадей не пріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнетъ возстать на Россію. Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу. Шествіе его отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ ([85]). Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ гремѣла хвала Богу и Государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія какъ на Ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію Небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ Россіянъ: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой, и свѣдавъ еще, что сей измѣнникъ старался вредить Московскимъ полкамъ на возвратномъ ихъ пути чрезъ области Рязанскія, истреблялъ мосты, даже захватывалъ и грабилъ слугъ Великокняжескихъ, Димитрій готовился наказать его. Тогда именитѣйшіе Бояре Рязанскіе пріѣхали въ Москву объявить, что Князь ихъ ушелъ съ своимъ семействомъ и Дворомъ въ Литву; что Рязань поддается Герою Донскому и молитъ его о милосердіи. Димитрій отправилъ туда Московскихъ Намѣстниковъ; но хитрый Олегъ, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ, съ обѣщаніемъ отказаться отъ Ягайловой дружбы, считать Великаго Князя старшимъ братомъ и быть съ нимъ за-одно въ случаѣ войны или мира съ Литвою и Татарами. Въ семъ письменномъ договорѣ сказано, что Ока и Цна служатъ границею между Княженіями Московскимъ и Рязанскимъ; что мѣста, отнятыя у Татаръ, безспорно принадлежатъ тому, кто ихъ отнялъ; что городъ *Тула*, названный именемъ Царицы

Тайдулы, жены Чанибековой, и нѣкогда управляемый ея Баскаками, остается собственностію Димитрія, равно какъ и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная имъ у тамошняго крещенаго Князя, именемъ Александра Уковича ([86]). Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ: суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія; скоро забылъ милость Димитрія, и воспользовался первымъ случаемъ нанести ему вредъ.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнувъ своихъ Улусовъ въ видѣ робкаго бѣглеца, скрежеталъ зубами и хотѣлъ еще отвѣдать силъ противъ Димитрія; но судьба послала ему инаго непріятеля. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, изгнанный изъ Орды Капчакской Ханомъ Урусомъ ([87]), снискалъ дружбу славнаго Тамерлана, который, смиренно называясь Эмиромъ или Княземъ Моголовъ Чагатайскихъ, уже властвовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію сего втораго Чингиса Тохтамышъ, объявивъ себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близь нынѣшняго Маріуполя, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Моголы въ 1224 году истребили войско нашихъ соединенныхъ Князей, былъ разбитъ на голову; оставленный невѣрными Мурзами, бѣжалъ въ Кафу, и тамъ кончилъ жизнь свою: Генуэзцы обѣщали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить побѣдителю или завладѣть Мамаевою казною ([88]). Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ и дружелюбно далъ знать всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, что онъ побѣдилъ *ихъ врага общаго*. Димитрій принялъ Ханскихъ Пословъ съ ласкою, отпустилъ съ честію, и въ слѣдъ за ними отправилъ собственныхъ съ богатыми дарами для Хана; то же сдѣлали и другіе Князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамышъ не могъ удовольствоваться привѣтствіями: онъ хотѣлъ властвовать какъ Батый или Узбекъ надъ Россіею.

Тамерланъ.

г. 1381. Въ слѣдующее лѣто Ханъ послалъ къ Димитрію Царевича Акхозю и съ нимъ 700 воиновъ, требовалъ, чтобы всѣ Князья наши, какъ древніе подданные Моголовъ, немедленно явились въ Ордѣ. Россіяне содрогнулись. „Давно ли“ — го-

ворили они— „мы одержали побѣду на берегахъ Дона? не „уже ли кровь Христіанская лилась тщетно?“ Государь думалъ согласно съ народомъ, и Царевичу въ Нижномъ Новѣгородѣ сказали, что Великій Князь не отвѣтствуетъ за его безопасность, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною ([89]). Аххозя возвратился къ Хану, отправивъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Даже и сіи люди, устрашенные знаками народной ненависти Россіянъ къ Моголамъ, не посмѣли туда ѣхать; а Димитрій, излишно надѣясь на слабость Орды, спокойно занимался дѣлами внутренняго правленія.

Прошло около года: Ханъ молчалъ, но въ тишинѣ готовился дѣйствовать. Вдругъ услышали въ Москвѣ, что Татары г. 1382.
захватили всѣхъ нашихъ купцевъ въ землѣ Болгарской и взяли у нихъ суда для перевоза войска Ханскаго чрезъ Волгу; Нашествіе Тохтамыша
что Тохтамышъ идетъ на Россію; что вѣроломный Олегъ встрѣтилъ его близъ границы, и служитъ ему путеводителемъ, указывая на Окѣ безопасные броды ([90]). Сія вѣсть, привезенная изъ Улусовъ нѣкоторыми искренними доброхотами Россіянъ, изумила народъ: еще великодушная рѣшимость Правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донской съ мужественнымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, спѣшили выступить въ поле; но другіе Князья измѣнили чести и славѣ. Самъ тесть Великаго Князя, Димитрій Нижегородскій, свѣдавъ о быстромъ стремленіи непріятеля, послалъ къ Хану двухъ сыновей съ дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что отъ важнаго урона, претерпѣннаго Россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными; наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и Великій Князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому съ супругою и съ дѣтьми, желая собрать тамъ болѣе войска, и надѣясь, что Бояре, оставленные имъ въ столицѣ, могутъ долго противиться непріятелю.

Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и шелъ прямо къ Москвѣ, гдѣ господствовало мятежное безначаліе. Народъ не слушался ни Бояръ, ни Митрополита, и при звукѣ колоколовъ стекался на Вѣче ([91]), вспомнивъ древнее право гражданъ Россійскихъ, въ важныхъ случаяхъ рѣшить судьбу свою большинствомъ голосовъ. Смѣлые хотѣли умереть въ осадѣ, робкіе спасаться бѣгствомъ; первые стали на стѣнахъ, на башняхъ, и бросали камнями въ тѣхъ, которые думали уйти изъ города; другіе, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали къ городскимъ воротамъ; наконецъ, убѣжденные представленіями людей благоразумныхъ, что въ Москвѣ останется еще не мало воиновъ отважныхъ, и что въ долговременной осадѣ всего страшнѣе голодъ, позволили многимъ удалиться, но въ наказаніе отняли у нихъ все имущество. Самъ Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго Пастыря: онъ былъ иноплеменникъ! Волненіе продолжалось: народъ, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, тратилъ время въ шумныхъ спорахъ, и не имѣлъ довѣренности къ Боярамъ.

Мужественный Князь Остей.

Въ сіе время явился достойный Воевода, юный Князь Литовскій, именемъ Остей, внукъ Ольгердовъ, посланный, какъ вѣроятно, Димитріемъ. Умомъ своимъ и великодушіемъ, столь сильно дѣйствующимъ въ опасностяхъ, онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ сердца, ободрилъ слабыхъ. Купцы, земледѣльцы окрестныхъ селеній, пришедшіе въ Москву съ дѣтьми и съ драгоцѣннѣйшею собственностію, — Иноки, Священники требовали оружія ([92]). Немедленно образовались полки; каждый занялъ свое мѣсто, въ тишинѣ и благоустройствѣ. Дымъ и пламя вдали означили приближеніе Моголовъ, которые, слѣдуя обыкновенію, жгли на пути всѣ деревни, и 23 Августа обступили городъ. Нѣкоторые ихъ чиновники подъѣхали къ стѣнѣ, и зная Русской языкъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь Димитрій? Имъ отвѣтствовали, что его нѣтъ въ Москвѣ. Татары, не пустивъ ни одной стрѣлы, ѣздили вокругъ Кремля, осматривали глубину рвовъ, башни, всѣ укрѣпленія, и выбирали мѣста для приступовъ; а Москвитяне, въ ожиданіи

битвы, молились въ церквахъ; другіе же, менѣе набожные, веселились на улицахъ; выносили изъ домовъ чаши крѣпкаго меду и пили съ друзьями, разсуждая: „Можемъ ли бояться „нашествія поганыхъ, имѣя городъ твердый и стѣны каменныя съ желѣзными воротами? Непріятели скроются, когда „испытаютъ нашу бодрость, и свѣдаютъ, что Великій Князь „съ сильными полками заходитъ имъ въ тылъ“. Сіи храбрецы, всходя на стѣну и видя малое число Татаръ, смѣялись надъ ними ([93]); а Татары издали грозили имъ обнаженными саблями, и ввечеру, къ преждевременной радости Москвитянъ, удалились отъ города.

Сіе войско было только легкимъ отрядомъ: въ слѣдующій день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Самъ Тохтамышъ предводительствовалъ ею. Онъ велѣлъ немедленно начать приступъ. Москвитяне, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, былъ осыпаны непріятельскими. Татары стрѣляли съ удивительною мѣткостію, пѣшіе и конные, стоя неподвижно или на всемъ скаку, въ обѣ стороны, взадъ и впередъ ([94]). Они приставили къ стѣнѣ лѣстницы; но Россіяне обливали ихъ кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и къ вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многихъ людей, а непріятель еще болѣе: ибо не имѣя стѣнобитныхъ орудій, онъ упорствовалъ взять городъ силою. И воины и граждане Московскіе, одушевляемые примѣромъ Князя Остея, старались отличить себя мужествомъ. Въ числѣ Героевъ Лѣтописцы называютъ одного суконника, именемъ Адама, который съ воротъ Флоровскихъ застрѣлилъ любимаго Мурзу Ханскаго. Видя неудачу, Тохтамышъ употребилъ коварство, достойное варвара.

Приступъ къ столицѣ.

Въ четвертый день осады непріятель изъявилъ желаніе вступить въ мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъѣхавъ къ стѣнамъ, сказали Москвитянамъ, что Ханъ любитъ ихъ какъ *своихъ* добрыхъ *подданныхъ*, и не хочетъ воевать съ ними, будучи только личнымъ врагомъ Великаго Князя; что онъ немедленно удалится отъ Москвы, буде жители выдутъ къ нему съ дарами, и впустятъ его въ сію

26 Августа. Вѣроломство Тохтамыша.

столицу, осмотрѣть ея достопамятности. Такое предложеніе не могло обольстить людей благоразумныхъ; но съ Послами находились два сына Димитрія Нижегородскаго, Василій и Симеонъ: обманутые увѣреніями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они какъ Россіяне и Христіане дали клятву, что Ханъ сдержитъ слово и не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла Москвитянамъ ([35]). Храбрый Остей совѣтовался съ Боярами, съ Духовенствомъ и народомъ: всѣ думали, что ручательство Нижегородскихъ Князей надежно; что излишняя недовѣрчивость можетъ быть пагубна въ семъ случаѣ, и что безразсудно подвергать столицу дальнѣйшимъ бѣдствіямъ осады, когда есть способъ прекратить ихъ. Отворили ворота: Князь Литовскій вышелъ первый изъ города и несъ дары; за нимъ Духовенство съ крестами, Бояре и граждане. Остея повели въ станъ Ханскій—и тамъ умертвили. Сіе злодѣйство было началомъ ужаса: по данному знаку обнаживъ мечи, тысячи Моголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровію Россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастися бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь, и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣстницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя женщины и терзали на себѣ волосы, не думая обороняться. Непріятель въ въ остервененіи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора, гражданъ и Монаховъ, женъ и Священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечь единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ: Татары отбивали двери, и вездѣ находили сокровища, свезенныя въ Москву изъ другихъ, менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію Лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ Казнѣ Великокняжеской, у Бояръ старѣйшихъ, у купцевъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцевъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Въ вѣчному сожаленію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и дома, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, тамъ хра-

Взятіе и разрушеніе Москвы.

нимыхъ, и лишили нашу Исторію, можетъ быть, весьма любопытныхъ памятниковъ ([96]).

Не будемъ подробно описывать всѣхъ ужасовъ сего несчастнаго для Россіи дня: легко представить себѣ оные. И въ наше время, когда непріятель, раздраженный упорствомъ осажденныхъ, силою входитъ въ городъ, что можетъ превзойти бѣдствіе жителей? ни язва, ни землетрясеніе. А Татары со временъ Батыевыхъ не смягчились сердцемъ, и въ своей Азовской роскоши утративъ отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирѣпость народа степнаго. Обремененные добычею, утрудженные злодѣйствами, наполнивъ трупами городъ, они зажгли его и вышли отдыхать въ поле, гоня передъ собою толпы юныхъ Россіянъ, избранныхъ ими въ невольники. — „Какими словами“ — говорятъ Лѣтописцы — „изобразимъ тог„дашній видъ Москвы? Сія многолюдная столица *кипѣла* пре„жде *богатствомъ и славою* ([97]): въ одинъ день погибла „ея красота; остались только дымъ, пепелъ, земля окровавлен„ная, трупы и пустыя, обгорѣлыя церкви. Ужасное безмолвіе „смерти прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ стра„дальцевъ, изсѣченныхъ саблями Татаръ, но еще не лишен„ныхъ жизни и чувства“.

Войско Тохтамышево разсыпалось по всему Великому Княженію. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ, имѣли участь Москвы. Жители Переславля бросились въ лодки, отплыли на средину озера, и тѣмъ спаслися отъ погибели: а городъ былъ сожженъ непріятелемъ ([98]). Близъ Волока стоялъ съ дружиною смѣлый братъ Димитріевъ, Князь Владиміръ Андреевичъ: отпустивъ мать и супругу въ Торжекъ, онъ внезапно ударилъ на сильный отрядъ Моголовъ и разбилъ его совершенно. Извѣщенный о томъ бѣглецами, Ханъ началъ отступать отъ Москвы; взялъ еще Коломну и перешелъ Оку. Тутъ вѣроломный Князь Рязанскій увидѣлъ, сколь милость Татаръ, купленная гнусною измѣною, ненадежна: они поступали въ его землѣ какъ въ непріятельской; жгли, убивали, плѣняли жителей, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамышъ оставилъ наконецъ Россію, отправивъ шурина своего, именемъ Шихомата, Посломъ къ Князю Суздальскому.

Скорбь Димитрія.

Съ какою скорбію Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, пріѣхавъ съ своими Боярами въ Москву, увидѣли ея хладное пепелище и свѣдали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отечествомъ, и столь неожидаемыя послѣ счастливой Донской битвы! „Отцы наши“ — говорили они, проливая слезы (99) — „не побѣждали Татаръ, но были *менѣе* насъ злополучны!“ Дѣйствительно *менѣе* со временъ Калиты, памятныхъ началомъ устройства безопасности, и малодушные могли винить Димитрія въ томъ, что онъ не слѣдовалъ правиламъ Іоанна I и Симеона, которые искали милости въ Ханахъ для пользы государственной; но Великій Князь, чистый въ совѣсти передъ Богомъ и народомъ, не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда потомковъ; хотя скорбѣлъ, однакожь не терялъ бодрости и надѣялся умилостивить Небо своимъ великодушіемъ въ несчастіи.

Онъ велѣлъ немедленно погребать мертвыхъ и давалъ гробокопателямъ по рублю за 80 тѣлъ: что составило 300 рублей (100); слѣдственно въ Москвѣ погибло тогда 24,000 человѣкъ, кромѣ сгорѣвшихъ и потонувшихъ: ибо многіе, чтобы спасться отъ убійцъ, бросались въ рѣку. Еще не успѣли совершить сего печальнаго обряда, когда Димитрій послалъ Воеводъ Московскихъ наказать Олега, приписывая ему успѣхъ Тохтамышевъ и бѣдствіе Великаго Княженія. Подданные должны были отвѣтствовать за своего Князя: онъ ушелъ, предавъ ихъ въ жертву мстителямъ, и войско Димитріево, остервененное злобою, въ конецъ опустошило Рязань, считая оную гнѣздомъ измѣны и ставя жителямъ въ вину усердіе ихъ къ Олегу.—Вторымъ попеченіемъ Димитрія было возобновленіе Москвы; стѣны и башни Кремлевскія стояли въ цѣлости: Ханъ не имѣлъ времени разрушить оныя. Скоро кучи пепла исчезли, и новыя зданія явились на ихъ мѣстѣ; но прежнее многолюдство въ столицѣ и въ другихъ взятыхъ Татарами городахъ уменьшилось надолго.

Изгнаніе Олега.

Возстановленіе Москвы.

Въ то время, когда надлежало дать Церкви новыхъ Іереевъ вмѣсто убіенныхъ Моголами, святить осквернённые злодѣйствами храмы, утѣшать, ободрять народъ Пастырскими наставленіями, Митрополитъ Кипріанъ спокойно жилъ въ Твери.

Изгнаніе Ми-

Великій Князь послалъ за нимъ Бояръ своихъ ([101]), но объ- Тропо-
явилъ его какъ малодушнаго бѣглеца, недостойнымъ управлять лита.
Церковію, и возвративъ изъ ссылки Пимена, поручилъ ему Россійскую Митрополію; а Кипріанъ съ горестію и стыдомъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ господствовалъ сынъ Ольгердовъ, Владиміръ, Христіанинъ Греческой Вѣры. Столь рѣшительно поступалъ Димитрій въ дѣлахъ церковныхъ, живо чувствуя достоинство Государя, любя отечество, и желая, чтобы Духовенство служило примѣромъ сей любви для гражданъ! Онъ могъ досадовать на Кипріана и за дружескую связь его съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, который, вопреки торжественному обѣту и письменному договору 1375 года, не хотѣлъ участвовать ни въ славѣ, ни въ бѣдствіяхъ Московскаго Княженія, и тѣмъ изъявилъ холодность къ общей пользѣ Россіянъ. Скоро Ненависть
обнаружилась и личная давнишняя ненависть его къ Димитрію: Князя Твер-
какъ бы обрадованный несчастіемъ Москвы и въ надеждѣ вос- скаго къ Ди-
пользоваться злобою Тохтамыша на Великаго Князя, онъ съ митрія.
сыномъ своихъ, Александромъ, уѣхалъ въ Орду, чтобы снискать милость Хана и съ помощію Моголовъ свернуть Донскаго съ престола ([102]).

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвахъ: раззоренное Великое Княженіе требовало мирнаго спокойствія, и народъ унылъ. Великодушный Димитрій, скрѣпивъ сердце, съ честію принялъ въ Москвѣ Ханскаго Мурзу, Карача, объявившаго ему, что Тохтамышъ, страшный во гнѣвѣ, умѣетъ и миловать преступниковъ въ раскаяніи. Сынъ Великаго Князя, г. 1383
Василій, со многими Боярами поѣхавъ Волгою на судахъ въ Апрѣля 28.
Орду, знаками смиренія столь угодилъ Хану, что Михаилъ Сынъ
Тверскій не могъ успѣть въ своихъ происках, и съ досадою Димитріевъ въ Ор-
возвратился въ Россію. Но милость Тохтамышева дорого стоила дѣ.
Великому Княженію: кровопійцы Ординскіе, называемые Послами, начали снова являться въ его предѣлахъ, и возложили на оное весьма тягостную дань, въ особенности для земледѣль- г. 1384
цевъ: всякая деревня, состоящая изъ двухъ и трехъ дворовъ, обязывалась платить полтину серебромъ ([103]); города давали и *золото*. Сверхъ того, къ огорченію Государя и народа, Ханъ Тяжкая дань.

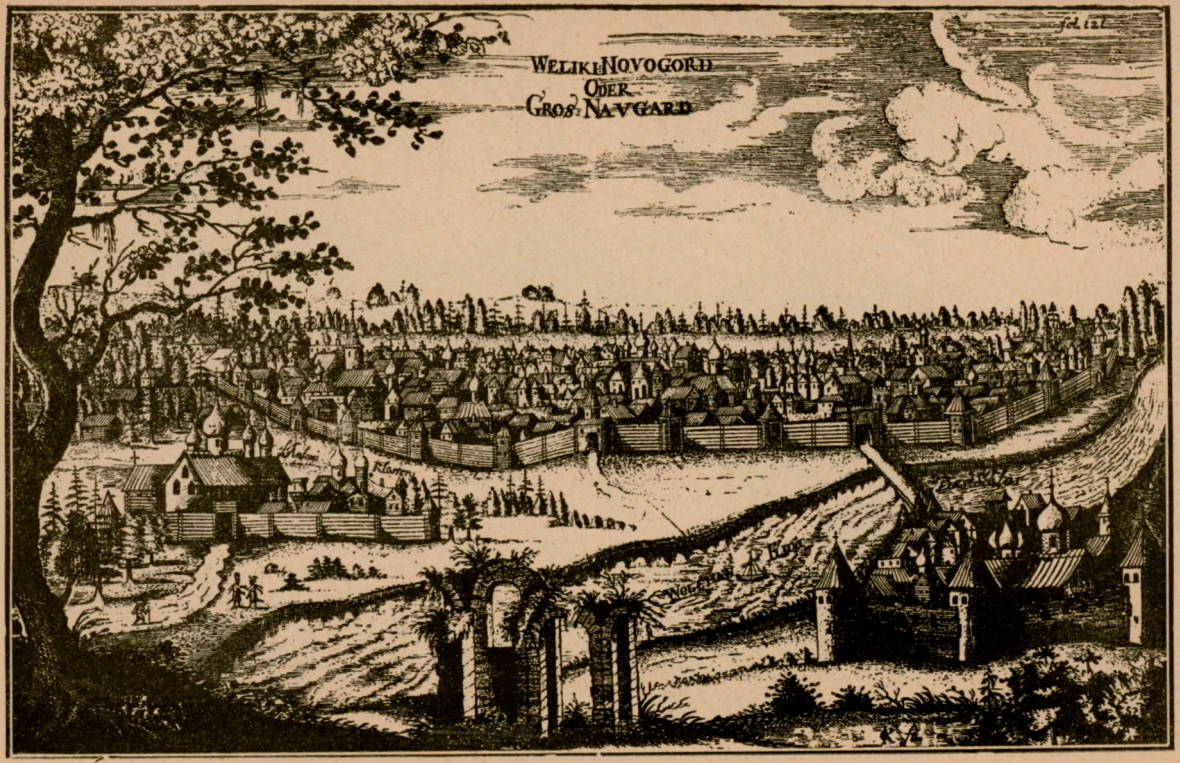
въ залогъ вѣрности и осьми тысячъ рублей долгу удержалъ при себѣ юнаго Князя Василія Димитріевича, вмѣстѣ съ сыновьями Князей Нижегородскаго и Тверскаго. Однимъ словомъ, казалось, что Россіяне долженствовали проститься съ мыслію о государственной независимости какъ съ мечтою; но Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство будетъ не долговременно; что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ ея тиранства ([104]).

Для того Великій Князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ Князю Тверскому за его вражду,
г. 1385. и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожидаемо разграбилъ Коломну, плѣнивъ тамошняго Намѣстника, Александра Остея, со многими Боярами ([105]): Димитрій послалъ туда войско подъ начальствомъ Князя Владиміра Андреевича, но желалъ усовѣстить Олега, зная, что сей Князь любимъ Рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству. Мужъ, знаменитый святостію Игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца: ѣздилъ къ Олегу, говорилъ ему именемъ Вѣры, земли Русской, и смягчилъ его сердце, такъ, что онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній, вѣчный союзъ, утвержденный послѣ семейственнымъ: Ѳеодоръ, сынъ Олеговъ (въ 1387 году), женился на Княжнѣ Московской, Софіи Димитріевнѣ.

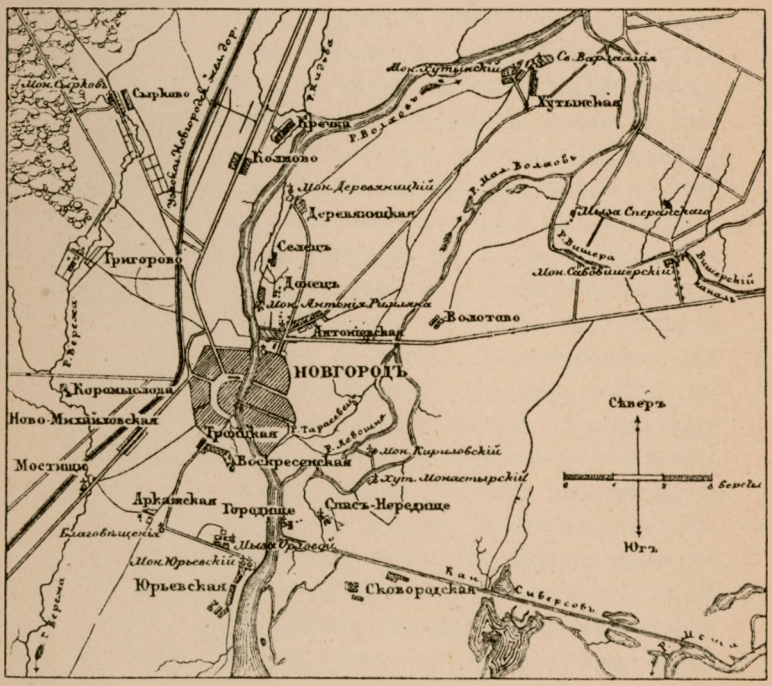
Миръ съ Олегомъ.

Ссора и миръ съ Новымгородомъ.

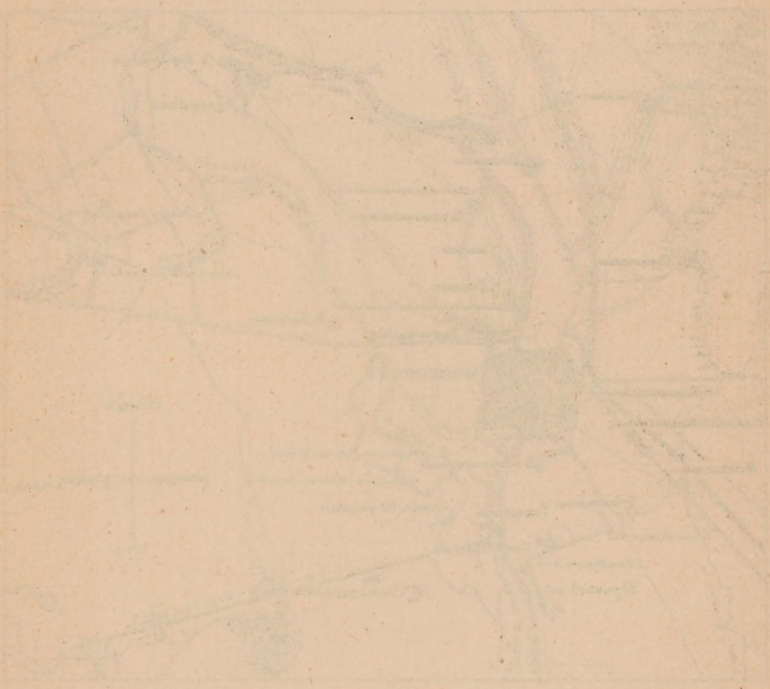
Великій Князь долженствовалъ еще усмирить Новогородцевъ. Они (въ 1384 году) дали Князю Литовскому, Патрикію Наримантовичу, бывшій Удѣлъ отца его: Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья; но тамошніе жители изъявили негодованіе. Сдѣлался мятежъ въ Новѣгородѣ: Славянскій Конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за сего Князя на Вѣчѣ Двора Ярославова; другіе Концы взяли противную сторону на Вѣчѣ Софійскомъ. Вооружались, шумѣли, писали разныя грамоты или опредѣленія и наконецъ согласились, вмѣсто упомянутыхъ городовъ, отдать Патрикію Ладогу, Русу и берегъ Наровскій, не считая нужнымъ требовать на то Великокняжескаго соизволенія ([106]). Сіе дѣло могло оскорбить Димитрія: онъ имѣлъ



Общій видъ древняго Новгорода, по наброску XVII вѣка, сдѣланному иноземнымъ путешественникомъ.



Видъ окрестностей Новгорода со всѣми монастырями и подгородными слободами (по новѣйшей топографической картѣ).



еще важнѣйшія причины быть недовольнымъ. Въ теченіи десяти лѣтъ оставляемые въ покоѣ сосѣдами, Новогородцы, какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именемъ *молодечества*, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцевъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, и Вяткѣ. Въ 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ Воевода Плещей: ихъ было 2000, а вооруженныхъ Костромскихъ гражданъ 5000; но малодушный Плещей, съ двухъ сторонъ обойденный непріятелемъ, бѣжалъ: разбойники взяли городъ, и цѣлую недѣлю злодѣйствовали; плѣнили людей, опустошали домы, купеческія лавки, и бросивъ въ Волгу, чего не могли увезти съ собою, отправились къ Нижнему; захватили и тамъ многихъ Россіянъ, и продали ихъ какъ невольниковъ Восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Еще недовольные богатою добычею, сіи храбрецы, предводительствуемые какимъ-то Прокопіемъ и другимъ Смоленскимъ Атаманомъ, пустились далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, и грабили безъ сопротивленія до самаго *Хазитороканя* или Астрахани, древняго города Козаровъ: наконецъ, обманутые лестію тамошняго Князя Могольскаго, именемъ Сальчея, были всѣ побиты; а Вятчане (въ 1379 году) истребили другую шайку такихъ разбойниковъ близъ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрій терпѣлъ сію дерзость Новогородцевъ и видѣлъ, что она возрастала: Правительство ихъ захватывало даже его собственности, или доходы Великокняжескіе, и (въ 1385 году) отложилось отъ церковнаго суда Московской Митрополіи: Посадникъ, Бояре, *Житые* (именитые) и черные люди всѣхъ пяти Концевъ торжественно присягнули на Вѣчѣ, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ Церкви, не относиться къ Митрополиту, но рѣшить оныя самому Архіепископу Новогородскому по Греческому Номоканону или Кормчей Книгѣ, вмѣстѣ съ Посадникомъ, Тысячскимъ и четырьмя посредниками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ изъ Бояръ и людей Житыхъ. Испытавъ безполезность дружелюбныхъ представленій и самыхъ угрозъ, огорчаемый строптивостію Новогородцевъ и явнымъ ихъ

намѣреніемъ быть независимыми отъ Великаго Княженія. Димитрій прибѣгнулъ къ оружію, чтобы утвердить власть свою надъ сею знаменитою областію и со временемъ воспользоваться ея силами для общаго блага или освобожденія Россіи.

г. 1386. Двадцать-шесть областей соединили своихъ ратниковъ подъ знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичь, Бѣлозерскъ, Устюгъ. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бѣжецка, Торжка (кромѣ знатнѣйшихъ Бояръ сего послѣдняго) взяли сторону Димитрія. Зимою, предъ самымъ Рождествомъ Христовымъ, онъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и другими Князьями выступилъ изъ Москвы; не хотѣлъ слушать Пословъ Новогородскихъ, и въ день Богоявленія расположился станомъ въ тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова, обративъ въ пепелъ множество селеній. Тамъ встрѣтилъ его Архіепископъ, старецъ Алексій, съ убѣдительнымъ моленіемъ простить вину Новогородцевъ, готовыхъ заплатить ему 8000 рублей. Великій Князь не согласился, и Новогородцы, извѣщенные о томъ, готовились къ сильному отпору, подъ начальствомъ Патрикія и другихъ Князей, намъ неизвѣстныхъ ([107]); оградили валъ тыномъ, сожгли предмѣстія, двадцать-четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ Концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и въ Неревскомъ; два раза выходили въ поле для битвы; ожидая непріятеля, и возвращались, не находя его. Имѣя войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалѣвъ ни домовъ, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотѣли отвратить кровопролитіе, и послали двухъ Архимандритовъ, 7 Іереевъ и 5 гражданъ, отъ имени пяти Концевъ, чтобы склонить Димитрія къ миру. Съ одной стороны знаки раскаянія и смиренія, съ другой твердость, но соединенная съ умѣренностію, произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. Великій Князь подписалъ мирную грамоту, съ усло-

віемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ Государю верховному, платилъ ежегодно такъ называемый *черный боръ*, или дань, собираемую съ чернаго народа, и внесъ въ казну Княжескую 8000 рублей за долговременныя наглости своихъ разбойниковъ. Новогородцы тогда же вынули изъ Софійскаго сокровища и прислали къ Димитрію 3000 рублей, отправивъ чиновниковъ въ Двинскую землю для собранія остальныхъ пяти тысячъ: ибо Двиняне, имѣвъ также участіе въ разбояхъ Волжскихъ, долженствовали участвовать и въ наказаніи за оные. Димитрій возвратился въ Москву съ честію и безъ всякаго урона, оставивъ въ областяхъ Новогородскихъ глубокіе слѣды ратныхъ бѣдствій. Многіе купцы, земледѣльцы, самые Иноки лишились своего достоянія, а нѣкоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключеніи мира освободили не всѣхъ плѣнниковъ); другіе, обнаженные хищными воинами, умерли отъ холода на степи и въ лѣсахъ. — Къ несчастію, Новогородцы не пріобрѣли и внутренняго спокойствія: ибо Великій Князь, довольный ихъ покорностію, не отнялъ у нихъ древняго права избирать главныхъ чиновниковъ и рѣшить дѣла государственныя приговоромъ Вѣча. Такъ (въ 1388 году) три Конца Софійской Стороны возстали на Посадника Іосифа, и злобствуя на Торговую, гдѣ сей чиновникъ нашелъ друзей и защитниковъ, болѣе двухъ недѣль не имѣли съ нею никакого сообщенія ([108]). Исполняя, кажется, волю Димитріеву, Новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикія Наримантовича; а чрезъ два года отдали ихъ другому Князю Литовскому, Лугвенію Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны съ Шведами или Нѣмцами имѣть въ немъ полководца и жить съ его братьями въ союзѣ.

Крещеніе Литвы.

Въ сіе время Литва была уже въ числѣ Державъ Христіанскихъ. Ягайло (въ 1386 году) съ согласія Вельможъ Польскихъ женился на Ядвигѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ ихъ умершаго Короля Людовика, принялъ Вѣру Латинскую въ Краковѣ вмѣстѣ съ достоинствомъ Государя Польскаго и крестилъ свой народъ волею и неволею ([109]). Чтобы сократить обрядъ, Литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми

полками: Священники кропили ихъ святою водою и давали имена Христіанскія: въ одномъ полку называли всѣхъ людей Петрами, въ другомъ Павлами, въ третьемъ Іоаннами, и такъ далѣе; а Ягайло ѣздилъ изъ мѣсто въ мѣсто толковать на своемъ отечественномъ языкѣ Символъ Вѣры. Древній огнь Перкуновъ угасъ навѣки въ городѣ Вильнѣ; святыя рощи были срублены или обращены въ пепелъ, и новые Христіане славили милость Государя, даривша̀го имъ бѣлые, суконные кафтаны: „ибо сей народъ (говоритъ Стриковскій) одѣвался „до того времени однѣми кожами звѣрей и полотномъ“. Происшествіе, столь благословенное для Рима, имѣло весьма огорчительныя слѣдствія для Россіянъ: Ягайло, дотолѣ покровитель Греческой Вѣры, сдѣлался ея гонителемъ; стѣснялъ ихъ права гражданскія, запретилъ брачные союзы между ими и Католиками, и даже мучительски казнилъ двухъ Вельможъ своихъ, не хотѣвшихъ измѣнить Православію въ угодность Королю ([110]). Къ счастію, многіе Князья Литовскіе — Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій, братья его Скиригайло и Димитрій, Ѳеодоръ Волынскій, сынъ умершаго Любарта, и другіе — остались еще Христіанами нашей Церкви и заступниками единовѣрныхъ.

Впрочемъ, не смотря на разномысліе въ духовномъ законѣ, Ягайловы родственники служили Королю усердно, кромѣ одного Андрея Ольгердовича Полоцкаго, друга Димитріева и Москвитянъ. Между тѣмъ, какъ сей Князь дѣлилъ съ Димитріемъ опасности и славу на полѣ Куликовѣ, Скиригайло господствовалъ въ Полоцкой области: но скоро изгнанный жителями (которые, посадивъ его на кобылу ([111]), съ безчестіемъ и насмѣшками вывезли изъ города), онъ прибѣгнулъ къ Магистру Ливонскому, Конраду Роденштейну, и вмѣстѣ въ нимъ 3 мѣсяца держалъ (въ 1382 году) Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители молили Новогородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиригайла: Новогородцы отправили только мирное посольство къ Ягайлу, а Конрадъ Роденштейнъ отвѣтствовалъ: „для кого осѣдлалъ я коня своего и вынулъ

„мечь изъ ноженъ, тому не измѣню вовѣки“. Мужество осажденныхъ заставило непріятеля отступить, и любимый ими Андрей съ радостію къ нимъ возвратился; но Скиригайло въ 1386 году, предводительствуя войскомъ Литовскимъ, взялъ сей городъ, казнилъ въ немъ многихъ людей знатныхъ, и плѣнивъ самого Андрея, отослалъ его въ Польшу, гдѣ онъ три года сидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи.

Сей несчастный сынъ Ольгердовъ имѣлъ вѣрнаго союзника въ Святославѣ Іоанновичѣ, Смоленскомъ Князѣ: желая отмстить за него, Святославъ вступилъ въ нынѣшнюю Могилевскую Губернію, и началъ свирѣпствовать какъ Батый въ землѣ населенной Россіянами, не только убивая людей, но и вымышляя адскія для нихъ муки: жегъ, давилъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселяся отчаяніемъ сихъ жертвъ невинныхъ ([112]). Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но Лѣтописцы говорятъ о сихъ злодѣйствахъ Святослава съ живѣйшимъ омерзѣніемъ: онъ получилъ возмездіе. Войско его, осаждая Мстиславль, бывшій городъ Смоленскій, отнятый Литвою, увидѣло въ полѣ знамена непріятельскія: Скиригайло Ольгердовичь и юный Герой Витовтъ, сынъ Кестутіевъ, примирившійся съ Ягайломъ, шли спасти осажденныхъ. Святославъ мужественно сразился на берегахъ Вехри, и жители Мстиславскіе смотрѣли съ городскихъ стѣнъ на битву, упорную и кровопролитную. Она рѣшилась въ пользу Литовцевъ: Святославъ палъ, уязвленный копіемъ на вылетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Племянникъ его, Князь Іоаннъ Васильевичь, также положилъ свою голову; а сыновья, Глѣбъ и Юрій, были взяты въ плѣнъ со многими Боярами. Побѣдители гнались за Россіянами до Смоленска: взяли окупъ съ жителей сего города, выдали имъ тѣла убитыхъ Князей, и посадивъ Юрія какъ данника Литвы, на престолѣ отца его вышли изъ владѣнія Смоленскаго. Глѣбъ Святославичь остался въ ихъ рукахъ аманатомъ.

Марта 23. Жестокость Князя Смоленскаго.

Апрѣля 29.

Сіи происшествія долженствовали быть крайне оскорбительны для Великаго Князя, ибо Святославъ, отставъ отъ союза съ Литвою, усердно искалъ Димитріевой дружбы, и вмѣстѣ

съ Андреемъ Ольгердовичемъ служилъ щитомъ для Московскихъ границъ на Западѣ. Но Димитрій, опасаясь Литвы, еще болѣе опасался Моголовъ, и готовясь тогда къ новому разрыву съ Ордою, имѣлъ нужду въ пріязни Ягайловой. Сынъ Великаго Князя Василій, три года живъ невольникомъ при Дворѣ Ханскомъ, тайно ушелъ въ Молдавію, къ тамошнему Воеводѣ Петру ([113]), нашему единовѣрцу, и могъ возвратиться въ Россію только чрезъ владѣнія Польскія и Литву. Димитрій отправилъ на встрѣчу къ нему Бояръ, поручивъ имъ, для личной безопасности Василіевой, склонить Ягайла къ дружелюбію. Они успѣли въ дѣлѣ своемъ: Василій Димитріевичь прибылъ благополучно въ Москву, провождаемый многими Панами Польскими.

г. 1387. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды.

г. 1388. Генваря 19.

Вѣроятно, что бѣгство его изъ Орды было слѣдствіемъ намѣренія Димитріева свергнуть иго Тохтамышево: другіе случаи также доказываютъ сіе намѣреніе. Тесть Донскаго, Димитрій Константиновичь, преставился Схимникомъ въ 1383 году, памятный сооруженіемъ каменныхъ стѣнъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ и любовію къ отечественной Исторіи (ибо мы ему обязаны древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ Нѣстора). Сыновья его и дядя ихъ, Борисъ Городецкій, находились тогда въ Ордѣ, споря о наслѣдствѣ ([114]): Ханъ отдалъ Нижегородскую область дядѣ, а племянникамъ, Симеону и Василію, Суздаль, удержавъ послѣдняго аманатомъ въ Сараѣ. Скучавъ долго неволею и праздностію — тщетно хотѣвъ, подобно сыну Донскаго, бѣжать въ Россію — Василій умилостивилъ наконецъ Тохтамыша и пріѣхалъ съ его жалованною грамотою княжить въ Городцѣ. Но сія милость Ханская казалась ему неудовлетворительною: съ помощію Великаго Князя онъ и братъ его, Симеонъ Суздальскій (въ 1388 году), отняли Нижній у дяди, и презрѣвъ грамоты Ханскія, обязались во всякомъ случаѣ вѣрно служить Димитрію: Борисъ же остался Княземъ Городецкимъ, въ зависимости отъ Московскаго, который дѣйствуя такимъ образомъ противъ воли Тохтамыша, явно показывалъ худое къ нему уваженіе.

Смерть Князя Нижегородскаго.

Въ то время, какъ Россіяне Великаго Княженія съ надеждою или страхомъ могли готовиться ко второй Донской битвѣ, они были изумлены враждою своихъ двухъ главныхъ защитниковъ. Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ, имѣя равную любовь къ отечеству и ко славѣ, испытанную общими опасностями, успѣхами и противностями рока. Вдругъ Димитрій, огорченный, какъ надобно думать, старѣйшими Боярами Владиміра и его къ нимъ пристрастіемъ, велѣлъ ихъ взять подъ стражу, заточить, развезти по разнымъ городамъ. Сей поступокъ, доказывая власть Великокняжескую, могъ быть согласенъ съ законами справедливости, но крайне огорчилъ народъ, тѣмъ болѣе, что Татары начинали уже дѣйствовать противъ Россіи, взявъ нечаянно Переславль Рязанскій: единодушіе первыхъ ея Героевъ было всего нужнѣе для безопасности Государства ([115]). Явивъ примѣръ строгости, Димитрій спѣшилъ удовлетворить желанію народа и собственнаго сердца: чрезъ мѣсяцъ. въ день Благовѣщенія, обнялъ брата какъ друга и новою договорною грамотою утвердилъ искренній съ нимъ союзъ. Въ ней сказано, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія братомъ *старшимъ*, Георгія Димитріевича *равнымъ*, а меньшихъ сыновей Великаго Князя *младшими* братьями; что они будутъ жить въ любви неразрывной, подобно какъ ихъ отцы жили съ Симеономъ Гордымъ, и должны взаимно объявлять другъ другу навѣты злыхъ людей, желающихъ поселить въ нихъ вражду; что ни Димитрію, ни Владиміру безъ общаго согласія не заключать договоровъ съ иными Владѣтелями; что первому не мѣшаться въ дѣла братнихъ городовъ, второму въ дѣла Великаго Княженія, но судить тяжбы Москвитянъ обоимъ вмѣстѣ чрезъ Намѣстниковъ, а въ случаѣ ихъ несогласія прибѣгать къ суду Митрополита или Третейскому, коего рѣшеніе остается закономъ и для Князей; что Великому Князю, ни Боярамъ его, не покупать селъ въ Удѣлѣ Владиміровомъ, ни Владиміру въ областяхъ, ему не принадлежащихъ; что если Димитрій, удовлетворяя нуждамъ государственнымъ, обложитъ данію своихъ Бояръ помѣстныхъ, то

Вражда между Велик. Княземъ и Владиміромъ. г. 1389.

Ихъ примиреніе.

и Владиміровы обязаны внести такую же въ казну Великокняжескую; что гости, *Суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы, и проч. Далѣе сказано, что Владиміръ, *если Богу* не угодно будетъ *избавить Россію отъ Моголовъ*, участвуетъ во всѣхъ ея тягостяхъ и даетъ Ханамъ *триста-двадцать* рублей въ число пять тысячь Димитріевыхъ, по сей же соразмѣрности платя и долги государственные.

Новый порядокъ наслѣдства.

Сія грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владиміръ именно признаетъ Василія и братьевъ его, въ случаѣ Димитріевой смерти, законными наслѣдниками Великаго Княженія.

Кончина Великаго Князя.

Примиреніе державныхъ братьевъ казалось истиннымъ торжествомъ государственнымъ. Народъ веселился, не предвидя несчастія, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрію едва исполнилось сорокъ лѣтъ: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза свѣтлые, огненные, изображая внутреннюю крѣпость сложенія, ручались за долголѣтіе ([116]). Вдругъ, къ общему ужасу, разнеслася вѣсть о тяжкой болѣзни Великаго Князя: къ успокоенію народа сказали, что опасность ея миновалась; но Димитрій, не обольщая себя надеждою, призвалъ Игуменовъ Сергія и Севастіана, вмѣстѣ съ девятью главными Боярами, и велѣлъ писать духовное завѣщаніе. Объявивъ Василія Димитріевича наслѣдникомъ Великокняжескаго достоинства, онъ каждому изъ пяти сыновей далъ особенные Удѣлы: Василію Коломну съ волостями, Юрію Звенигородъ и Рузу, Андрею Можайскъ, Верею и Калугу, Петру Дмитровъ, Іоанну нѣсколько селъ, а Великой Княгинѣ Евдокіи разныя помѣстья и знатную часть Московскихъ доходовъ. Сверхъ областей наслѣдственныхъ, Димитрій отказалъ второму сыну Галичь, третьему Бѣлозерскъ, четвертому Угличь, купленные Калитою у тамошнихъ Князей Удѣльныхъ: сіи города дотолѣ не были еще совершенно присоединены къ Московскому Княженію.

Нѣсколько дней Бояре и граждане утѣшались мнимымъ выздоровленіемъ любимаго ихъ Государя. Въ сіе время супруга его родила шестаго сына, именемъ Константина, окрещеннаго старшимъ братомъ, Василіемъ Димитріевичемъ, и Маріею, вдовою послѣдняго Тысячскаго ([117]). Но скоро болѣзнь вновь усилилась, и Великій Князь, чувствуя свой конецъ, желалъ видѣть супругу, еще слабую отъ слѣдствія родовъ; изъявляя удивительную твердость, долго говорилъ съ нею и съ дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ ей послушными и дѣйствовать единодушно, любить отечество и вѣрныхъ слугъ его. Бояре въ безмолвной горести стояли вдали: онъ велѣлъ имъ приближиться и сказалъ: „Вамъ, свидѣтелямъ „моего рожденія и младенчества, извѣстна внутренность души „моей. Съ вами я царствовалъ и побѣждалъ враговъ для счастія Россіи; съ вами веселился въ благоденствіи и скорбѣлъ „въ злополучіяхъ; любилъ васъ искренно и награждалъ по „достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, „боясь досадить вамъ однимъ грубымъ словомъ; вы были не „Боярами, но Князьями земли Русской. Теперь вспомните, „что мнѣ всегда говорили: *умремъ за тебя и дѣтей „твоихъ.* Служите вѣрно моей супругѣ и юнымъ сыновьямъ: „дѣлите съ ними радость и бѣдствія“. Представивъ имъ семнадцатилѣтняго Василія Димитріевича какъ будущаго ихъ Государя, онъ благословилъ его; избралъ ему девять совѣтниковъ изъ Вельможъ опытныхъ ([118]); обнялъ Евдокію, каждаго изъ сыновей и Бояръ; сказалъ: *Богъ мира да будетъ* Маія 19. *съ вами!* сложилъ руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрія въ церкви Архангела Михаила. Трапезундскій Митрополитъ Ѳеогностъ, пріѣхавшій на то время гостемъ въ Москву, совершилъ сей печальный обрядъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Епископами и Святымъ Игуменомъ Сергіемъ.

Не льзя, по сказанію Лѣтописцевъ, изобразить глубокой душевной скорби Россіянъ въ семъ случаѣ: долго стенаніе и вопль не умолкали при Дворѣ и на стогнахъ: ибо никто изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столь любимъ народомъ и Боярами, какъ

Свойства Димитріевы.

Димитрій, за его великодушіе, любовь ко славѣ отечества, справедливость, добросердечіе. Воспитанный среди опасностей и шума воинскаго, онъ не имѣлъ знаній почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія ([119]); силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ; словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ, и будучи младенецъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каждый Россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпаемый хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза внизъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу всетворящему.—Цѣломудренный въ удовольствіяхъ законной любви супружеской, онъ до конца жизни хранилъ дѣвическую стыдливость, и ревностный во благочестіи подобно Мономаху, ежедневно ходилъ въ церковь, всякую недѣлю въ Великій постъ пріобщался Святыхъ Таинъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ; однакожь не хотѣлъ слѣдовать обыкновенію предковъ, умиравшихъ всегда Иноками: ибо думалъ, что нѣсколько дней или часовъ Монашества передъ кончиною не спасутъ души, и что Государю пристойнѣе умереть на тронѣ, нежели въ кельѣ.

Такимъ образомъ Лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего Князя; и славя его какъ *перваго побѣдителя Татаръ*, не ставятъ ему въ вину, что онъ далъ Тохтамышу разорить Великое Княженіе, не успѣвъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука.

Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? но добродѣтели Государя, противныя силѣ, безопасности, спокойствію Государства, не суть добродѣтели. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше Московскихъ На-

мѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примирится для блага отечества.—Димитрій прибавилъ къ Московскимъ владѣніямъ одну купленную имъ Мещеру, и подчинивъ себѣ Князей Ярославскихъ, не хотѣлъ отнять у нихъ наслѣдственнаго Удѣла, довольный правомъ предписывать имъ законы ([120]).

Строеніе городовъ и монастырей.

Въ княженіе Донскаго были основаны города Курмышъ и Серпуховъ: первый (въ 1372 году) Борисомъ Константиновичемъ Городецкимъ, а второй (въ 1374) Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, который, чтобы приманить туда людей, далъ жителямъ многія выгоды и льготу, оградилъ его дубовыми стѣнами и сдѣлалъ въ немъ Намѣстникомъ своего Окольничаго, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, въ 1384 году, начавъ строить каменную крѣпость Яму на берегу Луги (нынѣ Ямбургъ), совершили оную въ 33 дни; а въ 1387 обвели Порховъ также кирпичными стѣнами, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ ([121]).—Знаменитые монастыри Чудовъ, Андроньевъ, Симоновскій въ Москвѣ, Высоцкій близъ Серпухова, и другіе остались также памятниками временъ Донскаго. Первые два основаны Митрополитомъ Алексіемъ (который, обогативъ Чудовскую Обитель драгоцѣнными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завѣщалъ погребсти себя въ оной), послѣдніе Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Игуменъ Симонова монастыря, Ѳеодоръ, племянникъ Сергіевъ и Духовникъ Великаго Князя, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь: поставленный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы его Обитель называлась Патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ Митрополита Россійскаго ([122]). Исполняя волю Князя Владиміра Андреевича, своего друга, Св. Сергій избралъ прекрасное мѣсто въ двухъ верстахъ отъ новаго города Серпухова, и собственными руками заложивъ монастырь Высоцкій, оставилъ въ немъ игуменствовать любимаго ученика, именемъ Аѳанасія, который послѣ выѣхалъ навсегда изъ отечества, недовольный изгнаніемъ Митрополита Кипріана, и преставился въ Царѣградѣ.

Дѣла церковныя.

Церковныя дѣла, важныя по тогдашнему времени, заботили Великаго Князя не менѣе государственныхъ. Онъ простилъ Митрополита Пимена единственно въ досаду Кипріану, но не могъ имѣть къ нему ни любви, ни уваженія, и желалъ дать Церкви инаго, достойнѣйшаго Пастыря. Мы говорили о Епископѣ Діонисіи, врагѣ Митяя: обманомъ уѣхавъ въ Константинополь, онъ нашелъ милость въ Патріархѣ и возвратился оттуда съ саномъ *Архіепископа* Суздальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго ([123]). Будучи хитръ, ласковъ, благотворителенъ, Діонисій умѣлъ оправдать себя въ глазахъ Димитрія и заслужилъ его доброе мнѣніе достохвальнымъ подвигомъ Христіанскаго учителя. Еще во время Алексія Митрополита открылась въ Новѣгородѣ ересь *Стригольниковъ*, названныхъ такъ отъ имени Карпа Стригольника, человѣка простаго, но ревностнаго суевѣра, утверждавшаго, что Іереи Россійскіе, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важнаго сана, и что истинные Христіане должны отъ нихъ удаляться. Многіе люди, думая согласно съ нимъ, перестали ходить въ церковь, и народъ, озлобленный ихъ нескромными, дерзкими рѣчами, утопилъ въ Волховѣ трехъ главныхъ виновниковъ раскола, Карпа и Діакона Никиту съ товарищемъ ([124]). Сія излишняя строгость, какъ обыкновенно бываетъ, не уменьшила, но втайнѣ умножила число ересиковъ: Архіепископъ Новогородскій Алексій писалъ о томъ къ Патріарху Нилу, который уполномочилъ Діонисія искоренить зло средствами благоразумнаго убѣжденія. Діонисій отправился въ Новгородъ, во Псковъ, гдѣ Стригольники имѣли также своихъ учениковъ; доказывалъ имъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и наконецъ примирилъ ихъ съ Церковію, къ удовольствію всѣхъ правовѣрныхъ. Отдавая справедливость сей заслугѣ, Великій Князь желалъ видѣть Діонисія на мѣстѣ Пимена, и велѣлъ ему ѣхать въ Константинополь для поставленія, будучи увѣренъ въ согласіи Патріарха. Воля Димитріева дѣйствительно исполнилась; но Владиміръ Ольгердовичъ Кіевскій остановилъ новаго Митрополита на возвратномъ пути изъ Греціи въ Москву, объявивъ,

Ересь Стригольниковъ.

что Кипріанъ есть Глава всей Россійской Церкви — и честолюбивый Діонисій умеръ въ Кіевѣ подъ стражею. Такимъ образомъ Великій Князь два раза не имѣлъ успѣха въ избраніи Митрополитовъ, и какъ бы обезоруженный неблагопріятностію судьбы, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы древняя столица Св. Владиміра и Москва имѣли одного Пастыря духовнаго. Начался судъ между Пименомъ и Кипріаномъ въ Царѣградѣ, куда Великій Князь, въ слѣдъ за первымъ, отправилъ Симоновскаго Архимандрита, Ѳеодора, съ грамотами и дарами. Прошло около трехъ лѣтъ, и дѣло рѣшилось ничѣмъ: Кипріанъ остался Митрополитомъ Кіевскимъ, а Пименъ, возвратясь въ Москву, черезъ годъ уѣхалъ опять въ Грецію, тайно отъ Великаго Князя, расположеннаго къ нему весьма немилостиво: что случилось за мѣсяцъ до кончины Димитріевой.

Крещеніе Перми.

Важнѣйшимъ происшествіемъ для Церковной Исторіи сего времени было обращеніе Пермянъ въ Христіанскую Вѣру. Вся обширная страна отъ рѣки Двины до хребта горъ Уральскихъ издревле платила дань Россіянамъ; но довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми, они не принуждали жителей къ перемѣнѣ Закона. Юный Монахъ, сынъ одного Устюжскаго церковника, именемъ Стефанъ, воспламенился ревностію быть Апостоломъ сихъ идолопоклонниковъ; выучился языку Пермскому, изобрѣлъ для него новыя особенныя буквы, числомъ 24, и перевелъ на оный главныя церковныя книги съ Славянскаго ([125]); хотѣлъ также узнать языкъ Греческій и долго жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Св. Григорія Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библіотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ взялъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, Намѣстника Митрополіи, и Великокняжескія грамоты для своей безопасности; отправился въ Пермь, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ, невѣждамъ, но добродушнымъ. Они слушали его съ изумленіемъ; нѣкоторые крестились охотно; другіе, въ особенности жрецы или кудесники Пермскіе, встревоженные сею новостію, говорили: „Какъ вѣ„рить человѣку, изъ Москвы пришедшему? Не Россіяне ли

„издревле угнетаютъ Пермь тяжкими данями? Отъ нихъ ли „ждать намъ истины и добра? Служа многимъ богамъ оте- „чественнымъ, извѣданнымъ благодѣяніями долговременными, „безумно промѣнять ихъ на одного, чуждаго и неизвѣстнаго. „Они посылаютъ намъ соболей, куницъ и рысей, коими Вель- „можи Русскіе украшаются, торгуютъ и дарятъ Хановъ, Гре- „ковъ и Нѣмцевъ. Народъ! твои учители суть опытные старц- „цы; а сей иноплеменникъ юнъ лѣтами, слѣдственно и разу- „момъ.“ Но Стефанъ подъ защитою Княжескихъ грамотъ, Неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ; умноживъ число новыхъ Христіанъ до тысячи, онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Выми и славилъ Творца вселенныя на языкѣ Пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обряды Христіанскаго богослуженія, дивяся красотѣ храма. Наконецъ, желая доказать имъ безсиліе идоловъ, Стефанъ обратилъ въ пепелъ одну изъ ихъ знаменитѣйшихъ кумирницъ. Народъ видѣлъ и безмолвствовалъ въ ужасѣ, кудесники вопили, святый мужъ проповѣдывалъ. Тщетно главный волхвъ, именемъ Пама, хотѣлъ защитить свою Вѣру: кумиры, разрушенные пламенемъ, свидѣтельствовали ихъ ничтожность. Онъ вызвался пройти невредимъ сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефанъ сдѣлалъ тоже. „Я не повелѣваю стихіями,“ отвѣтствовалъ смиренный Инокъ: „но Богъ Христіанскій великъ: „иду съ тобою.“ Пама думалъ только устрашить его: видя же смѣлость противника, отказался отъ испытанія, и тѣмъ довершилъ торжество истинной Вѣры. Убѣжденные мудрымъ ученіемъ Стефана, жители цѣлыми толпами крестились и вмѣстѣ съ нимъ сокрушали идоловъ, въ домахъ, на улицахъ, дорогахъ и въ рощахъ, бросая въ огонь драгоцѣнныя кожи звѣрей, приносимыя въ даръ симъ деревяннымъ богамъ, и полотняныя тонкія пелены, коими ихъ обвивали. Пишутъ, что главными идолами народа Пермскаго и Обдорскаго были *Воинель* и такъ называемая *Золотая баба*, или каменное изображеніе старухи съ двумя младенцами; что суевѣрные, убивая лучшихъ своихъ оленей въ честь ея, кровію ихъ

мазали ротъ и глаза истукану, отвѣчавшему на вопросы любопытныхъ о тайнахъ судьбы; что близъ того мѣста, въ горахъ, часто раздавался звукъ, подобный трубному, и проч. Создавъ еще двѣ церкви, Стефанъ завелъ при оныхъ училища, чтобы образовать молодыхъ людей для сана Іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву требовать учрежденія особенной Епископіи Пермской. Великій Князь лично зналъ и любилъ его: Митрополитъ Пименъ также. Они нашли Стефана достойнымъ Епископскаго сана, и сей новый Святитель, возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя отца Пермянъ: училъ, благодѣтельствовалъ; во время голода доставлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды, и ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за нихъ у Правительства ([126]). Однимъ словомъ, введеніе Христіанства въ сихъ мѣстахъ, утвержденнаго одною Апостольскою проповѣдію и силою добродѣтели, было счастливою эпохою для обитателей и въ самомъ ихъ гражданскомъ состояніи: народъ благодарный донынѣ съ любовію говоритъ тамъ о дѣлахъ своего перваго наставника, описанныхъ Инокомъ Епифаніемъ, ученикомъ Св. Сергія. Употребивъ всю жизнь на благотвореніе, Стефанъ хотѣлъ закрыть глаза въ Москвѣ, гдѣ и преставился въ княженіе Василія Димитріевича (въ 1396 году) съ названіемъ Святаго; тѣло его погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Сношенія съ Греціею.

Между достопамятностями Димитріева времени должно замѣтить частыя путешествія Греческихъ духовныхъ сановниковъ, особенно изъ Палестины, въ Москву для собранія милостыни. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Іерусалимскій Архимандритъ Нифонтъ, который посредствомъ золота, вывезеннаго имъ изъ Россіи, достигъ Патріаршества ([127]). Утѣсняемые невѣрными, Греки пользовались усердіемъ нашихъ предковъ къ Святымъ Мѣстамъ, и требуя денегъ для возстановленія храмовъ разоренныхъ, употребляли оныя болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды.—Вообще Греція, приближаясь къ своему конечному паденію, и недоброжелательствомъ Рима какъ бы исключенная изъ системы Державъ Христіанскихъ, была въ самой тѣсной связи съ единовѣрною Россіею, которая на-

чинала воскресать въ Москвѣ, и хотя не могла защитить Константинополя, но удѣляла ему часть своего избытка, посылая дары Императору и Патріарху. Житель Цареградской во глубинѣ нашего Сѣвера, какъ прежде въ Кіевѣ, находилъ для себя второе отечество, гдѣ люди ученые столько любили языкъ его, что Алексій Митрополитъ даже въ Русскихъ грамотахъ подписывалъ имя свое по-Гречески. Въ Константинополѣ обитало всегда множество Россіянъ, привлекаемыхъ купечествомъ или набожностію, и жившихъ тамъ обыкновенно въ монастырѣ Св. Іоанна Предтечи. Чтобы дать Читателю ясное понятіе о тогдашнемъ пути отъ Москвы до Царяграда, приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ записокъ одного Россійскаго духовнаго сановника, бывшаго въ Греціи вмѣстѣ съ Митрополитомъ Пименомъ ([128]).

Путешествіе Пимена.

„Мы выѣхали изъ Москвы“—пишетъ онъ—„13 Апрѣля „въ 1389 году, во Вторникъ Страстныя недѣли, и Митро„политъ велѣлъ Епископу Смоленскому, Михаилу, вмѣстѣ съ „Архимандритомъ Спасскимъ Сергіемъ записывать всѣ досто„памятности сего путешествія. Пробывъ Великую Субботу въ „Коломнѣ, отправились мы Окою въ день Пасхи къ Рязани, „гдѣ, за нѣсколько верстъ отъ Переславля, встрѣтили насъ „сыновья Олеговы: наконецъ и самъ Князь со всѣми Боярами „и со крестами. Дружелюбно угостивъ Пимена, онъ проводилъ „его изъ города въ Ѳомино Воскресеніе; а Воевода Княже„скій, Станиславъ, долженствовалъ охранять насъ въ пути „до рѣки Дона: ибо въ сихъ мѣстахъ бываютъ частые разбои. „За ними везли на колесахъ три струга съ большою лодкою, „и въ Четвертокъ спустили ихъ на рѣку Донъ. Въ Пятницу „мы пріѣхали къ урочищу Киръ-Михаилову, гдѣ прежде на„ходился городъ. Тутъ откланялись Митрополиту Бояре Оле„говы и Епископы, Ермій Рязанскій, Ѳеодоръ Ростовскій, Ев„фросинъ Суздальскій, Даніилъ *Звенигородскій* ([129]). Исаакій „же Черниговскій и Михаилъ Смоленскій въ Воскресенье сѣли „съ Пименомъ на суда и поплыли внизъ рѣкою Дономъ.

„Нельзя вообразить ничего унылѣе сего путешествія. Вездѣ „голыя, необозримыя пустыни; нѣтъ ни селенія, ни людей:

„одни дикіе звѣри, козы, лоси, волки. медвѣди, выдры, бобры, „смотрятъ съ берега на странниковъ какъ на рѣдкое явленіе „въ сей странѣ; лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно па- „рили надъ нами. Тамъ существовали нѣкогда города знамени- „тые ([130]): нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ.

„Въ Понедѣльникъ миновали мы рѣку Мечу и Сосну, во „Вторникъ Острую Луку, въ Среду Кривый Боръ ([131]), а въ „шестый день плаванія устье Воронежа. 9 Маія встрѣтилъ насъ „Князь Юрій Елецкій“ (потомокъ Михаила Черниговскаго) „съ своими Боярами и со множествомъ людей. Исполняя данное „ему Олегомъ повелѣніе, онъ изъявилъ Митрополиту искреннее „дружелюбіе, снабдилъ его всемъ нужнымъ.

„Оттуда приплыли мы къ Тихой Соснѣ, и на ея берегахъ „увидѣли рядъ бѣлыхъ каменныхъ столповъ, подобныхъ малымъ „стогамъ ([132]):работа и видъ прекрасны!

„Оставивъ за собою рѣки Червленный Яръ, Битюгъ и Хо- „перъ, въ пятое Воскресеніе послѣ Свѣтлаго миновали мы „устье Медвѣдицы и другихъ рѣкъ а во Вторникъ *Серклію* „(Саркелъ?), городъ древній, и нынѣ только развалины ([133]). „Тутъ въ первый разъ на обѣихъ сторонахъ Дона показались „Татары Сарыхозина Улуса и безчисленное множество ихъ скота, „овецъ, козъ, воловъ, вельблюдовъ, коней. Мысль, что мы уже „вступили въ землю сихъ варваровъ, приводила насъ въ тре- „петъ; но они не сдѣлали никому обиды, а только спраши- „вали вездѣ, куда ѣдемъ, и давали намъ молока. Такимъ „образомъ проплывъ еще мимо Улуса Вулатова и Акбугина, „мы на канунѣ Вознесенія достигли Азова, города Фряжскаго „и Нѣмецкаго; а въ Недѣлю Святыхъ Отцевъ перегрузились „въ корабль на устьѣ Дона“. Тутъ путешественникъ разска- зываетъ, что Генуэзцы, у коихъ Пименъ (въ 1380 году) за- нималъ деньги въ Греціи на имя Великаго Князя, схватили его какъ неисправнаго должника и хотѣли заключить въ тем- ницу; однакожъ Митрополитъ откупился серебромъ, благополу- чно отправился въ свой путь Азовскимъ и Чернымъ моремъ.

Осыпая въ Москвѣ единовѣрныхъ Грековъ благодѣяніями, Димитрій привлекалъ въ Россію и другихъ Европейцевъ. Ме-

Итальянцы въ нашей службѣ.

жду его грамотами находимъ одну, данную Андрею *Фрязину* (вѣроятно Генуэзцу) на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матѳеемъ Фрязиномъ ([134]). Въ грамотѣ сказано, чтобы жители ему повиновались, и что онъ, слѣдуя древнимъ уставамъ, долженъ блюсти тамъ общее спокойствіе. Димитрій, Глава Новогородцевъ, имѣлъ какъ видно право давать Намѣстника Печерянамъ, ихъ подданнымъ. Такимъ образомъ Москва и въ XIV вѣкѣ не нуждалась иностранцевъ, которые могли быть нужны для ея гражданскаго образованія, и мнѣніе, что до временъ Іоанна III она не имѣла никакого сношенія съ Западомъ Европы, есть ложное. Азовскіе и Таврическіе Генуэзцы служили посредниками между Италіею и нашимъ Сѣверомъ.

Деньги вмѣсто кунъ.

Въ государствованіе Донскаго Россіяне Великаго Княженія оставили куны, замѣнивъ оныя мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцомъ Татарская. Моголы въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и лоскутки кожанные съ клеймомъ Ханскимъ; но въ Бухаріи и въ Капчакѣ имѣли собственную серебряную и мѣдную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою* ([135]). Россіяне симъ именемъ назвали и свою, то есть серебряную *деньгами* а мѣдную *пулами*. Послѣднія уже ходили и при отцѣ Донскаго; а древнѣйшія изъ серебряныхъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, биты въ княженіе Димитрія, вѣсомъ $\frac{1}{4}$ золотника, съ изображеніемъ всадника. Въ мирномъ условіи Тверскаго Князя съ Димитріемъ, заключенномъ въ 1375 году, еще упоминается о *ръзанехъ* или мелкихъ кунахъ; но въ позднѣйшихъ договорахъ цѣны вещей опредѣляются только *алтынами* и *деньгами* (коихъ считалось 6 въ алтынѣ.)

Огнестрѣльное искусство въ Россіи.

Послѣдній годъ Димитріева княженія особенно достопамятенъ началомъ огнестрѣльнаго искусства въ Россіи. Пишутъ, что Монахъ Францисканскій, Константинъ Англичанинъ или Бартольдъ Шварцъ, изобрѣлъ порохъ около половины XIV вѣка, и сообщилъ сіе важное открытіе Венеціянамъ, воевавшимъ тогда съ Генуэзцами. Французы въ 1338 году уже знали оное, и Король Англійскій, Эдуардъ III, въ славной

битвѣ при Креси (въ 1346), разилъ непріятелей пушками. Вѣроятно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ. Восточные Историки XIII столѣтія описываютъ его дѣйствіе, и Гренадскій Владѣтель, Абалвалидъ Исмаилъ Бенъ Ассеръ, въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнестрѣльный. Нѣтъ сомнѣнія, что и Монахъ Рогеръ Баконъ за 100 лѣтъ до Бартольда Шварца умѣлъ составлять порохъ: ибо ясно говоритъ, въ своемъ твореніи de nullitate Magiae, о свойствѣ и силѣ онаго. Сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца, что въ 1185 году Князь Половецкій, Кончакъ, возилъ съ собою Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, также заставляетъ думать, что оружіе сего человѣка могло быть огнестрѣльное. Но въ Россіи оно не употреблялось до 1389 года, когда, по извѣстію одной лѣтописи, вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную*, съ того времени свѣданную Россіянами. Хотя еще въ описаніи Московской осады 1382 года упоминается о *пушкахъ;* но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или махины, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ.—При сынѣ Донскаго, Василіи, уже дѣлали въ Москвѣ и порохъ ([136]).

Кометы.

Наконецъ, описавъ исторію временъ Димитрія, прибавимъ, что Лѣтописцы наши, согласно съ другими, говорятъ о явленіи Кометъ зимою въ 1368 и весною въ 1382 годахъ ([137]): вторая, по ихъ мнѣнію, предвѣстила грозное Тохтамышево нашествіе. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующій годъ около Москвы снѣгъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ послѣ Святой Пасхи и люди ѣздили на саняхъ до 20 Апрѣля. Разныя небесныя знаменія, чудесныя для невѣжества, также засухи и великіе пожары были весьма обыкновенны въ государствованіе Димитрія.

Зима до 20 Апрѣля.

ГЛАВА II.

Великій Князь Василій Димитріевичь.

Г. 1389—1425.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Вел. Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовта съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженіе. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйства Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о представленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго.

Г. 1389. Августа 15. Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ.

Димитрій оставилъ Россію готовую снова противоборствовать насилію Хановъ: юный сынъ его, Василій, отложилъ до времени мысль о независимости, и былъ возведенъ на престолъ въ Владимірѣ Посломъ Царскимъ, Шахматомъ. Такимъ образомъ достоинство Великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Уже никто не спорилъ съ ними о сей чести. Хотя Борисъ Городецкій, старѣйшій изъ потомковъ Ярослава II, немедленно по кончинѣ Донскаго отправился въ Сарай; но цѣлію его исканій былъ единственно Нижній Новгородъ, отнятый у него племянниками. Тохтамышъ, неблагодарно предпріявъ воевать сильную Имперію Тамерланову, велѣлъ ему ѣхать за собою къ границамъ Персіи; наконецъ дозв-

волилъ остаться въ Сараѣ, и разоривъ многіе города бывшаго своего заступника, по возвращеніи въ Улусы отпустилъ Бориса въ Россію съ новою жалованною грамотою на область Нижегородскую ([138]).

Характеръ Аристократіи.

Великій Князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію Совѣта: окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донскаго, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцати-шести-лѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія, равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Василіева, Князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе Бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи: Владиміръ, ни въ чемъ не нарушивъ договора, заключеннаго съ Донскимъ — бывъ всегда ревностнымъ стражемъ отечества, и довольный жребіемъ Князя второстепеннаго — оскорбился неблагодарностію племянника, и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжекъ. Сія несчастная ссора, какъ и бывшая съ отцемъ Василія, скоро прекратилась возобновленіемъ дружественной грамоты 1388 года. Владиміръ, сверхъ его прежняго Удѣла и трети Московскихъ доходовъ, получилъ Волокъ и Ржевъ: за то обѣщалъ повиноваться юному Василію какъ старѣйшему, ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ, и проч.; а съ Волока платить Ханамъ 170 рублей въ число пяти тысячь Василіевыхъ ([139]).

Договоръ.

Обстоятельство, что Владиміръ Андреевичь во время раздора съ племянникомъ жилъ въ области Новогородской, достойно замѣчанія. Владѣтели Московскіе, присвоивъ себѣ исключительное право на санъ Великокняжескій, считали и Новгородъ наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ, вопреки его древней, основанной на грамотахъ Ярославовыхъ свободѣ избирать Князей. Отъ того сыновья Калиты, Симеонъ, Іоаннъ, при

г. 1390.

восшествіи на престолъ были въ раздорѣ съ симъ гордымъ народомъ: Василій также; и Новогородцы охотно дали убѣжище недовольному Владиміру, чтобы имѣть въ немъ опору на всякой случай; но видя искреннее примиреніе дяди съ племянникомъ, желали и сами участвовать въ ономъ. Дѣло шло единственно о чести или обрядѣ. „Мы рады повиноваться „Князю Московскому,“ говорили они: „только прежде напи„шемъ условія какъ люди вольные.“ Сіи условія по обыкновенію состояли въ опредѣленіи извѣстныхъ правъ Княжескихъ и народныхъ. Василій не захотѣлъ спорить, и въ присутствіи Бояръ Новогородскихъ, въ Москвѣ, утвердивъ печатію договорную грамоту, отправилъ къ нимъ въ Намѣстники Вельможу Московскаго, Евстафія Сыту ([140]).—Замѣтимъ, что со временъ Калиты Новогородцы уже не имѣли собственныхъ, особенныхъ Князей, повинуясь Великимъ или Московскимъ, которые управляли ими чрезъ Намѣстниковъ: ибо Наримантъ, Патрикій, Лугвеній и другіе Князья, Литовскіе и Россійскіе, съ того времени находились у нихъ единственно въ качествѣ Воеводъ, или частныхъ властителей.

Политика Василіева.

Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московскаго: надлежало прервать или облегчить цѣпи, возложенныя Ханами на Россію—удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить Великое Княженіе присоединеніемъ къ оному Удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичь дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась правилъ умѣренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ государственнаго могущества.

Бракъ.

На семнадцатомъ году жизни онъ сочетался бракомъ съ юною Софіею, дочерью Витовта, сына Кестутіева ([141]). Изгнанный Ягайломъ изъ отечества, сей витязь жилъ въ Пруссіи у Нѣмцевъ. Въ одной изъ лѣтописей сказано, что Василій, въ 1386 году бѣжавъ изъ Орды въ Молдавію, на пути въ Россію былъ задержанъ Витовтомъ въ какомъ-то Нѣмецкомъ городѣ, и наконецъ, освобожденный съ условіемъ жениться на

его дочери, чрезъ пять лѣтъ исполнилъ сіе обѣщаніе, согласно съ честію и пользою государственною. Уже Витовтъ славился разумомъ и мужествомъ; имѣлъ также многихъ друзей въ Литвѣ, и по всѣмъ вѣроятностямъ не могъ долго быть изгнанникомъ. Василій надѣялся пріобрѣсти въ немъ или сильнаго сподвижника противъ Ягайла или посредника для мира съ Литвою. Бояре Московскіе, Александръ Поле, Белевутъ, Селиванъ, ѣздили за невѣстою въ Пруссію и возвратились чрезъ Новгородъ. Князь Литовскій, Иванъ Олгимонтовичь, проводилъ ее до Москвы, гдѣ совершилось брачное торжество къ общему удовольствію народа, г. 1391 Января 9.

Скоро Великій Князь отправился къ Хану. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Царевичь Беткутъ, посланный Тохтамышемъ отъ береговъ Волги и Казанки сквозь дремучіе лѣса къ Сѣверу, разорилъ Вятку, гдѣ со временемъ Андрея Боголюбскаго обитали Новогородскіе выходцы въ свободѣ и независимости, торгуя или сражаясь съ Чудскими сосѣдственными народами ([142]). Слухъ о благосостояніи сей маленькой Республики вселилъ въ Моголовъ желаніе искать тамъ добычи и жертвъ корыстолюбія. Изумленные внезапнымъ ихъ нашествіемъ, жители не могли отстоять городовъ, основанныхъ среди пустынь и болотъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ: одни погибли отъ меча, другіе навѣки лишились вольности, уведенные въ плѣнъ Беткутомъ; многіе спаслися въ густотѣ лѣсовъ, и предпріяли отмстить Татарамъ. Новогородцы, Устюжане соединились съ ними, и на большихъ лодкахъ рѣкою Вяткою доплывъ до Волги, разорили Жукотинъ, Казань, Болгарскіе, принадлежащіе Ханамъ города, и пограбили всѣхъ купцевъ, ими встрѣченныхъ. Однакожь не сіи случаи заставили Великаго Князя ѣхать въ Орду: намѣреніе его обнаружилось въ слѣдствіяхъ, составившихъ достопамятную эпоху въ постепенномъ возвышеніи Московскаго Княженія. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ съ удивительною ласкою. Еще никто изъ Владѣтелей Россійскихъ не видалъ тамъ подобной чести. Казалось, что не данникъ, а другъ и союзникъ посѣтилъ Хана. Утвердивъ Нижегородскую область за Княземъ Борисомъ Го-

г. 1392 Іюля 16. Великій Князь въ Ордѣ.

Разореніе Вятки.

родецкимъ, Тохтамышъ, согласно съ мыслями Вельможъ своихъ, не усомнился признать Василія наслѣдственнымъ ея Государемъ. Великій Князь хотѣлъ еще болѣе, и получилъ все по желанію: Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Послѣднія двѣ области были древнимъ Удѣломъ Черниговскихъ Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамышъ, начавъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ, боялся, чтобы Россіяне не пристали къ сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарнаго повелителя Золотой Орды, шелъ отъ моря Аральскаго и Каспійскаго къ пустынямъ сѣверной Азіи. Хотя Лѣтописцы не говорятъ того, однакожь вѣроятно, что Василій, требуя милостей Хана, обѣщалъ ему не только вѣрность, но и сильное вспоможеніе: какъ Глава Князей Россійскихъ, онъ могъ ручаться за другихъ, и тѣмъ обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбіе Вельможъ Ординскихъ и богатые дары Васильевы рѣшили всякое сомнѣніе. Уже Тохтамышъ двинулся съ полками на встрѣчу къ непріятелю за Волгу и Яикъ ([113]): Великій Князь спѣшилъ удалиться отъ кровопролитія; а Посолъ Ханскій, Царевичь Уланъ, долженствовалъ возвести его на престолъ Нижегородскій.

Октября 26. Три мѣсяца Василій былъ въ отсутствіи: народъ Московскій праздновалъ возвращеніе юнаго Государя какъ особенную милость Небесную. Еще не доѣхавъ до столицы, Великій Князь изъ Коломны отправилъ Бояръ своихъ съ Ханскою грамотою и съ Посломъ Царевымъ въ Нижній, гдѣ Князь Борисъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, собралъ Вельможъ на совѣтъ. Но знатнѣйшій изъ нихъ, именемъ Румянецъ, оказался предателемъ. Князь хотѣлъ затворить ворота городскія.

Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. „Посолъ Царевъ“ (сказалъ Румянецъ) „и Бояре Московскіе „ѣдутъ сюда единственно для утвержденія любви и мира съ „тобою: впусти ихъ и не оскорбляй ложнымъ подозрѣніемъ. „Окруженный нами, вѣрными защитниками, чего можешь страшиться?“ Князь согласился, и поздно увидѣлъ измѣну. Бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ, ударили въ колокола, собрали

жителей, объявили Василія ихъ Государемъ. Тщетно Борисъ звалъ къ себѣ дружину свою. Коварный Румянецъ отвѣтствовалъ: „мы уже не твои“ — и съ другими единомышленниками предалъ Бориса слугамъ Великокняжескимъ (144). Самъ Василій съ Боярами старѣйшими прибылъ въ Нижній, гдѣ учредивъ новое правленіе, поручилъ сію область Намѣстнику, Димитрію Александровичу Всеволожу. Такъ рушилось, съ своими Удѣлами, особенное Княжество Суздальское, коего именемъ долго называлась сильная Держава, основанная Андреемъ Боголюбскимъ, или всѣ области сѣверо-восточной Россіи между предѣлами Новогородскими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими. — Борисъ чрезъ два года умеръ. Его племянники, Василій, прозваніемъ Кирдяпа, и Симеонъ, бѣжавъ въ Орду, напрасно искали въ ней помощи. Хотя Царевичь Эйтякъ вмѣстѣ съ Симеономъ (въ 1399 году) приступалъ къ Нижнему и взялъ городъ обманомъ; но имѣя у себя едва тысячу воиновъ, не могъ удержать онаго (145). Супруга Симеонова, бывъ долго подъ стражею въ Россіи, нашла способъ уйти въ землю Мордовскую, подвластную Татарамъ, и жила въ какомъ-то селеніи у Христіанской церкви, сооруженной Хивинскимъ Туркомъ Хазибабою: Бояре Великаго Князя, посланные съ отрядомъ войска, взяли сію несчастную Княгиню и привезли въ Москву. Между тѣмъ ея горестный супругъ, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лѣтъ скитался съ Моголами по дикимъ степямъ, служилъ въ разныя времена четыремъ Ханамъ, и наконецъ прибѣгнулъ къ милости Великаго Князя, который возвратилъ ему семейство и позволилъ избрать убѣжище въ Россіи. Симеонъ, изнуренный печалями, добровольно удалился въ независимую область Вятскую, гдѣ и скончался чрезъ пять мѣсяцевъ (въ 1402 году), бывъ жертвою общей пользы государственной. Старшій братъ Симеоновъ, Василій Кирдяпа, умеръ также въ изгнаніи. Сыновья Василіевы и Борисовы то служили при Дворѣ Московскомъ, то уходили въ Орду; а внукъ Кирдяпинъ, Александръ Ивановичь Брюхатый, женился послѣ на дочери Великаго Князя именемъ Василисѣ (146).

Дѣла съ Новымгородомъ.

Руководствуясь правилами государственнаго блага, Василій и въ другихъ случаяхъ ни боялся казаться не излишно властолюбивымъ, ни жестокимъ. Такъ въ слѣдствіе вторичнаго несогласія съ Новогородцами, не хотѣвшими платить ему *черный* или народной дани, изъявилъ онъ строгость необыкновенную, хитро соединивъ выгоды казны своей съ честію Главы Духовенства. Митрополитъ Кипріанъ, безспорно заступивъ мѣсто умершаго въ Царѣградѣ Пимена, ѣздилъ (въ 1392 году) изъ Москвы въ Новгородъ; съ пышными обрядами служилъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ; велегласно училъ народъ съ амвона, и двѣ недѣли пировалъ у тамошняго Архіепископа, Іоанна, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими чиновниками, которые, въ знакъ особеннаго уваженія, отъ имени всего города подарили ему нѣсколько дворовъ. Но сіе дружелюбіе измѣнилось, когда Митрополитъ въ собраніи гражданъ объявилъ, чтобы они, слѣдуя древнему обыкновенію, относились къ нему въ дѣлахъ судныхъ. Посадникъ, Тысячскій и всѣ отвѣтствовали единодушно; „мы клялися, что не будемъ зависѣть отъ суда Ми„трополитовъ, и написали грамоту“. *Дайте мнѣ оную*, сказалъ Кипріанъ: *я сорву печать и сниму съ васъ клятву*. Народъ не хотѣлъ, и Кипріанъ уѣхалъ съ великою досадою ([147]). Зная, сколь Митрополиты пребываніемъ своимъ въ Москвѣ способствовали знаменитости ея Князей и нужны для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ Единовластіи, Василій съ жаромъ вступился за Пастыря Церкви. Посолъ Великокняжескій представилъ Новогородцамъ, что они, съ 1386 года плативъ Донскому народную дань, обязаны платить ее сыну его; обязаны также признать Митрополита судіею въ дѣлахъ гражданскихъ, или испытаютъ гнѣвъ Государевъ. Новогородцы отвѣчали, что народная дань издревле шла обыкновенно въ общественную казну, а Князь довольствовался однѣми пошлинами и дарами; что второе требованіе Василія, касательно Митрополита, противно ихъ совѣсти ([148]). Сей отвѣтъ былъ принятъ за объявленіе войны. Полки Московскіе, Коломенскіе, Звенигородскіе, Дмитровскіе предводимые дядею Великаго Князя, Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ и

сыномъ Донскаго, Юріемъ, взяли Торжекъ и множество плѣн- г. 1393.
никовъ въ областяхъ Новагорода, куда сельскіе жители съ имѣніемъ, съ дѣтьми бѣжали отъ меча и неволи. Уже рать Московская, совершивъ месть, возвратилась, когда Василій узналъ, что Торжекъ, оставленный безъ войска, бунтуетъ, и что ревностный доброхотъ Великокняжескій, именемъ Максимъ убитъ друзьями Новогородскаго Правительства. Тутъ онъ рѣшился неслыханною у насъ дотолѣ казнію устрашить мятежниковъ; велѣлъ Боярамъ снова итти съ полками въ Торжекъ, изыскать виновниковъ убійства и представить въ Москву. Привели семдесятъ человѣкъ. Народъ собрался на площади и былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. Осужденные на смерть сіи преступники исходили кровію въ мукахъ: имъ медленно отсѣкали руки, ноги, и твердили, что такъ гибнуть враги Государя Московскаго!... Василій еще не имѣлъ и двадцати лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, по совѣту Бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ Государствомъ отъ разновластія.—Новогородцы съ своей стороны искали себѣ удовлетворенія въ разбояхъ: взяли Кличенъ Устюжну; сожгли Устюгъ, Бѣлозерскъ, не щадя и святыхъ храмовъ, обдирая иконы и книги церковныя, пытали богатыхъ людей, чтобы узнать, гдѣ скрыты ихъ сокровища; плѣняли гражданъ, земледѣльцевъ и наполнивъ добычею множество лодокъ, отправили все внизъ по Двинѣ. Два Князя предводительствовали сими хищниками: Романъ Литовскій и Константинъ Іоанновичъ Бѣлозерскій, коего отецъ и дѣдъ пали въ славной Донской битвѣ ([149]). Сей юный Князь, не захотѣвъ быть подручникомъ Государя Московскаго вступилъ въ службу Новагорода, его непріятеля. Но война не продолжилась ибо Новогородцы, извѣдавъ твердый характеръ Василія разочли, что лучше уступить ему требуемую имъ дань, нежели отказаться отъ купеческихъ связей съ Московскими владѣніями и подвергать опасностямъ свою торговлю Двинскую, которой онъ, господствуя надъ Устюгомъ Бѣлымозеромъ, легко могъ препятствовать: обстоятельство всегда рѣшительное

въ ихъ ссорахъ съ Великими Князьями. Надлежало удовольствовать и Митрополита, тѣмъ необходимѣе, что Патріархъ Константинопольскій, Антоній, взялъ его сторону и велѣлъ имъ сказать: „повинуйтеся во всемъ Главѣ Церкви Россійской“. И такъ они прислали знатнѣйшихъ людей въ Москву умилостивить Государя смиренными извиненіями и вручить Кипріану судную грамоту. Митрополитъ благословилъ ихъ, а Великій Князь отправилъ Бояръ въ Новгородъ для утвержденія мира. Съ ними ѣздилъ и посолъ Митрополитовъ, коему чиновники и народъ дали тамъ 350 рублей въ знакъ дружелюбія.

Нашествіе Тамерлана.

Въ то время, когда юный Василій, пріобрѣтеніями и строгостію утверждая свое могущество, съ радостію взиралъ издали на внѣшнія и внутреннія опасности Капчакской ненавистной Орды, — въ то самое время онъ увидѣлъ новую тучу варваровъ, готовую истребить счастливое твореніе Іоанна Калиты, Героя Донскаго и его собственное, то есть, вторично обратить Россію въ кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерланѣ, Тимурѣ или Темиръ-Аксакѣ ([150]) будучи сыномъ одного ничтожнаго Князька въ Имперіи Чагатайскихъ Моголовъ, и рожденный во дни ея паденія когда безначаліе, раздоры властолюбіе Эмировъ предали оную въ жертву Хану Кашгарскому и Гетамъ или Калмыкамъ, онъ въ первомъ цвѣтѣ юности замыслилъ избавить отечество отъ неволи, — возстановить величіе онаго, наконецъ покорить вселенную и громомъ славы жить въ памяти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ, и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: подъ защитою горъ и пустынь собирая вѣрныхъ товарищей, пріучая ихъ и себя къ воинской доблести, неутомимо тревожа Гетовъ, онъ безчисленными успѣхами купилъ

славу Героя. Враги побѣжденные удалились; Держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить враговъ внутреннихъ, Эмировъ властолюбивыхъ, и самаго бывшаго друга и главнаго сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сеймъ единодушно возгласилъ Тимура, на тридцать-пятомъ году его жизни, Монархомъ Чагатайской Державы и Сагебъ-Керемомъ или *владыкою міра*. Сидя въ златомъ вѣнцѣ на престолѣ сына Чингисханова, опоясанный Царскимъ поясомъ, осыпанный, по восточному обыкновенію, золотомъ и каменьями драгоцѣнными, Тимуръ клялся Эмирамъ стоящимъ предъ нимъ на колѣнахъ, оправдать дѣлами свое новое достоинство и побѣдить всѣхъ Царей земли. Боясь казаться народу хищникомъ, сей лукавый властолюбецъ жаловалъ потомковъ Чингисовыхъ въ Великіе Ханы, держалъ ихъ при себѣ и повелѣвалъ будто бы только именемъ сихъ законныхъ Государей Могольскихъ. Война слѣдовала за войною, и каждая была завоеваніемъ. Въ 1352 году, за семь лѣтъ до его восшествія на престолъ Чагатайскій, укрываясь въ пустыняхъ отъ непріятелей, онъ не имѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ одного тощаго коня и дряхлаго вельблюда; а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался Монархомъ двадцати-шести Державъ въ трехъ частяхъ міра. Овладѣвъ восточными берегами моря Каспійскаго, устремился на Персію, или древній Иранъ, гдѣ, между рѣками Оксомъ и Тигромъ, долго царствовалъ родъ Чингисовъ, но тогда, вмѣсто Монарха, господствовали многіе Князья слабые: одни смиренно облобызали коверъ Тимурова престола; другіе сражались и гибли. Богатый Ормусъ заплатилъ ему дань золотомъ: Багдадъ, нѣкогда столица великихъ Калифовъ, покорился. Уже вся Азія отъ моря Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравіи, признавала Тимура своимъ повелителемъ, когда онъ, собравъ Эмировъ, сказалъ имъ: „Друзья и сподвижники! счастіе, бла„гопріятствуя мнѣ, зоветъ насъ къ новымъ побѣдамъ. Имя „мое привело въ ужасъ вселенную; движеніемъ перста потрясаю „землю. Царства Индіи намъ отверсты: сокрушу что дерзнетъ „противиться, и буду владыкою оныхъ“ ([151]). Эмиры изуми-

лись: цѣпи горъ высокихъ, глубокія рѣки, пустыни, огромные слоны и милліоны воинственныхъ жителей устрашали ихъ воображеніе. Но Тимуръ, увѣренный въ своемъ счастіи, шелъ смѣло по слѣдамъ Героя Македонскаго въ сію цвѣтущую страну міра, гдѣ Исторія полагаетъ колыбель человѣческаго рода, и куда искони стремились завоеватели, отъ Вакха до Семирамиды, отъ Сезостриса до Александра Великаго; въ страну славнѣйшую древностію преданій, но менѣе другихъ извѣстную по лѣтописямъ. Тимуръ перешелъ Индъ, взялъ Дели (гдѣ уже болѣе трехъ вѣковъ властвовали Султаны Магометанской Вѣры) и на берегахъ Гангеса истребивъ множество Гебровъ огнепоклонниковъ, остановился у той славный скалы, которая, имѣя видъ телицы, извергаетъ изъ нѣдръ своихъ сію знаменитою въ баснословіи Востока рѣку. Тамъ свѣдалъ онъ о бунтѣ Христіанъ Грузинскихъ, о блестящихъ успѣхахъ Баязетова оружія, и возвратился; смирилъ первыхъ, не взирая на ихъ неприступныя горы и не терпя равнаго себѣ въ воинской славѣ, хотѣлъ, чтобы Султанъ Турецкій удержалъ быстрое стремленіе своихъ завоеваній, которыя въ окрестностяхъ Евфрата сближались съ Могольскими. „Знай“ — писалъ онъ „къ Баязету ([152]) — что мои воинства покрываютъ землю отъ „одного моря до другаго; что Цари служатъ мнѣ тѣлохра„нителями и стоятъ рядами предъ шатромъ моимъ; что судьба „у меня въ рукахъ и счастіе всегда со мною. Кто ты? му„равей Туркоманскій: дерзнешь ли возстать на слона? Если „ты въ лѣсахъ Анатолій одержалъ нѣсколько побѣдъ ничто„жныхъ; если робкіе Европейцы обратили тылъ предъ тобою: „славь Магомета, а не храбрость свою..... Внемли совѣту „благоразумія: останься въ предѣлахъ отеческихъ, какъ они „ни тѣсны; не выступай изъ оныхъ, или погибнешь“. Гордый Баязетъ отвѣтствовалъ равнодушно: „Давно желаю „воевать съ тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на мечь мой!“ Баязетъ имѣлъ время изготовиться къ сей войнѣ: ибо врагъ его, раздраженный тогда Султаномъ Египетскимъ, устремился къ Средиземному морю. Сирія, Египетъ, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завое-

ваніемъ лестнымъ. Разбивъ Мамелюковъ подъ стѣнами Алепа, въ тотъ самый часъ, когда свирѣпые Моголы лили кровь единовѣрцевъ въ семъ городѣ, Тимуръ спокойно бесѣдовалъ съ учеными мужами Алепскими и краснорѣчиво доказывалъ имъ, что онъ другъ Божій; что одни упрямые враги его будутъ отвѣтствовать Небу за претерпѣваемыя ими бѣдствія. Сей хитрый лицемѣръ дѣйствительно при всякомъ случаѣ изъявлялъ набожность, предъ битвами обыкновенно совершалъ молитву на колѣнахъ, за побѣды торжественно благодарилъ Всевышняго, и на пути къ Дамаску, гдѣ надлежало ему сразиться съ войскомъ Египетскимъ, остановилъ многочисленные полки свои, чтобы въ глазахъ ихъ смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для Мусульмановъ. Султанъ Египетскій, Фаручь, заключилъ въ темницу Пословъ Могольскихъ: Тимуръ писалъ къ нему: „Великіе завоеватели собираютъ „воинства, ищутъ опасностей и битвъ единственно для чести „и памяти безсмертной. Сей грозный шумъ ополченій, гдѣ „милліоны людей бываютъ въ движеніи, производимъ любовію „ко славѣ, а не къ стяжанію: ибо человѣкъ можетъ насы„титься въ день одною половиною хлѣба. Ты дерзнулъ оскор„бить меня: если бы камни говорить могли, они научили бы „тебя осторожности“. Побѣдивъ Фаруча онъ съ ласкою угостилъ въ шатрѣ своемъ ученаго Кади Веледдина присланнаго жителями Дамаска умилостивить его; говорилъ съ нимъ объ исторіи народовъ (ибо всѣ происшествія міра, Востока и Запада, по словамъ современнаго Арабскаго Писателя, были ему извѣстны); хвалилъ Государей милосердыхъ, и такъ мало заботился о снисканіи сей добродѣтели, что оставилъ въ Дамаскѣ однѣ кучи пепла. Нигдѣ Татары не находили столько богатства, золота и всякихъ драгоцѣнностей, какъ въ семъ городѣ, гдѣ шесть вѣковъ цвѣла торговля. — Скоро рѣшилась и судьба Баязетова. Страшные Янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастію Моголовъ. Плѣнивъ Баязета, Тимуръ обнялъ его, посадилъ на коврѣ Царскомъ рядомъ съ собою и старался утѣшить разсужденіями о тлѣнности мірскаго величія: отнявъ у него корону, подарилъ ему

одежду драгоцѣнную, и хвастовствомъ великодушія еще болѣе нежели своею побѣдою, унизилъ сего бывшаго знаменитаго Монарха. — Обложивъ данію Султана Мамелюковъ, Османовъ, Императора Греческаго; властвуя отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Гангеса, Тимуръ жилъ въ Самаркандѣ и называлъ себя Главою лучшей половины міра. Въ сію столицу возвращался онъ послѣ всякаго завоеванія, наслаждаться кратковременнымъ отдохновеніемъ; украшалъ великолѣпно мечети, разводилъ сады, и желая слыть благотворителемъ людей, соединялъ каналами рѣки, строилъ новые города, въ надеждѣ, что слабые умы, ослѣпляемые призраками лицемѣрныхъ государственныхъ добродѣтелей, простятъ ему множество разрушенныхъ имъ городовъ древнихъ, убіеніе милліонновъ и высокія пирамиды головъ человѣческихъ, коими его Моголы знаменовали свои побѣды на мѣстѣ кровопролитія, на пепелищахъ Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимуръ не совершилъ всѣхъ описанныхъ нами завоеваній, когда, оскорбленный неблагодарностію Тохтамыша, онъ въ первый разъ приближился къ границамъ Россіи. Войско его шло отъ Самарканда и рѣки Сигона черезъ Ташкентъ, Ясси или Туркестанъ, за коимъ уже начиналось владѣніе Капчакской Орды, въ нынѣшнихъ степяхъ Киргизскихъ. Стоя на высокомъ холмѣ, Тимуръ долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ необозримыя, гладкія равнины, подобныя морю, и велѣлъ тутъ, въ память вѣкамъ, соорудить высокую пирамиду съ означеніемъ Эпиры и дня, когда онъ вступилъ въ сіи ужасныя пустыни. Четыре мѣсяца шли Татары къ Сѣверу, питаясь наиболѣе мясомъ дикихъ козъ, сайгаковъ, птичьими яицами и травою. Звѣриная ловля представляла въ сихъ пустыняхъ зрѣлище шумной войны. Разсыпаясь на великомъ пространствѣ, Моголы составляли кругъ и гнали звѣрей прямо къ ставкѣ Императорской при звукѣ оружія и трубъ. Тимуръ выѣзжалъ на конѣ, и встрѣчая цѣлыя стада всякаго рода животныхъ, стрѣлялъ любыхъ; наконецъ, утомленный охотою, входилъ въ шатеръ свой обѣдать. Тогда воины бросались на звѣрей, убивали всѣхъ безъ остатка, разводили безчисленные

огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для нихъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ самымъ счастливѣйшимъ открытіемъ. — Достигнувъ пятидесятаго Градуса Широты, между рѣками Эмбою и Тоболомъ, войско остановилось. Тимуръ въ богатой одеждѣ и въ Царскомъ вѣнцѣ сѣлъ на коня; имѣя въ рукѣ златую державу, объѣхалъ всѣ полки, и довольный ихъ исправностію, вооруженіемъ, бодрымъ духомъ, велѣлъ итти далѣе, къ берегамъ Урала. Тамъ показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей Ханъ презрѣлъ совѣтъ умныхъ Вельможъ, которые говорили ему, что страшно быть врагомъ счастливаго: ненавидя въ Тимурѣ хищника власти, принадлежащей потомкамъ Чингисхановымъ, онъ грозился свергнуть его съ трона. Ежедневныя стычки передовыхъ отрядовъ заключились кровопролитнымъ сраженіемъ въ степяхъ Астраханской Губерніи: разбитый Тохтамышъ бѣжалъ за Волгу; а Тимуръ на ея берегахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду среди обширнаго луга, гдѣ прекрасныя невольницы разносили яства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ; окруженный своими женами, онъ сидѣлъ на престолѣ Капчакскомъ и съ удовольствіемъ внималъ пѣснямъ, коими стихотворцы Могольскіе славили сей блестящій успѣхъ его оружія и которыя были названы *Фатеамей Капчакъ*, или *торжествомъ Капчакскимъ*: двадцать-шесть дней Эмиры и воины пировали, наслаждаясь всѣми утѣхами роскоши. Но Тимуръ не хотѣлъ быть долѣе въ сей завоеванной имъ странѣ, и тѣмъ же путемъ, чрезъ 11 мѣсяцевъ, возвратился въ Самаркандъ.

Прошло около трехъ лѣтъ. Тохтамышъ, оставленный въ покоѣ непріятелемъ, снова послалъ войско разорять сѣверную Персію. „Во имя всемогущаго Бога“ — писалъ къ нему Тамерланъ — „спрашиваю, съ какимъ намѣреніемъ ты, Ханъ „Капчакскій, управляемый Демономъ гордости, выступаешь „изъ своихъ предѣловъ? Развѣ забылъ ты послѣднюю войну, „когда рука моя обратила въ прахъ твои силы, богатства и „владѣнія? Неблагодарный! вспомни, сколь нѣкогда оказалъ „я тебѣ милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли міра? „хочешь ли войны? избирай; мнѣ все едино. Но самая глу-

„бина морская не скроетъ врага отъ нашей мести“. Тохтамышъ хотѣлъ войны, и расположился станомъ на берегу Терека:
Г. 1395. ибо Монархъ Чагатайскій былъ уже въ Дербентѣ. Между Терекомъ и Курою, близъ нынѣшняго Екатериноградa произошло славное въ Восточныхъ лѣтописяхъ кровопролитіе. Потомки Чингисхановы сражались между собою въ ужасномъ остервененіи злобы, и гибли тмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замѣшались; но сей свирѣпый Герой, рожденный быть счастливымъ, умѣлъ твердостію исторгнуть побѣду изъ рукъ Тохтамышевыхъ: окруженный врагами, изломавъ копіе свое, уже не имѣя ни одной стрѣлы въ колчанѣ, хладнокровно давалъ Вождямъ повелѣніе сломить густыя толпы непріятельскія. Стрѣлки его, чтобы остаться неподвижными, цѣлыми рядами бросались на колѣна, и лѣвое крыло шло впередъ. Еще Ханъ Золотой Орды могъ бы новымъ усиліемъ рѣшить битву въ свою пользу; но прежде времени ослабѣвъ духомъ, бѣжалъ. Тамерланъ гнался за нимъ до Волги, гдѣ, объявивъ Койричака Аглена, сына Урусова, Властителемъ Орды Капчакской, недѣлъ на него вѣнецъ Царскій([153]).

Сіи удары, нанесенные Моголами Моголамъ, изнурили Волжскихъ и долженствовали веселить Россіянъ мыслію о близкой счастливой свободѣ отечества. Надѣялись, что Тамерланъ, сокрушивъ непріятеля, вторично отступитъ къ границамъ своей Имперіи, и что внутреннія междоусобія Орды Капчакской довершатъ ея гибель. Но грозный завоеватель Востока въ слѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ устремился къ Сѣверу; перешелъ Волгу, степи Саратовскія, и вступивъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, гдѣ господствовалъ Князь Ѳеодоръ, отрасль Карачевскихъ Владѣтелей и данникъ Олега Рязанскаго ([154]). Вѣстью о нашествіи сего новаго Батыя привела въ ужасъ всю Россію. Ожидали такого же общаго разрушенія, какое за 160 лѣтъ передъ тѣмъ было жребіемъ Государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ Христіанской смерти, безъ надежды отразить силу силою. Но

Великій Князь бодрствовалъ въ Совѣтѣ Бояръ мудрыхъ, и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія; не устрашился ни славы Темерлана, ни четырехъ сотъ тысячь Моголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами: велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ Москвитянамъ тѣ незабвенныя дни, когда Герой Донской ополчался на Мамая. Уже многіе изъ Воеводъ Димитріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу хотѣли служить и сыну; старцы сѣли на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровію Татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился; войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донскій противъ Мамая, и Великій Князь, поручивъ Москву дядѣ своему Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля

Между тѣмъ всѣ церкви Московскія были отверсты съ утра до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы передъ олтарями и постился. Митрополитъ училъ его и Вельможъ Христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить гражданъ любезной ему столицы, Великій Князь писалъ къ Митрополиту изъ Коломны, чтобы онъ послалъ въ Владиміръ за иконою Дѣвы Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ Болгаровъ. Сіе достопамятное преношеніе славнаго въ Россіи Образа изъ древней въ ея новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣни, съ усердіемъ и слезами взывая: *Матерь Божія! Спаси землю Русскую!* Жители Владимірскіе провождали икону съ горестію: Московскіе приняли съ восхищеніемъ какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріянъ. Епископы и все Духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ крестами и кадилами; за ними Владиміръ Андреевичъ Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій: увидѣвъ оную вдали, пали ницъ, и

Славная икона Владимірская.

въ радостномъ предчувствіи уже *благодарили* Небо ([155]). Поставили Образъ въ Соборномъ храмѣ Успенія и спокойнѣе ждали вѣстей отъ Великаго Князя.

Тамерланъ, плѣнивъ Владѣтеля Елецкаго со всѣми его Боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенія. Знаменитый Персидскій Историкъ сего времени, Шерефеддинъ, любя хвалить добродѣтели своего Героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами поля въ Россіи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ итти къ Москвѣ; но вдругъ остановился, и цѣлыя двѣ недѣли былъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ Югу и вышелъ изъ Россійскихъ владѣній. Безъ сомнѣнія не одно смѣлое великодушное ополченіе Князя Московскаго произвели сіе удивительное для современниковъ дѣйствіе: надлежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя Историки Восточные повѣствуютъ, что Моголы Чагайскіе обогатились у насъ несмѣтною добычею, и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками *тонкаго полотна Антіохійскаго* и *Русскаго* ([156]); однакожь вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ и въ нѣкоторыхъ городкахъ Рязанскихъ, не удовлетворяли ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію лѣсистой, скудной наствами и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали Татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступала дождливая осень: съ людьми обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ благоразумна ли было итти далѣе къ Сѣверу, чтобы встрѣтить зиму со всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ довольно многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завованіе Индіи Сиріи, Египта, богатыхъ Природою и торговлею, славныхъ въ Исторіи міра, плѣняло воображеніе Тамерлана: Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.

Августа 26.

Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, ещe не видавъ знаменъ Великаго Князя, не слыхавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятенiи бѣжалъ къ Азову. Юный государь могъ бы приписать спасенiе отечества великодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное силѣ сверхъестественной и возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ *Кучковѣ полѣ* ([157]): ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители Московскiе насемъ мѣстѣ встрѣтили Владимiрскую икону. Оттолѣ Церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенiя Богоматери 26 Августа, въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россiю отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей.

Что Тамерланъ готовилъ Москвѣ, то испыталъ несчастный Азовъ, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное Посольство, составленное изъ купцевъ Египетскихъ, Венецiянскихъ, Генуэзскихъ; Каталонскихъ и Бискайскихъ, встрѣтило Монарха Чагатайскаго на берегу Дона съ дарами и ласками. Онъ успокоилъ ихъ на словахъ, и въ тоже время велѣвъ одному изъ Эмировъ осмотрѣть городскiя укрѣпленiя, внезапно приступилъ къ онымъ. Азовъ и богатство его исчезли. Ограбивъ лавки и домы, умертвивъ или оковавъ цѣпями всѣхъ тамошнихъ Христiанъ, которые не успѣли спастися бѣгствомъ на суда, Моголы обратили городъ въ пепелъ ([158]). — Завоевъ землю Черкесскую и Ясскую, взявъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузiи, Тамерланъ у подошвы Кавказа далъ праздникъ войску. Въ огромномъ шатрѣ, окруженномъ блестящими столпами, среди Вельможъ и Полководцевъ, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и при звукѣ шумныхъ мусикiйскихъ орудiй пилъ Грузинское вино, желая здравiя и дальнѣйшихъ побѣдъ своимъ сподвижникамъ. Увѣдомленный о непокорствѣ жителей Астраханскихъ, Тамерланъ, презирая холодъ зимнiй и глубокiй снѣгъ, пошелъ къ сему городу, укрѣпленному, сверхъ каменныхъ, *ледяными стѣнами*; срылъ его до основанiя; разрушилъ огнемъ и столицу Ханскую,

Бѣдствiе Азова.

Сарай; наконецъ удалился къ границамъ своей Имперіи, предавъ, какъ онъ сказалъ, Державу Батыеву *губительному вѣтру истребленія*. Орда Капчакская находилась тогда въ жалостномъ состояніи: утративъ безчисленное множество людей въ битвахъ съ Моголами Чагатайскими, она была еще ѳеатромъ кровопролитныхъ междоусобій. Три Хана спорили о господствѣ надъ нею: Тотамышъ, Койричакъ и Тимуръ Кутлукъ ([159]). Сей послѣдній, будучи также рода Батыева, и служивъ Тамерлану, въ противность его волѣ остался въ степяхъ Капчакскихъ, набиралъ войско и величалъ себя истиннымъ Царемъ Ординскимъ.

Дѣла Литовскія.

Сіи происшествія, благопріятныя для Россіи, успокоивъ Великаго Князя въ разсужденіи Моголовъ, позволили ему обратить вниманіе на Литву, которою нѣсколько лѣтъ управлялъ Скиригайло, Намѣстникъ своего брата, Короля Польскаго. Но съ 1392 года тамъ уже властвовалъ независимо тесть Василіевъ, Витовтъ Александръ, вслѣдствіе мира и договора съ Королемъ Ягайломъ, уступившимъ ему и Волынію съ Брестомъ. Одаренный отъ природы умомъ хитрымъ, Витовтъ пылалъ Властолюбіемъ, и принявъ отъ Нѣмцевъ Вѣру Христіанскую, сохранивъ въ душѣ всю жестокость язычника ([160]); не только, подобно другимъ завоевателямъ, равнодушно жертвовалъ въ битвахъ безчисленнымъ множествомъ людей для пріобрѣтенія новыхъ земель, но смѣло нарушалъ и всѣ святѣйшіе уставы нравственности: игралъ клятвами, измѣнялъ; безжалостно лилъ кровь своихъ ближнихъ; умертвилъ трехъ сыновей Ольгердовыхъ: Вигунта Кревскаго отравилъ ядомъ; Наримонта повѣсилъ на деревѣ и разстрѣлялъ; Коригайлу отсѣкъ голову. Въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ господствовалъ ихъ братъ, Корибутъ: Витовтъ плѣнилъ его, и выгнавъ Владиміра Ольгердовича изъ Кіева, отдалъ нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владиміру, исповѣдывалъ Вѣру Греческую, былъ щедръ къ народу, но свирѣпъ нравомъ, любилъ вино до крайности и жилъ не долго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себѣ Кіевъ, Архимандритъ монастыря Печерскаго зазвалъ

Скиргайла въ гости, напоилъ, и далъ ему отраву, столь явно, что весь городъ зналъ причину его смерти ([161]). Народъ жалѣлъ объ немъ: слѣдственно не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ; а Витовтъ, приславъ туда Князя Іоанна Ольшанскаго въ качествѣ своего Намѣстника, не думалъ о наказаніи сего злодѣйства, и тѣмъ какъ бы объявилъ себя тайнымъ сообщникомъ онаго. Скоро присоединилъ онъ къ Литовской Державѣ и всю Подолію, гдѣ княжилъ внукъ Ѳеодора Коріятовича, именемъ тоже Ѳеодоръ, присяжникъ Ягайловъ ([162]). Слабый король Польскій не дерзалъ ни въ чемъ противиться мужественному, рѣшительному сыну Кестутіеву. и даже предавалъ ему единокровныхъ братьевъ. Вдовствующая супруга Ольгердова, Іуліанія, скончала дни свои въ Витебскѣ, и меньшій сынъ ея, Свидригайло, занявъ сей городъ силою, велѣлъ тамошнаго Намѣстника Королевскаго сбросить съ высокой стѣны: оскорбленный тѣмъ Ягайло молилъ Витовта о мести. Она совершилась, но только въ пользу Государя Литовскаго, который, завоевалъ Друцкъ, Оршу и Витебскъ *съ помощію огнестрѣльнаго снаряда*, отправилъ къ Королю плѣненнаго имъ Свидригайла, а владѣніе его взялъ себѣ. Кромѣ Литвы, господствуя въ лучшихъ областяхъ древней Россіи, Витовтъ хотѣлъ похитить и самый остатокъ ея достоянія.

Князь Смоленскій, Юрій Святославичь, шуринъ сего Князя, служилъ ему при осадѣ Витебска, какъ Данникъ Литвы ([163]); но Витовтъ, желая совершенно покорить сіе Княженіе, собралъ войско многочисленное, и распустивъ слухъ, что идетъ на Тамерлана, вдругъ явился подъ стѣнами Смоленска, гдѣ Юрьевы братья ссорились другъ съ другомъ объ Удѣлахъ; самъ Юрій находился тогда въ Рязани у тестя своего, Олега. Глѣбъ Святославичь, старшій изъ братьевъ, пріѣхалъ съ Боярами въ станъ Литовскій: Витовтъ обласкавъ его какъ друга, сказалъ, что слыша о раздорѣ Князей Смоленскихъ, желаетъ быть посредникомъ между ними и за каждымъ утвердить наслѣдственную собственность. Легковѣрные Святославичи спѣшили къ нему съ дарами, провождаемые всѣми знатнѣйшими Боярами, такъ что въ крѣпости не оставалось ни одного Вос-

воды, ни стражи. Ворота городскія были отворены; народъ, въ слѣдъ за Князьми, стремился толпами видѣть Героя Литовскаго, готоваго бороться съ великимъ Тамерланомъ. Но какъ скоро несчастные Князья вступили въ шатеръ Витовтовъ, сей коварный объявилъ ихъ своими плѣнниками; велѣлъ зажечь предмѣстіе, и въ ту же минуту устремился на городъ. Никто не противился: Литовцы грабили, плѣняли жителей, и взявъ крѣпость, провозгласили Витовта Государемъ сей области Россійской. Народъ былъ въ изумленіи ([164]). Отправивъ Князей Смоленскихъ въ Литву, а Глѣбу Святославичу давъ въ Удѣлъ мѣстечко Полонное, Витовтъ старался утвердить за собою столь важное пріобрѣтеніе: жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Смоленскѣ: поручилъ его Намѣстнику, Князю Литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожилъ легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался съ Великимъ Княземъ.

Взятіе Смоленска.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Димитріевичь съ прискорбіемъ видѣлъ сіе новое похищеніе Россійскаго достоянія, и не могъ быть ослѣпленъ ласками тестя; но ему казалось благоразумнѣе соблюсти до времени пріязнь его и цѣлость хотя Московскаго Княжества, нежели подвергнуть гибели сію единственную надежду отечества, войною съ Государемъ сильнымъ, мужественнымъ, алчнымъ ко славѣ и къ пріобрѣтеніямъ. Василій осторожный, разсмотрительный, имѣлъ отважность, но только въ случаѣ необходимости, когда слабость и нерѣшительность ведутъ къ явному бѣдствію; онъ сразился бы съ Тамерланомъ, сокрушителемъ Имперій: но съ Витовтомъ еще можно было хитрить. И Великій Князь самъ поѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гдѣ, среди веселыхъ пировъ наружнаго дружелюбія, они утвердили границы своихъ владѣній. Въ сіе время уже почти вся древняя земля Вятичей (нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской) принадлежала Литвѣ: Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ, съ другими удѣльными городами Князей Черниговскихъ, потомковъ Святаго Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту ([165]). Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя отъ границъ Псковскихъ съ одной стороны

1396. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ.

до Галиціи и Молдавіи. а съ другой до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестутіевъ былъ Монархомъ всей южной Россіи, оставляя Василію бѣдный Сѣверъ, такъ, что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ, уже граничили съ Литовскимъ владѣніемъ. — Дѣла Ординскія были также предметомъ совѣщанія сихъ двухъ Государей, изъ коихъ одинъ мыслилъ только избавиться отъ ига, а другой возложить оное на самихъ Хановъ, или столь обезсилить ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для его областей полуденныхъ. — Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ находился въ Смоленскѣ Митрополитъ Кипріанъ, ходатайствуя за пользу нашей Церкви или собственную. Давъ слово не притѣснять Вѣры Греческой, Витовтъ оставилъ Кипріана Главою Духовенства въ подвластной ему Россіи, и Митрополитъ, поѣхавъ въ Кіевъ, жилъ тамъ 18 мѣсяцевъ ([166]). Россія Литовская.

Вѣроятно, что Великій Князь взялъ обѣщаніе съ тестя своего не безпокоить и предѣловъ Рязанскихъ; по крайней мѣрѣ, свѣдавъ, что Олегъ самъ вошелъ въ Литовскія границы и началъ осаду Любутска (близь Калуги), Василій послалъ туда Боярина, представивъ ему, сколь безразсудно оскорблять сильнаго. Олегъ возвратился: но Витовтъ уже хотѣлъ мести: вступилъ въ его землю ([167]); истребилъ множество людей; заставивъ Олега укрыться въ лѣсахъ, вышелъ съ добычею и плѣномъ. Сіе дѣйствіе не нарушило добраго согласія между имъ и Василіемъ Димитріевичемъ. Обагренный кровію бѣдныхъ Рязанцевъ, онъ заѣхалъ въ Коломну видѣться съ Великимъ Княземъ и весело праздновалъ тамъ нѣсколько дней, осыпаемый ласками и дарами.

Непосредственнымъ, явнымъ слѣдствіемъ сего вторичнаго свиданія было общее ихъ Посольство къ Новогородцамъ съ требованіемъ, чтобы они прервали дружескую связь съ Нѣмцами врагами Литвы. Витовтъ съ неудовольствіемъ видѣлъ что сынъ убитаго имъ Наримanта Ольгордовича, Патрикій, и Князь Смоленскій, Василій Іоанновичъ, нашли въ Новѣгородѣ убѣжище отъ его насилія; а Великій Князь могъ досадовать на чиновниковъ Новогородскихъ за то что они въ противность Дѣла Новогородскія.

договору, опять не хотѣли зависѣть въ судныхъ дѣлахъ отъ Митрополита. Кипріанъ, вторично бывъ у нихъ въ 1395 году вмѣстѣ съ Посломъ Константинопольскаго Патріарха, безполезно доказывалъ имъ, сколь такое нарушеніе обѣта несогласно съ доброю совѣстію и съ честію. Впрочемъ, смягченный дарами жителей, выѣхалъ оттуда мирно, благословивъ Архіепископа и народъ (168). Имѣлъ ли Василій Димитріевичь какую нибудь досаду на Ливонскихъ Нѣмцевъ, требуя отъ Новагорода разрыва съ ними, или желалъ сего единственно въ угодность тестю, неизвѣстно: вѣроятнѣе, что онъ только искалъ предлога для исполненія своихъ замысловъ, которые обнаружились въ послѣдствіи. Новогородцы съ удивленіемъ выслушали Посольство Московское и Витовтово. Бывъ семъ лѣтъ въ враждѣ съ Нѣмцами по дѣламъ купеческимъ, они въ 1391 году примирились торжественно на общемъ съѣздѣ въ Изборскѣ, гдѣ находились Депутаты Любека, Готландіи, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду въ свободной торговлѣ, условились предать вѣчному забвенію взаимныя обиды, и Нѣмцы, пріѣхавъ въ Новгородъ, возстановили тамъ свою контору, церковь и дворы (169). Сія торговля процвѣтала тогда болѣе, нежели когда нибудь; изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Германіи купцы ежегодно являлись на берегахъ Волхова со всѣми ремесленными произведеніями Европы; и Новогородцы, ни мало не расположенные исполнить волю Государя Московскаго, еще менѣе Витовтову, отвѣтствовали: „Господинъ Князь Великій! „у насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ Нѣмцами „миръ“, не хотѣли слушать угрозъ, но съ честію отпустили Пословъ назадъ.

Великій Князь — чаятельно, предвидѣвъ сей отказъ — немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду, и спѣшилъ воспользоваться ея правомъ. Земля Двинская издавна имѣла богатую торговлю, получая такъ называемое серебро *Закамское* и лучшіе мѣха съ границъ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, въ особенности птицеловствомъ, для коего Великіе Князья, въ силу договоровъ съ Новымгородомъ, ежегодно отправляли туда *сокольниковъ*, предписывая

въ грамотахъ земскому начальству давать имъ подводы и кормъ ([170]). Еще Іоаннъ Калита замышлялъ овладѣть совершенно Двинскою землею: правнукъ его желалъ исполнить сіе намѣреніе, и сдѣлалъ то безъ всякаго кровопролитія. Не рѣдко утѣсняемые Новогородскимъ корыстолюбивымъ Правительствомъ, Двиняне дружелюбно встрѣтили рать Московскую, охотно поддалися Василію Димитріевичу, и приняли отъ него Намѣстника, Князя Ѳеодора Ростовскаго, Самые Воеводы Новогородскіе, г. 1397
тамъ бывшіе, въ слѣдствіе тайныхъ сношеній съ Москвою, объявили себя вѣрными слугами Великаго Князя, который въ сіе время занялъ Торжекъ, Волокъ Ламскій, Вѣжецкій Верхъ и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вмѣстѣ съ Заволочьемъ они лишались способа не только имѣть изъ первыхъ рукъ важныя произведенія климатовъ Сибирскихъ, но и выгодно торговать съ Нѣмцами, которые всего болѣе искали у нихъ мѣховъ драгоцѣнныхъ. Архіепископъ Новогородскій Іоаннъ, Посадникъ Богданъ и знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ Москву; но Великій Князь, лично оказавъ имъ ласку, не хотѣлъ слышать о возвращеніи Двинской земли.

Тогда отчаяніе пробудило воинственный духъ въ Новогородцахъ. Они собрались на Вѣче и требовали благословенія отъ Архіепископа, сказавъ ему: „Когда Великій Князь измѣ- г. 13
„ною и насиліемъ беретъ достояніе Святыя Софіи и Великаго „Новагорода, мы готовы умереть за правду и за нашего „*Господина, за Великій Новгородъ.*“ Архіепископъ благословилъ ихъ, и всѣ граждане дали клятву быть единодушными. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, предводительствуя осмью тысячами воиновъ, обратилъ въ пепелъ *старый* Бѣлозерскъ, а жители *новаго* откупились шестидесятью рублями. Князья Бѣлозерскіе и воеводы Московскіе тамъ бывшіе, пріѣхали въ станъ Новогородскій съ изъявленіемъ покорности. Разоривъ богатыя волости Кубенскія близъ Вологды, Новогородцы три недѣли безъ успѣха осаждали Гледенъ, сожгли посады Устюга даже Соборную въ немъ церковь, и взявъ тамъ славную чудотворную икону Богоматери, въ насмѣшку именовали ее своею плѣнницею ([171]). Войско ихъ раздѣлились: 3000 пошли къ

Галичу грабить и плѣнять людей; 5000, вступивъ въ Двинскую землю, осадили крѣпость Орлецъ, гдѣ заключился Намѣстникъ Великокняжескій съ Двинскими Новогородскими Воеводами, которые передались къ Государю Московскому. Нападали и оборонялись съ равнымъ усиліемъ близъ мѣсяца; наконецъ осажденные принуждены были сдаться: чѣмъ рѣшилась судьба всѣхъ Двинскихъ областей. Посадникъ Тимофей Юрьевичь въ одной рукѣ держалъ мечь казни для измѣнниковъ, въ другой милостивую грамоту для жителей, готовыхъ раскаяться въ винѣ своей: толпами стекаясь къ его знаменамъ, они смиренно *били челомъ*, въ надеждѣ на милосердіе Великаго Новагорода. Посадникъ оковалъ цѣпями главнаго Двинскаго Воеводу, Новогородскаго Боярина Іоанна съ братьями Айфаломъ, Герасимомъ и Родіономъ; Великокняжескаго Намѣстника, Ѳеодора Ростовскаго, отнявъ у него казну, отпустилъ къ Государю со всѣми людьми воинскими; обложилъ Московскихъ купцевъ тремя стами рублей, а Двинскихъ жителей двумя тысячами: взялъ у нихъ еще 3000 коней, и возвратился съ торжествомъ въ Новгородъ. Окованные измѣнники были представлены народу: Іоанна скинули съ моста въ Волховъ; братья его, Герасимъ и Родіонъ, постриглись въ Монахи, съ дозволенія Архіепископа и гражданъ; Айфалъ ушелъ съ дороги. — Зная мѣру силъ своихъ, и не мало не ослѣпленные удачею мести Новогородцы предложили миръ Великому Князю. Посадникъ Іосифъ и Тысячкій явились во дворцѣ его съ дарами и съ видомъ хитраго смиренія; не могли обольстить Государя проницательнаго, но успѣли во всѣмъ: ибо Василій зналъ, что Новогородцы въ то же время имѣли сношенія съ Витовтомъ, предлагая ему на нѣкоторыхъ условіяхъ быть ихъ Главою и покровителемъ ([172]), Великій Князь не сомнивался, что они могли дѣйствительно въ случаѣ крайности, приступить къ Литвѣ, и скрывъ внутреннюю досаду отказался отъ Двинской земли, Вологды и другихъ владѣній Новогородскихъ; далъ имъ миръ и послалъ брата своего, Андрея, для исполненія всѣхъ условій онаго. Тогда Витовтъ, считая себя осмѣяннымъ, немедленно отослалъ ко Новогородцамъ ми-

рный договоръ, заключенный съ ними въ самый первый годъ восшествія на престолъ Литовскій. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявленіемъ войны и называлась посылкою *разметныхъ грамотъ*. Но Витовтъ отсрочилъ сію войну, занимаясь приготовленіями къ другой важнѣйшей. г. 139

Тохтамышъ, по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы: еще большая часть Орды признавала его своимъ Ханомъ. Онъ вступилъ въ Сарай, отправилъ Посольства къ Державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единственнымъ повелителемъ Батыевыхъ Улусовъ ([173]). Но Тимуръ Кутлукъ или, по нашимъ лѣтописямъ, Тимуръ Кутлуй—напалъ на него внезапно, побѣдилъ, и взялъ Сарай. Тохтамышъ съ своими Царицами, съ двумя сыновьями, съ казною и съ Дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ, искать защиты сильнаго Витовта, который съ удовольствіемъ объявилъ себя покровителемъ столь знаменитаго изгнанника, гордо обѣщая возвратить ему Царство. Уже Витовтъ отвѣдалъ счастія противъ Моголовъ, и въ окрестностяхъ Азова плѣнивъ цѣлый Улусъ, населилъ ими разныя деревни близъ Вильны, гдѣ потомство ихъ живетъ и донынѣ ([174]). Онъ утѣшался мыслію слыть побѣдителемъ народа, коего ужасалась Азія и Европа,—располагать трономъ Батыевымъ, открыть себѣ путь на Востокъ и сокрушить самого Тамерлана. Готовя ударъ рѣшительный, Герой Литовскій желалъ, какъ вѣроятно, склонить и Великаго Князя къ содѣйствію: по крайней мѣрѣ въ сіе время пріѣзжалъ отъ него Посолъ въ Москву, Князь Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій. Ничто не могло быть для Россіи благопріятнѣе войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевѣсу того или другаго? Ханы Ординскіе требовали отъ насъ дани: Литовцы совершеннаго подданства. Великое Княжество Московское, отсылая серебро въ Улусы, еще гордилось независимостью въ сравненіи съ бывшими Княжествами Днѣпровскими, и благоразумный Василій Дмитріевичь, не смотря на мнимую дружбу тестя, зналъ, что онъ, захвативъ Смоленскую область, готовъ взять и Москву. И такъ, вмѣсто полковъ Великій Князь отправилъ въ Смоленскъ, гдѣ находился Витовтъ, супругу свою съ

Происшествія въ Ордѣ.

Замыслы Витовта.

Боярами и привѣтливыми словами, Лукавый отецъ ся не уступалъ въ ласкахъ зятю; великолѣпно угостилъ дочь, нашихъ Бояръ, и въ знакъ родительской нѣжности далъ ей множество иконъ съ памятниками Страстей Господнихъ, выписанными изъ Греціи однимъ Княземъ Смоленскимъ ([175]).

Не хотѣвъ участвовать въ замышляемой борьбѣ Литвы съ Моголами, Василій въ то же время не устрашился самъ поднять на нихъ мечь, чтобы отмстить имъ за разореніе Нижняго Новагорода, о коемъ мы выше упоминали. Онъ послалъ брата своего, Князя Юрія Димитріевича, въ Казанскую Болгарію съ сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу (и нынѣ извѣстную подъ именемъ *Болгаровъ*), Жукотинъ, Казань, Кремончугъ ([176]); три мѣсяца опустошало сію торговую землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки Россійскіе не ходили столь далеко въ Ханскія владѣнія, и Василій Димитріевичъ слылъ съ того времени *Завоевателемъ Болгаріи*; но время истинныхъ, прочныхъ завоеваній для Россіи еще не наступило.

Паши завоевація въ Болгаріи.

Можетъ быть, хитрый Великій Князь въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Витовтомъ представлялъ ему сей счастливый походъ какъ дѣйствіе союза, заключеннаго ими противъ Моголовъ, но Государь Литовскій, не менѣе хитрый, видѣлъ въ зятѣ тайнаго, опаснаго врага, который только до случая оставлялъ его спокойно владѣть наслѣдіемъ Ярославова потомства. Безопастность Литовскихъ пріобретѣній въ Россіи требовала гибели Княженія Московскаго, уже сильнаго; и Витовтъ, обѣщаясь возстановить власть Тохтамыша надъ Золотою Ордою, Заяицкою, Болгаріею, Тавридою, и Азовомъ, именно поставилъ въ условіе, какъ увѣряютъ наши Лѣтописцы, чтобы сей Ханъ отдалъ Москву Литвѣ ([177]).

Долго Витовтъ готовился къ важному походу, собирая войско въ Кіевѣ. Тщетно Польская Королева Ядвига, хваляся проницаніемъ будущаго, предсказывала ему бѣдствіе ([178]): слабый Ягайло далъ брату знатнѣйшихъ Воеводъ своихъ: Спитка Краковскаго, Сандвигія Остророгскаго, Доброгостія Самотульскаго, Іоанна Мазовскаго и другихъ съ отборными ратниками.

Война Витовтова съ Моголами.

Знамени Литовскія развѣвались предъ самыми стѣнами Кіева, украшенныя трофеями побѣдъ Гедимина, Ольгерда и Кестутія. Дружины нашихъ Князей, данниковъ Витовта, стояли въ рядахъ съ Литовцами, Жмудью, Волохами, а Моголы Тохтамышевы полкомъ особеннымъ, равно какъ и 500 богато вооруженныхъ Нѣмцевъ, присланныхъ Великимъ Магистромъ Прусскаго Ордена. Пятдесятъ Князей, Россійскихъ и Литовскихъ, подъ верховнымъ начальствомъ Витовта предводительствовали ратію, многочисленною и бодрою.

Въ сіе время явился Посолъ Тимура Кутлука. Именемъ своего Хана онъ говорилъ Князю Литовскому: „Выдай мнѣ „Тохтамыша, врага моего, нѣкогда Царя великаго, нынѣ бѣ„глеца презрѣннаго: такъ не постоянна судьба жизни!“ Витовтъ сказалъ ([179]): иду видѣться съ Тимуромъ“ — и пошелъ къ Югу тѣмъ самымъ путемъ коимъ нѣкогда ходилъ Мономахъ разить дикихъ Половцевъ. За рѣками Сулою и Хоролемъ, на берегахъ Ворсклы стоялъ Тимуръ Кутлукъ съ Моголами, болѣе желая мира, нежели битвы. „Почто идешь на меня?“ велѣлъ онъ сказать Витовту: „я не вступалъ никогда въ землю „твою съ оружіемъ“. Князь Литовскій отвѣтствовалъ: „Богъ „готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми землями. Будь моимъ сыномъ и данникомъ, или будешь рабомъ,“ Тимуръ неотступно предлагалъ миръ; признавалъ Витовта *старѣйшимъ;* соглашался даже, по словамъ нашихъ Лѣтописцевъ, платить ему ежегодно нѣкоторое количество серебра. Гордѣй Князь Литовскій, подражая хвастовству Восточному ([180]), хотѣлъ еще, чтобы Моголы изображали на своихъ деньгахъ знаменіе или печать его: въ такомъ случаѣ обѣщалъ непомогать Тохтамышу. Ханъ требовалъ срока на три дни, и между тѣмъ дарилъ, чествовалъ, ласкалъ Витовта Посольствами. Сіе удивительное смиреніе было, кажется, одною хитростію, чтобы продлить время и соединиться съ остальными полками Татарскими.

Все перемѣнилось, когда пришелъ въ станъ къ Моголамъ Эдигей сѣдый Князь Эдигей, славный умомъ и мужествомъ. Онъ былъ вторымъ Мамаемъ въ Ордѣ и повелѣвалъ Ханомъ; нѣкогда служилъ Тамерлану и носилъ на себѣ знаки его милостей.

Свѣдавъ отъ Тимура о мирныхъ условіяхъ, предложенныхъ Витовтомъ, Эдигей сказалъ: „лучше умереть“, и требовалъ свиданія съ Княземъ Литовскимъ. Они съѣхались на берегу Ворсклы. „Князь храбрый!“ говорилъ Вождь Татарскій: „Царь „нашъ справедливо могъ признать тебя отцемъ: ты его старѣе „лѣтами, но моложе меня: и такъ изъявя мнѣ покорность, „плати дань и на деньгахъ Литовскихъ изобрази печать мою.“ Сія насмѣшка привела Витовта въ ярость: онъ громогласно возвѣстилъ битву и привелъ полки въ движеніе. Благоразумнѣйшій изъ Воеводъ его, Спитко Краковскій, видя множество Татаръ, еще совѣтовалъ искать мира на условіяхъ честныхъ для обѣихъ сторонъ; но иные витязи Литовскіе кричали: „сокрушимъ невѣрныхъ!“ и знаменитый Панъ Щуковскій, гордый сердцемъ, дерзкій языкомъ, сказалъ ему: Если по „любви къ женѣ прекрасной и къ наслажденіямъ роскоши ты „боишься смерти, то не охлаждай другихъ, готовыхъ отдать жизнь за славу“. Великодушный Спитко отвѣтствовалъ: „Не-
Августа 12. „счастный! я паду въ битвѣ, а ты обратишь тылъ“ ([181]). Войско Литовское перешло за Ворсклу и сразилось.

Рать Ханская была многочисленнѣе. Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали; но сіи орудія, какъ говорятъ Лѣтописцы, дѣйствовали слабо въ открытомъ полѣ, гдѣ Татары, разсыпаясь, могли нападать на ряды Литовскіе съ боку: скажемъ лучше, что искусство огнестрѣльное находилось тогда во младенчествѣ; не умѣли заряжать скоро, ни съ легкостію обращать пушку во всѣ стороны. Однакожъ Литовцы привели въ смятеніе толпы Эдигеевы, и считали себя уже побѣдителями, когда Тимуръ Кутлукъ, ученикъ Тамерлановъ, зашелъ имъ въ тылъ и стремительнымъ ударомъ сломилъ полки ихъ. Тохтамышъ прежде всѣхъ оставилъ мѣсто сраженія; за нимъ Витовтъ и надменный Панъ Щуковскій; а великодушный Спитко умеръ Героемъ. Ужасное кровопролитіе продолжалось до самой глубокой ночи: Моголы рѣзали, топтали непріятелей, или брали въ плѣнъ, кого хотѣли. Ни Чингисханъ, ни Батый не одерживали побѣды совершеннѣйшей. Едва ли третія часть Войска Литовскаго спаслася. Множество Князей легло

на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Глѣбъ Святославичь Смоленскій, Михаилъ и Димитрій Даниловичи Волынскіе, потомки славнаго Данінла, Короля Галицкаго — сподвижникъ Димитрія Донскаго, Андрей Ольгердовичь, который бѣжавъ отъ Ягайла, нѣсколько времени жилъ во Псковѣ, и возвратился служить Витовту — Димитрій Брянскій, также сынъ Ольгердовъ и также вѣрный союзникъ Донскаго — Князь Михайло Евнутіевичь, внукъ Гедиминовъ — Іоаннъ Борисовичь Кіевскій — Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій, и другіе ([182]). Ханъ Тимуръ Кутлукъ гналъ остатки непріятельскаго войска къ Днѣпру, взялъ съ Кіева 3000 рублей серебра Литовскаго въ окупъ, а съ монастыря Печерскаго особенно 30 рублей; оставилъ тамъ своихъ Баскаковъ, и погромивъ Витовтовы области до самаго Луцка, возвратился въ Улусы.—Такъ Литовскій герой, хотѣвъ удивить міръ великимъ подвигомъ, снискалъ одинъ стыдъ, лишился войска, открылъ Моголамъ путь въ свои владѣнія, и долженъ былъ опасаться еще дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Вѣсть о несчастіи его произвела въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, въ Рязани, дѣйствіе двоякое: жалѣли о многихъ Россіянахъ, падшихъ подъ знаменами Литовскими; съ изумленіемъ видѣли, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, новаго тиранства Хановъ и вмѣстѣ утѣшались мыслію, что силы опасной Литвы ослабѣли. Но Витовтъ имѣлъ въ Россіи истиннаго друга, который огорчился бы его бѣдствіемъ, если бы успѣлъ свѣдать оное. Сей другъ Князь Михаилъ Тверскій, преставился почти въ самое то время, когда Ханъ разбилъ Литовцевъ ([183]). Безполезно истощивъ всѣ способы вредить Донскому, Михаилъ Александровичь жилъ наконецъ мирно, ибо видѣлъ, что правленіе юнаго Василія не уступаетъ Димитріеву ни въ силѣ, ни въ мудрости; оставивъ намѣреніе лишить Владѣтелей Московскихъ Великокняжескаго сана и вообще противиться успѣхамъ ихъ могущества, онъ заключилъ даже оборонительный союзъ съ Василіемъ на случай впаденія въ Россію Моголовъ, Нѣмцевъ, Ляховъ. Литвы, но тайно держался Витовта, какъ естествен-

наго недоброжелателя или завистника Москвы, и (въ 1397 году) посылалъ къ нему сына, Іоанна, женатаго на Маріи, сестрѣ Витовтовой, безъ сомнѣнія не столько для родственнаго свиданія, сколько для важныхъ государственныхъ переговоровъ.

Кончина Князя Тверскаго.

Хотя Василій не изъявлялъ никакихъ враждебныхъ намѣреній въ разсужденіи Твери, однакожъ Князь ея съ безпокойствомъ видѣлъ, что онъ весьма ласково принялъ его племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго, который, не хотѣвъ зависѣть отъ дяди, уѣхалъ въ Москву, сочетался бракомъ съ Анастасіею, сестрою Великаго Князя, и былъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ ([184]). Имѣя 66 лѣтъ отъ рожденія, Михаилъ еще бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; но вдругъ занемогъ столь жестоко, что въ нѣсколько дней всѣ его силы изчезли. Онъ написалъ духовную грамоту: отдалъ старшему сыну, Іоанну, Тверь, Новый Городокъ, Ржевъ, Зубцовъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; другому сыну, Василію, и внуку Іоанну Борисовичу Кашинъ съ Коспятинымъ; а меньшему, Ѳеодору, два городка Микулина, повелѣвая имъ жить въ любви и слушаться брата старшаго. Обстоятельства кончины его достопамятны. Къ нему возвратились тогда Послы изъ Константинополя, Тверскій Протопопъ Данилъ и церковники, которые ѣздили съ милостынею въ Грецію и привезли отъ Патріарха въ даръ Князю икону Страшнаго Суда. Забывъ болѣзнь и слабость, онъ всталъ съ ложа, встрѣтилъ сію икону на дворѣ, цѣловалъ оную съ великимъ усердіемъ, и пригласилъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшее Духовенство вмѣстѣ съ нищими слѣпыми и хромыми братски обѣдалъ съ ними, и водимый слугами, каждому изъ гостей поднесъ такъ называемую *прощальную чашу* вина, моля ихъ, чтобы они благословили его. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Облобызавъ дѣтей, Бояръ, слугъ, Михаилъ пошелъ въ Соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда, указалъ мѣсто для своей могилы, и сталъ на паперти, гдѣ собралося множество людей, которые смотрѣли на него съ горестнымъ умиленіемъ. Сей нѣкогда величественный Князь, бывъ необыкновенно высокъ и дороденъ,

казался уже тѣнію; блѣдный, слабый, едва передвигалъ ноги. Народъ плакалъ и безмолвствовалъ; но когда Михаилъ, смиренно преклонивъ голову, сказалъ: „иду отъ людей къ Богу: „братья! отпустите меня съ искреннимъ благословеніемъ!“ тогда всѣ зарыдали, единодушно восклицая: „Господь благослo„витъ тебя, Князь добрый!“ Онъ сошелъ съ ступеней. Сыновья и Бояре хотѣли вести его во дворецъ: но Михаилъ, къ изумленію ихъ, указалъ рукою на Лавру Св. Аѳанасія; приведенный въ сей монастырь, былъ тамъ постриженъ Епископомъ Арсеніемъ, названъ Матѳеемъ, и въ седьмый день скончался, съ именемъ Князя умнаго, милостиваго и *грознаго* въ похвальномъ смыслѣ: ибо онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ*, любя правосудіе; истребилъ въ своемъ Княженіи разбои, воровство, ябеду; уничтожилъ *злые налоги торговые*; утвердилъ города, успокоилъ села, такъ, что жители другихъ областей тысячами переселялись въ Тверскую.— Съ жизнію Михаила исчезло и благоденствіе сего Княженія: начались Боярскіе смуты и раздоры между его сыновьями. Іоаннъ, узнавъ о торжествѣ Хана и несчастіи своего шурина, отправилъ Посольство къ первому, смиренно моля, чтобы онъ далъ ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую ([185]). Послы уже не застали Тимура Кутлука: онъ умеръ; но сынъ его, Г. 1400. Шадибекъ, исполнилъ желаніе Іоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками Ханскими, вопреки совѣтамъ матери сталъ утѣснять братьевъ и племянника. Они искали защиты въ Москвѣ. Великій Князь безкорыстно старался мирить ихъ, хотя и не на-долго. Два раза Іоаннъ приступалъ къ Кашину, и держалъ брата, Василія Михайловича, какъ плѣнника въ Твери; освободилъ его, но послалъ въ Кашинъ своихъ Намѣстниковъ. Въ семъ междоусобіи Лѣтописцы обвиняютъ наиболѣе невѣстку Іоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родомъ Смолянку; впрочемъ онъ гналъ и сына ея, желая быть одиновластнымъ. Въ угодность, можетъ быть, Государю Московскому Іоаннъ примирился съ зятемъ его, Княземъ Холмскимъ, и не мѣшалъ ему спокойно жить въ Удѣлѣ отцевскомъ: но сей Князь, скоро умершій Схимникомъ

и бездѣтнымъ, долженъ былъ отказать свою наслѣдственную область сыну Іоаннову, Александру ([186]). Однимъ словомъ, Удѣльная Система вообще клонилась тогда въ Россіи къ паденію.

Не смотря на ослабленіе Литовскихъ силъ, Князь Тверскій желалъ остаться другомъ Витовта, и возобновилъ съ нимъ прежній союзъ, одобренный и, согласно съ ихъ волею, утвержденный Государемъ Василіемъ Димитріевичемъ, который не думалъ объявить себя врагомъ тестя (уважая льва, хотя и раненнаго), особенно по тому, что имѣлъ причину опасаться Орды ([187]): ибо современи нашествія Тамерланова прервалъ всѣ сношенія съ нею, какъ бы не зная, кого признавать ея Главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутреннія раздоры Моголовъ, не утишенные и славною ихъ побѣдою надъ Литвою, не дозволяли имъ обратить вниманія на Москву. — Витовтъ съ своей стороны болѣе нежели когда нибудь искалъ дружбы Великаго Князя, чтобы удалить его отъ союза съ Олегомъ и съ изгнанникомъ Смоленскимъ, Юріемъ Святославичемъ, который выдалъ дочь свою, Анастасію, за Василіева брата, Юрія; тогда же сынъ Владиміра Храбраго, Іоаннъ, женился на внукѣ Олеговой. Легко было предвидѣть, что Князь Смоленскій захочетъ воспользоваться несчастіемъ Литвы; въ самомъ дѣлѣ онъ неотступно убѣждалъ тестя возвратить ему престолъ: чего желалъ тайно Василій Димитріевичъ, однакожъ не согласился помогать имъ. Увѣренные по крайней мѣрѣ въ его искреннемъ доброхотствѣ, Олегъ и Юрій, собравъ войско, внезапно осадили Смоленскъ ,гдѣ жители, ненавидя Литовское правленіе, отворили ворота и съ восхищеніемъ приняли своего законнаго Князя. Къ сожалѣнію, день народнаго торжества и веселія обратился въ день лютаго кровопролитія: Юрій Святославичъ, ослѣпленный местію, умертвилъ Витовтова Намѣстника, Князя Романа Михайловича Брянскаго, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго, и множество Бояръ Смоленскихъ, которые держали сторону Литвы ([188]). Онъ не зналъ, что милость въ такихъ случаяхъ благопріятствуетъ не только человѣколюбію, но и собственнымъ выгодамъ Государя. Головы отцевъ и мужей пали: жены, дѣти и

Временная независимость Великаго Княженія.

Г. 1401. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго.

друзья убіенныхъ остались, возбуждали въ народѣ ненависть къ свирѣпому Князю и могли говорить: „иноплеменный Ви„товтъ здѣсь властвовалъ мирно; Князь Россійскій возвратился „лить нашу кровь.“ Одна жестокость раждаетъ часто необходимость другой. Когда Витовтъ, узнавъ о взятіи Смоленска, явился предъ стѣнами онаго съ войскомъ, съ пушками, многіе изъ гражданъ хотѣли сдаться Литвѣ. Умыселъ ихъ открылся: Юрій казнилъ всѣхъ безъ пощады, и на сей разъ отразивъ непріятеля, заключилъ съ ними перемиріе.

Ободренный своимъ успѣхомъ и неудачами Литвы, Князь г. 1402
Рязанскій послалъ сына, именемъ Родслава, воевать Брянскъ, имѣя намѣреніе, если можно освободить и сей древній Черниговскій Удѣлъ отъ власти иноплеменниковъ, Но Витовтъ успѣлъ взять мѣры. Однимъ изъ лучшихъ его Полководцевъ былъ Лугвеній-Симеонъ Ольгердовичъ: еще въ 1392 году онъ возвратился въ Литву изъ Новагорода, и женился на сестрѣ Василія Димитріевича ([189]), Маріи (которая, живъ съ нимъ пять лѣтъ, преставилась въ Мстиславлѣ, откуда тѣло ея привезли въ Москву). Лугвеній, отряженный Витовтомъ, соединился съ Александромъ Патрикіевичемъ Стародубскимъ, встрѣтилъ Рязанцевъ у Любутска, и побивъ ихъ на голову, плѣнилъ самого Родслава. Сей успѣхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ весьма важенъ для Витовта: ободрилъ Литву, устрашилъ Россіянъ. Ненавидя Олега, Витовтъ мстилъ ему жестокимъ заключеніемъ сына его въ оковы и въ темницу, въ которой онъ томился три года, и наконецъ, за 2000 рублей, получилъ свободу. Старецъ Олегъ не могъ пережить сего несчастія и скончался Инокомъ: Князь ума рѣдкаго и славнѣйшій изъ всѣхъ Рязанскихъ Владѣтелей; долговременный, лукавый врагъ Донскаго и Москвы, но любимый своимъ народомъ и достохвальный въ его послѣднихъ усиліяхъ возвратить отечеству Литовскія завоеванія. Имѣвъ Христіанское имя Іакова, онъ названъ въ Монашествѣ Іоакимомъ и и погребенъ въ Обители Солотчинской, имъ основанной близъ Рязани ([190]). Сынъ его, Ѳеодоръ, сѣлъ на престолѣ отца, утвержденный въ семъ наслѣдствѣ грамотою Хана Шадибека.

(Чрезъ нѣкоторое время онъ былъ изгнанъ Княземъ Пронскимъ Іоанномъ Владиміровичемъ; а послѣ, заключивъ съ нимъ миръ, княжилъ спокойно, будучи въ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, Государемъ Московскимъ).

г. 1403. Витовтъ еще нѣсколько времени оставлялъ Юрія Смоленскаго въ покоѣ. Собравъ силы, онъ послалъ Лугвенія на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и довѣренность къ нему Россіянъ, которые любили его какъ единовѣрнаго. Лугвеній овладѣлъ Вязьмою безъ кровопролитія, плѣнивъ ея Князя, Іоанна Святославича ([191]). Тогда Витовтъ со всѣми полками
г. 1404. двинулся къ Смоленску; цѣлыя семь недѣль осаждалъ его съ величайшимъ усиліемъ, ежедневно стрѣляя изъ пушекъ, но отступилъ безъ малѣйшаго успѣха: столь крѣпокъ былъ городъ, и столь упорно защищаемъ Юріемъ. Потерпѣли однѣ волости Смоленскія, разоренныя Литвою. Юрій, опасаясь новаго нападенія, желалъ видѣться съ Великимъ Княземъ; оставилъ въ Смоленскѣ супругу, Бояръ, и давъ имъ слово возратиться немедленно, спѣшилъ въ Москву. Василій Димитріевичь принялъ его дружелюбно. „Будь моимъ великодушнымъ покровителемъ,“ говорилъ Юрій: „Витовтъ тебя уважаетъ: примири насъ, или „защити меня, если онъ призритъ твое ходатайство. Когда „же не хочешь того, будь Государемъ моимъ и Смоленскимъ. „Желаю лучше служить тебѣ, нежели видѣть иноплеменника „на престолѣ Мономахова потомства“. Предложеніе казалось лестнымъ. Но зная твердое намѣреніе Витовта снова покорить Смоленскъ, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сіе Княженіе къ Москвѣ есть объявить ему войну, Великій Князь не соглашался быть ни ходатаемъ, ни защитникомъ, ни Государемъ Смоленска, слѣдуя правилу жить въ мирѣ съ Литвою, пока Витовтъ не касался собственныхъ Московскихъ владѣній Такъ говорятъ Лѣтописцы; однакожь долговременное пребываніе Юрія въ Москвѣ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ, что онъ не терялъ надежды успѣть въ своемъ исканіи: измѣнники предупредили его.

Будучи врагомъ опасной Литвы, сей Князь, къ несчастію, имѣлъ враговъ еще опаснѣйшихъ между Смоленскими Боярами,

озлобленными казнію ихъ ближнихъ: пользуясь его отсутствіемъ, они тайно призвали Витовта и сдали ему городъ. Полки Литовскіе безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ крѣпость, обезоружили воиновъ, взяли нѣкоторыхъ вѣрныхъ Бояръ подъ стражу, впрочемъ не дѣлая жителямъ никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юріева была отправлена въ Литву, и Витовтъ, занявъ всю Смоленскую область, вездѣ опредѣлилъ своихъ чиновниковъ, къ неудовольствію измѣнниковъ Россійскихъ, которые надѣялись управлять ею; но гражданамъ и сельскимъ жителямъ даровалъ особенную льготу, желая отвратить народъ отъ Юрія и привязать къ себѣ ([192]): въ чемъ успѣлъ совершенно, и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ кровопролитной съ Нѣмцами битвѣ, гдѣ болѣе 60,000 человѣкъ легло на мѣстѣ, одержалъ побѣду единственно храбростію вѣрныхъ ему Смоленскихъ воиновъ. — Такимъ образомъ взявъ древній городъ Россійскій въ первый разъ обманомъ, вторично измѣною, Витовтъ благоразумною политикою утвердилъ его за Литвою на 110 лѣтъ, и тѣмъ заключилъ ея важныя присвоенія въ Россіи. Время счастливыхъ возвратовъ было для насъ уже не далеко, Политика Витовта.

Нечаянная вѣсть о взятіи Смоленска поразила Юрія Святославича; изумила и Великаго Князя, такъ, что онъ вообразилъ себя обманутымъ. и призвавъ Юрія, осыпалъ его укоризнами, говоря: „Ты хотѣлъ единственно обольстить меня „лукавыми предложеніями: Смоленскъ не могъ сдаться Литвѣ безъ твоего повелѣнія“ ([193]). Напрасно сей несчастный Князь увѣрялъ, что виною тому измѣна Бояръ: Василій остался въ подозрѣніи, и Юрій, не находя въ Москвѣ ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, рѣшился искать той и другой въ вольномъ Новѣгородѣ,

Государствованіе Василія Димитріевича было для Новогородцевъ временемъ безпокойнымъ: они никакъ не могли долго жить съ нимъ въ мирѣ, видя его непристанныя покушенія на ихъ свободу и достояніе. Такъ онъ (въ 1401 году (велѣлъ Митрополиту задержать въ Москвѣ Новогородскаго Архіепископа Іоанна, который ревностно ходатайствовалъ за граж- Неудовольствія Новогородцевъ.

данскія права своей духовной паствы ([194]). Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воины Великокняжескіе схватили въ Торжкѣ двухъ знаменитыхъ Бояръ, непріятныхъ Государю, и взяли все ихъ имѣніе. Такъ рать Московская безъ объявленія войны вступила въ Двинскую землю, будучи предводима Новогородскими изменниками, Айфаломъ и братомъ его, Герасимомъ разстригою, ушедшимъ изъ монастыря; они плѣнили Двинскаго Посадника, многихъ Бояръ, и вездѣ грабили безъ милосердія; но разбитые въ Колмогорахъ, оставили плѣнниковъ и бѣжали. (Сей мятежникъ Айфалъ, не успѣвъ въ замыслахъ противъ отечества, разбойничалъ послѣ на Камѣ и Волгѣ, имѣя у себя до 250 судовъ; былъ въ плѣну у Татаръ и наконецъ убитъ на Вяткѣ Михайломъ Разсохинымъ, подобнымъ ему бѣглецомъ Новогородскимъ).—Хотя Великій Князь освободилъ взятыхъ въ Торжкѣ Бояръ и Архіепископа Іоанна, болѣе трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ кельѣ Николаевскаго монастыря; однакожъ Новгородъ ждалъ и впредь съ его стороны такихъ же утѣсненій, будучи готовъ противиться онымъ.

Юрій Святославичь, съ сыномъ Ѳеодоромъ, братомъ Владиміромъ и Княземъ Симеономъ, Мстиславичемъ Вяземскимъ, явился тамъ среди народа и смиренно просилъ убѣжища. Новогородцы любили казаться великодушными въ такихъ случаяхъ. Мысль быть покровителями одного изъ знаменитѣйшихъ Князей Россійскихъ, гонимаго Витовтомъ, отверженнаго Великимъ Княземъ, льстила ихъ гордости. Они приняли изгнанника съ ласкою, и сдѣлали еще болѣе: дали ему 13 городовъ въ управленіе ([195]): Русу, Ладогу и другіе, съ условіемъ, чтобы онъ, какъ воинъ мужественный, ревностно блюлъ цѣлость ихъ владѣній, не щадя ни трудовъ, ни жизни. Взаимныя клятвы утвердили сей договоръ, равно непріятный Витовту и Василію Димитріевичу. Первый, будучи тогда уже въ мирѣ съ Новымгородомъ, жаловался, что его злодѣй снискалъ тамъ дружбу и довѣренность; а Великій Князь съ неудовольствіемъ видѣлъ, что сей народъ въ случаѣ столь важномъ дѣйствуетъ самовластно, безъ всякаго сношенія съ Москвою. Впрочемъ Юрій не долго жилъ въ области Новогородской: привыкнувъ

господствовать неограниченно, онъ скучалъ своею зависимостію отъ народнаго Вѣча, и возвратился въ Москву съ новою надеждою на покровительство Василія Димитріевича, который, начиная тогда ссориться съ Витовтомъ за впаденіе Литвы въ г. 1406. границы Пскова, принялъ Юрія весьма дружелюбно и сдѣлалъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ. Но сей несчастный изгнанникъ скоро лишился милости Великаго Князя и сожалѣнія людей. въ глазахъ цѣлой Россіи возложивъ на себя знаменіе гнуснаго преступника.

Злодѣйство Князя Смоленскаго.

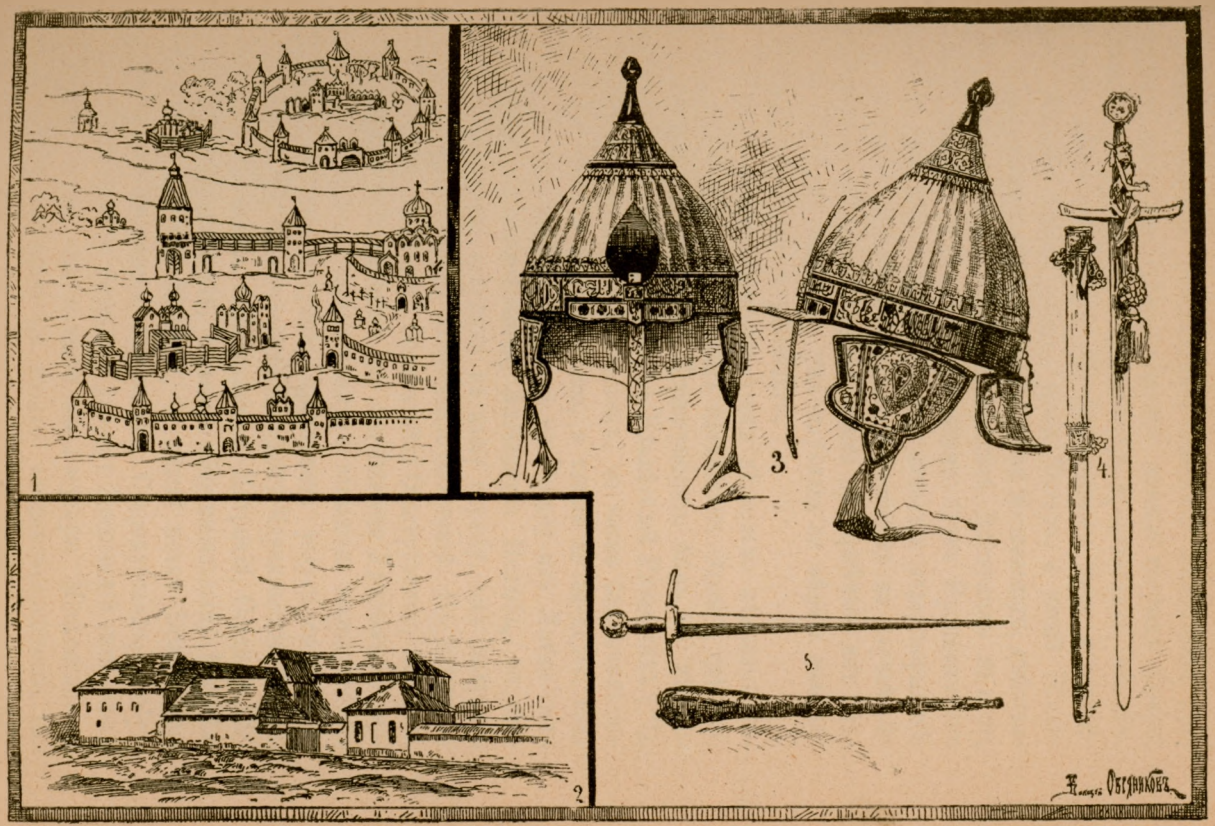
Князь Симеонъ Мстиславовичь Вяземскій раздѣлилъ съ нимъ бѣдствіе изгнанія какъ другъ и знаменитый слуга его. Онъ имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, именемъ Іуліанію. Равно жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вожделѣніемъ осквернить ложе Симеоново; не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни коварными хитростями, и дерзнулъ на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, убилъ Князя Вяземскаго, и думалъ воспользоваться ужасомъ несчастной супруги. Но любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, она схватила ножъ, и хотѣвъ ударить имъ насильника въ горло, уязвила въ руку. Одно чувство уступило мѣсто другому: любострастіе гнѣву. Юрій, обнаживъ мечь, догналъ Іуліанію на дворѣ, изрубилъ ее въ куски, и велѣлъ бросить въ рѣку ([196]). Такая гнусность могла постыдить вѣкъ: впечатлѣніе, произведенное оною въ сердцахъ современникокъ, оправдало его. Юрій подобно Каину ознаменованный печатію злодѣйства, гонимый всеобщимъ презрѣніемъ, не смѣя показаться ни Князьямъ, ни народу, уѣхалъ въ Орду; скитался въ степяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ монастырѣ области Рязанской. Онъ былъ послѣднимъ изъ владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ, происшедшихъ отъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Разрывъ съ Литвою.

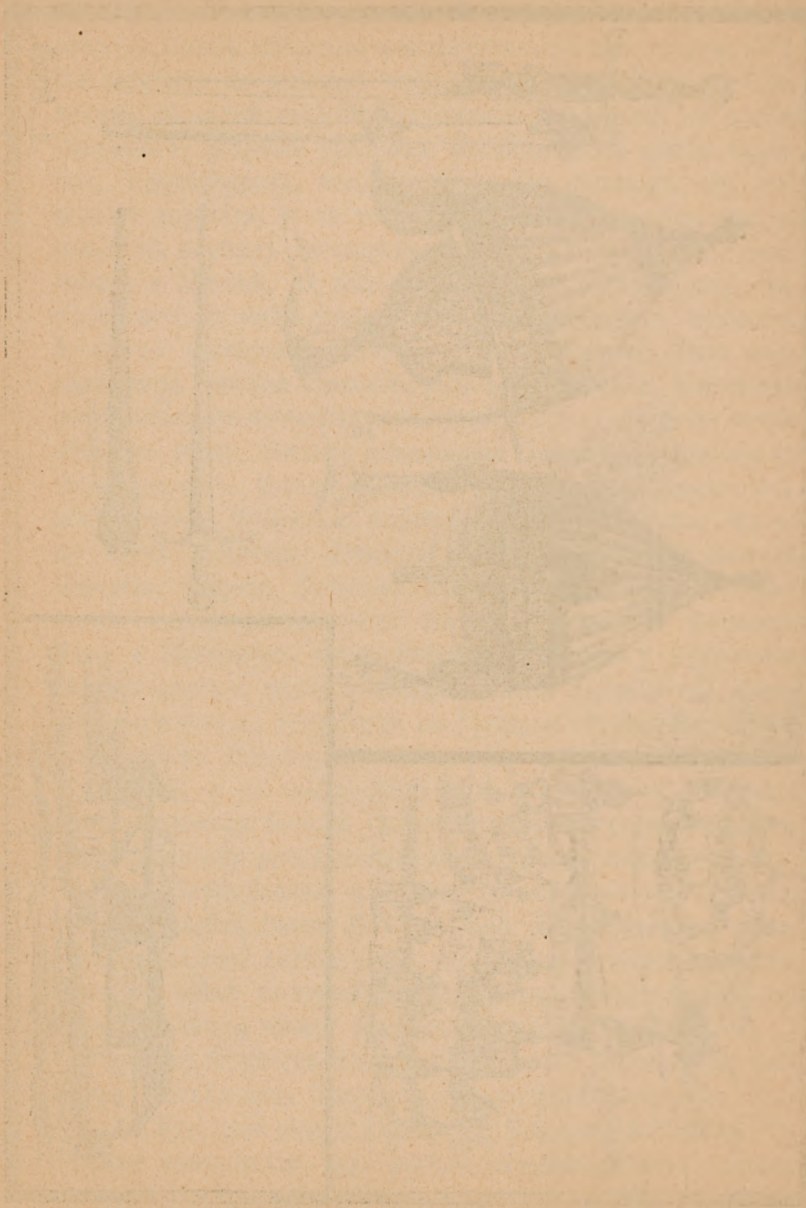
Наконецъ пришло время явной вражды между Государемъ Московскимъ и Литвою. Псковъ, освобожденный Новогородцами отъ всѣхъ обязанностей подданства, былъ управляемъ собственными закона; принималъ Намѣстниковъ отъ Василія Димитріевича, но избиралъ себѣ чиновниковъ и Князей или

Воевода, иногда чужеземныхъ: такъ Андрей Ольгердовичь и сынъ его, Іоаннъ, нѣсколько времени начальствовали въ оном (197). Сія вольность не даровала благоденствія Псковитянамъ: угрожаемые съ одной стороны Ливонскимъ Орденомъ, съ другой Витовтомъ, напрасно требовали они защиты отъ своихъ братьевъ, Новогородцевъ, которые завидовали успѣхамъ ихъ счастливой торговли, и не только отказывались помогать имъ, не только въ мирныхъ договорахъ съ Нѣмцами, съ Литвою, умалчивали о Псковѣ, но даже сами тѣснили и приходили осаждать его; не имѣя успѣха въ сихъ нападеніяхъ, мирились, и всегда неискренно. Сверхъ того онъ вторично былъ жертвою язвы, которая нѣсколько разъ возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастіемъ, коварный Витовтъ, будто бы честно объявляя войну, послалъ *разметную* Псковскую *грамоту* къ Новогородцамъ, напалъ неожидаемо на владѣнія Псковитянъ, взялъ городъ Коложе и плѣнилъ 11,000 Россіянъ. Въ то же время Магистръ Ливонскій опустошилъ селенія вокругъ Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, Псковитяне немедленно отмстили Витовту разореніемъ Великихъ Лукъ и Новоржева, ему подвластныхъ; отняли у Литвы Коложское знамя, и разбили Нѣмцевъ близъ Киремпе: но вѣдая мѣру силъ своихъ, прибѣгнули къ Государю Московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имѣли свою особенную систему политическую, и въ самомъ дѣлѣ мало зависѣли отъ Великаго Князя: однакожь Василій, называясь ихъ Государемъ, рѣшился доказать истину сего названія; отправилъ къ нимъ брата, Константина Димитріевича, и требуя удовлетворенія отъ Витовта, началъ собирать полки. Его *система осторожности* не перемѣнилась: онъ хотѣлъ мира, но хотѣлъ доказать и готовность къ войнѣ въ случаѣ необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остатокъ независимости Россіи.

Витовтъ отвѣтствовалъ гордо. Призвавъ въ союзъ къ себѣ Іоанна Михайловича Тверскаго, Великій Князь послалъ Воеводъ на Литовскіе города: Серпейскъ, Козельскъ и Вязьму (198). Воеводы возвратились безъ успѣха: огорченный симъ худымъ началомъ, и думая, что Витовтъ со всѣми силами устремится



1) Видъ древняго Пскова, сохранившійся на иконѣ XIV вѣка.—2) Одно изъ древнѣйшихъ частныхъ зданій во Псковѣ (такъ-наз. Поганкины палаты).—3) Шлемъ Александра Невскаго.—4, 5) Мечи Псковскихъ князей—Довмонта и Гаврила.



на Москву, Василій Димитріевичъ рѣшился возобновить дружелюбную связь съ Ордою, вопреки мнѣнію старыхъ Бояръ; требовалъ вспоможенія отъ Шадибека и представлялъ, что Литва есть общій ихъ врагъ. Не было слова о дани и зависимости; Василій искалъ только союза Татаръ, и юный Шадибекъ, управляемый доброхотами Государя Московскаго, дѣйствительно прислалъ ему нѣсколько полковъ. Выступивъ въ поле, Великій Князь сошелся съ Витовтомъ близъ Крапивны (въ Тульской Губерніи). Вмѣсто битвы, начались переговоры: ибо ни съ которой стороны не хотѣли отважиться на случай рѣшительный, и Герой Литовскій, помня претерпѣнное имъ бѣдствіе на берегахъ Ворсклы, уже научился не вѣрить счастію. Заключили перемиріе и разошлися,

Мира не было. Литовцы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сожгли и присоединили къ своимъ владѣніямъ Одоевъ, гдѣ княжили потомки Св. Михаила Черниговскаго, бывъ въ нѣкоторой зависимости отъ сильнѣйшихъ Владѣтелей Рязанскихъ ([199]); а Великій Князь взялъ Дмитровецъ, но снова заключилъ перемиріе съ тестемъ подъ Вязьмою, и также не на-долго. Еще за годъ до сего времени выѣхалъ въ Москву изъ Литвы сынъ Князя Іоанна Ольгимонтовича, Александръ Нелюбъ, со многими единоземцами: вступивъ въ нашу службу, онъ получилъ себѣ во владѣніе городъ Переславль Залѣсскій. Въ слѣдъ за нимъ прибылъ въ Москву Свидригайло Ольгердовичъ, который, будучи недоволенъ даннымъ ему отъ Витовта Удѣломъ Сѣверскимъ, Брянскимъ, Стародубскимъ, и замышляя господствовать надъ всею Литвою, вздумалъ предложить услуги свои Великому Князю. Ему сопутствовали Епископъ Черниговскій Исакій, Князья Звенигородскіе. Александръ и Патрикій, Ѳеодоръ Александровичъ Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михайло Хотетовскій, Урустай Минскій, и цѣлый полкъ Бояръ Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Брянскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ, Рословскихъ; такъ, что дворецъ Московскій весь наполнился ими, когда они пришли къ Государю. Москвитяне съ любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, уже принявшихъ обычаи иноземные; а Бояре южной Россіи дивя-

г. 1407

г. 1408. Свидригайло.

лись величію Москвы (за сто лѣтъ едва извѣстной по имени), красотѣ ея церквей, святыхъ Обителей, и пышности Двора Василіева, напомнившей имъ древнія преданія о блестящемъ Дворѣ Ярослава Великаго. Всего же болѣе дивились они въ ней благоустройству гражданскому, необыкновенному въ ихъ странахъ, гдѣ троны Владимірова потомства стояли пусты, и гдѣ Паны Литовскіе, искажая языкъ Славянскій, давали чуждые законы народу. Великій Князь осыпалъ пришельцевъ милостями, и къ общему удивленію отдалъ Свидригайлу въ Удѣлъ не только Переславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половину Коломны, но даже столицу Владимірскую съ селами, доходами и людьми, какъ сказано въ лѣтописи ([200]): столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомыслепный, надменный Свидригайло увѣрительно говорилъ о тайныхъ связяхъ своихъ съ Вельможами Литовскими; хвалился завоевать съ помощію Москвитянъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всю землю Витовтову; обѣщалъ Василію Новогородъ Сѣверскій и склонилъ его къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій противъ тестя. Великій Князь не былъ легковѣренъ; но могъ надѣяться, что имѣя съ собою Ягайлова брата, или подлинно найдетъ друзей въ Литвѣ, или пріобрѣтетъ миръ выгодный. Въ послѣднемъ отчасти и не обманулся. Витовтъ встрѣтилъ зятя на берегахъ Угры. Многочисленное войско его состояло, кромѣ Литвы, изъ полковъ Кіевскихъ (предводимыхъ Олелькомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгердовымъ), Смоленскихъ, и даже изъ Нѣмцевъ, присланныхъ ему Великимъ Магистромъ Прусскимъ ([201]). Тщетно Свидригайло искалъ измѣнниковъ въ станѣ Литовскомъ: самые Россіяне, служа Витовту, готовы были мужественоо ударить на полки Великокняжескіе. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только легкими отрядами, избѣгая главнаго сраженія; наконецъ, въ слѣдствіе многихъ переговоровъ, согласились въ мирныхъ условіяхъ, назначивъ Угру предѣломъ между Литвою и Московскими владѣніями въ нынѣшней Калужской Губерніи. Города Козельскъ, Перемышль, Любутскъ, возвратились къ Россіи и были съ того времени Удѣломъ Владиміра

Андреевича *Храбраго*. Сохраняя честь свою, Великій Князь не хотѣлъ выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязалъ тестя не безпокоить впредь области Псковитянъ, которые послѣ заключили съ Литвою миръ особенный.

Войны съ Ливоніею.

Впрочемъ покровительство Василія Димитріевича не доставило Пскову безопасности. Братъ его, Константинъ, взявъ за Наровою Нѣмецкій городокъ Порхъ, уѣхалъ назадъ въ Москву; а Магистръ Ливонскій Конрадъ Фитингофъ, соединясь съ Курляндцами, разбилъ Псковитянъ: три Посадника и 700 лучшихъ гражданъ легло на мѣстѣ. Еще два раза входилъ онъ въ пхъ владѣнія, жегъ села, плѣнялъ людей, не щадя и Новогородцевъ, которые, злобствуя на Псковитянъ, отказались и тогда дѣйствовать съ ними за-одно противъ общихъ непріятелей. Сіи частыя войны съ Ливоніею обыкновенно не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій. Хотя Нѣмцы мыслили присоединить Псковъ къ своимъ владѣніямъ съ согласія Витовта и Свидригайла (какъ то видно изъ договора, заключеннаго между ими въ 1402 году): но имѣя болѣе властолюбія, нежели силы, они только грабили, убивали нѣсколько сотъ человѣкъ и чувствовали нужду въ мирѣ для выгодъ торговли ([202]). Народное Право съ обѣихъ сторонъ такъ мало уважалось, что иногда умерщвляли Пословъ: въ Нейгаузенѣ (въ 1414 году) изрубили Псковскаго, во Псковѣ Дерптскаго. Сія вражда прекратилась въ 1417 году мирнымъ договоромъ на 10 лѣтъ, и Великій Князь участвовалъ въ оном какъ посредникъ. Но Псковитяне, честно соблюдая миръ съ Нѣмцами, снова возбудили на себя гнѣвъ Витовта, который принуждалъ ихъ объявить войну Ливоніи. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу Посольствами въ Литву и въ Москву. Витовтъ грозилъ имъ непрестанно; однакожь не сдѣлалъ ничего болѣе, вѣроятно изъ уваженія къ зятю, коего Псковитяне всегда признавали своимъ верховнымъ Государемъ, и который давалъ имъ Князей или Намѣстниковъ. Три раза начальствовалъ тамъ Константинъ, братъ Василіевъ; послѣ Князья Ростовскіе, Андрей и Ѳеодоръ Александровичи, сынъ послѣдняго Александръ и Ѳеодоръ Патрикіевичь Литовскій.

Доселѣ государствованіе Василія было славно и счастливо: онъ усилилъ Великое Княженіе знаменитыми пріобрѣтеніями безъ всякаго кровопролитія; видѣлъ спокойствіе, благоустройство, избытокъ гражданъ въ областяхъ своихъ; обогатилъ казну доходами; уже не дѣлился ими съ Ордою и могъ считать себя независимымъ. Хотя Послы Ханскіе отъ времени до времени являлись въ Москвѣ (Царевичь Эйтякъ въ 1403 году, и Мирза, Казначей Шадибековъ, въ 1405): но, вмѣсто дани, получали единственно маловажные дары, и возвращались съ отвѣтомъ, что Великое Княженіе Московское будто бы оскудѣло и не въ силахъ платить серебра Ханамъ ([203]). Напрасно Тимуръ Кутлукъ и Шадибекъ звали къ себѣ Василія: онъ не хотѣлъ послать къ нимъ никого изъ своихъ братьевъ или Бояръ старѣйшихъ, ожидая, чѣмъ кончатся междоусобія Ординскія. Еще Тохтамышъ, отверженный Витовтомъ, скитался по отдаленнымъ Улусамъ, искалъ друзей и надѣялся возвратить себѣ Царство; когда же, настигнутый въ пустыняхъ, близь Тюменя, отрядомъ войска Шадибекова, онъ палъ въ сраженіи: Великій Князь, съ намѣреніемъ питать мятежъ въ Ордѣ, далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ его. Слабый Ханъ молчалъ, а знаменитый Эдигей, сподвижникъ Тамерлановъ, побѣдитель Витовта, Князь всемогущій въ Улусахъ, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Василіемъ; давалъ ему ласковое имя сына и коварный совѣтъ воевать Литву, въ то же время совѣтуя Витовту искоренить Московское Княженіе. Такъ Моголы, нѣкогда страшные одною силою, уже начали хитрить въ слабости, стараясь производить вражду между Государями, для нихъ опасными въ 1407 году, когда Князь Тверскій, Іоаннъ Михайловичь, пріѣхалъ Волгою на судахъ въ Ханскую столицу (чтобы судиться тамъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, братомъ умершаго Іоанна Холмскаго, желавшимъ присвоить себѣ Тверское Княженіе), сдѣлалась въ Ордѣ перемѣна: Булатъ-Салтанъ изгналъ Шадибека, зятя Эдигеева, и сѣлъ на Царство, но еще болѣе своихъ предшественниковъ зависѣлъ отъ Эдигея. Сей хитрый старецъ — видя, что Государь Московскій и Витовтъ никакъ не хотятъ отважиться на рѣшительную войну

Нашествіе Эдигея.

между собою — предпріялъ наконецъ оружіемъ смирить перваго; готовя рать многочисленную, все еще увѣрялъ его въ своей ревностной дружбѣ, и писалъ къ нему, выступивъ въ походъ: „Се идетъ Царь Булатъ съ Великою Ордою наказать „Литовскаго врага твоего за содѣянное имъ зло Россіи. Спѣши „изъявить Царю благодарность: если не лично, то пришли „хотя сына, или брата или Вельможу“. Съ сею грамотою пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ чиновниковъ Татарскихъ. Василій имѣлъ друзей въ Ордѣ и зналъ о разныхъ ея движеніяхъ; но по всѣмъ извѣстіямъ думалъ, что Моголы дѣйствительно хотятъ воевать Литву: ибо Эдигей умѣлъ скрыть свою истинную цѣль отъ самыхъ Вельможъ Ханскихъ. Никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного Лѣтописца, уже мало оставалось Бояръ старыхъ, и гдѣ юные совѣтники Великокняжескіе мечтали въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами Моголовъ. Однакожь Василій Димитріевичь былъ изумленъ скорымъ походомъ Ханскаго войска и немедленно отправилъ Боярина Юрія въ станъ онаго, чтобы имѣть вѣрнѣйшее свѣдѣніе о намѣреніи Татарскаго Полководца; велѣлъ даже собирать войско въ городахъ, на всякой случай. Но Эдигей задержавъ Юрія, шелъ впередъ съ великою поспѣшностію — и чрезъ нѣсколько дней услышали въ Москвѣ, что полки Ханскіе стремятся прямо къ ней.

Сія вѣсть поколебала твердость Великокняжескаго Совѣта: Василій не дерзнулъ на битву въ полѣ и сдѣлалъ то же, что его родитель въ подобныхъ обстятельствахъ: уѣхалъ съ супругою и съ дѣтьми въ Кострому, оставивъ защитниками столицы дядю, Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра со множествомъ Бояръ и Духовныхъ сановниковъ (Митрополитъ Кипріанъ уже скончался). Великій Князь надѣялся на крѣпость стѣнъ Московскихъ, на дѣйствіе своихъ пушекъ и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагопріятную для осады долговременной. Не одна робость, какъ вѣроятно, заставила его удалиться. Онъ могъ скорѣе Боярина или Намѣстника подвигнуть сѣверные города Россійскіе къ единодуш-

ному возстанію противъ непріятеля для избавленія столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великій Князь собираетъ тамъ войско. Но граждане Московскіе судили иначе, и роптали, что Государь предаетъ ихъ врагу, спасая только себя и дѣтей. Напрасно Князь Владиміръ, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятію Донской битвы, ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности: слабые унывали. Чтобы Татары не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ Кремлевскимъ, сей Князь велѣлъ зажечь вокругъ посады ([201]). Нѣсколько тысячь домовъ, гдѣ обитали мирныя семейства трудолюбивыхъ гражданъ запылали въ одно время. Жители не думали спасать имѣнія, и толпами бѣжали къ городскимъ воротамъ. Отцы, и матери, лишенные крова, ведя за руку или неся дѣтей, молили единственно о томъ, чтобы ихъ впустили въ оныя: необходимость предписывала жестокій отказъ, ибо отъ излишняго многолюдства опасались голода въ крѣпости. Зрѣлище было страшно: вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль, отчаяніе. Къ довершенію ужаса, многіе злодѣи грабили въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ, и радовались общему бѣдствію.

Ноября 30, ввечеру, Татары показались, но вдали, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ городскихъ орудій. Декабря 1 пришелъ самъ Эдигей съ четырьмя Царевичами и многими Князьями, сталъ въ Коломенскомъ, отрядилъ 30,000 въ слѣдъ за Василіемъ къ Костромѣ, и послалъ одного изъ Царевичей, именемъ Булата, сказать Іоанну Михайловичу Тверскому, чтобы онъ немедленно шелъ къ нему со всею его ратію, самострѣлами и пушками ([250]). Между тѣмъ полки Татарскіе разсыпались по областямъ Великаго Княженія: взяли Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ, Городецъ; то есть, сожгли ихъ, плѣнивъ жителей, ограбивъ церкви и монастыри. Счастливъ, кто могъ спастися бѣгствомъ! Не было ни малѣйшаго сопротивленія. Россіяне казались стадомъ овецъ терзаемыхъ хищными волками. Граждане, земледѣльцы, падали ницъ предъ варварами; ждали рѣшенія судьбы своей, и Моголы отсѣкали имъ головы, или разстрѣливали ихъ въ забаву;

избирали любыхъ въ невольники, другихъ только обнажали: но сіи несчастные, оставляемые безъ крова, безъ одежды среди глубокихъ снѣговъ въ жертву страшному холоду и мятелямъ, большею частію умирали. Плѣнниковъ связывали и вели какъ псовъ на смычкахъ: иногда одинъ Татаринъ гналъ передъ со бою человѣкъ сорокъ ([206]). Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло начальствуя въ Владимірѣ и въ пяти другихъ городахъ, имѣя воинскую многочисленную дружину, обязанный милостію Великаго Князя, которая не измѣнилась и со времени неудачнаго похода Литовскаго, бѣжалъ и скрылся въ лѣсахъ отъ Моголовъ. (Сей мнимый Герой, обличивъ свое малодушіе, скоро выѣхалъ изъ Россіи съ великимъ богатствомъ и стыдомъ, ограбивъ на пути наши села и пригороды).

Эдигей, обложивъ Москву, нетерпѣливо ждалъ къ себѣ Князя Тверскаго съ орудіями стѣнобитными и не предпринималъ ничего противъ города; но Іоаннъ Михаиловичь поступилъ въ семъ случаѣ какъ истинный Россіянинъ и другъ отечества: онъ гнушался мыслію способствовать гибели Московскаго Княженія, хотя и весьма опаснаго для независимости Тверскаго; поѣхалъ къ Эдигею одинъ съ немногими Боярами, и возвратился изъ Клина, будто бы отъ нездоровья ([207]). Сіе великодушіе могло стоить ему дорого: къ счастію, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки Ханскіе, которые гнались за Великимъ Княземъ не могли настигнуть его и, къ досадѣ Эдигея, пришли назадъ. Но смотря на ослушаніе Іоанна Тверскаго и недостатокъ въ нужныхъ для осады снарядахъ, сей Вождь Ординскій упорствовалъ взять Москву, если не приступомъ, то голодомъ, и хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ. Но вѣсти, полученныя имъ отъ Хана, разстроили его намѣреніе. Уже прошелъ тотъ вѣкъ, когда наслѣдники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли въ одно время громить Востокъ и Западъ: внутреннія несогласія, кровопролитія, язва, Герой Донскій и Тамерланъ столь уменьшили многолюдство въ Улусахъ, что Булатъ, отправивъ войско въ Россію, остался беззащитнымъ,

и едва не былъ плѣненъ какимъ-то мятежнымъ Ордынскимъ Царевичемъ, хотѣвшимъ овладѣть его столицею. Ханъ заклиналъ Полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства дѣйствительно были таковы. что Эдигей не могъ терять времени, съ одной стороны опасаясь Великаго Князя, собиравшаго въ Костромѣ войско, а съ другой еще страшнѣйшихъ враговъ въ Ордѣ; призвалъ Вельможъ на совѣтъ, и положилъ чрезъ нѣсколько часовъ отступить отъ нашей столицы; но желая казаться побѣдителемъ, а не бѣгущимъ, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послалъ объявить Московскимъ начальникамъ, что соглашается не брать ихъ города, если они дадутъ ему окупъ,

Москва представляла зрѣлище и ратной дѣятельности и ревностныхъ подвиговъ благочестія; съ утра до ночи воины стояли на стѣнахъ, Священники въ отверстыхъ храмахъ пѣли молебны, народъ постился. „Богатые“ — говоритъ Лѣтописецъ — „обѣщали Небу наградить бѣдныхъ, сильные не тѣ„снить слабыхъ, судіи быть правосудными, — и солгали предъ „Богомъ“ ([208])! Владиміръ Андреевичь, Князья, Бояре, цѣлыя три недѣли тщетно ждали приступа, и не имѣя запасовъ хлѣбныхъ, страшились голода. Удивленные предложеніемъ Эдигея, и не зная, что сдѣлало его миролюбивымъ, они съ радостію дали ему 3000 рублей, и прославили милость Божію, когда сей Князь, отправивъ впередъ добычу съ обозомъ, 21 Декабря выступилъ изъ Коломенскаго; взялъ еще на возвратномъ пути Рязань, и скоро удалился отъ предѣловъ Россійскихъ. Но слѣды сего ужаснаго нашествія остались на долго неизгладимы въ оныхъ. „Вся Россія“ — пишутъ современники — „отъ рѣки Дона до Бѣлаозера и Галича, была „потрясена сею грозою. Цѣлыя волости опустѣли. Кто избавился отъ смерти и неволи, тотъ оплакивалъ ближнихъ или „утрату имѣнія Вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя нѣко„торыми книжниками года за три или за четыре. Многія „удивительныя знаменія также возвѣстили гнѣвъ Божій: со „многихъ святыхъ иконъ текло муро, или капала кровь,“ и проч. Суевѣріе всегдашнее въ такихъ случаяхъ: люди сла-

бые, пораженные внезапнымъ ударомъ, обыкновенно ищутъ сверхъестественныхъ предзнаменованій его въ минувшемъ времени, какъ бы надѣясь впредь лучшимъ вниманіемъ къ таинственнымъ указаніямъ Судьбы отвращать подобныя бѣдствія.

Впрочемъ Эдигей, кромѣ добычи и плѣнниковъ, не пріобрѣлъ ничего важнаго симъ подвигомъ, къ коему онъ нѣсколько лѣтъ готовился, и грозное письмо, отправленное имъ съ пути къ Великому Князю, не имѣло никакихъ слѣдствій. Оно достопамятно: предлагаемъ его содержаніе ([109]).

Письмо Эдигеево.

„Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, по думѣ съ Царевичами и Князьями. — Великій Ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы нашли убѣжище въ землѣ твоей. Вѣдаемъ также происходящее въ областяхъ Московскаго Княженія: вы ругаетесь не только надъ купцами нашими, не только всячески тѣсните ихъ но и самыхъ Пословъ Царскихъ осмѣиваете, Такъ ли водилось прежде? Спроси у старцевъ: земля Русская была нашимъ вѣрнымъ Улусомъ; *держала страхъ* платила дань, чтила Пословъ и гостей Ординскихъ. Ты не хочешь знать того и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на Царство, ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни Князя, ни Боярина, Минуло Царство Тимурово: Шадибекъ 8 лѣтъ властвовалъ: ты не былъ у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ уже третій годъ: ты, старѣйшій Князь въ Улусѣ Русскомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои не добры. Были у васъ нравы и дѣла добрыя, когда жилъ Боярин Ѳеодоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о Ханскихъ благотвореніяхъ. Нынѣ сынъ его недостойный, Іоаннъ, Казначей и другъ твой: что скажетъ, тому вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слушаешь. Что вышло? разореніе твоему Улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови въ совѣтъ Бояръ старѣйшихъ: Илію Іоанновича, Петра Константиновича, Іоанна Никитича и другихъ, съ ними согласныхъ въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ древними оброками, какіе вы платили Царю Чанибеку, да не погибнетъ въ конецъ Держава твоя. Все, писанное тобою къ Ханамъ

„о бѣдности народа Русскаго, есть ложь: мы нынѣ сами видѣли „Улусъ твой, и свѣдали, что ты собираешь въ немъ по рублю „съ двухъ сохъ: куда жь идетъ серебро? Земля Христіанская „осталась бы цѣла и невредима, когда бы ты исправно пла„тилъ Ханскую дань; а нынѣ бѣгаешь какъ рабъ!... Размысли „и научися!“ — Но Великій Князь не хотѣлъ слушаться ни приказаній, ни совѣтовъ его, свѣдавъ о новомъ мятежѣ въ Ордѣ; возвратился въ столицу, и съ любовію обнялъ дядю своего, Владиміра Андреевича, довольный по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ, не имѣвъ способа защитить другіе города, сдалъ ему Москву въ цѣлости.

Г. 1410. Кончина Владиміра Храбраго.

Сей знаменитый внукъ Калитинъ жилъ не долго и преставился съ доброю славою Князя мужественнаго, любившаго пользу отечества болѣе власти. Онъ первый отказался отъ древнихъ правъ семейственнаго старѣйшинства, и былъ изъ Князей Россійскихъ *первымъ дядею служившимъ племяннику*. Кратковременныя ссоры его съ Донскимъ и Василіемъ происходили не отъ желанія присвоить себѣ Великокняжескій санъ а только отъ смутъ Боярскихъ. Сія великодушная жертва возвысила въ Владимірѣ предъ судилищемъ потомства достоинство Героя, который счастливымъ ударомъ рѣшилъ судьбу битвы Куликовской, а можетъ быть и Россіи. Въ Архивѣ нашихъ древностей хранятся договоры сего Князя съ Василіемъ и завѣщаніе. Онъ возвратилъ племяннику города Волокъ и Ржевъ взявъ отъ него въ замѣну Угличь, Городецъ на Волгѣ, Козельскъ, Алексинъ, не въ Удѣлъ временный, а въ наслѣдственное владѣніе или въ отчину, съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти Василіевой, повиноваться его сыну какъ Государю верховному, ходить съ нимъ самимъ на войну и посылалъ дѣтей своихъ съ полками Московскими ([210]). Въ духовной записи Владиміръ Андреевичь поручаетъ супругу и дѣтей Великому Князю; отказываетъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ, чтобы они вѣдали ее погодно; старшему сыну, Іоанну, даетъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ (а буде сей городъ снова отойдетъ къ Литвѣ, то Любутскъ) — Симсону Боровскъ и половину Городца: другую половину

Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ такъ отъ имени сего Владимірова сына) — Андрею Радонежъ — Василію Перемышль и Угличь — супругѣ Еленѣ Ольгердовичѣ множество селъ (въ томъ числѣ Коломенское, Тайнинское и славную мельницу на устьѣ Яузы); ей же съ меньшими дѣтьми большой дворъ Московскій (другимъ сыновьямъ особенные домы и сады). Свидѣтелями духовной были Игумены Никонъ Радонежскій, Савва Спасскій и 5 Бояръ Владиміровыхъ. Какъ сія, такъ и договорныя, выше упомянутыя грамоты свидѣтельствуютъ, что Великій Князь и Владиміръ, надѣясь избавиться отъ ига Моголовъ, еще не были въ томъ увѣрены: ибо послѣдній обязывается дѣлить съ первымъ Ординскія тягости и платить ему за Угличь 105 рублей на семь тысячь рублей Ханской дани, а за Городецъ 160 р. на 1500 р.

Происшествія въ Ордѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Великій Князь, при новой перемѣнѣ въ Ордѣ, еще на время отказался отъ государственной независимости. Темиръ, неизвѣстный по лѣтописямъ Восточнымъ, свергнулъ Булата, и прогнавъ Эдигея къ берегамъ Чернаго моря долженъ былъ уступить престолъ Капчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислалъ въ Россію грозныхъ Пословъ, и въ досаду Василію Димитріевичу хотѣлъ возстановить Княженіе Нижегородское, объявивъ сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наслѣдниками ([211]): чего они искали въ Ордѣ, и смѣлѣйшій изъ нихъ, Данилъ Борисовичь, за годъ до того времени съ дружиною Князей Болгарскихъ разбилъ въ Лысковѣ брата Василіева, Петра Димитріевича; а Воевода Даниловъ съ Казанскимъ Царевичемъ, Талычемъ, ограбилъ Владиміръ, имѣя у себя не болѣе пяти сотъ Моголовъ и Россіянъ: столь унизилась знаменитая столица Боголюбскаго! Лѣтописцы, въ объясненіе сего случая, сказываютъ, что она тогда не имѣла стѣнъ; что ея Намѣстникъ, Юрій Васильевичь Щека, былъ въ отсутствіи, и что непріятели тайно пришли лѣсомъ изъ-за рѣки Клязмы въ самый полдень, когда всѣ граждане спали! Самъ Митрополитъ, преемникъ Кипріановъ, Фотій, будучи въ сіе время близъ Владиміра, на Святомъ озерѣ, едва могъ

г. 1411

г. 141

спастися отъ Татаръ бѣгствомъ въ непроходимыя пустыни Сенежскія. Впрочемъ ни Лысковская побѣда, ни опустошеніе домовъ и церквей Владимірскихъ, не могли возвратить Даніилу и родительскаго престола: союзники его, Казанскіе Моголы, немедленно ушли назадъ съ добычею. Но ярлыкъ Хана въ рукахъ Князей Нижегородскихъ, дружба Зелени-Салтана съ Витовтомъ, новый тѣсный союзъ Іоанна Михайловича Тверскаго съ Государемъ Литовскимъ, у коего сынъ его, Александръ, гостилъ въ Кіевѣ ([212]), и намѣреніе Іоанново ѣхать въ Орду, казались Василію Димитріевичу столь опасными, что онъ рѣшился самъ искать благосклонности Хана, и провождаемый всѣми знатнѣйшими Вельможами, съ богатыми дарами отправился въ столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сынъ Тохтамышевъ, Керимбердей, застрѣлилъ сего недруга Россіянъ, и воцарился. Сей новый Ханъ, какъ вѣроятно, по смерти отца имѣлъ съ другими братьями убѣжище въ областяхъ Московскихъ, и слѣдственно основанное на признательности благорасположеніе къ Василію: по крайней мѣрѣ Великій Князь, имъ обласканный, достигъ своей цѣли: то есть, возвратился съ увѣреніемъ, что бывшіе Владѣтели Суздальскіе не найдутъ въ немъ (Ханѣ) покровителя, а Витовтъ друга, особенно ко вреду Россіи. Іоаннъ Михайловичь Тверскій, также милостиво принятый Керимбердеемъ, съ его согласія удержалъ за собою Кашинъ, не смотря на всѣ исканія брата Василія Михайловича ([213]). Сей бѣдный Князь, взятый подъ стражу Намѣстниками Тверскими, ушелъ изъ заключенія, скитался по лѣсамъ былъ въ Москвѣ, у Хана, и не могъ нигдѣ найти защиты. Василій Димитріевичь хотя привезъ его съ собою изъ Орды, однакожь не хотѣлъ въ угодность изгнаннику ссорится съ Іоанномъ, который изъявилъ столько великодушія въ бѣдственное для Москвы время, и въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, при Дворѣ Хана, доказалъ ему искренними объясненіями, что не имѣетъ никакихъ вредныхъ для Великаго Княженія замысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій, будучи въ Ханской столицѣ, снова обязался платить дань Моголамъ: онъ платилъ ее, ка-

жется, до самаго конца жизни своей, не смотря на внутренніе безпорядки, на частыя перемѣны въ Ордѣ. Керимбердей, другъ Россіянъ, былъ непріятелемъ Витовта, который, желая свергнуть его съ престола, объявилъ Царемъ Капчакскимъ Князя Могольскаго, именемъ Бетсабулу, и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки Царскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукномъ багрянымъ ([214]). Керимбердей, побѣдивъ сего Витовтова Хана, отсѣкъ ему голову; но скоро погибъ отъ руки своего брата, Геремфердена, бывшаго усерднымъ союзникомъ Государя Литовскаго. Кромѣ сего главнаго Хана, непрестанно являлись въ Улусахъ иные Цари, воевали между собою или грабили наши предѣлы: такъ (въ 1415 году) одинъ изъ нихъ, взявъ Елецъ, убилъ тамошняго Князя; такъ Царь Баракъ, сынъ Койричака, побѣдивъ другаго, именемъ Куйдадата, приступалъ (въ 1422 году) къ Одоеву, и плѣнилъ множество людей, но долженъ былъ оставить ихъ, настиженный въ степяхъ Князомъ Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и Мценскимъ Воеводою, Григоріемъ Протасьевичемъ, которые послѣ, соединясь съ Друцкими Князьями, разбили и Куйдадата. Сей Царь тревожилъ набѣгами и Литовскія и Россійскія области: по чему Витовтъ, свѣдавъ о приближеніи его къ Одоеву, требовалъ содѣйствія отъ Великаго Князя; и хотя Москвитяне не успѣли взять участія въ битвѣ: однакожь Витовтовы Полководцы, плѣнивъ двухъ женъ Кудадатовыхъ, одну отправили къ своему Государю, а другую въ Москву. — Между тѣмъ и старецъ Эдигей, уступивъ Орду Капчакскую или Волжскую сыновьямъ Тохтамышевымъ, властвовалъ какъ Государь независимый въ Улусахъ Черноморскихъ. Будучи врагомъ Витовта, онъ (въ 1416 году) разорилъ многія Литовскія области, не могъ взять укрѣпленнаго Кіевскаго замка, но ограбилъ и сжегъ всѣ тамошнія церкви вмѣстѣ съ Печерскою Лаврою, плѣнивъ нѣсколько тысячь гражданъ, такъ, что съ сего времени, по словамъ Историка, Длугоша, Кіевъ опустѣлъ совершенно. Наконецъ Эдигей, желая спокойствія, прислалъ въ даръ Витовту трехъ вельблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27 коней, съ слѣдующею грамотою: „Князь зна- г. 1415-1423.

„менитый! въ трудахъ и подвигахъ честолюбія застигла насъ „обоихъ унылая старость: посвятимъ миру остатокъ жизни. „Кровь, проліянная нами въ битвахъ взаимной ненависти, „уже поглощена землею; слова бранныя, коими мы другъ „друга огорчали, развѣяны вѣтромъ; пламя войны очистило „сердца наши отъ злобы; вода угасила пламя“ ([215]). Они заключили миръ.

Имѣя долговременную рать съ Прусскимъ Орденомъ, Витовтъ жилъ мирно съ Василіемъ Димитріевичемъ, который даже не отказался помогать ему войскомъ. Въ 1422 году, при осадѣ *Голуба* или Кульма, были у Витовта союзныя дружины Московская и Тверская, или *Великіе Россіяне*, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена ([216]). Увѣряя зятя въ своей пріязни, Витовтъ въ тоже время грозилъ Новогородцамъ, какъ Державѣ особенной. Желая быть въ дружбѣ и съ Литовскимъ Государемъ и съ Московскимъ, они вторично приняли къ себѣ Ольгердова сына, Лугвенія, начальствовать въ ихъ областныхъ городахъ, а брата Василіева, Константина Димитріевича, Намѣстникомъ Великокняжескимъ въ столицу ([217]); но сія Политика не имѣла совершеннаго успѣха. Примирясь съ Нѣмцами, Витовтъ и Король Ягайло велѣли Лугвенію ѣхать въ Литву, и всѣ трое вмѣстѣ возвратили мирныя грамоты Новогородцамъ. Лугвеній писалъ, что онъ, бывъ у нихъ только на жалованьѣ, разрываетъ сію связь, непріятную его братьямъ, которые составляютъ съ нимъ одного человѣка. „Да „будетъ война между нами!“ сказали Вѣчу Послы Королевскіе и Витовтовы именемъ двухъ Государей: „вы обѣщали и не „хотѣли дѣйствовать съ нами противъ Нѣмцевъ; вы торже„ственно злословите насъ и называете *погаными*; вы благотворите „сыну врага нашего, Юрія Святославича“. Ѳеодоръ Юрьевичь Смоленскій дѣйствительно жилъ тамъ и пользовался великодушною защитою Правительства: сей юный Князь спѣшилъ объявить своимъ покровителямъ, что не хочетъ быть для нихъ виною опасной вражды; онъ немедленно удалился въ Нѣмецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться къ Великому Князю; но не имѣя къ нему довѣренности, старались сами

Дѣла Новогородскія.

обезоружить Витовта, и ссора кончилась миромъ (въ 1414 году), *на старыхъ условіяхъ*, какъ сказано въ лѣтописи: ибо Государь Литовскій не думалъ прямо воевать съ ними, а только искушалъ ихъ твердость угрозами, въ надеждѣ, что сія народная Держава согласится имѣть одну политическую систему съ Литвою, однихъ друзей и непріятелей: то есть, давать ему или войско или серебро въ случаѣ войны съ Нѣмцами. Властолюбіе его тогда не простиралось далѣе: ибо Василій Димитріевичь, уступивъ тестю Смоленскъ, безъ кровопролитія не уступилъ бы Новагорода, который издревле считался областію Великокняжескою. Однакожь Новогородцы поставили на своемъ удержавъ право мириться и воевать по собственной волѣ, а не въ угодность Государю Литовскому.

Во все княженіе Василія Димитріевича они не имѣли никакой *важной* рати съ непріятелями внѣшними. Толпы Шведовъ грабили иногда въ окрестностяхъ городка Ямы (нынѣ Ямбурга), въ Кореліи и на берегахъ Невы, но уходили немедленно: Россіяне, въ наказаніе за то, сожгли предмѣстіе Выборга и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ. Двинскій Посадникъ, Яковъ Стефановичь, ходилъ съ малочисленною дружиною воевать предѣлы Норвегіи; а *Мурмане* или Норвежцы, числомъ до пяти сотъ, приплывъ въ лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Архангельскъ, обратили въ пепелъ 3 церкви и злодѣйски умертвили Иноковъ Монастырей Николаевскаго и Михайловскаго.—Съ Ливонскими Нѣмцами (въ 1420 году) былъ у Новогородцевъ дружелюбный съѣздъ на берегу Наровы: именемъ первыхъ самъ Магистръ Сифертъ, Ландмаршалъ Вильрабе, Ревельскій Коммандоръ Дидрихъ и Фогтъ Венденскій Іоаннъ, отъ Россіянъ же Намѣстникъ Московскій, Князь Ѳеодоръ Патрикіевичь, два Посадника и три Боярина утвердили вѣчный миръ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго, касательно границъ и торговли ([218]). Госвинъ, Феллинскій Коммандоръ, и Ругодивскій или Нарвскій Фогтъ, Германъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ.

Сія вольная Держава долѣе обыкновеннаго наслаждалась тогда и внутреннимъ гражданскимъ спокойствіемъ. Только одинъ

случай возмутилъ оное. Разскажемъ его въ доказательство, какія маловажныя причины могутъ иногда волновать общество народное. Нѣкто людинъ или простой гражданинъ, именемъ Стефанъ, злобствуя на Боярина Даніила Божина, схватилъ его на улицѣ, крича: „добрыя люди! помогите мнѣ управиться съ злодѣемъ.“ Народъ взялъ сторону людина, и безъ всякаго изслѣдованія сбросилъ Данила съ мосту. Одинъ добродушный рыболовъ не далъ утонуть невинному Боярину, а народъ въ неистовствѣ разграбилъ домъ сего человѣка. Дѣло могло бы тѣмъ кончиться; но Данило, желая мести, посадилъ своего обидчика въ темницу: о чемъ узнавъ, всѣ граждане Торговой Стороны взволновались, ударили въ Вѣчевый колоколъ, надѣли доспѣхи, взяли знамя и пришли въ Кузмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ Боярынъ Данило: въ нѣсколько минутъ домъ его былъ сравненъ съ землею и Стефанъ освобожденъ. Завидуя избытку Бояръ, и приписывая имъ дороговизну хлѣба, они разграбили множество дворовъ и монастырь Св. Николая, утверждая, что въ немъ Боярскія житницы. Сторона Софійская, гдѣ обитали граждане знатнѣйшіе, противилась ихъ злодѣяніямъ, и также вооружилась. Звонили въ колокола, бѣгали, вопили, и стараясь занять Большой мостъ, стрѣляли другъ въ друга. Однимъ словомъ, казалось, что свирѣпый непріятель вошелъвъ городъ, и что жители, по ихъ древнему любимому выраженію, умираютъ *за Святую Софію*. Въ сіе самое время сдѣлалась ужасная гроза: отъ непрестанной молніи небо казалось пылающимъ; но мятежъ народа былъ еще ужаснѣе грозы. Тогда архіепископъ Новогородскій Симеонъ, возведеный на сію степень по жребію изъ простыхъ Иноковъ (не будучи даже ни Священникомъ, ни Дьякономъ), мужъ рѣдкихъ добродѣтелей, собралъ все Духовенство въ храмѣ Софійскомъ, облачился въ ризы Святительскія, и провождаемый Клиросомъ вышелъ къ народу, сталъ посреди мосту, и взявъ въ руки животворящій крестъ, началъ благославлять обѣ Стороны. Въ одно мгновеніе шумъ и волненіе утихли; толпы сдѣлались неподвижны; оружіе и шлемы упали на землю, и вмѣсто ярости изобразилось на лицахъ умиленіе. „Идите въ домы свои съ Богомъ и съ миромъ!“ вѣщалъ до-

бродѣтельный Пастырь — и граждане въ безмолвіи, въ тишинѣ, въ духѣ смиренія и братства, разошлися ([219]). Сей достопамятный случай прославилъ Архіепископа Симеона.

Съ Великимъ Княземъ жили Новгородцы въ мирѣ, болѣе притворномъ, нежели искреннемъ: они не переставали ни опасаться Василія, ни досаждать ему. Въ 1417 году измѣнники, бѣглецы Новогородскіе, Симеонъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, собравъ толпы бродягъ на Вяткѣ, въ Устюгѣ, вмѣстѣ съ Бояриномъ брата Василіева, Юрія Димитріевича, изъ областей Великокняжескихъ нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то Бояре Новогородскіе, выгнавъ сихъ разбойниковъ, сами ограбили Устюгъ, будто бы безъ вѣдома Правительства, такъ же, какъ Разсохинъ и Жадовскій дѣйствовали будто бы безъ всякаго сношенія съ Москвою ([220]). Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году, подала Новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, Великій Князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно уступили старѣйшинство пятилѣтнему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того и лишился Удѣла; Бояръ его взяли подъ стражу; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ Правительство, ни мало ни боясь Василіева гнѣва, съ отмѣнными ласками приняло Константина Димитріевича, дало ему въ Удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, и какой-то особенный денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною* ([221]). Великій Князь долженъ былъ оскорбиться; но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдами отечества.

Язва, которая со временъ Симеона Гордаго нѣсколько разъ посѣщала Россію, ужаснѣе прежняго открылась въ княженіе Василія Димитріевича: во Псковѣ и въ Новѣгородѣ была четыре раза, и дважды къ областяхъ Московскихъ, Тверскихъ, Смоленскихъ, Рязанскихъ. Признаки и слѣдствія оказывались тѣ же: а именно, желѣза, кровохарканіе, ознобъ, жаръ, — и смерть неминуемая. Иногда приходила сія гибельная чума во Псковъ изъ Язва.

Ливонскаго Дерпта, иногда изъ другихъ мѣстъ, или возобновлялась отъ употребленія вещей зараженныхъ. Опустошивъ Азію, Африку, Европу, она нигдѣ не свирѣпствовала такъ долго, какъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отъ 1352 года до 1427 въ разныя времена безчисленное множество людей было ея жертвою: въ одномъ Новѣгородѣ, по извѣстію Нѣмецкаго Историка Кранца, умерло 80,000 человѣкъ въ 6 мѣсяцевъ: „люди (говоритъ онъ) ходя падали на улицахъ и въ одну минуту испуска„ли духъ; здоровые или погребагь усопшихъ, и внезапно лишаясь „жизни, въ той же могилѣ были сами погребаемы“ ([252]). Ни посты, ни чинъ Ангельскій не спасали: алчная смерть, въ городахъ и селахъ наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ святыхъ Обителяхъ душевнаго мира. Строили церкви; отказывали имѣніе монастырямъ: иныхъ средствъ не употребляли. Суевѣрные Псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимыхъ вѣдьмъ, и зная по преданію, что древнѣйшая церковь Христіанская, въ ихъ городѣ созданная, была посвящена Св. Власію, возобновили опую на старомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что Господь скорѣе услышитъ тамъ ихъ моленіе о концѣ сего бѣдствія. Еще не довольно: въ 1419 году выпалъ глубокій снѣгъ 15 Сентября, когда еще хлѣбъ не былъ убранъ; сдѣлался общій голодъ и продолжался около трехъ лѣтъ во всей Голодъ. Россіи; люди питались кониною, мясомъ собакъ, кротовъ, даже трупами человѣческими; умирали тысячами въ домахъ и гибли на дорогахъ отъ зимняго необыкновеннаго холода въ 1422 году. Сперва продавался оковъ ржи (или 8 осминъ) по рублю, въ Костромѣ по два, въ Нижнемъ по шести рублей (что составляло фунтъ съ $^1/_4$ серебра); наконецъ не-гдѣ было купить осьмины. Зная, что во Псковѣ находилось много ржи запасной, жители Новогородскіе, Тверскіе Московскіе, Чудь, Корела, толпами устремились въ сію область, богатые покупать и вывозить хлѣбъ, а скудные кормиться милостынею. Скоро цѣна тамъ возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двухъ рублей. Псковитяне, запретивъ вывозъ хлѣба, изгнали всѣхъ пришельцевъ, и сіи бѣдные съ женами, съ дѣтьми умирали на большой дорогѣ. Кромѣ того, Москва и Новгородъ были

приводимы въ ужасъ частыми пожарами. Въ 1421 году необыкновенное наводненіе затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровляхъ; множество домовъ и церквей обрушилось. Къ симъ страшнымъ явленіямъ надлежитъ еще прибавить зимы безъ снѣга, бури не слыханныя, дожди *каменные* и славную Комету 1402 года, для сусвѣровъ Италіи предвестницу смерти Миланскаго Герцога, Іоанна Галеаса. Однимъ словомъ, Россіяне ждали конца міру, и сію мысль имѣли самые просвѣщеннѣйшіе люди тогдашняго времени. „Іисусъ Христосъ“ — говорили они — „сказалъ, что въ послѣдніе „дни будутъ великія знаменія небесныя, гладъ, язвы, брани „и неустройства; возстанетъ языкъ на языкъ, Царство на Цар„ство: все видимъ нынѣ. Татары, Турки, Фряги, Нѣмцы, Ляхи, „Литва, воюютъ вселенную. Что дѣлается въ нашемъ право„славномъ отечествѣ? Князь возстаетъ на Князя, братъ остритъ „мечь на брата, племянникъ *куетъ* копіе на дядю“ ([223]). Въ самыхъ дѣлахъ государственныхъ о томъ упоминалось. Когда Псковитяне (въ 1397 году) заключали миръ съ Новогородцами, Архіепископъ Іоаннъ, будучи между ими посредникомъ, склонилъ ихъ къ дружелюбію словами: „дѣти! вы„дите уже послѣднее время“!

Мысль о преставленіи свѣта.

Среди общаго уныній и слезъ, какъ говорятъ Лѣтописцы, Василій Димитріевичь преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, съ именемъ Властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца своего, добросердечія, мягкости во нравѣ, ни пылкаго воинскаго мужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями. Присвоивъ себѣ Нижній Новгородъ, Суздаль, Муромъ, — вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ въ древней землѣ Вятичей: Торусу, Новосиль, Козельскъ, Перемышль, равно какъ и цѣлыя области Великаго Новагорода: Бѣжецкій Верхъ, Вологду и проч., сей Государь утвердилъ въ своемъ подданствѣ Ростовъ, коего Владѣтели, со временъ Іоанна Даніиловича завиcѣвъ отъ Москвы, сдѣлались уже дѣйствительными слугами Василія, посылаемые имъ

г. 1425 Февраля 27. Кончина и характеръ Василія.

въ качествѣ Намѣстниковъ управлять другими городами. Въ Хлыновской лѣтописи сказано, что онъ посылалъ войско на Вятку съ Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, но не могъ овладѣть ею: современныя же грамоты доказываютъ, что, Василій дѣйствительно присоединилъ ее къ Московскимъ областямъ, и что братъ его, Юрій, Князь Галицкій, господствовалъ надъ оною. Впрочемъ сія народная Держава еще сохраняла свои древніе уставы гражданской вольности. Не хотѣвъ мечемъ покорять ни Рязани, ни Твери, Василій имѣлъ рѣшительное большинство надъ Князьями ихъ и слѣдственно приближался къ Единовластію въ Россіи; усиливъ Державу Московскую пріобрѣтеніями важными, сохранилъ ея цѣлость отъ хищности Литовской, и менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ платилъ дань Моголамъ ([224]). Можетъ быть, онъ сдѣлалъ ошибку въ Политикѣ, давъ отдохнуть Витовту, разбитому Ханомъ; можетъ быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь съ Ордою, и вмѣстѣ съ Олегомъ Рязанскимъ ударить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго Ханское. Но всѣ ли обстоятельства намъ извѣстны? Успѣхъ предпріятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій, Государь шести или семи нынѣшнихъ Губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ ея лучшею, многолюднѣйшею половиною и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы, собрать другое? Великій Князь безъ сомнѣнія не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ); но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; безвременная, неудачная губитъ Державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность, и не искалъ имени *Великаго*.

Довольно, что Василій умѣлъ обуздывать тестя, и не далъ ему поглотить остальныхъ владѣній независимой Россіи.

Съ 1408 года они жили въ непрерывномъ согласіи, и года за два до кончины Великаго Князя супруга его ѣздила къ отцу въ Смоленскъ, можетъ быть не только для свиданія, но и для важныхъ государственныхъ переговоровъ ([225]). Василій, кажется, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти; хотѣлъ заблаговременно взять мѣры къ утвержденію сына на престолѣ Великокняжескомъ, и въ завѣщаніи своемъ говоритъ, что онъ поручаетъ его, вмѣстѣ съ матерію, дружескому заступленію тестя и брата, Государя Литовскаго, который именемъ Божіимъ еми въ томъ обязался ([226]). Вѣроятно. что Княгиня Софія въ семъ важномъ дѣлѣ была посредницею между отцемъ и супругомъ. Василій оставлялъ сына младенцемъ; зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому уставу наслѣдства, подчинявшему дядей племяннику, и надѣялся, что сильный и не менѣе гордый Витовтъ, признательный къ лестной его довѣренности, захочетъ оправдать ее ревностію къ пользѣ юнаго внука, согласной съ нашею государственною: ибо древній, многосложный, неясный законъ родоваго старѣйшинства болѣе всего питалъ междоусобіе въ Россіи. Могъ ли Великій Князь дѣйствительно ожидать безкорыстныхъ услугъ отъ тестя, посѣдѣвшаго въ козняхъ властолюбія? Но сія довѣренность кажется болѣе хитростію нежели слабодушнымъ легковѣріемъ: она состояла только въ словахъ, и возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василіева въ случаѣ насилія со стороны дядей, не давала Литвѣ никакихъ способовъ поработить Москву; ибо Совѣтъ Великокняжескихъ Бояръ, пѣстуновъ Государя-отрока, зналъ, чего требовать отъ иноплеменнаго покровителя, и до чего не допускать его. Завѣщаніе

Въ семъ завѣщаніи Василій *благословляя* сына *Великимъ Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ* (Нижній Новгородъ, Муромъ), *треть Москвы* (ибо другіе двѣ части принадлежали сыновьямъ Донскаго и Владиміра Андреевича), Коломну и села въ разныхъ областяхъ; сверхъ того *большой лугъ* за Москвою рѣкою, Ходынскую мельницу, дворъ Ѳоминскій у Во-

ровицкихъ воротъ и загородный у Св. Владиміра; а изъ вещей драгоцѣнныхъ золотую шапку, бармы, крестъ Патріарха Филоѳея, каменный сосудъ Витовтовъ, хрустальный кубокъ, даръ Короля Ягайла, и проч.; всѣ иныя вещи отдаетъ супругѣ, также и многія волости, прибавляя: „тамъ Княгиня моя гос„подствуетъ и судитъ до кончины своей; но должна оставить „ихъ въ наслѣдство сыну: села же, ею купленныя, вольна отдать, „кому хочетъ. Дочерямъ отказываю каждой по пяти семей изъ „рабовъ моихъ; Княгинины холопи остаются служить ей; про„чихъ освобождаю“ ([227]). Грамота скрѣплена восковыми печатями, четырмя Боярскими и пятою Великокняжескою съ изображеніемъ всадника; а внизу подписана Митрополитомъ Фотіемъ (Греческими словами). Замѣтимъ, что Василій Димитріевичь уже именно объявляетъ здѣсь сына преемникомъ своимъ въ достоинствѣ Великокняжескомъ; но при жизни старшаго сына, Іоанна, умершаго отрокомъ, написавъ подобное же завѣщаніе, говоритъ въ ономъ ([228]): „а дастъ Богъ Князю Ивану Ве„ликое Княженіе держати:“ слѣдственно еще предполагаетъ необходимость Ханскаго на то согласія. Сія первая духовная сочинена около 1407 года, и скрѣплена одною серебряною, вызолоченною печатію съ изображеніемъ Св. Василія Великаго и съ надписію: *Князя Великаго Василія Димитріевича всея Русй.*

Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ.

Въ числѣ грамотъ сего времени сохранился также договоръ Великаго Князя съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанный въ 1403 году, Ѳеодоръ, обязываясь чтить Василія старѣйшимъ братомъ, называетъ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича равными себѣ, а другихъ сыновей Донскаго меньшими братьями; даетъ слово не имѣть никакихъ сношеній съ Ханами и съ Литвою безъ вѣдома Василіева, увѣдомлять его о всѣхъ движеніяхъ или намѣреніяхъ Орды, жить въ любви съ Князьями Торусскими и Новосильскими, слугами Великаго Князя; признаетъ Оку границею своихъ и Московскихъ владѣній, и проч. Василій же, уступивъ ему Тулу, обѣщаетъ не подчинять себѣ ни земли Рязанской, ни ея Князей; именуетъ Ѳеодора *Великимъ* Княземъ, но вообще говоритъ языкомъ

верховнаго, хотя и снисходительнаго, или умѣреннаго въ властолюбіи повелителя ([229]).

Къ блестящимъ для Россіи дѣяніямъ Василіева государствованія принадлежитъ услуга, оказанная симъ Великимъ Княземъ Императору Греческому, Мануилу. Уже славное Царство Константина Великаго находилось при послѣднемъ издыханіи. Уступивъ всю Малую Азію, Ѳракію и другія владѣнія Османскимъ Туркамъ, которые осаждали и Царьградъ, спасенный единственно Тамерланомъ, счастливымъ врагомъ Баязетовымъ; утративъ почти все, кромѣ столицы, Мануилъ находился въ крайности, и не имѣя казны, не могъ имѣть и войска, нужнаго для своей защиты. Свѣдавъ о семъ жалостномъ оскудѣніи Монарха единовѣрнаго, Василій Димитріевичь не только самъ отправилъ къ нему (въ 1398 году) знатное количество серебра съ Мисахомъ Ослѣбею, бывшимъ Любутскимъ Боляричемъ, но уговорилъ и другихъ Князей Россійскихъ сдѣлать то же ([230]). Сіи дары были приняты въ Константинополѣ съ живѣйшею благодарностію: Царь, Патріархъ, народъ прославили великодушіе Россіянъ; и Мануилъ, чтобы еще болѣе утвердить дружелюбную связь съ Москвою, женилъ (въ 1414 году) сына своего, Іоанна, на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ. И такъ брачные союзы между Государями Восточной Имперіи и Россійскими начались и заключились невѣстами одного имени. Бракъ первой Анны, супруги Владиміра Святаго, имѣлъ счастливыя дѣйствія для Греціи; но внука Донскаго видѣла тамъ одни бѣдствія, и чрезъ три года скончалась отъ мороваго повѣтрія ([231]). Супругъ ея царствовалъ подъ именемъ Іоанна Палеолога и не оставилъ Дѣтей.

Дары, посланные въ Грецію.

Дочь Василіева за Императоромъ.

Церковныя дѣла сего времени особенно достопамятны въ нашей Исторіи. Мы видѣли, что при Димитріи Россія имѣла двухъ Митрополитовъ: сѣверная Пимена, южная Кипріана. Кончина перваго соединила обѣ Митрополіи, и Кипріанъ, бывъ для того въ Царѣградѣ, выѣхалъ оттуда съ великою пышностію, провождаемый двумя Греческими Митрополитами, Андріанопольскимъ и Газанскимъ, тремя Архіепископами (Ѳеодоромъ Ростовскимъ, Евфросиномъ Суздальскимъ, Исаакіемъ

Дѣла церковныя.

Черниговскимъ), Епископомъ Михаиломъ Смоленскимъ, Грекомъ Іереміею Рязанскимъ и Ѳеодосіемъ(*) Туровскимъ ([232]). Великій Князь, Бояре и народъ съ великою честію встрѣтили Кипріана въ Котлахъ, радуясь, что Глава всего Духовенства Россійскаго снова будетъ обитать въ Московской столицѣ, и зная уже личныя его достоинства. Въ самомъдѣлѣ сей Митрополитъ имѣлъ жаркое усердіе къ Вѣрѣ и нравственность непорочную, строго судилъ неправды Епископовъ, и не дозволялъ имъ противиться власти Княжеской. Такъ онъ справедливо наказалъ Епископа Тверскаго, Евфимія Вислена, обвиняемаго Княземъ, Духовенствомъ и народомъ въ разныхъ беззаконіяхъ; свелъ его съ Епископіи и велѣлъ ему жить въ кельѣ Чудова монастыря; а Епископа Туровскаго, Антонія, въ угодность Витовту лишивъ и сана Святительскаго, отнявъ у него *бѣлый* клобукъ, ризницу, источники и скрижали, заключилъ въ Симоновской Обители. Другой Епископъ Литовской Россіи, Савва Луцкій, (въ 1401 году) призванный на Соборъ девяти Архіереевъ въ Москвѣ, долженствовалъ отказаться отъ своей Епархіи: вѣроятно, также имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ Витовтовъ. Мы говорили о судьбѣ Архіепископа Новогородскаго Іоанна, около трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ монастырѣ Николаевскомъ единственно по негодованію Великаго Князя на сего ревностнаго ходатая правъ Новогородскихъ. Дѣйствуя всегда согласно съ пользою или волею государственныхъ Властителей, Кипріанъ сохранилъ подъ своимъ начальствомъ Епархіи южной Россіи и былъ отмѣнно любимъ Василіемъ Димитріевичемъ. Мы должны упомянуть здѣсь о грамотѣ, будто бы данной Кипріану симъ Государемъ на суды церковные, и внесенной въ нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи, съ прибавленіемъ, что она выписана изъ стараго Московскаго Номоканона ([233]). Въ ней сказано: „Се азъ Князь Великій „Василій Димитріевичъ, размысливъ съ отцемъ своимъ, Митро„политомъ Кипріаномъ, возобновляю древніе уставы церков-

(*) См. Калайдовича о Туровскомъ Епископѣ, XVI (отмѣтка Историографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Росс.)

„ные прадѣда моего, Св.Владиміра, и сына его. Ярослава, „согласно съ Греческимъ Номоканономъ.... Въ лѣто 6911“ (1403). Сіи два устава, мнимый Владиміровъ и Ярославовъ, суть явно подложные: могъ ли благоразумный Василій Димитріевичъ вѣритъ ихъ истинѣ? могъ ли самъ Митрополитъ предложить Государю законы столь нелѣпые, по которымъ надлежало платить за бранное слово, сказанное женщинѣ, во сто разъ болѣе, нежели за гнуснѣйшія преступленія и злодѣйства ([234])? Кипріанъ славился не только благочестіемъ, но и дарованіями разума. Уважаемый Константинопольскимъ Духовенствомъ, онъ былъ призванъ имъ на Соборъ, чтобы торжественно низвергнуть беззаконаго Патріарха Макарія, и вмѣстѣ съ знаменитѣйшими Греческими Святителями подписалъ имя свое на *свиткѣ* Макаріева *осужденія*. Любя уединеніе, онъ жилъ большею частію внѣ Москвы, въ селѣ Голенишевѣ, между Воробьевыми горами и Поклонною, гдѣ наслаждаясь пріятными видами и тишиною, переводилъ книги съ Греческаго и сочинилъ житіе Св. Петра Митрополита ([235]), въ коемъ, говоря о себѣ весьма скромно, описываетъ видѣнныя имъ мятежи и бѣдствія въ Греціи. Какъ ревностный учитель Вѣры, онъ имѣлъ удовольствіе обратить трехъ знаменитыхъ Вельможъ Ханскихъ: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выѣхали изъ Орды въ Москву, и просвѣщенные его бесѣдами, захотѣли креститься. Сей торжественный обрядъ совершился на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи Великаго Князя и всего Двора, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Москвитяне плакали отъ умиленія, видя древнихъ гордыхъ враговъ своихъ смиренно внимающихъ гласу Митрополита, и веселились мыслію, что торжество нашей Вѣры предзнаменуетъ и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трехъ Святыхъ Отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, сіи новокрещенные ходили вмѣстѣ по городу, дружелюбно кланялись народу и были имъ привѣтствуемы какъ братья ([236]). — Уважаемый и любимый, Кипріанъ скончался въ маститой старости, за нѣсколько дней до смерти (въ 1406 году) написавъ грамоту къ Василію Димитріевичу, ко всѣмъ Князьямъ

Россійскимъ, Боярамъ, Духовенству, мірянамъ, благословляя ихъ и требуя Христіанскаго прощенія. Архіепископъ Ростовскій, Григорій, читая оную въ слухъ надъ гробомъ его въ Успенскомъ Соборѣ, произвелъ общее рыданіе. Съ того времени всѣ новѣйшіе Митрополиты Московскіе списывали сію грамоту и приказывали читать ее на своемъ погребеніи.

Преемникомъ Кипріановымъ былъ (въ 1409 году) Фотій, Морейскій Грекъ, который зналъ хорошо языкъ Славянскій, хотя обыкновенно писалъ имя свое по-Гречески ([237]): мужъ разумный и добродѣтельный, какъ говорятъ Лѣтописцы, но весьма несчастливый въ своемъ церковномъ правленіи. Пріѣхавъ въ сѣверную Россію, опустошенную тогда Едигеемъ, онъ съ великою ревностію старался о востановленіи Митрополитскаго достоянія, расхищеннаго и непріятелемъ и корыстолюбцами. Стяжанія церковныя были захвачены мірянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать ихъ и тягаться съ людьми сильными, съ Князьями, съ Боярами: чѣмъ Фотій возбудилъ на себя досаду многихъ; говорили, что онъ печется болѣе о мірскомъ, нежели о духовномъ; винили его въ излишнемъ корыстолюбіи, можетъ быть отчасти и справедливо; но крайней мѣрѣ самъ Великій Князь ему недоброхотствовалъ, и не любя Митрополита, смотрѣлъ по видимому равнодушно и на вредъ, скоро претерпѣнный Митрополіею.

Хитрый Витовтъ безъ сомнѣнія издавна видѣлъ съ неудовольствіемъ свои Россійскія земли подъ духовною властію Святителя инодержавнаго. Митрополиты наши именовались Кіевскими, но жили въ Москвѣ, усердствовали ея Государямъ, и повелѣвая совѣстію людей, питали духъ братства между южною и сѣверною Россіею, опасный для Правленія Литовскаго; сверхъ того, собирая знатные доходы въ первой, истощали ея богатство и переводили оное въ Московское Великое Княженіе. Благоразумная Политика Кипріанова удаляла исполненіе Витовтова замысла: сей Пастырь, выѣхавъ изъ Литовскихъ владѣній въ Москву, какъ въ столицу Государя правовѣрнаго, слѣдственно и Митрополіи, не оставлялъ Кіева; посѣтивъ его въ 1396 году, жилъ тамъ около осьмнадцати мѣсяцевъ: ѣздилъ

и въ другія южныя Епархіи; вообще угождалъ Витовту. Фотій. Монахъ отъ юности, мало свѣдующій въ дѣлахъ государственныхъ, и воспитанный въ ненависти къ Латинской Церкви, не искалъ милости въ Витовтѣ, усердномъ Католикѣ; не хотѣлъ даже быть въ областяхъ его, и требовалъ единственно доходовъ оттуда. Тогда Витовтъ, созвавъ Епископовъ южной Россіи, предложилъ имъ избрать особеннаго Митрополита, и велѣлъ подать себѣ жалобу на Фотія какъ на Пастыря нерадиваго. Тщетно Фотій хотѣлъ отвратить ударъ: онъ спѣшилъ въ Кіевъ, чтобы примириться съ Витовтомъ или ѣхать въ Константинополь къ Патріарху; но ограбленный въ Литвѣ, долженствовалъ возвратиться въ Москву. Намѣстники его были высланы изъ южной Россіи, волости и села Митрополитскія описаны на Государя и розданы Вельможамъ Литовскимъ ([238]). Согласно съ желаніемъ Духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго Болгарина, именемъ Григорія Цамблака, ласковыми письмами убѣждая Императора и Патріарха поставить сего достойнаго мужа въ Митрополиты Кіевскіе. Когда же, доброхотствуя Фотію, Патріархъ не исполнилъ его воли: всѣ Епископы южной Россіи съѣхались въ Новогродокъ, и сами собою, въ угодность Государю, посвятили Цамблака въ Митрополиты, написавъ во всенародное извѣстіе слѣдующую достопамятную грамоту ([239]):

„Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше „исходяй отъ Отца свѣтомъ. И мы пріяли сей даръ Небес„ный; и мы утѣшились онымъ, Епископы странъ Россійскихъ, „друзья и братья по Духу Святому, смиренный *Архіепископъ* „Полоцкій и Литовскій, Ѳеодосій, Епископъ Исаакій Черни„говскій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Владимірскій, Севастіанъ „Смоленскій, Харитоній Хельмскій, Евфимій Туровскій. Видя „запустѣніе Церкви Кіевской главной въ Руси, имѣя Пастыря „только именемъ, а не дѣломъ, мы скорбѣли душею: ибо „Митрополитъ Фотій презиралъ наше духовное стадо; не хо„тѣлъ ни править онымъ, ни видѣть его; корыстовался един„ственно нашими церковными доходами, и переносилъ въ „Москву древнюю утварь Кіевскихъ храмовъ. Богъ милосер-

„дый подвигнулъ сердце Великаго Князя Александра Витовта, „Литовскаго и многихъ Русскихъ земель Господаря: онъ изгналъ Фотія и просилъ инаго Митрополита отъ Царя и „Патріарха; но ослѣпленные неправедною мздою, они не вняли „моленію праведному. Тогда Великій Князь собралъ насъ Епископовъ, всѣхъ Князей Литовскихъ, Русскихъ и другихъ „подвластныхъ ему, Бояръ, Вельможъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ — и мы въ Новомъ Градѣ Литовскомъ, въ храмѣ Богоматери, по благодати Святаго Духа „и преданію Апостольскому посвятили Кіевской Церкви Митрополита, именемъ Григорія, и свергнули Фотія, представивъ его вины Патріарху, да не рекутъ люди сторонніе: „*Государь Витовтъ иной Вѣры; онъ не печется о Кіевской Церкви*, которая есть мать Русскимъ, ибо Кіевъ есть „мать всѣмъ градамъ нашимъ. Епископы издревле имѣли „власть ставить Митрополитовъ, и при Великомъ Князѣ Изяславѣ посвятили Климента. Такъ и Болгары, древнѣйшіе „насъ въ Христіанствѣ, имѣютъ собственнаго Первосвятителя; „такъ и Сербы, коихъ земля не можетъ равняться ни величествомъ, ни множествомъ народа съ областями Александра „Витовта. Но что говорить о Болгарахъ и Сербахъ! Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, которые предали намъ, ученикамъ своимъ, благодать Св. Духа, равно дѣйствующую на „всѣхъ Епископовъ. Собираяся во имя Господне, Святители „вездѣ могутъ избирать достойнаго учителя и Пастыря, Самимъ Богомъ избираемаго. Да не скажутъ легкомысленные: „*отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ Церкви „Греческой!* Нѣтъ: мы хранимъ преданія Святыхъ Отцевъ, „клянемъ ереси, чтимъ Патріарха Константиноградскаго и „другихъ; имѣемъ одну Вѣру съ ними, но отвергаемъ только „беззаконную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоенную „Царями Греческими: ибо не Патріархъ, но Царь даетъ нынѣ „Митрополитовъ, торгуя важнымъ Первосвятительскимъ саномъ. „Такъ Манунлъ, любя не славу Церкви, а корысть свою, въ „одно время прислалъ намъ трехъ Митрополитовъ: Кипріана, „Пимена и Діонисія. Сіе было виною многихъ долговъ, убыт-

„ковъ, мятежа, убійства ([240]), и—что всего хуже—безчестія „для нашей Митрополій. Разсудивъ же, что не подобаетъ „Царю-мірянину ставить Митрополитовъ за деньги, мы избрали „достойнаго Первосвятителя.... Въ лѣто 6924 Индикта, Но„ября 15“ (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ Вельможамъ и народу южной Россіи, опровергая незаконное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной мірской власти или *иновѣрнаго мучителя*, врага истинной Церкви ([241]): древняя единственная Митрополія наша раздѣлилась оттолѣ на двѣ, и Московскіе Первосвятители оставались только по имени Кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить Церковь Греческую съ Латинскою, ѣздилъ для того съ Литовскими Панами въ Римъ и въ Константинополь, но возвратился безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвалимый въ южной Россіи за свое усердіе къ Вѣрѣ и проклинаемый въ Московской Соборной церкви какъ отступникъ ([242]). Онъ уставилъ торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написалъ ея житіе вмѣстѣ со многими Христіанскими поученіями. Преемникомъ его въ Кіевской Митрополіи былъ Герасимъ, Смоленскій Епископъ, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ 1433 году ([243]).

Судная грамота.

Отвергая мнимую Василіеву грамоту о судѣ церковномъ, между памятниками его княженія нашли мы другую, гораздо несомнительнѣйшую, о судѣ гражданскомъ. Она тѣмъ любопытнѣе, что со временъ Ярослава Великаго до XV вѣка не встрѣчалось намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ архивахъ, ничего относительнаго къ древнему Россійскому законодательству. Сія судная грамога писана къ Двинскимъ жителямъ, когда они въ 1397 году признали себя подданными Государя Московскаго, и содержитъ слѣдующее ([244]):

„Буде я, Великій Князь, опредѣлю къ вамъ въ Намѣс„тники своего Боярина, или Двинскаго, то они должны поступать „согласно съ симъ предписаніемъ.

„Ежели сдѣлается убійство, то сыскать убійцу; ежели не „найдутъ его, то волость платитъ Намѣстнику 10 рублей; за

„рану кровавую 30 бѣлокъ, за синюю 15 бѣлокъ; а пре-
„ступникъ наказывается особенно.

„Кто обезчеститъ Боярина словами или ударитъ, съ того
„взыскиваютъ Намѣстники пеню по чину или роду обиженнаго.

„Буде драка случится въ пиршествѣ, и тамъ же прекра-
„тится миромъ: то Намѣстникамъ и Дворянамъ нѣтъ дѣла; а
„буде миръ сдѣлается уже послѣ, то Намѣстникъ беретъ ку-
„ницу *шерстью.*

„Перепахавъ или перекосивъ межу на одномъ полѣ или
„на одномъ лугу, виновный даетъ барана, за перепаханную
„межу сельскую 30 бѣлокъ, за Княжескую 120 бѣлокъ; но
„его не вязать. — Вообще всѣ судимые, дающіе порукъ, оста-
„ются свободны. Съ человѣка скованнаго Дворянамъ судейскимъ
„не проситъ ничего; всякое обѣщаніе въ такомъ случаѣ не-
„дѣйствительно.

„У кого найдется краденое, но кто сведетъ съ себя татьбу,
„и доищется вора: тому нѣтъ наказанія. Воръ же платитъ въ
„первый разъ цѣну украденнаго; за преступленіе вторичное
„наказывается тяжкою денежною пенею, а въ третій разъ ви-
„сѣлицею. Тать во всякомъ случаѣ долженъ быть заклейменъ.

„Уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а самосудъ
„есть то, когда гражданинъ или земледѣлецъ, схвативъ татя,
„отпуститъ его за деньги, а Намѣстники о семъ узнаютъ.

„Кто будучи вызываемъ къ суду, не явится на того На-
„мѣстники даютъ грамоту *правую безсудную* или обвини-
„тельную.

„Господинъ, ударивъ холопа своего и нечаянно убивъ до
„смерти, не отвѣтствуетъ за то Намѣстникамъ.

„Въ тяжбахъ со всякаго рубля Намѣстнику полтина.

„Обиженные Намѣстникомъ приносятъ жалобу мнѣ, Ве-
„ликому Князю. Я потребую его къ отвѣту; и буде въ срокъ
„не явится, то велю Приставу Княжескому поступить съ нимъ
„какъ съ виновнымъ.

„Двинскіе купцы не должны быть судимы ни въ Устюгѣ,
„ни въ Вологдѣ, ни въ Костромѣ. Если будутъ обличены

„въ татьбѣ, то представить ихъ ко мнѣ, Великому Князю, „и ждать моего суда, или жаловаться на нихъ Двинскимъ „моимъ Намѣстникамъ.

„Двиняне торгуютъ безъ пошлины во всѣхъ областяхъ „Великаго Княженія, платя единственно Устюжскимъ и Во„логодскимъ Намѣстникамъ двѣ мѣры соли съ ладіи, а съ „воза двѣ бѣлки“, и проч. Далѣе опредѣляется платежъ Дворянамъ или судейскимъ Отрокамъ (какъ они въ древней Русской Правдѣ именуются) за трудъ и переѣзды.

Сіи законы уже не сходствуютъ съ Уставомъ Ярослава Великаго, опредѣляя смертную казнь за воровство, наказываемое у насъ въ старину одною денежною пенею. — Подъ именемъ *бѣлокъ*, упоминаемыхъ здѣсь въ означеніи цѣнъ, должно разумѣть не древнія векши, или кожаную монету, а дѣйствительныя бѣлыи шкуры, такъ же, какъ въ другомъ мѣстѣ сей грамоты сказано, что Намѣстникъ за драку беретъ куницу *шерстью*: слѣдственно кунью шкуру. Нѣтъ вѣроятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепаханіе межи платилъ только 30 *векшей*: сумму ничтожную по цѣнѣ древнихъ кожанныхъ денегъ. Впрочемъ сіи деньги, или *куны*, тогда еще ходили въ Двинской землѣ: ибо Новогородское Правительство отмѣнило ихъ уже въ 1410 году, замѣнивъ оныя мѣдными грошами Литовскими и Шведскими Ортугами, а въ 1420 году серебряною монетою, подобною Московской и другимъ Россійскимъ, продавъ мѣдную Нѣмцамъ. То же сдѣлали и Псковитяне; и съ сего времени во всей Россіи начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконецъ столь унизились въ цѣнѣ, что въ 1407 году Псковитяне давали ими 15 гривенъ за полтину серебра ([245]).

Въ прибавленіе къ Исторіи Василія Димитріевича сообщимъ слѣдующія извѣстія:

Разныя извѣстія.

Въ его Княженіе Россіяне начали счислять годы мірозданія съ Сентября мѣсяца, оставивъ древнее лѣтосчисленіе съ Марта. Вѣроятно, что Митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ сію новость, подражая тогдашнимъ Грекамъ ([246]).

Уже при Димитріи Донскомъ нѣкоторые знаменитые граждане именовались по родамъ или фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, коими различались прежде люди одного имени и отчества ([247]): при Василіи сіе обыкновеніе утвердилось, и древнія Славянскія имена вышли изъ употребленія.

Въ сіе время Москва славилась иконописцами, Симеономъ Чернымъ, старцемъ Прохоромъ, Городецкимъ жителемъ, Даніиломъ и Монахомъ Андреемъ Рублевымъ, столь знаменитымъ, что иконы его въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ служили образцемъ для всѣхъ иныхъ живописцевъ. Въ 1405 году онъ расписалъ церковь Св Благовѣщенія на Дворѣ Великокняжескомъ, а въ 1408 Соборную Св. Богоматери въ Владимірѣ, первую вмѣстѣ съ Грекомъ Ѳеофаномъ и съ Прохоромъ, а вторую съ Даніиломъ. — И въ литейномъ художествѣ Москва имѣла искусныхъ мастеровъ: одинъ изъ нихъ (въ 1420 году) научилъ Псковскаго гражданина Ѳеодора лить свинцовыя доски для кровли церковной: за что Псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптскіе Нѣмцы, скрывая отъ Россіянъ всѣ успѣхи полезныхъ художествъ, никакъ не хотѣли присылать къ нимъ своихъ мастеровъ ([248]).

Въ 1404 году Монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ Сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжескомъ дворѣ, за церковію Благовѣщенія, и стоили болѣе полутораста рублей, то есть, около тридцати фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему произведенію искусства какъ чуду ([249]).

Въ 1394 году Великій Князь, желая болѣе укрѣпить столицу, велѣлъ копать ровъ отъ Кучкова поля, или нынѣшнихъ Стрѣтенскихъ воротъ, до Москвы-рѣки, глубиною въ человѣка, а шириною въ сажень. Для сего, къ неудовольствію гражданъ, надлежало разметать многіе домы: ибо ровъ шелъ сквозь улицы и дворы ([250]). Слѣдственно Москва была тогда уже обширнѣе нынѣшняго Бѣлаго города.

Въ 1390 году знатный юноша, именемъ Осей сынъ Великокняжескаго пѣстуна, былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи ([251]):

сіе извѣстіе служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ Европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей,

Въ посланіи Митрополита Фотія, писанномъ въ 1410 году къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, находимъ нѣкоторыя достопамятныя черты относительно къ тогдашнимъ понятіямъ, обыкновеніямъ и нравамъ. Фотій велитъ наказывать эпитеміею мужа и жену, которые совокупились бракомъ безъ церковнаго, Іерейскаго благословенія, и вѣнчать свадьбы послѣ Обѣдни, а не въ полдень, не ночью; дозволяетъ третій бракъ единственно молодымъ людямъ, не имѣющимъ дѣтей, и съ условіемъ не входить въ церковь пять лѣтъ, или заслужить прощеніе искреннимъ, ревностнымъ покаяніемъ, слезами и сокрушеніемъ сердца; возбраняетъ дѣвицамъ замужество прежде двѣнадцати лѣтъ; всѣхъ, дерзающихъ пить вино до обѣда, лишаетъ причащенія; строго осуждаетъ непристойную брань именемъ отца или матери; запрещаетъ Духовенству торговать и лихоимствовать, Инокамъ и Черницамъ жить въ одномъ монастырѣ, вдовымъ іереямъ быть въ женскихъ Обителяхъ, людямъ легковѣрнымъ слушать басни и принимать *лихихъ бабъ съ узлами*, съ ворожбою и съ зеліемъ. Сей Митрополитъ изъявлялъ отмѣнное усердіе къ истинному Христіанскому просвѣщенію и писалъ многія учительныя посланія къ Духовенству, Князьямъ и народу ([252]).

Добродѣтель супруги Донскаго

Василій Димитріевичь за 18 лѣтъ до кончины своей оплакалъ смерть матери, Евдокіи, славной умомъ, а еще болѣе Христіанскими добродѣтелями, и сравниваемой Лѣтописцами съ Маріею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великаго, въ ревности къ украшенію церквей. Она построила Вознесенскій Дѣвическій монастырь въ Кремлѣ, церковь Рождества Богоматери и другія, расписанныя Грекомъ Ѳеофаномъ и Симеономъ Чернымъ ([253]). Сія Княгиня набожная сколь любила добродѣтель, столь ненавидѣла ея личину: изнуряя тѣло свое постами, хотѣла казаться тучною; носила на себѣ нѣсколько одеждъ; украшалась бисеромъ, являлась вездѣ съ лицемъ веселымъ, и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея

цѣломудріе сомнительнымъ. Говорили, что Евдокія желаетъ нравиться, и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей, особенно Юрія Димитріевича, который не могъ скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія призвала ихъ, и свергнула съ себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ея тѣла и кожу совершенно изсохшую отъ неумѣреннаго воздержанія. „Вѣрьте — сказала она — что ваша мать „цѣломудренна; но видѣнное вами да будетъ тайною для міра. „Кто любитъ Христа, долженъ сносить клевету и благодарить „Бога за оную“ (254). Но злословіе скоро умолкло! Евдокія, не за-долго до кончины оставивъ міръ, и названная въ монашествѣ Евфросиніею, преставилась съ именемъ Святой Угодницы Божіей.

ГЛАВА III.

Великій Князь Василій Васильевичь Темный.

Г. 1425—1462.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ординская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго Междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ правовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды.

Новый Великій Князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ Совѣта Боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія, Великое Княженіе Московское при Василіи Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть уничтоженіе своего Вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ Престола спасли знаменитость Москвы и Россію.

Чудо. Сей князь еще въ колыбели именовался *Великимъ* по слѣдующему происшествію, коего истину утверждаютъ Лѣтописцы. Мать его не скоро разрѣшилась отъ бремени и терпѣла ужасныя муки. Безпокойный отецъ просилъ одного святаго Инока Іоанновской Обители молиться о Княгинѣ Софіи. „Не тревожься!“ отвѣтствовалъ старецъ: „Богъ даруетъ тебѣ сына „и наслѣдника всей Россіи.“ Между тѣмъ Духовникъ Великокняжескій, Священникъ Спасскаго Кремлевскаго монастыря, сидѣлъ въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ: „иди „и дай имя *Великому Князю Василію*.“ Священникъ отворилъ дверь, и не видя никого, удивился; спѣшилъ во дворецъ, и свѣдалъ, что Софія дѣйствительно въ самую ту минуту родила сына. Невидимаго вѣстника, приходившаго къ Духовнику, сочли Ангеломъ; младенца назвали Василіемъ, и народъ съ его времени видѣлъ въ немъ своего будущаго Государя, ожидая отъ него, какъ вѣроятно, чего нибудь необыкновеннаго ([255]). Надежда осталась безъ исполненія, но могла быть причиною особеннаго усердія Москвитянъ къ сему внуку Донскаго.

Междоусобія. Василій Димитріевичъ преставился ночью: Митрополитъ Фотій въ тотъ же часъ послалъ своего Боярина, Іакинѳа Слѣбятева, въ Звенигородъ къ Князю Юрію Димитріевичу, съ требованіемъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ меньшими братьями, призналъ племянника Великимъ Княземъ ([256]). Но Юрій всегда имѣвъ надежду, въ противность новому уставу, быть преемникомъ старшаго брата, не захотѣлъ ѣхать въ Москву, удалился въ Галичь, и свѣдавъ о торжественномъ восшествіи юнаго Василія на Великокняжескій престолъ, отправилъ къ нему Посла съ угрозами. Ни дядя, ни племянникъ не думалъ уступить старѣйшинства; и хотя заключили перемиріе до Петрова дни, однакожъ Юрій, не теряя времени, собиралъ войско въ городахъ своего Удѣла. Великій Князь предупредилъ его, и вмѣстѣ съ другими дядями выступилъ къ Костромѣ. Юрій ушелъ въ Новгородъ Нижній; наконецъ за рѣку Суру, откуда Константинъ Димитріевичъ, отправленный въ слѣдъ за нимъ съ полками Великокняжескими, возвратился въ Москву безъ

всякой битвы ([257]). Юрій требовалъ новаго перемирія на годъ; а Василій по совѣту матери, дядей и самого Витовта Литовскаго, послалъ къ нему въ Галичь Митрополита Фотія, который, бывъ встрѣченъ за городомъ всѣмъ Княжескимъ семействомъ, съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ множество собраннаго изъ разныхъ областей народа. Юрій думалъ похвалиться безчисленностію своихъ людей, и густыми толпами ихъ усыпалъ всю гору при въѣздѣ въ Галичь съ Московской стороны; но Митрополитъ, отгадавъ его мысль, съ насмѣшкою далъ ему чувствовать, что крестьяне не воины, и сермяги не латы. Начали говорить о мирѣ: Юрій не хотѣлъ онаго, требуя единственно перемирія, и столь разгнѣвалъ Фотія, что сей Первосвятитель, не благословивъ ни Князя, ни города, немедленно уѣхалъ. Въ лѣтописи сказано, что въ самый день Митрополитова отбытія сдѣлался моръ въ Галичѣ; что Юрій, приведенный тѣмъ въ ужасъ, верхомъ поскакалъ въ слѣдъ за Фотіемъ, и догнавъ его за озеромъ, въ селѣ Пасынковѣ, слезами и раскаяніемъ убѣдилъ возвратиться; что благословеніе Пастыря, данное народу, прекратило болѣзнь, и Князь послалъ въ Москву друхъ вельможъ заключить миръ, обѣщавъ не искать Великаго Княженія, пока Царь Ординскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оное.

Смутное начало Василіева княженія предвѣщало бѣдствія государственныя Россіи, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали въ исторіи отца его, и которая съ Троицына дни возобновилась въ Москвѣ, завезенная туда изъ Ливоніи черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь, гдѣ въ одинъ годъ скончались Князь Іоаннъ Михайловичъ, сынъ Іоанновъ Александръ и внукъ Юрій Александровичь, княживъ мѣсяцъ. Братъ Юріевъ, Борисъ, сѣлъ на Тверскомъ престолѣ, отдавъ племяннику, Іоанну Юрьевичу, городъ Зубцевъ и взявъ подъ стражу дядю своего, Василія Михайловича Каширскаго. Въ Москвѣ преставились дядя Великаго Князя Петръ Димитріевичь и три сына Владиміра Храбраго, Андрей, Ярославъ и Василій. Въ Торжкѣ, Волокѣ, Дмитровѣ и въ другихъ городахъ умерло множество людей. Отличнымъ знакомъ сей новой язвы былъ

Язва г. 1426 1431.

синій и багровый пузырь на тѣлѣ: синій предзнаменовалъ неизбѣжную смерть въ третій день, а багровый выгнивалъ, и недужные оставались живы. Лѣтописецъ говоритъ, что съ сего времени, какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческій сократился въ Россіи, и предки наши сдѣлались щедушнѣе, слабѣе; что въ разныхъ мѣстахъ были страшныя явленія; что отъ великой засухи (въ 1430 году) воды истощились; земля, боры горѣли; люди сроди густыхъ облаковъ дыма не могли видѣть другъ друга; звѣри, птицы и рыбы въ рѣкахъ умирали; вездѣ голодъ и болѣзни свирѣпствовали ([258]). Однимъ словомъ, послѣдніе годы Василія Димитріевича и первые сына его составляютъ печальнѣйшую эпоху нашей Исторіи въ XV вѣкѣ. Язва возобновлялась еще во Псковѣ и въ Москвѣ около 1442 и 1448 года.

Нашествіе Литвы.

Непріятели внѣшніе также безпокоили Россію. Корыстолюбивый Витовтъ, не боясь малолѣтнаго Василія, (въ 1426 году) приступилъ къ Опочкѣ, городу Псковскому, съ войскомъ многочисленнымъ, въ коемъ были даже Богемцы, Волохи и дружина Хана Татарскаго, Махмета. Жители употребили хитрость: сдѣлали тонкій мостъ передъ городскими воротами, укрѣпивъ его однѣми веревками, и набивъ подъ нимъ, въ глубокомъ рвѣ, множество кольевъ; а сами укрылись за стѣнами. Непріятели, не видя никого, вообразили, что крѣпость пуста, и толпами бросились на мостъ: тогда граждане подрѣзали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали въ мукахъ; другіе же, взятые въ плѣнъ, терпѣли еще лютѣйшія: граждане сдирали съ нихъ кожу, въ глазахъ Витовта и всего осаждающаго войска ([259]). Сіе варварство имѣло счастливый успѣхъ: ибо Князь Литовскій — увѣренный, что Россіяне будутъ обороняться до послѣдняго издыханія — отступилъ къ Воронежу. Тутъ сдѣлалась страшная буря съ грозою, столь необыкновенная, что Литовцы ожидали преставленія свѣта, и самъ Витовтъ, обхвативъ руками шатерный столпъ, въ ужасѣ вопилъ: *Господи помилуй!* Сіе худое начало расположило его къ миру. Псковитяне, тревожимые Нѣмцами, оставленные Новгородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великаго Князя,

коего Посолъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать, обязался заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрезъ два года онъ посѣтилъ и богатыхъ Новогородцевъ, которые спорили съ нимъ о границахъ и дерзнули назвать его измѣнникомъ. Современный Историкъ Польскій описываетъ ихъ людьми мирными, преданными сластолюбію и роскоши: въ надеждѣ на свои непроходимыя болота они смѣялись надъ угрозами Витовта и велѣли ему сказать, что варятъ медъ для его прибытія; но сей старецъ, еще бодрый и дѣятельный, со многочисленнымъ войскомъ открылъ себѣ путь сквозь опасныя зыби такъ называемаго *Чернаго лѣса*. Десять тысячь работниковъ шли впереди съ сѣкирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которыя служили мостомъ для пѣхоты, конницы и снаряда огнестрѣльнаго, пищалей, *тюфяковъ* и пушекъ. Витовтъ осадилъ Порховъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ, сдѣланная Нѣмецкимъ Мастеромъ Николаемъ, называемая *Галкою*, и привезенная на 40 лошадяхъ, однимъ выстрѣломъ сразила каменную городскую башню и стѣну въ церкви Св. Николая; но разлетѣлась на части и своими обломками умертвила множество Литовцевъ, въ томъ числѣ и самого мастера вмѣстѣ съ Воеводою Полоцкимъ. Въ городѣ начальствовалъ Посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій: не имѣя ни малой надежды отстоять крѣпость, они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5000 рублей; а Новогородцы, прославъ Архіепископа Евфимія съ чиновниками въ станъ Литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ могъ бы безъ сомнѣнія осадить и Новгородъ; однакожь—разсуждая, что вѣрное лучше невѣрнаго—взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же особенную тысячу, и сказавъ: „впредь „не смѣйте называть меня ни измѣнникомъ, ни бражникомъ,“ возвратился въ Литву. Сія дань, составляя не менѣе пятидесяти-пяти пудъ серебра, была тягостна для Новогородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьѣ; каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль: слѣдственно въ Новгородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячь людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати(260).

Не смотря на сіи непріятельскія дѣйствія Витовта въ сѣверо-западной Россіи, онъ жилъ мирно съ юнымъ внукомъ своимъ, Великимъ Княземъ; обязалъ его даже клятвою не вступаться ни въ Новогородскія, ни въ Псковскія дѣла, и въ 1430 году дружески пригласилъ къ себѣ въ гости ([261]). Съ Василіемъ отправился въ Литву и Митрополитъ Фотій. Въ Трокахъ нашли они сѣдаго, осьмидесятилѣтняго Витовта, окруженнаго сонмомъ Вельможъ Литовскихъ. Скоро съѣхались къ нему многіе гости знаменитые: Князья Борисъ Тверскій, Рязанскій, Одоевскіе, Мазовскіе, Ханъ Перекопскій, изгнанный Господарь Волошскій Илія, Послы Императора Греческаго, Великій Магистръ Прусскій, Ландмаршалъ Ливонскій съ своими сановниками, и Король Ягайло. Лѣтописцы говорятъ, что сей торжественный съѣздъ Вѣнценосцевъ и Князей представлялъ зрѣлище рѣдкое; что гости старались удивить хозяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностію слугъ, а хозяинъ удивлялъ гостей пирами роскошными, какихъ не бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ погребовъ Княжескихъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, Романеи, пива, — а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около семи недѣль, въ Трокахъ и въ Вильнѣ; но занимались и важнымъ дѣломъ: оно состояло въ томъ, что Витовтъ, по совѣту Цесаря Сигизмунда (имѣвшаго съ нимъ, въ Генварѣ 1429 года, свиданіе въ Луцкѣ) хотѣлъ назваться *Королемъ* Литовскимъ и принять вѣнецъ отъ руки Посла Римскаго. Къ досадѣ сего величаваго старца, Вельможи Польскіе воспротивились его намѣренію, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ Королевствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ вреду обоюдному: чего дѣйствительно тайно желалъ хитрый Цесарь. Тщетно грозилъ Витовтъ: самъ Папа, взявъ сторону Ягайловыхъ Вельможъ, запретилъ ему думать о вѣнцѣ Королевскомъ, и веселые пиры заключились болѣзнію огорченнаго хозяина. Всѣ разъѣхались: одинъ Фотій жилъ еще нѣсколько дней въ Вильнѣ, стараясь, какъ вѣроятно, о присоединеніи Кіевской Митрополіи къ Московской; наконецъ.

Съѣздъ въ Литвѣ.

отпущенный съ ласкою, свѣдалъ въ Новогродкѣ о смерти Витовта ([262]). Сей Князь, тогда славнѣйшій изъ Государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на Югѣ и Западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и Князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами государственнаго нравоученія; нынѣ давалъ, завтра отнималъ безъ вины; не искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и не рѣдко оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной супруги. Съ нимъ, по словамъ Историка Польскаго ([263]), возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго, къ счастію Россіи, которая безъ сомнѣнія погибла бы навѣки, если бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе; но Свидригайла, братъ Ягайловъ, и Сигизмундъ, сынъ Кестутіевъ, одинъ послѣ другаго властвовавъ надъ Литвою, изнуряли только ея силы междоусобіемъ, войнами съ Польшею, тиранствомъ и грабительствомъ. Свидригайло, зять Князя Тверскаго, Бориса, всегда омраченный парами вина, служилъ примѣромъ вѣтрености и неистовства, однакожь былъ любимъ Россіянами за его благоволеніе къ Вѣрѣ Греческой. Братъ Витовтовъ, Сигизмундъ, изгнавъ Свидригайла—бывшаго потомъ нѣсколько лѣтъ пастухомъ въ Молдавіи—господствовалъ какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ, и палимый страстію златолюбія, губилъ Вельможъ, купцевъ, богатыхъ гражданъ, чтобы овладѣть ихъ достояніемъ; не вѣря людямъ, вмѣсто стражи держалъ при себѣ дикихъ звѣрей, и не могъ спастися отъ ножа убійцъ: Князья Іоаннъ и Александръ Черторижскіе, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемникомъ былъ (въ 1440 году) сынъ Ягайловъ, Казимиръ; а добродушный сынъ

Характеръ Витовта.

Происшествія Литовскія.

Сигизмундовъ, Михаилъ, умеръ изгнанникомъ въ Россіи, отравленный какимъ-то злодѣемъ по наущенію Вельможъ Литовскихъ, какъ думали.— Новогородцы въ 1431 году заключили мирный договоръ съ Свидригайломъ, а въ 1436 съ Сигизмундомъ ([264]).

Набѣги Татаръ.

Что въ сіе время происходило въ Ордѣ. о томъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Въ 1426 году Татары плѣнили нѣсколько человѣкъ въ Украйнѣ Рязанской; другая многочисленная толпа ихъ, предводительствуемая Царевичемъ и Княземъ, чрезъ три года опустошила Галичь, Кострому, Плесо и Лугъ. Единственною цѣлію сихъ впаденій былъ грабежъ. Настигнувъ хищниковъ. Рязанцы отняли у нихъ и добычу и плѣнныхъ; а дяди Князя Великаго, Андрей и Константинъ Димитріевичи, ходили въ слѣдъ за Царевичемъ до Нижняго. Они не могли догнать непріятеля; но Князь Стародубскій-Пестрый и Ѳеодоръ Константиновичь Добрынскій, недовольные ихъ медленностію, тайно отдѣлились отъ Московскаго войска съ своими дружинами, и на голову побили задній отрядъ Татарскій. Осенью въ 1430 году Князь Ординскій Айдаръ воевалъ Литовскую Россію и приступалъ ко Мценску; отраженный тамошнимъ храбрымъ начальникомъ, Григорьемъ Протасьевымъ, употребилъ обманъ: давъ ему клятву въ дружествѣ, вызвалъ его изъ города и взялъ въ плѣнъ. Золотая Орда повиновалась тогда Хану Махмету, который, уважая Народное Право, осыпалъ Айдара укоризнами, а мужественнаго Воеводу, Григорія, ласками, и возвратилъ ему свободу: примѣръ чести, весьма рѣдкій между варварами! Въ томъ же году, весною, Великій Князь посылалъ Воеводу своего, Князя Ѳеодора Давидовича Пестраго, на Волжскую и Камскую Болгарію. гдѣ Россіяне взяли не мало плѣнниковъ ([265]).

Миновало около шести лѣтъ послѣ заключеннаго юнымъ Василіемъ мира съ дядею его, Юріемъ: условіе, рѣшить споръ о Великомъ Княженіи судомъ Ханскимъ, оставалось безъ исполненія: для того ли, что Цари непрестанно мѣнялись въ мятежной Ордѣ, или Василій хотѣлъ уклониться отъ сего постыднаго для нашихъ Князей суда, въ надеждѣ смирить дядю?

Они дѣйствительно въ 1428 году клятвою утвердили договоръ, чтобы каждому остаться при своемъ (366); но Юрій, года три живъ спокойно, объявилъ войну племяннику. Тогда Великій Князь предложилъ дядѣ ѣхать въ Царю Махмету; согласились, и Василій, раздавъ по церквамъ богатую милостыню, съ горестнымъ сердцемъ оставилъ Москву; въ прекрасный лѣтній день, Августа 15, обѣдалъ на лугу близъ Симонова монастыря, и не могъ безъ слезъ смотрѣть на блестящія главы ея храмовъ. Никто изъ Князей Московскихъ не погибалъ въ Ордѣ: Бояре утѣшали юнаго Василія разсказами о чести и ласкахъ, оказанныхъ тамъ его родителю; но мысль, отдать себя въ руки невѣрнымъ и съ престола знаменитаго упасть къ ногамъ варвара, омрачала скорбію душу сего слабаго юноши. За нимъ отправился и Юрій. Они вмѣстѣ прибыли въ Улусъ Баскака Московскаго, Булата, друга Василіева и непріятеля Юріева. Но сей послѣдній имѣлъ заступника въ сильномъ Мурзѣ Тегинѣ, который увезъ его съ собою зимовать въ Тавриду и далъ слово исходатайствовать ему Великокняжеское достоинство. Къ счастію Василія, былъ у него Боярин хитрый, искательный, велерѣчивый, именемъ Іоаннъ Димитріевичъ: онъ умѣлъ склонить всѣхъ Ханскихъ Вельможъ въ пользу своего юнаго Князя, представляя, что имъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ Великокняжескій; что сей Мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ, Свидригайло; что самъ Царь Ординскій уже не поспѣетъ ни въ чемъ ослушаться Вельможи толь сильнаго, и что всѣ другіе сдѣлаются рабами Тегини. Такія слова уязвили *какъ стрѣла*, по выраженію Лѣтописца, сердце Вельможъ Ханскихъ, въ особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у Царя за Василія и чернить Тегиню, такъ, что легковѣрный Махметъ наконецъ обѣщалъ имъ казнить смертію сего Мурзу, буде онъ дерзнетъ вступиться за Юрія. Весною дядю Василіевъ пріѣхалъ изъ Тавриды въ Орду; а съ нимъ и Тегиня, который, свѣдавъ о расположеніи Царя, уже не смѣлъ ему противорѣчить. Мах-

Судъ въ Ордѣ.

г. 1432

метъ нарядилъ судъ, чтобы рѣшить споръ дяди съ племянникомъ, и самъ предсѣдательствовалъ въ ономъ. Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ уставомъ Государей Московскихъ, по коему сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, долженствовалъ наслѣдовать Великое Княженіе. Дядя, опровергая сей уставъ, ссылался на лѣтописи и на завѣщаніе Димитрія Донскаго, гдѣ онъ (Юрій), въ случаѣ кончины Василія Димитріевича, названъ его преемникомъ ([267]). Тутъ Бояринъ Моековскій, Іоаннъ, сталъ предъ Махметомъ и сказалъ: „Царь верховный! молю, да позволишь мнѣ, смирен„ному холопу, говорить за моего юнаго Князя. Юрій ищетъ „Великаго Княженія по древнимъ правамъ Россійскимъ, а „Государь нашъ по твоей милости, вѣдая, что оно есть твой „Улусъ: отдашь его, кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой „молитъ. Что значатъ лѣтописи и мертвыя грамоты, гдѣ все „зависитъ отъ воли Царской? Не она ли утвердила завѣ„щаніе Василія Димитріевича, отдавшаго Московское Кня„женіе сыну? Шесть лѣтъ Василій Василіевичь на престолѣ: „ты не свергнулъ его, слѣдственно самъ признавалъ Госуда„ремъ законнымъ.“ Сія, дѣйствительно хитрая рѣчь имѣла успѣхъ совершенный: Махметъ объявилъ Василія Великимъ Княземъ и велѣлъ Юрію *вести подъ нимъ коня*: древній обрядъ Азіатскій, коимъ означалась власть Государя верховнаго надъ его подручниками или зависимыми Князьями. Но Василій, уважая дядю, не хотѣлъ его уничиженія; а какъ въ сіе время возсталъ на Махмета другой Царь Могольскій, Кичимъ-Ахметъ, то Мурза Тегиня, пользуясь смятеніемъ Хана, выпросилъ у него для Юрія городъ Дмитровъ, область умершаго Князя Петра Димитріевича. Племянникъ и дядя благополучно возвратились въ Россію, и Вельможа Татарскій, Уланъ Царевичь, торжественно посадилъ Василія на тронъ Великокняжескій въ Москвѣ, въ храмѣ Богоматери у златыхъ дверей ([268]). Съ сего времени Владиміръ утратилъ право города столичнаго, хотя въ титулѣ Великихъ Князей все еще именовался прежде Москвы.

Междоусобія.

Судъ Ханскій не погасилъ вражды между дядей и племянникомъ. Опасаясь Василія, Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова,

куда Великій Князь немедленно прислалъ своихъ Намѣстниковъ, изгнавъ Юріевыхъ ([269]). Скоро началась и явная война отъ слѣдующихъ двухъ причинъ. Московскій Вельможа Іоаннъ, оказавъ столь важную услугу Государю, въ награду за то хотѣлъ чести выдать за него дочь свою. Или невѣста не нравилась жениху, или Великій Князь вмѣстѣ съ матерію находилъ сей бракъ неприличнымъ: Іоаннъ получилъ отказъ, и Василій женился на Маріи, Дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Надменный Бояринъ оскорбился. „Неблагодарный юноша обязанъ мнѣ Великимъ Княженіемъ „и не устыдился меня обезчестить,“ говорилъ онъ въ злобѣ, и выѣхалъ изъ Москвы, сперва въ Угличъ къ дядѣ Василіеву, Константину Димитріевичу, потомъ въ Тверь и наконецъ въ Галичъ къ Юрію. Обоюдная ненависть къ Государю Московскому служила для нихъ союзомъ: забыли прошедшее и вымышляли способъ мести. Бояринъ Іоаннъ не сомнѣвался г. 1433
въ успѣхѣ войны: положили начать оную, какъ можно скорѣе.
Между тѣмъ сыновья Юріевы, Василій Косой и Димитрій Февраля 8.
Шемяка, дружески пируя въ Москвѣ на свадьбѣ Великаго Князя, сдѣлались ему непріятелями отъ страннаго случая, который на долгое время остался памятнымъ для Москвитянъ. Князь Димитрій Константиновичь Суздальскій нѣкогда подарилъ нареченному зятю своему, Донскому, золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями; Тысячскій Василій, въ 1367 году, во время свадьбы Донскаго, тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и далъ сыну Николаю, женатому на Маріи, старшей дочери Князя Суздальскаго ([270]). Переходя изъ рукъ въ руки, сей поясъ достался Василію Юріевичу Косому и былъ на немъ въ часъ свадебнаго Великокняжескаго пиршества. Намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичь, узналъ оный, и сказалъ о томъ матери Василія, Софіи, которая обрадовалась драгоцѣнной находкѣ, и, забывъ пристойность, торжественно сняла поясъ съ Юріевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гнѣвомъ, бѣжали изъ Дворца, клялись отмстить за свою обиду, и немедленно, исполняя повелѣніе отца, уѣхали изъ Москвы въ Галичъ.

Прежде они хотѣли, кажется, быть миротворцами между Юріемъ и Великимъ Княземъ: тогда же, вмѣстѣ съ Боярином Іоанномъ, старались утвердить родителя въ злобѣ на Государя Московскаго. Не теряя времени, они выступили съ полкомъ многочисленнымъ; а юный Василій Василіевичь ни чего не вѣдалъ, до самаго того времени, какъ Намѣстникъ Ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже Совѣтъ Великокняжескій не походилъ на Совѣтъ Донскаго или сына его: безпечность и малодушіе господствовали въ ономъ. Вмѣсто войска, отправили Посольство на встрѣчу къ Галицкому Князю съ ласковыми словами ([271]). Юрій стоялъ подъ стѣнами Троицкаго монастыря; онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ: Вельможа Іоаннъ и другіе Бояре его ругали Московскихъ и съ безчестіемъ указали имъ возвратный путь. Тогда Великій Князь собралъ нѣсколько
Апрѣля 25. пьяныхъ воиновъ и купцевъ; въ двадцати верстахъ отъ столицы, на Клязьмѣ, сошелся съ непріятелемъ, и видя силу оного, бѣжалъ назадъ; взялъ мать, жену; уѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Кострому, чтобы отдаться въ руки побѣдителю: ибо Юрій, вступивъ въ Москву и всенародно объявивъ себя Великимъ Княземъ, пошелъ туда и плѣнилъ Василія, который искалъ защиты въ слезахъ. Бояринъ Іоаннъ, думая согласно съ сыновьями Галицкаго Князя, считалъ всякое снисхожденіе неблагоразуміемъ. Юрій также не славился мягкимъ сердцемъ; но имѣлъ слабость къ одному изъ Вельможъ своихъ, Симсону Морозову, и принявъ его совѣтъ, далъ въ Удѣлъ племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновалъ сей миръ веселымъ пиршествомъ, и съ дарами отпустилъ Василія въ его Удѣльный городъ.

Открылось, что Морозовъ или обманулъ своего Князя, или самъ обманулся. Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отовсюду сзывать къ себѣ народъ, Бояръ, Князей: всѣ шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ Государемъ, а Юрія хищникомъ, согласно съ новою системою наслѣдства, благопріятнѣйшею для общаго спокойствія. Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оставлялъ все, какъ было, окруженный

тѣми же Боярами, которые служили прежнему Государю напротивъ чего брать, княжившій дотолѣ въ какомъ нибудь особенномъ Удѣлѣ, имѣлъ своихъ Вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную по кончинѣ брата землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ Бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружили всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія. Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ, и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ не доставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ. Однимъ словомъ, сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, многолюдною и шумною. Въ Москвѣ же царствовали унынiе и безмолвiе: человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію. Случай единственный въ нашей Исторіи, и произведенный не столько любовію къ особѣ Василія, сколько усердіемъ къ правилу, что сынъ долженъ быть преемникомъ отца въ Великокняжескомъ санѣ!

Юрій укорялъ своего любимца, Морозова, неблагоразумнымъ совѣтомъ; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокаго, не удовольствовались словами: пришли къ сему Боярину въ набережныя сѣни, и сказавъ: „ты погубилъ „нашего отца!“ собственною рукою умертвили его ([272]). Боясь гнѣва родительскаго, они выѣхали въ Кострому. Князь же Юрій, видя невозможность остаться въ Москвѣ, самъ отправился въ Галичь, велѣвъ объявить племяннику, что уступаетъ ему столицу, гдѣ Василій скоро явился съ торжествомъ и славою, имъ не заслуженною, провождаемый Боярами, толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы представлялась улицею многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ Лѣтописцевъ.

Но бѣдствія Василіева княженія только-что начинались. Хотя Юрій заключилъ миръ, возвратилъ племяннику Дмитровъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ разными волостями, и далъ слово навсегда отступиться отъ большихъ сыновей, признавъ ихъ въ договорной грамотѣ врагами общаго спокойствія ([273]): однакожь скоро нарушилъ обѣщаніе,ославъ къ дѣтямъ свою Галицкую дружину, съ которою они разбили Московское войско на рѣкѣ Куси. Великій Князь разорилъ Галичь. Юрій ушелъ къ Бѣлуозеру: собравъ же силы, и призвавъ Вятчанъ, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Косымъ, Шемякою, Димитріемъ Краснымъ, одержалъ въ Ростовскихъ предѣлахъ столь рѣшительную побѣду надъ Василіемъ, что сей слабодушный Князь, не смѣвъ возвратиться въ столицу, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда въ Мологу, въ Кострому, въ Нижній; а Юрій, осадивъ Москву, черезъ недѣлю вступилъ
г. 1434. въ Кремль, плѣнилъ мать и супругу Василіеву. Народъ былъ въ горести. „Не измѣняй мнѣ въ злосчастіи,“ писалъ Великій Князь къ двоюродному брату, Іоанну, сыну умершаго Андрея Можайскаго ([274]). Іоаннъ отвѣтствовалъ ему: „Госу„дарь! я не измѣню тебѣ въ душѣ; но у меня есть городъ „и мать: я долженъ мыслить объ ихъ безопасности; и такъ „ѣду къ Юрію.“ Уже Шемяка и Димитрій Красный стояли съ войскомъ въ Владимірѣ, готовясь итти къ Нижнему: Василій трепеталъ и думалъ бѣжать въ Орду: на сей разъ счастіе услужило ему лучше Москвитянъ.

Юрій, снова объявивъ себя Великимъ Княземъ, договорными грамотами утвердилъ союзъ съ племянниками своими, Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами, Владѣтелями Можайска, Бѣлаозера, Калуги, и съ Княземъ Іоанномъ Ѳеодоровичемъ Рязанскимъ, требуя, чтобы они не имѣли никакого сношенія съ изгнанникомъ Василіемъ ([275]). Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: *Божіею милостію*, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ..... Въ грамотѣ Рязанской сказано, что Тула принадлежитъ Іоанну, и что онъ не долженъ принимать къ себѣ Мещерскихъ Князей въ случаѣ ихъ невѣрности или бѣг-

ства: сіи Князья, подданные Государя Московскаго, происходили, какъ вѣроятно, отъ Александра Уковича, у коего Димитрій Донской купилъ Мещеру.— Юрію было около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія; не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой, онъ любилъ власть единственно по тщеславію, и безъ сомнѣнія не возвысилъ бы Великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ Московскомъ. Но Юрій внезапно скончался, оставивъ духовную, писанную, кажется, еще за-долго до его смерти ([276]): дѣля между сыновьями только свои наслѣдственные города, онъ велитъ имъ платить *Великому Князю* съ Галича и Звенигорода 1026 рублей въ счетъ Ординской *семитысячной* дани: слѣдственно или Василій тогда еще не былъ изгнанъ, или Юрій мыслилъ возвратить ему Великое Княженіе (что менѣе вѣроятно). Сынъ Юріевъ, Косой, немедленно принялъ на себя имя Государя Московскаго и далъ знать о томъ своимъ братьямъ; они же, не любя и презирая его, отвѣтствовали: „когда Богъ не захотѣлъ видѣть отца „нашего на престолѣ Великокняжескомъ, то мы не хотимъ „видѣть на ономъ и тебя;“ примирились съ Василіемъ, и выгнали Косаго изъ столицы. Въ знакъ благодарности Великій Князь, возвратясь на Московскій престолъ, отдалъ Шемякѣ Угличь со Ржевомъ, наслѣдственную область умершаго дяди ихъ, Константина Димитріевича, а Красному Бѣжецкій Верхъ, удержавъ за собою Звенигородъ, Удѣлъ Косаго, и Вятку. Мы имѣемъ ихъ договорную грамоту, наполненную дружескими съ обѣихъ сторонъ увѣреніями ([277]). Шемяка, слѣдуя обыкновенію, именуетъ въ оной Василія старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его покровительство, обязывается служить ему на войнѣ, и платить часть Ханской дани, съ условіемъ, чтобы Великій Князь одинъ сносился съ Ордою, не допуская Удѣльныхъ Владѣтелей ни до какихъ хлопотъ.

Сіе дружество между Князьями равно малодушными и жестокосердными не могло быть истиннымъ. Мы уже видѣли характеръ Шемяки, который не устыдился обагрить собствен-

ныхъ рукъ кровію Вельможи Морозова: увидимъ и Василіевъ въ дѣлѣ гнусномъ, достойномъ Азіатскаго варвара.

Но братъ Шемякинъ, Косой, еще превосходилъ ихъ въ свирѣпости: имѣя товарища въ бѣгствѣ своемъ, какого-то Князя Романа, онъ велѣлъ отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотѣлъ тайно оставить его ([278])! Напрасно искавъ заступниковъ въ Новѣгородѣ, ограбивъ берега Мсты, Бѣжецкую и Двинскую область, Косой съ толпами бродягъ вступилъ въ сѣверные предѣлы Великаго Княженія; разбитый близъ Ярославля, ушелъ въ Вологду, плѣнилъ тамъ чиновниковъ Московскихъ, и съ новымъ войскомъ явился на берегахъ Костромы, гдѣ Великій Князь заключилъ съ нимъ миръ, отдавъ ему городъ Дмитровъ. Они не долго жили въ согласіи: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Косой выѣхалъ изъ Дмитрова въ Галичь, призвалъ Вятчанъ, и взявъ Устюгъ на договоръ, вѣроломно убилъ Василіева Намѣстника, Князя Оболенскаго, вмѣстѣ со многими жителями. Въ сіе время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Великаго Князя на свадьбу, помолвивъ жениться на дочери Димитрія Заозерскаго: злобясь на его брата, Василій оковалъ Шемяку цѣпями и сослалъ въ Коломну ([279]). Дѣйствіе столь противное чести не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ враждебныхъ умыслахъ сего Юріева сына, еще не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ. Наконецъ въ Ростовской области встрѣтились непріятели: Косой предводительствовалъ Вятчанами и дружиною Шемяки; съ Василіемъ находились меньшій братъ Юрьевичей, Димитрій Красной, Іоаннъ Можайскій и Князь Іоаннъ Баба, одинъ изъ Друцкихъ Владѣтелей, пришедшій къ нему съ полкомъ Литовскихъ копейщиковъ ([280]). Готовились къ битвѣ; но Косой, считая обманъ дозволенною хитростію, требовалъ перемирія. Неосторожный Василій заключилъ оное и распустилъ воиновъ для собранія съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ сдѣлалась тревога: полки Вятскіе во всю прыть устремились къ Московскому стану, въ надеждѣ плѣнить Великаго Князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій оказалъ смѣлую рѣшительность: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу

воинскую, и подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли. Несчастный Юрьевичь, готовивъ плѣнъ Василію, самъ попался къ нему въ руки: Воевода Борисъ Тоболинъ и Князь Іоаннъ Баба настигли Косаго въ постыдномъ бѣгствѣ ([281]). Совершилось злодѣйство, о коемъ не слыхали въ Россіи со втораго-надесять вѣка: Василій далъ повелѣніе ослѣпить сего брата двоюроднаго. Чтобы успокоить совѣсть, онъ возвратилъ Шемякѣ свободу и города Удѣльные. Въ договорной грамотѣ, тогда написанной, Шемяка именуетъ старшаго брата недругомъ Великаго Князя, обязываясь выдать все его имѣніе, въ особенности святыя иконы и кресты, еще отцомъ ихъ изъ Москвы увезенные; отказывается отъ Звенигорода, предоставляя себѣ полюбовно раздѣлить съ меньшимъ братомъ, Димитріемъ Краснымъ, другія области наслѣдственныя и данныя ему Великимъ Княземъ въ Угличѣ и Ржевѣ ([282]).— Несчастный слѣпецъ жилъ послѣ того 12 лѣтъ въ уединеніи, какъ бы забвенный всѣми и самыми единокровными братьями. Великій Князь будетъ наказанъ за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобнаго ему варвара. Злодѣйство.

Спокойный внутри Московскаго владѣнія, сей юный Государь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами, которые въ самомъ началѣ его княженія посылали войско наказать Устюжанъ за ихъ грабительство въ Двинской землѣ, и взяли съ сего города въ окупъ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей, къ досадѣ Василія. Но онъ, не желая явной войны съ ними, вызвался отдать имъ всѣ родителемъ его захваченныя Новогородскія земли въ уѣздахъ Бѣженскаго Верха, Волока Ламскаго, Вологды, съ условіемъ, чтобы и Бояре ихъ возвратили ему собственность Княжескую; однакожь не исполнялъ обѣщанія и не присылалъ Дворянъ своихъ для развода земель, пока Новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой въ Торжкѣ. Въ договорной грамотѣ, написанной по сему случаю, именно сказано, что Великій Князь беретъ по Распря съ Новымгородомъ. г. 1437-1440.

новой гривнѣ съ четырехъ земледѣльцевъ (*), или съ сохи, въ которую впрягаются двѣ лошади, а третья на подмогу; что плугъ и ладья считаются за двѣ сохи: неводъ, лавка, кузница и чанъ кожевный за одну; что земледѣльцы, работающіе изъ половины, платятъ только за полсохи; что наемники мѣсячные, лавочники и старосты Новогородскіе свободны отъ всякой дани; что если кто, оставивъ свой дворъ, уйдетъ въ господскій или утаитъ соху, то платитъ за вину вдвое, и проч. ([283]).—Сей договоръ заключенъ былъ единственно на годъ: послѣ чего Новогородцы опять ссорились съ Василіемъ, смѣясь надъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые совѣтовали имъ не раздражать Государей Московскихъ. Лѣтописцы повѣствуютъ, что внезапное паденіе тамошней великолѣпной церкви Св. Іоанна наполнило сердца ужасомъ, предвѣстивъ близкое паденіе Новагорода ([284]): гораздо благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія въ его нетвердой системѣ политической, особенно же въ возрастающей силѣ Великихъ Князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію *совершеннаго* покоренія сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцевъ. Такъ поступилъ и Василій: зимою въ концѣ 1440 года двинулся съ войскомъ къ Новугороду, и на пути заключилъ съ нимъ миръ, взявъ 8000 рублей. Между тѣмъ Псковитяне, служа Великому Князю, успѣли разорить нѣсколько селеній въ областяхъ Новогородскихъ, а Заволочане въ Московской ([285]).—Въ сей самый годъ (1440), Генваря 22, родился у Василія сынъ, Тимоѳей-Іоаннъ, коему Провидѣніе, сверхъ многихъ великихъ дѣлъ, назначило сокрушить Новгородъ. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба Государя столь чрезвычайнаго утаиться отъ мудрыхъ гадателей? Пишутъ, что Но-

Рожденіе Іоанна Великаго.

(*) «См. Пушк.» т. е. Пушкинское Собраніе (отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Рос. Госс.)

вогородскій добродѣтельный старецъ, именемъ Мисаилъ, въ часъ Іоаннова рожденія пришелъ къ Архіепископу Евѳимію, и сказалъ: „Днесь Великій Князь торжествуетъ: Господь да„ровалъ ему наслѣдника. Зрю младенца, ознаменованнаго ве„личіемъ: се Игуменъ Троицкія Обители, Зиновій, креститъ „его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ Князей „и народы. Но горе нашей отчизнѣ: Новгородъ падетъ къ „ногамъ Іоанновымъ, и не возстанетъ“ ([286])! Лѣтописцы не сомнѣвались въ истинѣ сего чудеснаго сказанія, изобрѣтеннаго безъ сомнѣнія уже въ то время, когда сынъ Василіевъ совершилъ безсмертные свои подвиги.

Василій старался жить дружно съ Ханомъ, и по вѣрному свидѣтельству грамотъ платилъ ему обыкновенную дань, вопреки нѣкоторымъ Лѣтописцамъ, сказывающимъ, что Царь Махметъ, любя его, освободилъ Россію отъ всѣхъ налоговъ ([287]). Впаденія Татаръ въ Рязанскія области не тревожили Москвитянъ; но перемѣна, случившаяся въ Ордѣ, нарушила спокойствіе Великаго Княженія. Махметъ (въ 1437 году) былъ изгнанъ изъ Улусовъ братомъ своимъ, Кичимомъ, искалъ убѣжища въ Россіи и занялъ Бѣлевъ, городъ Литовскій. Оказавъ нѣкогда благодѣяніе Василію, онъ надѣялся на его дружбу, и крайне изумился, услышавъ, что Великій Князь приказываетъ ему немедленно удалиться отъ предѣловъ Россійскихъ. Сей Ханъ, въ самомъ изгнаніи гордый, не хотѣлъ повиноваться, имѣя у себя около трехъ тысячь воиновъ. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Василій послалъ туда многочисленную рать, ввѣривъ оную братьямъ, Шемякѣ и Димитрію Красному, Вождямъ столь недостойнымъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія въ цѣлости: вездѣ грабили, отнимали скотъ, имѣніе, и нагружали возы добычею. Конецъ отвѣтствовалъ началу. Приступивъ къ Бѣлеву, Московскіе Воеводы отвергнули всѣ мирныя предложенія Махмета, устрашеннаго ихъ силою, и вогнали Татаръ въ крѣпость, убивъ зятя Царева ([288]). На другой день Ханъ выслалъ трехъ Князей для переговоровъ. „Отдаю въ залогъ вамъ моего сына, Мамутека,“ велѣлъ онъ

Дань Ординская.

Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ.

сказать нашимъ Полководцамъ: „сдѣлаю все, чего требуете. „Когда же Богъ возвратитъ мнѣ Царство, обязываюсь блюсти „землю Русскую, и не брать съ васъ никакой дани.“ Воеводы Московскіе не хотѣли ничего слушать. „И такъ смотрите!“ сказали Князья Махметовы, возвысивъ голосъ, и перстомъ показывая имъ на Россійскихъ воиновъ, которые въ сію минуту толпами бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то внезапнымъ ужасомъ. Вся рать Московская дрогнула и съ воплемъ устремилась въ бѣгство: Шемяка и другіе Князья также. Моголы едва вѣрили глазамъ своимъ; наконецъ поскакали за Россіянами, сѣкли ихъ, топтали и возвратились къ Хану съ вѣстію, что многочисленное войско Великокняжеское исчезло какъ дымъ. Успѣхъ столь блестящій не ослѣпилъ Махмета: сей благоразумный Ханъ предвидѣлъ, что ему, отрѣзанному отъ Улусовъ, не льзя удержаться въ Россіи и бороться съ Василіемъ: онъ выступилъ изъ Бѣлева и чрезъ землю Мордвы прошелъ въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ находился древній Сановъ Юртъ, или Казань, въ 1399 году опустошенная Россіянами ([289]). Около сорока лѣтъ сей городъ состоялъ единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Махметъ, выбравъ новое лучшее мѣсто, близъ старой крѣпости построилъ новую, деревянную, и представилъ оную въ убѣжище Болгарамъ, Черемисамъ, Моголамъ, которые жили тамъ въ непрестанной тревогѣ, ужасаемые частыми набѣгами Россіянъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась людьми. Изъ самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признавъ Махмета Царемъ и защитникомъ. Такимъ образомъ сей изгнанникъ Капчакскій сдѣлался возобновителемъ или истиннымъ первоначальникомъ Царства Казанскаго, основаннаго на развалинахъ древней Болгаріи, Государства образованнаго и торговаго. Моголы смѣшались въ ономъ съ Болгарами и составили одинъ народъ, коего остатки именуются нынѣ Татарами Казанскими, и коего имя около ста лѣтъ приводило въ трепетъ сосѣдственныя области Россійскія. Уже въ слѣдующій годъ Махметъ съ легкимъ войскомъ явился подъ стѣнами

Царство Казанское.

Москвы, откуда Василій, боязливый, малодушный, бѣжалъ за Волгу, оставивъ въ столицѣ начальникомъ Князя Юрія Патрикіевича Литовскаго. Къ счастію, Татары не имѣли способа овладѣть оною: удовольствовались грабежемъ, сожгли Коломну и возвратились съ добычею.—Между тѣмъ въ Большой или Золотой Ордѣ господствовалъ братъ Махметовъ, Кичимъ, среди опасностей, мятежей и внутреннихъ непріятелей. Моголы, ослѣпленные безразсудною злобою, терзали другъ друга, упиваясь собственною кровію. Первѣйшій изъ Князей Ординскихъ, именемъ Мансупъ, погибъ тогда отъ руки Хана Кичима.

Послѣ несчастнаго приступа къ Бѣлеву Василій не могъ имѣть довѣренности ни къ усердію, ни къ чести сыновей Юріевыхъ, Шемяки и Димитрія Краснаго; однакожь (въ 1440 году) возобновилъ дружественный союзъ съ ними на прежнихъ условіяхъ: то есть, оставилъ ихъ мирно господствовать въ отцевскомъ Удѣлѣ и пользоваться частію Московскихъ доходовъ ([290]). Меньшій братъ, Димитрій, скоро умеръ, въ Галичѣ, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ, и долго не могъ, ибо кровь непрестанно лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Димитрій успокоился, требовалъ пищи, вина; заснулъ—и казался мертвымъ. Бояре оплакали Князя, закрыли одѣяломъ, выпили по нѣскольку стакановъ крѣпкаго меду и сами легли спать на лавкахъ въ той же горницѣ. Вдругъ мнимый мертвецъ скинулъ съ себя одѣяло, и не открывая глазъ, началъ пѣть стихиры. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Разнесся слухъ о семъ чудѣ: дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дня Князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узналъ людей, но не слыхалъ ничего: наконецъ дѣйствительно умеръ съ именемъ Святаго: ибо—какъ сказываютъ Лѣтописцы—тѣло его чрезъ 23 дни открытое для погребенія въ Московскомъ Соборѣ Архангела Михаила, казалось живымъ безъ всякихъ знаковъ тлѣнія и безъ синеты ([291]).—Шемяка наслѣдовалъ Удѣлъ Краснаго, и еще нѣсколько времени жилъ мирно съ Великимъ Княземъ.

г. 1440. Смерть Димитрія Краснаго.

Соборъ Флорентійскій.

Въ сіи два года внутренняго спокойствія Москвитяне и вся Россія были тревожимы соблазномъ въ важномъ дѣлѣ церковномъ, о коемъ Лѣтописцы говорятъ обстоятельно, и которое минутно польстивъ властолюбію Рима, утвердило отцевъ нашихъ въ ненависти къ Папамъ. Митрополитъ Фотій преставился въ 1431 году, написавъ умилительную грамоту къ Великому Князю и ко всему народу: онъ весьма краснорѣчиво изображаетъ въ ней претерпѣнныя имъ въ Святительствѣ печали; жалѣетъ о дняхъ своей мирной, уединенной юности: оплакиваетъ раздѣленіе Митрополіи, безвременную кончину Василія Димитріевича, бѣдствія и междоусобія Великаго Княженія (292). Шесть лѣтъ по смерти Фотія Церковь наша сиротствовала безъ Главы, отъ внутреннихъ смятеній Государства Московскаго. Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться Митрополитъ Литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себѣ Епископовъ Россіи, но безъ успѣха: онъ посвятилъ въ Смоленскѣ только Новогородскаго Архіепископа, Евѳимія; другіе не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій созвалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить Митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, Архіерея Рязанскаго. „Такимъ образомъ“ — говорятъ Лѣтописцы — „исполнилось „достопамятное слово блаженнаго Фотія, который, посѣтивъ „однажды Симоновскую Обитель, и видя тамъ юнаго Инока, „мирно спящаго, съ удивленіемъ смотрѣлъ на его кроткое, „величественное лице; долго разспрашивалъ объ немъ Архи„мандрита, и сказалъ, что сей юноша будетъ первымъ Свя„тителемъ въ землѣ Русской: то былъ Іона.“ Но предсказаніе исполнилось уже послѣ: ибо Константинопольскій Патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ Митрополиты Грека Исидора, родомъ изъ Ѳессалоники, славнѣйшаго Богослова, равно искуснаго въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго (293). Исидоръ не за-долго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь Папы: вѣроятно даже, что онъ по согласію съ нимъ домогался власти надъ Россійскою Церковію, дабы тѣмъ лучше способствовать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.

Супругъ Княжны Московской, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, непрестанно угрожаемомъ силою Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славной Державы своихъ предковъ — стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ самаго Воспора видя знамена Амуратовы — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, коего воля хотя уже не была закономъ для Государей Европы, однакожь могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгеній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ, онъ именемъ Св. Петра обѣщалъ Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обѣихъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единаго Пастыря. Евгеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго прѣнія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ *осьмый* Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обѣихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго: успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ! Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ Димитріемъ Деспотомъ, съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью стами первѣйшихъ сановниковъ Греческой

Церкви, славныхъ ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября, 1427 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громогласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ Крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ ([294]).

Между тѣмъ Іона возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя безполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честію, сказали ему: „жалѣемъ, что мы ускорили поставить Исидора, „и торжественно обѣщаемъ тебѣ Россійскую Митрополію, когда „она вновь упразднится“. За нимъ прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ *всеи Россіи*: ибо Герасима Смоленскаго уже не было (Свидригайло, господствуя надъ Литвою, въ 1435 году сжегъ его на кострѣ въ Витебскѣ, узнавъ, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Кестутіевичемъ, врагомъ сего неистоваго сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ ([295]); но изумился, свѣдавъ, что Митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмаго Собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василія. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвятителей изрекутъ неизмѣняемыя правила Вѣры. Василій отвѣтствовалъ: „Отцы „и дѣды наши не хотѣли слышать о соединеніи Законовъ „Греческаго и Римскаго; я самъ не желаю сего. Но если „мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебѣ. Помни только чистоту Вѣры нашей и принеси оную съ собою!“ Исидоръ клялся не измѣнять Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Авраміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами коихъ число простиралось до ста. Сіе *первое* путешествіе Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію: сообщимъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства онаго ([296]).

Новогородскій Архіепископъ Евфимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію Вельможу Ѳому. Митрополитъ отъ Вышняго Волочка плылъ рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиршествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ обрядовъ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Священниками (ибо въ семъ городѣ находились двѣ Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: сопутники его ужаснулись, и съ того времени на имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на-корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Маія 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. Съ какимъ удивленіемъ Россіяне, дотолѣ не выѣзжавъ изъ отечества, загрубѣвшаго подъ игомъ варваровъ, видали въ Нѣмецкой землѣ города цвѣтущіе, зданія прочныя, удобныя и красивыя, обширные сады, каменные водоводы, или, по ихъ словамъ, рукою человѣка пускаемыя рѣки! Достойно замѣчанія, что Эрфуртъ показался имъ самымъ богатѣйшимъ въ Германіи городомъ, наполненнымъ всякими товарами и хитрыми произведеніями рукодѣлія. Горы Тирольскія изумили нашихъ путешественниковъ своими снѣжными громадами, современными рожденію

оныхъ (какъ говоритъ Авторъ) и превышающими теченіе облаковъ: зрѣлище въ самомъ дѣлѣ разительное для жителей плоской земли, въ особенности непонятное для нихъ смѣшеніемъ климатовъ: ибо Россіяне въ одно время видѣли тамъ и вѣчное царство зимы, на вершинахъ горъ, и плодоносное лѣто со всѣми его красотами, неизвѣстными въ нашемъ сѣверномъ отечествѣ: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущіе на отлогостяхъ Тирольскихъ, среди цвѣтниковъ естественныхъ.—Августа 18 Исидоръ прибылъ въ Феррару.

Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ, тамъ находились Послы Трапезундскіе, Иверскіе, Армянскіе, Волошскіе; но къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнценосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи *Соборъ Базельскій*, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его Буллами, давалъ законы въ дѣлахъ Вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ себѣ почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіянскомъ Соборѣ ([297]). Однакожь засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры; Іоаннъ же хотѣлъ самъ предсѣдательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Нѣмецкаго; чтобы Царь Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря ([298]). Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о

квасныхъ просфорахъ, 4) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для прѣнія о Св. Духѣ: наши единовѣрцы утверждали, что онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли: *и Сына*, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось камнемъ претыканія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ ([299]).

Не льзя безъ умиленія читать въ исторіи о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ Православію, а съ другой бѣдствія Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей ([300]). „Думаю только о благѣ отечества и Христіанства,“ говорилъ онъ: „послѣ долговременнаго отсутствія возвратимся ли безъ „успѣха, съ единымъ стыдомъ и горестію? Не мышлю о „своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей „не имѣю; но безопасность Государства и миръ Церкви для „меня любезны.“ Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ Святителей, говоря: „лучше сое-

„диниться съ Римлянами и душею и сердцемъ, нежели безъ „всякой пользы уѣхать отсюда: и куда поѣдемъ?“ Виссаріонъ еще убѣдительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по многихъ прѣніяхъ, Греки уступили, и согласились, 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣсноки и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, *или* палимыя огнемъ, *или* угнетаемыя густымъ мракомъ, *или* волнуемыя бурею, *или* терзаемыя инымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1439 года) было послѣднее засѣданіе Собора въ Каѳедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и великолѣпіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Папскихъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Обѣдню ([801]); гремѣла музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Папа, воздѣвъ руки на небо, проливалъ слезы радости, величественно благословивъ Царя, Князей, Епископовъ, чиновниковъ Республики Флорентійской, велѣлъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ амвона *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: „Да веселятся небеса и земля! „Разрушилось средостѣніе между Восточною и Западною Цер„ковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; „два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби „и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ „паки. Да ликуетъ мать наша, Церковь, видя чадъ своихъ, „послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ лю„бовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея

„горькія объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра Христі-„анскаго, благодарите мать вашу Церковь Каѳолическую, за „то, что Отцы Востока и Запада не устрашились опасностей „пути дальняго, и великодушно сносили труды, дабы присут-„ствовать на семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея „уже не было между Христіанами“. Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя Мѣстоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько дней до того во Флоренціи), семнадцатью Митрополитами, Архіепископами и всѣми бывшими тамъ Святителями ([302]), кромѣ одного Марка Ефесскаго, неумолимаго старца, презрителя угрозъ и корысти. Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подписалъ хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: „и такъ мы ничего не сдѣлали!“ и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія.

Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгеній далъ имъ нѣсколько тысячь флориновъ, обязался прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы толпы богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ Европы моремъ въ Палестину, всегда приставали въ Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителей: Папа включилъ и сію статью въ договоръ; наконецъ съ великою честію отпустилъ Императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Маріи, и видѣть общій мятежъ Духовенства ([303]). Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли держаться его постановленій;

другіе, и большая часть, вопили, что истинная Церковь гибнетъ, и что не Пастыри вѣрные, но измѣнники, ослѣпленные златомъ Римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ, и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патріарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти. Вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ Христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Вѣнценосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользы во вредѣ другихъ и не довѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля, бывъ театромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португаллія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ: Италія церковными дѣлами, торговлею и внутренними распрями. Данія и Швеція, бѣдные людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному, и непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ Державъ Европейскихъ. Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ревность противиться успѣхамъ Амуратова оружія; но Варнская битва, столь несчастная для Короля Владислава, на-долго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными Турками. Еще

духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ Совѣтахъ государственныхъ; но уже не имѣла прежняго единства. Мнимая божественность Папъ исчезла: Соборы, Костницкой и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сіи шумные сонмы Церковной Аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную независимость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своихъ Государствъ Папинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы могъ ли Евгеній ручаться за единодушіе Вѣнценосцевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую Державу, или погибнуть на берегахъ Воспора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II., Государи Западные трепетали въ бездѣйствіи. Тщетно Герой Альбаніи, знаменитый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ съ горстію людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію невѣрныхъ ([304]). — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Церквей отвратить конечную гибель Имперіи Греческой.

Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи; второй съ именемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября ([305]); сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адріатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгрія, въ Будинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему Епархіи Литовскія, Россійскія, Ливонскую, изъясняясь такимъ образомъ: „Исидоръ, милостію Божіею пре„освященный Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, *Легатъ „отъ ребра* (a latere) *Апостольскаго*, всѣмъ и всякому „Христіанину вѣчное спасеніе, миръ и благодать. Возвесели„теся нынѣ о Господѣ: Церковь Восточная и Римская на-

„вѣки совокупился въ древнее мирное единоначаліе. Вы, „добрые Христіане Церкви Константинопольской, Русь, Сербы, „Волохи, и всѣ вѣрующіе во Христа! пріимите сіе святое „соединеніе съ духовною радостію и честію. Будьте истин„ными братьями Христіанъ Римскихъ. Единъ Богъ, едина „Вѣра: любовь и миръ да обитаютъ между вами! А вы, пле„мена Латинскія, также не уклоняйтеся отъ Греческихъ, при„нанныхъ въ Римѣ истинными Христіанами: молитеся въ „ихъ храмахъ, какъ они въ вашихъ будутъ молиться. Испо„вѣдуйте грѣхи свои тѣмъ и другимъ Священникамъ безъ „различія; отъ тѣхъ и другихъ принимайте тѣло Христово, „равно святое и въ прѣсномъ и въ кисломъ хлѣбѣ. Такъ „уставила общая мать ваша, Церковь Каѳолическая,“ и проч.

Исидоръ спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ Духовенство встрѣтило его какъ единственнаго Митрополита всѣхъ Россійскихъ Епархій, и весною 1440 году прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ Папы къ Великому Князю ([206]). Евгеній извѣщалъ его „о благословенномъ успѣхѣ Флорентійскаго Собора, славномъ „въ особенности для Россіи: ибо Архипастырь ея болѣе дру„гихъ способствовалъ оному“. Письмо отъ начала до конца было ласково и скромно. Папа молилъ Василія быть милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ церковные оброки, коими издревле пользовались наши Митрополиты. Духовенство и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали своего Первосвятителя въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Исидоръ явился окруженный многими сановниками: предъ нимъ несли крестъ Латинскій и три серебряныя *палицы*. Россіяне удивились сей новости, и еще болѣе, когда Митрополитъ въ Литургіи помянулъ Евгенія Папу, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, Діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ орарiемъ ставъ на амвонѣ, велегласно прочиталъ грамоту Флорентійскаго Осьмаго Собора, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ нашей Церкви: тогда всѣ, духовные и міряне, въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имя Собора Вселенскаго, Царя Іоанна, и согласіе знатнѣйшихъ православныхъ Іерарховъ Греціи, искони нашихъ учи-

телей, заграждали уста: безмолвствовали Епископы и Вельможи.

Въ семъ общемъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ—Князя Великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы Церкви и мнѣнія Святыхъ Отцевъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣлъ отступленіе Грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обличить беззаконіе, вступилъ въ прѣніе съ Исидоромъ и торжественно наименовалъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ; призвалъ на совѣтъ Епископовъ, Бояръ, искусныхъ въ книжномъ ученіи, и велѣлъ имъ основательно разсмотрѣть Флорентійскую Соборную грамоту. Всѣ прославили умъ Великаго Князя. Святители и Вельможи сказали ему: „Государь! мы дремали; ты одинъ за всѣхъ „бодрствовалъ, открылъ истину, спасъ Вѣру: Митрополитъ „*отдалъ ее на злать* Римскому Папѣ, и возвратился къ „намъ съ ересью“. Исидоръ силился доказывать противное, но безъ успѣха: Василій посадилъ его за стражу въ Чудовѣ монастырѣ, требуя, чтобы онъ раскаялся, отвергнувъ соединеніе съ Латинскою Церковію. Такимъ образомъ хитрость, рѣдкій даръ слова и великій умъ сего честолюбиваго Грека, имѣвъ столь много дѣйствія на Флорентійскомъ Соборѣ, гдѣ ученѣйшая Греція состязалась съ Римомъ, оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ оному, и что неизмѣняемые Догматы отцевъ лучше всякихъ новыхъ мудрованій. Узнавъ же, что Исидоръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря, благоразумный Василій не велѣлъ гнаться за нимъ, ибо не хотѣлъ употребить никакихъ жестокихъ мѣръ противъ сего сверженнаго имъ Митрополита, который, въѣхавъ въ Россію гордо, пышно и величаво, бѣжалъ изъ нее какъ преступникъ, въ страхѣ, чтобы Москвитяне не сожгли его подъ именемъ еретика на кострѣ ([307]).

Исидоръ благополучно достигъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о нашемъ упрямствѣ, и въ награду за свой ревностный подвигъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Думѣ Карди-

наловъ, еще именуясь *Россійскимъ;* а Великій Князь, съ согласія всѣхъ Епископовъ, вторично избравъ Іону въ Митрополиты, (въ 1443 году) отправилъ Боярина Полуехта въ Константинополь съ грамотою къ Царю и Патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего Христіанства со временъ Владиміра, и говоритъ далѣе ([308]): „По кончинѣ блаженнаго „Фотія земля Русская нѣсколько лѣтъ оставалась безъ ду„ховнаго Пастыря, волнуемая нашествіемъ варваровъ и вну„треннимъ междоусобіемъ: наконецъ мы послали къ вамъ „Епископа Рязанскаго, Іону, мужа отъ юныхъ лѣтъ благо„честиваго и добродѣтельнаго, желая, да поставите его въ „Митрополиты; но вы, или отъ замедленія нашего, или слѣдуя „единственно прихоти самовластія, дали намъ Исидора. Богу „извѣстно, что я долго колебался и мыслилъ отвергнуть его; „но ласковая грамота Патріархова, моленіе Посла вашего и „сладкорѣчивое смиреніе Исидорово тронули мое сердце.... „Когда же онъ, вопреки своей клятвѣ, измѣнилъ Православію: тогда мы созвали боголюбивыхъ Святителей нашей „земли, да изберутъ новаго достойнѣйшаго Митрополита, какъ „и прежде, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, у насъ бывало. Но „хотимъ соблюсти обрядъ древній: требуемъ твоего Царскаго „согласія и Патріаршаго благословенія, увѣряя васъ, что ни„когда произвольно не отлучимся отъ Церкви Греческой, до„колѣ стоитъ Держава Русская. И такъ ожидаемъ, что вы „исполните мое прошеніе и не замедлите увѣдомить насъ о „вашемъ здравіи, да возвеселимся духомъ нынѣ и присно и „во вѣки вѣковъ. Аминь“. Сей Посолъ не доѣхалъ до Константинополя: ибо Василій приказалъ ему возвратиться, свѣдавъ тогда, какъ говоритъ Лѣтописецъ, совершенное отступленіе Императора Греческаго отъ истинной Вѣры. Съ того времени Іона первенствовалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея Главою ([309]); а Епископы южной Россіи снова имѣли особеннаго Митрополита, посвященнаго въ Римѣ, именемъ Григорія Болгарина, ученика Исидорова, вмѣстѣ съ нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держались Флорентійскаго Соединенія, которое

въ Литвѣ и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и преимущества Духовенства Латинскаго, подтвержденныя въ 1443 году указомъ Владислава III ([310]). Преемникъ Владиславовъ, Казиміръ, даже уговаривалъ Великаго Князя признать Кіевскаго Іерарха Главою и Московскихъ Епископовъ, представляя, какъ вѣроятно, что духовное единоначаліе утвердитъ благословенный союзъ между сѣверною и южною Россіею; но Святители наши предали Григорія анаѳемѣ. Московская Митрополія осталась независимою, а Кіевская подвластною Риму, будучи составлена изъ Епархій Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Хельмской и Галицкой ([311]).

Такія слѣдствія имѣлъ славный Соборъ Флорентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитники и противники его писали, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее Константинополь, пресѣкло и споры и долговременныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ Догматахъ Православія.

Россіяне имѣли нужду въ мирѣ церковномъ, чтобы великодушнѣе сносить несчастія государственныя, коими Небо скоро посѣтило наше отечество.

Уже осенью въ 1441 году открылась новая вражда между Великимъ Княземъ и Димитріемъ Шемякою, который, свѣдавъ о приближеніи Московскаго войска къ Угличу, бѣжалъ въ Новогородскую область, и, собравъ нѣсколько тысячь бродягъ, вмѣстѣ съ Княземъ Александромъ Чорторижскимъ, выѣхавшимъ къ нему изъ Литвы, внезапно подступилъ къ Москвѣ; хотя Игуменъ Троицкій, Зиновій, примирилъ ихъ; но Шемяка, боясь Василія, далъ знать Новогородцамъ, что желаетъ навсегда къ нимъ переселиться. Они гордо сказали: „Да будетъ, Князь, твоя воля! Если хочешь къ намъ, мы „тебѣ рады; если не хочешь, какъ тебѣ угодно“ ([312]). Сей отвѣтъ или не полюбился ему, или тогдашнія обстоятельства Новагорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища: Шемяка остался въ своемъ Удѣлѣ. Новая вражда.

г. 1443-1445. Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не имѣлъ ни твердаго правленія, ни ясной политической системы. Въ 1442 году народъ, безъ всякаго доказательства обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, жегъ ихъ на кострахъ, топилъ въ Волховѣ, побивалъ каменьемъ. Худые урожаи и десятилѣтняя дороговизна приводили гражданъ въ отчаяніе.

Дѣла Новгородскія „Вопль и стенаніе (говоритъ Лѣтописецъ) раздавались на „площадяхъ и на улицахъ; бѣдные шатались какъ тѣни, па„дали, умирали, дѣти предъ родителями, отцы и матери „предъ дѣтьми; одни бѣжали отъ голода въ Литву, или въ „землю Нѣмецкую, или во Псковъ; другіе изъ хлѣба шли „въ рабство къ купцамъ Магометанской и Жидовской Вѣры. „Не было правды ни въ судахъ, ни во градѣ. Возстали „ябедники, лжесвидѣтели, грабители; наши старѣйшины утра„тили честь свою, и мы сдѣлались поруганіемъ для сосѣ„довъ“ ([313]). Къ симъ народнымъ бѣдствіямъ присоединились внѣшнія опасности. Слабая Держава можетъ существовать только союзомъ съ сильными: ослѣпленный Новгородъ досаждалъ всѣмъ и не имѣлъ друзей. Одинъ изъ Князей Суздальскихъ, Василій Юрьевичь, внукъ Кирдяпинъ и наслѣдственный врагъ Москвы, былъ ласково принятъ Новогородцами и начальствовалъ у нихъ въ Ямѣ. Къ неудовольствію же Великаго Князя они вызвали изъ Литвы внука Ольгердова, Іоанна Владиміровича, и дали ему свои пригороды въ угодность Казимиру; между тѣмъ не угодили и послѣднему. Казимиръ хотѣлъ, чтобы они взяли отъ него Намѣстниковъ въ свою столицу и явно отложились отъ Василія Васильевича, говоря: „для васъ единственно я не заключилъ съ нимъ мира; „поддайтесь мнѣ, и вы будете со всѣхъ сторонъ безопасны ([313]). Новогородцы, еще не расположенные измѣнить Русскому отечеству, посмѣялись надъ властолюбіемъ Казимира: отпустили Іоанна въ Литву, и вторично приняли къ себѣ Лугвеніева сына, Юрія, бывшаго въ Москвѣ. Тщетно Псковитяне искали ихъ дружбы и давали имъ примѣръ благоразумія, стараясь быть въ тѣсной связи съ Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти сѣверо-западную Россію отъ хищности

иноплеменниковъ. Князья — иногда Россійскіе, иногда Литовскіе — начальствовали во Псковѣ, но всегда именемъ Великаго Князя, съ его согласія, и присягали въ вѣрности сперва ему, а потомъ народу. Слѣдуя инымъ правиламъ, Новогородцы видѣли въ гражданахъ сей области уже не братьевъ, а слугъ Московскихъ, и своихъ совмѣстниковъ въ выгодахъ Нѣмецкой торговли. Тѣ и другіе воевали, мирились, заключали договоры особенно съ Державами иноземными, не думая о благѣ общемъ. Новогородцы въ 1442 году взяли всѣхъ Нѣмецкихъ купцевъ подъ стражу ([315]): Псковитяне дружелюбно торговали съ Ганзою. Въ Шведской Финляндіи властвовалъ тогда Государственный Маршалъ, Карлъ Кнутсонъ, получивъ ее въ Удѣлъ отъ Верховнаго Совѣта и Короля: онъ жилъ въ Выборгѣ, и стараясь ничѣмъ не оскорблять Новогородцевъ, злобился на Псковитянъ, которые повѣсили нѣсколько Чухонцевъ за воровство въ землѣ своей: мстилъ имъ, безъ объявленія войны бралъ людей въ плѣнъ и требовалъ окупа. Въ 1443 году Магистръ Ливонскаго Ордена, Финке фонъ-Обербергенъ, возобновилъ миръ съ областію Псковскою на 10 лѣтъ и былъ непріятелемъ Новогородцевъ: сжегъ предмѣстіе Ямы, и велѣлъ сказать имъ какъ бы въ насмѣшку, что не онъ, а Герцогъ Клевскій изъ заморья воюетъ Россію.

Такъ сказано въ нашей лѣтописи: бумаги Нѣмецкаго Ордена, хранящіяся въ древнемъ Кенигсбергскомъ Архивѣ, объясняютъ для насъ сей предлогъ войны съ ея достопамятными обстоятельствами ([316]). Еще въ 1438 году Великій Магистръ Нѣмецкій писалъ къ Новогородскому Князю Юрію, чтобы онъ благосклонно принялъ юнаго Принца Клевскаго, Эбергарда, ѣдущаго въ Палестину черезъ Россію, и доставилъ ему всѣ способы для пути безопаснаго; но Эбергардъ возвратился въ Ригу съ жалобами на претерпѣнныя имъ въ Новогородской землѣ оскорбленія. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, безъ ихъ вѣдома, начало непріятельскія дѣйствія. Финке увѣрялъ что Орденъ желаетъ единственно удовлетворенія за обиду Принца Клевскаго и за многія другія, сдѣланныя Нѣмцамъ *безпо-*

койными, наглыми Россіянами, любящими отнимать чужое и жаловаться. Великій Герцогъ Литовскій, Казимиръ былъ между ими посредникомъ, величаясь именемъ *Государя Новогородцевъ*, единственно по тому, что они со временъ Гедиминовыхъ принимали къ себѣ Литовскихъ Князей въ областные начальники; но Финке, благосклонно встрѣтивъ Казимировыхъ Пословъ, не устыдился взять подъ стражу Новогородскаго, даже ограбилъ его и выслалъ *нагаго* изъ Ливоніи. — Раздраженные Новогородцы опустошили Ливонскія селенія за Наровою: Нѣмцы землю Водскую, берега Ижеры и Невы; опять приступили къ Ямѣ и хотѣли пушками разрушить ея стѣны, но черезъ пять дней сняли осаду. Нѣмецкіе Лѣтописцы прибавляютъ, что Россіяне заманили Магистра въ какое то ущелье и побили у него множество воиновъ; что онъ, желая отмстить имъ новымъ впаденіемъ въ ихъ предѣлы, возвратился съ новою неудачею и стыдомъ ([317]). Не смотря на то, гордый Финке вторично отвергнулъ мирныя предложенія Новогородцевъ, сказавъ ихъ Посламъ въ Ригѣ, что не заключитъ мира, если они не уступятъ ему всей рѣки Наровы съ островомъ. Доселѣ дѣйствовавъ только собственными силами, Ливонцы предпріяли наконецъ вооружить на Россіянъ знатную часть Европы, посредствомъ Великаго Магистра Прусскаго, бывшаго въ тѣсной связи съ Римомъ и съ Государями Сѣверными; хотѣли уже не грабежа, не маловажныхъ сшибокъ, но рѣшительнаго удара. Въ 1447 году Орденъ заключилъ договоръ съ Королемъ Даніи, Норвегіи и Швеціи, Христофоромъ, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую: Нѣмцамъ взять Копорье и Нейшлотъ, Шведамъ Орѣховъ, Ландскрону, и проч. Великій Магистръ Прусскій убѣждалъ Папу содѣйствовать молитвою и деньгами къ усмиренію *невѣрныхъ* Россіянъ; писалъ къ Императору, къ Курфирстамъ, и вызывалъ изъ Германіи всѣхъ православныхъ витязей служить Богу и Его матери, казнить *отступниковъ злочестивыхъ* на берегахъ Волхова; писалъ также ко всѣмъ городамъ Ганзейскимъ, къ Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцамъ своимъ возить хлѣбъ въ Новгородъ. Вооруженныя Ливонскія суда заняли

Неву и брали въ добычу всякой нагруженный съѣстными припасами корабль, идущій въ Ладожское озеро, не исключая ни союзныхъ Шведскихъ, ни Прусскихъ. Войско Нѣмецкаго Ордена отправилось моремъ изъ Данцига и сухимъ путемъ изъ Мемеля къ Нарвѣ: пѣхота, конница и пушкари, съ Рыцаремъ Генрихомъ, искуснымъ въ употребленіи огнестрѣльнаго снаряда. Въ Бранденбургѣ, Эльбингѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ городахъ Прусскихъ народъ торжественно молился о счастливомъ успѣхѣ *Христіанскаго оружія противъ язычниковъ* (contra paganos) Новогородскихъ и союзниковъ ихъ, *Москвитянъ Волоховъ* и *Татаръ*: Латинскія Обѣдни и церковные ходы долженствовали склонить Небо къ совершенному истребленію сей Россійской народной Державы, болѣе именемъ, нежели силами *великой*, опустошенной тогда голодомъ и болѣзнями.

Какія были слѣдствія мѣръ столь важныхъ и грозныхъ? Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано единственно, что Ливонскіе Рыцари, Король Шведскій и *Прусскій* (то есть, Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена) въ 1448 году имѣвъ битву съ Новогородцами на берегахъ Наровы, ушли назадъ; а Двиняне близъ Неноксы разбили Шведовъ, которые приходили туда моремъ изъ Лапландіи ([318]). — Ни *Татары* ни *Волохи*, ни *Москвитяне* не помогали Новугороду. „Я даю ему Князей, „но безъ войска,“ писалъ Казимиръ къ Нѣмцамъ. Въ бумагахъ Орденскихъ упоминается только о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который въ 1447 году ѣхалъ изъ Моравіи *съ шестью стами всадниковъ* на помощь къ Новогородскому Князю Юрію, сыну Лугвеніеву,

Въ сіе Время Новогородцы имѣли еще двухъ непріятелей: Князь Борисъ Тверскій безжалостно грабилъ ихъ землю, и народъ Югорскій, угнетаемый ими, объявилъ себя независимымъ. Воеводы Двинскіе, Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, пришли къ нимъ съ тремя тысячами воиновъ. Жители употребили хитрость. „Дайте намъ время собрать дань „говорили они: сдѣлавъ расчетъ между собою, мы покажемъ „вамъ урочища и станы;“ но усыпивъ Россіянъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ наголову. Новогородцы оружіемъ усми-

рили сихъ бунтующихъ данниковъ, а Князя Тверскаго старались усовѣстить словами дружелюбными; заключили наконецъ союзъ съ добрыми Псковитянами и перемиріе съ Нѣмцами на 25 лѣтъ ([319])-

Войны. Гораздо важнѣйшія происшествія ожидаютъ насъ въ Московскомъ Великомъ Княженіи. Смерть Витовта, дѣда, опекуна Василіева, уничтоживъ связь притворнаго дружества между Литвою и нашимъ Государствомъ, возобновила ихъ естественную, взаимную ненависть другъ ко другу, еще усиленную раздоромъ Церковнымъ. Непріятели Казимировы искали убѣжища въ Москвѣ: сынъ Лугвеніевъ, Князь Юрій, выѣхавъ изъ Новагорода, и занявъ вооруженною рукою Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, но будучи не въ силахъ противиться Казимиру, бѣжалъ къ Великому Князю. Однакожь войны не было до 1444 года: въ сіе время зимою, Василій послалъ двухъ служащихъ ему Царевичей Могольскихъ на Брянскъ и Вязьму. Нечаянность ихъ впаденія благопріятствовала успѣху, если можно назвать успѣхомъ грабежъ и кровопролитіе безполезное: Татары и Москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 Литовцевъ, предводимыхъ семью Панам, разорили беззащитныя окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Вореи. Собралось нѣсколько сотъ Россіянъ подъ начальствомъ Воеводъ Можайскаго, Верейскаго и Боровскаго: презирая многочисленность непріятеля, они смѣло ударили на Казимировыхъ Пановъ въ Суходровѣ, и были разбиты. Впрочемъ Литовцы, не взявъ ни одного города удалились съ плѣнниками ([320]).

Великій Князь не могъ отразить ихъ для того, что имѣлъ дѣло съ другимъ непріятелемъ. Царевичь Золотой Орды, именемъ Мустафа, желая добычи, вступилъ въ Рязанскую область, плѣнилъ множество безоружныхъ людей, и взявъ за нихъ окупъ, ушелъ; но скоро опять возвратился къ Переславлю, требуя уже не денегъ, а только убѣжища. Настала зима необыкновенно холодная, съ глубокими снѣгами, жестокими морозами и вьюгами: Татары не могли достигнуть Улусовъ, лишились коней и сами умирали въ полѣ. Граждане

Переславскіе. не смѣя отказать имъ, впустили ихъ въ свои жилища: однакожь не надолго: ибо Василій послалъ Князя Оболенскаго съ Московскою дружиною и съ Мордвою выгнать Царевича изъ нашихъ предѣловъ ([321]). Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати Великокняжеской, по требованію первыхъ вышелъ изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани и спокойно ожидалъ непріятелей. Съ одной стороны наступили на него Воеводы Московскіе съ конницею и пѣхотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; съ другой Рязанскіе *Козаки* и Мордва на лыжахъ (*), съ сулицами, копьями и саблями. Татары, цѣпенѣя отъ сильнаго холода, не могли стрѣлять изъ луковъ, и не смотря на свою малочисленность, смѣло пустились въ ручной бой. Они конечно не имѣли средства спастися бѣгствомъ; но отъ нихъ зависѣло отдаться въ плѣнъ безъ кровопролитія: Мустафа не хотѣлъ слышать о такомъ стыдѣ, и бился до изнуренія послѣднихъ силъ. Никогда Татары не изъявляли превосходнѣйшаго мужества: одушевленные словами и примѣромъ начальника, рѣзались какъ изступленные и бросались грудью на копья. Мустафа палъ Героемъ, доказавъ, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсѣмъ застыла въ сердцѣ Моголовъ; другіе также легли на мѣстѣ; плѣнниками были одни раненые. и побѣдители, къ чести своей, завидовали славѣ побѣжденныхъ. — Чрезъ нѣсколько времени Татары Золотой Орды — желая, какъ вѣроятно, отмстить за Мустафу — воевали области Рязанскія и Мордовскія; но не сдѣлали ничего важнаго.

Храбрость Мустафа.

Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, Царь Казанскій, Улу-Махметъ; взялъ старый Новгородъ Нижній, оставленный безъ защиты, и шелъ къ Мурому ([322]). Великій Князь собралъ войско: Шемяка, Іоаннъ Андреевичь Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославичь Боровскій, внукъ Владиміра Храбраго, находились подъ Московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовый отрядъ

Нашествіе Царя Казанскаго

(*) «*Ртахъ:* это родъ сапокъ? Сибирск.» (Отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Росс.).

нашъ разбилъ Татаръ близъ Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за Царемъ, Великій Князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній Новгородъ,ославъ двухъ сыновей, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать ихъ. Василій Васильевичъ съ одною Московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтили его Воеводы Нижегородскіе: долго терпѣвъ недостатокъ въ хлѣбѣ, они зажгли крѣпость и ночью бѣжали оттуда. Чрезъ нѣсколько дней присоединились къ Москвитянамъ Князья Можайскій, Верейскій и Боровскій, но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а Царевичь Бердата, другъ и слуга Россіянъ,
Іюля 6. еще оставался назади ([323]). Великій Князь расположился станомъ близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ: слыша, что непріятель идетъ, воины одѣлись въ латы, и поднявъ знамена, изготовились къ битвѣ; но долго ждавъ Моголовъ, возвратились въ станъ. Василій ужиналъ и пилъ съ Князьями до полуночи; а въ слѣдующій день, по восхожденіи солнца отслушавъ Заутреню, снова легъ спать. Тутъ узнали о переправѣ непріятеля черезъ рѣку Нерль: сдѣлалась общая тревога. Великій Князь, схвативъ оружіе, выскочилъ изъ шатра, и въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ, при звукѣ трубъ, съ распущенными хоругвями. Но сіе шумное ополченіе, предводимое внуками Донскаго и Владиміра Храбраго, состояло не болѣе, какъ изъ 1500 Россіянъ, если вѣрить Лѣтописцу; силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства; земля оскудѣла не людьми, но умомъ Правителей.

Впрочемъ сія горсть людей казалась сонмомъ Героевъ, текущихъ къ вѣрной побѣдѣ. Князья и воины не уважали Татаръ; видѣли ихъ превосходную силу, и вопреки благоразумію схватились съ ними на чистомъ полѣ близъ монастыря Евфиміева. Непріятель былъ вдвое многочисленнѣе ([324]); од-

накожь Россіяне первымъ ударомъ обратили его въ бѣгство, можетъ быть притворное: онъ хотѣлъ, кажется, чтобы наше войско разстроилось. По крайней мѣрѣ такъ случилось: Москвитяне, видя тылъ непріятельской рати, устремились за нею безъ всякаго порядка: всякой хотѣлъ единственно добычи; кто обдиралъ мертвыхъ, кто безъ памяти скакалъ впередъ, чтобы догнать обозъ Царевичей или брать плѣнниковъ. Татары вдругъ остановились, поворотили коней и со всѣхъ сторонъ окружили мнимыхъ побѣдителей, разсѣянныхъ, изумленныхъ. Еще Князья наши старались возстановить битву; сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно; вездѣ число одолѣло, и Россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 Моголовъ, были истреблены. Самъ Великій Князь, личнымъ мужествомъ заслуживъ похвалу — имѣя прострѣленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плеча и грудь синія отъ ударовъ—отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ и знатнѣйшими Боярами. Іоаннъ Можайскій, оглушенный сильнымъ ударомъ, лежалъ на землѣ: оруженосцы посадили его на другаго коня и спасли. Василій Ярославичь Боровскій также ушелъ; но весьма не многіе имѣли сіе счастіе. Смерть или неволя были жребіемъ остальныхъ. Царевичи выжгли еще нѣсколько селъ, два дни отдыхали въ монастырѣ Евфиміевѣ, и снявъ тамъ съ несчастнаго Василія златые кресты, послали оные въ Москву, къ его матери и къ супругѣ, въ знакъ своей побѣды ([325]). Плѣнъ Великаго Князя.

Столица наша затрепетала отъ сей вѣсти: Дворъ и народъ вопили. Москва видала ея Государей въ злосчастіи и въ бѣгствѣ, но никогда не видала въ плѣну. Ужасъ господствовалъ повсюду. Жители окрестныхъ селеній и пригородовъ, оставляя домы, искали убѣжища въ стѣнахъ Кремлевскихъ: ибо ежечастно ждали нашествія варваровъ, обманутые слухомъ о силѣ Царевичей. Новое бѣдствіе довершило жалостную судьбу Москвитянъ и пришельцевъ: ночью сдѣлался пожаръ внутри Кремля, столь жестокій, что не осталось ни одного деревяннаго зданія въ цѣлости: самыя каменныя церкви и стѣны въ разныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около трехъ тысячь человѣкъ и множе- Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Іюля 14.

ство всякаго имѣнія ([326]). Мать и супруга Великаго Князя съ Боярами спѣшили удалиться отъ сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣхали въ Ростовъ, предавъ народъ отчаянію въ жертву. Не было ни Государя, ни правленія, ни столицы. Кто могъ, бѣжалъ; но многіе не знали, гдѣ найти пристанище, и не хотѣли пускать другихъ. Чернь въ шумномъ совѣтѣ положила укрѣпить городъ: избрали властителей; запретили бѣгство; ослушниковъ наказывали и вязали; починили городскія ворота и стѣны; начали строить и жилища. Однимъ словомъ, народъ самъ собою возстановилъ и порядокъ изъ безначалія и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и Государя. — Между тѣмъ, пользуясь ея сиротствомъ и несчастіемъ, хищный Князь Борисъ Александровичь Тверскій прислалъ Воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцевъ Московскихъ ([327]).

Разбой Князя Тверскаго.

Не смотря на пороки или недостатки Василія, Россіяне Великаго Княженія видѣли въ немъ единственнаго законнаго Властителя и хотѣли быть ему вѣрными: плѣнъ его казался имъ тогда главнымъ бѣдствіемъ. Царевичи, хотя и побѣдители, вмѣсто намѣренія итти къ Москвѣ — чего она въ безразсудномъ страхѣ ожидала — мыслили единственно какъ можно скорѣе удалиться съ добычею и съ важнымъ плѣнникомъ, имѣя столь мало войска. Отъ Суздаля они пришли къ Владиміру ([328]); но только погрозивъ жителямъ, чрезъ Муромъ возвратились къ отцу въ Нижній. Самъ Махметъ опасался Россіянъ и не разсудилъ за благо остаться въ нашихъ предѣлахъ: зная расположеніе Шемяки, отправилъ къ нему Посла, именемъ Бигича, съ дружескими увѣреніями; а самъ отступилъ къ Курмышу, взявъ съ собою Великаго Князя и Михаила Верейскаго.

Августа 25.

Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику. Онъ принялъ Царскаго Мурзу съ величайшею ласкою; угостилъ и послалъ съ нимъ къ Махмету Дьяка Ѳеодора Дубенскаго для окончанія договоровъ. Дѣло шло о томъ, чтобы Василію быть въ вѣчной неволѣ, а Шемякѣ Великимъ Княземъ подъ верховною Властію Царя Казанскаго. Но Махметъ, долго не имѣвъ вѣсти о Бигичѣ, вообразилъ или повѣрилъ

слуху, что Шемяка убилъ его и хочетъ господствовать въ Россіи независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемѣнѣ въ судьбѣ Василія. Одинъ изъ Князей Болгарскихъ или Могольскихъ, именемъ Либей, завладѣлъ тогда Казанью (послѣ онъ былъ умерщвленъ сыномъ Ханскимъ, Мамутекомъ). Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, Царь совѣтовался съ ближними, призвалъ Великаго Князя, и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно умѣреннаго окупа и благодарности ([329]). Василій, прославивъ милость Неба и Царскую, выѣхалъ изъ Курмыша съ Княземъ Михаиломъ, съ Боярами и со многими Послами Татарскими, коимъ надлежало проводить его до столицы; отправилъ гонца въ Москву къ Великимъ Княгинямъ и самъ въ слѣдъ за нимъ спѣшилъ въ любезное отечество. Между тѣмъ Дьякъ Шемякинъ и Мурза Бигичь плыли Окою отъ Мурома къ Нижнему: услышавъ о свободѣ Великаго Князя, они возвратились отъ Дудина монастыря въ Муромъ, гдѣ Намѣстникъ, Князь Оболенскій, взялъ Бигича подъ стражу. Октября 1. Освобожденіе Василія.

Въ тотъ самый день, когда Царь отпустилъ Василія въ Россію—1 Октября—Москва испытала одинъ изъ главныхъ естественныхъ ужасовъ, весьма необыкновенный для странъ сѣверныхъ: землетрясеніе. Въ шестомъ часу ночи поколебался весь городъ, Кремль и посадъ, домы и церкви; но движеніе было тихо и непродолжительно: многіе спали и не чувствовали онаго; другіе обезпамятѣли отъ страха, думая, что земля отверзаетъ нѣдра свои для поглощенія Москвы ([330]). Нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили въ домахъ и на Красной площади; считали сей феноменъ предтечею какихъ нибудь новыхъ государственныхъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе обрадовались нечаянному извѣстію о прибытіи Великаго Князя. Не только въ столицѣ, но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ добрые подданные веселились какъ въ день свѣтлаго праздника, и спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переславлѣ нашелъ Василій мать, супругу, сыновей своихъ, многихъ Князей, Бояръ, Дѣтей Боярскихъ и вообще столько ратныхъ людей, что могъ бы смѣло итти съ ними на силь- Землетрясеніе.

нѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная встрѣча напомнила величіе Героя Димитрія, привѣтствуемаго народомъ послѣ Донской битвы: дѣдъ плѣнялъ Россіянъ славою, внукъ трогалъ сердца своимъ несчастіемъ и неожидаемымъ спасеніемъ.—Но Василій (17 Ноября) съ горестію въѣхалъ въ столицу, медленно возникающую изъ пепла; вмѣсто улицъ и зданій видѣлъ пустыри; самъ не имѣлъ дворца, и живъ нѣсколько времени за городомъ въ домѣ своей матери, на Ваганковѣ, занялъ въ Кремлѣ дворъ Князя Литовскаго, Юрія Патрикіевича.

Злодѣйство Шемяки.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ судьбою сему Великому Князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютѣйшее, въ доказательство, что и на самой землѣ бываетъ возмездіе по дѣламъ каждаго. Опасаясь Василія, Димитрій Шемяка бѣжалъ въ Угличь, но съ намѣреніемъ погубить неосторожнаго врага своего, который, еще не вѣдая тогда всей его злобы и повѣривъ ложному смиренію, новою договорною грамотою утвердилъ съ нимъ миръ ([331]). Димитрій вступилъ въ тайную связь съ Іоанномъ Можайскимъ, Княземъ слабымъ, жестокосердымъ, легкомысленнымъ, и безъ труда увѣрилъ его, что Василій будто бы клятвенно обѣщалъ все Государство Московское Царю Махмету, а самъ намѣренъ властвовать въ Твери. Скоро присталъ къ нимъ и Борисъ Тверскій, обманутый симъ вымысломъ, и страшась лишиться Княженія ([332]). Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершаго Константина Димитріевича, завистники Бояръ Великокняжескихъ; сыскались измѣнники и въ Москвѣ, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимаго: въ числѣ ихъ находились Боярин Иванъ Старковъ, нѣсколько купцевъ, Дворянъ, даже Иноковъ. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладѣть столицею и схватить Великаго Князя; наблюдали всѣ его движенія и ждали удобнаго случая.

г. 1446. Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую обитель ([333]), славную добродѣтелями и мощами Св. Сергія, взявъ съ собою двухъ сыновей съ малымъ чи-

сломъ придворныхъ. Заговорщики немедленно дали о томъ вѣсть Шемякѣ и Князю Можайскому, Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12 ночью они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ; всѣ спали: бодрствовали только измѣнники, и безъ шума отворили имъ ворота. Князья вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, многихъ вѣрныхъ Бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой Лаврѣ.

Великій Князь, ничего не зная, слушалъ Обѣдню у гроба Св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ Дворянинъ, именемъ Бунко, и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не вѣритъ. Сей Дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ. „Вы только мутите насъ,“ отвѣтствовалъ Василій: „я въ мирѣ съ братьями“ ([834])—и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на Московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего Князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками, и спрятавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо взъѣхавъ на гору, остановился: цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ—они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей, и не находитъ ничего готоваго; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви: пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными:

самъ Іоаннъ Можайскій подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: „Братъ любезный! помилуй! Не ли„шай меня святаго мѣста: никогда не выду отсюда: здѣсь „постригуся; здѣсь умру“. Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна, и сказалъ ему: „Братъ и другъ мой! жи„вотворящимъ крестомъ и сею иконою, въ сей церкви, надъ „симъ гробомъ Преподобнаго Сергія клялися мы въ любви „и вѣрности взаимной; а что теперь дѣлается надо мною, не „понимаю“. Іоаннъ отвѣтствовалъ: „Государь! если захотимъ „тебѣ зла, да будетъ и намъ зло. Нѣтъ желаемъ единственно „добра Христіанству, и поступаемъ такъ съ намѣреніемъ „устрашить Махметовыхъ слугъ, пришедшихъ съ тобою, чтобы „они уменьшили твой окупъ“. Великій Князь поставилъ икону на ея мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйти изъ церкви, и тихо сказалъ Боярину Шемякину, Никитѣ: „возьми его!“ Василій всталъ и спросилъ: „гдѣ братъ „мой, Іоаннъ?“ *Ты плѣнникъ Великаго Князя, Димитрія Юрьевича*, отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руки. „Да „будетъ воля Божія!“ сказалъ Василій. Жестокій Вельможа посадилъ несчастнаго Князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то Монахомъ и повезъ въ столицу; а Московскихъ Бояръ всѣхъ оковали цѣпями: другихъ же слугъ Великокняжескихъ ограбили и пустили нагихъ.

Февраля 16. Ослѣпленіе Великаго Князя.

На другой день привезли Василія въ Москву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ, на четвертый день, ночью, ослѣпили Великаго Князя, отъ имени Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго, которые велѣли ему сказать: „для чего любишь Татаръ и „даешь имъ Русскіе города въ кормленіе? для чего серебромъ „и золотомъ Христіанскимъ осыпаешь невѣрныхъ? для чего „изнуряешь народъ податями? для чего ослѣпилъ ты брата

„нашего, Василія Косаго?“—Вмѣстѣ съ супругою отправили Великаго Князя въ Угличь, а мать его Софію въ Чухлому. Сыновья же Василіевы, Іоаннъ и Юрій, подъ защитою своей невинности спаслися отъ гонителей: пѣстуны сокрыли ихъ въ монастырѣ и ночью уѣхали съ ними къ Князю Ряполовскому, Ивану, въ село Боярово, не далеко отъ Юрьева ([335]). Сей вѣрный Князь съ двумя братьями, Симеономъ и Димитріемъ, вооружился, собралъ людей, сколько могъ, и повезъ младенцевъ, надежду Россіи, въ Муромъ, укрѣпленный и безопаснѣйшій другихъ городовъ.

Ужасъ господствовалъ въ Великомъ Княженіи. Оплакивали судьбу Василія, гнушались Шемякою. Князь Боровскій, Василій Ярославичь, братъ Великой Княгини Маріи, не хотѣвъ остаться въ Россіи послѣ такого злодѣянія, отъѣхалъ въ Литовскую землю, гдѣ Казимиръ далъ ему въ Удѣлъ Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль. Но Дворяне Московскіе, хотя и съ печальнымъ сердцемъ, присягнули Димитрію Шемякѣ, всѣ, кромѣ одного, именемъ Ѳедора Басенка, торжественно объявившаго, что не будетъ служить варвару и хищнику. Димитрій велѣлъ оковать его: Басенокъ ([336]) ушелъ изъ темницы въ Литву со многими единомышленниками къ Василію Ярославичу, который сдѣлалъ его и Князя Симеона Ивановича Оболенскаго начальниками въ Брянскѣ. Шемяка, принявъ на себя имя Великаго Князя, отдалъ Суздаль презрительному сподвижнику своему, Іоанну Можайскому; но скоро взялъ у него назадъ сію область и въ слѣдствіе письменнаго договора уступилъ, вмѣстѣ съ Нижнимъ, съ Городцемъ и даже съ Вяткою, какъ законную наслѣдственную собственность, внукамъ Кирдяпинымъ, Василію и Ѳеодору Юрьевичамъ; то есть, безсмысленно хотѣлъ уничтожить полезное дѣло Василія I, присоединившаго древнее Суздальское Княженіе къ Москвѣ. Въ договорной грамотѣ Шемяка, предоставивъ себѣ единственно честь старѣйшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно ихъ прадѣду Димитрію Константиновичу, тестю Донскаго, господствовали независимо и сами управлялись съ Ордою ([337]); обѣ стороны равно обязываются не входить ни

въ какіе особенные переговоры съ несчастнымъ слѣпцемъ Василіемъ; села и земли, купленныя Московскими Боярами вокругъ Суздаля, Городца, Нижняго, долженствовали безденежно возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклоннымъ къ двумъ изгнанникамъ, которые, не хотѣвъ служить Василію Темному, скитались по Россіи изъ мѣста въ мѣсто? Онъ боялся народной ненависти и малодушно искалъ опоры въ сихъ братьяхъ, изъ коихъ старшій, служа Новугороду, отличился въ битвѣ съ Нѣмцами и славился храбростію. Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность Москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемякинѣ*, донынѣ употребительной ([338]).

Безразсудность Шемяки.

Пословица.

Онъ не умертвилъ Великаго Князя единственно для того, что не имѣлъ дерзости Святополка I; лишивъ его зрѣнія, оправдывался закономъ мести и собственнымъ примѣромъ Василія, который ослѣпилъ Шемякина брата. Но Москвитяне — соглашаясь, что несчастіе Василіево было явнымъ попущеніемъ Божіимъ — усердно молили Небо избавить ихъ отъ Властителя недостойнаго; воспоминали добрыя качества слѣпца: его ревность въ Правовѣріи, судъ безъ лицепріятія, милость къ Князьямъ Удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ. Лазутчики Димитрія въ столицѣ, на площади, въ домахъ Бояръ и гражданъ, видѣли печаль, слышали укоризны; даже многіе города не поддавались ему. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало Шемякѣ показать смѣлую рѣшительность: къ счастію, злодѣи не всегда имѣютъ оную; устрашаются крайности, и не достигаютъ цѣли. Онъ боялся младенцевъ Великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ Князьями Ряполовскими, вѣрными Боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотѣлъ употребить насилія: призвалъ въ Москву Рязанскаго Епископа Іону, и сказалъ ему: „Мужъ святый! обѣщаю доста-

„вить тебѣ санъ Митрополита; но прошу твоей услуги. Иди „въ свою Епископію, въ городъ Муромъ; *возьми* дѣтей Ве„ликаго Князя *на свою епитрахиль* и привези ко мнѣ: я „готовъ на всякую милость; выпущу отца ихъ; дамъ имъ „Удѣлъ богатый, да господствуютъ въ ономъ и живутъ въ „изобиліи“. Іона, не сомнѣваясь въ его искренности, отправился въ Муромъ, и ревностно старался успѣть въ Димитріевомъ порученіи. Бояре колебались. „Если не послушаемъ Свя„тителя“ — думали они — „то Димитрій силою возметъ Му„ромъ и дѣтей Великокняжескихъ: что будетъ съ ними, съ „несчастнымъ ихъ родителемъ и съ нами?“ Бояре требовали клятвы отъ Іоны, и привели младенцевъ въ храмъ Богоматери, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, торжественно принялъ ихъ съ церковной пелены на свою епитрахиль, въ удостовѣреніе, что Димитрій не сдѣлаетъ имъ ни малѣйшаго зла ([339]). Князья Ряполовскіе и друзья ихъ, успокоенные обрядомъ священнымъ, сами поѣхали съ драгоцѣннымъ залогомъ къ Шемякѣ, бывшему тогда въ Переславлѣ. Сей лицемѣръ пла- Маія 9
калъ будто бы отъ умиленія: ласкалъ, цѣловалъ юныхъ невинныхъ племянниковъ; угостилъ обѣдомъ и дарами, а на третій день отправилъ съ тѣмъ же Іоною къ отцу въ Угличь. Іона возвратился въ Москву и занялъ домъ Митрополитскій; но Василій и семейство его остались подъ стражею. Шемяка не исполнилъ обѣта.

Сіе вѣроломство изумило Бояръ: добрые Князья Ряполов- Вѣроломство.
скіе были въ отчаяніи. „Не дадимъ веселиться злобѣ“, сказали они и рѣшились низвергнуть Димитрія. Къ нимъ пристали Князь Иванъ Стрига Оболенскій, Вельможа Ощера и многіе Дѣти Боярскіе ([340]): условились съ разныхъ сторонъ итти къ Угличу; въ одинъ день и часъ явиться подъ его стѣнами, овладѣть городомъ, освободить Василія. Заговоръ не имѣлъ совершеннаго успѣха; однакожь произвелъ счастливое дѣйствіе. Узнавъ намѣреніе Ряполовскихъ, тайно выѣхавшихъ изъ Москвы, Димитрій отправилъ Воеводу своего въ догонъ за ними; но сіи мужественные витязи разбили дружину Шемякину, и видя, что умыселъ ихъ открылся, поѣхали въ

Литву къ Василію Ярославичу Боровскому, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять мѣры въ пользу Великаго Князя. Они проложили туда путь всѣмъ ихъ многочисленнымъ единомышленникамъ: изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію, проклиная Шемяку, который трепеталъ въ Московскомъ дворцѣ, ежедневно получая вѣсти о всеобщемъ негодованіи народа. Призвавъ Епископовъ, онъ совѣтовался съ ними и съ Княземъ Іоанномъ Можайскимъ, освободить ли Василія? чего неотступно требовалъ Іона, говоря ему: „Ты „нарушилъ уставъ правды; ввелъ меня въ грѣхъ, постыдилъ „мою старость. Богъ накажетъ тебя, если не выпустишь Ве„ликаго Князя съ семействомъ и не дашь имъ обѣщаннаго „Удѣла. Можешь ли опасаться слѣпца и невинныхъ младен„цевъ? Возьми клятву съ Василія, а насъ Епископовъ во „свидѣтели, что онъ никогда не будетъ врагомъ твоимъ“. Шемяка долго размышлялъ; наконецъ согласился.

Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія. Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Василіеву Крестомъ и Евангеліемъ, такъ, чтобы не оставить ему на выборъ ничего, кромѣ рабскаго смиренія или ада; пріѣхалъ въ Угличъ со всѣмъ Дворомъ, съ Князьями, Боярами, Епископами, Архимандритами; велѣлъ позвать Василія, обнялъ его дружески, винился, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ прощенія великодушнаго. „Нѣтъ!“ отвѣтствовалъ Великій Князь съ сердечнымъ умиленіемъ: „я одинъ во всемъ виновенъ; по„страдалъ за грѣхи мои и беззаконія; излишно любилъ славу „міра и преступалъ клятвы; гналъ васъ, моихъ братьевъ; „губилъ Христіанъ и мыслилъ еще изгубить многихъ; однимъ „словомъ, заслуживалъ казнь смертную. Но ты, Государь, „явилъ милосердіе надо мною и далъ мнѣ средство къ по„каянію“. Слова лились рѣкою вмѣстѣ съ слезами; видъ, голосъ, подтверждали ихъ искренность. Шемяка былъ совершенно доволенъ; всѣ другіе плакали, славя Ангельское сми-

Смиреніе Василія.

реніе души Василіевой. Можетъ быть, Великій Князь дѣйствительно говорилъ и чувствовалъ одно въ порывѣ Христіанской набожности, которая питается уничиженіемъ земной гордости. Обрядъ крестнаго цѣлованія заключился великолѣпною трапезою у Шемяки: Василій обѣдалъ у него съ супругою и съ дѣтьми, со всѣми Вельможами и Епископами; принялъ богатые дары и Вологду въ Удѣлъ; пожелалъ Димитрію благополучно властвовать надъ Московскимъ Государствомъ и съ своими домашними отправился къ берегамъ Кубенскаго озера. Сентя бря 15

Скоро увидѣлъ Шемяка свою ошибку. Василій, пробывъ нѣсколько дней въ Вологдѣ какъ въ печальной ссылкѣ, поѣхалъ на богомолье въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, гдѣ умный Игуменъ Трифонъ, согласно съ его желаніемъ, объявилъ ему, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и страха. „Родитель оста„вилъ тебѣ въ наслѣдіе Москву“, говорилъ Трифонъ: „да „будетъ грѣхъ клятвопреступленія на мнѣ и на моей братіи! „Иди съ Богомъ и съ правдою на свою отчину; а мы за „тебя, Государя, молимъ Бога“. Игуменъ и всѣ Іеромонахи благословили Василія на Великое Княженіе. Онъ успокоился въ совѣсти. Ежедневно приходило къ нему множество людей изъ разныхъ городовъ, требуя чести служить вѣрою и правдою истинному Государю Россіи; въ томъ числѣ находились знатнѣйшіе Бояре и Дѣти Боярскіе. Василій уже не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Вологду, но прибылъ въ Тверь, гдѣ Князь Борисъ Александровичъ, оставивъ прежнюю злобу, вызвался помогать ему, съ условіемъ, чтобы онъ женилъ сына своего, семилѣтняго Іоанна, на его дочери, Маріи. Торжественное обрученіе дѣтей утвердило союзъ между отцами, и Тверская дружина усилила Великокняжескую ([341]). Василій рѣшился итти къ Москвѣ. Обрученіе юнаго Іоанна.

Съ другой стороны спѣшили туда Князья Боровскій, Рязановскіе, Иванъ Стрига Оболенскій, Ѳедоръ Басенокъ, собравъ войско въ Литвѣ ([342]). На пути они нечаянно встрѣтили Татаръ и готовились къ битвѣ съ ними; но открылось,

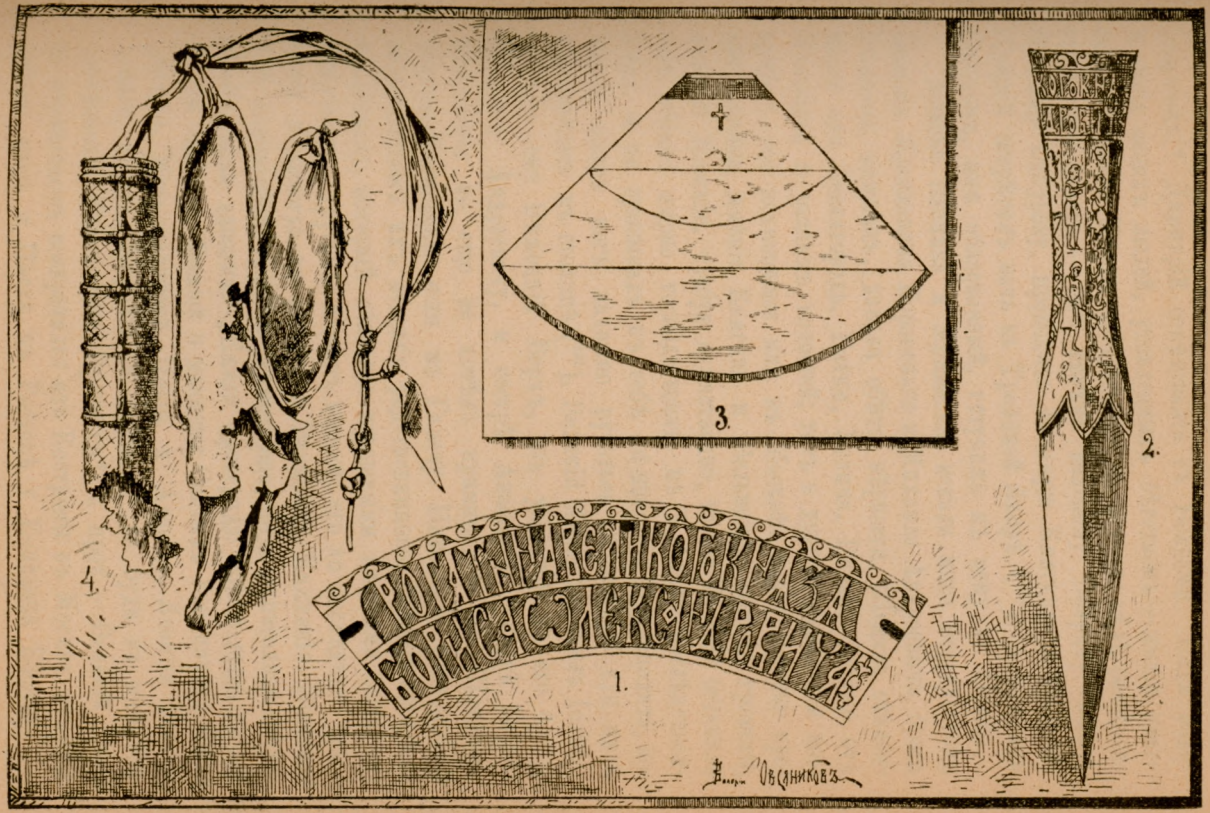
что сіи мнимые непріятели шли на помощь къ Василію, предводимые Царевичами Касимомъ и Ягупомъ, сыновьями Царя Улу-Махмета. „Мы изъ земли Черкасской и друзья Великаго „Князя“, говорили Татары: „знаемъ, что сдѣлали съ нимъ „братья недостойные; помнимъ любовь и хлѣбъ его; желаемъ „теперь доказать ему нашу благодарность“. Князья Россійскіе дружески обнялися съ Царевичами и пошли вмѣстѣ.

Шемяка, свѣдавъ о намѣреніи Василія, и желая не допустить его до Москвы, расположился станомъ у Волока Ламскаго; но Великій Князь, увѣренный къ доброхотствѣ ея гражданъ, тайно отправилъ къ нимъ Боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Сей Бояринъ умѣлъ обойти рать Шемякину, и ночью, на канунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами Кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ Заутренѣ; одна изъ Княгинь ѣхала въ Соборъ: для нее отворили Никольскія ворота, и дружина Великокняжеская, пользуясь симъ случаемъ, вошла въ городъ. Тутъ раздался стукъ оружія: Намѣстникъ Шемякинъ убѣжалъ изъ церкви; Намѣстникъ Іоанна Можайскаго попался въ руки къ Василіевымъ Воеводамъ, которые въ полчаса овладѣли Кремлемъ. Бояръ непріятельскихъ оковали цѣпями; а граждане съ радостію вновь присягнули Василію ([343]).

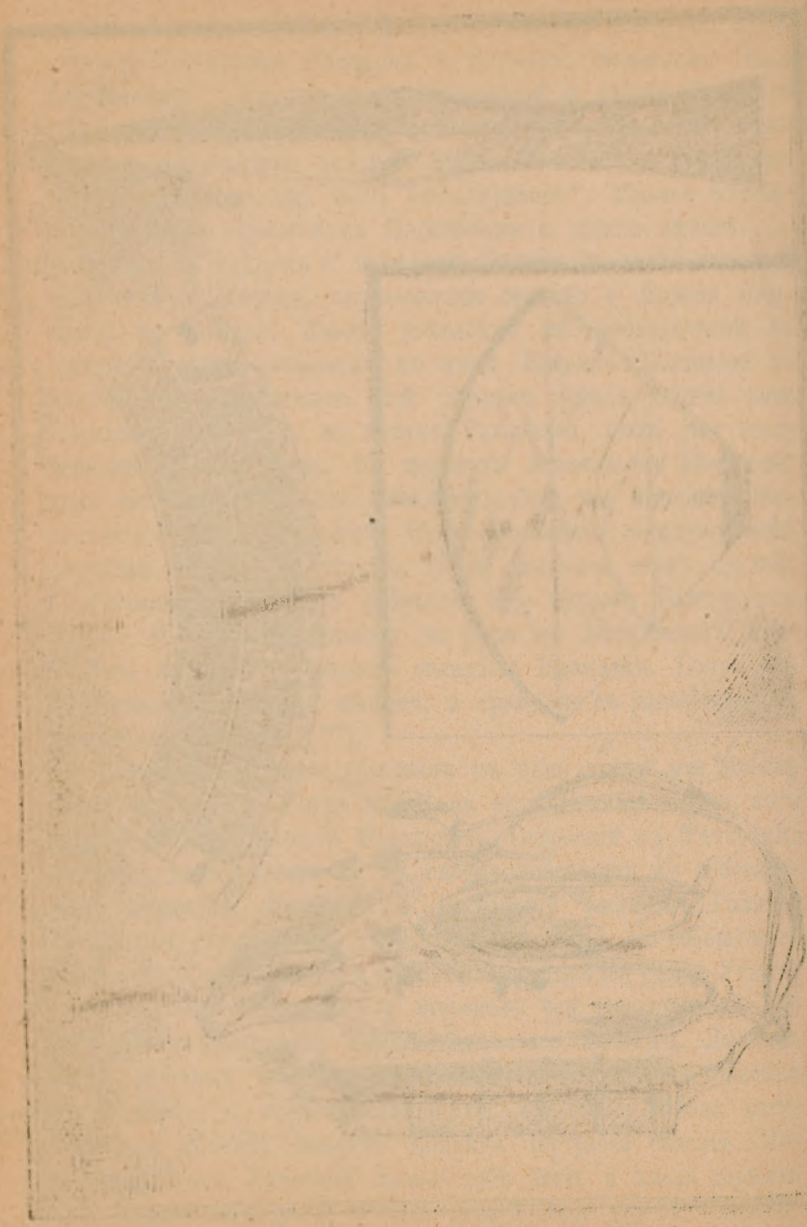
Димитрій Шемяка услышалъ въ одно время, что Москва взята, и что отъ Твери идетъ на него Великій Князь, а съ другой стороны Василій Ярославичъ Боровскій съ Татарами: не имѣя довѣренности ни къ своему войску, ни къ собственному мужеству, Димитрій и Можайскій ушли въ Галичь, оттуда въ Чухлому и въ Каргополь, взявъ съ собою мать Василіеву, Софію. Великій же Князь соединился близъ Углича съ Василіемъ Боровскимъ и завоевалъ сей городъ, подъ коимъ убили одного изъ храбрѣйшихъ его Воеводъ, Литвина Юрія Драницу; въ Ярославлѣ нашелъ Царевичей, Касима съ Ягупомъ, и при восклицаніяхъ усерднаго народа вступилъ въ Москву,ославъ Боярина Кутузова сказать Шемякѣ: „Братъ Димитрій! какая тебѣ честь и хвала держать „въ неволѣ мать мою, а свою тетку? Ищи другой славнѣй-

г. 1447. Изгнаніе Шемяки.

Февраля 17.



1, 2) Рогатина Тверскаго князя Бориса Александровича и надпись на ней.—3) Фелонь преподобнаго Сергія Радонежскаго.—4) Кожаная калита (кошель) и кожаныя ножны ножа преподобнаго Сергія.



„шей мести, буде хочешь: я сижу на престолѣ Великокня-
„жескомъ!“ Димитрій совѣтовался съ Боярами. Видя изне-
моженіе своихъ людей, утомленныхъ бѣгствомъ — желая смяг-
чить Великаго Князя, и чувствуя въ самомъ дѣлѣ безполез-
ность сего залога — онъ велѣлъ знатному Боярину своему,
Михайлу Сабурову, проводить Великую Княгиню до Москвы.
Василій встрѣтилъ мать въ Троицкой Лаврѣ ([344]); а Боярин
Сабуровъ, имъ обласканный, вступилъ къ нему въ службу.

Князья Шемяка и Можайскій искали мира посредствомъ Василія Ярославича Боровскаго и Михаила Андреевича, брата Іоаннова; винились, давали обѣты вѣрности. Шемяка отказывался отъ Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Іоаннъ отъ Козельска и разныхъ волостей; тотъ и другой обязывался возвратить все похищенное ими въ Москвѣ: казну, богатые кресты, иконы, имѣніе Княгинь и Вельможъ, древнія грамоты, ярлыки Ханскіе, требуя единственно, чтобы Василій оставилъ ихъ обоихъ мирно господствовать въ Удѣлахъ наслѣдственныхъ и не призывалъ къ себѣ до избранія Митрополита, который одинъ могъ надежно ручаться за личную для нихъ безопасность въ столицѣ ([345]). Великій Князь простилъ Іоанна, и далъ ему Бѣжецкій Верхъ, изъ уваженія къ его брату, Михаилу Андреевичу, и сестрѣ Анастасіи, супругѣ Бориса Тверскаго; но еще не хотѣлъ примириться съ Шемякою. Полки Московскіе шли къ Галичу. Наконецъ, убѣжденный ходатайствомъ ихъ общихъ родственниковъ, Василій простилъ и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искреннимъ другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и никогда не мыслить о Великомъ Княженіи. Крестная или клятвенная грамота Димитріева, тогда написанная заключалась сими словами: „Ежели преступлю обѣты свои, да ли- Клятва.
„шуся милости Божіей и молитвы Святыхъ Угодниковъ земли
„нашея, Митрополитовъ Петра и Алексія, Леонтія Ростов-
„скаго, Сергія, Кирилла и другихъ; не буди на мнѣ бла-
„гословенія Епископовъ Русскихъ“, и проч. — Великій Князь съ торжествомъ возвратился изъ Костромы въ Москву, отпраздновавъ миръ и Пасху въ Ростовѣ у Епископа Ефрема.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ какъ бы примиренный съ Судьбою, и въ слѣпотѣ оказывая болѣе государственной прозорливости, нежели доселѣ, Василій началъ утверждать власть свою и силу Московскаго Княженія. Возстановивъ спокойствіе внутри онаго, опъ прежде всего далъ Митрополита Россіи, коего мы восемь лѣтъ не имѣли отъ раздоровъ Константинопольскаго Духовенства и отъ собственныхъ нашихъ смятеній. Епископы Ефремъ Ростовскій, Аврамій Суздальскій, Варлаамъ Коломенскій, Питиримъ Пермскій съѣхались въ Москву; а Новогородскій и Тверскій прислали грамоты, изъявляя свое единомысліе съ ними ([346]). Они, въ угодность Государю, посвятили Іону въ Митрополиты, ссылаясь будто бы, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, на данное ему (въ 1437 году) Патріархомъ благословеніе; но Іона въ грамотахъ своихъ, написанныхъ имъ тогда же ко всѣмъ Епископамъ Литовской Россіи, говоритъ, что онъ избранъ по уставу Апостоловъ Россійскими Святителями, и строго укоряетъ Грековъ Флорентійскимъ Соборомъ. По крайней мѣрѣ съ того времени мы сдѣлались уже совершенно независимы отъ Константинополя по дѣламъ Церковнымъ: что служитъ къ чести Василія. Духовная опека Грековъ стоила намъ весьма дорого. Въ теченіе пяти вѣковъ, отъ Св. Владиміра до Темнаго, находимъ только шесть Митрополитовъ-Россіянъ; кромѣ даровъ, посылаемыхъ Царямъ и Патріархамъ, иноземные Первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали какъ вѣроятно, мѣры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали ихъ въ Грецію. Они не могли имѣть и жаркаго усердія къ государственнымъ пользамъ Россіи; не могли и столько уважать ея Государей, какъ наши единоземцы. Сіи истины очевидны; но страхъ коснуться Вѣры, и перемѣною въ ея древнихъ обычаяхъ соблазнить народъ, не дозволялъ Великимъ Князьямъ освободиться отъ узъ духовной Греческой власти; несогласія же Константинопольскаго Духовенства по случаю Флорентійскаго Собора представили Василію удобность сдѣлать то, чего многіе изъ его предшественниковъ хотѣли, но опасались. — Избраніе Митрополита

Благоразумное правленіе Василіево.

г. 1448.

было тогда важнымъ государственнымъ дѣломъ: онъ служилъ Великому Князю главнымъ орудіемъ въ обузданіи другихъ Князей. Іона старался подчинить себѣ и Литовскія Епархіи: доказывалъ тамошнимъ Епископамъ, что преемникъ Исидоровъ, Григорій, есть Латинскій еретикъ и лжепастырь; однакожь не достигъ своей цѣли, и возбудилъ только гнѣвъ Папы, Пія II, который нескромною Буллою (въ 1458 году) объявилъ Іону *злочестивымъ сыномъ*, *отступникомъ*, и проч. ([347]). Булла Папы.

Вторымъ попеченіемъ Василія было утвердить наслѣдственное право юнаго сына: онъ назвалъ десятилѣтняго Іоанна соправителемъ и *Великимъ Княземъ*, чтобы Россіяне заблаговременно привыкли видѣть въ немъ будущаго Государя: такъ именуется Іоаннъ въ договорахъ сего времени, заключенныхъ съ Новымгородомъ и съ разными Князьями ([348]). Во время несчастія Василіева Новогородцы признали Шемяку своимъ Княземъ и заставили его клятвенно утвердить всѣ древнія права ихъ: Василій, желая тогда отдохновенія и мира, также далъ имъ крестный обѣтъ не нарушать сихъ правъ, довольствоваться старинными Княжескими пошлинами и не требовать народной или Черной дани. Знатнѣйшіе сановники Новагорода пріѣзжали въ Москву и написали договоръ, во всемъ подобный тѣмъ, какіе они заключали съ Ярославомъ Ярославичемъ и другими Великими Князьями XIII вѣка.— Столь же снисходительно поступилъ Василій и со внуками Кирдяпы: оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, въ Суздалѣ, съ условіемъ, чтобы они признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки Ханскіе на сей Удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою ([349]). — Князь Рязанскій, Іоаннъ Ѳеодоровичь, обязался грамотою не приставать ни къ Литвѣ, ни къ Татарамъ; быть вездѣ за-одно съ Василіемъ, и судиться у него въ случаѣ раздоровъ съ Княземъ Пронскимъ; а Великій Князь обѣщалъ уважать ихъ независимость, возвративъ Іоанну многіе древнія мѣста Рязанскія по берегамъ Оки; Бориса же Тверскаго называетъ въ грамотѣ *равнымъ себѣ бра-* г. 1440-1450. Іоаннъ соправитель. Договоры.

томъ, увѣряя, что ни онъ Василій, ни сынъ его не будетъ мыслить о присоединеніи Твери къ Московскимъ владѣніямъ, хотя бы Татары и предложили ему взять оную. Изъ благодарности къ вѣрнымъ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, Василію Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Іоанна Можайскаго, Великій Князь утвердилъ за первымъ Боровскъ, Серпуховъ, Лужу, Хотунь, Радонежъ, Перемышль, а за вторымъ Верею, Бѣлоозеро, Вышегородъ, оставивъ имъ обоимъ часть въ Московскихъ сборахъ, и даже освободивъ нѣкоторыя области Михаилова Удѣла на нѣсколько лѣтъ отъ Ханской дани, то есть, взявъ ее на себя. Сіи грамоты были всѣ подписаны Митрополитомъ Іоною, который способствовалъ и доброму согласію Василіеву съ Казимиромъ. Посолъ Литовскій, Гарманъ, былъ тогда въ Москвѣ съ письмами и съ дарами; а Великій Князь посылалъ въ Литву Дьяка своего, Стефана. Іона, называясь отцемъ обоихъ Государей, увѣрялъ Казимира, что Василій искренно хочетъ жить съ нимъ въ любви братской.

Новое вѣроломство Шемяки.

Новое вѣроломство Шемяки нарушило спокойствіе Великаго Княженія. Еще въ концѣ 1447 года Епископы Россійскіе отъ имени всего Духовенства писали къ нему, что онъ не исполняетъ договора: не отдалъ увезенной имъ Московской казны и драгоцѣнной святыни; грабитъ Бояръ, которые перешли отъ него въ службу къ Василію; сманиваетъ къ себѣ людей Великокняжескихъ; тайно сносится съ Новымгородомъ, съ Іоанномъ Можайскимъ, съ Вяткою, съ Казанью ([350]). Надъ *Синею* или Ногайскою Ордою, разсѣянною въ степяхъ между Вузулукомъ и Синимъ или Аральскимъ моремъ, отчасти же между Чернымъ и рѣкою Кубою, господствовалъ Седи-Ахметъ ([351]), коего Послы пріѣзжали къ Великому Князю: Шемяка не хотѣлъ участвовать въ издержкахъ для ихъ угощенія, ни въ дарахъ Ханскихъ, отвѣтствуя Василію, что Седи-Ахметъ не есть истинный Царь. „Ты вѣдаешь“ — писали Святители къ Димитрію — „сколь трудился отецъ твой, что-„бы присвоить себѣ Великое Княженіе, вопреки волѣ Божіей „и законамъ человѣческимъ: лилъ кровь Россіянъ, сѣлъ на

Достопамятное посланіе.

„престолѣ и долженъ былъ оставить его; выѣхалъ изъ Мо-
„сквы только съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на
„Государство; снова похитилъ оное—и долго ли пожилъ? Едва
„достигъ желаемаго, и се въ могилѣ, осужденный людьми и
„Богомъ. Что случилось и съ братомъ твоимъ? Въ гордости
„и высокоуміи онъ рѣзалъ Христіанъ, Иноковъ, Священниковъ:
„благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и собственныя дѣла свои.
„Когда безбожный Царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не
„хотѣлъ помогать Государю и былъ виною Христіанской ги-
„бели: сколько истреблено людей, сожжено храмовъ, поругано
„дѣвицъ и Монахинь? Ты, ты будешь отвѣтствовать Все-
„вышнему. Напалъ варваръ Мамутекъ: Великій Князь *со-*
„*рокъ разъ* посылалъ къ тебѣ, молилъ итти съ нимъ на
„врага; но тщетно! Пали вѣрные воины въ битвѣ крѣпкой:
„имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь изба-
„вилъ Василія отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ, и
„презирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, вторый Каинъ и
„Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ, злодѣйски
„истерзалъ его: на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли го-
„сподствовалъ! и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волну-
„емый, порѣваемый страхомъ, спѣшилъ изъ мѣста въ мѣсто,
„томимый въ день заботами, въ ночи сновидѣніями и меч-
„тами? Хотѣлъ бо́льшаго, но изгубилъ свое меньшее. Вели-
„кій Князь снова на престолѣ, и въ новой славѣ: ибо дан-
„наго Богомъ человѣкъ не отнимаетъ. Одно милосердіе Ва-
„силіево спасло тебя. Государь еще повѣрилъ клятвѣ твоей
„и паки видитъ измѣну. Плѣняемый честію Великокняже-
„скаго имени, суетною, если она не Богомъ дарована; или
„движимый златолюбіемъ, или уловленный прелестію женскою,
„ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не исполняя клятвенныхъ
„условій мира: именуешь себя Великимъ Княземъ, и требуешь
„войска отъ Новогородцевъ, будто бы для изгнанія Татаръ,
„призванныхъ Василіемъ и доселѣ имъ не отсылаемыхъ. Но
„ты виною сего: Татары немедленно будутъ высланы изъ Рос-
„сіи, когда истинно докажешь свое миролюбіе Государю. Онъ
„знаетъ всѣ твои происки. Тобою наущенный, Казанскій Ца-

„ревичь Мамутекъ оковалъ цѣпями Посла Московскаго. Седи-„Ахмета не признаешь Царемъ; но развѣ не въ сихъ же „Улусахъ отецъ твой судился съ Великимъ Княземъ? Не тѣ „ли же Царевичи и Князья служатъ нынѣ Седи-Ахмету? Уже „миновало шесть мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни „святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни сокровищъ Великокняже-„скихъ. И такъ мы, служители олтарей, по своему долгу мо-„лимъ тебя, Господинъ Князь Димитрій, очистить совѣсть, удо-„влетворить всѣмъ праведнымъ требованіямъ Великаго Князя, „готоваго простить и жаловать тебя изъ уваженія къ нашему „ходатайству, если обратишься къ раскаянію. Когда же въ „безумной гордости посмѣешься надъ клятвами, то не мы, „но самъ возложишь на себя тягость духовную: будешь чуждъ „Богу, Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ навѣки со всѣми своими „единомышленниками и клевретами“.—Сіе посланіе не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года безъ кровопролитія, съ одной стороны въ убѣжденіяхъ миролюбія, съ другой въ тайныхъ и явныхъ козняхъ. Наконецъ Димитрій рѣшился воевать. Онъ хотѣлъ нечаянно взять Кострому; но Князь Стрига и мужественный Ѳеодоръ Басенокъ отразили приступъ. Узнавъ о томъ, Василій собралъ и полки и Епископовъ, свидѣтелей клятвы Шемякиной, чтобы побѣдить или устыдить его. Самъ Митрополитъ провождалъ войско къ Галичу. Какъ усердный Пастырь душъ, онъ еще старался обезоружить враговъ: успѣлъ въ томъ, но не на-долго. Шемяка не переставалъ коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что одинъ гробъ можетъ примирить ихъ—Василій уже хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ Князей, Воеводъ изъ другихъ городовъ, и составилъ ополченіе сильное. Шемяка, думая сперва уклониться отъ битвы, пошелъ къ Вологдѣ; но, вдругъ перемѣнивъ мысли, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, ободрялъ жителей, и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ начальствовать въ битвѣ: Князь Оболенскій предводительствовалъ Московскими полками и союзными Татарами. Оставивъ Государя за собою, подъ щитами

вѣрной стражи, они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ: Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ; а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ Великомъ Княженіи со всѣми богатствами Московскими. Полки Василіевы имѣли превосходство въ силахъ, Дмитріевы выгоду мѣста. Князь Оболенскій и Царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что Москвитяне выдутъ изъ враговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ: онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ея высоту; задніе ряды ихъ служили твердою опорою для переднихъ, встрѣченныхъ сильнымъ ударомъ полковъ Галицкихъ. Схватка была ужасна: давно Россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервененіемъ. Сія битва особенно достопамятна, какъ *послѣднее* кровопролитное дѣйствіе Княжескихъ междоусобій.... Москвитяне одолѣли: истребили почти всю пѣхоту Шемякину, и плѣнили его Бояръ; самъ Князь едва могъ спастися: онъ бѣжалъ въ Новгородъ. Василій, услышавъ о побѣдѣ, благодарилъ Небо съ радостными слезами; далъ Галичанамъ миръ и своихъ Намѣстниковъ; присоединилъ сей Удѣлъ къ Москвѣ и возвратился съ веселіемъ въ столицу ([352]).

Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія Г. 1450, Генваря 27.

Новогородцы не усомнились принять Димитрія Шемяку, величаясь достоинствомъ покровителей знаменитаго изгнанника, и надѣясь чрезъ то имѣть болѣе средствъ къ обузданію Василія въ замыслахъ его самовластія; не хотѣли помогать Димитрію, однакожь не мѣшали ему явно готовиться къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ Великаго Князя, и собирать воиновъ, съ коими онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ взялъ Устюгъ ([353]). Шемяка мыслилъ завоевать сѣверный край Московскихъ владѣній, хотѣлъ пріобрѣсти любовь жителей, и для того не касался

Генв. 29.

собственности частныхъ людей, довольствуясь единственно ихъ присягою; но тѣ, которые не соглашались измѣнить Великому Князю, были осуждены на смерть: безчеловѣчный Шемяка навязывалъ имъ камни на шею и топилъ сихъ добродѣтельныхъ гражданъ въ Сухонѣ. Не теряя времени, онъ пошелъ къ Вологдѣ, чтобы открыть себѣ путь въ Галицкую землю; но не могъ завладѣть ни однимъ городомъ и возвратился въ Устюгъ, гдѣ Великій Князь около двухъ лѣтъ оставлялъ его въ покоѣ,

Нашествіе Татаръ.

Въ сіе время Татары занимали Василія. Казань уже начала быть опасною для Московскихъ владѣній: въ ней царствовалъ Мамутекъ, сынъ Махметовъ, злодѣйски умертвивъ отца и брата ([384]). Въ 1446 году 700 Татаръ Мамутековой дружины осаждали Устюгъ и взяли окупъ съ города мѣхами, но возвращаясь потонули въ рѣкѣ Ветлугѣ. Отрокъ Великокняжескій, десятилѣтній Іоаннъ Василіевичь, чрезъ два года ходилъ съ полками для отраженія Казанцевъ отъ Муромскихъ и Владимірскихъ предѣловъ. Другія шайки хищниковъ Ординскихъ грабили близъ Ельца и даже въ Московской области: Царевичь Касимъ, вѣрный другъ Василіевъ, разбилъ ихъ въ

г. 1451.

окрестностяхъ Похры и Битюга. Гораздо болѣе страха и вреда претерпѣла наша столица отъ Царевича Мазовши: отецъ его, Седи—Ахметъ, Ханъ Синей или Ногайской Орды, требовалъ дани отъ Василія, и хотѣлъ принудить его къ тому оружіемъ. Великій Князь шелъ встрѣтить Царевича въ полѣ; но свѣдавъ, что Татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился въ столицу, приказавъ Князю Звенигородскому не пускать ихъ черезъ Оку. Сей малодушный Воевода, объятый страхомъ, бѣжалъ со всѣми полками, и далъ непріятелю путь свободный; а Василій ввѣривъ защиту Москвы Іонѣ Митрополиту, матери своей Софіи, сыну Юрію и Боярамъ—супругу же съ меньшими дѣтьми отпустивъ въ Угличь—разсудилъ за благо удалиться къ берегамъ Волги, чтобы ждать тамъ Городскихъ Воеводъ съ дружинами ([385]).

Іюля 2.

Скоро явились Татары, зажгли посады и начали приступъ. Время было сухое, жаркое; вѣтеръ несъ густыя облака дыма прямо на Кремль, гдѣ воины, осыпаемые искрами, пылаю-

щими головнями, задыхались и не могли ничего видѣть, до самаго того времени, какъ посады обратились въ пепелъ, огонь угасъ и воздухъ прояснился. Тогда Москвитяне сдѣлали вылазку; бились съ Татарами до ночи и принудили ихъ отступить. Не смотря на усталость, никто не мыслилъ отдыхать въ Кремлѣ: ждали новаго приступа; готовили на стѣнахъ пушки, самострѣлы, пищали, Разсвѣтало: восходитъ солнце и Москвитяне не видятъ непріятеля: все тихо и спокойно. Посылаютъ лазутчиковъ къ стану Мазовшину: и тамъ нѣтъ никого; стоятъ однѣ телеги, наполненныя желѣзными и мѣдными вещами; поле усѣяно оружіемъ и разбросанными товарами. Непріятель ушелъ ночью, взявъ съ собою единственно легкія повозки, а все тяжелое оставивъ въ добычу осажденнымъ. Татары, по сказанію Лѣтописцевъ, услышавъ вдали необыкновенный шумъ, вообразили, что Великій Князь идетъ на нихъ съ сильнымъ войскомъ, и безъ памяти устремились въ бѣгство. Сія вѣсть радостно изумила Москвитянъ. Великая Княгиня Софія отправила гонца къ Василію который уже перевозился за Волгу близь устья Дубны. Онъ спѣшилъ въ столицу, прямо въ храмъ Богоматери, къ ея славной Владимірской иконѣ; съ умиленіемъ славилъ Небо и сію заступницу Москвы; облобызавъ гробъ Чудотворца Петра и принявъ благословеніе отъ Митрополита Іоны, нѣжно обнялъ мать, сына, Бояръ; велѣлъ вести себя на пепелище, утѣшалъ гражданъ, лишенныхъ крова; говорилъ имъ: „Богъ наказалъ „васъ за мои грѣхи: не унывайте. Да исчезнутъ слѣды опу„стошенія! Новыя жилища да явятся на мѣстѣ пепла! Буду „вашимъ отцемъ; даю вамъ льготу; не пожалѣю казны для „бѣдныхъ.“ Народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ минувшаго зла*; и гдѣ за день господствовалъ неописанный ужасъ, тамъ представилось зрѣлище веселаго праздника. Василій обѣдалъ съ своимъ семействомъ, Митрополитомъ, людьми знатнѣйшими: граждане, не имѣя домовъ, угощали другъ друга на стогнахъ и на кучахъ обгорѣлаго лѣса.

Г. 1452. Видя снова миръ и тишину въ Великомъ Княженіи, Василій не хотѣлъ долѣе терпѣть Шемякина господства въ Устюгѣ: не мало времени готовился къ походу; наконецъ выступилъ изъ Москвы; самъ остановился въ Галичѣ, а сына своего, Іоанна, съ Князьями Боровскимъ, Оболенскимъ, Ѳеодоромъ Басенкомъ и съ Царевичемъ Ягупомъ (братомъ Касимовымъ) послалъ разными путями къ берегамъ Сухоны. Шемяка по видимому не ожидалъ сего нападенія: не дерзнулъ противиться, оставилъ въ Устюгѣ Намѣстника, и бѣжалъ далѣе въ сѣверные предѣлы Двины; но и тамъ, гонимый отрядами Великокняжескими, не нашелъ безопасности: бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто и едва могъ пробраться въ Новгородъ. Воеводы Московскіе не щадили нигдѣ друзей сего Князя: лишали ихъ имѣнія, вольности, и посадивъ Намѣстниковъ Василіевыхъ въ области Устюжской, возвратились къ Государю съ добычею ([556]). Но еще Шемяка былъ живъ и въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: смерть его казалась нужною

Г. 1453. Смерть Шемяки. для государственной безопасности; ему дали яду, отъ коего онъ скоропостижно умеръ. Виновникъ дѣла, столь противнаго Вѣрѣ и законамъ нравственности, остался неизвѣстнымъ. Новогородцы погребли Шемяку съ честію въ монастырѣ Юрьевскомъ.

Іюля 23. Подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ сего жестокаго Василіева недруга и былъ пожалованъ въ Дьяки ([357]), Великій Князь изъявилъ нескромную радость.

Успѣхи Единовластія. Г. 1453. Какъ бы ободренный смертію опаснаго злодѣя, онъ началъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ пользу Единовластія. Іоаннъ Можайскій не хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ итти на Татаръ: Великій Князь объявилъ ему войну, и заставилъ его бѣжать со всѣмъ семействомъ въ Литву куда ушелъ изъ Новагорода и сынъ Шемякинъ ([358]). Жители Можайска требовали милосердія, „Даю вамъ миръ вѣчный,“ сказалъ Великій Князь: „отнынѣ навсегда вы мои подданные“. Намѣстники Василіевы остались тамъ управлять народомъ.

Новогородцы давали убѣжище непріятелямъ Темнаго, говоря, что Святая Софія никогда не отвергала несчастныхъ изгнанниковъ. Кромѣ Шемяки, они приняли къ себѣ однаго изъ Князей Суздальскихъ, Василія *Гребенку*, не хотѣвшаго зависѣть отъ Москвы. Великій Князь имѣлъ и другія причины къ неудовольствію ([359]): Новогордцы уклонялись отъ его суда, утаивали Княжескія пошлины и называли приговоры Вѣча вышнимъ законодательствомъ, не слушаясь Московскихъ Намѣстниковъ и слѣдуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно въ случаѣ крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василій готовится къ походу; слышали угрозы; получили наконецъ *разметные грамоты* въ знакъ объявленія войны — и все еще думали быть непреклонными. Великій Князь, провождаемый Дворомъ, прибылъ въ Волокъ, куда, не смотря на жестокую зиму, полки шли за полками, такъ что въ нѣсколько дней составилась рать сильная. Тутъ Новогородцы встревожились, и Посадникъ ихъ явился съ челобитьемъ въ Великокняжескомъ станѣ: Василій не хотѣлъ слушать. Князь Оболенскій-Стрига и славный Ѳеодоръ Басенокъ, Герой сего времени, были посланы къ Русѣ, городу торговому, богатому, гдѣ никто не ожидалъ нападенія непріятельскаго: Москвитяне взяли ее безъ кровопролитія и нашли въ ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало не медленно возвратится къ Великому Князю: оно шло съ плѣнниками; за нимъ везли добычу. Воеводы остались назади, имѣя при себѣ не болѣе двухъ сотъ Боярскихъ Дѣтей и ратниковъ: вдругъ показалось 5000 конныхъ Новогородцевъ, предводимыхъ Княземъ Суздальскимъ. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Ѳеодоръ Басенокъ сказали дружинѣ, что Великій Князь ждетъ побѣдителей, а не бѣглецовъ; что гнѣвъ его страшнѣе толпы измѣнниковъ и малодушныхъ; что надобно умереть за Государя. Новогородцы хотѣли растоптать непріятеля: глубокій снѣгъ и плетень остановили ихъ. Видя, что они съ головы до ногъ покрыты желѣзными доспѣхами, Воеводы Московскіе велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ, которыя начали

Усмиреніе Новагорода

г. 1456.

бѣситься отъ ранъ и свергать всадниковъ. Новогородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умѣли владѣть ими; передніе смѣшались: задніе обратили тылъ, и Москвитяне, убивъ нѣсколько человѣкъ, привели къ Василію знатнѣйшаго Новогородскаго Посадника, именемъ Михаила Тучу, взятаго ими въ плѣнъ на мѣстѣ сей битвы ([360]).

Извѣстіе о томъ привело Новгородъ въ страхъ несказанный. Ударили въ Вѣчевый колоколъ; народъ бѣжалъ на Дворъ Ярославовъ; чиновники совѣтовались между собою, не зная, что дѣлать; шумъ и вопль не умолкалъ съ утра до вечера. Гражданъ было много, но мало воиновъ смѣлыхъ; не надѣялись другъ на друга; рѣдкіе надѣялись и на собственную храбрость: кричали, что не время воинствовать, и лучше вступить въ переговоры. Отправили Архіепископа Евѳимія, трехъ Посадниковъ, двухъ Тысячскихъ и 5 Выборныхъ отъ людей Житыхъ; велѣли имъ не жалѣть ласковыхъ словъ, ни самыхъ денегъ въ случаѣ необходимости. Сіе Посольство имѣло желаемое дѣйствіе. Архіепископъ нашелъ Василія въ Яжелбицахъ; обходилъ всѣхъ Князей и Бояръ, склоняя ихъ быть миротворцами: молилъ самого Великаго Князя не губить народа легкомысленнаго, но полезнаго для Россіи своимъ купечествомъ, и готоваго загладить впредь вину свою искреннею вѣрностію. Обѣщанія не могли удовлетворить Василію: онъ требовалъ серебра и разныхъ выгодъ. Новогородцы дали Великому Князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему Черную или народную дань, Виры или судныя пени; отмѣнили такъ называемыя *Вѣчевыя грамоты*, коими народъ стѣснялъ власть Княжескую; клялися не принимать къ себѣ Іоанна Можайскаго, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его, и никого изъ лиходѣевъ Василіевыхъ; отступились отъ земель, купленныхъ ихъ согражданами въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской; обѣщали употреблять въ государственныхъ дѣлахъ одну печать Великокняжескую, и проч.,; а Василій въ знакъ милости уступилъ имъ Торжекъ ([361]). Въ семъ мирѣ участвовали и Псковитяне, которые, забывъ долговременную злобу Новогородцевъ. давали имъ тогда помощь

и находились въ раздорѣ съ Василіемъ. Такимъ образомъ Великій Князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго.

Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ.

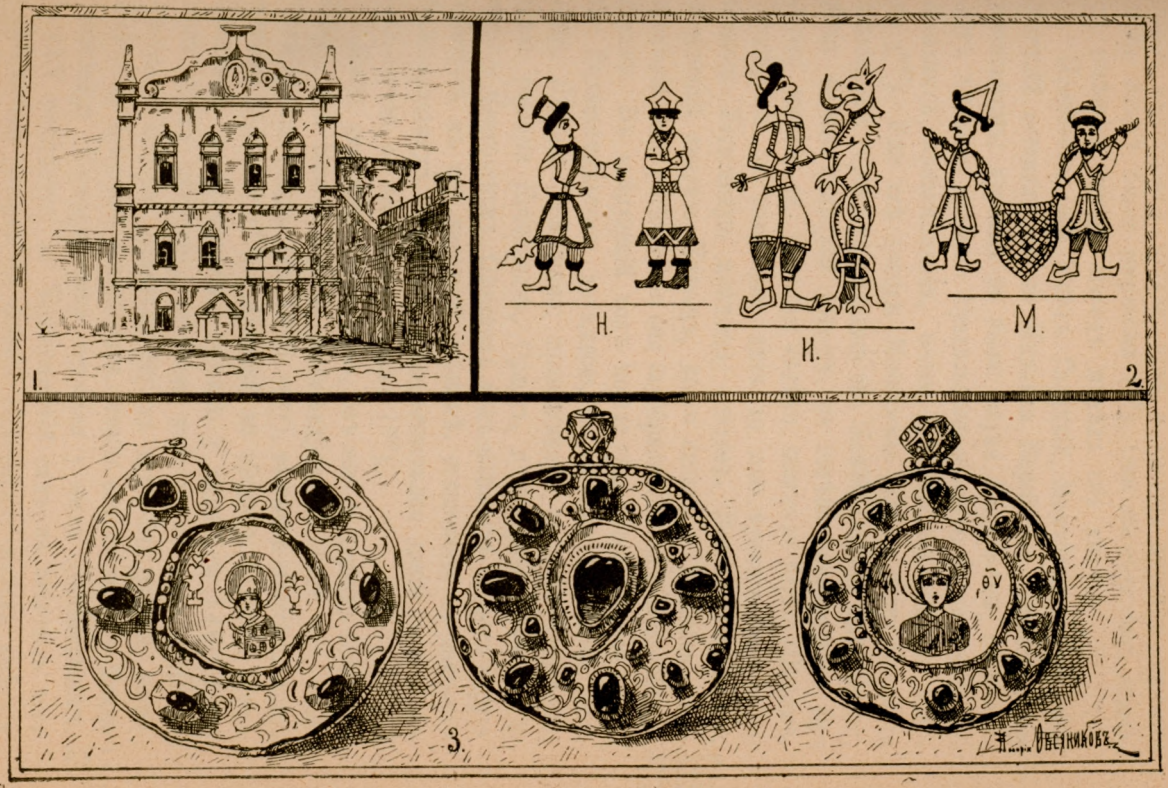
Въ то время умеръ въ Монашествѣ Князь Рязанскій Іоаннъ Ѳеодоровичь, внукъ славнаго Олега, поручивъ осьмилѣтняго сына, именемъ Василія, и дочь Ѳеодосію Великому Князю. Сія довѣренность была весьма опасна для независимости Рязанскаго Княженія: Василій Темный, желая будто бы лучше воспитать дѣтей Іоанновыхъ, взялъ ихъ къ себѣ въ Москву, но послалъ собственныхъ Намѣстниковъ управлять Рязанью, властвовалъ тамъ какъ истинный Государь ([362]).

Неблагодарность Василіева.

Властолюбіе его, кажется, болѣе и болѣе возрастало, заглушая въ немъ святѣйшія нравственныя чувства. Внукъ, славнаго Владиміра *Храбраго*, Василій Ярославичь Боровскій, шуринъ, вѣрный сподвижникъ Темнаго, жертвовалъ ему своимъ владѣніемъ, отечествомъ; гнушаясь злодѣйствомъ Шемяки, не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній; осудилъ себя на горькую участь изгнанника, искалъ убѣжища въ землѣ чуждой, и непрестанно мыслилъ о средствахъ возвратить несчастному слѣпцу свободу съ престоломъ. Какая вина могла изгладить память такой добродѣтельной заслуги? И вѣроятно ли, чтобы Ярославичь, усердный другъ Василія, сверженнаго съ престола, заключеннаго въ темницѣ, измѣнилъ ему въ счастіи, когда сей Государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи? Доселѣ Князь Боровскій не изъявлялъ излишняго честолюбія, довольный наслѣдственнымъ Удѣломъ и частію Московскихъ пошлинъ; охотно уступилъ Василію области дѣда своего, Угличь, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ Звенигородомъ, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наслѣдниками Великаго Княженія ([363]). Вѣроятнѣе, что Василій, желая сдѣлаться единовластнымъ, искалъ предлога снять съ себя личину благодарности, тягостной для малодушныхъ: клеветники могли услужить тѣмъ Государю, расположенному быть легковѣрнымъ—и Великій Князь, безъ всякихъ околичностей взявъ шурина подъ стражу, сослалъ его въ Угличь. Удѣлъ сего

Іюля 10.

мнимаго преступника былъ объявленъ Великокняжескимъ достояніемъ; а сынъ Ярославича, Іоаннъ, ушелъ съ мачихою въ Литву, и вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ, Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, вымышлялъ средства отмстить ихъ гонителю. Они заключили тѣсный союзъ между собою, написавъ слѣдующую грамоту (отъ имени юнаго Князя Боровскаго): „Ты, Князь Иванъ Андреевичь, будешь мнѣ старшимъ бра„томъ. Великій Князь вѣроломно изгналъ тебя изъ наслѣд„ственной области, а моего отца безвинно держитъ въ неволѣ. „Пойдемъ искать управы: ты владѣнія, я родителя и вла„дѣнія. Будемъ однимъ человѣкомъ. Безъ меня не принимай „никакихъ условій отъ Василія. Если онъ уморитъ отца моего „въ темницѣ, клянися мстить; если освободить его, но съ „тобою не примирится, клянуся помогать тебѣ. Если Богъ „даруетъ намъ счастіе побѣдить или выгнать Василія, будь „Великимъ Княземъ: возврати моему отцу города его, а мнѣ „дай Дмитровъ и Суздаль. Не вѣрь клеветникамъ и не осуж„дай меня по злословію; что услышишь, скажи мнѣ и не „сомнѣвайся въ истинѣ моихъ крестныхъ оправданій. Что „завоюемъ вмѣстѣ, городовъ или казны, изъ того мнѣ треть; „а буде по грѣхамъ не сдѣлаемъ своего добраго дѣла, то „останемся и въ изгнаніи неразлучными: въ какой землѣ „найдешь себѣ мѣсто, тамъ и я съ тобою“, и проч. ([361]). Сбылося только послѣднее ихъ чаяніе: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги Государя Московскаго имѣли убѣжище въ Литвѣ, но не находили тамъ ни сподвижниковъ, ни денегъ. Казимиръ отправлялъ дружелюбныя Посольства къ Василію, думая единственно о безопасности своихъ Россійскихъ владѣній.— Напрасно также вѣрные слуги Ярославича, съ горестію видя нѣсколько лѣтъ заточеніе своего Князя, мыслили освободить его: взаимно обязались въ томъ клятвою, условились тайно ѣхать въ Угличь, вывести Князя изъ темницы, и бѣжать съ нимъ за границу. Умыселъ открылся. Сіи люди исполняли долгъ усердія къ законному ихъ Властителю, несправедливо утѣсненному; но Великій Князь наказалъ ихъ какъ злодѣевъ, и притомъ съ жестокостію необыкновенною: ве-



1) Остатки терема Рязанскаго князя Олега.—2) Буквы фигурныя и росписныя (Н, И, М) изъ Евангелія XIV вѣка, изображающія современныя одежды и бытовыя сцены.—3) Драгоцѣнныя бармы, отрытыя въ развалинахъ старой Рязани.

лѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и голову, другимъ отрѣзать носъ, иныхъ *бить кнутомъ* (365). Они погибли безъ стыда, съ совѣстію чистою. Народъ жалѣлъ объ нихъ.

Присвоивъ себѣ Удѣлъ Галицкій, Можайскій и Боровскій Василій оставилъ только Михаила Верейскаго Княземъ Владѣтельнымъ; другихъ не было: внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областію въ качествѣ Московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда (366). Уже всѣ доходы Московскіе шли въ казну Великаго Князя; всѣ города управлялись его Намѣстниками. Одна Вятка, бывъ частію Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію: жители ея, какъ мы видѣли, помогали Юрію, Шемякѣ, Косому, и за нѣсколько лѣтъ до того времени сами собою выжгли Устюжскую крѣпость Гледенъ. Князь Ряполовскій, посланный смирить Вятчанъ, долго стоялъ у Хлынова и возвратился безъ успѣха: ибо они задобрили Воеводъ Московскихъ дарами. Въ слѣдующій годъ пошло туда новое сильное войско съ Великокняжескою дружиною, со многими Князьями, Боярами, Дѣтьми Боярскими; присоединивъ къ себѣ Устюженъ, взяло городки Котельничь, Орловъ, и покорило Вятчанъ Государю Московскому. Однакожь духъ вольности не могъ вдругъ изчезнуть въ сей народной державѣ, основанной на законахъ Новогородскихъ. Василій удовольствовался данію и правомъ располагать ея воинскими силами (367). г. 1458 1459. Покореніе Вятки.

Любя умножать власть свою, онъ еще не дерзалъ коснуться Твери, гдѣ Князь Борисъ Александровичь, сватъ его, скончался независимымъ (въ 1461 году), оставивъ престолъ сыну, именемъ Михаилу (368).—Василій не тѣснилъ болѣе и Новогородцевъ, и дружелюбно гостилъ у нихъ (въ 1460 году) около двухъ мѣсяцевъ, изъявляя милость къ нимъ и Псковитянамъ, которые прислали ему въ даръ 50 рублей, жаловались на Нѣмцевъ и требовали, чтобы онъ позволилъ Князю Александру Черторижскому остаться у нихъ Намѣстникомъ. Василій согласился; но Черторижскій самъ не захотѣлъ того и немедленно уѣхалъ въ Литву. Псковитяне желали имѣть у себя Василіева сына, Юрія: отпущенный родителемъ изъ Но- Дѣла Псковскія.

вагорода, сей юноша былъ встрѣченъ ими съ искреннею радостію и возведенъ на престолъ въ храмѣ Троицы; ему вручили славный мечь Довмонта: Юрій взялъ его и клялся оградить имъ безопасность знаменитаго Ольгина отечества. Надлежало отмстить Ливонскимъ Нѣмцамъ, которые, утвердивъ миръ съ Россіянами на 25 лѣтъ, сожгли ихъ церковь на границѣ. Но дѣло обошлось безъ войны. Орденъ требовалъ перемирія, заключеннаго потомъ съ *согласія Великокняжескаго* на пять лѣтъ въ Новѣгородѣ, куда пріѣзжали для того Послы Архіепископа Рижскаго и Дерптскіе, а Князь Юрій въ слѣдъ за родителемъ возвратился въ Москву, получивъ въ даръ отъ Псковитянъ 100 рублей и вмѣсто себя оставивъ у нихъ Намѣстникомъ Іоанна Оболенскаго Стригу ([369]).

Набѣги Татаръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій въ послѣдніе годы жизни своей или со всѣмъ не платилъ дани Моголамъ, или худо удовлетворялъ ихъ корыстолюбію: ибо они, не смотря на собственныя внутреннія междоусобія, часто тревожили Россію, и приходили не шайками, но цѣлыми полками. Два раза войско Седи—Ахметовой Орды вступало въ наши предѣлы: Воевода Московскій, Князь Иванъ Юрьевичь, побѣдилъ Татаръ на сей сторонѣ Оки ниже Коломны ([330]); а сынъ Великаго Князя, Іоаннъ, мужественно отразилъ ихъ отъ береговъ ея: послѣ чего Ахматъ, Ханъ большой Орды, сынъ Кичимовъ, осаждалъ Переславль Рязанскій, но съ великою потерею и стыдомъ удалился, виня главнаго Полководца своего, Казата Улана, въ тайномъ доброхотствѣ къ Россіянамъ. — Царь Казанскій также былъ непріятелемъ Москвитянъ: Великій Князь хотѣлъ самъ итти на Казань; но встрѣченный его Послами въ Владимірѣ, заключилъ съ ними миръ.

г. 1455-1461.

Кончина и свойства Василіевы.

Василій еще не достигъ старости: несчастія и душевныя огорченія, имъ претерпѣнныя, изнурили въ немъ тѣлесныя силы. Онъ явно изнемогалъ, худѣлъ, и думая, что у него сухотка, прибѣгнулъ къ мнимому цѣлебному средству, тогда обыкновенно употребляемому въ оной: жегъ себѣ тѣло горящимъ трутомъ; сдѣлались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотѣлъ умереть Монахомъ: ему отговорили ([371]). Василій на-

писалъ духовную: утвердилъ Великое Княженіе за старшимъ сыномъ, Іоанномъ, вмѣстѣ съ третію Московскихъ доходовъ (другія же двѣ отказалъ меньшимъ сыновьямъ); Юрію отдалъ Димитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и все имѣніе матери своей, Софіи (которая преставилась Инокинею въ 1453 году); третіему сыну, Андрею Большому, Угличь, Бѣжецкій Верхъ; Звенигородъ; четвертому, именемъ Борису, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Рузу и села прабабы его, Маріи Голтяевой, по ея завѣщанію; Андрею Меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери ихъ Ростовъ (съ условіемъ не касаться собственности тамошнихъ Князей), городокъ Романовъ, казну свою, всѣ Удѣльныя волости, которыя бывали прежде за Великими Княгинями, и всѣ, имъ купленныя или отнятыя у знатныхъ измѣнниковъ (что составляло великое богатство); сверхъ того клятвою обязалъ сыновей слушаться родительницы не только въ дѣлахъ семейственныхъ, но и государственныхъ ([372]). Такимъ образомъ онъ снова возстановилъ Удѣлы, довольный тѣмъ, что Государство Московское (за исключеніемъ Вереи) остается подвластнымъ одному Дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ Князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣвъ твердости быть навѣки основателемъ новой, лучшей системы правленія, или Единовластія. Всего страннѣе то, что Василій въ духовномъ завѣщаніи *приказываетъ* супругу и дѣтей своихъ Королю Польскому, Казимиру, называя его братомъ. Оно подписано Митрополитомъ Ѳеодосіемъ, который за годъ до того времени былъ поставленъ нашими Святителями изъ Архіепископовъ Ростовскихъ на мѣсто скончавшагося Іоны.—Василій преставился на сорокъ-седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ Самодержцемъ Россійскимъ со временъ Владиміра Мономаха ([373]), однакожъ дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего преемника: началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его повелѣвали; терялъ честь и Державу, но оставилъ Государство Московское

г. 1462. Марта 17.

сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донскаго.

Жестокость тогдашнихъ нравовъ.

Кромѣ междоусобія, государствованіе Темнаго ознаменовалось разными злодѣйствами, доказывающими свирѣпость тогдашнихъ нравовъ. Два Князя ослѣплены, два Князя отравлены ядомъ ([371]). Не только чернь въ остервененіи своемъ безъ всякаго суда топила и жгла людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ; не только Россіяне гнуснымъ образомъ терзали военноплѣнныхъ: даже законныя казни изъявляли жестокость варварскую. Іоаннъ Можайскій, осудивъ на смерть Боярина, Андрея Дмитріевича, всенародно сжегъ его на кострѣ вмѣстѣ съ женою за мнимое волшебство. Москва въ первый разъ увидѣла такъ называемую торговую казнь, неизвѣстную нашимъ благороднымъ предкамъ: самыхъ именитыхъ людей, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, начали всенародно *бить кнутомъ*, Сіе унизительное для человѣчества обыкновеніе заимствовали мы отъ Моголовъ.

Суевѣріе.

Суевѣріе и нелѣпыя понятія о случаяхъ естественныхъ господствовали въ умахъ, и лѣтописи сего времени наполнены извѣстіями о чудесныхъ явленіяхъ: то небо пылало въ огняхъ разноцвѣтныхъ, то вода обращалась въ кровь; образа слезили; звѣри перемѣняли свой видъ обыкновенный. Въ 1446 году Генваря 3, по баснословному сказанію Новогородскаго Лѣтописца, шелъ сильный дождь, и сыпались изъ тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, такъ, что все пространство между рѣкою Мстою и Волховцемъ, верстъ на пятнадцать, покрылось хлѣбомъ, собраннымъ крестьянами и принесеннымъ въ Новгородъ, къ радостному изумленію его жителей, угнетаемыхъ дороговизною въ съѣстныхъ припасахъ ([375]).

Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ.

Сей же Лѣтописецъ, изображая тогдашнія несогодья своей отчизны, причисляетъ къ онымъ и перемѣну въ деньгахъ. Посадникъ, Тысячскій и знатные граждане, избравъ пять мастеровъ, велѣли имъ перелить старую серебряную монету и вычитать за трудъ по деньгѣ съ двухъ гривенъ; а скоро отмѣнили и старые рубли или куски серебра, къ великому

огорченію народа, который долго волновался и кричалъ, что Правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать имъ работу, не думая объ его убыткѣ. Нѣсколько человѣкъ, оговоренныхъ въ дѣланіи подложной монеты, утопили въ Волховѣ; другихъ ограбили ([376]).

Мы описали святые подвиги Стефана Пермскаго, который водворилъ Христіанство на берегахъ сѣверной Камы: преемниками его въ Епископствѣ сей еще малоизвѣстной страны были Исаакій и Питиримъ, ревностные наставники и благотворители тамошнихъ обитателей. Дикіе народы сосѣдственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидѣли новыхъ Христіанъ Пермскихъ и тревожили ихъ своими набѣгами: такъ Князь Вогуличей, именемъ Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ приходилъ (въ 1455 году) воевать берега Вычегды, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками захвативъ самого Епископа Питирима, злодѣйски умертвилъ сего добродѣтельнаго Святителя ([377]).—Здѣсь въ первый разъ упоминается о Вогуличахъ въ дѣяніяхъ нашей Исторіи. Дѣла церковныя.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ. Еще въ 1429 году благочестивый Инокъ Савватій водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келлію; а Св. Зосима, чрезъ нѣсколько лѣтъ, создалъ церковь Преображенія, устроилъ Общежительство и выходилъ въ Новѣгородѣ жалованную грамоту на весь островъ, данную ему отъ Архіепископа Іоны и тамошняго Правительства за осмью свинцовыми печатями ([378]). Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи какъ ихъ собственнымъ. Народъ, именуемый въ Восточныхъ лѣтописяхъ Гогами, въ Византійскихъ Огузами или Узами, единоплеменный съ Торками, которые долго скитались въ степяхъ Астраханскихъ, служили Владиміру

Святому, обитали послѣ близъ Кіева, и до самаго нашествія Татаръ составляли часть Россійскаго коннаго войска ([379]) — сей народъ мужественный, способствовавъ въ Азіи основанію и гибели разныхъ Державъ (Гасневидской, Сельчукской, Харазской) наконецъ подъ именемъ *Турковъ Османскихъ* основалъ сильнѣйшую Монархію, ужасную для трехъ частей міра, и еще донынѣ знаменитую. Османъ или Отоманъ, Эмиръ Султана Иконійскаго, воспользовался паденіемъ его Державы, разрушенной Моголами: сдѣлался независимымъ; захватилъ около 1292 года нѣкоторыя мѣста въ Виѳиніи, въ Пафлагоніи, въ Архипелагѣ, и далъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ счастливаго властолюбія, коимъ они столь удачно воспользовались, что въ концѣ XIV вѣка уже господствовали надъ всею Малою Азіею и Ѳракіею, обложивъ данію Константинополь. Тамерланъ и междоусобіе сыновей Баязетовыхъ могли только на время удержать быстрое стремленіе Османскихъ завоеваній: оно возобновилось при Амуратѣ, и наконецъ при Магометѣ II увѣнчалось паденіемъ Византіи, которое не было внезапностію: Европа долго ожидала его съ безпокойствомъ; но побѣды, одержанныя Турками надъ Королями Венгерскими, Сигизмундомъ и Владиславомъ, вселяли ужасъ въ Государей Европейскихъ, нечувствительныхъ къ воплю Грековъ, надъ коими восходила туча разрушенія. Самые Греки—когда Магометъ явно готовился осадить ихъ столицу, распоряжалъ полки, строилъ крѣпости на берегахъ Воспора — въ безумномъ отчаяніи проклинали другъ друга за Богословскія мнѣнія! Славный Кардиналъ Исидоръ, бывшій Митрополитъ Россійскій, находился тогда въ стѣнахъ Византіи и предлагалъ Царю Константину именемъ Папы сильное вспоможеніе, съ условіемъ, чтобы Духовенство Греческое утвердило постановленіе Флорентійскаго Собора. Царь, Вельможи, Іерархи согласились: народъ не хотѣлъ о томъ слышать; ревностные Иноки, Монахини, восклицали на стогнахъ: „горе Латинской ереси! образъ Богоматери спасетъ насъ“ ([380])!.. Но знамя Султанское уже развѣвалось предъ вратами Св. Романа. Магометъ съ двумя стами тысячами воиновъ и съ тремя стами судовъ при-

ступилъ къ Царюграду, гдѣ считалось 100,000 жителей, а вооружилось только пять тысячь, гражданъ и Монаховъ, для его защиты: другіе единственно плакали, молились въ церквахъ и звонили въ колокола, чтобы менѣе трепетать отъ грома Магометовыхъ пушекъ! Сія горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцевъ подъ начальствомъ храбраго Генуэзскаго Витязя Джустиніани, представляла все могущество Восточной Имперіи! Греки ожидали чуда для ихъ спасенія; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магометъ, разрушивъ стѣны, по трупамъ Янычаровъ вошелъ въ городъ, и славная смерть великодушнаго Царя Константина достойно заключила бытіе Имперіи: онъ палъ среди непріятелей, сказавъ: „для чего не могу умереть отъ руки Христіанина“?... Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нашихъ иноземцевъ были очевидными тому свидѣтелями: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ Московскій разсказываетъ весьма подробно о всѣхъ обстоятельствахъ осады и взятія Константинопольскаго, съ ужасомъ прибавляя, что храмъ Святыя Софіи, гдѣ Послы Владиміровы въ десятомъ вѣкѣ плѣнились величіемъ и красотою истиннаго богослуженія, обратился въ мечеть Лжепророка. Грекія была для насъ какъ бы вторымъ отечествомъ: Россіяне всегда съ благодарностію воспоминали, что она сообщила имъ и Христіанство, и первыя художества, и многія пріятности общежитія. Въ Москвѣ говорили о Царѣградѣ такъ, какъ въ новѣйшей Европѣ со временъ Людовика XIV говорили о Парижѣ: не было иного образца для великолѣпія церковнаго и мірскаго, для вкуса, для понятія о вещахъ. Однакожь, соболѣзнуя о Грекахъ, Лѣтописцы наши безпристрастно судятъ ихъ и Турковъ, изъясняясь слѣдующимъ образомъ: „Царство „безъ грозы есть конь безъ узды. Константинъ и предки его „давали Вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ „правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ „и крови невинныхъ, а полки Греческіе величались только „цвѣтною одеждою; гражданинъ не стыдился вѣроломства, а „воинъ бѣгства, и Господь казнилъ Властителей недостой-„ныхъ, умудривъ Царя Магомета, коего воины играютъ смер-

Взятіе Константинополя Турками.

„тію въ боязнь и судіи не дерзаютъ измѣнять совѣсти. Уже „не осталось теперь ни единаго Царства православнаго, кромѣ „Русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе Св. Меѳодія и Льва „Мудраго, что Измаильтяне овладѣютъ Византіею; исполнится, „можетъ быть, и другое, что Россіяне побѣдятъ Измаиль„тянъ и на седьми холмахъ ея воцарятся“ ([381]). О семъ древнемъ пророчествѣ мы упоминали въ Исторіи Ярослава Великаго: оно служило тогда утѣшеніемъ для Россіянъ. Другіе народы Европейскіе, не имѣя тѣсныхъ связей съ Греціею, оставались почти равнодушными къ ея бѣдствію: а Папа, Николай V, хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора. Хотя Кардиналъ Исидоръ, плѣненный въ Царѣградѣ Турками, но ушедшій изъ неволи, по возвращеніи въ Италію писалъ ко всѣмъ Государямъ Западнымъ, что они должны возстать на Магомета, *предтечу Антихристова* и *чадо Сатаны:* однакожъ сіе краснорѣчивое посланіе (внесенное въ лѣтописи Латинской Церкви) осталось безъ дѣйствія ([382]). Награжденный за свое усердіе и страданіе милостію Папы, Исидоръ умеръ въ Римѣ съ именемъ Константинопольскаго Патріарха, и былъ погребенъ въ церкви Св. Петра, до конца жизни сѣтовавъ о паденіи Греческой Имперіи, любезнаго ему отечества, коего спасенію хотѣлъ онъ пожертвовать чистою Вѣрою своихъ предковъ.

Впрочемъ Россіяне, жалѣя о Греціи, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Имперіи было и для нихъ опасно. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: Улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; Ливонскіе Нѣмцы и Шведы занимали единственно Новогородцевъ и Псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ чуждый, предметъ одного любопытства, а не государственнаго вниманія.

Начало Крымской Орды.

Съ Василіева времени сдѣлалась извѣстною *Крымская Орда*, составленная Эдигеемъ изъ Улусовъ Черноморскихъ. Повѣствуютъ, что сей знаменитый Князь, готовясь умереть, заклиналъ многочисленныхъ сыновей своихъ не дѣлиться: но они раздѣлились и всѣ погибли въ междоусобіи ([383]). Тогда

Моголы Черноморскіе избрали себѣ въ Ханы осьмнадцатилѣтняго юношу, одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (какъ увѣряютъ), именемъ Ази, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ въ тишинѣ сельской. Сей юноша, изъ благодарности къ своему благотворителю принявъ *его* имя, назвался Ази-*Гирей:* въ память чего и всѣ Ханы Крымскіе до самыхъ позднѣйшихъ временъ назывались *Гиреями.* Другіе же Историки пишутъ, что Ази-Гирей, сынъ или внукъ Тохтамышевъ, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ, и что Витовтъ доставилъ ему господство въ Тавридѣ (384); по крайней мѣрѣ сей Ханъ былъ всегда усерднымъ другомъ Литвы и не тревожилъ ея владѣній, которыя простирались до самаго устья рѣкъ Днѣпра и Днѣстра (385). Покоривъ многіе Улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, Ази-Гирей основалъ новую независимую Орду Крымскую, обложилъ данію города Генуэзскіе въ Тавридѣ, имѣлъ сношеніе съ Папою, и желая наказать Татаръ Волжскихъ за частыя ихъ впаденія въ области Казимировы, разбилъ врага нашего, Хана Седи-Ахмета, который, спасаясь отъ него бѣгствомъ, искалъ пристанища въ Литвѣ и былъ тамъ заключенъ въ темницу: „дѣло „весьма несогласное съ государственнымъ благоразуміемъ“, пишетъ Историкъ Польскій (386): „способствуя уничиженію Волж„ской Орды, мы готовили себѣ опасныхъ непріятелей въ Рос„сіянахъ, дотолѣ слабыхъ подъ ея игомъ“.— Сіе новое гнѣздо хищниковъ, славныхъ подъ именемъ Татаръ Крымскихъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ безпокоило наше отечество.

ГЛАВА IV

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

отъ нашествія Татаръ до Іоанна III.

Сравненіе Россіи съ другими державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія.

Сравненіе Россіи съ другими Державами.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, не испроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу граж-

данскую. Чѣмъ въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳатромъ Помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства, слабости Вѣнценосцевъ, дерзости Бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не надолго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенія и города откупались отъ утѣснительной власти Бароновъ; Государи по собственному движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промышленности и для самыхъ правовъ; лучшая Исправа (Полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Іустиніанова Кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для Европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка Латинскаго доставляло способъ и Духовнымъ и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій, такъ что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни; къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, Ученые ободрялись Правительствами; возникали Университеты для вышнихъ Наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; Дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Слѣдствіе нашего ига.

Если бы Моголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что Турки въ Греціи: если бы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые *Послы Ординскіе* и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обходились съ нами какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе, и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не

было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности ([387]). Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпенѣніе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ, и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: „не убивайте виновнаго; жизнь Христіанина священна:“ не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ, Димитрій, установилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ инаго способа устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ: иго Татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? — Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней Исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной злобы ([388]); чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожь дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ.

Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ, что Россіяне видѣли въ нихъ бичь гнѣва Небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей Вышней мести, подобно какъ черпь донынѣ мыслитъ, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть

иго; не доставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ ними благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде Князья дѣйствовали мечемъ: въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе Полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: Герой Донской битвы о вѣнцахъ Мученическихъ ([389]). Если мы въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе Вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени Русскаго мы возвышали себя именемъ Христіанъ, и любили отечество какъ страну Православія.

Благое дѣйствіе Вѣры.

Внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ Царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ Вѣчевый колоколъ, гласъ Вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о Вѣчѣ Московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная Государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать Тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ Княжескихъ чиновникахъ, но и въ Князьяхъ ([390]).

Измѣненіе гражданскаго порядка.

Происхожденіе нашихъ Бояръ теряется въ самой глубокой древности: сіе достоинство могло быть еще старѣе Княжескаго, означая витязей и гражданъ знатнѣйшихъ, которые въ Сла-

вянскихъ Республикахъ предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ Государемъ ([391]): но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ Бояръ, какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые Княжескіе Бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтверждалась законная свобода Бояръ переходить изъ службы одного Князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, Боярин съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичь, въ Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія ([392]). Однимъ словомъ, сіи государственные сановники издревле казались народу мужами верховными, и занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую Аристократію. Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число Владѣтельныхъ Князей уменьшилось, а власть Государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ Боярин Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Ужь и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ Бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ Князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго: сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться Князю.— Однимъ словомъ, раждалось Самодержавіе. Начало Самодержавія.

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и Бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ Судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими волю Государя Единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія Государства, и бореніе

двухъ властей, Княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался Диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сеймы народные, ни медленныя думы Аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою Правителей. Власть Боярская производила у насъ *Боярскія смуты*. Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость Государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе Князей Россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ Ханами (393). Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ Единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

Медленные успѣхи Единодержавія.

Исторія свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе Княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія? Нѣкоторые Вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости! Уставилось лучшее право наслѣдственное; древніе Удѣлы возвращались къ Великому Княженію: но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ Государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы Московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое *братское старѣйшинство* Великаго Князя состояло въ томъ, что Удѣльные Владѣтели, имѣя свои особенные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Хановъ. Но

сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда обоюдный; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя грамоты, законно искать управы мечемъ. Народъ, граждане, Бояре Удѣльные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіи Темномъ. Однакожь Великій Князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ Читателю, какими средствами?

Постепенная знаменитость Москвы.

Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичь, отказалъ Переяславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго Князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять Хана Узбека, присоединилъ къ своей области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ Великое Княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверскаго, сдѣлался истиннымъ Главою всѣхъ иныхъ Князей, обязанный тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытное: *иго Татаръ обогатило казну Великокняжескую*, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани, и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростію Князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: Баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ Владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ ([394]). Народъ жаловался, однакожь платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но

и цѣлыя области, гдѣ малосильные Князья, подверженные наглости Моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые *Окупные Княжьки* оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами ([395]). Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами Великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ Ханомъ... Сей Герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы — и наслѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, честимый въ Ордѣ, возвратился оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ *древнее Суздальское Великокняженіе Боголюбскаго* во всей полнотѣ онаго, и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространилъ Московскую Державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того усилена внутри твердѣйшимъ началомъ Самодержавія. Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: Князья Московскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи! Ярославъ обуздывалъ народъ и Бояръ своимъ величіемъ: смиренные тиранствомъ Хановъ, они уже не спорили о правахъ съ Государемъ Московскимъ, требуя отъ него единственно покоя и безопасности со стороны Моголовъ; видѣли прежнихъ Владѣтельныхъ Князей слугами Донскаго, Василія Димитріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о своей древней вольности.

Исторія не терпитъ Оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется. Наше-

ствіе Батыево, кучи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное, составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по Лѣтописямъ Государствъ; однакожь и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны. Лучше, если бы кто нибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ Единовластія въ Россіи, и правилами Самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія.

Однимъ изъ достопамятныхъ слѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженіе Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто изъ уваженія къ Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ Св. Алексій Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ Обителяхъ, и мѣняя одежду Княжескую, Боярскую, на мантію Инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ ([396]). Всякой, готовясь умерть, что нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ордынскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ, Выгоды Духовенства.

оставалось еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскіе Святители употребляли Софійскую казну въ пользу государственную ([397]); но Митрополиты наши не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость: Иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя Обители, гдѣ слава благочестія, награждалась не только уваженіемъ, но и достояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма не многіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Характеръ нашего Духовенства.

Однакожъ, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, свойственнаго Духовенству Западной Церкви, и служа Великимъ Князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты были посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь *меча мірскаго*, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ Христіанской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность Государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые ([398]). Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіанскія и государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыево время благословляли Россіянъ на смерть великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Тёмный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ Митрополитъ Іона,

взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ, и наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близкую независимость Россіи (399).—Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Политиками-Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная. Въ Западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую отъ того, что имѣла дѣло съ народами полудикими—Готѳами, Лонгобардами, Франками—которые, овладѣвъ ими и принявъ Христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить остественныхъ границъ между сими двумя властями: а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти Государей и выгодамъ Духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ домашней жизни, въ языкѣ Россіянъ? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали въ Улусахъ, а Вельможи и купцы Ординскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но Татары были сперва идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными;* и чѣмъ удобнѣе принимали Византійскіе, освященные для насъ Христіанствомъ, тѣмъ болѣе гнушались Татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ Европейскимъ, нежели Азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала: но для того, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а мы остались, какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ

Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ.

одеждѣ нашей и Западныхъ народовъ ([400]): то же безъ сомнѣнія могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія Князей Варяжскихъ все въ главныхъ чертахъ сдѣлалось Нѣмецкимъ, смѣшеннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ Славянскихъ: къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ Грековъ. Древній характеръ Славянъ являлъ въ себѣ нѣчто Азіатское; являетъ и донынѣ: ибо они, вѣроятно, послѣ другихъ Европейцевъ удалились отъ Востока, кореннаго отечества народовъ. Не Татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ Азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у Славянъ и Россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ: но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ ([401]). Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Правосудіе.

Татары не вступались въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ Государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и Дворянъ: недовольные ими жаловались ему; ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о Приказахъ. Отъ Намѣстника зависѣли Дворскіе и Сотники: первые судили холопей, вторые поселянъ; такъ было и въ Удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ Княженій рѣшились Боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми: въ случаѣ ихъ несогласія назначался посредникъ, или *Третейскій судъ*, коего рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, повидимому, твердаго основанія и большею частію зависѣло отъ произвола судящихъ. *Русская Правда* лишь-

лась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты Княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя (402). Кромѣ Двинской судной грамоты Василія Димитріевича мы имѣемъ еще двѣ пятаго-надесять вѣка: Псковскую и Новогородскую. Въ обѣихъ говорится о *законныхъ поединкахъ* въ случаѣ доноса сомнительнаго. Такое странное обыкновеніе господствовало въ цѣлой Европѣ нѣсколько вѣковъ, заступивъ мѣсто *искушеній посредствомъ огня и воды*. Въ *Русской Правдѣ* нѣтъ еще ни слова о сихъ поединкахъ; но въ 1228 году они уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судіями, и назывались *Полемъ*. Искусство и сила казались дѣйствіемъ суда Небеснаго: одолѣть въ бою значило оправдаться. Тщетно Духовенство противилось столь несогласному съ Христіанскою Вѣрою уставу: Митрополитъ Фотій (въ 1410 году) писалъ къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, что поединщики не должны вкушать тѣла и крови Христовой; что всякой, кто умертвитъ человѣка въ бою, отлучается отъ Церкви на 18 лѣтъ, и что Іереи не могутъ отпѣвать убитыхъ (403): но древній обычай былъ сильнѣе убѣжденій Духовенства, церковной казни и разсудка. Въ грамотѣ Псковской опредѣлены нѣкоторыя судныя пени (404); напримѣръ, за вырваніе бороды надлежало платить 2 рубля. Далѣе назначаются разныя денежныя взысканія: на примѣръ, за барана хозяину 6 денегъ, за овцу десять, а судьѣ три; объявляются недѣйствительными купля, продажа и мѣна, совершаемыя въ пьянствѣ; запрещается Княжескимъ людямъ держать корчмы и продавать медъ, а женщинамъ нанимать за себя судныхъ поединщиковъ, и проч. Сія грамота есть только отрывокъ или прибавленіе къ инымъ уставамъ; Новогородская же именно ссылается на другія, намъ неизвѣстныя грамоты, и содержитъ въ себѣ единственно особенныя постановленія, изъ коихъ явствуетъ, что Архіепископъ въ судахъ церковныхъ руководствовался Номоканономъ, а Посадникъ и Намѣстники Великокняжескіе старыми уставами Новогородскими; что они брали пошлину съ дѣлъ; что Тысячскій имѣлъ

свою особенную управу; что судьи ѣздили по городамъ, обязанные рѣшить всякое дѣло въ опредѣленный срокъ или заплатить пеню: что вмѣстѣ съ судьями и *Докладчиками* засѣдали Присяжные, знаменитые граждане, Бояре и Житые люди, что дѣло предлагалось такъ называемыми *Разскащиками* или Стряпчими, а записывалось Дьякомъ или Секретаремъ, съ приложеніемъ ихъ печатей; что мужья отвѣтствовали въ судахъ за женъ, а за вдовъ сыновья; что жены Боярскія и людей Житыхъ присягали дома; что холопи могли свидѣтельствовать только на холопей, а *Псковитяне* никогда; что прежде законнаго осужденія никто не могъ быть лишенъ свободы, и всякому обвиняемому давался срокъ; что истецъ и отвѣтчикъ подвергались тяжкому взысканію, если беззаконно обносили другъ друга или судей; что уличенный въ насильственномъ владѣніи платилъ пеню Великому Князю и Новугороду, Боярин 50 рублей, Житый двадцать, а *Младшій* гражданинъ десять: слѣдственно наказаніе умножалось по мѣрѣ знатности или богатства преступниковъ. Къ суду Святительскому относились, кромѣ церковныхъ преступленій, всѣ дѣла Іереевъ, Иноковъ, людей монастырскихъ и проч.; а буде они имѣли дѣло съ мірянами, то Намѣстники и судьи Епископскіе рѣшили оное вмѣстѣ съ Княжескими или городскими чиновниками ([405]). Въ Новѣгородѣ Святительскія денежныя пени были гораздо тягостнѣе иныхъ; на примѣръ, отъ суднаго рубля получалъ Владыка, Намѣстникъ или Ключникъ его за печать гривну, а Посадникъ, Тысяцкіе и судьи ихъ только семь денегъ. Такъ ли было и въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ, мы не знаемъ; но видимъ, что Духовенство наше вездѣ старалось умножать свои права судебныя, доказывая ихъ древность мнимыми церковными уставами Св. Владиміра и Ярослава Великаго. Послѣднимъ рѣшителемъ въ судахъ церковныхъ былъ Митрополитъ: Новогородцы въ 1385 году отняли у него сіе доходное право, уставивъ, чтобы Архіепископъ и главные ихъ чиновники вершили всѣ дѣла независимо или безъ отчета.

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства: чему виною были замѣшательства и непостоянство въ Правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались уменьшать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы, согласно съ древними обыкновеніями и безъ всякихъ письменныхъ, общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы Греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ Европейскихъ около десятаго вѣка; но въ пятомъ-надесять, имѣя училища законовѣдѣнія и Римское Право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко насъ опередила.

Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: Крестовые походы, духъ Рыцарства, долговременныя войны и наконецъ образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ ([403]); а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники государственные: Бояре *Старшіе*, *Большіе*, *Путные* (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе), *Окольничіе* или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были истиннымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались *Дворомъ Великокняжескимъ*. Второй многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался *Дѣтьми Боярскими*: въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Отроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ. Всякой древній, областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣтей Боярскихъ, которые составляли

Искусство ратное.

воинскую дружину первыхъ ([407]). Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда ([408]). Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150,000 ратниковъ, но для сего требовалось усилій необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже стоялъ подъ Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: Государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Иностранные Писатели говорятъ, что Россіяне сего времени сражались подобно Моголамъ: „не стоя на мѣстѣ, а на скаку „дѣйствуя стрѣлами и копьями, то нападая, то вдругъ отступу„пая“ ([409]). Но лѣтописи наши доказываютъ противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожь мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемые *большія* или Княжескія знамена подъ защитою Дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ Герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбростію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сраженіи со Шведами и съ Ливонскими Меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣдителя Болгаровъ, Олегова и Мамаева: чѣмъ въ государствованіе Темнаго отличались Князь Василій Оболенскій и Московскій Дворянинъ Ѳеодоръ Басенокъ ([410]). Однакожь Россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига Хан-

скаго, но рѣдко въ битвахъ: видимъ много убійствъ, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Замѣтимъ, что лѣтописи временъ Василія Темнаго въ 1444 году упоминаютъ о *Козакахъ* Рязанскихъ, особенномъ легкомъ войскѣ, славномъ въ новѣйшія времена. И такъ Козаки были не въ одной Украйнѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстно по Исторіи около 1517 года ([411]); но вѣроятно, что оно въ Россіи древнѣе Батыева нашествія, и принадлежало Торкамъ и Берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ Козаковъ. Торки и Берендѣи назывались *Черкасами* ([412]): Козаки также. Вспомнимъ *Касоговъ*, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну *Казахію*, полагаемую Императоромъ Константиномъ Багрянородимымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что Осетинцы и нынѣ именуютъ Черкесовъ *Касахами* ([413]): столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что Торки и Берендѣи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козаками;* что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни Моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами; приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ *Козаковъ* составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были почти Русскими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ Татарами мѣстахъ; взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ ихъ именемъ. Они раздѣлились на *сотни* и *полки*, конхъ Глава или Гетманъ въ

Происхожденіе Козаковъ.

знакъ уваженія получилъ отъ Государя Польскаго, Стефана Батори, знамя Королевское, бунчукъ, булаву и печать ([414]). Сіи-то природные воины, усердные къ свободѣ и къ Вѣрѣ Греческой, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достояніе онаго. — Собственно такъ называемые Козаки *Запорожскіе* были частію Малороссійскихъ: Сѣча ихъ, или земляная крѣпость ниже Днѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сборнымъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ холостыхъ Козаковъ, не имѣвшихъ никакого промысла, кромѣ войны и грабежа. — Вѣроятно, что примѣръ Украинскихъ Козаковъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непріятеля, далъ мысль и сѣвернымъ городамъ нашимъ составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболѣе подверженная нападенію Ордынскихъ хищниковъ, имѣла и болѣе нужды въ такихъ защитникахъ. Люди молодые, бездомовные, записывались въ Козаки, побуждаемые къ тому или нѣкоторыми особенными, гражданскими выгодами — можетъ быть, освобожденіемъ отъ всякихъ податей — или прелестію добычи воинской ([415]). Въ Исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ *Козаковъ Ордынскихъ*, *Азовскихъ*, *Ногайскихъ* и другихъ: сіе имя означало тогда *вольницу*, *напъздниковъ*, *удальцевъ*, но не *разбойниковъ*, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турецкій ([416]): оно безъ сомнѣнія не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и Вѣру, добровольно такъ назвались.

Купечество.

Россія, не смотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей Монголами, въ XIV и въ XV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній, славный *путь Греческій* для насъ закрылся; открылись новые пути торговли, съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ *Сурожанами*, по имени Сурожскаго или Азовскаго моря ([417]): ибо онѣ привозились, къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ *съ суконниками*, которые продавали Нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новаго-

рода, гдѣ цвѣла торговля Ганзейская. За сіи иностранныя произведенія мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцевъ. Еще непроходимые, дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятагонадесять вѣка бобры, козы, лоси витали на свободѣ: лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ ([118]). Россія, скудная людьми—отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы—тѣмъ болѣе изобиловала дикими сокровищами Природы, коихъ источники всегда изсякаютъ отъ возрастающаго многолюдства. Ординскіе купцы живали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они доставляли намъ товары ремесленной Азіи и лошадей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и Пермскихъ) множество ловчихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ, привозимыхъ въ Великое Княженіе изъ Двинской земли. Вѣроятно, что Россіяне передавали Моголамъ и Нѣмецкія сукна, такъ же, какъ Нѣмцамъ плоды Азіатскаго ремесла. Казань заступила мѣсто древняго Царства Болгарскаго: купцы Московскіе и другіе торговали въ ней съ Востокомъ.—Ханы для своихъ выгодъ покровительствовали у насъ торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили Ордынскую дань. Славный Венеціянскій путешественникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о *хладной* Россіи, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками* ([119]): мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ Нѣмецкихъ купцевъ и черезъ Югру изъ Сибири. Новогородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6000 фунтовъ серебра, а Витовту дѣйствительно заплатили около шестидесяти пудовъ: что, прежде открытія Америки, было весьма много. Не знаемъ за-подлинно, сколько мы ежегодно давали

Ханамъ; однакожъ извѣстно, что въ 1384 году съ каждой *деревни* собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно изъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ ([420]). Кромѣ сего земледѣльцы вносили въ казну Великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или *куны*, древнія наши *ассигнаціи*, бывшія не менѣе пяти сотъ лѣтъ въ обращеніи, и весьма полезныя для успѣховъ промышленности за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ сихъ кожаныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева: тогда упали куны ибо Моголы не брали ихъ вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими Россіянами, которые уже не признавали достоинства *мордокъ*: что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами* ([421])— и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія перемѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей: такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ, вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія государственныхъ постановленій. Владѣтельные Князья, опредѣляя легкія законныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: „а купцамъ торговать

безъ *рубежа* или безъ *заціпокъ*„ (422). Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: Новогородскіе хмѣлемъ и льномъ, Новоторжскіе кожами, Галичане и Двиняне солью. Соль Галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне въ 1364 году также завели-было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцевъ прозорливыхъ.

Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже Вѣнценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева Посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествій въ Италію, не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: однакожь, черезъ торговыя связи Новагорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять хартію или пергаменъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у Нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный (423). Москва и Галичь оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городовъ. — Къ художествамъ Русскимъ прибавилось одно новое: монетное; но крайней мѣрѣ со временъ Ярослава или со XII вѣка мы, кажется, не имѣли онаго. Монетчики назывались *денежниками*. — Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя церкви, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что Св. Ольга жила въ каменномъ дворцѣ: въ Москвѣ же, кромѣ церквей и городскихъ стѣнъ, не было ни одного каменнаго зданія до XV вѣка: ибо Князья и Вельможи предпочитали деревянные домы какъ благопріятнѣйшіе для здоровья. Сверхъ того частые мятежи и государственныя неустройства отвращали самыхъ богатыхъ

Изобрѣтенія, художества, роскошь, познанія, словесность.

людей отъ мысли строить долговременно и прочно: гдѣ нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ рѣдко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій Архіепископъ Евфимій въ 1433 году поставилъ у себя на дворѣ *каменную съ тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а Митрополитъ Іона такую же въ 1449 году, съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ; первую строили Нѣмецкіе Архитекторы. — Среди нынѣшней Москвы находилось еще не мало рощей и луговъ. Князья, Бояре имѣли свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множествѣ слугъ, въ богатой одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ погребахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго меда; а всего болѣе въ созданіи храмовъ и въ драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о слугахъ, замѣтимъ, что Великіе Князья, умирая, обыкновенно давали своимъ холопямъ волю ([424]): такъ поступали и другіе знатные люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшенный памятниками Византійскихъ художествъ, оживляемый стеченіемъ купцевъ иностранныхъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, превосходилъ Москву пятаго-надесять вѣка во многихъ отношеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожь не столько, чтобы умъ лишился всей животворной силы своей и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не преставала дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ Московской Патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой Словесности ([425]). Знаніе Еллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго Духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемградомъ. Такимъ образомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ Политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ Духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали

Иноковъ о предметахъ Христіанства и нравственности, о самыхъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: ибо тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. Волынскій Лѣтописецъ приводитъ мѣста изъ Гомера: Московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ ([426]). Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ Грековъ всемірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; на примѣръ: о *храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана — о *Синагрипѣ, Царѣ Адоровъ*— о *витязяхъ древности* — о *богатствахъ Индіи* ([427]), и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть Арабская (изданная на Французскомъ языкѣ въ продолженіи *Тысячи-одной ночи*): вѣроятно, что она въ XIII или XIV вѣкѣ была переведена на Русской съ Греческаго. Между тогдашними произведеніями собственной нашей Словесности достопамятны піитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное Рязанцемъ, Іереомъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*, хотя и менѣе стихотворно. На примѣръ ([428]): „Князь Владиміръ такъ го„воритъ Димитрію: Воеводы наши крѣпки, витязи Русскіе „славны, кони ихъ борзы, доспѣхи тверды, щиты червленые, „копья злаченыя, сабли булатныя, *курды* Ляцкія, колчаны „Фряжскіе, сулицы Нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега „Оки свѣдомы. Хотятъ витязи положить свои головы за Вѣру „Христіанскую и за обиду Великаго Князя Димитрія..... Ве„ликая Княгиня Евдокія съ женами Воеводскими сидитъ не„чально въ златоверхомъ теремѣ, подъ окнами южными, смо„тритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ слезы ручьями, и „приложивъ руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ: Боже великій! умоляю Тебя смиренно: сподоби меня еще видѣть моего друга, славнаго между людьми, Князя Димитрія! Помоги ему на вра„говъ рукою крѣпкою! Да не падутъ Христіане отъ Мамая „невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ злаго Батыя! Да спа„сется остатокъ ихъ и да славитъ имя Твое святое! Уныла

„земля Русская: только на Тебя уповаемъ, Око Всевидящее! „Имѣю двухъ младенцевъ беззащитныхъ: кому закрыть ихъ „отъ вѣтра бурнаго, отъ зноя палящаго? Возврати имъ отца, да царствуютъ во вѣки!.....

„Славный Волынецъ, мужъ исполненный ратной мудрости, на „канунѣ битвы, въ глубокую ночь, зоветъ Великаго Князя „въ чистое поле, да узнаетъ тамъ судьбу отечества. Впереди „станъ Мамаевъ: за ними Россійскій. *Внимай!* сказалъ Во„лынецъ... и Димитрій, обратяся къ Мамаеву стану, слышитъ „стукъ и кличь, подобный шуму многолюднаго торжища или „созидаемаго града, или звуку трубъ безчисленныхъ. Далѣе „грозно воютъ звѣри и кричатъ вороны; гуси и лебеди пле„щутъ крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу „необычайную. *Обратися къ стану Русскому*! говоритъ „Волынецъ — *что слышишь?... Все тихо*, отвѣтствуетъ „Димитрій: *вижу только сліяніе огней небесныхъ съ блеС„стящими зарями....* Волынецъ сходитъ съ коня; ухомъ „приникаетъ къ землѣ; слушаетъ долго; встаетъ и безмолв„ствуетъ. Великій Князь требуетъ отповѣди. *Добро и зло „ожидаетъ насъ*, говоритъ ему сей мудрый витязь: *плачутъ обѣ страны, единая какъ вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій; но „много, много падетъ нашихъ!* Димитрій пролилъ слезы....

„Сходятся рати подъ густою мглою. Знамена Христіанскія „воспрянули; кони подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы „наши громко, Татарскія глухо. Стонетъ земля на Востокъ „до моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле отъ тягости пе„регибается; воды изъ береговъ выступаютъ..... Часъ насталъ. „Каждый воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ: *Господи! „помози Христіанамъ*! и быстро впередъ устремился... Сра„зились, не только оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ „друга;* умирали подъ ногами конскими; задыхались отъ тѣ„сноты на полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ сіянія „мечей; лѣсъ копій трещитъ и ломается. Удалые витязи наши „какъ величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! „разверзлося небо надъ полками Димитрія; видимъ свѣтлое

„облако, исполненное рукъ человѣческихъ, которыя держатъ лу„чезарные вѣнцы для побѣдителей... И се воины Князя Вла„диміра рвутся изъ засады на Мамая, какъ соколы на стадо „гусиное, какъ гости на пиръ брачный; ударили, и врагъ „бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай возмнся до небесъ, „и въ адъ нисходиши!*“ и проч.

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. Описывая добродѣтели сего Великаго Князя, сочинитель говоритъ (129): „Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юно„шествѣ, другіе въ лѣта среднія, или въ старости: Димитрій „всю жизнь совершилъ во благѣ. Принявъ власть отъ Бога, „онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни „княженія *вскипѣла* славою; былъ для отечества стѣною и „твердію, а для враговъ огнемъ и мечемъ; кротко-повелителенъ „съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ умъ вы„сокій, сердце смиренное; взоръ красный, душу чистую; мало „говорилъ, разумѣлъ много; когда же говорилъ, тогда Филосо„фамъ заграждалъ уста; благотворя всѣмъ, могъ назваться „*окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спящихъ въ опа„сности*..... Когда же великій *Царь* земли Русскія, Дими„трій, заснулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аэръ* возмутился, земля „потряслася, люди ужаснулись. О день скорби и *туги*, день „мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ: *о „горе намъ, братіе! Князь Князей преставился; звѣзда, „сіяющая міру, склонилась къ западу!*“ — О супружеской взаимной любви Димитрія и Великой Княгини Евдокіи сказано такъ: „Оба жили единою душею въ двухъ тѣлахъ, оба жили „единою добродѣтелію, какъ *златоперсистый* голубь и *слад„коглаголивая* ластовица съ умиленіемъ смотряся въ чистое „зерцало совѣсти..... Видя же его мертваго на одрѣ, Княгиня „горько восплакала, проливая *слезы огненныя*; гласъ ея какъ „утреннее шептаніе ластовицы, какъ органы сладкозвучные. „Такъ вѣщаетъ горестная: Зашелъ свѣтъ очей моихъ; погиб„бло сокровище моей жизни! Гдѣ ты, безцѣнный? Почто не „отвѣтствуешь супругѣ?... Цвѣтъ прекрасный! для чего увя„даешь столь рано? виноградъ многоплодный! уже ты не дашь

„плода моему сердцу, ни сладости душѣ моей!... Воззри, воззри „на меня; обратися ко мнѣ на одрѣ своемъ; промолви слово! „Не уже ли забылъ меня? Се жена и дѣти твои!... Кому „супругу приказываешь? на кого сиротъ оставляешь?,.. Царь „мой милый! какъ обниму тебя? какъ послужу тебѣ?... Гдѣ „честь и слава? Былъ Государемъ всей земли Русской: нынѣ „мертвъ и ничѣмъ не владѣешь! Побѣдитель народовъ побѣ- „жденъ смертію! Измѣнилась твоя слава вмѣстѣ съ лицемъ „твоимъ!... О жизнь души моей! не знаю, какъ ласкать, какъ „миловать тебя!... Багряницу многоцѣнную промѣнялъ ты на „сіи ризы бѣдныя! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!... „Отвергнувъ Княжескій вѣнецъ, худымъ платомъ главу покры- „ваешь! Изъ палаты красной въ сей гробъ переселяешься!... „Ахъ! если бы Господь услышалъ молитву мою!... Молися и „ты за свою Княгиню, да умру съ тобою, бывъ неразлучна „съ тобою въ жизни!... Еще юкость насъ не оставила; еще „старость насъ не постигла! Ахъ! не долго я радовалась моимъ „другомъ! За веселіе пришли слезы, за утѣхи скорбь неспо- „сная!... Почто я родилася? или почто не умерла прежде тебя? „Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели!... „Не слышишь жалкихъ рѣчей моихъ; не умиляешься моими „слезами горькими! Крѣпко уснулъ, Царь мой; не могу раз- „будить тебя! Съ какой войны пришелъ ты, любезный! Отъ „чего столь утомился? Звѣри земные идутъ на ложе свое, а „птицы небесныя летятъ ко гнѣздамъ: ты же, любезный, от- „ходишь отъ своего дому!... Кому уподоблю, какъ назову себя? „Вдовою ли? ахъ! не знаю сего имени? Женою ли? но Царь „оставилъ меня!... Вдовы старыя! утѣшайте меня! Вдовы юныя! „плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнѣе всѣхъ горестей... „Боже великій, Царь Царей! Ты единъ буди мнѣ истиннымъ „утѣшителемъ!“ — Сіи приведенныя нами мѣста суть, кажется, лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія. Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.

Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изрѣченій Св. Писанія, которыя врѣзывались въ память людей, Россія имѣла особенную систему нравоученія въ своихъ народныхъ пословицахъ. Многія изъ оныхъ несомнительно относятся къ сему времени; на примѣръ: *гдѣ Царь тамъ и Орда;* или: *такали, такали Новогородцы, да и протакали* ([130]). Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что въ случаѣ нужды можемъ опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый купецъ, Бояринъ, рѣдко грамотный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейственную пословицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками. — Вѣроятно, что и нѣкоторыя народныя пѣсни Русскія, въ особенности историческія о благословенныхъ временахъ Владиміра Святаго, были сочинены въ вѣки нашего рабства государственнаго, когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества. Русской поетъ въ веселіи и въ печали. — Вообще языкъ нашъ отъ XIII до XV вѣка пріобрѣлъ болѣе чистоты и правильности. Оставляя употребленіе собственнаго Русскаго, необразованнаго нарѣчія, Писатели тщательнѣе держались Грамматики церковныхъ книгъ или древняго Сербскаго, коего памятникъ есть наша Библія ([131]), и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ; однакожъ, подобно Лѣтописцу Нестору, ошибались иногда и на употребленіе: отъ чего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота, освященная древностію, такъ, что мы и нынѣ въ одной книгѣ,

Пословицы.

Пѣсни.

Языкъ.

на одной страницѣ пишемъ *злато* и *золото*, *гладъ* и *голодъ*, *младость* и *молодость*, *пію* и *пью*. Еще не время было для Россіянъ дать языку ту силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ высшими успѣхами разума въ мирномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ, съ богатствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности: по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность ([132]). Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожъ не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства.

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что Оно назначило Россіи быть долговѣчною.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ V.

ГЛАВА I.

Великій Князь Димитрій Іоанновичь, прозвавшемъ Донскій.

Г. 1363—1389.

СТР.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Вел. Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое вторженіе Литвы. Междоусобіе Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Осгей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между Вел. Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношенія съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіянцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля . . . 3

ГЛАВА II.

Великій Князь Василій Димитріевичь.

Г. 1389—1425.

СТР.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Вел. Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовта съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженія. Удача

стр.

и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго 76

ГЛАВА III.

Великій Князь Василій Василіевичь Темный.

Г. 1425—1462.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ордынская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды 149

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

Отъ нашествія татаръ до Іоанна III.

Сравненіе Россіи съ другими державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ 226

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

---

(1) Великій Князь, отпустивъ посла Авдулина, ѣздилъ изъ Владиміра въ Переяславль Залѣсскій.—*Никон. Лѣт.* именуетъ посла Мурутова Илякомъ, и говоритъ, что Димитрій Суздальскій господствовалъ тогда въ Владимірѣ 12 дней (вмѣсто недѣли). Сей Лѣтописецъ прибавляетъ еще, что Димитрій Константиновичь, изъявивъ покорность Великому Князю, уѣхалъ въ Нижній къ своему брату Андрею.

(2) См. *Никон. Лѣт.* г. 1363, стр. 5, и *Ростовск.* Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано: «Тое же зимы повоеваша Князи Ростовскіе межъ собою «со Княземъ Константиномъ *Андревичемъ*, и побѣжалъ Князь изъ Ростова «во Ржеву. Того же лѣта пріѣхалъ Князь *Владиміровичь* въ Ростовъ, а «съ нимъ Князь Иванъ Ржевской съ войною въ велицѣй силѣ, а Князь «Константинъ *Владиміровичь* и братъ его побѣжали на Устюгъ.» *Въ то время*, сколько намъ извѣстно, не было въ Ростовѣ ни Константина *Андреевича*, ни Константина *Владиміровича*. Сей же Лѣтописецъ прибавляетъ, что Великій Князя плѣнилъ жену Димитрія Галицкаго.

(3) Іоаннъ Іоанновичь преставился въ 1364 году, Окт. 23, а мать его, Вел. Княгиня Александра, названная въ Монашествѣ Маріею, Дек. 27; первый погребенъ въ Архангельскомъ Соборѣ, а вторая въ придѣлѣ монастыря Спасскаго или Преображенскаго.

См. договорную грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 74. Писанная на бумагѣ, и безъ печатей, сія грамота не есть подлинникъ. Въ ней встрѣчаются выраженія: *по згадцѣ, на переварѣ.* Первое значило: *по обстоятельствамъ*, или *по соображенію съ обстоятельствами;* а *переварами* называются тѣ мѣста, гдѣ варили для Князей оброчный медъ.

(4) «Въ то же лѣто (1365), Іуніа во 2 день, преставися К. Андрей «Конст. въ Чернцѣхъ и въ Схимѣ, и положенъ бысть въ церкви Спаса» (въ Нижнемъ). Сей Андрей построилъ тамъ близъ дворца своего каменную церковь Св. Архистратига Михаила. Въ *Троицкой:* «Княгиня же Василиса, «много плакавше по Князи своемъ, пребысть вдовою 4 лѣта; пострижена «бысть отъ Діонисья Архимандрита Печерскаго, и наречено бысть имя «ей Ѳеодора.—Бысть ей тогда отъ роженья лѣтъ 40, и раздавала все «имѣнье свое церквамъ и монастыремъ и нищимъ, а слуги своя и рабы «и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ монастырѣ у «Св. Зачатья, иже сама создала при Князи своемъ; живяше же въ мол«чаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами и сле«зами, стояніемъ нощнымъ и неспаніемъ; многажды и всю нощь безъ «сна пребываше, овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногдаже и пять

«дней не ядяше; въ мовию не хожаше, въ срачицѣ не хожаша, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьяше, на пирѣхъ и «на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше; злобы ни на «коего же не держаше: ко всѣмъ любовь имѣяше. Таковое же доброе и «чистое житье ея видѣвше, мнози Болярыни, жены и вдовици и дѣвици «постригошася у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяноста, и вси общее «житье живяху. Княгиня же Василиса, поживши въ Черницахъ восемь «лѣтъ и поболѣвши нѣколико дній, преставися ко Господу.»

Далѣе: «К. Димитрій Константиновичь съ матерію своею *Еленою* «пріиде къ Новугороду Нижнему: Князь же Борисъ не соступися ему. «Онъ же иде къ Москвѣ... Тое же зимы пріиде посолъ отъ Царя изъ «Орды Байрамхози и отъ Царицы Асанъ, и посадиша въ Новѣгородѣ «Нижнемъ на Княженіи Князя Бориса.» Сынъ Димитрія Константиновича, Василій, ѣздившій въ Орду, прозывался Кирдяпою.—Далѣе: «Дошедшу Димитрію Константиновичу Бережца, и ту стрѣте и Кн. Борисъ «и доби челомъ ему.» Въ *Ростов.*: «тое же зимы (1367), Іанпуаріа въ «18 день, женился Вел. К. Димитрій *вторымъ бракомъ*, понялъ за себя у «К. Дим. Константиновича дщерь Евдокію.» Въ *Троицк.* и другихъ лѣтописяхъ нѣтъ словъ: *вторымъ бракомъ*.

(5) Въ *Псков. Лът.*: «въ лѣто 6868 (1360) бысть во Псковѣ другый «моръ. Тогда и Остафій Князь преставись, и два сына его, Карпъ и «Алексій.»—Въ *Троицкой*: «въ лѣто 6872 бысть моръ въ Новѣгородѣ въ «Нижнемъ, и на уѣздѣ, и на Сару (Сурѣ), и на Кишп, и по странамъ... «А пришелъ изъ Низу отъ Бездежа; а оттолѣ на Коломну, на другое »лѣто въ Переяславль, на другое лѣто въ Москву,» и проч. Въ *Никонов.*: «на Бѣлѣозерѣ тогда ни единъ живъ обрѣтеся.» Далѣе см. Лѣтописи *Ростов.* и *Никон.* Въ первой: «бысть моръ въ Торжку *угоршиною*.» Во второй: «Преставись Княгиня Великая Настасья Александрова, таже «Княгиня *Авдотія* Костянтинова, таже К. Семенъ Констянтиновичь, а «отчины своей удѣлъ и Княгиню приказа Князю Михаилу Александро«вичу. Таже преставись Княгиня Всеволожа Софея, и потомъ самъ Князь «Всеволодъ, таже братъ его К. Андрей, таже Княгиня его Евдокіа, и «К. Володимеръ Александровичь.» — Въ Смоленскѣ язва была въ 1377, 1386 и 1387 году, а во Псковѣ еще въ 1389.

(6) См. *Троицк. Лът.* г. 6873 (1365).—Далѣе: «Тое же зимы Князь «Великій, погадавъ съ братомъ съ Володимеромъ и со всѣми Бояры «старѣйшими, и сдумаша ставити городъ каменъ Москву. Тое же зимы «повезоша каменье къ городу. Тое же весны (1367) почали ставить го«родъ каменъ».

(7) Тагай выжегъ Рязань въ 1365 году. Сраженіе было подъ Шишевскимъ лѣсомъ, на Войновѣ. Тагай ушелъ съ малымъ числомъ своихъ. Не отъ сего ли Мурзы городъ Тагай получилъ имя?—Упоминаемый здѣсь Титъ Козельскій названъ въ Родословныхъ Книгахъ *внукомъ* Св. Михаила Черниговскаго (что не вѣроятно по времени). — Далѣе: «Того жь лѣта «(1367) Булатъ-Темирь пограби уѣздъ до Волги и до Сундовити... По *за«житіямъ* множество Татаръ побьени быша»—то есть въ разъѣздахъ для собранія съѣстныхъ припасовъ.

(8) Въ *Ростов.*: «той же зимы (1364) съ Югры Новогородцы прі«ѣхаша. Дѣти Боярскіе и люди молоды Всеводы, Александръ Обакуновичь, воеваша по Оби рѣкѣ и до моря, а другая половина на верхъ «Оби, и Двиняне сташа противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянъ на « *Кучрьи*.» Въ *Троицкой*: «того жь лѣта (1365) пойдоша Новгородци изъ «Югры, а Двиняне *взяша Нукурю*.» Говорится объ одномъ происшествіи, но смыслъ несогласенъ: по *Ростов.* Новогородцы сражались съ Двиня-

нами, а по *Троиц.* Двиняне вмѣстѣ съ ними ходили тогда воевать къ предѣламъ Сибири.—Въ *Новогород. Лът.*: «Ходиша изъ Новагорода (въ «1366 году) люди молодыи на Влѣгу безъ Новогородскаго слова» — безъ вѣдома Правителей—«а Воеводою Есипъ Варѳоломеевичь, Василій Ѳео«доровичь, Александръ Обакуновичь; того жь лѣта пріидоша вси здрави «въ Новгородъ.» Въ *Троицкой:* «Пройдоша Волгой изъ Новагорода изъ «Великаго 150 *ушкуевъ* (лодокъ) Ноугородци разбойници *ушкуйници*, из«биша Татаръ множество, Бесерменъ и Орменъ въ Новѣгородѣ въ Ниж«немъ, женъ и дѣтей, товаръ ихъ пограбиша, а съсуды (суда) ихъ, *кер«бати* и лодьи и учаны и *пабусы* и струги, то все посѣкоша, а сами «отъидоша въ Каму, и пройдоша до Болгаръ, также творяще и воюю«ще.—Того же лѣта (1366) на зиму отъ Князя изымаша Василья Дани«ловича съ сыномъ на Вологдѣ, а онъ шелъ съ Двины, а того бяше не «вѣдалъ, не стереглъся. Въ лѣто 6875 посылаша Новгородци пословѣ къ «Вел. Князю, и докончаша миръ, и Князь отпусти Василя и сына его «Ивана, и Намѣстника своего присла въ Новгородъ».

(9) См. *Никон. Лът.* IV, 5 и 12. Еще въ 1363 году Князь Василій Михайловичь ходилъ съ войскомъ къ Микулину, но помирился съ Михаиломъ. «Въ лѣто 6874 (1366) бысть розмирье Князю Василію, да Князю «Іеремею (Константиновичу) со Княземъ съ Михаиломъ Александрови«чемъ про удѣлъ Князя Семена Костянтиновича, и по Митрополичью «повелѣнію судилъ ихъ Владыка Василей, и оправилъ Князя Михаила... «Въ лѣто 6875 (1367) Князь Великій Дмитрій всѣхъ Князей Рускихъ «привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся, и на тѣхъ «нача посягяти, тако же и на Князя Михайла Тверскаго; и К. Михайл «пойде въ Литву, а К. Василей и сынъ его, К. Михайло, и К. Іеремей «приставомъ Митрополичьимъ позвали на Москву на судъ передъ Ми«трополита Владыку Василія, что ихъ судилъ не по правдѣ; и тако на «Москвѣ про тотъ судъ Владыцѣ сотворися проторъ великъ, а во Тфери «Житейскимъ людемъ. Князь же Василей съ своею Княгинею и съ сы«номъ Михайломъ и съ К. Іеремеемъ и со всею силою Кашинскою пріѣхаша во Тферь, и велику погибель створиша людемъ; и къ Городку «ратью ходили, и испросили себѣ помощи у Князя Великаго Дмитрія, и «не вземше взвратилися назадъ, извоевавше власти (волости) и села. «Рать Московская и Волоцкая извоеваша села Тверскія на сей странѣ «Волги, церковныя и Св. Спаса Епископьи. Того жь лѣта въ осенинѣ, «на завтріе по Дмитріевѣ дни, Князь Михайло Тферскій, пріѣхавъ изъ «Литвы во Тферь своею ратью, и изнималъ Княгиню Іеремееву и Кня«гиню Васильеву Елену и ее всѣхъ Бояръ и Бояръ дяди, и пошелъ «ратью Литовской къ Кашину, и срѣтиша его отъ дяди и отъ Владыки «послы въ Андреевскомъ селѣ... и въ томъ мѣстѣ рать увернулъ, а подъ «дядею миръ взялъ со Княземъ съ Великимъ, съ Дмитріемъ... Князь же «Михайло Княгиню Іеремееву отпусти, а на зиму о Крещеніи К. Ми«хайло Васильевичь Кашинскій отъ отца своего пришедъ съ любовію ко «Князю Михаилу Александровичу... Того же лѣта К. Іеремей сложи цѣ«лованіе крестное ко Князю Михайлу и поѣха на Москву» — Удѣломъ Іеремеевымъ былъ *Дорогобужъ*, нынѣ село *Дорожево* въ Тверской Губерніи.

(10) См. ниже мирный договоръ сего Князя съ Димитріемъ. — Въ *Троиц.*: «Того же лѣта (1368) Кн. Вел. Дмитрій Иван., да Алексѣй Ми«трополитъ зазваша Князя Михайла любовью на Москву, и бысть имъ «*судъ* на третей:» новѣйшіе переписчики, не понявъ сего выраженія, прибавили: «на третей *день!*» Далѣе: «Князь Михайло тогды сѣдѣлъ на Гав«шинѣ дворѣ... и внезапу пріидоша отъ Орды Татарове, Карачь» (ви

Никонов.: и Оандарь и Тютекашъ) — «они же, подумавше, и тако попу-«скаша ихъ (Михаила съ Боярами) въ свояси». Въ *Русск. Лѣт.* Львова: «укрѣпиша его крестнымъ пѣлованіемъ». Далѣе см. *Никон. Лѣт.*

(11) Въ Родословныхъ Книгахъ сей Василій несправедливо названъ бездѣтнымъ, вмѣсто его внука, также Василія Михайловича.

(12) См. *Никон. Лѣт.* IV, 5, и *Болш. Чертежъ*, стр. 162. Стриковскій пишетъ (*Хрон. Литов.* кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгіемъ и Ѳеодоромъ Коріатовичами, близъ Синей Воды, въ Подоліи, разбивъ трехъ Князей Могольскихъ, Кутлубака Солтана, Качибейкирея и Димейтера Солтана (будто бы еще въ 1331 году) прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Донъ; что Коріатовичи, завладѣвъ Подоліею, основали тамъ города *Бекоту*, Смотричь, *Каменецъ*, *Брянславъ*, *Межибожъ*, *Теребовль* (развѣ только *возобновили?* ибо о сихъ городахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XI, XII и XIII вѣка) Винницу, Брезаницу, Хмѣльникъ; что Волохи избрали себѣ Георгія Коріатовича въ Господари, но отравили его въ Сочавѣ и погребли въ каменномъ Васильевѣ монастырѣ за Берладомъ, и проч. Братья Коріатовичи, не довольные послѣ дядею, прибѣгнули къ Королямъ Венгерскому и Польскому. Ѳеодоръ со многими Россіянами переселился въ Венгрію, въ Мункачъ, гдѣ, называясь тамошнимъ Герцогомъ, основалъ монастырь и церковь Греческой Вѣры (см. Базиловича Notit. Fundationis Theodori Koriatovits pro Religiosis Ruthenis in monte Csernek ad Munkacs). — Далѣе см. Нарушевича *Таврикію*, стр. 108, и нашей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 146.—Литовцы взяли Ржевъ въ 1363 году. Въ *Никон. Лѣт.* безъ сомнѣнія ошибкою стоитъ *Коршева*, вмѣсто *Ржева*.— Далѣе: «К. Андрей Олгердовичь Полотскій воева Ховрачь, да Родень» (Рудню въ Смоленск. Губерніи).—О Витовтѣ см. Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 10. Онъ называетъ его обыкновенно *Витольдомъ*.

(13) «Обычай бо бѣ Ольгерду, егда куда поидяше на войну, тогда «никому же невѣдущу воиномъ его, камо хощетъ ити ратью, ни инымъ «опришнимъ пли внѣшнимъ, или иноземцомъ, или гостемъ, да не услы-«шана будетъ дума его въ ушью иноземцемъ, и таковою хитростью Ол-«гердъ многы земли поималъ, не толма силою, елико умѣньемъ воеваше».

(14) Князь Симеонъ убитъ въ области *Холмъ*. Онъ былъ праправнукъ перваго Князя Стародубскаго, Іоанна Всеволодовича. — Городъ Оболенскъ (нынѣ слобода въ Калужской Губерніи, на рѣкѣ Нарѣ) принадлежалъ къ древней странѣ Витячей, и слѣдственно къ областямъ Черниговскимъ. Отецъ Константина Оболенскаго, Юрій Торусскій, въ Родословныхъ Книгахъ названъ сыномъ Св. Михаила Черниговскаго!! Довольно, что онъ происходилъ отъ Михаила. — Тростенское озеро находится въ Москов. Губ., въ Рузскомъ уѣздѣ.

(15) «Примѣта дѣля», сказано въ лѣтописяхъ—то есть чтобы осаждающіе не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ городскимъ. Въ *Троик.*: «Олгердъ стоялъ около города (Кремля) 3 дни и 3 ночи; останокъ заго-«родья пожже... Толь велико зло отъ Литвы не бывало въ Руси, аще и «отъ Татаръ бывало; отъ Ѳедорчюковы рати (въ 1327 году) до Олгер-«довы лѣтъ 41».

(16) *Лѣт. Псков.*: «Въ лѣто 6870 пригнавше Нѣмци избиша на Лидвѣ «нѣколико головъ Псковскыхъ, а на миру, и Пьсковичи пріяша гостей «Нѣмецкыхъ, и много на нихъ сребра поимавше, отпустиша на другое «лѣто». Въ *Новогород.*: «Въ лѣто 6871 пріѣздиша послове Нѣмедьскіи, «Юрьевьскіи и Велиевѣдскыи (Феллинскіе) въ Новъгородъ на смолву съ «Плесковичи; такоже и Плесковичи пріидоша въ Новгородъ, и повѣствовавше много, поидоша прочь, а миру не докончавъ. Пріимаша гость

«Новогородскій въ Юрьевѣ.—Того же лѣта ходивше Новогородци и по-«слове изъ Концевъ по Боярину въ Юрьевъ въ Нѣметскій, и смолвиша «Нѣмець съ Плесковичи въ любовь, и бысть между ими мирно, и Пле-«сковичи пустиша отъ себе Нѣмецкой гость, а Нѣмци Новогородскій».— Въ *Исковской:* «Въ лѣто 6876 (1368) пріѣха посолъ отъ Князя Великаго «Никита, и бывъ въ Юрьевѣ многы дни, и не учинивъ ни мало на добро «ничтоже, пріѣха въ Псковъ, а за нимъ на борзѣ рать Нѣмецькая пріі-«иде къ Пскову Сент. въ 24, и пожгоша Запсковіе и *полонище* (по древ-«нему *болоніе*) и тоя же нощи отбѣгоша, а на миру... Тогда не бысть «въ градѣ Князя Александра, ни Посадьниковъ, но по селомъ въ разъ-«ѣздѣ». Въ одной краткой лѣтописи сказано: «Въ лѣто 6882 (1374) при-«бѣже Князь Александръ *Полотскій* въ Плесковъ». Болѣе ничего не знаемъ о семъ Князѣ, вѣроятно, происшедшемъ отъ древнихъ Князей Рогнѣдина племени. Далѣе: «Въ то жь время иная рать Нѣмецкая хо-«диша *торономъ* (набѣгомъ?) около Велья и по Залѣсью, и нѣколико му-«жей гнашась въ слѣдъ ихъ, и тамо побиша многыхъ добрыхъ людей. «И Псковичи съ Кн. Александромъ идоша къ Новому городку (Нейгау-«зену) Нѣмецкому, а Селило Шертовскый съ дружиною отъѣхаша поро-«номъ къ Кирьспигѣ (Kirumpiä, близъ Верро) и внезапу удари на нихъ «рать Нѣмецкая, и ту убиша Селила... (по *Никоновской:* и Новогород-«скаго храбраго Захарью Давидовича со всѣмъ полкомъ)... А Псковичи, «видяще немощь свою, похранивше битыя, возвратишась. Въ лѣто 6877 «1369) пріидоша Нѣмци къ Изборску въ велицѣ силѣ, съ порокы, со «възграды, съ бораны, хотяще разорити градъ и домъ Св. Николы, и «стояша 18 дній, порокы шибающе, возграды привлачюще, и тлъкуще «въ стѣну... Тогда же приспѣша Новгородци; Нѣмци же побѣгоша. Въ «лѣто 6877 (1370) пріидоша Нѣмци ко Пскову, и стояша 3 дни, и убиша «на Запсковьи Якима Троидилова, Артеміа Діанова брата, а Луку жи-«вого емше сведоша и тамо замучиша... отъидоша проч; а на зиму «Псковичи, подъемше Новгородцевъ, идоша въ землю Нѣмецкую къ По-«вому городку: Новгородци же стоявше 3 дни, отъидоша взадъ. Иско-«вичи же тогда шедше къ Кирьпигѣ, загониша посадъ и зажгоша, а «Нѣмецъ избиша, а иніи въ погребѣхъ потхошась, и тако възвратишася «съ множествомъ полона. Бысть же сіе розратіе Псковичемъ съ Нѣмци «по 5 лѣтъ про обидное мѣсто про Жалачко. Много же бѣдъ въ та лѣта «претрьпѣша, болѣзньми и моромъ и ратми. Тогда же миръ взяша съ «Нѣмци». — Въ *Новогород.:* «Лѣта 6875 (1367) не бѣша пословици (со-«гласія) Псковичемъ съ Новгородци, и рать Нѣмецкая воеваша волость «всю Псковскую... И прислаша въ Новъгородъ Псковичи съ поклономъ, «ркуще: господо братіе! како печалуется нами, своею братьею молод-«шею? А въ то время приняли гость Новогородскый въ Юрьевѣ, а Но-«вогородци приняли гость Нѣмецкій; нъ толко бяше не развержено «крестное цѣлованіе съ Нѣмци, и за то не въсѣдоша Новогородци по «Псковичахъ... а на зиму бяше послали Саву Купрова въ Нѣмец. землю «посломъ... Въ лѣто 6876 (1368) приходиша Нѣмци ратію великою, и «Бискупъ и Местеръ, и Кумендери подъ Изборескъ... На ту же зиму «пріиде Князя Вел. братъ Володимеръ въ Новгородъ... Въ лѣто 6878 хо-«диша Новогородци съ Плесковичи къ Новому городку Нѣмецкому, и «отъидоша не вземше, занеже бяше твердъ» (въ *Троицкой* поставлено здѣсь имя *Орѣшка;* но Орѣшекъ принадлежалъ Новугороду)... «Въ лѣто «6879 (1371) ѣздиша на съѣздъ Юрьи Ивановичь Посадникъ Новогород-«скій, Селеверстъ Лентіевичь, Олисей Тысяцкой, Олександръ Колыва-«новъ, Борисъ Конюшковичь, и докончаша миръ съ Нѣмци подъ Но-«вымъ городкомъ». См. Арнта Liefl. Chr. и Кельха L. Gesch. г. 1363

и слѣд.—Арнтъ, повѣривъ Бреденбаху, сочинившему Bellum Livonicum anni MDLVIII, пишетъ, что *Московскій Царь* въ 1381 году съ 300,000 воиновъ осаждалъ Нейгаузенъ; что начальникъ сей крѣпости, усердно моливъ Бога объ ея спасеніи, на восходѣ солнца пустилъ въ осаждающихъ стрѣлу, которая пронзила сердце Русскому Государю; что Москвитяне немедленно отступили; что лукъ упомянутаго начальника Нейгаузенскаго висѣлъ въ главной церкви Дерптской, и что Царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1558 году увезъ его съ собою въ Москву, взявъ Дерптъ. Не въ 1381, а въ 1370 году Россіяне осаждали Нейгаузенъ: тутъ не было ни *Царя*, ни *трехъ сотъ тысячъ*.

(17) «Тое же зимы (г. 1368) Князь Вел. Дм. Ив. отступился Градка «и всея части Удѣла Княже Семенова Князю Михаилу, и Князя Іерс«мея отпустили во Тверь» (*Никон. Лѣт.*). «Тогожь лѣта (1370) Князь «Великій, пославъ на Тферь ко Князю Михаилу, цѣлованіе сложилъ по «Госпожинѣ дни на третій день, и К. Михайло съ того розмирья по«ѣхалъ въ Литву. Князь Великій повелѣ воевати Тферь; а по Семеновѣ «дни, паки собравъ воя многи, самъ ходилъ ратью», и проч.—Имя *Золотой* Орды находится въ *Большомъ Чертежѣ*, а въ лѣтописяхъ его нѣтъ.—Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6878 (1370) Мамай у собе въ Ордѣ посадилъ Царя другого, Мамантъ-Салтанъ». — Посломъ Ханскимъ съ Михаиломъ (въ 1370 году) былъ Сарыхожа.

(18) См. *Никон. Лѣт.* г. 1369, и Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. — Ольгердъ приступилъ къ Волоку 26 Ноября 1370 году: *Никон. Лѣт.* ставитъ здѣсь годъ 1371, начиная его съ Сентября мѣсяца; а современные Лѣтописцы все еще продолжаютъ оный до Марта.—О Князѣ *Березуйскомъ* сказано: «преже много мужьствовахъ на ратехъ и много «храбровахъ на бранехъ; и тако положи животъ свой, служа Князю вѣ«рою». Слѣдственно, вопреки Родослов. Книгамъ, Березуйскіе происходятъ не отъ Юрія Святославича Смоленскаго, княжившаго при сынѣ Донскаго.

(19) До Петрова дни. — О замыслахъ Ордена см. *Никон. Лѣт.* IV, 28. Тамъ же о тогдашней зимѣ: «Снѣгъ сшелъ весь въ Великое говѣніе «на Ѳедоровой недѣли во Вторникъ, а въ осенинѣ той хлѣбъ пошелъ «подъ снѣгъ, и сжали люди хлѣбъ въ Великое говѣніе, какъ снѣгъ сшелъ, «гдѣ рать не была Литовская». — Только въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Михаилъ заключилъ въ сіе время особенный миръ съ Великимъ Княземъ.—Въ одной краткой лѣтописи находится еще слѣдующее извѣстіе о семъ Литовскомъ нашествіи: «Ходилъ Ольгердъ и К. Святославъ Смо«ленскій ратью на Москву, и бысть въ 3 часъ нощи по всему небу аки «кровь, и по земли снѣгъ аки кровавъ; и взя В. К. Святославъ По«ротву, и отпусти вся люди тоя земли къ Смоленску съ Воеводою сво«имъ Возгривцемъ, а самъ иде къ Москвѣ, и гнавше Можаичи и по«биша Смолянъ на лѣсѣ на Болонскомъ, а полонъ весь отъяша; тогда «же и Верею (Ольгердъ и Святославъ) взяша».

(20) *Никон. Лѣт.* г. 1371—Сарыхожа уѣхалъ отъ Михаила съ Мологи, а Михаилъ возвратился въ Тверь чрезъ Бѣжецкъ Маія 23.

(21) Съ Димитріемъ поѣхалъ въ Орду Князь Андрей Ростовскій.

(22) Въ *Троицк.*: «Бысть знаменье въ солнци: мѣста черныя аки «гвозди; а мгла велика стояла поряду съ два мѣсяца, и толь велика, «яко двѣ сажени предъ собою не видѣти было человѣка въ лицѣ; а птицы «по воздуху не видяху летати, но падаху со вздуха на землю, и тако «по земли пѣши хожаху. Бяше же тогда жито посохло, а лѣсове и борове, «и дубравы, и болота погораху; индѣ же и земля горяше». Такая же засуха была и въ 1384 году (см. ниже, примѣч. 137). Въ *Никонов.* сказано, что Михаилъ, взявъ и Кострому, оставилъ тамъ своихъ Намѣстниковъ.

(23) Когда Мамай, передъ Донскою битвою, объявилъ Димитрію, чтобы онъ платилъ Хану дань временъ Чанибековыхъ, тогда Великій Князь отвѣтствовалъ: «готовъ платить, но единственно ту дань, въ коей «мы съ тобою условились:» слѣдственно меньшую. — Далѣе см. *Никон. Лѣт.* IV, 30, 31, который два раза говоритъ о К. Іоаннѣ Михайловичѣ, сказывая, что Димитрій въ 1371 году вывезъ его съ собою изъ Орды; что въ 1372 послы Великаго Князя привезли его же отъ Мамая, и что сей юный Князь былъ содержимъ въ Москвѣ весьма строго до 1373 года, когда Михаилъ помирился съ Димитріемъ. Въ *Троицк.* же и въ другихъ лѣтописяхъ сказано такъ: «сѣдѣлъ (Іоаннъ Михайловичь) у Алексія Митро- «полита на дворѣ, и тако пребысть *нѣколико время,* дондеже паки вы- «купиша его». Сынъ Михаиловъ безъ сомнѣнія уже былъ свободенъ, когда Димитрій въ 1372 году заключалъ миръ съ Ольгердомъ и Тверью подъ Любутскимъ: ибо въ договорѣ (см. ниже) не упоминается объ Іоаннѣ.

(24) Сраженіе было на Скорнищевѣ. О глупыхъ прибавленіяхъ *Никон. Лѣтописца* не упоминаю. — Войско Димитріево вышло изъ Москвы 14 Дек. — Далѣе въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Олегъ плѣнилъ *зятя своего,* Владиміра Димитріевича, и подчинилъ его себѣ.

(25) *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Михаилъ Тверскій въ семъ 1372 году посылалъ своего племянника, Димитрія Іереміевича, съ Воеводами на Кистму; что они плѣнили сыновей Воеводы *Андрея,* Давида и Бориса *Ивановичей;* что Михаилъ Васильевичь Кашинскій отказался отъ союза съ Тверскимъ Княземъ и взялъ сторону Великаго Князя, и проч. — Въ *Троицк. Лѣт.*: «Литва и Ляхи и Жемоть придоша изгономъ (къ Пере- «славлю) по Велицѣ дни на другой недѣли во Вторникъ» (или въ Среду на Ѳоминой недѣлѣ, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) «на заутріе по *Раду- «ницѣ,* въ то время, егда обѣдню поютъ». *Радуницею* назывался, думаю, какой нибудь языческій праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ въ началѣ Апрѣля: ибо Пасха была въ семъ году 28 Марта. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (въ *Троицк.*, въ *Ростовск.*) поставленъ здѣсь несправедливо 1373 годъ. Въ другихъ именно прибавленъ *десятый Индиктъ,* который отвѣтствуетъ году 1372: съ чѣмъ согласенъ и *Новогород. Лѣт.* Далѣе: «Князь Кестутей «отъ Кашина пойде по Новоторжскимъ волостямъ, мимо Торжекъ, со «своею Литвою, а Кн. Андрей Полотскій и со Кн. Димитріемъ Дрют- «скимъ мимо Тферь идоша, и много зла сотвориша».

(26) Договоръ Новогородцевъ съ Михаиломъ Александровичемъ находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи подъ No 8. Сверхъ обыкновенныхъ условій тамъ сказано: «безъ Новогородскаго ти слова, Княже, «войны не замышляти... А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими «городы съ Нѣмечкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися; а Нов- «городьской ти души блюсти». Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати свинцовыя: Посадникова и Тысячскаго, Матвѣя *Фалелевича.* Въ началѣ не упомянуто о Владыкѣ: «Поклонъ отъ Посадника и отъ Тысячьскаго и отъ всихъ», и проч.—Въ *Новогород. Лѣт.*: «о Петровѣ заговѣньи Ново- «городци, Великаго Князя мужи и Бояре Новогородскіе пріѣхаша въ «Торжекъ города ставити». Сообщаемъ здѣсь условіе Димитрія съ Новогородцами, выписывая его изъ Пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ:

«Се пріѣхали ко мнѣ, къ Великому Князю Д. И. всеа Руси, отъ отца «моего Владыки Олексѣя и отъ Посадника Юрья, отъ Тисяцково Олисея, «и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ «Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичь, Василей Огафоновъ. «Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначество: цѣловали есмы крестъ «съ своимъ братомъ, со Княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ; а на «томъ къ намъ цѣловали крестъ Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ,

«Иванъ Борисовъ, Вонславъ Поповичь, Василей Огафоновъ, на томъ «цѣловали крестъ ко мнѣ, ко Князю къ Великому къ Дмитрію Ивано-«вичу всеа Руси, и къ моему брату, ко Князю къ Володимеру, въ одина-«чество всему Новугороду: ажъ будеть обида со Князми Литовскими, «или съ Тферскимъ Княземъ съ Михайломъ, Новугороду всѣсти на конь «со мною, со Княземъ съ Великимъ, и съ моимъ братомъ, со Княземъ «съ Володимеромъ, съ одного: а коли будеть мнѣ, Великому Князю Д. И. «всеа Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всѣсти на конь на Князя «на Литовскаго, или на Тферскаго на Князя на Михайла, мнѣ Князю «Великому самому быти въ Новѣгородѣ, а любо брата ми послати, Князя «Володимера въ Новгородъ: или будеть обида Новугороду съ Литовскимъ «Княземъ, или съ Тферскимъ Княземъ съ Михайломъ, или съ Нѣмци, «мнѣ, Князю Великому Д. И. всеа Руси, и моему брату, Князю Володи-«меру, всѣсти по Новѣгородѣ съ одного по цѣлованью; а доколѣ ся Нов-«городъ съ Литовскимъ Княземъ и со Тферскимъ Княземъ Михайломъ «не умирить, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому и моему брату, Князю «Володимеру, Новагорода не метати: любо ми самому быти Князю Вели-«кому въ Новѣгородѣ, или брата пошлю, доколѣ Новгородъ умирю; а «пойдеть на насъ рать, ѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости; «а то намъ не въ измѣну; а Княженье бы Великое мое держати честно «и грозно безъ обиды; а мнѣ, Князю Великому Д. И. всеа Руси, держати «Новгородъ въ старинѣ безъ обиды». — Упомянутые здѣсь чиновники, Посадникъ Юрій и Тысячскій Елисей, правительствовали въ Новѣгородѣ въ 1371 году (см. *Новогородск. Лѣт.* г. 6879). Въ слѣдствіе сего условія Кн. Владиміръ Андреевичь въ 1373 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣся-цевъ въ Новгородъ (см. ниже, примѣч. 137, подъ годомъ 1373).

(27) «И жда отъ нихъ (Михаилъ) мира до утра и до полудне; и «бысть между ими раздоря, и смятеся весь градъ, и посылаху послы со «отвѣты, а все съ высокоуміемъ.... Туже на первомъ состунѣ убіенъ бысть «Воевода Новогородскій Александръ Абакуновичь, Иванъ Тимоѳеевичь, «Иванъ Шаховъ, Григорій Щебелковъ... Иніи, вбѣгше въ церковь Св. «Спаса, ту задохшася... а женъ и дѣвицъ одираху до послѣднія наготы, «рекше и до срачицы (иже и поганіи тако не творять): и тѣ истопишася «въ рѣцѣ срама ради».

(28) «Совокупишася подъ *Любутскомъ*:» нынѣ село Любудское въ Калужскомъ уѣздѣ.

(29) См. сію грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 88. Кромѣ Олега и Владиміра Пронскаго (умершаго въ томъ же году по *Ник. Лѣт.*), въ ней упоминается о Князѣ Рязанскомъ *Романѣ*, для насъ неизвѣстномъ; а Кн. Димитрій Брянскій былъ сынъ Ольгердовъ. Съ Литовской стороны заключали миръ Кн. Борисъ Константиновичь, Кн. Андрей Ивановичь, Кн. Юрій Владиміровичь, Димитрій Обиручевъ, Меркурій, Петръ и Лукьянъ: а съ Московской стороны Димитрій Михайловичь (Волынскій), Иванъ Михайловичь, Дмитрій Александровичь, Иванъ Ѳедоровичь. Въ концѣ сказано: «со Ржевы до исправы не сослати:» кого же? Литву или Россіянъ?—Надобно думать, что Михаилъ Тверскій заключилъ тогда особен-ный договоръ съ Димитріемъ.

(30) Стриковск. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. Онъ называетъ Велико-каго Князя Димитріемъ *Семечкомъ* (Симеоновичемъ? и полагаетъ, что Ольгердъ ходилъ къ Москвѣ въ 1332 году!!

(31) Въ *Троицк.*: «Новгородци Нижнева Новагорода побиша пословъ «Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ тысящу, а старѣйшину ихъ Сарайку «яша и приведоша ихъ въ Новгородъ Нижній и съ его дружиною... Въ «лѣто 6883, Марта 31, въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Князь Василій Дмит-

«ріевичь Суждальскій повелѣ Сарайку и его дружину розно розвести... и «пришедъ стрѣла, коснуся Епископа перьемъ, вскрай подола крилъ ма- «натьи его... А въ то время быша Князи на съѣздѣ».—*Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 1373 году многіе Князья Ординскіе погибли отъ междоусобія; что область Рязанская въ томъ же году была разорена Мамаевымъ войскомъ; что Вел. Князь все лѣто стоялъ съ полками на берегу Оки, куда пришелъ къ нему и Кн. Владиміръ Андреевичь изъ *Нижняго;* что они не пустили Татаръ за Оку; что въ 1374 году свирѣпствовалъ моръ въ улусахъ Ханскихъ, и что Димитрій находился въ враждѣ съ Мамаемъ. Сіи извѣстія кажутся отчасти несправедливыми. Владиміръ Андреевичь, послѣ войны Литовской, жилъ одно лѣто въ Новѣгородѣ Великомъ до Іюля мѣсяца, (см. ниже, примѣч. 137, подъ годомъ 1373), а въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять *все лѣто* на берегахъ Оки? Татары опустошили Рязань не въ 1373, а въ 1378 году.

(32) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 209, и Т. IV, стр. 294. Въ лѣтописи «Того же лѣта (1374), Сент. въ 17 день, преставися на Москвѣ «послѣдній Тысяцкой, Василій Васильевъ сынъ Веньяминовича (или Вельяминовича) въ Черницѣхъ и въ Схимѣ, и положенъ бысть у церкви Бо- «гоявленія». Далѣе Некомитъ названъ *Сурожаниномъ:* такъ именовали у насъ купцевъ торгующихъ шелковыми тканями, привозимыми изъ Азова, отъ Генуэзцевъ; море Азовское, какъ мы уже замѣтили, называлось въ старину *Сурожскимъ,* отъ Города *Сурожа* или Судака (см. ниже, примѣч. 133). Донынѣ рядъ, гдѣ продаются шелковыя матеріи, извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ *Суровскаго.*—Далѣе: «Князь же Михайло посла «ихъ (Ивана и Некомата) въ Орду на Ѳедоровой недѣли, а самъ на Кре- «стопоклонной ѣха въ Литву, и тамо мало пребывъ и пріѣде во Тферь; «а Некоматъ пріиде изъ Орды Іуліа въ 14 день, а съ нимъ посолъ Ачи- «хожа отъ Мамая со ярлыки къ Михаилу на Вел. Княженіе... Михаилъ «же того же дни посла къ Москвѣ къ В. К. Димитрію сложити крестное «цѣлованіе».

(33) Съ братьями Борисомъ и Димитріемъ Ногтемъ (см. *Троиц. Лѣт.*), и съ сыномъ Симеономъ.—Іоаннъ Васильевичь Смоленскій долженъ быть сыномъ Василія Іоанновича, брата Святославова.—Василій Васильевичь Ярославскій есть внукъ Давидовъ. Меньшій братъ сего Василія, Романъ, какъ сказано въ Родослов. Книгахъ, построилъ городъ Романовъ.—Князь Ѳеодоръ Моложскій былъ сынъ Михаила Давидовича, слѣдственно двоюродный братъ Василія Васильевича Ярославскаго.—Ѳеодоръ Бѣлозерскій внукъ Михаила и правнукъ Глѣба Васильковича, перваго Князя Бѣлозерскаго.—Михаилъ Васильевичь Кашинскій преставился въ 1373 году. Въ *Никонов.:* «сынъ его, Князь Василей, по единому слову съ бабою «своею, со Княгинею Еленою, и съ Бояры пріѣхалъ во Тверь къ Вел. «Князю Михайлу съ челобитьемъ, и вдашась въ волю его... Князь Ва- «силей Кашинскій (въ 1374 г.) побѣжалъ со Твери на Москву къ Вел. «Кн. Дмитрію».—Андрей Ѳеодоровичь Стародубскій внукъ Іоанна Калистрата Стародубскаго.

(34) *Никон. Лѣт.* IV, 5.—О войнѣ: «Всѣ Князи Рустіи, кійждо со «своими полки, служаще Вел. Князю Димитрію, начаша воевати волости «Тферскія; такоже и со всѣхъ порубежныхъ мѣстъ пріидоша на помощь «Вел. Князю ктожь отъ себе: Кашинцы и Новоторжцы... Авг. въ 1 день «взяша городокъ Микулинъ... Стоящимъ же ратемъ 3 дни, и на четвер- «тый день, въ Среду рано, приступиша ко граду, и туры прикатиша, и «приметъ приметаша около всего города, и поидоша біющеся ко Тмац- «кымъ воротамъ, мостъ же и стрѣлницу зажгоша... И убиша ту Семена

«Ивановича Добрыньского... и къ вечеру отступиша отъ града. Тако же «и на другій день оступиша градъ и отъ Волги, и тако по многи дни «біяхуся.—А Новогородцы стояли подъ Тферію 4 дни».—Въ *Никон. Лът.* сказано, что Вел. Князь взялъ, кромѣ Микулина, Зубцевъ и Бѣлградъ.

(35) *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 78. Сія грамота находится въ Архивѣ не подлинная, и списокъ ея даже неисправенъ; а въ печатной прибавлены еще нѣкоторыя ошибки: на примѣръ (стр. 81) вмѣсто *рубежа* поставленъ *грабежъ*.—Замѣтимъ слѣдующія мѣста: «*Выходомъ* ко Тфери «Кашину не тянути;» то есть, Михаилъ не долженъ былъ требовать дани съ Князя Василія для Хана.—«А въ *Рокитну* ти (Михаилу) ся не вступати: что потягло ко Княженью къ Великому.—Отдати ти (Михаилу) «все по Семенѣ дни за недѣлю» (все отнятое у подданныхъ Димитрія).—«Что мы у тобе (нынѣ) повоевали и поимали, а тому всему межи насъ «*потребъ*» (предается забвенію).—«А какъ еси взялъ Торжекъ, а кто ти «ся будеть продалъ пословицею (изъ) Новоторжанъ *одерн* (въ крѣпость), «тѣхъ ти отпустити, а грамоты *дерноватыи* (крѣпости) подрати.—А почнуть твои искати передъ наши Намѣстници или передъ волостели, хожеиого въ городѣ *алтынъ*, а на правду (судъ) два; а дальній ѣздъ верста по *рѣзани* (за дорогу), а на правду вдвое.—Холопа выдати оспо«дарю, а съ головы дати пошлины гривну, а съ семьи четверть» (рубля).

(36) Сихъ грамотъ три. Первая: «Отъ Посадника отъ Михаила, отъ «Тысячкого отъ Матѳея, отъ Бояръ и отъ *Житьихъ людей*»—вмѣсто древнѣйшихъ *Оницанъ*: см. нашей Исторіи Т. II, примѣч. 67, Т. IV, примѣч. 306 и ниже примѣч. 106—«и отъ чорныхъ людей, и отъ всего «Новагорода. Послаше Новгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михайлѣ «на Тферь, а велѣлѣ миръ имати на семъ, аже братью нашю попущати «безъ окупа, Новгородскихъ Бояръ, и Новоторскихъ Бояръ, Житьихъ «людей и чорныхъ людей, и сиротъ Новгородской волости, и Новоторьской волости, или хто данъ на порукѣ Новгородечь или Новоторжанинъ, «а съ тыхъ порука на землю (прочь), или кого къ челованью привелъ, а «съ тыхъ челованье на землю, или грамоты *дерноватыи* на кого попи«салъ, а тѣ грамотѣ подереть. А что Князь Михайло товаръ порубилъ «(захватилъ) братьи нашей до Новоторьскаго взятья, а того товара весь «Новгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступитися. А что товаръ Новгородскѣй и Новоторьскый въ Торжку взятъ въ полонъ, а того товара весь «Новгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступитися. А землѣ и водѣ старый «рубежь по старымъ грамотамъ. А Намѣстники свои съ Торшку сведетъ. «А на семъ повелѣше весь Новгородъ Юрью и Якиму миръ взяти съ «Княземь съ Михайломъ, а повелѣша печати приложити изо всихъ пяти «Кончевъ къ сей грамотѣ. Аже Князь Михайла почнеть пословѣ свои «слати въ Новгородъ, Новгородъ повелѣ Юрью и Якиму послове Михайлове поняти въ Новгородъ».

Къ сей грамотѣ приложены одиннадцать печатей свинцовыхъ съ изображеніемъ слѣдующихъ словъ: 1) *Новгорочкая печать* и *Посадница*. 2) *Печать Матѳея Фалелевича Тысячкого Новгорочкого*. 3) *Печать Селивестрова* (на другой сторонѣ образъ какого-то Святаго). 4) *Филипа Тысячкого* (на другой сторонѣ образъ съ надписью Филипъ). 5) *Яковля печать Посадника Новгорочкого* (на другой сторонѣ образъ Святаго Георгія). 6) *Печать Ондрѣянова, Посадника Новгорочкого* (на другой сторонѣ образъ Спасителевъ). 7) *Юрьева печать Ивановича, Посадника Новгорочкого*. 9) *Печать Евана Еремьинча* (на другой сторонѣ изображеніе воина) 10) *Семенова печать Ондрѣевича*. 11) *Степанова печать* (на другой сторонѣ изображеніе воина). Вторая и третья грамоты напечатаны въ *Рос. Вивліоѳ.* I, 31, 33. Во второй: «Се докончa К. В. Михайло А. Тферскый,

«прислалъ своего посла въ Новгородъ Михайла Костянтиновича, съ «Архіепископомъ Новгородскымъ, съ Владыкою Олексѣмъ, съ Посадни-«комъ съ Юрьемъ, съ Тысячьскымъ съ Матвѣмъ и со всимъ Новым-«городомъ». Далѣе сказано, что прежній договоръ симъ уничтожается: «что послове Княжи Михайловѣ человали крестъ къ Новугороду, съ тыхъ «Новгородъ человане снялъ; а что человали Новгородскые послове къ «К. Михайлу, то человане К. Михайло снялъ.... Что товаръ поиманъ у «Новгородскыхъ купецъ *рубежемъ* (насиліемъ) до Новоторжскаго взятья, «тотъ товаръ подавати купцамъ все по челованю... А кто на се цѣло-«ванье наступитъ, на того Богъ и Св. Богородица». У сей грамоты при-вязаны 3 свинцовыя печати: Посадникова, Тысячского и Архіепископова.—Въ третьей грамотѣ: «которая села покуплена при Князи при «Александрѣ (Невскомъ), при Ярославѣ, при Васильѣ, при Дмитріѣ, при «Андреѣ, на тѣхъ селѣхъ куны (выкупить оныя)... а земля къ Новуго-«роду». Видно, что Князья, не смотря на всегдашнее обѣщаніе возвра-щать купленныя села Новугороду, не исполняли онаго.

(37) «Князь же Великій, не хотя видѣти разоренья граду, не хотя «кровопролитья Христіанскаго,» и проч. *Никон. Лът.* говоритъ, что Ольгердъ, раздраженный союзомъ Князя Смоленскаго съ Димитріемъ, разорилъ об-ласти перваго, а Татары Новосиль.

Въ *Троицк.*: «Того жь лѣта (1379), Авг. въ 30 день, во Вторникъ «до обѣда, въ 4 часъ дни, Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, мечемъ «потятъ бысть на *Кучковѣ полѣ*» (гдѣ нынѣ монастыръ Срѣтенскій: см. ниже) «у города Москвы, повелѣньемъ Князя Великаго». Вотъ первая *торжественная* казнь, о коей упоминаютъ наши Лѣтописцы. *Никонов.* прибавляетъ, что сей Иванъ Васильевъ Веньяминовъ на пути изъ Орды былъ обманомъ задержанъ въ Серпуховѣ и привезенъ въ Москву.—Не-комата казнили въ 1383 году: «тое же зимы убьенъ бысть нѣкій *брехъ*» (вздорной человѣкъ?) «именемъ Некоматъ, за нѣкую кромолу бывшую и «и измѣну». *Никон. Лът.* вздумалъ назвать сего измѣнника Коматомъ, *Княземъ Литовскимъ*.

(38) См. Родослов. Книги о родѣ Волынскихъ. Потомки Святополка-Михаила имѣли свои Удѣлы въ Волынiи, въ Туровѣ, Пинскѣ.

(39) «К. Димитрій Константиновичь посла брата своего Бориса и «сына своего Василія со многими силами (съ ними же и посолъ Царевъ, «Ачихожа) на Болгарскаго Князя Осана... и на княженіи посадиша «Салтанъ-Бакова сына». Въ *Никонов. Лът.*: «(посла) на Болгары, рекше «на Казань». — Димитр. Констант. Суздальскій посылалъ съ войскомъ Московскимъ сыновей своихъ, Василія и Іоанна.

(40) См. *Сказаніе о Царствѣ Казанскомъ*. Авторъ пишетъ о себѣ: «Случи ми ся плѣнену быти варвары и въ Казань сведену... и взятъ мя «Царь себѣ и сотвори мя предъ лицемъ своимъ». — О значеніи слова *Казань* см. Лызлова *Скивск. Исторію*. Онъ говоритъ, что Казань строили наши работники.

(41) Hist. des Tat. стр. 452.—Впрочемъ и другіе новѣйшіе Ханы прилагали къ имени своему названіе *Саинъ*, которое видимъ на моне-тахъ Татарскихъ XIV вѣка (см. St. Petersburg. Journ. г. 1781, II, 34).

(42) «А *Дарагу* и таможника посадиша». Въ ярлѣхъ Ханскихъ часто упоминается о чиновникахъ *Дарагахъ* или собирателяхъ пошлины.

(43) Въ *Нижегородск. Лът.* Симеонъ названъ *Димитріевичемъ*. О прежнихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ Татаръ см. выше, примѣч. 31.

(44) См. *Ник. Лът.* IV, 51.—Оплошность Россіянъ описывается такъ: «Повѣдаша имъ Царевича Арапшу на Волчьи водѣ. Они же оплоши-«шася и небреженьемъ хожаху: доспѣхи своя вскладоша на телеги, а

«ины въ сумы, а у иныхъ сулицы еще не насажены бяху, а щиты и «копья не приготовлены, а ѣздять порты своя съ плечь спускавъ, а петли «ростегавъ (у *Ник. Лът.* въ охабнехъ и сарафанѣхъ) аки роспрѣли: бяше «бо имъ варно; а гдѣ наѣхаху въ зажитьи медъ или пиво, испиваху... «по истинѣ за *Пьяною пьяни*» (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «пословка и «донынѣ зовется: за *Піаною піани*»)... И доидоша наши *пару* (т. е. увидѣли паръ непріятельскаго стана), «и абьи погании борзо ударища... Князь «же Иванъ Дмитр. вержеся на конѣ въ рѣку, и ту утопе... Ся же злоба «здѣяся въ Недѣлю, въ 6 часъ дне о полднѣ... Горожане же Новгородьстіи «разбѣжашася въ судѣхъ къ Городьцу... Татарове же пріидоша къ Но«вуг. Нижнему Авг. въ 5 день въ Середу... И сгорѣло церквей въ градѣ «32... Отъидоша погани отъ града въ Пятницу... Того же Авг. пріѣха «Кн. Василій Дмитріевичь изъ Суждаля въ Н. Нижній, и посла выняти «изъ рѣки брата своего, и привезоша въ Новгородъ, и положиша въ «церкви каменной Св. Спаса въ притворѣ на правой сторонѣ, за недѣлю «по Оспожинѣ дни, Авг. 23».

(45) Того же лѣта Арапша пограби Засурье все и огнемъ пожже». *Ник. Лът.* прибавляетъ, что сей же Царевичь Волжской Орды умертвилъ многихъ нашихъ купцевъ, ограбивъ ихъ, и ходилъ опустошать Рязань. Абульгази (Hist. des Tat. стр. 495) говоритъ, что Ханъ Фулатъ, который господствовалъ между Якомъ и Сыромъ, имѣлъ сына Arab-Shah вѣроятно, сего Арапшу.

Въ *Лът. Нижегород.*: «Въ то же время въ Нижн. Новѣгородѣ былъ «гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше его изъ гостей не было. Откупилъ «онъ полону множество всякихъ чиновъ своею казною, и купилъ себѣ «вотчины у Вел. Князя за Кудьмою рѣкою, на рѣчкѣ на Сундовакѣ, «шесть селъ: *Садово* (въ немъ церковь Бориса и Глѣба), да *Ряховское*, «*Запрудное, Заляпичково* да *Мухарни;* а какъ запустѣлъ отъ Татаръ тотъ «уѣздъ, тогда и гость съѣхалъ изъ Нижняго къ Москвѣ». Далѣе въ лѣтописяхъ: «тое же осени поганая Мордва удариша на *уѣздъ*». Древнѣйшіе лѣтописцы, вмѣсто *уѣзда*, обыкновенно употребляли имя *волости*.— О плѣнникахъ Мордовскихъ: «и на льду волочаще ихъ по Волгѣ, псы «травиша» (Россіяне): не мертвыя тѣла, а живыхъ.

(46) «Градъ (Татары) пожгоша въ самый въ Боришь день, а на заутріе «отъидоша, и повоеваша Березово поле и уѣздъ весь. Тогды у Св. Спаса иконы «пожгоша и двери выжгоша, иже чудно бѣша устроены мѣдью золоченою».

(47) Имя *Окольничаго* произошло отъ слова *около:* то есть, сіи чиновники были *около* Государя. Изъясненія Татищева несправедливы. Окольничій могъ быть и воиномъ, и судьею, и Министромъ, уступая въ старшинствѣ однимъ Боярамъ. — Упоминаемый здѣсь Даніилъ Пронскій намъ не извѣстенъ по Родослов. Книгамъ. — О сраженіи: «А се имена «убитыхъ Князей: Хазибей, Коверга, Карагалукъ. Кострокъ, Бегичка». Съ нашей стороны были убиты Димитрій Монастыревъ, да Назаръ Даниловичь Кусаковъ. Въ *Троицк. Лът.* названы здѣсь Татары *Половцами.*

(48) Кн. Моис. IV, 14, 10. — Въ *Троицк.*: «егда бысть побоища на «Вожѣ съ Бегичемъ, изнимаша на той войнѣ нѣкоего Попа, отъ Орды «пришедша» — (въ *Никон.* прибавлено: «Ивана Васильевича Тысяцкого: «бѣ бо тогда Иванъ въ Ордѣ») — «и обрѣтоша у него злыхъ зелій лю«тыхъ мѣшекъ, и много истязавше его, послаша его на заточенье на «Лаче озеро (въ Олонецкой Губерніи), идѣ же бѣ Данило заточеникъ».— «Далѣе: «Измаильтяне (Татары) прибѣгоша въ Орду къ своему Царю, «паче же къ пославшему Мамаю: понеже Царь ихъ не владѣяше ничимъ «же, но всяко старѣйшинство держаше Мамай». Здѣсь Лѣтописецъ называетъ Вельможъ Татарскихъ *Алпаутами.*

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: Въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей Москов. купцу А. С. Шульгину, находится *Слово о Даниль Заточникѣ* (жившемъ въ XII вѣкѣ), если и не достовѣрное, если и не имъ писанное, то по крайней мѣрѣ любопытное: оно имѣетъ признаки древности и напоминаетъ нѣкоторыя старыя, уже забытыя Русскія пословицы. Сообщаемъ его здѣсь (съ нѣкоторыми выпусками).

«Вострубимъ, братіе, яко въ златокованныя трубы, въ разумъ ума «своего, и начнемъ бити серебряныя арганы и возвѣмъ мудрости своя. «Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Востани, слава моя, востани «въ псалтыри и въ гуслехъ... Да разверзу въ притчахъ гаданіе мое... Но «боюся, Господине, похуленія твоего на мя: азъ бо есмь яко она смо- «коница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце аки лице «безъ очію, и бысть умъ мой яко нощны вранъ на нырищи... и покры «мя нищета аки Чермное море Фараона. Се же бѣхъ написахъ, бѣжахъ «отъ лица художьства моего аки Агаря рабыня отъ Сарры. Но видѣхъ, «Господине *Княже*, твое добросердіе къ себѣ и притекохъ ко обычной «твоей любве... Азъ бо есмь, Княже Господине, яко трава блещанна, «растуще за стѣною, на ню же ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако «и азъ, Княже Господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь стра- «хомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя яко «волкъ на ягня, но возри на мя, Господине, аки мати на младенца... Мы, Княже, желаемъ твоея милости: зане, Господине, кому любово», (въ другомъ спискѣ: *Боголюбивое*), «а мнѣ горе лютое; кому *Было* озеро, а «мнѣ *черные* (въ другомъ спискѣ: *чернѣе*) смолы; кому *Лачь* озеро, а «мнѣ, на немъ сѣдя, *плачь* горки; кому ти есть *Новъ*-городъ, а мнѣ *углы* «*опали:* зане не процвѣте часть моя... Тѣмъ же не иму другу вѣры... «Не лгалъ бо ми *Ростиславъ*» (сынъ Георгія Долгорукаго? см. ниже): «Князь *лѣпши бы ми смертъ, а не Курское Княженіе.* Такожь и мужеви: «лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ... Тѣмъ «же вопію къ тебѣ, Княже, мой Господине: одержимъ есмь нищетою: «помилуй мя, *сыне великаго Царя Владиміра*» (слѣдственно это писано къ сыну Владиміра Мономаха, Георгію Долгорукому, коему принадле- жало Бѣлоозеро. Въ другомъ спискѣ Данилова Слова сей Князь названъ *Ярославомъ:* Георгій могъ имѣть Славянское имя Ярослава)... «Избави «мя отъ нищеты сія, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы... азъ «бо есмь яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ. «Всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея. Яко «же бо и олово гинетъ, часто разваряему: тако и человѣкъ пріемлетъ «многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; «всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не «можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; «пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣ- «таетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а человѣка «печаль; печальну мужу засышутъ кости. Аще кто человѣка въ печали «призритъ, какъ студеною водою напоитъ въ знойный день. Птица бо «радуется веснѣ, а младенецъ матери: тако и азъ, Княже Господине, «радуюся твоей милости: весна бо украшаетъ цвѣты земли, а ты ожи- «вляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ Вель- «можъ погружаеми. Княже Господине! яви ми зракъ лица твоего, яко «гласъ твой сладокъ и образъ твой Государевъ красенъ, и лице твое «свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой яко же прекрасный рай много- «плодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивлюся. Но егда веселится многими «брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядущь, или піеши сладкое питіе, «а мене помяни теплу воду пьющи, и праха нападша отъ мѣста за-

«вѣтреня. Егда ляжеши на мягкыхъ постеляхъ подъ собольими одѣялы «а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, «и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, «Княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ: ни чашею бо моря рос- «черпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити; яко же бо не- «водъ не удержитъ воды, но точію едны рыбы: тако и ты, Княже, не «воздержи злата и сребра, но раздай людемъ. Паволока, испещренна «многими шелки, красно лице являетъ: тако и Князь многыми людми «честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ... Яко же похвалися Езикѣи «Царь посломъ Царя Вавилоньскаго, и показаша имъ множество сребра «и злата: они же рѣша ему: нашъ Царь богатѣе тебя, не множествомъ «злата, но множествомъ вой: зане же мужи злато добудутъ, а златомъ «людей не добыти. Яко же рече Святославъ Князь (сынъ) Игоревъ, «идый на Царя съ малою дружиною, и рече имъ: *братіе! намъ ли отъ «града* (Царяграда) *погинути, или граду отъ насъ плѣнену быти? яко «же Богъ повелитъ, тако и будетъ*» (сихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Несторовой лѣтописи, намъ извѣстныхъ): «поженетъ бо единъ сто, я отъ «ста двигнется тысяща; надѣяся на Господа, яко гора Сіонъ не подви- «жется во вѣкы» (не уже ли и это сказалъ Святополкъ язычникъ?). «*Дивья* за буяномъ кони паствити, а за добрымъ Княземъ воевати; мно- «гажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы «не имѣетъ: тако и добрыя полкы безъ добраго Князя погибаютъ. Гусли «бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится мно- «жествомъ коренія, тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане «Князь шедръ отець есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лиша- «ются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужиться «свободы; а злу господину служа, дослужиться большіа работы. Зане «Князь шедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозѣ дубравы, напа- «яюще не только человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а Князь скупъ аки «рѣка, великъ брегъ имущь каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А «Бояринъ шедръ аки кладезь сладокъ, а скупъ Бояринъ аки кладезь со- «лонъ. Не имѣй себѣ двора близъ Княжа двора; не держи села близъ «Княжа села; Тіунъ бо его яко огнь *трепетичею* (тряпицею?) накла- «денъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ «искры не можешь *устрещися жженія* (можетъ быть: *не можешь «устрещи сьжженіе*) портъ. Княже, Господине мой! не лиши хлѣба нища «мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна: нищь бо мудръ яко «злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ-несмысленъ, то аки паволо- «читое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, «но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ оби- «ленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ «парящь по воздуху. Но постави сосуды скудельничи подъ потокъ капля «языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ... «Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи (скажи); а безумна посылай, «самъ не лѣпися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а «безумнаго (очи желаютъ) дому пировнаго... Безумныхъ ни орютъ, ни «сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рождаютъ... ни мертвеца «разсмѣшити (не лзя), ни безумна наказати. Коли пожретъ синица орла, «коли каменіе воспловетъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, «тогда безумный уму научится... Не видалъ есми неба польстлна, ни «звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюща... Княже мой Го- «сподине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огнь творитъ разже- «ніе желѣзу, но надыманіе мѣшное: тако же и Князь не самъ владаетъ «во многіе въ вещи злыя, но думцы вводятъ; з добрымъ бо думцею

«Князь высока стола додумаѣтца, а съ лихимъ думцею думаетъ, и ма-«лаго стола лишенъ будетъ... Не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во «звѣрехъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ пото-«пырь, а не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣетъ. Дивѣ дива, «кто поимаетъ жену злообразну прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену «злообразну приничюще къ зерцалу и мажущися румяницемъ, и рѣхъ ей: «не зри въ зерцало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую пе-«чаль пріимеши себѣ... Злая жена бьема бѣсится, а кротима высится; «въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ иныхъ осужаетъ. Что есть жена «зла? Гостница неусыпаемая, куппица бѣсовская, мірскы мятежь, ослѣп-«леніе уму, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спа-«сенію. Аще который мужъ имѣтъ смотрити на красоту жены своея и «на ея ласковыя словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ: то дай Богъ ему «трясцею болѣти... Речетъ мужу: *Господине мой, свѣте очію моею! азъ «на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обо-«умираю и воздрожатъ ми уды тѣла моего...* Нѣсть на земли болши «женьскія злобы... Возвратимся на предняя словеса! Азъ бо, Княже Го-«сподине, ни за море ходилъ, ни отъ Философъ научился, но быхъ яко «падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ, «тако и азъ по многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ «совокупихъ яко мѣхъ воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ «Божіа промысла... Сіи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніе на Бѣ-«лѣозерѣ, и запечатавъ въ воску и пустихъ во озеро, и вземъ рыба «пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ и принесени бысть ко Князю, и «нача ея пороти, и узрѣ Князь сіе написаніе и повелѣ Данила свобо-«дити отъ горкаго заточенія... Уже бо престану глаголати, да не буду «яко мѣхъ утелъ, роня богатество убогимъ... Яко же бо птица учащасть «пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ... Рѣчь продолжна не добро «продолжена паволока. Господи! дай же Князю нашему силу Самсонову. «храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кро-«тость Давыдову, и умножи вся человѣки подъ руку его. Лютѣ бѣсную-«щемуся дати ножь, а лукавому власть: паче всего ненавижь стороника «перетерялива». (Сообщено отъ Г. Калайдовича).

(49) «Татарове же Переславль Рязанскій взяша и огнемъ пожгоша, «и волости повоеваша, а люди много посѣкоша и въ полонъ поведоша». Въ *Никон.* сказано, что они сожгли и городъ *Дубокъ*, и что Олегъ бѣжалъ на сю сторону Оки.

(50) «Княгиня же Іуліаніа, видя мужа своего, Олгерда, послѣднее «дышуща, и зѣло печаловашеся о его спасеніи, и созва сыны своя, и «отца своего духовнаго призва, Давида Архимандрита Печерскаго, и «увѣща своего мужа, и Божіимъ поспѣшеніемъ сподоби его святаго кре-«щенія... и святою Схимою того украсивше... и по малѣхъ днехъ пре-«ставися, и положиша тѣло его въ церкви Пресв. Богородицы въ Вилнѣ, «юже *самъ созда.* По семъ же супружница его Іуліаніа преставися, и въ «той же церкви погрѣбоша тѣло ея... Бысть у Олгерда отъ первыя жены «5 сыновъ: Корибутъ, Скиргайло, Кирисайло, Свитригайло, Минигайло; «отъ вторыя жены 7 сыновъ: Андрей Полоцкій, Владиміръ Бѣльскій «(послѣ Кіевскій), Иванъ Острожскій, Яковъ (Ягайло), Легбенъ (Лугве-«пій) Волынскій, Василій Черторижскій, Оленко (Олелько) Кіевскій». Стриковскій же называетъ сыновей первой Олгердовой супруги такъ: Владиміръ, Іоаннъ Зедзевитъ Подольскій, Симеонъ Лингвеній Мстиславскій, Вигунтъ, Андрей Полоцкій, Константинъ Чарторійскій, Ѳеодоръ Санъ гуско; а сыновей Іуліаніи: Ягайло-Владиславъ, Скиргайло-Казимиръ, Свидригайло Болеславъ, Корибутъ-Димитрій, Димитрій, Вигунтъ-Василій.

Далѣе въ Лѣтописи: «Того же году (1347) убіенъ бысть отъ Олгерда «Круглецъ, нареченный во св. крещеніи Евстафій, за Вѣру Христіан- «скую, и положенъ бысть у Св. Николы въ Вильнѣ со сродники своими «во гробѣ, съ великими Мученики Антоніемъ и Іоанномъ, иже постра- «даша за правовѣрную же Вѣру». См. ихъ житіе въ Минѣяхъ, Апр. 14; см. также Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3.—Кестутій признавъ Ягайла Великимъ Княземъ Литовскимъ; свѣдавъ же тайныя злоумышленія сего неблагодарнаго племянника, плѣнилъ его въ Вильнѣ; но возвратилъ ему свободу и далъ Княжество Витебское, оставивъ за собою Литву. Вѣроломный Ягайло скоро нашелъ способъ заманить дядю въ сѣти и Кестутій былъ удавленъ въ темницѣ.

(51) «Того же лѣта (1376) Князь Великій послалъ брата своего, «Князя Володимера Андреевича, ратью ко Ржевѣ: онъ же стоя у города «3 недѣли, посадъ пожже, а города не взя». Князь Волынскій, ходившій на Литву съ Владиміромъ, былъ Димитрій Михайловичь, супругъ сестры Великаго Князя, Анны.

(52) То есть, съ правомъ рѣшить дѣла тяжебныя и пользоваться доходами.

(53) См. *Степен. Кн.* I, 465: «Кипріанъ же *отъиде съ Москвы* въ «Кіевъ».—*Новгород. Лѣт.*: Той же зимы (1376) присла Митрополитъ Ки- «пріянъ изъ Литвы свои послове и Патріарши грамоты къ Владыцѣ въ «Новгородъ, и повѣствуетъ тако: благословилъ мя Патріархъ Филоѳей «на всю Рускую землю... И Новгородци даша отвѣтъ: посылай къ Вел. «Князю.... и Кипріянъ не сла на Москву къ Вел. Князю».

(54) «Бѣаше (Митяй) единъ отъ Коломенскихъ Поповъ (по *Никон. «Лѣт.* сынъ Тѣшиловскаго Попа Ивана, иже на рѣцѣ Окѣ); тѣломъ вы- «сокъ, плечистъ, *рожайстъ* (ражъ), браду имѣя плоску и велику и свер- «шенну; словѣсы рѣчистъ; гласъ имѣя доброгласенъ, износящъ; грамотѣ «гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ; всѣми «дѣлы Поповскими изященъ и по всему нарочитъ бѣ; и того ради избранъ «бысть изволеньемъ Вел. Князя въ отьчество и въ Печатники, иже на «себѣ ношаше печать *Князя Великаго*».—Въ *Никон. Лѣт.*: «яко пѣкій «Царь величашеся, многи слуги и Отроки имѣя; по вся дни ризами дра- «гими измѣняшесь: никто же бѣ таковая одѣянія ношаше». — Далѣе: «Старецъ Иванъ, нарѣцаемый *Непейца* Архимандр. Спасскій, иже Бога «ради оставль Архимандритью въ старости глубоцѣй, и сниде въ келью «молчанія». Митяя постригъ Чудовскій Архимандритъ Елисей Чечешка.

(55) См. житіе Св. Сергія въ *Никон. Лѣт.* IV, 233. — Далѣе въ *Троицк.* г. 6885: «Кн. Вел. Дмитрій Ив. просилъ у Алексія у Митропо- «лита, дабы благословилъ Митяя на Митрополію. Алексій же не хотяще «того створити, понеже *новоуку* сущу ему въ Черньнечествѣ, да не впадетъ «въ пругло (сѣть) Дьяволѣ. Князь же Великій много пуди Митрополита... «Алексій же Митрополитъ, *умоленъ бывъ* и *принужденъ*, не посули быти «прошенью его, но извѣствуя Святительски, паче же пророчески, рече: «*азъ не доволенъ благословити его, но оже дасть ему Богъ и Св. Богородица «и Патріархъ, и Вселенскій Соборъ*..... Тое же зимы, промежу говѣнья, «Февр. во 12, въ Пятокъ, въ Завьтренюю годину, преставися Преосв. «Алексій Митрополитъ всея Руси, въ старости честнѣ и глубоцѣ, бывъ «въ Митрополитѣхъ лѣтъ 24, и положенъ бысть на Москвѣ въ церкви «Св. Архангела Михаила, честнаго его Чуда, иже самъ созда обчій «монастырь... Бяху же Епископи ставленья его Игнатій Ростовскій, Ва- «силій Рязанскій, Ѳеофилактъ Смоленскій, Иванъ Сарайскій, Пароеній «Смоленскій, Филимонъ Коломенскій, Петръ Ростовскій, Ѳеодоръ Тферь-

«скій, Наѳанаилъ Брянскій, Аѳанасій Рязанскій, Алексій Суждальскій. «Алексій Новогородьскій, Василій Тферьскій, Данило Суждальскій, Матѳей «Сарайскій, Арсеній Ростовскій, Евфимій Тферьскій, Діонисій Суждаль- «скій, Герасимъ Коломенскій, Григорій Черниговскій, Данило Смоленскій... «Бысть всѣхъ лѣтъ житія его 85; и заповѣда Князю Великому положити «внѣуду церкви за олтаремъ, конечнаго ради смѣренья. Князь же Вел. «не всхотѣ положити кромѣ церкви таковаго господина честна Святителя, «но въ церкви близъ олтаря положиша его. Князь же Вел. самъ стояше «надъ нимъ, такоже и братъ его, К. Володимеръ Андр., К. Василій, сынъ «Кн. Великаго, шести лѣтъ сущу ему, а Князю Юрью Дмитріевичу три «лѣтъ сущу».—Въ Синодал. библіот., No 473, въ собраніи разныхъ твореній есть списокъ грамоты Алексіевой съ оглавленіемъ: «Граммата па «паргаминѣ Св. Алексія Митрополита, подписанная по-Гречески рукою «его *свойственною,* обрѣтающаяся въ домовой казнѣ Рязанскія Митро- «поліи; и печатъ привѣшена, на единой страпѣ образъ Богородицы, на «второй тоежде подписаніе по-Гречески изваяно имущая». Въ началѣ такъ: «Благословенье Алексія Митрополита всея Руси къ всѣмъ Крест- «яномъ обрѣтающимся въ передѣлѣ Черленаго Яру, и по карауломъ возлѣ «Хоноръ до Дону, Попомъ и Дьякономъ, и къ Баскакомъ, и къ Сотни- «комъ и къ Бояромъ. Молюся Богови и Св. Богородици, да будете душею «и тѣломъ вси добри здорови, да исполнивали бы есте заповѣди Божьи.... «И пріѣхалъ есмь къ Св. Софіи въ Митрополью всея Руси въ Кіевъ, и «къ всѣмъ Крестьяномъ обрѣтающимся въ всей Руской земли Пастухъ «и учитель; и имѣю великую тягость на собѣ, что ми молвити и учити «всѣхъ на вся душеполезная и спасеная. И того ради многажды и Ѳеог- «ность Митрополитъ писалъ къ вамъ, къ дѣтемъ своимъ, елико есть на «ползу душамъ вашимъ. Вы же, какъ то и время являетъ, что моихъ «словъ и моего поученья не слушаете, но исполниваете волю тѣлесную «и дѣла темная, а слова моего не слушаете. Не вѣдаете ли, что всеѣ «Руской земли Владыки подъ моею властью суть, и въ моей воли, и язъ «ихъ ставляю отъ благодати Пресвятаго Духа? Такоже и подана власть «Владыцѣ вашему..... Къ церквамъ всегда прибѣгайте съ женами и съ «дѣтми, и что имѣете въ рукахъ, приносити къ церквамъ и къ Святымъ; «а Священниковъ и Мниховъ любите, и просите молитвы ихъ; вдовицъ и сиротъ и полоняниковъ и странныхъ милуйти и призирайте; иже въ «темницахъ, посѣтите..... О томъ же передѣлѣ по великую Ворону, возлѣ «Хоноръ до Дону по карауломъ, церкви, что тотъ передѣлъ, какъ то «пишутъ грамоты брата моего Максима Митрополита и Петра и Ѳеогноста, «что сборомъ створили на Костромѣ, и Владыка Софоній далъ грамоты «изъ устъ своихъ, что ему отъ тѣхъ мѣстъ по тѣмъ грамотамъ не лзѣ «вступатися въ тотъ передѣлъ чюжій: и явно есть, и вси вѣдають, что «тотъ передѣлъ не Сарайскій. И нынѣже пакъ Владыка Аѳанасій Сарай- «скій увѣдалъ то, видѣвъ грамотъ тѣхъ, и за вину его покажненъ отъ «Митрополита писаньемъ, отступился того передѣла и отъ сихъ мѣстъ «Владыцѣ Аѳанасію Сарайскому нѣтъ власти въ томъ передѣлѣ, но власть «Рязанская, Попы и Дьяконы поставляющаго Владыки, и власть даю- «щаго. И нынѣ послалъ есмь къ вамъ Владыку Рязанскаго Василья съ «грамотою своею, и вы поминайте его, а пошлину церковную дайте ему «по обычаю. Аже исполните, какъ то пишу къ вамъ, душеполезная и «спасеная, а грамоты послушаете, да пошлину церковную дадите, милость «Божья и Святой Богородицы и мое благословенье да будетъ съ вами, «и съ женами вашими и съ дѣтми, и со всѣми Крестьяны». Подпись: Αλέξιος ἐλέα Θεοῦ Μητροπολίτης πασης Ῥωσσίας καὶ ὑπέρτιμος. То есть: «Алексій милостію Божіею Митрополитъ всея Россіи, и пречестенъ».

(56) Въ *Троицкой:* «съ Поновъ дань сбирате, *Сборное* и *Рожествен-*«*ное,* и уроки, и оброки, и пошлины Митрополичи.... Но и еще дотолѣ, «преже даже не пойде ко Царюграду, всхотѣ безъ Митрополита постави-«тися въ Епископы» (а не въ Митрополиты, какъ у Кн. Щербатова и Штриттера).

(57) «Князь же Великій отпусти Діонисья на томъ словѣ, што ти «не ити ко Царюгороду безъ моего слова, но ждати до году Митяевы «Митропольи. Діонисій же, съ недѣлю не помедливъ, бѣжаньемъ побѣжа «ко Царюгороду». Онъ Волгою изъ Нижняго отправился въ Сарай. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Митяй крайне негодовалъ за то на Сергія; а въ житіи сего Чудотворца сказано, что онъ, приписывая его внушеніямъ и долго-временное несогласіе Св. Алексія дать ему благословеніе на Митрополью, грозился во гнѣвѣ разорить обитель Троицкую, и что Сергій въ духѣ пророчества объявилъ своимъ Монахамъ: «никако же ему Митропол-«скаго сана воспріяти, но и Царскаго града не имать видѣти» (*Никон. Лѣт.* IV, 234).—Далѣе въ *Троицк.*: «Дерзну Митяй просити паче силы «прошенья, и рече Князю Великому: аще обрѣтохъ благодать предъ «тобою, дай же ми прошенье, да ми даси харатью ненаписану, а за-«печатану твоею печатью. да ю возму съ собою въ Царьградъ на запасъ, «да коли что ми надобѣ, да то напишу на ней. И далъ Князь Великій «таковую харатью не едину, и рекъ: аще будетъ оскудѣніе или какова «нужа, и надобѣ заняти тысячу сребра или колико, то се вы буди кабала». Въ 1379 году, во Вторникъ, Іюля 26, Митяй или Михаилъ переѣхалъ Оку. Съ нимъ отправились Іоаннъ Архимандритъ Петровскій, Пименъ Архим. Переславскій, Мартинъ Архим. Коломенскій, Дороѳей Печатникъ (Митрополита), Сергій Озаковъ, Степанъ Высокій, Антоній Копье, Макарій Игуменъ Мисолинскій, Григорій Діаконъ Спасскій, Александръ Протопопъ Московскій, Давидъ Протодіаконъ, крылошане Владимірскіе и проч.

(58) Сей ярлыкъ напечатанъ, вмѣстѣ съ другими, въ *Древн. Рос. Вивліов:* Въ началѣ такъ: «Мы Тюлюбекъ Царь Мамаевою мыслію дяди-«ною»; а въ другихъ спискахъ: «Тюляково слово Мамаевою дядиною «мыслію;» Содержаніе онаго есть то, что Ханъ, слѣдуя закону предковъ, освободилъ церковныхъ людей въ Россіи отъ всякой дани, съ условіемъ, чтобы Митяй или Михаилъ, будущій Митрополитъ, молился за него Богу, и проч. — Далѣе въ лѣтописи: «Внезапу Митяй разболѣся въ корабли и «умре на морѣ. Нѣціи же повѣдаша, яко корабль тотъ тогда стояше на «единомъ мѣстѣ, и не поступая съ мѣста, ни сѣмо, ни тамо, а инии ко-«рабли плаваху мимо. И вложиша Митяя въ варку (барку) еже есть въ «меньшее судно, и привезоша мертваго въ Галату».

(59) «Се бысть первый общему житью начальникъ на Москвѣ». Іоаннъ говоритъ: «Азъ не обинуся възглаголю на вы, яко не истин-«ствуете ходяще». Далѣе: «Позаймоваша оною кабалою серебра въ долгъ «на имя Князя Великаго у Фрязъ и у Бесерменъ въ росты, еже и до «сего дни тотъ долгъ растетъ».

(60) Князь Вел. посла по него (Кипріана) Игумена Ѳеодора Симо-«новьскаго, отца своего духовнаго, въ Кіевъ, зовучи его къ собѣ на «Москву; а отпустилъ по него о Великомъ заговѣньи, и пріиде Кипріянъ «Митрополитъ въ *Четвергъ* шестой недѣли по Пасцѣ, въ самый празд-«никъ Вознесенья, и многу звоненью бывшу, и многу народу сшедшуся «на стрѣтеніе его. Князь же Вел. прія его со многою любовью... И ми-«нувшу седьмому мѣсяцу, паки приде вѣсть: се Пименъ грядетъ изъ «Царягряда на Русь... На Коломнѣ сняша съ него клобукъ бѣлый и роз-«водоша около его дружину его, и думпи его и клиросници, и отъяша

«ризницу, и приставиша приставника, нѣкоего Боярина, Ивана Гри«горьева сына Чуриловича, нарицаемаго Драницю, и ведоша Пимина съ «Коломны на Охну не заимая Москвы, а отъ Охны въ Переяславль, а «отъ Переяславля въ Ростовъ, а отъ Ростова на Кострому, а съ Ко«стромы въ Галичь, а изъ Галича на Чухлому, и тамо пребысть въ озем«ствованьи лѣто едино; но отъ Чухломы выведенъ бысть на Тферь: Го«сподня бо есть земля и конци ея!»—Великій Князь по *Троник.*, *Ростов.* и всѣмъ лѣтописямъ, кромѣ *Никонов.*, послалъ за Кипріаномъ уже во время Царя Тохтамыша, и Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву въ 1381 году.

(61) О Буртанахъ или Буртасахъ говоритъ Карпинъ: Brutaques. qu'on tient être Juifs, et qui portent la tête toute rase (см. Бержерон. изд. стр. 8). Донынѣ находится много Жидовъ въ землѣ Черкесской; а Буртанами называется теперь особенный, неизвѣстнаго происхожденія народъ между Кубанью и Актаромъ, богатый мѣдью и серебромъ.—Генуэзцы всегда именуются въ нашихъ лѣтописяхъ Фрягами.

(62) «Азъ также хощу створити, аки Батый... Обогатѣмъ Рускимъ «златомъ», и проч. Въ *Ростов. Лът.:* «Мамай же разгордѣвся мнѣвъ «себе *яко Царя:*» слѣдственно онъ, вопреки *Никон. Лѣтописцу*, не былъ никогда Царемъ. Такъ сказано и въ *Новогород. Лът.:* «нѣкоему бо у «нихъ *худу царствующу*, а все дѣющу у нихъ Князю Мамаю» (въ 1380 году). Здѣсь *худъ* не есть собственное имя, но означаетъ только *худаго* или слабаго Царя. Мы видѣли, что въ 1379 году Ханъ Татарскій, племянникъ Мамаевъ, назывался Тюлюбекъ (см. выше, примѣч. 58).

(63) См. выше, стр. 18.

(64) «Стати на брезѣ у Оки рѣки на Семень день». Мамай говоритъ: «Сколько хощете Рускіе земли, тѣмъ васъ дарю, но толико при«сягу имѣйте ко мнѣ».

(65) Въ *Ростов.:* «Бысть вѣсть отъ Орды мѣсяца Авг. къ Вел. «Князю, яко воздвизается Измаильтескій родъ на Христіанъ».

Мы имѣемъ два описанія сей войны: одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ *Ростов.* и другихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое напечатанное съ разными отмѣнами въ Кіевскомъ *Синопсисѣ* и въ *Никон. Лът.*, баснословное и сочиненное, можетъ быть, въ исходѣ XV вѣка *Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ*, какъ то именно означено въ одномъ спискѣ его, хранящемся въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, подъ титуломъ: *Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчисленными Агаряны,* и проч. Не говоря о сказочномъ слогѣ, замѣтимъ явную ложь въ сей второй повѣсти. Тамъ сказано, что Димитрій, готовясь къ походу, совѣтовался въ Москвѣ съ Кипріаномъ Митрополитомъ; что онъ прикладывался къ образу Св. Богоматери, написанному Евангелистомъ Лукою, и что въ Донскомъ сраженіи убито *восемь* или даже *пятнадцать* Князей Бѣлозерскихъ: но Кипріана еще не было тогда въ Москвѣ (см. выше, примѣч. 60)—образа, написаннаго Лукою, также (см. выше, стр. 149)—и Князь Ѳедоръ Романовичъ Бѣлозерскій, убитый на Дону вмѣстѣ съ сыномъ, не имѣлъ иныхъ родственниковъ, кромѣ брата, именемъ Василія, коего сыновья сдѣлались, уже *гораздо послѣ,* родоначальниками Князей Андомскихъ, Кемскихъ, Бѣлосельскихъ и другихъ (см. *Родослов. Книгу*, II, 163). Историки Кн. Щербатовъ и Штриттеръ повторили сію сказку. Слѣдуя во всемъ *Ростов. Лѣтописцу*, мы впрочемъ не отвергаемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ вѣроятныхъ и сбыточныхъ, въ ней находящихся: ибо думаемъ, что Авторъ ея могъ пользоваться преданіями современниковъ.

Любопытные могутъ въ *Никон. Лът.* видѣть грамоты, будто бы писанныя Олегомъ и Ягайломъ къ Мамаю, также и грамоту Мамаеву къ

нимъ. Далѣе разсказываются тамъ слѣдующія обстоятельства: «Свѣдавъ, «что Мамай, убивъ Хана, назвался Царемъ, идетъ на Россію и стоитъ «уже на берегахъ Воронежа, Димитрій, по совѣту Митрополита Кипріяна, велѣлъ Князьямъ готовить войско, и *Михаилъ Тверскій прислалъ* «къ нему въ помощь своего племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго. Князь Владиміръ Андреевичь спѣшилъ изъ Боровска въ Москву «куда пріѣхали Мамаевы послы съ требованіемъ, чтобы Димитрій платилъ Хану древнюю дань, безъ всякаго уменьшенія. Согласно съ мнѣніемъ Митрополита, Великій Князь отправилъ къ Мамаю хитраго мужа, «Захарію Тутчева (или Тетюшкова) давъ ему множество золота, серебра и двухъ переводчиковъ. Сей посолъ услышалъ въ землѣ Рязанской объ измѣнѣ Олеговой, также о союзѣ Ягайла съ Мамаемъ, и далъ «знать о томъ Димитрію, который, пируя у *Тысячскаго* Николая Васильевича, получилъ новыя вѣсти о замыслахъ Мамаевыхъ. Великій Князь «немедленно отправилъ *первую стражу* къ Быстрой или Тихой Соснѣ, «избравъ для сего дѣла именитыхъ воиновъ, Родіона Ржевскаго, Андрея «Волосатаго (или Іакова Усатаго) Василья Тупика и другихъ, дабы развѣдать о непріятелѣ; объявилъ также всѣмъ Князьямъ, чтобы они 31 «Іюля собрались въ Коломнѣ. Долго не имѣя никакого извѣстія съ границы, Димитрій послалъ туда, *со второю стражею*, Климента Полѣнина, Ивана Святослава и Григорія Судока, встрѣтившихъ на дорогѣ «Василія Тупика: сей витязь ѣхалъ съ вѣстію, что Мамай, союзникъ «Олеговъ и Ягайловъ, точно намѣренъ воевать Россію. Великій Князь «приказалъ тогда собраться войску въ Коломнѣ 15 Августа. Явились «мужественные Князья Бѣлозерскіе съ полками своими, Кп. Ѳедоръ *Симеоновичь*, Кн. *Симеонъ* Михайловичь, К. Андрей *Кемскій*, К. Глѣбъ «*Каргополскій* (Каргаломскій?) и *Цыдонскій* (?), Князья *Андомскіе*, Ярославскіе, Устюжскіе, Андрей и Романъ Прозоровскіе, Левъ *Курбскій*, «Дмитрій Ростовскій», и проч. Оставимъ нескладицу повѣствованія: замѣтимъ единственно, что по *Троиик.* и *Ростов. Лът.* Михаилъ Тверскій не участвовалъ въ семъ ополченіи, и что послы Мамаевы нашли Димитрія уже въ Коломнѣ; что въ Москвѣ по кончинѣ Василія не было Тысячскихъ; что Князья Кемскіе, Андомскіе, Курбскіе принадлежатъ къ новѣйшимъ временамъ. — Надобно также знать, что разные списки сей баснословной повѣсти, мною читанные, во многомъ несогласны. На примѣръ, въ древнѣйшемъ изъ оныхъ (*Синодал. библ.* No 365) сказано, что не Тверитяне, а Новогородскіе *Посадники* пришли на помощь къ Димитрію въ Коломну съ 7000 воиновъ или, какъ въ другихъ спискахъ, съ 40,000. Главными предводителями наименованы Иванъ Васильевичь Посадникъ, сынъ его Димитрій, Ѳома Крестный, Димитрій Завережскій, Михаилъ Поновляевъ, Юрій Хромый. Тамошніе гости, Микула, Иванъ Васильевичь Усатой и Дмитрій Клочковъ, бывъ свидѣтелями Московскаго ополченія, возбудили въ согражданахъ ревность участвовать въ ономъ (см. въ Синодал. библіот. рукопись No 529 *О древн. Рос. Государства*, Т. II, л. 274). За симъ извѣстіемъ слѣдуетъ: «убо, братія, стукъ «стучитъ, а громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стукъ стучитъ «великая рать, а гремятъ Русскіе удальцы злачеными шеломы и доспѣхи». Похоже ли это на слогъ лѣтописи?—Въ *Синопсисъ* прибавлено (согласно съ нѣкоторыми иными списками), что Захарія, прибывъ въ Орду, именемъ Вел. Князя спросилъ Мамая о здоровьѣ; что гнѣвный Мамай сбросилъ башмакъ съ правой ноги и сказалъ ему: «се ти дарую, отъ великія «славы твоея пришедшу, отъ ноги моея отпадшее;» а своимъ воинамъ: «возмите дары Московскіе и купите себѣ плети: злато бо и сребро Князя «Димитрія все будетъ въ руку моею; землю же его раздѣлю служащимъ мнѣ.

«а самаго приставлю стада пасти верблюжее». Захарія отвѣчалъ смѣло, и воины хотѣли убить его: Мамай удержалъ ихъ, и звалъ сего Боярина къ себѣ въ службу. Хитрый Захарія не отказался, но просилъ, чтобы ему дозволили прежде отправить Димитріево посольство. Мамай написалъ грамоту къ Вел. Князю, въ коей сказано: «вѣдомо ти есть, яко «улусы нашими обладаешь: аще ли еси младъ, то пріиди ко мнѣ, до по-«милую тя». Мурзы Ханскіе долженствовали вручить оную Димитрію; но Захарія, встрѣченный близъ Оки отрядомъ Россійскимъ, связалъ сихъ четырехъ Мурзъ, изорвалъ грамату Ханскую, послалъ одного Татарина сказать о томъ ихъ Государю, и благополучно возвратился въ Москву.— Въ *Книгѣ о древн. Рос. Государ.* (Синодал. библіот. No 529, Т. II, л. 263) написано, что Димитрій, еще ничего не зная о Мамаевомъ походѣ, 2 Іюля пировалъ въ своемъ набережномъ теремѣ съ Боярами; что стражами границъ были Родіонъ Жидовиновъ, Поповичъ Андрей Семеновъ и 50 иныхъ удальцевъ; что Андрей Семеновъ прискакалъ тогда въ Москву и сказалъ Великому Князю: «Мамай со всѣми силами кочуетъ на Воронежѣ, и мы «его силу объѣхали въ 11 дней; а въ 12 день стражи Царевы меня по-«имали и поставили предъ Царемъ, и Царь меня спрашивалъ: вѣдомоль «моему слугѣ, Митѣ Московскому, что азъ иду къ нему въ гости? а силы «со мною 12 Ордъ и 3 Царства, а Князей со мною 33, опричь *Поль-«скихъ;* а моей силы 703,000, и послѣ того числа пришли ко мнѣ великія «Орды со двѣма Дворы, и тѣмъ числа не вѣдаю. Можетъ ли слуга мой «всѣхъ насъ употчивать?»

(66) Прежде они назывались *Дѣтскими* или *Отроками Боярскими.*

(67) Лѣт. Синодал. библіот. No 365: «Княгиня же Великая Овдотья «многи милости сотвори убогимъ, сама же непрестанно ходя къ церкви «день и нощь».

(68) См. *Никон. Лѣт.* IV, 99 и 100, и Синодал. лѣт. No 365, л. 203 на обор.

(69) Такъ въ *Ростов. Лѣт.* Въ *Никон.* сказано, что Св. Сергій далъ имъ «крестъ Христовъ, нашитый на Схимахъ». О сихъ Димитріевыхъ сподвижникахъ упоминается и въ житіи Св. Сергія.

(70) Ворота давно задѣланныя, первыя отъ Флоровскихъ или Спасскихъ къ Москвѣ рѣкѣ. Нынѣшнія башни Кремлевскія строены уже при Вел. Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ исходѣ XV вѣка, но сохранили имена древнѣйшихъ, то есть построенныхъ Донскимъ.

Въ Синод. Лѣт. No 365: «Князь же Великій съ братомъ Володим. «Андреевичемъ иде во церковь Архистратига и биша челомъ его Св. «образу, и приступи ко гробомъ прародителей своихъ, и рекше: храни-«тели православныя, поборници наши! аще имаете дерзновеніе ко Го-«споду, помолитеся о нашемъ согрѣшеніи, яко великое приключеніе намъ «и чадомъ нашимъ: нынѣ убо подвизайтеся съ нами». Тутъ же описано и прощаніе Димитрія съ Евдокіею. Далѣе: «Князь же Великій отпусти «брата своего (Владиміра) *Брашевскою* дорогою, а Бѣлозерскія Князи «*Болванскою,* а самъ пойде на *Котель;* того ради не пошли одною доро-«гою, яко не мощно имъ вмѣститися. Великая же Княгиня съ *снохою «своею»* (которой *еще не было*) «и съ иными Княгинями вниде во свой «златоверхій теремъ набережный и сѣде подъ южнымъ окномъ» — (они-«сывается плачь ея)... «Поятъ же съ собою Князь Великій отъ гостей «Сурожанъ 10 человѣкъ повѣданія ради, аще что случится, да повѣдаютъ «вборзѣ на Москвѣ: Василья Капцу, Сидора Ольферьева, Костянтина «Волка, Кузму Кувырю, Семена Онтонова (Коротоноса), Михаила Са-«раева, Тимоѳея Весякова, Дмитрея Черного, Ивана Шиха, Дмитрея «Саларева... (Дементья Сараева).. Возится К. Володимеръ Андреевичь

«Москву рѣку на красномъ перевозѣ Брашевскомъ» (въ Боровскѣ), и проч. Тутъ и въ *Никон.* сказано, что Великій Князь въѣхалъ въ Коломну 28 Авг. въ *Субботу;* но сіе число было тогда *Вторникомъ.* Современные Лѣтописцы такъ не ошибались. Далѣе: «прежде же Вел. Князя «снидошась тамо Воеводы многи, и срѣтоша его на рѣчкѣ Сѣверкѣ, а «Гарасимъ Епископъ въ градныхъ вратѣхъ со кресты».

(71) Такъ въ *Ростов. Лът.*; а по Никоновской сказкѣ Ольгердовичи соединились съ Димитріемъ уже близъ Дона на мѣстѣ Березѣ. Они названы пасынками второй жены Ольгердовой, будто бы *Анны* (вмѣсто Іуліаніи) воспитавшей ихъ въ Христіанской Вѣрѣ. См. въ *Никон. Лът.* переписку сихъ братьевъ между собою, когда они готовились итти въ помощь къ Димитрію. Въ *Архангел. Лът.* сказано, что съ ними было войска 40,000.

Въ *Ростов. Лът.:* «И пріиде на Коломну, собравъ вой своихъ 150,000, опричь Князей Рускихъ и Воеводъ Мѣстныхъ; отъ начала бо такова «сила не бывала Князей Рускихъ: бѣ бо всее силы числомъ съ полта-«раста тысящъ или съ двѣстѣ тысящъ» (кромѣ дружины Ольгердовичей). —Въ *Синодал. Лът.*: № 365, л. 210: «Во утрій же день повелѣ Кн. Вел. «выѣхати всѣмъ Воеводамъ на поле Дѣвиче и всѣмъ людемъ... и начаша «мнози гласы ратныхъ трубъ трубити, и варганы шепутъ (звучать), и «стязи ревутъ наволочены, и въ саду Панфиловѣ сынове Рустіи насту-«пиша поля Коломенскія... Князь же Великій съ братомъ Владиміромъ «Андреевичемъ возрадовашася... И уряди коемуждо полку Воеводу, а къ «себѣ пріимъ Князи Бѣлозерскія (храбри бо быша), а брату своему далъ «Князи Ярославскіе; а правую руку себѣ уряди, а лѣвую брату; а Князю «Глѣбу Дрютцкому (въ *Никон.* Брянскому) передовой полкъ, да Дмитрею «и Володимеру Всеволожимъ; Коломенскаго полку Воевода Микула Ва-«сильевичь, Володимерскаго полку Воевода Тимоѳей Волуевичь, Костром-«скаго Иванъ Родивоновичь Кашня, Переславской же Воевода Андрей «Серкизовъ; а у Князя у Володимера Воевода Данило Белеутъ, Костян-«тинъ Конановичь; Кн. Ѳедоръ Елецкой и Воевода Мещерской Кн. Юрій, «да Кн. Андрей съ своими полки пріидоша. Князь Великій повелѣ Оку «рѣку возитися, заповѣдавъ, кто пойдетъ по Рязанской землѣ, да никто «не прикоснется ни единому власу». Далѣе сказано, что онъ послалъ впередъ третью стражу съ Семеномъ Меликомъ, Игнатіемъ Кренемъ. Ѳомою Тынинымъ, Петромъ Горскимъ, Карпомъ Олексинымъ и Петру-шею Чюриковымъ.

(72) Въ *Ростов.:* «Великій же Князь Димитрій, вздохнувъ изъ глу-«бины сердца, рече: Господи! совѣты неправедныхъ разори... Не азъ по-«чахъ... но онъ окаянный, новый Святополкъ». Послѣ того Димитрій идетъ въ церковь и принимаетъ благословеніе Епископа Коломенскаго, Герасима. — Въ *Никонов.:* «бѣ ему (Димитрію) печаль, яко мало пѣшія «рати, и остави у Лопасны Воеводу своего, Тимоѳея Васильевича Ты-«сяцкаго (сына), правнука Веньяминова, да егда пѣшія рати или кон-ныя поидутъ за нимъ, да проводитъ ихъ... и повелѣ счести силу свою, «и бяше ихъ вящше двою сотъ тысящъ».

(73) Въ сказкѣ о войнѣ Мамаевой подробно описывается замѣша-тельство Олега, гнѣвъ Ягайла (будто бы уже Католика) на Князя Ря-занскаго, и проч. Олегъ говоритъ своимъ Боярамъ: «азъ чаяхъ по пра-«виломъ, яко не подобаетъ Вел. Князю противу Царя стояти: нынѣ убо что «здѣ сдумалъ?» Бояре отвѣтствуютъ: «сказываютъ въ вотчинѣ его Калугера «именемъ Сергія, свята и прозорлива вельми: тотъ благословилъ его и «вооружилъ противу намъ». Далѣе: «пріиде Ягайло въ Одоевъ, и слыша, яко «Олегъ убояся, и пребысть Ягайло не подвизался». Въ гнѣвѣ своемъ онъ «говоритъ: «николи же Литва отъ Рязани не пріимаша разума».

(74) См. Синодал. Лѣт. № 365, л. 217. Въ *Никон. Лѣт.*: «и ту пріи-«доша много пѣшаго воинства, и Житейстіи людіе, и куицы со всѣхъ «земель... и начаша считати, и изочтоша ихъ вящше *четырехъ сотъ ты-«сящъ*:» вѣроятно ли?

Вопреки современному Лѣтописцу, *Никон.* говоритъ, что послы Сергіевы вручили Димитрію письмо его и *хлѣбецъ Богородицы* уже передъ самою битвою. Тамъ же: «и се внезапу пріидоша къ нему (Димитрію) «два отъ стражей его, Петръ Горскій и Карпъ, и приведоша языкъ. Той «повѣда, яко Царь на Кузминѣ гати; не спѣшитъ убо, но ожидаетъ Олга «и Ягайла; по тріехъ же днехъ имать быти на Дону. И вопросиша его «о силѣ Мамаевѣ; онъ же рече: многое множество». Въ *Ростов.*: «Мамай «же слышавъ приходъ Вел. Князя къ Дону, и изсѣченныя свои видѣвъ «прибѣгшія къ нему... и рече Княземъ своимъ темнымъ: двигнемся и «станемъ у рѣки Дону. Великій же Князь, слышавъ хвалу Мамаеву, «рече: Господи! не повелѣлъ еси въ чуждыя предѣлы преступати; азъ «же не преступихъ: сіи же приходящіе аки зміи ко гнѣзду», и проч. Въ Синодал. Лѣт. № 365, л. 218 на обор.: «прибѣгоша 7 стражей въ 6 часъ «дни, Семенъ Меликъ со дружиною, а за нимъ гонишась много Татаръ; «мало его не угониша: уже бо узрѣша полки Русскія и возвратишася «къ Царю... Семенъ же повѣдаетъ Вел. Князю, яко Царь на Гусинѣ «броду; едина нощь промежъ нами; утре будутъ на Непрядву рѣку».

(75) Въ Синодал. Лѣт. No 365, и въ *Никон.* сказано, что сей Воевода, Димитрій Боброкъ, пріѣхалъ тогда къ Вел. Князю съ Ольгердовичами; но онъ есть самый тотъ, который въ 1371 году разбилъ Олега, а послѣ ходилъ въ Болгарію: зять Вел. Князя, Димитрій Михайловичь Волынскій Бобровковъ (см. *Родослови. Книгу*, II, 85).

(76) Синодал. Лѣт. No 365, л. 220: «Князь же Великій поимъ брата «своего Володимера и Литовскіе Князи и Воеводы, и выѣхаша на мѣсто «высоко... и видѣ полци велми учрежены достойно (Димитріемъ Волын-«скимъ)... и Князи Литовскіе ркуще: подобни суть Македонскому вой-«ску... У богатырей хоругови аки живи пашутся; доспѣхи же Рускія «аки вода силна во вся вѣтры колебашася, и шеломы на главахъ ихъ «аки утренняя заря; *еловци* жь шеломовъ ихъ аки поломя огнивое па-«шется... Князь же Великій сшедъ съ коня доловъ, и падъ на колѣну «прямо Великому полку черному знамени, на немъ же бѣ образъ Вла-«дыки І. Христа, изъ глубины сердца нача призывати велегласно», и проч.—Далѣе: «и коемужду полку рече своими усты: братія моя милая, «сынове Рускія», и проч. Тутъ сказано, что сіе происходило еще наканунѣ битвы; но Димитрій, по *Ростов. Лѣтописцу*, распорядилъ войско въ самый ея день, перешедши за Донъ, въ *Ординскую землю*. Слѣдующую басню выписываемъ для любопытныхъ изъ *Никон. Лѣт.*, *Синописса* и другихъ:

«Рече Дмитрей Волынецъ Вел. Князю: повѣмъ тебѣ, Княже, при-«мѣту свою искусную; уже бо долго нощи вечерняя заря потухла. Князь «же Великій поимъ съ собою брата Володимера и Литовскіе Князи едины, «и выѣхаша на поле Куликово, и ставъ посреди обоихъ полковъ, и обра-«тися на полкъ Татарской и слыша стукъ великъ и кличь, аки торги «снимаются, аки гради зиждуще, аки трубы гласяще. И бысть назади «ихъ грозно волци воюще. По десной же странѣ ворони кличютъ, и «бысть гласъ великъ птичь, вранове же играютъ по рѣцѣ тои по Не-«прядвѣ; гуси и лебеди, непрестанно крилѣ плещуще, необычную грозу «подаютъ. И рече Волынецъ: *слышасте ли сіа? обратите ся на полкъ «Русскій*. И бысть тихость велика... токмо огневе мнози и заря снима-«хуся... И сниде (Волынецъ) съ коня и паде на десное ухо и приниче

«на землю, и предлежа на долгъ часъ, и воста, и абіе пониче. И рече «ему Князь Великій: что есть, брате? Онъ же не хотѣ сказати. Князь «же много пудивъ его; онъ же рече: едина ти есть на пользу, а другая «не на пользу. Слышахъ землю плачущуся на двое: едина страна аки «вдовица нѣкая, а другая аки дѣвица, аки свирѣль... Азъ чаю побѣды, «а нашихъ много падетъ. Князь же Великій прослезися. И рече Волы- «нецъ: не подобаетъ сего въ полцѣ повѣдати никому же... Въ ту же нощь «нѣкто Ѳома Хабычеевъ разбойникъ поставленъ сторожемъ отъ Великаго «Князя на рѣцѣ на Чюрѣ на Михайловѣ, и откры ему Богъ видѣніе, и «видѣ на высотѣ облакъ великъ, пріиде отъ Востока, и отъ полуднен- «ныя страны пріидоша двѣ уноши свѣтлы, имуще въ рукахъ по мечю «остру, и ркуще полковникомъ Татарскимъ: *кто вы повель требити «отчество наше? намъ дарова Господь стрѣти его...* и начаша сѣщи ихъ, «И видѣша Василей Капица, да Семенъ Онтоновъ, отъ поля грядуща «множество Ѳеіопъ, ови на колесницахъ, ови на конехъ, и абіе внезапу «явись Св. Петръ Митрополитъ, имѣя въ рукѣ жезлъ златъ... и нача съ «яростію веліею жезломъ своимъ ихъ прокалати... И Вел. Князь повелѣ «никому же сего повѣдати». — Далѣе: «Часу же второму наставшу, на- «чаша трубити отъ обоихъ странъ: Татарскія жь трубы аки онѣмѣша..; «Великому жь Князю пресѣдающе на борзыи конь, и ѣздящу по пол- «комъ... и сниде съ того коня на иной конь, и совлече съ себя приво- «локу Царскую и въ ину облечеся; той же конь дасть подъ Михаила «подъ Ондреевича подъ Бренка, и ту приволоку на него положи, иже «бѣ любимъ паче мѣры, и то черное знаменіе поведѣ надъ немъ взоити «(въ *Никон. Лѣт.* Рындѣ своему), и подъ тѣмъ знаменемъ убіенъ бысть «за Великого Князя. Великій же Князь воздѣвъ руцѣ на небо и вложи «въ недра своя вынмъ крестъ живоносный, на немъ же бѣ воображеніе «страсти Господни, въ немь же бѣ древо животное, восплакася»... (Тутъ будто бы привезли ему письмо отъ Св. Сергія)... «И се внезапу сила «Татарская великая съ *шоломяни* (высоты) грядуща, и нѣсть мѣста, гдѣ «имъ разступитись, и сташа, конія закладше, стѣна у стѣны, кождо ихъ «на плеци предніихъ своихъ, имуще предніи краче, а задніи должае. «Князь же Великій съ своею силою съ другаго *шоломяни* пойде про- «тиву имъ, и бѣ страшно видѣти... Царь же Мамай съ тремя съ тем- «ными Князи взыде на *мѣсто высоко* на *шоломя*, и ту сташа, хотя ви- «дѣти кровопролитіе... Выѣде изъ полку Татарск. Печенѣгъ, богатыръ «великъ зѣло, и никто же смѣяше противу его. Тогда Пересвѣтъ Чер- «нецъ, *Любчанинъ* (по *Ростов. Лѣт.* Брянчанинъ) родомъ, иже бѣ въ «полку у Владимера у Всеволожа, двигся изъ полку вонъ и рече: азъ «хощу съ нимъ видѣтися. И бѣ на немъ шеломъ Архангельскаго образа, «вооруженъ бѣ Скимою; и рече: отци и братія! простите мя грѣшнаго, «и братъ мой Ослябя моли Бога за мя... И напусти на Печенѣга, и «рече: Игуменъ Сергій помози молитвою своею. Крестьяне же вси во- «скликнуша: Господи помози рабу своему! и ударишась крѣпко; мало «что земля подъ ними не проторжесь: и спадоша съ коней оба, и умроша».

(77) Синодал. Лѣт. No 365, л. 26: «Мы вси готовы есмя головы «своя положити за тебя, за ласкова Государя: а тобѣ подобаетъ память «творити и въ книгахъ писати, памяти дѣля Русскихъ сыновъ», и проч. Въ *Ростов.* л. 370: «Онъ же отвѣща имъ: да како азъ возглаголю: *бра- «тія, потянемъ вкупѣ*, а самъ лице свое почну крыти? яко же хощу «словомъ, тако же и дѣломъ напередъ всѣхъ и передъ всѣми главу свою «положити, да и прочіи пріимутъ дерзновеніе». Далѣе: «Наѣха (Димит- «рій) на поганаго Царя *Телика* (см. выше, примѣч. 58), на нареченнаго «плотьнаго Діавола Мамая», и проч.

(78) Древняя наша верста состояла изъ 1000 саженей, какъ показано въ старинныхъ Русскихъ Ариѳметикахъ.

(79) «Видѣша бо вѣрніи, яко въ сій часъ Ангели помогаху Хри«стіаномъ, и Свв. Мученикъ полки, Георгіа побѣдоносца и Димитріа ми«роточиваго и благовѣрныхъ Князей самобратныхъ, Бориса и Глѣба, въ «нихъ же бѣ Воевода Архистратигъ Михаилъ. Тако же и поганіи ви«дѣша полки тресолнечны по воздуху парящи, избивающе ихъ, и стрѣлы «пламенны на поганыхъ идяху». Въ Синодал. Лѣт. No 365: «Се слыша«хомъ отъ вѣрнаго самовидца отъ полку Кн. Володимера Андреевича, «иже повѣда Вел. Князю видѣніе: въ шестую годину дни бысть надъ «вами небо отверсто, изъ него же иде багряная заря и надъ вами низко «держаше, и облакъ исполненъ рукъ, кояжда рука держаше вѣнцы, ова «потіры, ова проповѣди пророческія (ова цвѣты), и въ 6 часу дни мнози «вѣнци спустишася на Русскія полки». Тутъ сказано, что Мамай ушелъ только съ четырмя воинами. Глупые басенники прибавляютъ, что онъ призывалъ боговъ *Перуна*, Соловата, *Мокоша*, Ираклія и *Хорса!* — Далѣе: «Княжіи же полки гоняще били ихъ до Содомлянъ и до становъ «ихъ».—Къ *Никон.* и въ другихъ сказано, что Димитрій Волынскій удерживалъ Князя Владиміра, пока сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице; а въ 9 часу вѣтеръ повѣялъ сзади.

(80) Въ Синодал. Лѣт. No 365: «Рекоша Князи Литовскія: мнимъ, «яко живъ есть, но уязвленъ. Иной рече: азъ пятаго часу видѣхъ его «крѣпко бьющеся съ четырмя Татарины. Юрьевской же уноша, Степанъ «Новосильской: азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ приходомъ пѣша «идуща съ побоища, но уязвленна; того бо дѣля не дахъ ему коня, зане «гонимъ бѣхъ трема Татарины... Овіи же наѣхаша Михаила Александров. «Бренка, и чаяща его Великимъ Княземъ; и иніи же Кн. Ѳеодора Бѣ«лозерскаго, занеже приличенъ (похожъ) бяше». — Въ *Ростов.*: «Нѣкто «отъ благородныхъ воинъ, Костромичи родомъ, а быша въ полку у Во«еводы Іоанна Родіоновича, Ѳеодоръ Сабуръ, да Григорей Холопищевъ, «найдоша Вел. Князя въ дубровѣ велми язвлена лежаща», и проч. Выше сказано: «Самаго же Вел. Князя съ коня сбиша» (Татары). Въ *Никон.* и въ другихъ прибавлено, что Димитрій, сбитый съ коня, сѣлъ на другаго, и будучи еще раненъ, отошелъ съ мѣста сраженія въ дубраву, и легъ подъ дерево. Въ *Ростов.*: «доспѣхъ его весь бяше избитъ, но на «тѣлѣ его не бысть язвы».

(81) Въ Синодал. Лѣт. No 365: «а поганыхъ въ четверо». Нѣмецкій Историкъ Кранцъ, писавшій свою *Вандалію* въ концѣ XV вѣка, говоритъ о сей Донской битвѣ (Wandal. кн IX, стр. 207): Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum, est proelium, in loco qui dicitur *Flawasses* (Blau-Wasser, Синяя Вода: см. ниже), ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere. Ferunt ducenta mortalium millia eo concidisse proelio. Russi tamen victores praedam non parvam abduxere in pecoribus: nam reliquam pene nullam possident. Nec tamen diu laetati sunt ea victoria Russi: nam Tartari, Letuanis in societatem accitis, secuti Russos jam reduces, et praedam, quam amiserant, retulerunt, et magnam in Russos stragem peregerunt. Erat autem annus LXXXI post mille trecentos a Christo nato. Quo etiam tempore in Lubica coetus agebatur et conventus urbium omnium de societate, quam Hansam dixere. Послѣднее мѣсто выписано здѣсь для того, что оно можетъ изъяснить, какимъ образомъ свѣдали въ Германіи о Донской битвѣ: купцы Ганзейскіе, въ 1381 году имѣвшіе съѣздъ въ Любекѣ, могли привезти туда вѣсти изъ

Новагорода, съ ними союзнаго. Кранцъ пишетъ, что «Россіяне взяли въ добычу множество скота (ибо у Татаръ почти нѣтъ иного богатства) но не долго радовались своею побѣдою; что Татары, соединясь съ Литвою, «устремились въ слѣдъ за нашими, отняли у нихъ добычу и множество «ихъ побили». Въ Линденблатовой рукописной Нѣмецкой Хроникѣ, которая идетъ до 1420 года, сказано такъ: «Въ семъ году (1380) была ве«ликая война во многихъ земляхъ: Россіяне сражались съ Татарами на «*Синей Водѣ*, и съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ до *сорока-тысячъ* «человѣкъ. Россіяне одержали верхъ; но послѣ сей битвы встрѣтили Ли«товцевъ, союзниковъ Татаръ, и были истреблены ими: Литовцы взяли «всю ихъ добычу». Въ *Болш. Чертежѣ* 162: «Вверхъ по рѣкѣ Бокгу «(Бугу) 50 верстъ (отъ его устья) пала въ Бокгъ рѣчка Синяя Вода, а «(на ней) городъ Синяя Вода, 70 верстъ отъ Бокга». Но Непрядва и Донъ такъ не назывались. — Въ Синодал. Лѣт. No 365 сказано, что въ Донскомъ сраженіи убито 40 Московск. Бояръ, 30 Серпуховскихъ, 22 Переяславскихъ, 20 Костромскихъ, 30 Владимірскихъ, 50 Суздальскихъ, 40 Муромскихъ, 34 Ростовскихъ, 23 Дмитровскихъ, 60 Можайскихъ, 30 Звенигородскихъ, 15 Углицкихъ, а всѣхъ вообще 250,000; осталось же только 50,000 (по *Никон. Лѣт.* 40,000): какая нелѣпость! Въ *Ростов. Лѣт.* о числѣ убитыхъ нѣтъ ни слова; а въ *Никоновск.* сказано, что 8 Князей Бѣлозерскихъ (въ Синодал. Лѣт. *пятнадцать*) лежали мертвые другъ подлѣ друга.

(82) Въ приходской церкви Рождества Богоматери, разбирая колокольню сей церкви, называемой *Старымъ Симоновымъ* (см. ниже, примѣч. 122), въ царствованіе Екатерины II нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ были вырѣзаны имена Осляби и Пересвѣта: нынѣ она стоитъ въ трапезѣ; а камень закладенъ въ стѣнѣ. Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что Ослабя также убитъ въ Донскомъ сраженіи, вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ, и что Великій Князь, стоявъ 8 дней на мѣстѣ битвы, велѣлъ тѣла нарочитыхъ людей везти къ Москвѣ въ колодахъ.

(83) Между 18 и 26 числомъ Октября.

(84) Въ особенной исторіи Высоцкаго Серпуховскаго монастыря (см. *Опытъ историч. словаря монаст.* стр. 82), хранящейся въ сей обители, именно сказано, что Владиміръ былъ прозванъ *Храбрымъ*.

(85) По *Никон. Лѣт.* и другимъ Великій Князь прибылъ съ Куликова поля въ Коломну 21 Сент., отдыхалъ тамъ 4 дни, былъ встрѣченъ Митрополитомъ въ Андроньевѣ монастырѣ, Великою Княгинею во Флоровскихъ воротахъ, молился съ нею въ Соборахъ, вошелъ наконецъ *въ свое знамя, въ бережныя сѣни*,—ѣздилъ изъ Москвы въ Троицкую Лавру и заставилъ Св. Сергія отслужить панихиду за избіенныхъ на берегу Дона.

(86) См. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 90. Сія грамота есть списокъ, а не подлинникъ Въ началѣ упоминается о Митрополитѣ *Кипріанѣ*, а послѣ о *Донскомъ сраженіи:* слѣдственно она писана въ 1381 или въ 1382 году, т. е. прежде изгнанія Кипріанова. О границахъ: «Межи насъ роздѣлъ «земли по рѣку по Оку, отъ Коломны вверхъ по Оцѣ на Москов. сто«ронѣ Почепъ, Новый городокъ, Лужа, *Верея*, Боровескъ и иная мѣста «Рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ «по Оцѣ по рѣку по Тцну, отъ усть Тцны вверхъ по Тцнѣ, что на Москов. «сторонѣ Тцны, то къ Москвѣ, а что на Рязанской, то къ Рязани; а «Володимерское по рубежъ, какъ было при вашемъ дѣдѣ, при Вел. Кн. «Иванѣ Даниловичѣ... а что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселѣ «потягло къ Москвѣ, Почепъ, Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадене «городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь съ мѣсты, какъ ся отступили «Князи Торускіе Ѳедору Святославичю, тѣ мѣста къ Рязани; а что мѣсто

«Князя Вел. Дмитрія Иван. на Рязаньской сторонѣ, *Тула*, какъ было «при Царицѣ при Тайдулѣ, и коли ее Баскаци вѣдали, въ то ся Князю «Вел. Ольгу не вступати... А что мѣста Талица, Выпользовъ, Такасовъ, «та мѣста Князю Вел. Дмитрію. А что купля Кн. Великого, Мещера, «какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то Князю В. Дмитрію». О семъ *Князѣ* А. Уковичѣ упоминается и въ новѣйшихъ Рязанскихъ договорахъ: см. ниже. Города Кадомъ, Темниковъ, Елатомъ находились въ Мещерской области.—Далѣе: «А что Татарская мѣста отоймалъ Кн. Великій «Д. Ив. за себя отъ Татаръ, та мѣста Велик. Кн. Дмитрію: а что Князя «Вел. Олегъ, то Олгу.... А изъ Рускихъ Князей кто Князю Вел. Дмитрію «другъ и Князю Володимеру, то и В. Князю Олгу другъ... А что В. К. «Дмитрій и К. Володимеръ билися на Дону съ Татары, отъ того вре«мени что грабежъ или что поиманье у Князя В. у Дмитрія людій и у «его брата, К. Володимера, тому межи насъ судъ вопчій: отдати то по «исправѣ; а что ся ни дѣяло дотолѣ, какъ есмя цѣловали крестъ, тому «всему погребъ до Спасова Преображенья дни за четыре дни; а судъ «вопчій межъ насъ отъ того праздника всему. А о чемъ судьи наши «сопрутся, ѣдутъ на-Третей, кого себѣ изберутъ; а судомъ вопчимъ не «переводити» (не судиться вторично); «а кто имѣтъ переводити, правый «у того возметъ: а то ему не въ измѣну. Суженого не посужати» (не пересуживать): «суженое положеное дати. Холопа, робу, должника, поруч«ника, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ; а пошлины съ «семьи шесть денегъ, съ пѣшеходовъ 2 алтына, а съ единого не имати. «А мыты ны держати давныи, пошлыи; а непошлыхъ (небывалыхъ) мы«товъ и пошлинъ не замышляти; а мыта съ воза по дензѣ, а съ пѣше«хода мыта нѣтъ», и проч.

(87) См. Абульгази Hist. des Tatars. и Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Timour.—Урусъ царствовалъ до 1360 году.

(88) «Срѣтошася на Калкахъ (въ *Ростов.* Калкахъ лѣсѣхъ)... и Тох«тамышъ побѣди. Мамаевы же Князи сшедше съ копей своихъ и биша «челомъ Царю Тохтамышу и давше ему правду (присягу) по своей Вѣрѣ... «Мамай же побѣже съ своими единомышленники. Царь же Тохтамышъ «посла за нимъ въ погоню. Мамай же прибѣже близъ града Кафы и со«слася съ Кафинцы по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избав«леніе, и прибѣже въ Кафу со множествомъ злата и сребра... и ту отъ «нихъ убіенъ бысть лестію».

(89) Въ *Троицк.*: «Того же лѣта выидоша изъ Орды Киличееве (по«слы) Князя Великого, Толбуга да Мокшей, къ Госпожину дни. Того же «лѣта Царь Тохтамышъ послалъ своего посла къ Вел. Князю», и проч.

(90) Въ *Ростов.*: «А Князь Олегъ срѣте Тохтамыша прежде даже «не вниде въ землю Рязанскую, и бысть ему помощникъ... и иная нѣкая «словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую и взяти каменный «градъ Москву и издобыть Вел. Князя; и обведе Царя около всей своей «вотчины... не хотяше бо добра намъ, но своему Княженію помогаше... «К. Димитрій Константин. Суждальскій посла два сына своя, К. Василіа, «да К. Симеона, къ Тохтамышу. Они же не обрѣтоша его, и гнаша въ «слѣдъ его пѣколико дней, и переяша дорогу его на Серначѣ, и пости«гоша его на Рязани».—Въ *Ростов.*: «поѣде (Димитрій) во градъ свой «Переаславль... и мимо Ростовъ на Кострому». *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Великая Княгиня оставалась въ Москвѣ, и выѣхала оттуда уже вмѣстѣ съ Митрополитомъ Кипріаномъ; но въ современной *Новогород. Лѣт.* сказано: «на Кострому побѣжа (Димитрій) съ Княгинею и съ дѣтми». Такъ и въ *Архангелской*.

(91) Въ *Ростов.:* «и сотвориша *Вѣче* и позвониша во вся коло-«кола».—*Никон. Лѣт.* говоритъ, что народъ, выпустивъ изъ города Митрополита съ Великою Княгинею, ограбилъ ихъ: вѣроятно ли? народъ, по другимъ лѣтописямъ, грабилъ только простыхъ бѣглецовъ.

(92) «Бояре. Суконницы, Сурожане, Архимандриты, Игумены», и проч. Въ *Никон. Лѣт.:* «пріидоша (Татары) въ полобѣда, и узрѣша ихъ «со града, и вострубиша граждане. Они же сташа за два или за три «стрѣлища отъ града», и проч. Далѣе: «бѣ бо около града чисто, понеже «граждане сами посады своя пожгоша и ни единого тына или древа «оставиша, блюдущесь примета ко граду».

(93) Въ *Никон. Лѣт.* описываются здѣсь разныя мерзости: чего нѣтъ въ другихъ.

(94) «Овіи отъ нихъ стояще стрѣляху, а иніи скоро рищуще, а друзіи «на конехъ скоро ѣздяще на обѣ руцѣ, напередъ и назадъ скоро и по-«лучно безъ погрѣхи стрѣляху». Въ *Ростов.:* «друзіи же *тюфяки* пущаху «на ня, иніи изъ самострѣлъ стрѣляху, и пороки шибаху, иніи *пушки* «великіи пущаху». *Тюфяками* и *пушками* назывались тогда, какъ надобно думать, особенныя машины, употребляемыя для защиты городовъ. Далѣе: «И той (Адамъ) примѣтивъ и назнаменавъ единаго Татарина на-«рочита и славна, иже бѣ сынъ Князя Ординскаго, и напрягъ стрѣлу са-«мострѣльную, и уязви въ сердце его гнѣвливое, и вскорѣ смерть ему «нанесе. Се же бысть велика язва Татарамъ, яко и самому Царю ту-«жити о немъ».

(95) Въ *Архангелъской:* «и на томъ словѣ К. Семенъ Суздальскій «снемъ съ себе крестъ и цѣлова Москвичемъ».

Въ *Никонов.:* «убиша К. Остея, тайно вземше его полкъ свой». Въ *Архангел.:* «К. Остея во Фроловскихъ воротѣхъ убиша». Сіе случилось въ 7 часу дня.

(96) Въ *Троицк.:* «книгъ же толико множество снесено со всего го-«рода и изъ загородья и изъ селъ, и въ Зборныхъ церквахъ до трона «наметано, схраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша».

(97) Въ *Ростов.:* «прежде бяше градъ Москва видѣти великій и «чюденъ градъ, и много множество людей бяше въ немъ, кипя же богат-«ствомъ и славою», и проч. Въ числѣ убитыхъ Лѣтописцы именуютъ Симеона, Архимандрита Спасскаго, другаго Архимандрита Іакова, Игумена Іакинѳа Крылова, и проч.

(98) Въ *Никонов.* сказано, что Татары въ Переславлѣ едва было не захватили супруги Димитріевой, и что она уѣхала оттуда черезъ Ростовъ въ Кострому; что Татары хотѣли итти къ Твери, но были удержаны невидимою силою; что Михаилъ Тверскій отправилъ къ Хану дары съ Гурленомъ, и что Тохтамышъ прислалъ ему милостивую грамоту. — Въ *Архан. Лѣт.* сказано, что Владиміръ побилъ 6000 Татаръ.—Коломенскій Епископъ Герасимъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ. — Тохтамышъ, выходя изъ Россіи, вмѣстѣ съ посломъ своимъ отправилъ къ Димитрію Константиновичу Суздальскому сына его, Симеона Димитріевича, а другаго сына, Василія Димитріевича, взялъ съ собою въ Орду.

(99) Въ *Троицк.:* «росплакаста ся има (Димитрію и Владиміру).

(100) Такъ въ *Ростов.*, а по *Троицк.* вдвое менѣе.

(101) Михаила Морозова и Симеона Тимоѳеевича. Кипріанъ выѣхалъ изъ Твери Окт. 3, а пріѣхалъ въ Москву Окт. 7.

(102) «Тое же осени К. Михаилъ иде въ Орду и съ сыномъ своимъ «и пойде околицею, ища Великого Княженія... Тое же осени (1383) о «Николаевѣ дни Кн. Михаилъ выйде изъ Орды безъ Великаго Княженья, «а сынъ его Александръ остася въ Ордѣ. И Князя Василіа Димитріевича

«Царь у себе же оставивъ *въ осьми тысячахъ*», то есть, считая 8000 рублей долгу на его отцѣ. *Никон. Лѣт.* изобрѣтаетъ слѣдующее: «Тох-«тамышъ пожаловалъ Князя Михаила его отчиною, Княженіемъ Твер-«скимъ, и рекъ ему: азъ улусы своя самъ знаю, и кійждо Князь Рускій «по старинѣ служитъ мнѣ; а что неправда предо мною улусника моего «Кн. Дмитрея Московскаго, и язъ его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ «правдою... Тогда же бѣ въ Ордѣ и Князь Василій Дмитріевичь Москов-«скій: смущаще бо ихъ нѣкій Князь Ординскій, обѣщавая комуждо дати «Вел. Княженіе, яко и Царя, глаголаше, на сіе приведу».

(103) Въ *Троицк.*: «тое же осени (1383) о Дмитріевѣ дни бысть въ «Володимірѣ лютъ посолъ, именемъ Адашъ Токтамышь... Тое же весны «(1384) бысть великая дань тяжелая по всему Княженью Великому, «всякому безъ отдатка (уступки), со всякіе *деревни* по *полтинѣ*. Тогда «же и златомъ давали въ Орду» (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 250). *Деревня* означала прежде *одно* жилище крестьянское и состояла обык-новенно изъ малаго числа дворовъ: въ доказательство привожу слѣдующія мѣста изъ книги Помѣстнаго Приказа XVI вѣка, найденной мною въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: «По старому письму деревня два «двора, три человѣка. Всѣхъ деревень по старому письму 15, а дворовъ «въ нихъ 40 и 8, а людей 50 и 3 человѣка. — Деревень по старому «письму 21, а дворовъ въ нихъ 45, а людей 48, а *обежъ* 47, а *сохъ* 16 «безъ трети». *Обжею* называлось тягло; въ каждой считалась треть *сохи*. Слово *полтина* происходитъ отъ глагола *распологъ*: ибо она состояла изъ половины рубля или серебрянаго прута, *вдоль* раздвоеннаго. Въ семъ смыслѣ донынѣ употребляется слово *полоть* (ветчины) и *полотокъ*.

(104) См. ниже, примѣч. 115. Димитрій въ условіяхъ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ говоритъ: «а оже ны Богъ ослободитъ отъ «Орды».

(105) «Марта въ 25, въ Лазареву Субботу, К. Олегъ взя Коломну «изгономъ, и Намѣстника изнима Александра Андреевича, нарицаемаго «Остея, и прочихъ Бояръ и лѣпшихъ мужей поведе съ собою, и злата «и сребра и всякаго товара наимався, и отыде въ свою землю.... Того жъ «лѣта Кн. Великій Дмитрій Ив. собравъ воя многы и посла брата своего, «К. Володимера, на К. Ольга. На той войнѣ убиша Кн. Михаила, сына «Андреева Полотьскаго Олгердовича на Рязани.... Тое же осени въ Фи-«липово говѣнье Игуменъ Сергій самъ ѣздилъ на Рязань ко К. Ольгу о «мирѣ: прежде бо того мнози ѣздиша къ нему, и никто же возможе «утолити его. Преподобный же старецъ кроткими словесы и благоувѣт-«ливыми глаголы много бесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ и о любви: К. же «Олегъ преложи свирѣпьство свое на кротость, и умилися душею, и «устыдѣся толь свята мужа, и взя со К. Великимъ миръ вѣчный».

(106) Въ *Ростов.*: «даша ему (Патрикію) Новогородци въ кормленье «пригороды Орѣховъ и Корельскій и полъ Копорьи городка и Луское «село... Пріѣхаша Орѣховци и Корельскыи съ жалобою къ Новугороду «на Патрикія, и выѣха Кн. Патрикій въ Новгородъ, и подня посуломъ «(дарами) Славенскій Конецъ, и смути Новгородъ... Износиша Вѣче по «двѣ недѣли на Ярославлѣ Дворѣ, а здѣ на сей сторонѣ 3 Концы другое «Вѣче ставиша у Св. Софіи, и Тысяцкій Іосифъ не сойде на сю сторону «въ Вѣче, и Плотничане добрые люди также не пойдоша. И бысть на «*Черкисовъ* (Мытаря и Фарисея) недѣли, удариша Славенскій Конецъ «на Тысяцкого на Іосифовъ дворъ съ Вѣча со Ярославля Двора, и Плот-«ничане Іосифа не выдаша, и биша грабежниковъ и полупиша; а тогда «убиша у Кн. Патрикія 2 человѣка въ дому, Корнилка Олисейкова, да «Мишка Щекотова Поповича съ Подола. И бысть на Мясопустной недѣли

«во Вторникъ, Февр. въ 9 день: доспѣша 3 Концы Неревъскій Конецъ, «и стояша у Св. Софіи на Вѣчи, всякій вооружившися аки на рать, отъ «обѣда и до вечерни, и Плотницкій Конецъ, сослався послы съ трема «Концы, на Славянъ хотѣша ити, а заутра въ Среду не потягнуша «Плотничане на Славляне съ 3 Концы, и 3 Концы списаша грамоты во «одни слова сбѣтные, и Славляне себѣ доспѣша и стояша со Княземъ «на Ярославлѣ Дворѣ. Во вторникъ же на Мясопустной недѣли и въ «Четвертокъ Славляне мостъ Великій отъ своей стороны перобраша между «двѣма городними; и по усобной той рати поидоша вси пять Концовъ «во одиначество... и грамоту написаша со Княземъ, и запечаташа на «Вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ».

Въ сіе время только однажды (въ 1377 году) ходили Новогородцы за границу къ Нѣмецкому (Шведскому) Новому городку на Овлѣ (въ *Ростовск.* Олвѣ) рѣкѣ: думаю, Нейшлоту или Олофсбургу, хотя Бишингъ и говоритъ, что сей городъ построенъ уже въ 1475 году.... «И стояша «подъ городомъ много дній, и посадъ весь взяша, и волость всю по- «травиша, и полона много приведоша». Воеводами были Иванъ Ѳедоровичь, Василій Борисовичь, Максимъ Ананьевичь.

Въ *Ростов.:* «Той же осени (1369) пошли Волгою 10 ушкуевъ (су- «довъ), а иніи шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары... Дважды ходиша «(г. 1370) Новогородцы Волгою, и много зла створиша... Того же лѣта «(1371) ушкуйницы разбойницы Новагорода Великаго пришедше взяли «Ярославль и Кострому... Идоша (въ 1374 г.) на низъ Вяткою ушкуй- «ницы 90 ушкуевъ и пограбиша Вятку и взяша Болгары; хотѣша и градъ «заженци, и даша имъ окупа 300 рублевъ; и оттуда раздѣлишась на двое: «50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ по- «идоша вверхъ по Волгѣ, и дошедше *Обухова,* пограбиша все Засурье «и *Маръковашь,* и перешедше за Волгу, суды всѣ изсѣкоша, а сами пой- «доша къ Вяткѣ на коняхъ, и много селъ по Ветлугѣ идуще пограбиша... «Того же лѣта (1375), егда бѣ Вел. Князь Димитрій подъ Тферію, изъ «Вел. Новагорода идоша разбойницы въ 70 ушкуяхъ: Воевода же бѣ у «нихъ Прокофь, а другій Столнянинъ; и пріидоша къ Костромѣ... Видѣвше «же, яко много бѣ Костромичь, раздѣлишась Новогородцы на 2 части: «едину половину пустиша лѣсомъ втай, и обыдоша около по можжеелнику, «и ударишя на Костромичь въ тылъ, а другіи въ лице..... И пойдоша «Новогородцы на низъ, и повернуша въ Каму, и много пограбиша по «Камѣ, и внидоша паки въ Волгу... и пойдоша въ насадѣхъ къ Сараю, «гостей Христіанъ грабяще, а Бесерменъ грабяще и убивающе», и проч... «Того же лѣта (1379) Вятчане ходиша ратію въ *Арьскую землю,* и избиша «разбойниковъ ушкуйниковъ, и Воеводу ихъ Рязана изъимавше убиша».

Городъ Хазиторокань или Астрахань есть, можетъ быть древній Атель или Балангіаръ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 44). Въ старыхъ Грузинскихъ Исторіяхъ Астрахань именуется *Хозаремъ,* какъ пишетъ Грузинскій Царевичь Сакаръ Вахтанговичь въ отвѣтахъ на вопросы Г. Татищева, бывшаго Астрахапскимъ Губернаторомъ. Сіи отвѣты, писанные въ 1743 году, найдены мною въ бумажникахъ Г. Миллера, хранящихся въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No 316. Послѣ Козаръ господствовали Ясы отъ устья Волги къ Дербенту и далѣе.

Сообщаемъ здѣсь и другіе замѣчательные отвѣты упомянутаго Царевича:

«Имя *Грузіи* извѣстно только Россіянамъ. Мы называемъ свое оте- «чество *Картли,* по имени *Картлоса,* нашего праотца, сына Ноева. Пер- «сіяне называютъ Грузію *Гурджистаномъ,* Дагестанцы *Гуржемъ,* Греки «*Георгіею,* отъ Св. Великомученика Георгія, коему Богъ особенно пору-

«чилъ защиту оныя. Картлосъ имѣлъ 6 сыновей: Михетоса, Кахоса, Бар-«доса, Кавказоса, Лесгоса и Егроса, коихъ именами назвалися разные «предѣлы.—Отъ чего родилось имя Кабарды, неизвѣстно. Она принадле-«жала нѣкогда Грузинскимъ Царямъ, исповѣдуя Вѣру Христіанскую, «истребленную Татарами и Князьями вышедшими изъ Египта (Арави-«тянами)».

Въ *Ростов.*: «Держа (Димитрій) гнѣвъ на Новгородъ, что взяли Но-«вогородцы разбоемъ Кострому, и про *Княщины:*» то есть, Княжескую собственность, ими захваченную. Далѣе: «Тое же зимы (1384) пріѣхаша «отъ Вел. Князя Димитрія съ Москвы Бояре его *черного бору* брати» (собирать дань съ чернаго народа) «по Новогородскимъ волостямъ: Ософ-«доръ Свиболъ, Іоаннъ Уда, Александръ Белевутъ, и инїи Бояре. Тогда «ѣздиша Бояре Новогородскія на Городище тягатися со Княжими Бояры «въ обидахъ, и побѣгоша съ Городища на Москву Свиблова чадь, а въ «обидахъ исправы не учинили; а инїи осташа Низовцы въ городѣ оби-«рать черного бору». Однакожь видно, что Новогородцы удерживали сію дань: иначе Великій Князь, смиривъ ихъ послѣ, не имѣлъ бы нужды требовать, чтобы они исправно платили ему оную. Далѣе: «Бысть цѣло-«ваніе въ Великій постъ (въ 1385 году) по Соборѣ на другой недѣли, «цѣловаша крестъ Посадникъ Ософоръ Тимоѳеевичь (въ *Никон.* Тысяц-«кой Богданъ Аввакумовичь) на Вѣчи, и всѣ Бояре, и Дѣти Боярскіе, «и *Житьи* и черные люди, и вся 5 Концовъ, въ томъ, что не зватися «къ Митрополиту, а судити Владыкѣ Алексію въ правду по Номоканону: «на судѣ поняти двѣма исцома дву Бояриномъ съ стороны, тако же и «*Житья* по два жь человѣка: Посаднику и Тысяцкому судити право по «крестному цѣлованію». *Житьими* или *Житьими* людьми назывались граждане *зажиточные*, нарочитые, или всѣ не принадлежавшіе къ черному народу. Въ XI вѣкѣ они назывались *Отличанами* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 67).—Въ *Никон. Лът.* прибавлено: «а Посаднику и Тысяцкому «судити *свои* суды по *Рускому обычаю*». Но здѣсь говорится только о церковномъ судѣ, а не о гражданскомъ.

(107) Въ *Ростов.*: «Въ Филипповъ постъ, предъ Рождествомъ Хр., «Великій Князь пойде ратію, волости и села Новогородскіе воююще и «жгуще... И Новогородцы послаша противу Вел. Князя Іова Аввакумо-«вича и Іоанна Александровича съ челобитьемъ о миру. Великій же «Князь миру не далъ, а послы ихъ отпусти... а самъ, не дошелъ Нова-«города за 30 верстъ, и ста на полѣ: бяше бо уже Богоявленіе... И «пріѣха Владыка Алексій къ Вел. Князю, рече: Господине Князь Вели-«кій! азъ тебе благословляю, а Вел. Новагорода вси людіе бьютъ челомъ, «чтобы еси, Господине, учинилъ миръ, а за винные люди даютъ 8000 руб-«лей... И Владыки не послуша, но хотяше ити къ Новугороду. Владыка «же посла напредъ себе въ Новгородъ Климонта Васильевича, Посад-«нича сына, глаголя: держите опасъ... и Новогородцы поставиша острогъ «по осыпи хоромы; а К. Патрикій со Кн. *Романомъ Юрьевичемъ* и съ Ко-«порскими Князи во градѣ быша, и Новогородцы выѣхаша (съ ними) «на поле въ день Недѣльный до обѣда въ доспѣхахъ, и ѣхаша до Жи-«лотуга, и вспятиша опять въ городъ послѣ обѣда; а Владыка Алексій «пріѣха безъ миру. Бысть переполохъ великъ въ Новѣгородѣ: по Бого-«явленіи на четвертый день, въ Понедѣльникъ, промчеся вѣсть, что «стоитъ Вел. Князь у Жилотуга. Новгородцы же начаша боятися... и «вси въ доспѣсѣхъ выѣхаша на Жилотугъ: бяше бо сила велика и свѣтла «рать Новогородская, конная и пѣшая, и вельми много охотниковъ би-«тися... И не обрѣтоша Низовцевъ и возвратишася, и послаша отъ того «переполоха къ Вел. Князю Архимандрита два, да съ ними 7 Поповъ,

«да 5 Житейскихъ, съ Концевъ по человѣку; а въ то время Новогородцы «пожгоша около града монастырей великихъ 24; а урочищи имъ сіи: на «Перынѣ, Юріевъ, Рожественскій, Аркажъ, Духовъ, Борисоглѣбскій, Бо«городицынъ, Николинъ, Лазаревъ, а на Торговой сторонѣ Антоніевъ, «Богородицынъ, Іоанновъ, на Волотовѣ, на Ковалевѣ, Рожественскій, «Кирилловъ, на Ситескѣ, на Лятскѣ, въ Нередицахъ, на Скворотскѣ, въ «Шиловѣ; а церквей деревянныхъ погорѣло 6: Рожество въ Юріевѣ, «Іоанна Милост. у Воскресснія, Симеона во Аркажи, Св. Михаила на «Колмовѣ, на Городищи Космы и Даміана, да Георгіа Св.; а Плотниче«скій Конецъ и Людинъ и Неревскій, и у всякой улицы внѣ города за «рвомъ всѣ хоромы пожгли. А Св. Николая монастырь на Понедѣльи «ратніи (непріятели) пожгли: церкви же не сожгли... А Новоторжскіе «Большіе Бояре вси въ Новгородъ прибѣгли, и изъ иныхъ волостей «сильно много наѣхаша, и тогда Христіаномъ не бяше пути, но голо«ледь... И послы Новогородскіе докончали миръ на всей старинѣ... И «послаша къ Вел. Князю въ Ямна съ Посадниками съ Григоріемъ Яку«новичемъ, да съ Василіемъ Ѳеодоровичемъ... И послаша въ Заволочье «Посадника Ѳеодора Тимоѳеевича и Тимоѳея Юрьевича, сына Посад«нича, и Юрія Димитріевича и иныхъ молодшихъ Дѣтей Боярскихъ брати «то сребро на Заволочанахъ». Послѣ узнаемъ, въ чемъ состоялъ такъ называемый *черный боръ*.

(108) «Вставша 3 Конци Софейской Стороны на Посадника Есипа «Захаріиничь, и взвопивше Вѣче у Св. Софіи, и поидоша на дворъ его «акы рать силнаа, и хоромы его развезоша: а Есипъ бѣжа за рѣку въ «Плѣтницкій Конецъ... и вста за него Тръговая сторона вся, и начаша «люди лупити, а перевозниковъ бити отъ брега, а съсуды изсѣцаху... И «снидошась въ любовь, и даша Посадничьство Василію Ивановичь». Въ *Ростов.:* «Вел. Князь Литовскій, Лугвеній Олгердовичь, нареченный во «св. крещеніи Симеонъ (въ 1388 г.), присла послы своя въ Новгородъ, «Овгимонта и Братошу, хотя быти у нихъ и сѣсти на городкѣхъ, чѣмъ «владѣлъ Наримонтъ... Того же лѣта (1389) пріѣха въ Новгородъ Кн. Си«меонъ Олгердовичь Лугвеній на пригороды».

(109) Въ *Ростов.:* «В. К. Ягайло Олгердовичь ѣздилъ женитися въ «Угорскую землю къ Королю»—на дочери Короля Венгерскаго и Поль«скаго Людовика—«и женився, и тамо крестился въ Нѣмецкую Вѣру, и «пришедъ изъ Угръ въ Литовскую землю крести Литву въ Нѣмецкую «Вѣру, половину своего города Вилны». См. Длугоша Hist. Polon. кн. X. стр. 108, и Стриков. *Хроник. Литов.* кн. XIII, гл. 5.

(110) Въ *Ростов.:* «Два Литвина Ягайловы большіе крещени во Хри«стіанскую Вѣру: онъ же хотѣлъ ихъ крестити во свою же Вѣру, и не «послушаша его: Король же Ягайло казни ихъ многими муками, и смерти «велѣлъ предати».

(111) Кранц. Wandalia, г. 1382, и Кельх. Lieffänd. Gesch.—Въ *Исковск. Лът.:* «Того же лѣта (1382) Князь Местеръ съ силами своими «и К. Скиригайло пріидоша къ Полочку, и стоявше 13 недѣли, отъидоша». Въ *Ростов.:* «Скиригайло ходилъ съ Литовскою силою и съ Нѣмецкою «подъ Полтескъ (въ 1386 г.) и взя городъ, а Андреева сына убиша, а «самого Андрея, брата своего, изымалъ и свелъ въ Литву». Стриковскій, кн. XIII, гл. 4, пишетъ: «три лѣта убо въ твердыни Хенцынской въ «темной башни за стражею сѣдяше, и посемъ, по заступленію иныхъ «братій, отпущенъ». Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ есть харатейный спи«сокъ грамоты Андреевой, коею онъ въ 1385 году торжественно уступилъ все *Полоцкое* Княжество Рыцарямъ Ливонскимъ, съ условіемъ, чтобы

ему и наслѣдникамъ его княжить тамь въ качествѣ Ордепскихъ присяжниковъ. Слова сей грамоты: de regno Ploscoviensi regnum in Ploskow, заставили думать ученаго Геннига, что здѣсь рѣчь идетъ о *Псковѣ*. См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 280.

(112) Въ *Ростов.*: «Въ Великій постъ, на Средокрестной недѣли, «Марта въ 22 день Вел. Кн. Святославъ Ивановичь Смоленскій со бра«тичемъ своимъ Кн. Іоанномъ Василіевичемъ, да Кн. Глѣбъ Свято«славичь, да братъ его Юрій пойдоша ратію ко граду Мстиславлю... Вое«ваху землю Литовскую, а кого гдѣ изымавше, нещадно мучаху: мужей «и женъ и дѣтей; а иныхъ въ избахъ запирающе зажигаху, а младен«цевъ на колъ востыкаху... Пріиде же Святославъ ко Мстиславлю на «Страст. недѣли въ Среду, Апр. 18... и стояху подъ градомъ 11 дней... «И бысть уже въ Недѣлю Ѳомину, въ полъутра, узрѣша Смольяне стяги «Литовскіе. Въ первомъ полку бѣ В. К. Скиригайло, а въ другомъ братъ «его Корибутъ, а въ третіемъ братъ ихъ Кн. Симеонъ-Лугвень; съ ними «же и Витовтъ Кестутіевичь».—То же говоритъ и Стриковскій, кн. XIII, гл. 4. Линденблатъ въ своей Хроникѣ (см. выше, примѣч. 81) пишетъ, что Литовцы, убивъ *Короля* Смоленскаго, взяли въ плѣнъ *четырехъ* сыновей его, въ 1386 году, а не въ 1387, какъ означено въ *Ростов. Лът*

(113) Въ *Ростов.*: «Того же году (1386) К. Василій Димитріевичь, «сынъ Вел. Князя Московскаго, прибѣже изъ Орды въ Подольскую землю. «въ Великіе Волохи, къ Петру Воеводѣ». Слѣдственно и Молдавію называли у насъ Подольскою землею. Далѣе: «Того же лѣта (1387) В. К. Ди«митрій отпусти Бояръ своихъ старѣйшихъ противу сыну своему... Тое «же зимы, Ian. въ 19. приде къ Москвѣ К. Василій изъ Польскія земли, «а съ нимъ Князи Лятскіе и Пановс». *Ник. Лът.* разсказываетъ, что Василій изъ Волошской земли пріѣхалъ въ *Нѣмецкую*, гдѣ находился тогда Витовтъ; что сей Литовскій Князь узналъ Василія, задержалъ и наконецъ освободилъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на его дочери. Какимъ образомъ Василій могъ ѣхать въ Россію черезъ Пруссію?

(114) «Іюля въ 5 день (1383), въ Недѣлю, въ 6 часъ дни, престави«вися Кн. Вел. Дмитрій Костянт. въ Чернцѣхъ и Схимѣ, нареченный «въ Св. крещеніи Ѳома, а во Мниссск. чину Ѳеодоръ, и положенъ въ «Новѣг. Нижнемъ въ церкви каменной, въ Св. Спасѣ, на правой сто«ронѣ подлѣ отца своего и подлѣ брата, Кн. Андрея, живъ отъ рожде«ства своего всѣхъ лѣтъ 61: Царь же Тохтамышъ, слышавъ въ Ордѣ «представленье его, вдасть Княженіе Нижн. Новагорода Князю Борису, «брату его, тогда сущу въ Ордѣ и съ сыномъ Иваномъ». — *Въ Нижегородск. Лѣтописиѣ:* «6882» (а по *Троиик.* въ 1372 году) «Вел. Кн. Дми«трій Константиновичь въ Нижнемъ повелѣ дѣлать каменную стѣну, и «зачаты Дмитріевскіе ворота». Въ концѣ харатейнаго Пушкинскаго Несторова списка сказано такъ: «началъ есмь писати книгы сія Князю «Великому *Дмитрію Костянтиновичу*». — Далѣе въ лѣтописи: «Побѣже «изъ Орды (въ 1386 г.) Кн. Василій Димитріевичь Суждальскаго, и срѣте «его посолъ (Царевъ), и изыма его и приведе во Орду къ Царю, и за «то пріятъ отъ Татаръ истому велику». Онъ пріѣхалъ изъ Орды въ 1388 году. Въ *Троиик.*: «тое же зимы Князь Василій да Кн. Семенъ Дмитріе«вичи, собравше воя многи съ своей отчины, Суждальцы и Городчане, «и у Князя Великаго Дм. Ивановича испросиша себѣ силу, рать Мо«жайскую и Звенигородскую и Волотьскую, и пріидоша къ Нов. Нижнему на своего дядю въ Вел. говѣнье, Марта въ 10 день во Вторникъ «на Похвальной недѣли, и стояша 5 день, и умиришася: Кн. Борисъ «сступися имъ волостей Новогородскихъ, а они ему отступишася его «одѣловъ».

(115) Въ *Ростов.*: «Татарове взяша Переяславль»: это случилось во вре«мя ссоры Вел. Князя съ Владиміромъ. Въ *Никонов.*: «того же лѣта (1387) «предъ Петровымъ днемъ Татарове безвѣстно пріидоша на Рязань и «повоеваша ю, да и Любутескъ, а Олга Князя мало не яша... Мѣсяца «Августа (1388) изгономъ пригониша Татарове на украйны Рязанскія»...

См. договорн. грамоту въ *Древ. Рос. Вивліов.* I, 94. Въ сей грамотѣ сказано: «А чимъ мя благословилъ отецъ мой Кн. Вел. Иванъ въ городѣ «Москвѣ и въ станѣхъ» (въ мѣстахъ, гдѣ собиралась дань Княжеская) «два жеребья и пошлинъ всѣхъ два жеребья, также и Коломна съ во«лостьми, и Звенигородъ, и Можаескъ съ волостьми и отъѣзднымі мѣсты, «и *Великимъ Княженіемъ*, того ти подо мною блюсти и подъ моимъ *сы«номъ* и подъ моими дѣтьми. А чимъ благословилъ тобя отецъ твой, Кн. «Андрей, въ городѣ Москвѣ и въ станѣхъ треть, и пошлинъ всѣхъ треть, «и Удѣломъ; а что ти далъ отецъ мой Городець въ Лопастны мѣсто, и «ты мнѣ потомъ человъ добилъ отцомъ моимъ, Алексѣемъ Митрополи«томъ, и язъ тобя пожаловалъ, далъ ти есми Лужу и Боровескъ, и что «ти ся достало Удѣла Княгинина Ульянина, того всего мнѣ и дѣтемъ «моимъ подъ тобою блюсти и подъ твоими дѣтьми... Слати ны свои дан«щики вмѣстѣ. А что ти ся есмь былъ отступилъ дани въ Ростовцѣ и «въ Перемышлѣ, а на то ны слати свои данщики вмѣстѣ, какъ было «при нашемъ дѣдѣ; а что сберуть въ городѣ, и въ станѣхъ, и въ варяхъ» (мѣста, гдѣ варили медъ Княжескій) «тому ити въ мою казну, а мнѣ давати «въ выходъ» (въ дань Хану). «А на Козловъ бродъ слати ти своего данщика: «тѣмъ тя есмь пожаловалъ; а что сберуть, а тому ити въ мою казну, въ «городьскую дань. *А оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды*, ино мнѣ два «жеребья, а тобѣ треть; а Ординская тягость и проторъ дати ти мнѣ съ своего «Удѣла и отъ Княгинина Удѣла Ульянина съ твоее трети въ пять тысячь «рублевъ 300 рублевъ и 20 рублевъ; а прибудетъ ли, убудетъ ли, ино по «розочту; а долгъ Бесерменскій, и проторъ, и Рускій долгъ, а то ны подняти «по тому же по розочту. А что наши Ординци и *Дьлюи*, а тѣмъ знати своя «служба; а численыхъ людей блюсти ны съ одинаго, а земель ихъ не купити... «А кто будетъ покупилъ земли данные, служни или черныхъ людей, а тѣ, «кто взможетъ выкупити, ино выкупять, а не взмогутъ выкупити, ино «*потянутъ къ черным людемъ; а кто не вхочетъ тянути*, ино ся земель «съступять, а земли чернымъ людемъ даромъ:» то есть, владѣльцы сихъ купленныхъ земель должны нести всѣ тягости черныхъ людей или быть съ ними подъ однимъ закономъ. Далѣе упоминается о Боярахъ *Путныхъ:* такъ назывались Бояре, коимъ давались земли съ правомъ собирать на *путяхъ* или дорогахъ пошлину. — Сихъ грамотъ двѣ: одна съ тремя восковыми печатями, а другая ветхая, безъ начала и конца, писанная отъ имени Владиміра къ Вел. Князю.

(116) Въ *Никонов.* подъ годомъ 6889: «Бяше же крѣпокъ зѣло, и тѣ«ломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ велми и тяжекъ; бradою «жь и власы чернъ; взоромъ же дивенъ зѣло».

Въ Архивѣ (см. *Др. Рос. Вивл.* I, 86 и 100) хранятся двѣ духовныя грамоты Димитріевы: одна безъ начала, писанная еще при Алексіи Митрополитѣ между годами 1371 и 1377 (ибо въ ней уже говорится о Василіи Димитріевичѣ), а вторая на длинномъ харатейномъ свиткѣ, сочиненная передъ смертію Великаго Князя: первая съ печатію Св. Алексія, на коей изображена Богоматерь, и съ Княжескою (обѣ серебряныя, выволоченныя): другая же только съ печатію Димитріевою, на коей вырѣзанъ образъ Св. Димитрія Селунскаго и слова: *Князя Вел. Дмитрія Ивановича всея Руссіи.* Кромѣ Митрополита, свидѣтелями перваго завѣщанія, писаннаго Дьякомъ Нестеромъ, были Окольничій Тимоѳей Ва-

сильевичь, Иванъ Родіоновичь, Иванъ Ѳедоровичь и Ѳедоръ Андреевичь; а втораго Игумены Сергій и Севастіанъ, Бояре Димитрій Михайловичь (Волынскій?) Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Симеонъ Васильевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Александръ Андреевичь, Ѳедоръ Андреевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Иванъ Андреевичь: писалъ же оную Внукъ. Въ ней сказано: «Приказываю дѣти свои своей Княгинѣ: а вы, дѣти «мои, живите за-одинъ, а матери своее слушайте во всемъ. А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ Кн. Василью, Кн. Юрью, Князю «Андрею, Кн. Петру; а братъ мой Кн. Володимеръ вѣдаетъ свою треть. Сына своего, Кн. Василья, благословляю на *старшій путь* въ городѣ «и въ станѣхъ моего Удѣла двою жеребьевъ половина, и въ пошлинахъ «городскихъ половина; а тамга изъ двою моихъ жеребьевъ Княгинѣ моей «половина, а восьмьничее мои два жеребья Княгинѣ моей. А на старишій путь сыну моему Князю Василью Васильцево сто, и Добрятинь«ская борть съ селомъ съ Добрятиньскимъ. А бортницы въ станѣхъ въ «городскихъ, и конюшій путь и соколничій и ловчій, тѣмъ сынове мои «подѣлятся ровно. А численныхъ людій моихъ двою жеребьевъ сыномъ «моимъ по частемъ, а блюдуть съ одиного. А се даю сыну своему Князю «Василью Коломну со всѣми волостьми и съ тамгою, и съ мыты и съ «бортью, и съ селы, и со всѣми пошлинами; а волости Коломенскіе Ме«щерка, Раменка, Песочна, Брашева съ селцемъ съ Гвоздною и съ Ива«немъ, Гжеля, деревни Лѣвичинъ, Скульневъ, Маковецъ, Каневъ, Ко«чема, Камаревъ съ Берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерско: а изъ «Московскихъ селъ Митинъ, Починокъ, Малаховское, Костянтиновское, «Жырошкины деревни, Островское, Орининьское, Копотеньское, Хво«стовское, у городу лугъ великій за рѣкою: а изъ *Юрьевскихъ* селъ сво«его прикупа Красное село съ Елезаровскимъ, съ Проватовымъ, да село «Васильевское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему Князю Юрью Звени«городъ... а волости Звенигородскіе Скирменово съ Бѣлми, Тростна, Не«гуча, Сурожыкъ, Замошьская слобода, Юрьева слобода, Руза городокъ, «Ростовци, Кремична, Ѳоминьское, Угожь, Суходолъ съ Истею, съ Истер«вою, *Вышегородъ*, Плесньо, Дмитріева слободка; а изъ Московскихъ селъ... «село Михалевское, да Домантовское, да лугъ Ходыньскій; а изъ Юрьевскихъ селъ ему прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Краснаго «села починокъ за Безкою придалъ есмь къ Кузмыдемьянскому, да село «Богородицкое въ Ростовѣ. А се даю сыну своему Князю Андрею Мо«жаескъ... а волости Можайскіе Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, По«ротва, Колоча, Тушковъ, Вышнее, Глиньско, Пневичи съ Загорьемъ, «Болонескъ, а Коржанъ да Моишинъ Холмъ придалъ есмь къ Можай«ску; а се волости отъѣздные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, За«берега, Сутовъ, да село Рѣпиньское, да Ивановьское Васильевича въ «Гремичахъ. А *Колуга* и Роща сыну же моему Князю Андрею, и что «вытягалъ Бояринъ мой Федоръ Андреевичь на общемъ *рѣтѣ* (съѣздѣ) «Товъ и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему Князю Андрею. А «изъ Московскихъ селъ ему Напрудьскее село, да Луциньское на Яузѣ «съ мелницею, Деуниньское, Хвостовское въ Перемышлѣ, да лугъ Бо«ровскій, а другій противу Воскресенья; а изъ Юрьевскихъ селъ ему «Олексинское село на Пѣкшѣ. А се даю сыну своему Князю Петру: «Дмитровъ... а се Дмитровскіе волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, «Лутосна съ отъѣздцемъ и Нобатъ; а изъ Московскихъ волостій Муш«кова гора, Ижво, Раменка, слободка Княжа Иванова, Вори, Корзенево, «Рогожь, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна городокъ; а изъ Мо«сковскихъ селъ Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ Юрьевскихъ селъ «ему прикупа моего село Богородицьское на Богонѣ. А се даю сыну

«своему Князю Ивану: Раменейце съ бортники, да Звѣрковское село съ «Сохоньскимъ починкомъ, что отошло ото Князя отъ Володимера; а «Сохна сыну же моему Князю Ивану: а въ томъ Удѣлѣ воленъ сынъ «мой Князь Иванъ: который братъ до него будетъ добръ, тому дасть. А «се благословляю сына своего Князя Василья своею отчинною Вели«кимъ Княженьемъ. А сына своего благословляю Князя Юрья своего «дѣда куплею *Галичемъ* со всѣми волостьми, и съ селы. и со всѣми по«шлинами, и съ тѣми селы, которые тягли къ Костромѣ, Микульское и «Борисовское. А сына своего Князя Андрея благословляю куплею же «дѣда своего *Бѣлымъ Озеромъ* со всѣми волостьми, и Вольскимъ съ Ша«готью; и Милолюбскій ѣзъ и съ слободками, что были дѣтій моихъ. А «сына своего Князя Петра благословляю куплею же своего дѣда *Угле«чимъ Полемъ* и что къ нему потягло, да Тошною и Симою. А се даю «своей Княгинѣ изъ Великого Княженья у сына у своего у Князя у «Василья изъ Переяславля *Юрку*, а изъ Костромы Иледамъ съ Коме«лою, а у Князя у Юрья изъ Галича Соль, у Князя у Андрея изъ Бѣ«лаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбскіи ѣзъ; а изъ Володимер«скихъ селъ Княгинѣ моей Ондреевское село: а изъ Переяславскихъ «селъ Доброе село; а изъ удѣла сына своего Княжа Васильева Каневъ, «Песочно, а изъ селъ Малинское село, Лысцево; а изъ Княжа удѣла «изъ Юрьева Юрьева слобода, Суходолъ, съ Истею, съ Истервою, да «село Ондреевское, да Каменьское; а изо Княжа удѣла изъ Ондреева «Верея, да Числовъ, да село Луциньское на Яузѣ съ мельницею; а изъ «Княжа удѣла изъ Петрова Ижво, да Сяма. А что есмь далъ своей Княгинѣ изъ удѣла сына своего Княжа Васильева, и изо Княжа изъ Юрьева, изо Княжа изъ Ондреева, изо Княжа изъ Петрова волости и села, а что Богъ розмыслитъ о моей Княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть. А се даю своей Княгинѣ свой примыслъ Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смоляные съ Митяевскимъ «починкомъ и съ бортью, съ Вышегородскими бортники, Кропивну съ «бортники... Желѣскова слободка съ бортью, съ Ивановымъ селомъ съ «Хороброва, и съ Коньская слободка, Кузовская свободка, и что Кня«гини моее прикупъ... А по которая мѣста слободскіе волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и Княгинѣ моее волостели судятъ по таже мѣста, «какъ было при мнѣ. А что Княгини моее купля Лохно, то ее и есть. «А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ съ деревнями, «Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское; а «то Княгини моей. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть. «А изъ Московскихъ селъ даю своей Княгинѣ Семциньское село съ Хо«дыньскою мелницею, да Остафьевское село, да Илмовъское. А изъ Юрь«евскихъ селъ даю ей куплю свою Петровское село, да Фроловское, да «Елохъ: а Холхолъ и Заячковъ, то моей Княгинѣ. А что ми дала Кня«гини Федосья Суду на Бѣлѣ Озерѣ, да Колашну и слободку, и что бла«гословила Княгиню мою Городкомъ, да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ «Княгини Федосья до своего животѣ: а по ее животѣ то Княгинѣ моей... «А которые деревни отъималъ былъ Князь Володимеръ отъ Лыткинь«ского села Княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потя«нуть къ Лытькинскому селу моее Княгини. А по грѣхомъ котораго сына «моего Богъ отъиметъ, и Княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ «моихъ... А дасть ми Богъ сына» (писано до рожденія Константинова) «и Княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у большіе его братьи: а «у котораго сына моего убудетъ отчины, чѣмъ есмъ его благословилъ, и «Княгини моя подѣлить сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ.. А по грѣхомъ «отъиметъ Богъ сына моего Князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ

«сынъ мой, ино тому сыну моему Княжъ Васильевъ удѣлъ; а того удѣ
«ломъ подѣлить ихъ моя Княгини. А вы, дѣти мои, слушайте своее ма-
«тери... А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ, и сынъ мой
«Князь Василей возметь съ своего удѣла съ Коломны три ста руб. и
«сорокъ и два рубли, и Княгини моя дасть ему въ то серебро съ Пе-
«сочны 50 руб. безъ 3 руб. а съ Канева двадцать руб. и два руб. А
«Князь Юрьи возметь съ Звенигорода двѣсти руб. и семдесятъ руб. и
«два руб.; и Княгини моя дасть ему въ то серебро съ Юрьевы слободы
«пятдесятъ руб., а съ Суходола полпятадесять руб., а съ Смоляныхъ
«девять руб. а съ Скирменовскіе слободки девять руб. А Князь Ондрей
«возметь съ Можайска сто руб. и семдесятъ руб. безъ трехъ, а съ отъ-
«ѣзднихъ мѣстъ семдесятъ руб. безъ дву, и Княгини моя дасть ему въ
«то серебро дватцать руб. и полтретья руб. съ Вереи, а съ Числова
«полосма руб. а съ Заячкова двадцать руб. и два, съ Холхла десять руб.,
«съ Желѣсковы девять руб., съ Исконьскіе слободки полсема руб., съ
«Кропивны полсема руб. А Князь Петръ возметь съ своего удѣла сто руб.
«и одинадцать, и Княгини моя дасть ему въ то серебро съ Ижва три-
«тцать руб. А Князь Иванъ дасть Князю Василью съ Сохны пять р. а
«съ Раменейця дасть Князю Петру пять руб. а то возмуть въ тысячю р.
«а будеть болѣ или меньши, ино по тому розочту. А перемѣнить Богъ
«Орду, дѣти мои не имуть давати выхода въ Орду, и который сынъ мой
«возметь дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть... А изъ тѣхъ волостій,
«и слободъ, и селъ, что есмь вымалъ у дѣтій своихъ изъ удѣловъ, а по-
«давалъ Княгинѣ своей, а кому будеть жалоба сиротамъ на волостели,
«и тѣмъ людемъ учинить исправу Княгини моя; а дѣти мои въ то не
«вступаются. А что есмь далъ сыну своему Князю Ондрею Заберегу,
«за то дѣти мои вси дають оброкъ Святому Спасу пятнадцать руб. на
«годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтій своихъ: сыну моему
«старишему Князю Василью икона Парамшина дѣла, чепь золота, что
«ми дала Княгини-Василиса, поясъ золотъ великій съ каменьемъ безъ
«ременя, поясъ золотъ съ ременемъ Макарова дѣла, бармы, шапка зо-
«лота; а сыну моему, Князю Юрью, поясъ золотъ новый съ каменьемъ
«съ жомчюгомъ безъ ремени, поясъ золотъ Шышкина дѣла, *котола* са-
«жена; а сыну моему, Князю Ондрею, снастъ золота, поясъ золотъ ста-
«рый Новгородьскій; а сыну моему, Князю Петру, поясъ золотъ съ камень-
«емъ пѣгій, поясъ золотъ съ калитою; да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ;
«а сыну моему, Князю Ивану, поясъ золотъ *татауръ*, да два ковша золоты
«по двѣ гривенки. А что ся останеть золото или серебро, или иное что ино
«есть, то все моей Княгинѣ. А что ся останеть стадъ моихъ, тѣмъ моя Кня-
«гини подѣлится съ моими дѣтьми по частемъ. А хто будеть моихъ Казна-
«чеевъ, или хто будеть моихъ Дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали,
«или Посельскихъ, или Тіуновъ, или хто женился у тѣхъ, тѣ всѣ не надобѣ
«моей Княгини и моимъ дѣтемъ... А которой сынъ мой неиметь слушати
«своее матери, а будеть не въ ее воли, на томъ не будеть моего бла-
«гословенья. А дѣти мои, молодшая братья Княжи Васильевы, чтите и
«слушайте своего брата старишего въ мое мѣсто своего отца; а сынъ
«мой Князь Василій держыть своего брата Князя Юрья и свою братью
«молодшюю въ братствѣ безъ обиды. А хто моихъ Бояръ иметь служити
«моей Княгинѣ, тѣхъ Бояръ, дѣти мои, блюдите съ одиного. А хто сю
«грамоту мою порушить, судить ему Богъ: а не будеть на немъ милости
Божіи, ни моего благословенья, ни «въ сій вѣкъ, ни въ будущій».

(117) Въ лѣтописяхъ сказано, что у Димитрія былъ еще старшій сынъ Даніилъ, но скоро умеръ. Пятый сынъ, Іоаннъ, скончался черезъ нѣсколько дней послѣ отца.

Марія была жена Василія Васильевича Вельяминова и мать казненнаго Ивана Васильевича. О Константинѣ Димитріевичѣ см. ниже, примѣч. 122.

(118) Они такъ названы въ лѣтописяхъ: Димитрій Михайловичъ, Тимоѳей Васильевичъ, Іоаннъ Родіоновичъ, *Димитрій Константиновичъ*, Симеонъ *Іоанновичъ*, Іоаннъ Ѳеодоровичъ, *Никита* Ѳеодоровичъ, *Ѳеодоръ* Андреевичъ, Іоаннъ Ѳеодоровичъ *Квашнинъ*—слѣдственно почти всѣ тѣже, которые были свидѣтелями Дмитріева завѣщанія. Въ лѣтописяхъ прибавлено, что Димитрій, написавъ духовную грамоту, утвердилъ оную златою печатію.

Описываемые здѣсь подробности взяты изъ *Слова о житіи и о преставленіи Вел. Кн. Димитрія Іоанновича Московскаго*. Оно, какъ твореніе современное, внесено въ *Ростовскую* и другія лѣтописи. Великій Князь скончался въ четвертый день по рожденіи Константина Димитріевича, во второмъ часу ночи. На погребеніи были Даніилъ Епископъ Смоленскій и Савва, Епископъ Сарскій.

(119) «Аще бо и книгамъ не наученъ сый добрѣ... И всякое смятеніе мірское исправляше яко *высокопарный орелъ*... Раскольницы же «(см. ниже) и мятежницы Царства его погибоша... Очима же зряше къ «земли, отъ нея же взятъ бѣ; душу же и умъ простираше къ небеси, «идѣ же есть лѣпо пребывати ему... На престолѣ Царьствмъ сѣдяше, «Царьскую *багряницу* и *вѣнець* нося, а на головѣ тѣлеси власяницу но«сяще, и во Мнишескій образъ по вся часы облещися желаше».

(120) Димитрій въ своихъ договорныхъ грамотахъ пишетъ, что Князья Ростовскіе и Ярославскіе съ *нимъ одинъ человѣкъ*: то есть, они признавали его своимъ верховнымъ Государемъ, хотя и пользовались наслѣдственными правами Князей Владѣтельныхъ до самыхъ временъ Іоанна III. О сихъ потомкахъ Св. Ѳеодора Ростиславича Чернаго сказано такъ въ *Родословной Книгѣ*: «У Князя Ѳеодора Чернаго два сына, Да«видъ и Константинъ, прозвищемъ Улемцъ. У Давида 2 сына: Князь «Василій, прозвищемъ Грозный: служилъ въ Ордѣ, а былъ на большомъ «Княженіи на Ярославлѣ; да Князь Михайло, сѣлъ на удѣлѣ на Мо«лозѣ. У Князя Василья 3 сына: Василій, а былъ послѣ отца на боль«шомъ Княженіи на Ярославлѣ; да К. Глѣбъ, да Романъ: тотъ Рома«новъ городокъ поставилъ. У К. Василья Васильевича 5 сыновъ: К. «Иванъ, да К. Ѳеодоръ, который послѣ отца былъ на большомъ Кня«женьи на Ярославлѣ; да К. Семенъ Новленской, да К. Димитрій За«озерской, да К. Воинъ».

(121) «Того же лѣта благородный и христолюб. Кн. Волод. заложи «градъ Серпоховъ въ своей отчинѣ и повелѣ его снарядити и срубити «дубовъ.—Милостію Св. Софеи, а поспѣшеніемъ Св. Михаила Архистра«тига, а благословеніемъ Владыкы Алексѣа поставиша Новогородци го«родъ каменъ на Лугѣ, на Ямѣ, только въ 33 дни... Благослови Владыка «Алексѣй весь Новгородъ ставити городъ Порховъ каменъ, и послаша «Ивана Ѳедоровичь, Фатьяна Есиповичь, и поставиша главиннымъ сребромъ Демественника Св. Софіи».

(122) См. нашей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 383, и *Степен. Кн.* гдѣ сказано: «Св. Алексій, шествіе творя въ Нижній Новградъ, воздвиже «тамо церковь каменну (во имя Благовѣщенія), и монастырь устрои и «селы и водами удоволивъ, и ту у Кн. Бориса Константиновича крести «сына Ивана. Князь же Борисъ многія вещи двигомыя и недвигомыя «даде къ тому монастырю».—Сей Митрополитъ учредилъ еще въ Владимірѣ обитель Царя Константина и Св Елены. О строеніи Чудова монастыря сказано: «Постави въ немъ трапезу велію каменну и погребы ка«менны, еже есть и донынѣ; многа же села, и люди, и езера, и нивы, и «пажити подава монастырю тому». Далѣе см. *Никон. Лѣт.* IV, 227.

Сынъ брата Сергіева, Стефана, Іоаннъ, на тринадцатомъ году отъ рожденія былъ постриженъ дядею, названъ Ѳеодоромъ, сподобился Священства и вздумалъ основать для себя особенный монастырь. Сергій желалъ, чтобы онъ по кончинѣ его игуменствовалъ въ Троицкой Лаврѣ; однакожь далъ ему благословеніе и вмѣстѣ съ нимъ избралъ мѣсто для новой обители близъ Москвы, называемое *Симоновымъ*, гдѣ Ѳеодоръ построилъ каменную церковь во имя Успенія Богоматери. Митрополитъ Алексій поставилъ сего добродѣтельнаго Инока въ Игумены, а Патріархъ Нилъ (въ 1383 году) въ Архимандриты. «Нилъ, бесѣдовавъ съ нимъ любезно, зѣло возлюби его и учини «монастырь Симоновскій во имя Патріарше, и грамоты свои даде Ѳео«дору, дабы Митрополиту не владѣти «монастыремъ Симоновскимъ ничимъ... «По малѣ же времени Великій Князь и Святитель умолиша Ѳеодора, «дабы былъ Епископъ граду Ростову... и бывшу ему въ Царѣградѣ, даде «ему Антоній Патріархъ честь велію называтися *Архіепископомъ* Ростов«скимъ: изначала же тамо Епископи быша до лѣта 6898» (1390).

Въ Симоновскомъ монастырѣ хранится такъ называемая *Кормовая книга* съ слѣдующею надписью: «Великій Господинъ Святѣйшій Іосифъ «Патріархъ всея великія *Росіи*, прежде бывый въ Симоновѣ монастырѣ «*Архимаритъ*, изволи съ тое Кормовые книги по своей вѣрѣ для ветхо«сти переписать новую Кормовую книгу... своею келейною казною, устав«нымъ добрымъ писмомъ... и повелѣ тѣ обѣ книги, ветхую и новую, «отдати въ Симоновъ монастырь Архимариту Иліѣ съ братіею... Лѣта «7151 (1643) Февр. въ 20 день». Вверху на листахъ подписано рукою Іосифа: «Смиренный Іосифъ Божіею милостію Патріархъ Московскій и «всея *Русіи*». Въ сей книгѣ сказано: Далъ Государь Князь Великій «Дмитрей Ивановичь *Донской* пречистой Богородицы въ домъ на Симоново «воды на Волзѣ, ниже Новагорода, Еллиньскіе, да Люлеховскіе съ озеры «и съ пески, и съ *заводми* и съ *подвалы;* да у Соли у Галической *коло«дязи соляные*, да *варницы*, да дворище дровяно, да дворъ на пріѣздъ «Старцомъ и слугамъ; да селцо Борисовское съ деревнями по своей душѣ «на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Далъ Кн. Вел. Василей Ди«митріевичь во Ржевскомъ уѣздѣ слободку Рожекъ съ деревнями и съ «озеры и со всѣми угодьи, а въ слободкѣ церковь во имя Св. Чудо«творца Николы, да *въз* на рѣкѣ на Селижаровѣ, да съ своихъ Государе«ревыхъ черныхъ волостей далъ въ монастырь оброку рыбы со Вселуц«кіе волости 400 костоголова, да съ Кличенскіе волости 400 же костого«лова на всякъ годъ по своей душѣ и своемъ братѣ по *Князѣ Констан«тинѣ Дмитріевичѣ, Инокѣ Касіянѣ*, на поминокъ. Далъ Кн. Констян«тинъ, Инокъ Касіянъ, Донъскаго сынъ, въ Ржевскомъ уѣздѣ во своемъ «селѣ въ Сижкахъ по вся годы по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, «да по 5 кадей пшеницы, да по 10 сыровъ, да по пуду масла по своей «душѣ на поминокъ. Въ лѣтѣ 7066, Апр. въ 13, на Св. недѣлѣ въ Среду, «былъ Государь Царь Кн. Великій Иванъ Васильевичь всея Руси на «Симоновѣ и приказалъ Архимариту Ѳеоктисту съ братію по Князѣ Кон«стянтинѣ, Инокѣ Касіянѣ, понахиды и обѣдни служити, и колачи и «рыбу и квасъ на братію имати съ болшова дворца отъ Дворецкаго... Да «Государь же Царь далъ на Княжь Констянтинову Иноку Касіянову «гробницу покровъ бархатъ черпъ, а крестъ на немъ бархатъ червьчатъ... «Въ лѣто 7069 Государь Царь Иванъ Васильевичь пожаловалъ далъ въ «Симоновъ монастырь колоколъ Аглиньскіе земли по *Великомъ* Князѣ «Констянтинѣ, Инокѣ Касіянѣ; а вѣсу въ немъ 33 пуда, а кругъ коло«кола слова Нѣмецкіе». Слѣдственно Князь Константинъ Димитріевичъ скончался Инокомъ Симонова монастыря: чего мы не знали. По сей книгѣ извѣстенъ день его смерти: Маія 9.

Великій Князь Василій Васильевичь и наслѣдники его также дарили сію обитель, а всѣхъ болѣе Царь Іоаннъ Васильевичь. Однажды прислалъ онъ 15 рублей и на *Старое Симоново*, гдѣ нынѣ приходская древняя церковь Рождества Богоматери (см. выше, примѣч. 82). Вѣроятно, что тамъ былъ застроенъ Симоновъ монастырь, а послѣ перенесенъ на его нынѣшнее мѣсто.—Кромѣ Государей и Князей Удѣльныхъ, Бояре (въ особенности Мстиславскіе, Головины, Черкасскіе, Бутурлины) купцы и всякаго состоянія люди присылали Монахамъ деньги, вещи серебряныя, богатыя одежды, хлѣбъ, лошадей, и проч. Сіи вклады идутъ до 1681 году; далѣе... бѣлая бумага.

Высоцкій монастырь основанъ въ 1374 году. Пишутъ, что Св. Сергій пришелъ изъ Троицкой обители въ Серпуховъ пѣшкомъ: ибо, желая трудовъ, не любилъ ѣздить.

Въ 1379 году онъ учредилъ еще монастырь на рѣкѣ Дубенкѣ по по волѣ Великаго Князя (см. *Троицк. Лът.*), назвавшаго оный своимъ *присным*ъ монастыремъ. Въ житіи Сергія сказано, что Димитрій передъ битвою съ Мамаемъ обѣщался посвятить сію новую обитель Богоматери. Первымъ Игуменомъ былъ въ ней Леонтій (а не Савва) Іерей Троицкаго монастыря. Церковь ея святили Дек. 1.

Объ Аѳанасіи въ *Троицк.*: «и пребысть нѣколико лѣтъ во Игумен«ствѣ, и потомъ Бога ради оставилъ Игуменство, и пріиде въ Царьградъ, «и купи себѣ келью, далъ 1 *драфатъ*, и тамо въ старости преставися». Тамъ же, подъ годомъ 1382: съ нимъ (Кипріаномъ) вкупѣ поѣха Игуменъ Аѳанасій «изъ Серпохова съ Высокаго въ Кіевъ». Авторъ *Историческаго Словаря Монастырей* (стр. 82) разсказываетъ басню, что послы Царя Іоанна Палеолога въ 1392 году умолили сего Игумена быть Константинопольскимъ Патріархомъ, и что Аѳанасій отправился съ ними въ Грецію.

(123) См. выше, стр. 60. Въ *Ростов.* и *Троицк.*: «Того жь лѣта Діо«нисій Епископъ посла изо Царягорода съ Черньцемъ съ Малахіемъ съ «Философомъ икону, преписавъ, образъ Божія матери Одигитріа, въ тотъ «же образъ, а другую икона посла тое же Божія матери на Русь, и «едину убо поставиша въ Св. Спасѣ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, а дру«гую въ Суждалѣ въ Сборной церкви.... Тое же зимы (1382) приде изо «Царягорода на Русь Діонисій, а въ Суждаль Генв. въ 6, и воду кре«стилъ на Богоявленіе, а исправилъ себѣ Архіепископью... и по немъ «пребыти также инымъ Епископомъ въ тыхъ предѣлѣхъ. Вда ему Па«тріархъ фелонь съ четырми кресты, а стихарь со источники; еще же «вынесе изо Царягорода и Страсти Спасовы и мощи Святыхъ». Далѣе въ *Троицк.* (г. 1374): «Діонисья, мужа кротка, смѣрена, хитра и разумна, «промышлена же и разсудна, изящена въ писаніяхъ и учительна... и въ «постномъ житьѣ провозсіявша, и любовь ко всѣмъ стяжавша», и проч.

(124) Въ *Ростов.* г. 1375: «побиша *Стригольниковъ* еретиковъ: Діакона Ни«киту и Карпа простца и третіяго человѣка съ ними; свергоша ихъ съ «мосту развратниковъ святыя Вѣры». См. также *Никон. Лът.* IV, 46, и Св. Димитрія *Розыскъ*.

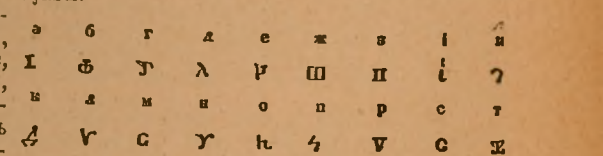
О Діонисіи см. *Новогород.* и *Никон. Лът.* г. 1382. «Пріиде изо Царягорода въ Новгородъ Великій Діонисій отъ «Патріарха Нила съ благо«словеніемъ и съ грамоты, въ нихъ же писано о проторехъ, иже на по«ставленіяхъ, укрѣпляя отъ соблазнъ и отъ ереси Стригольниковъ... Тако «и сотвори въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и устави мятежи о проторехъ: «ино бо есть мзда, ино исторы на поставленіяхъ... и поучивъ ихъ доволно «и пріиде въ Суздаль Генв. въ 6 день». Въ *Розыскѣ* напечатана грамота Патріаршая ко Псковитянамъ; но Патріархъ названъ въ ней Филоѳеемъ, который умеръ еще въ 1376 году. Другая извѣстная намъ грамота о Стригольникахъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот.

№ 164, л. 316) писана отъ имени Патріарха *Антонія*, правившаго Константинопольскою Церковію отъ 1387 до 1396 года. Тамъ сказано: «Посла «наше смиреніе и Великій Соборъ боголюбов. Архіепископа Суждалскаго «Діонисія къ вамъ съ грамотами (къ Псковитянамъ), мужа честна и бла«гочестива, и священныхъ канонъ *извѣстахранителя*», и проч.—Посланія Митрополита Фотія къ Псковитянамъ доказываютъ, что ересь Стригольниковъ была и въ его время (см. ниже, примѣч. 292). — Далѣе въ лѣтописяхъ: «Пойде (въ 1383 г.) о Петровѣ дни во Царьгородъ Діонисій, Архіеп. Суждальскій, а Князь Великій Дм. Ив. отпустилъ съ нимъ «вкупѣ отца своего духовнаго, Игумена Ѳеодора Симоновскаго, о управ«леньи Митропольи Русскія... Пріиде (въ 1384 г.) изо Царягорода въ «Кіевъ Архіеп. Діонисій, его же поставиша во Царѣгородѣ Митрополи«томъ на Русь, и помышляше ити на Москву, хотя быти Митрополитомъ «на Руси, и изъима его Кіевск. Кн. Володимеръ Олгердовичь, глагола «ему: пошелъ еси на Митрополью во Царьгородъ безъ нашего повелѣнья. «И тако пребысть въ нятьи и заточеньи до смерти... Окт. въ 15 (1385 г.) «преставися въ Кіевѣ Арх. Діонисій, поставленный Митрополитомъ на «Русь, и положенъ бысть въ Кіевской печерѣ Св. Антонья, и есть тѣло «его и донынѣ цѣло и нетлѣнно». Великій Князь отправилъ съ Діонисіемъ въ Царьградъ Духовника своего безъ сомнѣнія для того, чтобы способствовать ему въ исканіи сана Митрополитскаго. И могъ ли сей Архіепископъ вопреки Димитрію быть главою нашей Церкви, особенно послѣ исторіи Пименовой? Ясно, что все дѣлалось по волѣ Государя.

Далѣе: «Пріидоста изъ Царягорода 2 Митрополита Гречина, Матѳей «и Никандръ, съ Архидіаконы и саповницы, и позываху Митрополита «Пимина въ Царьгородъ (зимою въ 1384 г.)... Мая въ 9 (г. 1385) Пиминъ «Митроп. пойде во Царьгородъ въ судѣхъ по Волзѣ къ Сараю. Аврамей, «Игуменъ Ростовскій Низкій, пойде съ нимъ». Игуменъ Ѳеодоръ отправился въ Царьградъ въ 1386 году: «Въ то же время изъ Новагорода изъ «Нижняго Ефросинъ, Архимандритъ Діонисьевъ, пойде во Царьгородъ на «поставленье своея Епископьи Суждальскія... По Петровѣ дни за недѣлю «(въ 1388 г.), Іюля въ день, въ Недѣлю приде Пиминъ на Русь изо «Царягорода не на Кіевъ, но на Москву, а приде безъ исправы... Во «Вторника на Страстной недѣлѣ (г. 1389) Пиминъ Митр. выѣхавъ съ «Москвы и пойде во Царьгородъ, и поя съ собою Михаила Епископа «Смоленскаго, да Сергія, Архимандр. Спасскаго, а Князя Великаго утаився... «(*Никон. Лѣт.* IV, 159) Бѣ бо и распря нѣкая промежъ ихъ».

(125) Въ Архивскихъ бумажникахъ Миллера, № 199, я нашелъ сію любопытную азбуку, взятую изъ древней рукописи о житіи и дѣлахъ Стефановыхъ. Вотъ сіи буквы:

Пермскія ихъ имена: *Анъ, Баръ, Іай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я.* Въ другомъ спискѣ сей азбуки еще прибавлены ы, ε, ω, и нѣкоторыя буквы изображены иначе.



Герасимъ былъ Намѣстникомъ Митрополіи послѣ кончины Митяевой. — Всѣ подробности взяты мною изъ житія Стефана (см. *Минеи Чет.* Апрѣля 26; см. также *Степен. Кн.* I, 524—525, и *Ростов. Лѣт.* подъ год. 1396). Отецъ Стефана, прозваннаго *Храпомъ*, именовался Симеономъ,

а мать Маріею. Арсеній, Епископъ Ростовскій, посвятилъ его въ Діаконы, а Герасимъ Коломенскій въ Священники. Древній Ростовскій монастырь Григорія Богослова уже не существуетъ нынѣ. — Въ *Степен. Кн.* такъ именованы народы Перміи и другихъ окрестныхъ земель: «Двиняне, «Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангапе, «Бятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, «Пермь, Гамаль Чюсовая». Объ идолѣ *Золотой Бабы* сказано въ рукописной Новогородской лѣтописи подъ г. 1398: «Преставися Св. Стефанъ... «Сей научи Перьмскую землю Вѣрѣ Христовѣ... а прежде кланялися «звѣремъ и древомъ, водѣ, огню и *Златой* Бабѣ». Гваньини въ своей «книгѣ Rer. Polon. II, 205, пишетъ: In hac Obdoriae regione est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum quod Moschovitis *Zolota Baba* dicitur, и проч. Далѣе онъ разсказываетъ, что сія изваянная Золотая Баба держала одного младенца на рукахъ, а другой стоялъ подлѣ и назывался ея внукомъ; что ей приносили въ жертву шкуры соболиныя и прочія; что люди ѣли сырыя кишки и мясо убитыхъ въ ея честь оленей, а жрецъ вопрошалъ между тѣмъ идола о будущемъ; что звукъ въ горахъ происходилъ, по мнѣнію Гваньини, или отъ искуственныхъ орудій, или отъ естественныхъ подземельныхъ каналовъ и вѣтра. См. Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 61. Объ идолѣ *Вопиемъ* упоминается въ грамотѣ Митрополита Симона къ Пермякамъ (см. *Послание Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. № 164): «а кумиромъ бы есте не служили, «ни Воппелю болвану».

(126) Стефанъ ѣздилъ туда по лѣтописямъ въ 1386 году. О кончинѣ его: «Априліа въ 26 день преставися Еписк. Перм. Стеф., и положенъ «бысть на Москвѣ въ монаст. Спаса, за стѣною... ему же на велицѣмъ «Соборѣ по вся году возглашаютъ вѣчную память».

(127) Въ *Ростов.*, г. 6884: «Прінде нѣкоторый Митрополитъ, именемъ «Марко, отъ Пресв. Богородицы изъ Синайскія горы милостыни ради. «Въ то же лѣто прінде изъ Іерусалима Архимандритъ, именемъ Нифонтъ, «изъ монастыря Архан. Михаила, также милостыни ради на Русь, «и паки собравъ милостыни отъиде, и ста тѣмъ на Патріаршество Іеру- «салимское».

(128) См. выше, примѣч. 55. Въ описаніи Пименова путешествія въ Царьградъ сказано: «поидохомъ въ монастырь Св Ивана, еже глаголется «Греческимъ языкомъ Продромъ, Русскимъ же Предотеча, и ту поклони- «хомся, и успокоша насъ добрѣ тамо живущая Русь. *Никон. Лът.* IV, 158.

(129) Здѣсь говорится въ первый разъ о Епископахъ Московскаго Звенигорода.

(130) «Аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло «видѣніемъ, мѣста точію (суть нынѣ); пусто жь все и ненаселено». Сіи города могли быть Рязанскіе, опустошенные Татарами.

(131) У насъ были Князья *Кривоборскіе;* но они произошли отъ Стародубскихъ.

(132) Не было ли тутъ кладбища Татарскаго? Въ *Болш. Чертежѣ* упоминается о семъ мѣстѣ такъ: «ниже устья Сосны, на Дону, *Донская «бѣседа*, каменной столъ и каменные сѣсуды».

(133) «Въ Недѣлю жъ пятую минухомъ рѣку Медьвѣдицу, и Горы «Высокія рѣку, и Бѣлый Яръ рѣку; въ Понедѣльникъ же горы каменныя «красныя, во Вторникъ же Терьклію» (по другимъ спискамъ *Сереклію*) «градъ минухомъ пловуще: не градъ же убо, но точію городище; тоже и «перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе Татаръ много зѣло». Сіе городище *Серкліи* (или Козарскаго *Саркела*) было слѣдственно въ землѣ Донскихъ Козаковъ, около Качалинской Станицы, гдѣ Волга и Донъ

сближаются, гдѣ находилась Царицынская Линія, и гдѣ Козары всего удобнѣе могли основать крѣпость для защиты своихъ владѣній отъ Волжскихъ Печенѣговъ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90).—Далѣе: «Въ Среду «же минухомъ Великую Луку... въ Пятокъ Червленые горы... въ Понедѣльникъ Бузукъ рѣку; въ канонъ Вознесенъева дни приспѣхомъ, плывуще до моря, града Азова. Тогда же бо во Азовѣ живуще Фрязовѣ и «Нѣмцы». Далѣе: «И отступихомъ въ море, и бысть въ полунощи, корáблю стоящу на якорехъ... и догнаша насъ Фрязове въ *сандалыцехъ* «и наскакоша въ корабль нашъ борзостію, и бысть топотъ великій на «мосту корабля... И рече ми Игнатей Епископъ, что, брате, сице стоишь, «ничто же печали имѣя? сіи Фрязи нашего Господина Митрополита «емше сковаша, и Ивана Протопопа, и Григорья Протодьякона, и Гер«мана Архидіакона, и Михаила Діяка. должни бо имъ суть; мы жь съ «ними безъ вины погибаемъ. — Таже воспросихомъ Старѣйшину Фрязь «тѣхъ, что хотятъ и намъ створить? онъ же отвѣща гляголя: не бойтесь; «что убо вашего, и вы своя вся возмете... Умолени быша Митрополи«томъ, и довольну мзду вземше, всѣхъ насъ отпустиша невредимыхъ... «И во второй день пойдохомъ оттуду... и пройдохомъ *устіе* Азовскаго «моря (Воспоръ Киммерійскій); въ шестый же день, въ Субботу, мину«хомъ Кафинскій Лимень и Сурожъ». Здѣсь *Сурожемъ* названъ городъ Судакъ, гдѣ въ VIII вѣкѣ Св. Стефанъ былъ «Архіепископомъ; такъ называлось и море Азовское (см. *Воскресенск. Лѣт.* II, 286). Далѣе путешественникъ разсказываетъ, что ихъ занесло вѣтромъ къ Синопѣ; что тамошніе граждане угостили Россіянъ пищею и виномъ; что они 15 дней пробыли въ Пандораклiи, и взявъ *сандалiи*, отправились на оныхъ въ Астравію, гдѣ старались развѣдать о Турецкомъ Султанѣ Амуратѣ, который воевалъ съ Сербскимъ Царемъ Лазаремъ. Слѣдуетъ исторія Амурата, будто бы происшедшаго отъ Царя *Ачмійскаго* (по другимъ спискамъ *Азмійскаго*, *Азмскаго*) или *Армянскаго!* «Арканъ (Орханъ), правнукъ сего Христіанскаго Монарха, принялъ Вѣру Магометову, и былъ отцемъ двухъ сыновей, Солимана и Амурата. Послѣдній завоевалъ многія Государства, и сразился съ Лазаремъ Сербскимъ». Далѣе: Бѣ же «нѣкто у Лазаря Сербскаго слуга вѣренъ сый; нѣцыи жь оклеветаша «его, яко неправо служитъ Царю. Снидоша же ся полцы обои и бысть «сѣча зла. Оклеветанъ же онъ, правую свою службу хотя показати, вниде «въ полкъ Турецкаго Царя Амурата, являя себя бѣжаща; ему же Тур«стіи полцы раступишась, дающе путь. Онъ же, являя себя съ любовію «идуща ко Амурату, и внезапу вонзе мечь свой въ сердце его, и въ «той часъ умре Амуратъ. Убіенъ же бысть и чюдный той слуга Хри«стіянскій, и сице Турки смятошася... И вскорѣ Амуратова сына, Баазита, «поставляютъ Царя надъ собою, и начаша одолѣвати Сербскаго Царя, и «яша Лазаря руками, и Воеводъ его, и все воинство... Повелѣ же Баазитъ «Сербск. Царя Лазаря мечемъ посѣщи. Бысть же сіи битва въ лѣто 6897 «(1389). Сице убо намъ повѣдоша гражане, зане бѣхомъ въ Турской «Державѣ, и мятежъ бысть велій въ той странѣ, и убоявшеся мятежа, «отпусти Пиминъ Митроп. Черница Михаила ко Царюгороду, а Михаилъ «Епискупъ Смоленскій *мене* и Игнатія, а Сергѣй Архимандритъ своего «Черница». Слѣдственно Авторъ—вѣроятно Монахъ—находился въ свитѣ «Смоленскаго Епископа. Онъ былъ въ Константинополѣ до 1391 года, и собственными глазами видѣлъ коронованіе Царя Мануила, описываетъ оное такимъ образомъ:

«Той нощи бысть бдѣніе всенощное въ велицѣй церкви Патріяршей «въ Софіи... Наставшужь дни, пріидохомъ тамо, и даша намъ смотрѣти «сана того и чина на поставленіи. И снидеся народа многое множество

мужескій полкъ внутрь святыя церкви, а женскій на полатахъ, и сице дивно и любомудро бысть: вси убо женского полу стояху на полатахъ за шидяными запонами; лицъ ихъ украшенія прелестнаго никомуже отъ народа не видѣти... жены жь стояща на полатахъ видяху вся. Пѣвцы-жь стояху украшени чюдно; ризы имяху яки священныя стихари широцы и долзи, сицеже и рукава ихъ широци и долзи, ови камчаты, а «друзіи же шидяны, наплечники ихъ со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ; на главахъ же ихъ воскрылци остры со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ, и многое ихъ множество собрано, и толико «бысть чинно, яко написаны зряхуся. Старѣйшій жь ихъ бѣ мужъ дивенъ и красенъ зѣло, и сѣдинами аки снѣгъ бѣлѣяся. Бяху же ту и «Римляне отъ Рима, и отъ *Испаніи Нѣмцы*, и Фрязове отъ Галаты, а «иніи Цареградстіи, а иніи Зеновицы, а иніи Венейцы, а иніи Угры, и тѣхъ бѣяше чинъ видѣти чюденъ, и стояху на два лика, и коймдо своея «земли знамя имѣяху на себѣ, и одѣянія ови багряни бархаты, а друзіи вишневы бархаты, а иніи темносини бархаты, а иніи черныи бархаты... Бѣяше же подъ палатами на правой сторонѣ чертоговъ 12; степени жь шириною двѣ сажени, а оболчени вси червленымъ червцемъ, на нихъ же поставлени два стола златіи. Тогдажь той нощи Царь Мануилъ на полатахъ бысть, и егда приспѣ первой часъ дни, сниде съ полатъ, и вниде во святую церковь предними великими дверми, иже «глаголются Царскія двери, а пѣвцы пояху пѣніе пречюдно и странно, «и несказанно умъ превосходяще; и бысть шествіе Царево толико тихо и кротко, три часы отъ преднихъ вратъ до чертога, а обаполъ Царя «12 оружниковъ, и отъ главъ ихъ и до ногъ ихъ все желѣзно; а предъ «нимъ грядяху два стяжка власы черны, а древо ихъ и ризы и шапки червлены; а предъ тѣми двѣмя стяжки грядяху Подвоинскіе, а посохи ихъ сребромъ и златомъ окованы, а на концахъ ихъ жемчюгомъ осажено».

«Дошедшу жь Царю до чертога, и вниде въ пресвѣтлый той чертогъ, и облечеся въ Кесарскую багряницу и въ діядиму Кесарскую, и вѣнецъ Кесарскій около главы со столпчики возложи, и изыде изъ чертога и взыде наверхъ, и приведоша Царицу, и сѣдоша оба на столѣхъ златыхъ».

«Тогда убо начаша Божественную Литургію; а Царь сѣдитъ на злаатѣмъ столѣ: сицеже и Царица сѣдитъ на златѣмъ столѣ, и егда хотяше «быти Выходъ, и пришедше два великая Архидіякона ко Царю, и сотвориша поклонъ малъ, точію главы своя къ персемъ своимъ мало при-«клониша, благочинно зѣло и уставно, и возста Царь и пойде ко олтарю. «а стяжки предъ нимъ грядяху, и оружницы обаполъ его грядяху. «Вшедшу жь Царю во Св. олтарь, сташа стяжки и оружницы предъ олтаремъ на обѣ странѣ Святыхъ дверей Царскихъ: и облекоша Царя «во священный фелонецъ малъ, еже есть ризицы малы багряны, точію «до пояса. Иде Царь на Выходъ, свѣщу въ рукѣ держа. Антоней же «Патріярхъ стояше на своемъ мѣстѣ среди церкви, и сотворяя Выходъ, «взыде на священный амбонъ, и Царь съ нимъ, и принесоша къ Патріярху Царскій вѣнецъ на блюдѣ покровенъ, такожь и Царицынъ вѣнецъ... И благословившася у Патріярха два великая Архидьякона и идоша по Царицу, и пришедше къ ней, сотвориша поклонъ малъ... Пріиде Царица до амбона, и положи Патріярхъ крестъ на Царя, и «даде ему крестъ въ руку, и вземъ Кесарскій вѣнецъ, и возложи на «главу его, а другій вѣнецъ даде ему въ руку его, и повелѣ ему возложити на Царицу его, сошедъ долѣ. Онъ же сниде долѣ, и помоавъ, долѣ стоя, Патріярху на амбонъ рукою и вѣнцемъ, и Патріярхъ, стоя

«на анбонѣ, издалеча благослови рукою своею Царя и Царицу; они же «оба купно равно сотвориша поклонъ къ Патріярху, и пойдоша на своя «мѣста и сѣдоша на златыхъ столѣхъ; а Патріярхъ Выходъ сотвори, и «вниде во Св. олтарь Царскими дверми, и егда Херувимская пѣснь «приспѣ, и шедше великаи Архидьякона и сотвориша Царю поклонъ «малъ... Тогда убо вставъ Царь со страхомъ и трепетомъ и съ великимъ «вниманіемъ благочинно зѣло иде во олтарь, и одѣша его во священный «фелонецъ, и преже всѣхъ шествова Царь предъ Св. Царскими дверми, «въ переносѣ свѣчу возженну въ рунѣ держа, сице изъ олтаря изыде и «во олтарь вниде: преже всѣхъ онъ грядяше, и по немъ благочинно и «уставно зѣло св. Великій Соборъ съ великою красотою и честію... яко «умъ человѣческій превосходя. Многожь бяше шествіе ихъ со Св. дары, «колико Херувимской пѣсни есть отъ начала и до конца, сице шествіе «ихъ; пѣніе же бяше долго зѣло и красно. По пренесеніи во Св. олтарь «Божественныхъ даровъ ходитъ Царь около престола, и пребысть Царь «въ олтарѣ до Св. причащенія, и егда бысть время Св. Причащенію, и «шедше великая Архидьякона, сотвориша поклонъ малъ Царицѣ... и егда «сниде отъ престола Царица долѣ, и ту стоящіи народи разодраша всю «опону чертожную Кесарскую, колику кто восхити себѣ. И иде Царицу «съ великимъ страхомъ и трепетомъ и умиленіемъ южными враты въ «крыло олтаря, и даша ей Св. Причастіе; Царьже отъ Патріярха съ «Священники причастились у престола Христова. Исшедшужь ему изъ «олтаря, Патріярхужь сѣдшу на своемъ Святительскомъ мѣстѣ изъ ол«таря исшедшу, пріиде къ нему Царь въ Кесарьской багряницѣ и дія«димѣ, и благослови его Патріярхъ и Царицу его, и даде ему завѣтъ «православія соблюдати непоколебимо своя Царская, и никакожь пре«творяти уставы древнія, ниже восхищати не своя, и стяжати преже «всего страхъ Божій и смертную память, яко земля еси и паки въ землю «пойдеши, и прочая... И по Патріярховыхъ глаголѣхъ никтожь можаше «и смѣяше преже приступити ко Царю, и глаголати ему о здравіи, ни «Князи, ни Бояре, ни вои. Но точію приступятъ къ нему мраморницы «и гробоздателіе, принесши показуютъ ему мраморы и каменіе отъ раз«личныхъ лицъ, и глаголютъ, которымъ лицамъ велитъ быти Держава «твоя гробу твоему? притчею воспоминающе ему, глаголюще: Человѣкъ «еси смертенъ и тлѣненъ, мимоходя въ суетнѣмъ семъ исчезаемомъ и «скоропогибаемомъ житіи, пецися своею душею и благочестнѣ Царство «строй; елико убо великъ еси, толико смиряй себе, понеже силніи силнѣе «истязани будутъ; и якоже убо богохулніи согрѣшаютъ къ Богу, сицеже «и горделивіи въ гордости своей согрѣшаютъ; но и паче имѣй убо всегда «страхъ Господень и смиреніе и любовь и милость, и да сохраненъ бу«деши и соблюденъ небесною любовію Господнею и милостію. И сице «имъ глаголавшимъ, якоже тамо во уставѣ писано есть, и потомъ идоша «Князи и Стратилаты и Попы и вои и вси Велможи, глаголюше ему по «обычаю ихъ. И вѣнчавшусь ему на Царство, и посемъ благословись «Царь у Патріярха съ великою тихостію и смиреніемъ, и изыде изъ «церкви благочинно зѣло, якоже нѣкій Священноначальникъ великій, и «осыпаша его ставратами народи, иже похваташа койждо рукама сво«има. Сице древнее преданіе Царемъ бысть на поставленіяхъ ихъ на «Царство, и сице поставляхусь».

За тѣмъ Сочинитель описываетъ свое путешествіе въ Іерусалимъ.

(134) Сія грамота находится въ собраніи Двинскихъ. Вотъ она: «Се «язъ Князь Великій Дмитрей Ивановичь пожаловалъ есмь Ондрѣя Фря«зина Печерою, какъ было за его дядею за Матѳеемъ за Фрязиномъ; а «въ Перми емлеть подводы, какъ было и доселѣ; а вы, Печеряне, слу-

«шайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ. А ходить по пошлинѣ, какъ «было при моемъ дѣдѣ, при Князи при Великомъ при Иванѣ, и при мо«емъ дѣдѣ при Князи при Великомъ при Семенѣ, и при моемъ отци при «Князи при Великомъ при Иванѣ, такъ и при мнѣ».

(135) Монетъ Ханскихъ у насъ довольно въ Кабинетахъ, съ разными Татарскими надписями. На многихъ изображены орлы, павлины, лебеди, тигры, львы, всадники, человѣческія головы, и слова: «Алкабъ «Саинъ Ханъ халеде аллагу муккугу;» то есть: «Алкабъ Саинъ Ханъ, «коего царствованіе да продлитъ Божія милость» (см. Petersburg. Journ. г. 1781, Ч. II, стр. 24). Абульгази именуетъ *Саиномъ* Батыя; но можетъ быть и другіе Ханы такъ прозывались. На иныхъ вырѣзано имя Абул-Ханръ-Хана или изрѣченія взятыя изъ Алкорана. Восемь или девять такихъ монетъ составляютъ вѣсомъ около золотника; иногда болѣе и менѣе. О тангѣ и пулѣ см. Абульгази Hist. des Tatars., стр. 542, и Дженкинсон. Путешествіе въ Бухарію, въ *Гаклуйтъ* или въ Allgem. Reis. Ч. VII, стр. 527; см. также въ Бержеронов. Voyage de Marc. Paul, стр. 79, и Voyage de Mandeville, стр. 19. Герберштеинъ, стр. 41, сказываетъ, что въ Московской серебряной денгѣ считалось 60 *пулъ*. Сіе имя сохранилось въ названіи *полушки*. Нѣкоторые умники производили имя *денегъ* отъ *дня*, а *полушки* отъ *половины ушка*.

Въ Кабинетѣ С.-Петербург. Академіи Наукъ, у Г. Круга и Графа А. И. Мусина-Пушкина есть нѣсколько пулъ или мѣдныхъ монетъ съ надписью: *Великаго Князя Ива... Иван...* На серебряныхъ монетахъ Донскаго видимъ изображеніе всадника, съ словами: *Великій Князь Дмит...* или птицы, съ надписью: *Князя Великого Дмитрея*, и съ другою Татарскою, неясною. Мнѣ извѣстны еще двѣ монеты Удѣльныхъ Князей Димитріева времени: *Кашинская* и *Ростовская;* на первой изображенъ всадникъ, держащій на рукѣ птицу, и слова: *Князя Василія Михайлов...* а на второй человѣкъ съ сѣкирою, дерево, птица, голова какого-то звѣря и слова: *печать Кня... Ондр... Ф...* то есть: Андрея Ѳеодоровича Ростовскаго. Я видѣлъ также монеты съ словами: *Волод...* (можетъ быть, Князя Владиміра Андреевича *Храбраго* или Владиміра Пронскаго) и: *Князь Данило* (вѣроятно, не сынъ Невскаго, а *Борисовичъ*, К. Нижегородскій, внукъ Константиновъ). — Спрашивается: *сколько* такихъ *денегъ* было въ *рублѣ?* Герберштеинъ пишетъ, что при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ считалось въ рублѣ 200 Московскихъ денегъ (см. Rer. Moscov. Comment. стр. 41); но монеты сего времени гораздо легче Димитріевыхъ: ихъ болѣе десяти въ золотникѣ. Мы говорили о вѣсѣ рублей до 1535 года (см. нашей Исторіи Т. IV, примѣч. 250): Герберштеинъ цѣнитъ оные въ два червонца Венгерскіе: слишкомъ дорого по нынѣшнему отношенію серебра къ золоту! Древнія монеты, собранныя нашими любителями древностей—въ Кабинетѣ Академическомъ, Графа А. И. Мусина-Пушкина, Г. Круга, Ивана Петровича Бекетова, Графа Ѳ. А. Толстаго и другихъ—раздѣляются на четыре класса: одинъ безъ надписи, съ изображеніемъ разныхъ звѣрей; вторыя съ Татарскою надписью (тѣ и другія не наши, вопреки мнѣнію Князя Щербатова); третьи съ Русскою и Татарскою (битыя, какъ вѣроятно, для платежа дани Ханамъ); четвертыя съ одною Русскою надписью. — Замѣтимъ, что въ Галиціи еще около 1355 года ходили такъ называемые *Русскіе* гроши, Grossi Ruthenicales (см. Энгеля Gesch. v. Halitsch. стр. 601).—Въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 85: «на правду два *алтына*, а дальній ѣздъ верста по *рязанѣ*». Въ позднѣйшемъ договорѣ Велик. Князя съ Олегомъ Рязанскимъ говорится только объ алтынахъ и денгахъ (стр. 94): «а мыта съ воза по «денгѣ».

(136) Италіянецъ Полидоръ Виргилій, умершій въ 1555 году, въ книгѣ своей de Inventoribus rerum, сказываетъ, что порохъ и ружейной стволъ изобрѣтены Бартольдомъ, и что сей человѣкъ сообщилъ свое открытіе Венеціанамъ, безъ сомнѣнія не въ 1380 году, какъ многіе утверждали, а прежде, когда Эдуардъ III въ 1346 году имѣлъ пушки, и когда во Франціи порохъ извѣстенъ былъ съ 1338 года (см. Рапин. Hist. d'Angl. T. III, стр. 196, и Даніеля Hist. de France T. III, стр. 467).— Нѣкоторые пишутъ, что порохъ и пушки, изобрѣтенные около XII вѣка въ землѣ Ахемской или Ашамской, употреблялись сперва въ Пегу, Китаѣ и проч. (см. Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, кн. II, стр. 486). Авторъ XIII вѣка, Секретарь Египетскаго Царя Салеха, упоминаетъ о громѣ пушечномъ. Абу Абдала Эбнъ Алькатибъ, Испанскій Мавръ, пишетъ о снарядѣ огнестрѣльномъ Короля Гренадскаго, въ 1312 году осаждавшаго Базу (см. Fortgesetzt. Betracht. über die neuest. historisch. Schrift. Ч. II, стр. 480). Пельцель въ своей Богемской Исторіи доказываетъ, что ружейный стволъ изобрѣтенъ Берауискимъ гражданиномъ въ царствованіе Короля Іоанна, между 1310 и 1346 годами. — Роджеръ Баконъ, умершій въ 1294 году, въ упомянутомъ сочиненіи de nullitate magiae пишетъ такъ: «Вы можете произвести громъ и молніи, когда хо«тите, если возьмете сѣры, селитры, угольевъ; смѣшаете ихъ и вложите «въ какой нибудь заткнутый стволъ», и проч. (см. Encyclopédie подъ словомъ Poudre). —О *живомъ огнѣ* Харазскаго Турка см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 68. О томъ, когда и какъ вошло въ Россію искусство огнестрѣльное, нашелъ я извѣстіе въ лѣтописи Голицынской, полученной мною отъ Графа Ѳ. А. Толстаго. Она писана полууставомъ, въ листъ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ. Въ ней сказано, л. 215: «въ лѣто «6897 вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣлбу, и отъ «того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти». За симъ слѣдуетъ описаніе нашествія Тамерланова и чудо Богоматерина образа въ 1395 году.

Въ Княженіе Василія Димитріевича сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько дворовъ отъ дѣланія пороха.

(137) Въ *Троицк.*: «тое же зимы и тое весны являшеся нѣкое зна«меніе на небеси на Востопѣ предъ раннею зарею, аки столпъ огненъ и «звѣзда копійнымъ образомъ» (см. Cométographie г. 1368 и 1382)... «Бысть «Благовѣщенье на Св. Недѣли въ Среду, а снѣгъ лежалъ по Велицѣ дни «съ четыре недѣли, а люди ѣздили на санехъ». О другой Кометѣ, засухахъ и пожарахъ см. ниже въ семъ примѣчаніи.

Случаи Димитріева времени, о коихъ мы не упоминали:

Въ 1362 году преставились Романъ, Митрополитъ Литовскій и Волынскій, Даніилъ Епископъ Суздальскій и Епископъ Аѳанасій въ Костромѣ (см. *Никон. Лѣт.*). Моисей, бывшій Архіеп. Новогородскій, построилъ каменную церковь Благовѣщенія на Михайловѣ улицѣ, а преемникъ его, Алексій, также каменную церковь Св. Рождества *на сѣняхъ*, освященную имъ 1 Сент. Въ 1363 г. зимою Архіепископъ Моисей преставился: Алексій самъ положилъ его въ раку и погребъ въ монастырѣ Св. Михаила на Сковороткѣ. 25 Генв. расписана въ Новѣгородѣ церковь Богоматери на Волотовѣ, въ Моисеевѣ монастырѣ, повелѣніемъ Архіепископа. (Въ *Никон.*: «по обѣдѣ убо въ церкви Владыко Алексѣй Суз«дальскій благослови крестомъ Вел. Князя Костянтиновича Суждальскаго «и Новагорода Нижняго, и въ той часъ изъ креста пойде миро»). Въ *Псковской*: «Упаде верхъ церкви Св. Троицы на третій день Петрова «дни, и приставиша засаду Изборскую, и выносиша камень и звукъ».— Въ 1364 г. купцы Новогородскіе и другіе набожные люди построили въ Торжкѣ церковь Преображенія, освященную Архіеп. Алексіемъ зимою.

(Въ *Никон.:* «бысть стрѣляніе и шибеніе громное во Твери на Соборн. церковь, и знаменія многа, и молнія, и вихри... Андрей Костянт. Суз«дальскій и Нижн. Новагорода постриженся; бысть же духовенъ зѣло и «добродѣтелемъ... Бысть сухмень велія, и воздухъ куряшеся, и земля «горяше»). Въ Новѣгородѣ построены 2 деревянныя церкви, Воздвиженія и Евангелиста Луки. Въ Корельскомъ городкѣ Яковъ Посадникъ совершилъ каменный костерь (башню). «Псковичи даша наймитомъ 5 руб«лей; они же, разбивше стѣны церкви Св. Троицы, звукъ выносиша въ «Великую рѣку. Поставиша (Псковичи) 2 варници на Рухѣ, и начаша «соль варити, и то не сбыстся, и повергоша». — Въ 1365 Алексій Митрополитъ заложилъ въ Москвѣ кам. церковь во имя Арханг. Михаила или бывшаго чуда его въ Хонѣхъ; она совершена въ то же лѣто. Митрополитъ Алексій отнялъ *Новогородскую* Епископію у *Суздальскаго* Владыки *Алексія:* Сей Епископъ скончался зимою (такъ въ *Никон.* и въ другихъ; но въ *Ростовск.* сказано, что Алексій *Суздальскій* умеръ въ 1364 году, а Митрополитъ отнялъ Епископію *Новогородскую* у Владыки Алексія въ 1365: слѣдственно здѣсь разумѣется Владыка Вел. Новагорода: что подтверждается и Синодальною лѣтописью No 349, гдѣ вмѣсто словъ: «отня Епископью», стоитъ *Архіепископью*). Новогородскій Архіеп. Алексій поставилъ кам. церковь Срѣтенія на воротахъ въ монаст. Св. Антонія, Лазута камен. церк. Св. Николая на Ляткѣ, а другую заложили на Рядятинѣ улицѣ во имя Троицы. Въ Концѣ Славянскомъ было чудо: въ церкви Св. Петра шла роса отъ иконы Богоматери. «Псковичи наяша «мастеровъ и даша дѣлу мзды 400 рублей; они же заложиша церьковь «Св. Троицы по старой основѣ». (Въ *Никон.:* «бысть знаменіе, солнце «аки кровь, и по немъ мѣста черныя; и мгла стояла съ поллѣта, и жары «велицы; лѣсы и болота горяша, и рѣки пресхоша, и бысть страхъ ве«лій... Пойде въ Орду К. Василей Кирдяпа, сынъ Кн. Дмитрея Суздаль«ского»). — Въ 1366 «Князь Кипрскій (въ *Никон.* Андрей Пигоръ) по«плѣни градъ Александрію Египетьскую; изби вся ту живущая Сара«цыни и Бесермены, Насавиты и Армены, и Турки, и Фрязы, и Чер«касы, и Жиды; и про то разгнѣвася на Хрестіяны Царь Египетьскій «Салтанъ, и посла рать на Антіохею и на Ярусалимъ; церкви разгра«бивъ, и двери ихъ каменьемъ заради, а иныя колодьемъ завалявъ из«вону (извнѣ), а Христіяны вся казнивъ, а имѣнья ихъ отня, а мона«стыри Синайскія разори, Игумены и Попы изби, а Епископы вверже «въ темницу, а Михаила, Онтіохійского Патріарха, распя. И тогда же «солнце погибе, Авг. въ 7 день по утру, въ 3 часъ дни; осталося его «аки трехъ денъ молодъ мѣсяцъ; щербина бѣ ему съ полуденныя страны, «по мраку аки синю отъ Запада приходящу, и пребысть тьма съ часъ «единъ, дондеже обратися солнце щербиною къ земли, и тако нача паки «свѣтъ свой припущати. Слышавъ же Царь Царегородскій Иванъ, печа«луя, посла къ Салтану Египетьскому о миру со многими дары. Онъ же «миръ створивъ, Патріарха (Іерусалимскаго) и Епископы отпусти, а «церкви имъ паки предасть, а взя у нихъ 20,000 рублевъ серебромъ, «кромѣ иного узорочья и даровъ». Совершили въ Новѣгородѣ церковь на Рядятинѣ улицѣ. (Въ *Никон.:* «бысть сухмень и хлѣбная дороговь, и «съ того люди мряху... Князь Михайло Александровичь Тверскій поста«вилъ градокъ Новой на Волзѣ»).—Въ 1367 Марта 20 скончался Тверскій Епископъ Ѳеодоръ въ Отрочѣ монастырѣ, и положенъ въ малой церкви Введенія, въ одномъ мѣстѣ съ Владыкою Андреемъ. Постригласъ въ Нижнемъ вдовствующая супруга Кн. Андрея Константиновича, Анастасія (по *Никон.*). Іюля 23 страшнымъ громомъ убило въ Городцѣ въ церкви Св. Лазаря, во время Вечерни, Монаховъ и Монахинь, а въ се-

лахъ также не мало людей. Умерли Новогородскіе Посадники Онцифоръ и Никита. Во Псковѣ довершили церковь Св. Троицы, и поставили другую, Св. Іоанна Богослова, на Снетогорскомъ дворѣ.—Въ 1368 «на зиму «прислаша Псковичи Онанью Посадника и Павла въ Новгородъ: Архі- «епископъ же Алексій посла во Псковъ отца своего духовнаго, Прото- «попа Іоанна, и Протодіакона, и священа бысть во Псковѣ церковь Св. «Троицы Генв. въ 10... Тое же осени и тое зимы явися звѣзда хвоста- «тая... Заложи Лазута церковь каменну во имя Св. Петра конецъ Славна». Новогородцы отправили въ Нѣмецкую землю посломъ Саву Купрова. Апрѣля 11, въ Вел. Четвертокъ, зажгло громомъ въ Суздалѣ церковь Св. Михаила и въ Городцѣ Михайловскій Соборъ. »Маіа въ 12 бысть по- «жаръ въ Новѣгородѣ: погорѣ Дѣтинець весь, и Владычень дворъ и Св. «Софіа отъ Людогощи улици, и Неревскій Конецъ по половинѣ улиць «(въ *Троицк.* по Головинѣ улицѣ) до Дапьславля улицѣ, и Плътницкій «Конецъ весь отъ Св. Никыты до Радоковичь, и церкви, и людій нѣко- «лико». Въ *Никон.*: «Преставись Вел. Княгиня *Софья* Михаила *Ярося- «вича* Тверскаго... Тое жь зимы Кн. Михайло Васильевичь Кашинскій «повелѣ изъ монастыря церковь Богородицы снести внутрь града и мѣ- «сто то святое раскопати, и во гробѣхъ кости мертвыхъ разрушили из- «давна положенныхъ Иноковъ; и тое жь весны за многи дни бысть бо- «лѣзнь незнаема Князю и Княгинѣ его. Самаго же его Богъ помилова, «а Княгини его Василиса преставися Апр. въ 20 день. И тако Кн. Ми- «хайло Васил. устрашися, и прощенія проси у Владыки Василія; и по- «велѣ ему Владыка не до конца мѣсто то разорить, и поставилъ (*Князь*) «тамъ малую церковь Св. Богородицы; потомъ и ту разнесли... Того жь »лѣта гладъ великъ бысть во Твери».—Въ 1369 Нѣмцы завоевали Литов- скій городъ Ковенъ (по нѣкоторымъ спискамъ Кобекъ, Ковевъ). Преставился Князь Левъ Смоленскій. Князь Борисъ Константиновичь поставилъ въ Городцѣ Соборную церковь Св. Михаила. Осенью въ Твери срубили деревянную крѣпость и обмазали глиною. Въ Новѣгородѣ сгорѣлъ Славян- скій Конецъ отъ Нутной улицы до Св. Иліи и до поля: «и церкви каменны «4 сгорѣша, а головѣ трее сгорѣша, и много товара погорѣ, а иные по- «грабили лихіе люди». Тамъ заложили каменную церковь Св. Василія на Ярышовѣ улицѣ, а другую Св. Евпатія на Рогатицѣ. Архіепископъ черезъ годъ святилъ оныя. «Вел. Кн. Дмитрій Іоанновичь заложи городъ Пере- «яславль; того же лѣта и срубленъ бысть». Въ *Никон.*: «Князь Михайло «Васильевичь Кашинскій ѣздилъ на Москву къ Митрополиту на своего «Владыку Василья жаловаться. Олгердъ Гедиминовичь ходилъ ратью на «Нѣмцы, и много плѣненія сотворилъ».—Въ 1370 большое разлитіе водъ весною: осенью и зимою знаменія: «аки столпъ по небу, и небо червлено, «аки кроваво, и по снѣгу яко кровь». Митрополитъ Алексій крестилъ Князя Іоанна Борисовича въ Нижнемъ. «Тамо уползе многъ снѣгъ съ «горы великой, еже надъ Волгою за Св. Благовѣщеньемъ, и засыпа дворы «и съ людми». (По *Никон.* ударилъ страшный громъ ночью 18 Авг., когда Великій Князь объявилъ войну Михаилу Тверскому). Во Псковѣ совершили кам. церковь Св. Георгія на Болотѣ. — Въ 1371 поставила Наталья въ Новѣгородѣ кам. церковь Св. Андрея Юродиваго на Ситескѣ Авг. 20. Сгорѣлъ Плотничьскій Конецъ и весь Подолъ отъ улицы Ильиной до Киловой. Сгорѣлъ весь Торжекъ. Изъ Іерусалима пріѣзжалъ Митрополитъ Германъ для собранія милостыни: «понеже много бѣ имъ насилія отъ «поганыхъ Срацынъ». Кн. Димитрій Констант. въ Нижнемъ поставилъ кам. церковь Св. Николая на Бечевѣ. Въ Русѣ построена также камен. церковь Св. Николая. У Великаго Князя Димитрія родился сынъ Василій 30 Декабря. Во Псковѣ совершили кам. церковь Св. Николая на Всосѣ.—

Въ 1372 «у Св. Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ колоколъ болній по«звонилъ самъ о себѣ трижды». Въ Новѣгородѣ окопали рвомъ Концы Людинъ, Загородный, Неревскій; на Ильинѣ улицѣ поставили кам. церковь Св. Спаса, освященную Архіепископомъ. Въ Москвѣ 15 Авг. у гроба Св. Петра Митрополита «*прощенъ* (исцѣленъ) бысть нѣкій отрокъ «семи лѣтъ, зане не имяше руки, прикорчившеся къ персемъ, и нѣму «сущу ему; егда же Митрополитъ Алексій скончеваше Св. Литургію, тогда «проглагола отрокъ, и простреся ему рука. То же видя Митрополитъ. «повелѣ звонити, и пѣша канунъ мольбенъ со всѣмъ Зборомъ».—Въ 1373 пріѣхалъ въ Новгородъ Князь Владиміръ Андреевичъ и жилъ тамъ отъ третьей недѣли Вел. поста до Петрова дня. (Кн. Щербатовъ заключилъ изъ того, что Владиміръ ссорился съ Димитріемъ, искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ, и проч.). Шелъ Волховъ семь дней вверхъ. Псковитяне поставили на другомъ мѣстѣ кам. церковь Петра и Павла, освященную Новгород. Архіеп. Алексіемъ, и другую Св. Власія. (По *Никон.* зимою преставились Князья Владиміръ Димитріевичь или Ярославичь Пронскій и Іеремей Тверскій. Новогородцы, заключенные въ Твери, подкопали стѣну темницы своей и бѣжали. Михаилъ Васильевичь Кашинскій пріѣхалъ изъ Орды въ Кашинъ. Михаилъ Александровичь Тверскій окружилъ столицу свою рвомъ и валомъ, отъ Волги до *Тмаки*, взявъ работниковъ изъ Торжка и Тверскихъ областей).—Въ 1374 году, въ 1 Недѣлю Вел. поста, Митрополитъ Алексій поставилъ въ Москвѣ Епископомъ Суздалю Діонисія Архимандрита Печерскаго. Въ Новѣгородѣ построена церковь Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ: святилъ оную Архіепископъ. Сгорѣлъ весь Юрьевъ или Св. Георгія монастырь. Родился у Вел. Князя Димитрія сынъ Юрій въ Переславлѣ, Ноября 26; крестилъ его Игуменъ Сергій при Князѣ Димитріи Константиновичѣ Суздальскомъ, его братьяхъ, супругѣ и дѣтяхъ, также другихъ Князьяхъ и многихъ Боярахъ. Во Псковѣ *церковный мастеръ* Кириллъ соорудилъ кам. церковь Св. Кирилла; тамъ же довершена и другая кам. церковь Св. Тимоѳея. (По *Никон. Лът.* Митрополитъ Алексій поставилъ Евфимія Епископомъ Твери въ день Сорока Мучениковъ на *Средокрестной* недѣлѣ въ *Четвертокъ*, и вмѣстѣ съ посломъ Патріаршимъ, Кипріяномъ, отправился оттуда въ Переславль. Литовцы воевали съ Татарами Темиреза. Лѣтомъ совсѣмъ не шло дождя; скотъ и люди умирали отъ жаровъ и засухи, какъ въ Россіи, такъ и въ Ордѣ. Димитрій ссорился съ Мамасмъ).—Въ 1375 Корела *Семидесяцкая* поставила новый городокъ. Въ Новѣгородѣ совершили кам. церковь Козмы и Даміана на Холопьей улицѣ; а Посадникъ Юрій заложилъ церковь Св. Іоанна Златоуст. въ Околоткѣ. Родился какой-то Матвѣй Михайловъ. Занемогъ опасно Св. Игуменъ Сергій въ Великій постъ, и страдалъ до самаго Сентября. Іюля 29, въ Воскресенье, было знаменіе въ солнцѣ. «На тужь зиму (Новогородскій) Владыка Алексѣй сыде съ Вла«дычьства по своей воли въ Деревяницкій монастырь къ Св. Вьскре«сенію. Новогородци же въ скрьби быша, и много гадавъ, послаша къ «Митрополиту Саву Архимандрита и Максима Онцифоровичь съ Бояры, «чтобы благословилъ сына своего Алексѣя въ домъ Св. Софіи, и Митро«политъ благослови Владыку и весь Новгородъ... и Новогородци послаша «съ Вѣча, съ Ярославля Двора, къ Владыцѣ Намѣстника Вел. Князя, «Ивана Прокшинича, и Посади. Юрья, и Тысяч. Олисея... и Владыка «прія челобитье, и пойде на свой Архіепископскій степень Марта въ 9». Въ *Псковской:* «въ лѣта Вел. Князя Дмитріа и Псковского Князя «Матѳея и Посадника Григоріа Остафьиничь Псковичи заложиша *че«тверту*ю стѣну камену отъ Псковы до Великыа рѣкы по старой стѣнѣ: «понеже была старая стѣнка здѣлана съ дубомъ, мало узвышь (выше)

«мужа, около всего посада». (По *Никон.* Іюля 27, въ Твери, въ церкви Покрова, передъ иконою Богоматери ночью загорѣлась свѣча сама собою. Пріѣхала изъ Литвы Кестутіева дочь, Марія, невѣста Іоанна Михайловича Тверскаго: Епископъ Евфимій окрестилъ ее въ церкви Воздвиженія и на другой день обвѣнчалъ съ Іоанномъ въ Соборной церкви Св. Спаса, къ радости Кн. Михаила Тверскаго, отца Іоаннова). — Въ 1376, весною, шелъ Волховъ вверхъ 7 дней («се уже по третье лѣто «тако идяше на взводъ»). Отъ Патріарха Филоѳея пріѣзжали два Протодіакона, Георгій и Іоаннъ, къ Алексію Митрополиту. Кипріанъ поставленъ въ Митрополиты. Новогородскій Архіеп. Алексій съ Архиманд. Саввою, съ Юрьемъ Онцифоровичемъ, Васильемъ Кузминичемъ, Васильемъ Ивановичемъ и другими Боярами Авг. 13 отправился въ Москву, гдѣ Митрополитъ, Вел. Князь и Владиміръ Андреевичь обошлися съ нимъ весьма благосклонно. Онъ возвратился въ Новгородъ Окт. 17, въ Пятницу. (По *Никон.* былъ моръ въ Кіевѣ). — Въ 1377 Апрѣля 27 «оградися луна и бысть отъ нея луча аки крестъ». Весною горѣлъ Новгородъ «отъ Люгощи улицы до Яковли, отъ полуулицы до брега: згорѣ «7 церквей деревянныхъ, а каменныхъ огорѣ 3. Того же лѣта згорѣ отъ «грома церк. Св. Богородицы на Михалицѣ. Преставися Архимандритъ «Сава во Антоніевѣ монастырѣ, Маія въ 29:» Архіепископъ самъ погребалъ его. Совершена кам. церковь Бориса и Глѣба въ Плотникахъ: Архіеп. святилъ оную. (По *Никон.* Князь Ѳеодоръ *Звенигородскій*, мужественный великанъ, побилъ многихъ Татаръ. Сей Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Андрея на Звенигородскаго, внукомъ Тита, правнукомъ Мстислава Карачевскаго, праправнукомъ Св. Михаила Черниговскаго, сказывая, что мать Ѳеодорова была дочь Князя Литовскаго, Гаманта, и что дядя Ѳеодоровъ, Святославъ Титовичь, женился на Ѳеодорѣ, дочери Ольгердовой отъ Тверской Княжны, а третій сынъ Титовъ, Князь Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго). — Въ 1378 шелъ Волховъ вверхъ 7 дней. Іюня 29 знаменіе въ солнцѣ. Въ Новѣгородѣ построены 2 церкви, Св. Георгія и Никиты; третья на Добрыниной улицѣ Нерукотвореннаго образа: Архіепископъ святилъ оную въ день ея праздника. Дек. 5, въ часъ Заутрени, луна обратилась въ кровь, стояла 2 часа неподвижно, и снова сдѣлалась свѣтлою съ полуденной стороны, а помрачилась съ восточной.—Въ 1379 Сент. 11, въ Воскресенье, преставился сынъ Велик. Князя, Димитрія, Симеонъ. Въ Новѣгородѣ сгорѣло отъ Лукиной улицы до Чюдинцовой 8 улицъ и 12 церквей. Заложили тамъ 2 камен. церкви Св. Богоматери на Михалицѣ, и Флора и Лавра на Людгощей. Зимою пріѣхалъ въ Новгородъ Князь Литовскій, Юрій Нариантовичь.— Въ 1380 упала въ Коломнѣ новая каменная церковь, построенная на иждивеніе В. К. Димитрія. Іюня 15 освящена въ Серпуховѣ Соборная церковь Св. Троицы, основанная Кн. Владиміромъ Андр. «Бища челомъ «весь Новгородъ Архіепископу, чтобы еси, господине, ялся ѣхати къ «Вел. Князю, и Владыка пойде на Низъ за недѣлю до Цвѣтной недѣли: «а съ нимъ Юрьи Ивановичь, Мих. Даниловичь, Юрьи Онцифоровичь, «Іевъ Обакумовичь, Ив. Ѳедоровичь, и иныхъ Бояръ много, и Житьихъ «мужь. Князь же прія ихъ въ любовь, а къ Новугороду крестъ цѣловалъ на всей старинѣ». На Чюдскомъ озерѣ потонули 24 лодки Псковскія. (По *Никон.* Ноября 20 съѣзжались всѣ Россійскіе Князья: «велію «любовь учиниша межъ собою»). — Въ 1381 у Князя Владиміра Андр. родился сынъ Іоаннъ: крестили его Митрополитъ и Св. Сергій. Въ Новѣгородѣ заложили кам. церковь Св. Димитрія на Славковѣ улицѣ. Построили тамъ же деревянную Св. Василія. (По *Никон.* въ Недѣлю всѣхъ Святыхъ былъ страшный громъ и вѣтръ).—Въ 1382 преставился Князь

Василій Михайловичъ Кашинскій, Маія 6, и погребенъ въ Соборн. церкви Воскресенія. Умеръ Михайло, отецъ Матвѣя (вѣроятно Лѣтописца). Въ Новѣгородѣ новая церковь Св. Димитрія, едва освященная Архіепископомъ, разсыпалась. Совершена кам. церковь Рождества на полѣ. Авг. 14 родился у Вел. Кн. Димитрія сынъ Андрей: крестилъ его Игуменъ Симонова монастыря Ѳеодоръ. Въ Новѣгородѣ на Нутной улицѣ заложена церковь Св. Филиппа, и другая Св. Іоанна въ Радоковичахъ (по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1383 г.). Князь Борисъ Городецкій поѣхалъ осенью въ Орду. Въ ту же осень какой-то Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ убитъ лукавымъ его рабомъ. Зимою Пименъ Митрополитъ поставилъ въ Переславлѣ Сарайскаго Епископа Савву, въ присутствіи Матѳея Грека, Епископа Ростовскаго, и Владыки Даніила.—Въ 1383, Генв. 1, скончался Павелъ Высокій Печерскій Старецъ (въ Нижнемъ) книжный и чудный, о коемъ плакалъ и самъ Архіепископъ Суздальскій Діонисій. Сынъ Бориса Городецкаго, Іоаннъ, поѣхалъ къ отцу въ Орду; а Князь Димитрій Константиновичъ Суздальскій отправилъ туда сына своего, Симеона. Митрополитъ зимою поставилъ въ Москвѣ двухъ Епископовъ, Михаила Смоленскаго и Стефана Пермскаго. Въ Псковѣ совершены 3 кам. церкви на Гримячей горѣ: Св. Козмы и Даміана, Св. Николая и Св. Духа за стѣною. Въ 1384 осенью выѣхалъ изъ Царяграда Ѳеодоръ Игуменъ Симоновскій: «ему же Патріархъ даде Архимандритію и литшую честь паче «иныхъ Архимандритовъ... Погорѣша лѣсы и сѣна по пожнямъ, а въ Но«вѣгородѣ бысть помраченіе на многи дни и нощи, яко и птицы падаху «на землю и на водѣ, и не видяху, камо летѣти, и людіе не смѣяху «ѣздити по езеромъ и по рѣкамъ, и бысть скорбь и туга». Преставился на Пентикостной недѣлѣ Старецъ Илья, Келарь Троицкаго Сергіева монастыря, добрый и послушливый. Въ Новѣгородѣ, въ Неревскомъ Концѣ, сгорѣло 2 церкви, Св. Лазаря и Св. Петра. Осенью совершены тамъ церкви Св. Филиппа на Нутной улицѣ и Св. Іоанна въ Радоковицахъ; первую святилъ Архіепископъ. Во Псковѣ соорудили 2 кам. церкви: Св. Спаса у стараго костра и Воздвиженія на Дворѣ Княжескомъ. (Въ *Никон. Лѣт.*: «Сент. въ 23 день, въ 1 часъ дни, восшедшу солнцу, и «прінде туча съ западные страны къ Востоку, и помрачи свѣтъ до 3 «часа.... По малѣ облаки тѣ видяхусь желты и багряновидны и тонко«видны. По инымъ же странамъ тогда облаки прехожаху въ полутра и «во обѣдъ и по обѣдѣ; индѣ же огненныя облацы хожаху и искры падаху «и зажигаху, и толь страшно бысть, яко второе Христово пришествіе «мнѣши всѣмъ.... Тоя же осени Кн. Вел. Михайло Тверскій женилъ сына «своего, Кн. Бориса, у Вел. Князя Святослава Ивановича Смоленскаго, «и вѣнчанъ бысть въ церкви Св. Спаса Ноября въ 8.... Тояжь зимы «К. В. Михайло женилъ сына своего, Кн. Василья, у Кн. Владимера «Олгердовича у Кіевскаго, и вѣнчанъ бысть во церкви Св. Спаса)».—Въ 1385 (а не въ 1386) сгорѣлъ весь Псковъ, Маія 8, отъ 6 до 9 часа дня; уцѣлѣли, Соборная церковь и Дѣтинецъ или Кремль.... «И бысть сѣча «Псковичамъ промежду себе, и много бысть мертвыхъ». Тамъ поставили церковь Св. Ѳеодора. Въ Новѣгородѣ сгорѣла вся Торговая сторона: «на «Данславлѣ улицѣ бысть пожаръ; загорѣся на Подолѣ Іюня 14; погорѣша «оба Конца, Плотницкій и Славенскій, и церквей каменныхъ огорѣ 26, «а древянныхъ сгорѣло 6. Горѣло весь день въ Среду, и заутра престало «по обѣдѣ. У купцевъ въ коробіяхъ всякаго товара много погорѣло. Ды«момъ задохлися 9 человѣкъ Василіевыхъ, да 2 сторожа; да сгорѣша трое «нищихъ, да въ Павловѣ улицѣ на монастырѣ Иванъ, церковный роспис«никъ; въ церкви Св. Іоанна, конецъ Славна въ торгу, сторожъ затхнулся, «такожде въ церкви Св. Пятницы, а другій живъ: въ церк. Воскресенія

«сторожъ, да странной; и всѣхъ душъ погибло 70. Только не горѣлъ Пречв. «Богородицы на Михалицѣ монастырь, да на Микитинѣ улицѣ улицѣ «отъ Креста въ полѣ, и Красильницкая улица. А въ Среду за 6 дній «до Петрова загорѣлося у Св. Мины въ обѣдню, и погорѣ по обѣ сто- «роны отъ Князьцевы трубы въ Духовской улкѣ». Іюня 29 родился Вел. Князю Димитрію сынъ Петръ: Игуменъ Сергій крестилъ его. Скончался Епископъ Ростовскій Матѳей Грекъ, погребенный въ Соборн. церкви съ его предмѣстниками. Были осенью *пустые бѣги:* думаю, метеоры, называемые *падающими звѣздами*. (По *Никон.* и нѣкоторымъ другимъ лѣтописямъ, наполненнымъ анахронизмами, В. К. Димитрій посылалъ войско на Муромъ, чтобы наказать тамошняго Князя за какое-то безчестіе). Переведено слово Св. Георгія Писида: хвала Богу, Творцу міра.—Въ 1386, Генв. 1, «въ часъ дни, егда люди отобѣдываютъ, погибе солнце, и «пребысть во мрацѣ 2 часа, и паки свѣта исполнися». Князь Борисъ Константиновичь ѣздилъ въ Орду весною, и возвратился осенью. Въ Городцѣ сгорѣла церковь Св. Михаила. Епископъ Пермскій Стефанъ Храпъ ѣздилъ въ Новгородъ за нѣкоторымъ дѣломъ. Іоакимъ Архимандритъ обновилъ старую церковь, *наполнивъ* оную иконами и книгами, построилъ кельи, монастырь, собралъ Иноковъ, далъ Игуменство трудолюбивому Іоанну, и такимъ образомъ устроилъ Общее Житіе Монашеское. Умеръ какой-то Симеонъ Яма въ Москвѣ и погребенъ въ монастырѣ Вознесенія. Царь Тохтамышъ (см. *Троиц. Лът.*) самъ убилъ свою Царицу Товлумбеку. Въ Новѣгородѣ на Иворовѣ улицѣ совершили кам. церк. Св. Димитрія (или Климента). Послѣ Св. недѣли сгорѣлъ Орѣховъ, и крѣпость повредилась: Новогородцы отправили туда Василія Кузмина, велѣвъ ему чинить стѣны и башни. Въ Новѣгородѣ сгорѣлъ конецъ Никитиной улицы. Осенью возвратился изъ Орды Кн. Александръ Михайловичь Тверскій. Во Псковѣ сдѣланы 3 каменныя башни у новой стѣны на приступѣ, и заложили кам. церк. Св. Георгія (По *Никон.* воевали между собою Ординскіе Князья).—Въ 1387 Новогородцы окопали валомъ Торговую сторону. «Той же зимы пріѣжжаша Нѣмецкія послы въ Нов- «городъ о ропотномъ (спорномъ?) товарѣ и взяша миръ... Поновиша цер- «ковь кам. въ Торгу». Весною преставился Князь Ѳеодоръ Ѳоминскій въ Схимѣ, названный въ Монашествѣ Симеономъ и погребенный въ монаст. Св. Спаса. Ушелъ изъ Орды Князь *Родславъ*, сынъ Олеговъ. (По *Никон.* Кн. Михаилъ Тверскій ссорился съ своимъ Епископомъ Евфиміемъ, и заставилъ его удалиться въ монастырь Св. Николая надъ Ручьемъ, въ Генварѣ мѣсяцѣ. Былъ моръ въ Смоленскѣ: въ городѣ осталось только 10 человѣкъ. «У града Твери, около валу, рубиша кожухъ»—навѣсъ— «и землю насыпаша, и ровъ копаше глубже человѣка. Царь Аксакъ Те- «миръ пришедъ взялъ Орначь у Тохтамыша. Бысть поводь велика въ «рѣкахъ»).—Въ 1388 Генв. 8 родилась Великому Князю Димитрію дочь Анна. Зимою скончался добродѣтельный ученикъ Св. Сергія, Исаакій Молчальникъ. «Сойде со Владычества Архіеп. Новогород. Алексій нездра- «нія ради, на Преполовеніе, въ монастырь Воскресенія на Деревяницу, «благословивъ своихъ дѣтей Новогородцевъ: былъ на Архіер. престолѣ «28 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ. Посадникъ Іосифъ Захарьевичь со старѣйшими «мужи биша ему челомъ, еже бы былъ въ дому Св. Софіи, дондеже извѣ- «дають, кто будетъ Митрополитъ въ Русск. земли. Онъ же отрекся «отнюдь, глаголя: изберите себѣ 3 мужа достойны, да положите 3 жребіи «на св. трапезѣ... и избраша троихъ Игуменовъ и сотвориша 3 жребіи: «въ первомъ написаша Игум. Іоанна монастыря Св. Спаса съ Хутыни, «а въ другомъ Парѳенія изъ Благовѣщенскаго, а въ третіемъ Аѳанасія «Рождественскаго. И Посадникъ Михаилъ Даниловичь самъ жребія ме-

«тавъ, и положиша на престолѣ у Св. Софіи... И начаша Іереи Собо-«ромъ пѣти Литургію, а Новогородцы стояша на Вѣчѣ у Св. Софіи... И «Протопопъ Исмаиль вземъ изнесе на Вѣче жребій Аѳанасіевъ, потомъ «Пароѳніевъ, а Іоанновъ оста на престолѣ.. И возлюбиша вси Богомъ «избранна мужа, блага и кротка, и народъ весь отъ мала и до велика «течаху на Хутыню, и пояша его и возведоша на сѣни во Владычень «Дворъ, и Архіепископ. Алексій благослови его во свое мѣсто, на Вознe-«сеніе Господне, Маіа въ 7 день». Во Псковѣ сооружена кам. церковь Рождества Хр. въ Домантовой стѣнѣ. Авг. 15 Пименъ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Рязанск. Епископа Ѳеогноста. Скончался Коломенскій Владыка Герасимъ. «Окт. въ 26 въ полуноши въздвижеся угь «(южный) вѣтръ, и внесе ледъ въ Волховъ изъ озера, и вышибе изъ «велик. моста 9 городень.... Пріѣхаша поклонщики съ Москвы отъ Пи-«мена Митрополита звати Іоанна на поставленіе. Дек. въ 8 пойде Іоаннъ, «а съ нимъ Посадн. Василей Ѳедоровичь, Тысяцк. Есипъ Фалелеевичь, «Іевъ Абакуновичь, Тимоѳей Ивановичь и иныхъ много Бояръ, и паки «пріидоша на Москву Генв. въ 10». (По *Никон.* будто бы пріѣзжали въ Москву послы отъ Папы—о чемъ нигдѣ не говорится—и въ Новѣгородѣ былъ моръ).—Въ 1389 году «поставленъ бысть Іоаннъ Архіеп. въ пре-«именитѣй церкви Св. Архистр. Михаила Генв. въ 17, въ Недѣлю; а на «поставленіи былъ Смоленскій Владыка Михаилъ, Звенигородскій Данило, «Сава Сарайскій и Ѳеогностъ Рязанскій; и въ той день створиша праз-«дникъ свѣтелъ при Князи Великомъ Дм.; а въ Новгородъ пріиде Февр. «въ 8, и срѣтоша его Игумены и вси Іереи со кресты, и Посадн. Васи-«лей Ивановичь, и Тысяцк. Григорей». Генв. 18 у Кн. Владиміра Андр. родился въ Дмитровѣ сынъ Ярославъ-Аѳанасій. Пріѣхалъ въ Россію за милостынею Трапезунтскій Митрополитъ Грекъ Ѳеогностъ. Въ Вербную Недѣлю Пименъ Митрополитъ поставилъ Павла, бывшаго Архимандрита Рожественскаго монастыря въ Владимірѣ, Епископомъ на Коломну. Весною, послѣ Св. Недѣли, опасно занемогъ сынъ Вел. Князя, Юрій, но скоро выздоровѣлъ. «Бысть моръ во Псковѣ» (съ Мясопустной недѣли до Петрова дня) «яко же не бывалъ таковъ; а знаменіе желѣзою и хар-«каніемъ кровью; и ѣздилъ Владыка Іоаннъ въ Псковъ, и благослови «градъ и *Князя Ивана Андреевича*, и молитвою его преста моръ... и про-«сиша Псковичи Іереевъ ко церквамъ, которые Іереи ходятъ безъ цер-«квей... Тогда бысть и въ Блудкинѣ городкѣ моръ и по всему Залѣсью «желѣзою». Въ Новѣгородѣ Посадникъ Григорій соорудилъ кам. церк. Покрова на воротахъ; на Лисьей горкѣ срубили деревянную Рожд. Богоматери, а другую на Сокольей горкѣ Св. Николая, гдѣ и монастырь учредили. 10 Маія, ввечеру, затмѣніе луны; кончилось передъ утреннею зарею. (По *Никон.* моръ въ Новѣгородѣ).

(138) Борисъ уже не засталъ Тохтамыша въ Сараѣ, догналъ его на пути, и ѣхалъ съ нимъ 30 дней. Ханъ велѣлъ ему возвратиться въ Сарай отъ мѣста называемаго Уруктанъ. — Въ *Никон. Лът.:* «Князь Бо-«рисъ приде» (въ 1390 или 1391 году) «отъ Царя въ свою отчину, въ «Новгородъ Нижній, съ пожалованіемъ».

(139) «Князь же Володимеръ оъ сыномъ своимъ, со Княземъ Ива-«номъ, и съ Бояры поѣха въ свой Серпоховъ, и оттуду въ Торжекъ, и «тамо пребысть въ Теребеньскомъ (селѣ) дондеже умиришася» (зимою, послѣ Крещенія).—Договорная Владимірова грамота съ Василіемъ напечатана въ *Собр. Государств. грамотъ*, I, 62. Тамъ сказано: «Дати ти, «брате, мнѣ, Князю Великому, съ своее отчины въ пять тысячь рублевъ «триста рублевъ и двадцать рублевъ, а съ Растовця, и съ Перемышля, «и съ Козлова броду взяти ти собѣ въ то же серебро: а съ Волока ти

«дати мнѣ въ пять тысячь рублевъ сто рублевъ и семдесятъ рублевъ; а «что прибудетъ или убудетъ, ино ти дати по розочту... Аци какимъ дѣ- «ломъ отоймется отъ тобе Ржева, и дати ми тобѣ во Ржевы мѣсто Яро- «полчъ, да Медуши; а искати ны Ржевы, а тобѣ съ нами съ одиного. «А что Ординская тягость и Коломенскій посолъ, коли еси былъ въ «своей отчинѣ, а то намъ по розочту; а Володимерскіи послы, какъ ты «выѣхалъ изъ своей отчины, а тотъ ти проторъ *не надобъ;* а найду собѣ «Муромъ, или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти *проторъ не надобъ.* А «что тобѣ Богъ дастъ иныхъ мѣстъ опричь Мурома и Торусы, а тотъ «проторъ намъ не надобѣ. А коли намъ взяти на своихъ Боярехъ на «путныхъ, и тобѣ взяти на своихъ Боярехъ на десяти; а въ городъ намъ «послати своихъ Намѣстниковъ и тобѣ своего Намѣстника... А которая «дѣла учинятся межи нами, и намъ отослати своихъ Бояръ, иии пере- «говорятся; а о чемъ сопрутся, ини ѣдутъ на третій, кого собѣ избе- «руть; а котораго Князя Боаръ умолвятъ, тотъ Князь подъиметъ» (т. е. котораго Князя Бояръ обвинятъ, тому и платить убытки) «а Бояромъ «вины нѣтъ. А закладни ны въ городѣ не держати; а съ дворомъ чело- «вѣка въ городѣ не купити, а блюсти ихъ съ одиного: а въ наше не- «любье наши Бояре намъ служили, а твои Бояре тобѣ служили... на «нихъ нелюбья не держати»... Къ сей грамотѣ привѣшены три восковыя печати. Городъ Ржева или нынѣшній Ржевъ принадлежалъ отчасти Московскимъ Князьямъ, отчасти Тверскимъ.

(140) «Прислаша Новогородци къ Вел. Князю послы своя, Юрія «Симеоновича, Аврама Внука, Кирила Адріановича, и докончаша миръ «по старинѣ».

(141) «Тое же осени (въ 1390 г.) Бояре Вел. Князя пріѣхаша въ «Новгородъ изъ Нѣмецъ со Княжною Софіею, съ Витовтовою дщерію... «и стояша на Городищи, и поѣхаша къ Москвѣ, и пріидоша съ нею къ «Москвѣ Дек. въ 30 день». См. выше, примѣч. 113. Линденблатъ пи- шетъ, что Витовтъ отправилъ дочь свою въ Россію изъ Данцига на ко- раблѣ; что въ семъ же году искали убѣжища въ Пруссіи наши Князья, изгнанные Литовскимъ: *Иванъ*, съ женою и дѣтьми, и *Іоргъ* von der Beise; что Магистръ Нѣмецк. Ордена долженъ былъ въ 1391 г. послать къ Витовту *Короля* Смоленскаго, находившагося аманатомъ въ Маріен- бургѣ: вѣроятно, К. Глѣба Святославича: см. выше, стр. 101, г. 1387.

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года: Въ одной лѣтописи сказано: «Къ В. К. Витовту въ Нѣмцы, въ Маріинъ «городокъ (Маріенбургъ) пріидоша послы изъ града Москвы, просяще «дщери его за В. К. Василья Дмитріевича. Витовтъ же даде дщерь свою «Княжну Софью за В. К. Московскаго, и отпусти ю изъ града изъ Ма- «ріина, а съ нею посла Князя *Монтивичаз* (Іоанна Олгимунтовича Голь- шанскаго: см. Хронику Стриковскаго, кн. XIII, гл. 8) «изъ града Гдан- «ска, и поидоша вси корабли за море, и пріидоша ко граду Пскову. «Псковичи же великіе чести воздаша имъ и проводиша до Новагорода. «и Новогородци же паки имъ честь воздаша, и проводиша до Москвы. «Княжь же Великій Василій противу ихъ послалъ братію свою, К. Ан- «дрея Владиміровича и К. Юрія Димитріевича, и иныхъ многихъ Кня- «зей и Бояръ, и срѣтоша Княжну Софію съ великими честьми. Тогда «Митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ Освящен. Соборомъ срѣтили честно «со кресты предъ градомъ Москвою, и сотвори бракъ, и вѣнчали Вел. «Князя съ Вел. Княгинею Софіею, и бысть бракъ чюденъ».

(142) См. о Вяткѣ сей Исторіи Т. III, отр. 36. «Въ лѣто 6899 «(1391) Тохтамышъ посла Царевича своего, именемъ Бектута, на Вятку «ратью».

(143) «На Тохтамыша Царя прiйде инъ Царь силенъ отъ Самар-«кандскiя» (въ другихъ спискахъ: отъ *Шамахiйскiя*, *Шамахинскiя*) «земли, «и бысть сѣча велика; а Князь Василей Дмитрiевичь утече отъ Царя «за Яикъ, и прiйде на Москву; и послѣ прiйде изъ Орды посолъ Уланъ «Царевичь, и посади Князя Вас. Дмитр. на Великое Княженiе». Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сiе извѣстiе отнесено къ первому году Василiева государствованiя; но онъ былъ только однажды у Тохтамыша, и Царевичь Уланъ посадилъ его не на Московскiй, а Нижегородскiй престолъ (см. *Книгу Степен.* I, 518).

(144) *Никон. Лът.* IV, 239: «Князя Бориса Константиновича и съ «женою его и съ дѣтми, и доброхотовъ его повелѣ (Великiй Князь) по «градомъ розвести и вериги желѣзными связати». Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано здѣсь: «Князь Василiй Московскiй ходилъ ратью въ Нижнiй Новгородъ на Князя Семена» (племянника Борисова); а послѣ говорится о бѣгствѣ Семена съ братомъ Василiемъ Кирдяпою въ Орду. Въ *Никон. Лът.* прибавлено, что Великiй Князь, исполняя повелѣнiе Ханское, вторично ѣздилъ тогда въ Орду. Главная современная лѣтопись Василiева княженiя есть *Троицкая*, гдѣ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ вторичномъ путешествiи.

(145) Въ *Троицк. Лът.* «въ лѣто 6902 (1394) Индикта 2, Мая въ «шестой день, по Велицѣ дни на четвертой недѣли въ Среду, преставися «Князь Великiй Борисъ Костянтиновичь, и положенъ бысть къ Суждалѣ, «въ своей отчинѣ... Въ Петрово говѣнье Кн. Василiй Дмитрiевичь Суж-«дальскiй, да братъ его Кн. Семенъ, побѣгоша изъ Суждаля къ Ордѣ «зѣло вскорѣ, и гонишася за ними, и не могоша постигнути... Тое же «осени Князь Семенъ Суждальскiй прiйде ратью къ Новугороду Нижнему... «а люди затворишася въ городѣ; а Воеводы бяху у нихъ Володимеръ «Даниловичь, Григорей Володимеровичь, Иванъ Лихорь: и бысть имъ бой «по три дни... и взяша миръ: Христiане крестъ цѣловаша, а Татарове «по своей Вѣрѣ... и Татарове створиша лесть, а клятву приступиша: «пограбиша всѣхъ Христiанъ... а Князь Семенъ глаголаше: не азъ есмь «створивый се, но Татарове... И тако Татарове Новгородъ взяша Окт. «въ 25 день, и пребыша ту со двѣ недѣли, дондеже услышаша, што «Князь Великiй идетъ на ня... и побѣжаша.

(146) «Тое же осени (1401) Князь Великiй посылалъ рать искати «Княгини Семеновы, а Воеводы бяху у нихъ Иванъ Андреевичь Уда. «да Ѳедоръ Глѣбовичь, и идоша на Мордву, и наѣхаша ю въ Татарьской «землѣ на мѣстѣ Цибирца, и ту изнимаша Княгиню Семенову Александру «у Св. Николы... и приведоша на Москву и съ дѣтьми, и пребысть на «дворѣ Бѣлевутовѣ... Князь Семенъ Суждальскiй (въ 1402 г.) сослався «со Княземъ Великимъ и прiѣха изъ Орды на Москву, и возма миръ, и «поѣха на Вятку... и тое же зимы, Дек. въ 21, преставися... 8 лѣтъ слу-«живый по ряду въ Ордѣ не почивая четыремъ Царемъ: Тохтамышу, «Темиръ-Аксаку, Темиръ-Кутлую и Шадибеку, а все поднимая рать на «Князя Великого, како бы налѣсти свое Княженье... Тое же зимы (1403) «преставися Князь Василiй Дмитрiевичь Суждальскiй, иже на Городцѣ «былъ... Того же лѣта (1416) прiѣхали къ Велик. Князю на Москву «Князи Новогородскiе, К. Иванъ Васильевичь и К. Иванъ Борисовичь, «а сынъ его Александръ напередъ его прiѣхалъ за 2 года... Въ лѣто «6925 (1417) мѣс. Iуля преставися Князь Великiй Нижнего Новагорода «Iоаннъ Васильевичь на Москвѣ и положиша его въ церкви Архангела «Михаила. Того же лѣта прiйде на Москву къ Вел. Князю Князь Данило «Борисовичь Новогородскiй... Въ лѣто 6926 (1418) Князь Данило Бори-«совичь съ братомъ Иваномъ Новогородскiе бѣжаша съ Москвы... Тое

«же зимы Князь Великій отдасть дщерь свою Василису за Князя Але«ксандра Ивановича Суждальского въ Недѣлю отъ Фарисей». См. ниже примѣч. 254, подъ годомъ 1418. Братъ Даніиловъ, Князь Іоаннъ, прозывался *Тугой Лукъ*. Гробъ его въ Нижегородскомъ Соборѣ.

(147) Въ *Новогород. Лѣт.*: «Февр. въ 11 день (г. 1392) пріѣха Ми«трополитъ въ Новгородъ, а съ нимъ Владыка Рязанскый, и Архіепис«копъ Иванъ стрѣте его со кресты въ ризахъ у Св. Спаса на Ильинѣ «улицѣ, и Митрополитъ вшедъ во Св. Спасъ съ Владыкою своимъ и съ «Архимандритомъ Нижняго Новагорода, *окрутившася* по своему сану въ «ризы; и идяше Митрополитъ пѣшъ отъ Св. Спаса сквозѣ торгъ черезъ «Великій мостъ къ Св. Софіи; предъ нимъ идяху Поддьяци его, въ ру«кахъ дръжаща свѣща горяща; и вшедъ въ Св. Софію, Литургію съверши. «По Литургіи выде изъ олтаря Митрополитъ, вземъ крестъ въздвизаль«ный, и взыде на амбонъ, и нача учити люди велегласно во всю цер«ковь; они же слушаша словесъ его, и пріяша собѣ въ сердце, и даша «ему подворье, многыя двора у Св. Ивана Предтечи на Чюденцевѣ «улици... Митрополитъ другую Литургію свръшилъ во Св. Николѣ на «Княжѣ Дворѣ, а третью на Соборъ во Св. Софіи; и *потомъ* нача у Но«вагорода суда прошати. и Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь и Тысяцкій «Микита Ѳедоровичь и вси Новогородци отвѣщаша едиными усты». и «проч... «и онъ поѣхалъ по Сборѣ на третій день». Въ *Никон. Лѣт.* многое не такъ.

(148) Въ *Троицк. Лѣт.* прибавлено: «Таковъ бо есть обычай Ново«городцевъ часто *правяютъ*» (присягаютъ) «ко Князю къ Великому, и «паки *рагозятся*» (ссорятся) и не чудися тому: бѣша бо человѣци су«рови, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого отъ Князь не прогнѣ«ваша? или кто отъ Князь угоди имъ, аще и Великій Александръ Яро«славичь не уноровилъ имъ?... и аще хощеши распытовати, разгни книгу, «Лѣтописецъ великій Русьскій, и прочти отъ Великаго Ярослава и до «сего Князя нынѣшняго... Тое же весны (г. 1393) въ самый Великъ день «сшедшеся нѣціи отъ Новогородцевъ, Вѣчници, крамольници, сурови «человѣци, свѣрѣпіи людіе, убиша Максима, мужа благовѣрна... и Князь «Великій разгнѣвася яростью великою зѣло... и повелѣньемъ Князя Ве«ликого казниша ихъ казнью различною, по единой комуждо ихъ усѣ«кающе имъ руцѣ и нозѣ», и проч.

(149) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Новогородци, собравше воя многи, водою въ «судѣхъ множьство насадовъ и ушкуевъ пришедше съ Двины ратью, взяша «градъ Устюгъ весь и огнемъ пожгоша, и церковь чудную Сборную «разграбиша, и множьство злата и сребра, еже есть въ ней, кузнь иконы «Св. Богородицы, то все одраша, и стояша мѣсяцъ въ одиномъ мѣстѣ. «на Устюзѣ и въ Юзѣ воююше, а люди изъ лѣсовъ выводяце... И въ то «время взяше Бѣлоозеро градъ и села», и проч. Въ *Новог. Лѣт.*: «Нов«городци охвочая рать» (охотники или вольница) «выѣхаша волости вое«вати, а съ ними два Князя... и Воеводы Новгородскыя Тимоѳей По«садникъ Юрьевичь, Юрьи Онцифоровичь, Василій Синецъ, Тимоѳей «Ивановичь, Иванъ Александровичь, и взяша Кличенъ городокъ и «Устюжно; а изъ Заволочья Новгородци съ Двиняны взяша Устюгъ «градъ... И Новгородци, не хотя видѣти кровопролитья больше, послаша «къ Великому Князю съ челобитьемъ о старинѣ, а къ Митрополиту «грамоту цѣловальную... и Кипріянъ вземъ грамоту, рече: не буди на «васъ сего грѣха... Тогды же пріѣхаша послы отъ Вел. Князя, Ѳедоръ «Кошка Андреевичь, Иванъ Уда и Селиванъ, и подкрѣпиша миръ... и «Новгородци даша 350 рублевъ Князю и Митрополиту, что благословилъ «Владыку Іоанна и всь Новгородъ; а за кимъ Княжьчины, а тѣ цѣло-

«вали къ Великому Князю, Княжьчинъ имъ не таити; а то цѣлованіе «было въ Филипово говѣнье... Прiѣха изъ Царяграда отъ Патріарха «Антонія Виѳіомскый Владыка Михаилъ и привезлъ Новугороду 2 гра«моты, поученіе Крестьяномъ» (въ *Никон. Лѣт.*: «о проторехъ, иже на «поставленіяхъ священныхъ)... А отъ Митрополита Кипріяна Бояринъ «его Дмитрій прiѣхалъ (въ 1394 году), прошать сребра, 350 рублевъ, что «ѣздилъ Кюръ Созоновъ, да Василій Щечкинъ въ Царьградъ къ Патріарху «посломъ и скопилъ долгы, и Новгородци даша Дмитроку то сребро». Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Новгородцы заплатили Кипріяну 600 рублей, а послу 350 рублей, можетъ быть за вышеупомянутый долгъ Цареградскій. О Новогородскихъ послахъ въ Грецію сказано въ другомъ мѣстѣ: «Новогородци послаша къ Патріарху просити благословенія, и Патріархъ «имъ тако рекъ: повинуйтеся Митрополиту Русьскому во всемъ».

(150) Темиръ или Тимуръ значитъ на Турецкомъ языкѣ *желѣзный*, а Ленкъ *хромый:* Европейцы изъ сихъ двухъ именъ составили имя *Тамерлана* въ Русскихъ лѣтописяхъ называемаго Темиръ-Аксакомъ. Вотъ басня о его происхожденіи, внесенная въ нѣкоторыя изъ сихъ лѣтописей: «О семъ убо Темирѣ повѣдаша нѣціи, яко исперва не Царь бѣ, ни «сынъ Царевъ, ни племени Княжеска, ни Боярска, но отъ простыхъ ни«щихъ людей, отъ Заяицкихъ Татаръ, отъ Самарханьскія (Самаркандскія) страны, отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными Враты; ремесствомъ же бѣ кузнецъ желѣзный, нравомъ же хищникъ и злодѣйственъ. «Прежде же былъ рабъ, его же злонравія ради отверже отъ себе господинъ; онъ же, не имѣя чимъ питатися, крадяше. Еще бо ему младу «сущу, и украде у нѣкоего овцу; онъ же ятъ его и преломи ему ногу «и бедру на двое, и онъ же прекова себѣ ногу свою пребитую желѣзомъ, «и хромаше, и того ради прозванъ бысть *Темиръ-Аксакъ*, иже толкуется *желѣзный хроменъ*... и бысть разбойникъ лютъ, и совокупившись къ нему мужи и юноши жестоци, егда ихъ бысть числомъ яко сто, и нарекоша «его надъ собою старѣйшину разбойникомъ; а егда же бысть ихъ и до «тысящи, тогда уже называху его Княземъ; егда же и многи земли по«плѣни, и страны, и Царства поималъ, тогда убо Царя его именоваху... «а се имена землямъ: Чагодай, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя Орда, «Ширазъ, Испагань, Орначь, Гилянь, Сизъ, Шибранъ, Шамахи, Савасъ, «Арзунумъ, Тефлизи, Тевризи, Гурзустани, Обези, Гурзіи (Грузія), Баг«дадъ, Темирь-Кабы, рекше Желѣзныя Врата, и Асурію и Вавилоньское «Царство, и Іерусалимъ, и Севастію, и Арменію, и Дамаскъ Великій, «и Сарай Великій поплѣни».

Извѣстія, сообщаемыя здѣсь о Тамерланѣ, взяты нами изъ Эрбелотовой Bibliothéque Orientale и Histoire de Timur Bec (т. е. Тимура *Князя*), connu sous le nom du Grand Tamerlan, сочиненной на Персидскомъ языкѣ Шерефеддиномъ Али, Писателемъ современнымъ, и переведенной Гм. Пети де-ла-Круа.

(151) Histoire de Timur-Bec, I, 203—и III. 10.

(152) Histoire de Timur-Bec, III, 259. Сіе письмо украшено всѣми цвѣтами Восточнаго краснорѣчія. Назвавъ Баязета матросомъ, Тамерланъ говоритъ: «корабль твоей безмѣрной гордости носится въ пучинѣ «твоего самолюбія: подбери же парусы своей дерзости и брось якорь «раскаянія въ пристани искренности, да буря нашей мести не погубитъ «тебя въ морѣ наказанія!»

(153) Histoire de Timur-Bec, II, 127 и 355.

(154) См. выше, стр. 120. Вопреки Татищеву, до сего времени нигдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ не упоминалось о *Князьяхъ Елецкихъ*.

Родъ ихъ по *Родословной Книгѣ* начинается съ сего Ѳедора, можетъ быть Юріева сына.

(155) *Древн. Лѣт.* II, 270: «и тако на мнозѣ *благодареніе* приносяще», и проч.

(156) Hist. de Timur-Bec, II, 363. Шерефеддинъ пишетъ здѣсь несправедливо, что Тамерланъ, завоевавъ всю Россію, взялъ и столицу ея, Москву.

(157) Въ *Троиц. Лѣт.:* «мѣсто то было тогда на *Кучковѣ полѣ*, «близъ града Москвы на самой на велицѣй дорозѣ Володимерьской.» Въ *Никон.* и въ *Древн. Лѣт.* разсказывается, что въ тотъ самый день и часъ, когда жители Московскіе встрѣчали икону Маріи, Тамерланъ дремалъ въ шатрѣ своемъ и видѣлъ сонъ ужасный: «высокую гору и съ ея «вершины идущихъ къ нему многихъ Святителей съ золотыми жезлами: надъ ними, въ сіяніи лучезарномъ, явилась жена, благолѣпія и величія неописаннаго, окруженная тмами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ грозно устремились на Тамерлана. Онъ затрепеталъ, проснулся, и созвавъ Вельможъ, спрашивалъ о смыслѣ такого сновидѣнія. *Сія величественная жена* — отвѣтствовали мудрѣйшіе изъ нихъ — *есть Богоматерь, защитница Христіанъ*. И такъ мы не одолѣемъ ихъ, сказалъ Монархъ Чагатайскій, и велѣлъ полкамъ своимъ итти обратно».

(158) Andreas de Redusiis de Quero, въ Chron. Tarvasiano, въ Муратори Script. Rerum Italicarum, T. XIX, стр. 802 — 805. Сей Андрей (*) говорилъ съ двумя купцами Венеціянскими, изъ коихъ одинъ былъ въ станѣ у Тамерлана, а другой лишился тогда въ Азовѣ трехъ сыновей и двѣнадцати тысячъ червонцевъ.—Далѣе см. Hist. de Temur-Bec, T. II, 379.

(159) Въ нашихъ лѣтописяхъ сей послѣдній именуется Темиръ-Кутлуемъ.

(160) Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано, что онъ прежде крестился въ Вѣру Греческую, а послѣ сдѣлался Католикомъ. Далѣе см. Стриковск. Хроник. (кн. XIV, гл. 2).

(161) Стриковскій называетъ сего Игумена или Архимандрита Печерскаго Намѣстникомъ Митрополита (кн. XIV, гл. 2).

(162) Сриков. кн. XVI, гл. 2 и 3. Подолія, какъ говоритъ сей Историкъ, два раза была завоевана, Ольгердомъ въ 1339 году и Витовтомъ въ 1395, при двухъ Ѳеодорахъ Коріятовичахъ, въ ней княжившихъ. Витовтъ продалъ оную Королю Ягайлу за 200,000 коп., или за 40,000 червонцевъ, а Ягайло Пану Степку; но когда Татары убили сего Пана, Витовтъ за ту же цѣну опять взялъ Подолію себѣ. Поляки снова овладѣли ею по смерти Витовта.—Далѣе см. также Стриков. кн. XIV, гл. 2.

(163) Сриков. кн. XV, гл. 7: «Витолду (Витовту) первая жена Анна, «Князя Свантослава (Святослава) Смоленскаго дщерь, иже его изъ за- «ключенія свободила». См. выше, въ описаніи 1387 года.

(164) Стриков. кн. XIV, гл. 4. Смоленскъ былъ взятъ Сент. 28, во Вторникъ.

(165) Въ *Родословныхъ Книгахъ:* «И приступиша къ нему (Витовту) «вси Князи пограничные съ вотчинами своими, отъ Кіева даже и до «Ѳоминского приложишася къ Великому Князю Витовту». О Великихъ Лукахъ и Ржевѣ см. ниже, примѣч. 97 и 386, подъ годомъ 1436. Далѣе см. Стриков. кн. XIV, гл. 4.

(166) «Тое же весны за 2 недѣли до Велика дни Князь Великій «поѣха въ Смоленскъ, тако же и Кипріянъ Митрополитъ, и былъ у «Витовта и на Великъ день поставилъ Насона Епископомъ въ Смоленьскѣ».

(*) Исправлено по собственному выземпляру Историографа.

(167) «О Покровѣ Витовтъ приде ратью на Рязань».

(168) «Пріѣха въ Новгородъ Митрополитъ съ Патріаршимъ посломъ «вь Великій постъ и запроси суда, и Новогородци суда ему не даша», (а въ *Никон. Лѣт.* говоритъ: *даша*) — «и онъ пребылъ весну всю въ Но«вѣгородѣ и до Петрова говѣнья». Князь Василій Іоанновичь Смоленскій и Патрикій Наримантовичь пріѣхали къ Новогородцамъ въ 1397 году.

(169) «Тое же. осени (1391) послаша Новгородци на съѣздъ съ «Нѣмцы въ Изборескъ Посадниковъ Василія Ѳсодоровича, Ѳеодора Ти«моѳеевича и Богдана Аввакумовича, и Тысяцкаго Іосифа Фалалеевича. «и Василія Борисовича; а Нѣмецкіе послы пріѣхаша изъ заморья, изъ «Любка, Готского берега, изъ Риги, Юрьева, Колываня, и смиришася, «и пріѣхавше въ Новгородъ тѣ же послы Нѣмецкіе, и товаръ свой «поимали и крестъ цѣловали, и начаша дворы ставити вновь: зане бяше «по семи годовъ немиръ». См. также Сарторія Gesch. des Hans. Bundes, II, 461.

(170) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 328. Въ *Новогород. Лѣт.* «Попа Іоанна: «Насла Князь Великій на Двину Бояръ своихъ, Андрея «Албердова съ другы, ко всей Двинской свободѣ, и повѣтствуя тако: «чтобы есте задалися за Князь Великій... и онъ хощетъ васъ отъ Нова«города боронити... И Двиняне, Иванъ Микитинъ, и Бояре Двинскія и «вси Двиняне за Великій Князь задалися... и Князь Великій на крест«номъ цѣлованіи у Новагорода отъялъ Волокъ Ламьскій. Тръжекъ и Во«логду и Бѣжитьцкій Връхъ, и къ Новугороду цѣлованіе сложилъ, и «крестную грамоту скинулъ; а Новгородци грамоту крестную Князю «Великому скинули. И посемъ присла Митрополитъ въ Новгородъ Столь«ника своего Клименьтіа къ Владыцѣ, а повѣтствуя тако: зоветь тя на «Москву отецъ твой Митрополитъ о Святительскыхъ дѣлѣхъ... И Посад«никъ и весь Новгородъ биша челомъ Владыцѣ, чтобы еси Князю Ве«ликому слово добро подалъ за свои дѣти... и послаша съ Владыкою «Посадника Богдана Обакуновичь, Кирилу Дмитріевичь и Житьихъ лю«дей... И Владыка рекъ Князю Великому, чтобы еси, господине сыну, «отъ Новагорода, отъ своихъ мужій отъ волныхъ, нелюбіе бы еси отло«жилъ .. а что еси отъ Новагорода отнялъ, того бы еси ступился... *а про «вончій* (общій) *судъ на порубежьи, а то, отложилъ бы еси, зане то не «старина*». Новгородцевъ надлежало по договорнымъ грамотамъ судить въ Новѣгородѣ; а Василій Димитріевичь, какъ видно, учредилъ судиться имъ общимъ судомъ на границѣ, въ случаѣ, когда подданные Великокняжескіе приносили на нихъ жалобу.

(171) См. сей *Исторіи* Т. Ш, примѣч. 186, и *Лѣт. Архан.* стр. 98. Въ *Лѣт. Новогород.* сказано, что рать Новогородская состояла только изъ 3000. Далѣе: «По Велицѣ дни на веснѣ Новогородци ркоша Вла«дыцѣ: не можемъ сего насилія трѣпѣти отъ своего Князя Великого... «Воеводы же Новогородскіи, Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, Посадники «Юрьи Дмитріевичъ и Василій Борисовичь поидоша на Двину къ городку «Орлецу, и срѣте ихъ съ Вели Владычнь Волостель Исаіа, рекъ тако: «господо Воеводы! наѣхавъ Князя Великого Бояринъ Андрей съ Іоан«номъ съ Микитинымъ и съ Двиняны на Св. Софіи волость, на Вель, въ «самъ Великъ день, и повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ «Княза Великого пріѣхалъ въ засаду на Двину Князь Ѳедоръ Ростовь«скій, городка блюсти и судити; а Двиньскыи Воеводы, Иванъ и Кононъ, «съ своими другы волости Новогородскіи и Бояръ Новогородскихъ по«дѣлиша себѣ на части», и проч. — Въ *Архангѣльск. Лѣт.*: И Воеводы «Новогородскія послаша рати 3000, и воеваша волости Галическія, а на полону окупъ имаша, а иной такъ пометаша, на комъ нечего взяти, а

«у Устюжанъ съ города и съ церквей *копейщины* просиша, и они имъ «не дали, и Воеводы Новогородскія разгнѣвашася, да церковь Соборную «Пречистые пограбиша, а икону чудотворную Одигитріе взяша въ по- «лонъ, и несше въ насадъ, и насадъ отъ берегу не пойде. Единъ Ляпунъ «старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: никой «полоняникъ не связанъ на чужую землю нейдетъ. И пойдоша прочь, «а церковь Соборную зажгоша, и пойдоша внизъ по Двинѣ воюючи къ «Орлецу, и стояша 4 недѣли, и поставиша пороки; и вышедше Двиняне «изъ Орлеца, и добиша челомъ... и Новогородцы не любіе имъ отдаша «по Владычню наказу; а Воеводъ Заволочскихъ, Ивана и Конона, съ «дружиною ихъ изымаша, а иныхъ смертью казниша, а Ивана и братью «его Айфала и Герасима и Родіона, сковавше, съ собою поведоша къ «Новугороду... а у Князя Ѳедора Ростовскаго присудъ и пошлины пои- «мали, а у гостей Князя Великаго взяли съ него окупа 300 рублевъ... «и поидоша къ Новугороду, и бысть на нихъ гнѣвъ Божій.. начало имъ «корчити руки и ноги, и хребты имъ ломити, и мало ихъ пріидоша здо- «ровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть; и возбрани на «нихъ Владыка Іоаннъ, и рече Воеводамъ: оже есте церковь Божію (въ «Устюгѣ) обезчестили... и повелѣ имъ поставити церковь Соборную на «Устюзѣ и чудотворныя иконы отвезти со всею крутою» (окладами) «и съ «полономъ назадъ... И сотвориша обѣтъ, иконы поставиша во Св. Софеи, «и пѣвше молебны, и бысть имъ милость отъ Бога; и Владыка обѣщася «и постави церковь каменну на воротѣхъ, Воскресеніе Христово».

(172) Въ лѣтописи Попа Іоанна: «Въ лѣто 6907 (1399) Князь Витовтъ «присла въ Новгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчествовали мя «есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ Княземъ Вели- «кымъ быти, а васъ мнѣ было боронити: и вы за мене не ялися». — Въ *Новогород. Лѣт.*: «сѣде на Княженіе въ Литвѣ Князь Витовтъ, и Ново- «городци (въ 1393 г.) взяша съ нимъ миръ по старинѣ».

(173) См. *Никон. Лѣт.* г. 6905, а въ *Троицк.* г. 6906 или 1398.

(174) См. Стриков. кн. XIV, гл. 4 и 5 — Нарушевича *Таврикію* стр. 110 — Длугоша Hist. Pol. кн. X, стр. 153, и Кромера кн. X.

(175) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же зимы (въ 1398 г.) Княгиня Вели- «кая Софія ѣздила въ Смоленскъ къ отцу своему и къ матери съ дѣтьми «и съ Бояры и съ Боярынями, и пребывше въ Смоленскѣ 2 недѣли... «принесе оттуду многіе иконы окованныя златомъ и сребромъ, еще же «и часть честныхъ Страстей Спасовыхъ, еже бяху въ Смоленскѣ были «давно принесены отъ Царягорода». О разореніи Нижняго см. выше, стр. 132. По *Троицк. Лѣт.* и другимъ Симеонъ взялъ Нижній въ 1399 году, а по нѣкоторымъ еще въ 1395: первое лѣтосчисленіе достовѣрнѣе.

(176) Въ *Троицк. Лѣт.*: «взяша градъ *Болгары*, Жукотинъ, Казань, «Кременьчукъ». Въ *Ростов. Лѣт.*: «взяша градъ Болгарскій *Великій*:» слѣдственно *Великимъ* назывался городъ Болгары, коего развалины донынѣ извѣстны. — Герберштеинъ въ своихъ извѣстіяхъ о Москвѣ говоритъ, что завоеваніе Болгаріи было достопамятнѣйшимъ дѣломъ Василія Димитріевича.

(177) Въ *Троицк. Лѣт.*: «азъ тя посажу въ Ордѣ на Царствѣ, а ты «мя посадишь на Княженьи на Великомъ на Москвѣ».

(178) Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 156.

(179) См. *Никон. Лѣт.*

(180) На примѣръ, Тамерланъ требовалъ подобной же чести отъ Монарховъ, имъ побѣждаемыхъ (Hist. de Timur-Bec).

(181) Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 157.

(182) Въ *Псковск. Лът.*: «Того же лѣта (1393) Князь Андрей Олгер«довичь пріѣха изъ Литвы, убѣжавъ отъ братьи изъ нятья Іюля въ 18». Андрей оставилъ во Псковѣ сына, именемъ Іоанна, который въ 1400 году выѣхалъ оттуда, *сложивъ крестное цѣлованіе*. Іоаннъ Борисовичь есть, кажется, Іоаннъ Ольшанскій, бывшій Намѣстникъ Витовтовъ въ Кіевѣ. Въ *Новог. Лът.*: «убиша всихъ Князеи именитыхъ 74... Татарове же по«идоша по нихъ біюще на 500 верстъ до Кіева, а съ Кіева окупъ взяша «500 рублевъ» (въ другихъ подробнѣйшихъ означено *три тысячи*) «и «Намѣстникы свои посадиша... Былъ Князь Витовтъ преже Христіанинъ, «а имя ему Александръ, и отъврѣжеся Христіанства, и пріа Лядскую «Вѣру».

(183) Преставленіе Михаила Александровича описано кѣмъ-то по желанію Владыки Кирилла. Сей Князь занемогъ 15 или 16 Августа, постригся 20 Авг., и скончался 26 числа того же мѣсяца (см. *Лът. Никон.*, *Ростов.* и другія). Далѣе: «Тое же зимы (1397 г.) К. Іоаннъ Ми«хайловичь Тферскій, зять Кестутіевъ, ѣздилъ въ Литву къ шурину сво«ему, и со Княгинею и съ дѣтми». См. выше, примѣч. 137, годъ 1375.— Между рукописями, находящимися въ Императорской Библіотекѣ, есть *списокъ* договорной грамоты К. Михаила Тверскаго съ В. К. Василіемъ Димитріевичемъ. Она такъ начинается: «*Божіею милостію*... по благо«словенію отца нашего, Кипріяна Митрополита». Далѣе: «А имуть вамъ» (Тверскому Князю и сыновьямъ его) «Татарове давати нашу отчину «Москву, Великое Княженіе и Великій Новгородъ, и вамъ ся не имати «за нашу отчину, ни тобѣ, ни твоимъ дѣтемъ, ни братаничемъ... А быти «намъ на Татары и на Литву, и на Нѣмци, и на Ляхи заодинъ; а пой«детъ на насъ Царь ратію, а всяду на конь самъ, и тобѣ, брате, по«слати ко мнѣ на помочь свои два сына, да два братанича, а сына ти «одного у собе оставити; а поидутъ на насъ Литва, или Нѣмци, или Ляхи, «и тобѣ послати дѣти свои и братаничь на помочь». Замѣтимъ, что слова: *Божіею милостію*, не встрѣчаются въ Архивскихъ грамотахъ до 1433 года (см. выше, стр. 32); древнѣйшія обыкновенно такъ начинаются: «по благословенью отца нашего, Митрополита». Далѣе въ грамотѣ: «А «что есмя (Великій Князь) воевалъ со Царемъ, а положитъ на насъ въ «томъ Царь вину, и тобѣ, брате, въ томъ намъ не дать ничего, а то «намъ самимъ вѣдати». Великій Князь воевалъ Ординскія владѣнія (см. выше, стр. 28) въ 1399 году; но вѣроятно, что здѣсь говорится о прежнихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Далѣе: «къ Витовту ми (Василію) цѣ«лованіе сложити, а тобѣ (Михаилу) такожь явити Витовту, что есте съ «нами одинъ человѣкъ... А *полонъ* ти, брате, нашъ Московскый и Ве«лик. Новагорода отпустити безъ окупа». Лѣтописцы не упоминаютъ о войнѣ Михаила съ Василіемъ. Далѣе: «Новыхъ тобѣ (Михаилу) мытовъ «не замышляти; а на *старыхъ* ти мытѣхъ имати съ воза по *мордкѣ объ«ушной*, а костки (дорожной пошлины) съ человѣка *мордка*». Здѣсь цѣна означается *старою*, кожаною монетою.

(184) «Того же лѣта (1397) К. Іоаннъ Всеволодичь отъѣха со Тфери «къ Москвѣ, и къ дяди своему сложилъ цѣлованіе. Великій же Князь «пріятъ его съ любовію и даде ему городъ Торжекъ. Тое же осени, Сент. «въ 23 день, К. Іоаннъ Всев. поя сестру Великаго Князя Анастасію».

(185) Въ *Лът. Тропиц.*: «Тое же осени Сент. приде изъ Орды Княжь «Михайловъ Киличей (посолъ), именемъ Ельча, а съ нимъ посолъ Те«мирь Кутлуевъ, именемъ Бекшикъ, да Саткинъ, послѣ живота его, и «привезоша ярлыки писаны на его имя... Того же лѣта (1400) умре Царь «Темиръ Кутлуй... Въ то же время Князь Иванъ Михайловичь посы«лалъ въ Орду, и выдоша изъ Орды Ѳедоръ Гурленъ, да Костянтинъ, а

«съ ними посолъ именемъ Софря, и вынесоша ему ярлыки отъ новаго «Царя».

(186) Въ *Никон. Лът.:* «Тверстіи Князи (въ 1400 г.) повелѣша сво-«имъ Бояромъ крестное цѣлованіе сложити ко Князю Василью Михай-«ловичю и Ѳеодору Михайловичю и ко Князю Ивану Борисовичю. Князь «Василей же Михайловичь пришедъ къ своей матери Овдотьѣ и сказаше «ей... и мати ихъ послала свои Бояре къ Вел. Кн. Ивану, а Василей и «Ѳеодоръ и внукъ ея, Кн. Иванъ, послаша своихъ Бояръ... Княгиня же «Борисова вземъ сына своего и Бояринъ ея Воронецъ, аки въ древній «бунтъ, и пришедше биша человъ Великому Князю Ивану Михайло-«вичю... и оттолѣ Князь Великій наипаче на свою братію нелюбіе на-«чатъ держати, а тѣхъ лукавую лесть возлюби... Тоя же осени К. В. «Иванъ Тферскій у Кн. Василья Михайловича отнялъ озеро Луское и «Входъ Іерусалима и даде братаничю Ивану Борисовичю. Князь Васи-«лей же посла къ нему Арсенія Владыку, прося суда общаго... и Князь «Иванъ Михайловичь отвѣчалъ: не дамъ... и Кн. Василей поѣха въ Ка-«шинъ... и родился сынъ у Княгини его Настасьи, и прiѣха къ нему «мати его, изъ Сергіева монастыря Игуменъ Никонъ... и крестиша его «и нарекоша Дмитрей... Тое же осени Кн. Иванъ Всеволодичь Тферскій «съ Вел. Кн. Иваномъ Михайловичемъ сослася, и иде со Княгинею своею «во Тферь... и преставись Марта (въ 1402 г.) на Св. Недѣли въ Поне-«дѣльникъ, въ самую Литургію, и положенъ въ Тфери... Того жь лѣта «(1403) Кн. Вел. Иванъ Михайловичь пойде ратью къ Кашину... и воз-«вратясь посла сына своего, Князя Александра, и Князь Василей утече «къ Москвѣ, и Князь Великій Московскій смири ихъ... Тое жь зимы (въ «1405) предъ Велик. заговѣньемъ Василій Кашинскій прiѣде во Тферь, «и пойма его Кн. Вел. Иванъ Михайловичь и Бояръ его поковаша. Тое «жь зимы Кн. Юрьи Всеволодичь отъѣха со Тфери на Москву, бояше «бо ся того же... Мѣсяца Апр. въ 17 во Тфери въ Великую Пятницу «взяша миръ Кн. Иванъ и Василей Михайловичи... и отпусти (Іоаннъ) «брата съ любовію въ Кашинъ на Св. Недѣли въ Вторникъ. И не до-«ждаша 3 мѣсяцовъ, и пакы бысть промежду ими нелюбье, и Князь Ва-«силій пакы выбѣжа на Москву, и Князь Иванъ посла на Кашинъ своя «Намѣстники, и многу изгибель створиша Христіаномъ продажами и «грабежемъ... Князь Великій Иванъ Михайловичь (въ 1406 г.) былъ въ «Кашинѣ. Того жь лѣта К. Василей Кашинскій сослась съ братомъ Ива-«номъ Михайловичемъ и прiѣха изъ Переславля во Тферь».

(187) См. *Никон. Лът.* подъ годомъ 1401, и ниже письмо Эдигеево къ Великому Князю. Въ *Троицк. Лът.:* «Въ лѣто 6908 (1400) Князь «Юрьи Дмитріевичь на Москвѣ оженися у Князя Юрья Святославича «Смоленского, поя зя ся дщерь его, именемъ Настасію... Тое же весны «(г. 1401) Кн. Иванъ Володимеровичь оженися на Москвѣ у Князя у «Ѳедора Ольговича Рязанского, поя за ся дщерь его Василису».

(188) «Князь же Романъ тогда убьенъ бысть, а Княгиню его и дѣ-«тей отпустиша... а Витовтъ тое же осени приходилъ къ Смоленску», и проч. Линденблатъ, вмѣсто Смоленска, именуетъ здѣсь Новгородъ, сказывая, что жители развѣсили сѣти передъ стѣною, поимали въ нихъ 60 Литовцевъ, устрашили тѣмъ Витовта, сдѣлали вылазку, отняли у него пушки, лошадей и проч.

(189) См. *Лът. Троицк.* г. 6907. Марію погребли въ Московской церкви Св. Лазаря.

(190) Олегъ скончался въ 1402 году, Іюля 5 (см. *Троицк. Лът.*). Далѣе: «Иде Князь Ѳеодоръ ко Царю Шадибеку... и пожалова его Царь, «даде ему отчину его и дѣдину... Князь Иванъ Володимеровичь Прон-

«скій пріиде изъ Орды (въ 1408 г.) отъ Царя Булата 6 Сент. и сяде въ «Пронскѣ, а съ нимъ посолъ Царевъ. Того жь лѣта (1409) Кн. Иванъ «Пронскій, пришедъ съ Татары безвѣстно, Кн. Ѳеодора Ольговича съ «Рязани сослалъ; онъ же бѣжа за Оку, а Князь Иванъ сяде на обѣихъ «Княженіяхъ, на Рязанскомъ и на Пронскомъ... И пріиде на него Вел. «Князь Ѳеодоръ Ольговичь, и бысть имъ бой на рѣцѣ на Смядвѣ Іюня «въ 1 день, и поможе Богъ Князю Ивану... убиша Игнатія Семеновича «Жеребцева, Воеводу Коломенского, Михаила Лялина, Ивана Брынка и «много Коломничь; Муромского же Воеводу, Семена Жирославича, изы- «маша, и многихъ Муромцевъ избиша... Того жь лѣта Князи Рязанстіи, «Ѳеодоръ и Иванъ, миръ и любовь межи собою взяша». Коломна и Муромъ принадлежали Московскому Государю: слѣдственно Великій Князь Василій Димитріевичь помогалъ Ѳеодору.

(191) См. *Троицк.* и Архив. *Кіевскую лѣтопись*, гдѣ сказано, что Лугвеній плѣнилъ въ Вязьмѣ и другаго Князя, Александра Михайловича. Далѣе см. *Лѣт. Троицк., Архангел.* и *Никон.* Витовтъ отступилъ отъ Смоленска послѣ Святой недѣли. Линденблатъ пишетъ, что Витовтъ и Король Ягайло посылали къ Смоленску Свидригайла, который въ отступленіи своемъ лишился многихъ людей... Въ *Лѣт. Троицк.*: «И по томъ «Князь Юрьи, сослався со Княземъ Великимъ. и выѣха изъ города не «во мнозѣ дружинѣ, а Княгиню и Бояры своя остави въ Смоленскѣ, а «приказавъ имъ ждати себе на первый срокъ и на другій и на третій... «а въ то время Витовтъ приде ратью къ Смоленску; гражане же, не мо- «гуще терпѣти глада и изнеможенья, градъ предаша». Въ *Никон. Лѣт.*: «Смоленстіи Бояре крамолу злу сотворивше, послаша тайно къ Витовту, «глаголюще: скоро пріиде подъ Смоленскъ, понеже вси тебя хотятъ... дон- «деже не пріидетъ съ Москвы Кн. Вел. Юрьи со многою силою Мо- «сковскою».

(192) Въ *Никон. Лѣт.*: «Въ Смоленцѣ (Витовтъ) свои Намѣстници «посади, Ляхи, и приказа людемъ Смоленскимъ лготу многу чинити, от- «водя ихъ отъ Кн. Юрья».—О битвѣ съ Нѣмцами см. Гадебуш. Livländ. Jahrbücher, г. 1410, стр. 23.

(193) См. *Арханг. Лѣт.* Напротивъ того въ Архивской *Кіев. лѣтописи* сказано, что Великій Князь, доброхотствуя Витовту, нарочно остановилъ Юрія въ Москвѣ: извѣстіе невѣроятное.

(194) См. *Новогород. Лѣт* Попа Іоанна. Въ *Арханг.*: «пріѣха Вла- «дыка Иванъ Новогородскій на Москву бити челомъ Великому Князю «о Торжку, и Кипріянъ, по Великаго Князя слову, Владыку поймалъ, «да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не «дали».—Въ *Новогород. Лѣт.*: «Наславъ Великій Князь Бояръ своихъ, «Александра Поля, Ивана Марина, на Торжокъ ратію въ 300 человѣкъ, «изимаша Семеона Васильевичь и Михайла Фефилатова на крестномъ «цѣлованіи, и животъ ихъ изъ Св. Спаса поймаша... Въ самый Петровъ «день» (въ 1401 году) «Ондрей Ивановичь и Посадниковъ Двинскыхъ «Есипа Филиповичь и Наума Ивановичь изымаша: и Степанъ Ивано- «вичь, братъ его Михайло и Микита Головня, скопивъ около себе Ва- «жанъ и сугнавъ Айфала и Герасима на Колмогорахъ», и проч. (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна)... «Ходилъ Аифалъ» (въ 1409 г.) «на Бол- «гары Камою и Волгою, 100 насадовъ Камою, а Волгою 100 и 50, и «избиша ихъ въ Камѣ Татарове, а Айфала яша и ведоша въ Орду; а «Волжскіе насады не поспѣли... Уби» (въ 1418 г.) «Михаило Розсохинъ «Айфала на Вяткѣ»... Въ *Троицк. Лѣт.*: «а былъ (Архіеп. Іоаннъ) во «изниманьи 3 лѣта и 6 мѣсяцъ, а сѣдѣлъ въ монастырѣ у *Св. Николы «у Стараго*»: на Перервѣ, по мнѣнію Митрополита Платона; но сей

Никола Старый находился между Котлами и Москвою (см. ниже, примѣч. 232).

(195) Такъ въ *Ник. Лѣт.*: «Новогородцы же даша ему Русу, Ла«догу, Орѣшекъ, Тиверскій, Корельскій, Копорью, Торжекъ, Волокъ Лам«скій, Порховъ, Вышегородъ, Яму, Высокое, Кошкинъ городецъ.... Того «же лѣта (1400) Новогородцы послаша Клементія Васильевича въ Литву «къ Витовту о миру и любви, и взяша миръ по старинѣ».

(196) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, въ *Ростов.* и другихъ, сказано, что Юрій убилъ Іуліанина супруга уже послѣ неудачи своей въ насиліи: но мы слѣдуемъ здѣсь *Архангелской*, гдѣ обстоятельства разсказаны яснѣе, съ прибавленіемъ, что Юрій владѣлъ половиною Торжка, а другою Князь Вяземскій. Далѣе въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же осени» (г. 1407) «на «Вздвиженьевъ день преставися Князь Юрій Святославичь Смоленскій, «не въ своей отчинѣ, но на чужей сторонѣ въ изгнаньи, а своего Кня«женья лишенъ и своей Княгини и своихъ дѣтей, въ Рязанской земли «въ пустынѣ, въ монастырѣ у нѣкоего Игумена Христолюбца, именемъ «Петра, и ту нѣколико дней поболѣвъ, преставися, и проводиша его че«стно». См. *Родослов. Книгу*, гдѣ означены Княжескіе и Дворянскіе роды, происшедшіе отъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ.

(197) Псковъ сдѣлался независимымъ въ княженіе Симеона Гордаго: см. Т. IV, стр. 270. Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1406: «ходиша «Псковичи съ Князя Великаго Намѣстникомъ», и проч. См. выше, при«мѣч. 182. Въ *Псков. Лѣт.*: «Тоя же весны (г. 1400) выѣха изъ Пскова «Князь Иванъ Андреевичь, внукъ Олгердовъ, и цѣлованіе сложивъ». Тамъ же, выше: бысть рагоза» (ссора) «Новогородцемъ со Псковичами» (въ 1391 г.) «и пойдоша Новогородци къ Пскову ратью, и Псковичи по«слаша послы своя, Лавра и Михайла, и Попа Власьевского, и Ермолу «Игумена Николиньского, и срѣтоша Новогородскую рать у Солци, и «взяша миръ... Того же лѣта (г. 1392) Новогородци взяша миръ съ «Нѣмци, а Псковичь вымиришa» (исключили изъ мира) и Псковичи «взяша особный миръ съ Нѣмци... Придоша Авг. 1» (г. 1394) «Ново«городци ко Пскову ратью въ силѣ велицѣ, и стояша у Пскова 8 дней, «и дождавше ночи, побѣгоша прочь посрамлени, пометавше многая своя «замысленія, пороки и пускичи» (праши) «и тогда убиша Копорского «Іоанна подъ *Олгиною горою*, а иныхъ многыхъ избиша па Выбутѣ, а «инѣхъ руками яша при Владыцѣ Іоанѣ и Посадницѣ Ескѣ и Тысяц«комъ Никитѣ.., Послаша» (г. 1398) «Псковичи Князь Григорія и По«садника Сысоя и Романа Посадника и иныхъ Бояръ въ Новгородъ, и «взяша миръ вѣчный съ Новымгородомъ». Въ *Новогород. Лѣт.*: Прихо«диша» (въ 1397 г.) «послове Псковскіи, Кн. Григорій Остафьевичь... «Филипъ Козачковичь, и биша челомъ Архіепископу Вел. Новагорода... «и Посадникъ Тимофей Юрьевичь и Тысяцкой Микита Ѳедоровичь и «вси Посадникы и Тысяцкіи и Бояре и весь Вел. Новгородъ отъ Пско«вичь нелюбіе отложили и взяша миръ по старинѣ Іун. въ 18 день, зане «не бяшеть миру по 4 годы».—О язвѣ см. ниже. Далѣе въ *Псков. Лѣт.* «г. 1401: «Тоя же зимы послаша Псковичи къ Князю Витовту Григорія «Ѳедосовичь и Гаврила Намѣстника и взяша миръ вѣчный... Въ лѣто «6914 (1406) приде поганый отступникъ Витовтъ съ множествомъ рат«ныхъ, а миру не отказавъ, а розметную грамоту Псковскую отсла къ «Новугороду, Февр. въ 5 день на черкисовѣ недѣли въ Пятокъ, и много «зла учинивше, отъидоша прочь... Того же мѣсяца, Февр. въ 28, Юрьи «Посадникъ Козачковичь, поймя съ собою охвочихъ людей, Псковичь. «Изборянъ, Островичь, Вороначянъ, Вельянъ, и шедше повоеваша Ржову «и Луки, а на Лукахъ на Великыхъ и стягъ Коложьскый взяша... а къ

«Новогородцемъ послаша Псковичи и биша чоломъ, чтобы пособили: они «же прислаша нѣколико мужей, съ лукавствомъ глаголюще: намъ Ве«ликый Новгородъ не указалъ, ни Владыка благословилъ ити на Литву; «идемъ съ вами на Нѣмци... и возвратишась... Того же лѣта Князь «Псковскый, Данилей Александровичь, и Посадникъ Ларіонъ Дойнико«вичь и вся Псковъ идоша къ Полотску Іюля въ 30, и стояша подъ По«лотскомъ 3 дни и 3 нощи, и возвратишась. Того же лѣта, Авг. въ 22, «Князь Мстерь пріиде къ Изборску, и ходиша 2 недѣли, плѣняюще «жгуще около Острова и Котелна, а подо Псковомъ не быша... и отъ«идоша... Въ лѣто 6915» (по *Троиц. Лът.* въ 1406 г.) Кн. Данилей «Александровичь и Посадникъ Юрьи Филиповичь пойдоша въ Нѣмецкую «землю Окт. 7 и поймаша на рубежи на Сѣрици 7 Нѣмчиновъ, и усрѣ«тоша ихъ Нѣмецкая рать за 15 верстъ отъ Кирьяпеги, и Псковичи «удариша: Нѣмци побѣгоша въ Кирьяпегу, пометавши кони и оружія, «и Псковичи, стоявше нощь, возвратишася». Въ *Троицк. Лът.* сей слу«чай такъ описанъ: «Срѣте я» (Псковитянъ) «рать Нѣмецкая на рѣцѣ «на Сѣрицѣ, и бысть имъ бой Окт. въ 9 день, и биша ихъ» (Нѣмцевъ) «и гонилися за ними 20 верстъ до Новагородка, и оттолѣ пошла рать «Псковская въ Кирепегѣ; а нагадали были пойти къ Юрьеву, и ту стрѣ«тилъ ихъ Князь Великій, Нѣмечьскій Мистерь, со всѣмъ поморьемъ за «Селиловымъ побоищемъ, и ту паки бысть бой, и паки поможе Богъ «Псковичемъ, а Нѣмечьскій Мистеръ убѣжалъ, а Псковичи гонилися до «Кирепеги». Далѣе въ *Псков. Лът.:* И потомъ Псковичи послаша въ «Великій Новгородъ, абы помогли на Нѣмець, и не помогоша. И потомъ «биша челомъ Князю Великому Василію Дмитріевичь, абы помоглъ бѣд«нымъ Псковичемъ въ тошна времена, и Князь Великій разверже миръ «съ своимъ тестемъ съ Витовтомъ, Псковскыя ради обиды». Въ *Троицк. «Лът.:* Пьсковичи съ Новогородци поѣздиша ко Князю Великому на «Москву, и въ Великое говѣнье Князь Великій посылалъ брата своего, «Князя Петра, съ Бояры въ Новгородъ Великій Псковичемъ на помочь».

(198) Въ *Никон. Лът.* подъ годомъ 1406: «К. В. Василей Дмитріе«вичь и К. В. Иванъ Михайловичь Тферскій сложиша крестное цѣло«ваніе въ Витовту». Въ *Троицк. Лът.* подъ годомъ 1406: «Отпусти Ве«ликій Князь Воеводъ своихъ» (Маія 25) «воевати земли Литовскія, къ «Вязьмѣ и къ Серпейску и къ Козельску. Они же не яша ничто же».— О возобновленіи дружества съ Ордою см. *Никон. Лът.* V, 21. Тамъ ска«зано: «Сент. въ 7 день (г 1406) Князь Великій пойде на Витовта и «сташа на Плавѣ; а Кн. Вел. Иванъ Мих. Тферскій въ помощь посы«лалъ Великому Князю своею братью, Князя Василія Мих. Кашинского, «да Князя Ѳеодора Мих., да сына своего, Князя Ивана, да Князя «Ивана Еремеевича... и сташа на Пашковѣ гати», и проч. Линдеблатъ упо«минаетъ о семъ походѣ Витовта, сказывая, что съ нимъ были и союзники его, Нѣмецкіе Рыцари, которые возвратились домой черезъ XV недѣль, воевавъ Россію 14 дней; что Государь Московскій собралъ множество Татаръ и всѣхъ Князей Россійскихъ.

(199) Въ *Родослов. Книгѣ* I, 180: у Князя Семена Глуховского и «Новосильского» (Михаилова сына) одинъ сынъ, Князь Романъ, а при«шелъ изъ Новосили жити въ Одоевъ отъ насилія Татарскаго». Одоевъ возвратился къ Россіи уже при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.— Въ *Троицк. Лът.* г. 1407: «по Троицынѣ дни въ Четвергъ, Маія 20, «Литва взяша Одоевъ... Князь Великій на Спасовъ день пойде на Ли«товскую землю... и взялъ градъ Дмитровецъ» (нынѣ деревня въ Калужской Губерніи, на рѣкѣ Протвѣ). Стриковскій говоритъ о причинѣ сей войны такъ: «Москвитяне близъ Путивля ограбили Литовскихъ путеше-

ственниковъ, отнявъ у нихъ двухъ бобровъ, кадь меду, двѣ сѣкиры и три кафтана. Витовтъ требовалъ удовлетворенія, и не получивъ его, объявилъ войну зятю». Въ *Троицк.* г. 1406: «Тое же весны пріѣха ко Князю «къ Великому въ рядъ служити изъ Литвы нѣкоторый Князь, именемъ «Александръ, прозвище Нелюбъ, сынъ Княжь Ивановъ Олгимонтовъ, а «съ нимъ множьство Литвы и Ляховъ», и проч.

(200) Въ *Троицк. Лѣт.* г. 1408: «Іулія въ 8 день, въ Недѣлю, выѣха «изъ града изъ Брянска Швитригайло, а на Москву пріѣха Іулія въ 26». Въ другихъ лѣтописяхъ прибавлено, что Василій Дмитріевичь отдалъ Свидригайлу едва не половину своего Великаго Княженія. Стриковскій пишетъ, что Свидригайло, выѣхавъ изъ Стародуба и Брянска, зажегъ ихъ.

(201) См. Стриков. *Хроник.* кн. XIV, гл. 8. Линдеблатъ пишетъ, что Магистры Нѣмецкаго Ордена и Ливонскій, имѣвъ свиданіе съ Королемъ Польскимъ и Витовтомъ, ходили вмѣстѣ на Россію и возвратились со многими плѣнниками; что Витовтъ стоялъ на одномъ берегу рѣки, а Кн. Московскій на другомъ; что они заключили миръ, и проч. Смолянами предводительствовалъ Іоаннъ Корельковичь. — О городахъ см. ниже въ завѣщаніи Князя Владиміра Андреевича *Храбраго.*— Далѣе въ *Псков. Лѣт.* г. 1410: «въ Литву къ Витовту послаша Псковичи Якима Посад«ника и Терентія Ѳоминичь и Сидора Дѣдькова, и взяша миръ съ Ви«товтомъ, а опрочь Новагорода».

(202) Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находится договоръ *Болеслава-Свидригайла, Князя и наслѣдника Литвы* и *Россіи,* и *Владѣтеля Подоліи,* съ Орденомъ въ 1402 году. Согласно съ договоромъ, заключеннымъ между Вел. Магистромъ Нѣмецкимъ и Витовтомъ, Свидригайло уступаетъ Псковъ Ордену, когда сей городъ будетъ завоеванъ, Литовцами или Рыцарями: Die Lande und Herschaft der Russen zu Pleskow in aller Wyse, wy die gewonnen werden von uns adir vom dem Orden in des Cemeyne, adir besondern; adir an uns komen, so sol sy der Orden ewiglich alleyne behalden.—См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 300, 316, 317, 318, 319. Послѣднія содержатъ въ себѣ мирный договоръ Псковитянъ съ Орденомъ на 10 лѣтъ, заключенный въ Ригѣ, гдѣ находились посолъ Великаго Князя, именемъ Никита, и Псковскіе чиновники, Данило и Юрій. Василій Дмитріевичь названъ *великимъ Королемъ* и даже *Императоромъ:* glotmechtighe Here, de grote Konyng von Moskowe, de Rusche Keyser. Условія были слѣдующія: 1) «Жить съ обѣихъ сторонъ въ мирѣ и доброжелательствѣ. 2) Купцамъ «торговать свободно. 3) Въ обидахъ искать управы судомъ, а не мечемъ. «4) Россіянамъ не пропускать чрезъ свою землю враговъ Ордена, а Нѣм«цамъ враговъ Россіянъ». Магистръ Шпангеймъ писалъ къ Великому Магистру Прусскому, что сей миръ нуженъ для безопасности Ливонскаго Ордена, коему Витовтъ угрожаетъ войною. Достойны замѣчанія слѣдующія слова его о характерѣ Псковитянъ: Is sint wunderliche unbetutliche Luthe: was sie vor sich nemen, dovon kan man in nicht gebrenden; то есть: «страшные, упрямые люди: что возмутъ себѣ въ голову, отъ того «ихъ никакъ не отведешь».

Сообщаемъ выписку изъ *Псков. Лѣт.* о всѣхъ происшествіяхъ: «Псковичи испроша собѣ Князя, Костянтина» (въ 1407 году) «и пріѣха «К. Костянтинъ въ Псковъ въ Вторникъ на Вербной недѣли, и съ Пско«вичами смысливше, сѣздаша церковь во имя Св. Аѳанасія въ единъ «день въ Недѣлю, и службу свершиша Марта въ 29, и по малѣ времени «Кн. Великій Костянтинъ посла Князя своего, Костянтина Добровскаго. «а Псковичи Іоанна Посадника Сидоровичь къ Новгороду помощи про«шати противу погаными Нѣмець, они же отрекошясь. Того же лѣта

«Кн. Вел. Костянтинъ и Посадникъ Романъ Сидоровичъ совокупивше «вся волости и пригороды, пойдоша за рѣку за Нарову, ови въ лодіяхъ, «ови на конехъ. и перевезошась на заутріе Петрова дни, и пойдоша къ «Порху... и возвратишася съ множествомъ полона... Іуля въ 20 Костян- «тинъ поѣха изо Пскова на Москву... Того же лѣта Князь Местерь, «събравъ силы многыя и Задвинскую силу Курскую» (Курляндскую) «прінде отъ Бѣлого Камени въ землю Псковскую Авг. въ 18, а Пско- «вичи безъ пригородовъ пойдоша противу имъ и усрѣтоша ихъ на броду у «Выбути, а броды вси бяху *заворены ворами*, и стояша погани 4 дни, и мно- «гажды хотяху перебрести и не возмогоша: Псковичемъ біющемся съ ними, «и пойдоша прочь... и Псковичи постигоша ихъ за Кампомъ на Логовицкомъ «полѣ, а Нѣмци станы сташа въ Недѣлю на вечернемъ годѣ» (времени) «Авг. «въ 21... и Псковичи ударишя на нихъ, и одолѣша Нѣмци, а Псковичи побѣ- «гоша, и убиша на съступѣ Елентія Лубку Посадника и Ефрема Картача и «Панкрата Посадниковъ». (Аритъ въ своей Хроникѣ пишетъ о *семи тысячахъ* Россіянъ, тогда убитыхъ, вмѣсто *семи сотъ*). «А въ то время «иная рать Псковская ѣздиша въ лодьяхъ и въ насадѣхъ за Нарову, и «егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, и Нѣмци въ шнекахъ уда- «ришась на нихъ, и Псковичи пометавше 7 насадовъ и прочіи посуди, «и побѣгоша ко Пскову, и бысть Псковичемъ тогда многыя скорби, ово «отъ Литвы, а иное отъ Нѣмець и отъ своея братья отъ Новагорода.... «Въ лѣто 6916 (1408) на *Черниговъ* недѣли» (въ началѣ Февраля) «въ «Субботу, на память Св. Власіа, поганый Князь Местеръ, събравъ силы «и Литву подъемь, прінде въ землю Псковскую, и самъ станомъ стояше «на Демяници 3 дни, и распусти воя по волостемъ; а иная рать при- «шедше подъ Велье, и стояша 4 дни... и отъидоша, не учинивше граду «ничтоже; а подъ Вороночь пріѣхаша Литва, и Вороночани выѣхавше «избиша Литвы 100 мужь, а пѣхъ руками яша, и воеваша Нѣмци всю «залѣсскую страну и до Черехи, и прешедше за рубежь, воеваша въ «Леженицѣхъ и на Болотахъ, и на Дубскѣ, и на Гостени, и подъ Кош- «кинымъ городкомъ, и много забѣглыхъ Псковичь и Новгородцевъ овѣхъ «изсѣкоша, овѣхъ плѣниша и пожгоша; а Псковичи послаша въ Новго- «родъ и биша чоломъ со слезами о помощи... а они съ укоризнами Пско- «вичемъ отрекошась, и посла своего послаша въ войско къ Местеру, а «Псковичемъ на зло. Тогда выѣха изо Пскова Князь Костянтинъ Бѣло- «зерскій, а Псковичемъ не учинивъ помощи никоея же; а Местерь и «Нѣмци 2 недѣли ходиша по волостемъ Псковскымъ и по Новгород- «скымъ, сѣкуще и плѣняюще... и отъидоша... и Псковичи приведоша «собѣ Князя Данилія Александровичь» (Ростовскаго?) изъ Порхова на «Усрѣтеніе Господа І. Х., и пріяша его честно.. Того же лѣта на весну, «Маіа въ 6 день, пригнавше Нѣмци къ Велью и поймавше 40 головъ и «побѣгоша, и Вельяни погнашася; они же погании подсадою ударишя на «нихъ и убиша Вельянъ 60 мужъ, и того же дни къ вечеру присѣпша «Воропочани и сугнаша ихъ уже на рубежи... Погании же плѣненыя «посѣкше, а сами побѣгоша, и убиша Нѣмець 30 мужъ... Того же Маіа «Изборяни ходиша въ Нѣмецкую землю, и ударишася Нѣмци на нихъ «и убиша ихъ 11 мужь... и Псковичи взяша съ Нѣмци перемирье до «Усрѣтенія». Между бумагами Кенигсбергскаго Архива есть два письма Вел. Магистра Прусскаго къ Витовту 1408 года, подъ No 624 и 625: въ первомъ онъ благодаритъ его за оказанную помощь Ливонцамъ противъ Россіянъ, но самъ отговаривается отъ дѣятельнаго участія въ сей войнѣ за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ кормѣ для лошадей; въ другомъ пишетъ о намѣреніи Витовтовомъ дать Пскову властителя или Князя, отвѣтствуя, что надобно прежде свѣдать мнѣніе Магистра Ливон-

скаго.—Далѣе въ *Псков. Лѣт.*: «Тоя же зимы» (г. 1409) «препустивъ по «перемирью на третій день, Февр. 5, Князь Местерь, събравъ силы своя «и Литву, повоева многы волости Псковскыя, а Новгородци всего того «не брегоша, а на перечину Псковичемъ... и Нѣмци, ходивше недѣлю, «отъидоша... Въ лѣто 6918 (1410) послаша Псковичи Ѳедоса Посадника «и Юрья Винкова Тимоѳеевичь бити чоломъ Князю Великому... и дасть «имъ Князя Ѳеодора Александровичь Ростовского, и пріѣха во Псковъ «Сент. въ 26. Тоя же зимы, Апр. въ 4, преставись Князь Псковскій «Данилей Александровичь, и положиша мощи его въ Св. Троицѣ. Іуля «въ 28 Посадникъ Ларіонъ и Посадникъ Иванъ и Микула Гавриша подъ «Кирьяпигу и взяша миръ съ Местеромъ, а опрочь Новагорода... Въ «лѣто 6919» (1411) «Псковичи выпровадиша Князя Александра Ростов- «ского и послаша къ Великому Князю Посадника Ивана Сидоровича и «Ѳедора Шибалкиничь, и испросиша собѣ Князя Костянтина Дмитрiе- «вичь, меншаго брата Великому Князю. Въ лѣто 6920 пріѣха въ Псковъ «Кн. Вел. Костянтинъ Дмитріевичь Ноября въ 11. Того же лѣта (Пско- «вичи) и миръ взяша съ Новгородцами по старинѣ... Князь Костян- «тинъ» (въ 1413 г.) «отъѣха въ Новгородъ и тамо пребысть годъ, и паки «пріѣха во Псковъ... Кн. Костянтинъ» (въ 1414 г.) «поѣха изо Пскова «на Москву въ Петрово говѣнье. Того же лѣта Псковичи потроша жито «подъ Новымъ городкомъ» (Нейгаузеномъ) «и скотъ отгнаша, и Юрьевци «прислаша во Псковъ послы, а Псковичи послаша 2 человѣка въ Новой «городокъ; они же погапiи единого изсѣкоша, а другаго въ погребъ въвер- «гоша, и Псковичи противу того посолъ ихъ пріяша. На Воздвиженіе «Господне» (въ 1415 г.) Нѣмци пріяша гостя Псковского, а Псковичи «Нѣмецкій гость, и сѣдѣша обоимy и лѣто все, и потомъ Юрьевци при- «слаша пословъ своихъ и цѣловаша крестъ по старинѣ, и Псковичи «отпустиша гостей, и послa единаго посѣкоша противу своего человѣка, «а Нѣмци такожь отпустиша гостей Псковскыхъ Іул. въ 27. На весну, «Марта въ 19, пріѣха во Псковъ Князь Андрей Александровичь Ро- «стовскый... и цѣлова крестъ къ Псковичемъ... Выгнаша» (въ 1417 г.) «Псковичи Князя Андрея Александровичь Іуля въ 17... Того же лѣта «Псковичи быша рагозни» (въ ссорѣ) «съ Новгородцами, и послаша «Ивана Посадника Сидоровичь и Ларіона и Акима и Юрья Винкова и «иныхъ Бояръ, просяще мира, и Новгородци челобитья не пріяша. Того «же лѣта Псковичи послаша къ Великому Князю Посадника Селивестра «Левонтьевичь и Терентія Ѳоминичь, и испросиша собѣ Князя Ѳеодора «Александровичь, и пріѣха въ Псковъ за 2 недѣли до Рождества. Кн. «Ѳеодоръ Александровичь и весь Псковъ» (въ 1418 г.) «послаша въ Нов- «городъ Микулу Посадника Павловичь и Андрея Ларивоновичъ и Да- «нила Филтяева и взяша миръ Авг. 28... Пострижеся въ болѣзни «Кн. Ѳеодоръ Александровичь и отъѣха на Москву» (въ 1420 г.)... Того «же лѣта (1421) Кн. Витовтъ присла въ Псковъ своихъ людей и веляше «развергнути миръ съ Нѣмци, и Псковичи, дръжащесь крестного цѣло- «ванiа, того не восхотѣша, и послаша Селивестра Посадника и иныхъ «Бояръ къ Витовту, глаголюще: на томъ, Княже, крестъ цѣловали, что «намъ съ Нѣмци миръ держати, а по тобѣ не помогати; и Витовтъ оттоль «нача гнѣвъ великъ держати на Псковичь. Того же лѣта Псковичи по- «слаша къ Князю Великому Микулу Посадника и испросиша собѣ Князя «Александра Ѳедоровичь... Кн. Александръ Ѳеод. пріѣха въ Псковъ Апр. «въ 1 день... Псковичи» (въ 1423 г.) «послаша къ Князю Великому два «Посадника, Юрья Винкова и Ѳеодора Шибалкина, и биша чоломъ, «чтобы Витовту за Псковичь доброе слово послалъ... и Князь Великый «не учини на добро ничего же... Князь Александръ Ростовскый выѣха

«изо Пскова и съ челядью... Псковичи» (въ 1424 г.) «послаша къ Князю «Великому Ѳеодосіа Посадника и Бояръ просити Князя на Псковъ, и «биша чоломъ, абы печаловался о Псковѣ, и избавилъ бы отъ гнѣва Ви«товтова, и Князь Великый не учини ничего же, и дастъ на Псковъ «Князя Ѳеодора Патрикіевичь... Пріѣха въ Псковъ Кн. Ѳеодоръ Патри«кіевичь... Псковичи съ Княземъ Местеромъ миръ утвердиша на 3 лѣта «и крестъ съ обѣю сторонъ цѣловаша. Того же лѣта Псковичи послаша «въ Литву къ Витовту Селивестра Посадника и съ нимъ Бояръ... «и не обрѣтоша его въ Литовской земли и ѣхаша за Кыевъ въ Луческъ «Великый, и наѣхаша его за Лучьскомъ 500 верстъ въ градѣ Кременци, «и биша чоломъ.,. Онъ же яростію гнѣва наполнився, отвѣтъ даде: *по «старому цѣлованію!* Они же возвратишась, не учинивше на добро ничто «же... Зимою» (въ 1425 г.) «послаша Псковичи къ Князю Великому По«садника Микулу Павловичь, и биша чоломъ, чтобы избавилъ Псковъ «отъ гнѣва Витовтова, и не учини ничто же»

(203) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Въ лѣто 6911 приходилъ посолъ изъ Орды «на Русь, Царевичь Энтякъ, и былъ на Москвѣ, да изобмолвилъ Микулу «Татарина... Въ лѣто 6913 приде къ Великому Князю отъ Царя Шади«бека посолъ, именемъ Мирза, иже бѣ Казначей Царевъ», и проч. О хитрыхъ отговоркахъ Великаго Князя см. ниже въ письмѣ Эдигеевомъ; о смерти Тохтамыша въ *Архан. Лѣт.* (онъ убитъ въ 1406 году); о сношеніяхъ Эдигея съ Василіемъ въ *Никон.* V, 20, 21; объ изгнаніи Шадибека въ *Новг. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1408. Въ *Никон. Лѣт.* «Князь Вел. «Иванъ Михайловичь Тферскій пріиде въ Орду, и былъ имъ судъ предъ «новымъ Царемъ Булатъ-Салтапомъ, со Княземъ Юрьемъ Всеволодичемъ «Тферск. о Велик. Княженіи Тферскомъ. Царь же и всѣ Князи опра«виша Вел. Кн. Ивана, и отпусти его Царь; а Кн. Юрьи въ Ордѣ «остася... Генв. въ 25 день (1408) пріиде изъ Орды В. К. Иванъ, а съ «нимъ посолъ Царевъ, и срѣтоша его со кресты».

(204) Приметы къ крѣпостямъ дѣлались обыкновенно изъ сухаго лѣса, зажигаемаго осаждающими, чтобы огнемъ и дымомъ удалить осажденныхъ отъ стѣнъ. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 23.

(205) Въ *Троицк. Лѣт.*. «Князь ордынскій Едегей повелѣньемъ Бу«лута Царя приде ратью, а съ нимъ 4 Царевичи, да прочіи Князи Та«тарстіи, а се имена ихъ: Бучакъ Царевичь, Тегрибердій Царевичь, «Алтымырь Царевичь, Булатъ Царевичь, Князь Великый Едегей, Князь «Махметъ Исупусюлименевъ сынъ, Князь Тегиня Шиховъ сынъ, Князь «Сарай Урусаховъ сынъ, Князь Обрягимъ Темирязевъ сынъ, Князь Як«шибій Егедеевъ сынъ, Князь Сентялибій, Князь Бурнакъ, Князь Ери«клибердій... и бысть въ Филиппово говѣнье Дек. въ 1 день, въ Субботу «до обѣда приде Едегей къ Москвѣ... а за Княземъ за Великимъ въ по«гоню посланъ бысть Царевичь Тегрибердей, да Князь Якшибій сынъ «Едегеевъ, да Князь Сентялибій, да съ ними избранныя рати 30,000», и проч.

(206) См. *Троицк. Лѣт.* и *Никон.* V, 22, 24, 29. На возвратномъ пути въ Литву Свидригайло опустошилъ городъ Серпуховъ, осенью въ 1409 году.

(207) Въ *Троицк. Лѣт.*: «и таковымъ коварствомъ перемудрова, ни «Едегея разгнѣва, ни Князю Великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; «се же створи *умески*, паче же *истински*». Въ *Никон. Лѣт.*: «тое же «зимы Едигеева рать и Тверскаго предѣла Дому Св. Спаса взяша волость «Клинскую». Далѣе въ *Троицк.*: «А въ то время въ Ордѣ нѣкый Царе«вичь пріобрѣте себѣ нѣкія споборники, паче же обрѣте себѣ время бла«гополучно, егда вся Орда истощися: вси бо Татарове изыдоша на Русь

«воевати; мало же нѣцы отъ нихъ осташася около Царя... и Царевичь «удари на ня изгономъ, устремися напрасно на Орду; но обаче спону» (препятствіе) «створи ему проводникъ его, его же и пресѣче: не бо при- «веде его на Царя, но на торгъ: еще же и мгла бысть велика. Но аще «и желаемаго не получи, но и тако по премногу смутивъ я: за малымъ «бо и самого Царя не захвати, и многъ мятежъ въ Ордѣ створивъ, отыде». — Описаніемъ Эдигеева нашествія заключается харатейный *Троицкій Лѣтописецъ*. Видно, что лѣтописецъ умеръ. Съ того времени до самой кончины Василія Димитріевича всѣ извѣстія кратки и не полны въ другихъ лѣтописяхъ.

(208) См. *Троиц. Лѣт.*

(209) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*

(210) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, I, 69, 74. Въ договорной грамотѣ: «А какими дѣлы отымется отъ брата моего Князя Володимера, «или отъ его дѣтей, Городець или Козлескъ, и мнѣ имъ дати въ Городци «мѣсто Тошну, а въ Козельска мѣсто Рожа... а искати ны Городця и «Козельска съ одиного.... А отыметъ Богъ тобе, Великого Князя, и мнѣ «Господине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто... А дати ми, Господине, «тобѣ съ Углеча Поля въ семь тысячь рублевъ сто рублевъ и пять руб- «левъ, а съ Городця въ полторы тысячи рублевъ сто рублевъ и шесть- «десятъ рублевъ.... А что ся остало на Новѣгородѣ на Нижнемъ долгу «старого полчетверты тысячи рублевъ, а то ми, Господине, тобѣ дати «по выходу по розочту... А на сей грамотѣ язъ, Князь Володимеръ Ан- «дреевичь, съ своими дѣтьми, со Княземъ съ Иваномъ, и съ Семеномъ, «и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меньшіи, за Ондрея и Василья, «цѣловали есмы крестъ къ Великому Князю, и къ его сыну, ко Князю «Ивану»... Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ восковыя печати. Она писана еще до рожденія Василія Васильевича Темнаго.

Въ духовномъ завѣщаніи пишетъ Владиміръ: «и Княгини моя на «котораго сына помолвитъ и обвинитъ, и ты, брате старѣйшій, Князь «Великій, на томъ то доправи... Ему» (сыну Ивану) «конюшій путь, «бортници, садовници, бобровники, *Барыши* и *Делюи*, а (кто изъ) тыхъ «бортниковъ или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ или *Бары- «шовъ*, или *Делюевъ* не всхочетъ жить на тѣхъ земляхъ, инъ земли ли- «шонъ: пойди прочь, а сами сыну Князю Ивану не надобѣ, на котораго «грамоты полные не будетъ; а земли ихъ сыну Князю Ивану». И такъ *Барышами* и *Делюями* именовались особеннаго роду наймиты, которымъ давались земли съ обязательствомъ платить господину оброкъ. Далѣе: «а треть численыхъ людей своихъ въ Москвѣ и въ станѣхъ далъ есмь «сыну Андрею и Василью на-полы; а женѣ, Княгинѣ Оленѣ, свою треть «тамги Московскіе, и восмьчее, и гостиное, и вѣсчее пудовое, и пере- «судъ, *серебряное литье*» (то есть, пошлину, которую серебреники платили въ казну)... «а *пъзъ* дѣти мои подъ Городцомъ затепутъ съ одиного» (*пъзомъ* называлась *забойка* или *заколъ* на рѣкѣ для ловленія рыбы)... «А «размыслитъ Богъ о Княгинѣ моей, по ее животѣ мыть и тамга дѣтемъ «моимъ, Князю Семену и Кн. Ярославу на-полы... а Коломенское село «и съ зарѣцкими луги сыну Князю Ивану» (здѣсь нынѣшнее село *Тайнинское* названо *Таинскимъ*)... «Взявъ дань кто же на своемъ удѣлѣ, «и пошлютъ ктожь своего Боярина за своимъ серебромъ вмѣстѣ ко казнѣ «Великого Князя» (для отсылки къ Хану).. «А по грѣхомъ отыметъ «Богъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а не пой- «детъ за мужъ, и сноха моя и съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего «удѣлѣ до своего живота, а дань дастъ ко казнѣ Великого Князя по «уроку, что въ сей грамотѣ писано; а розмыслитъ Богъ о сносѣ моей, и

«тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется «дчи, и дѣти мои всѣ брата своего дчерь выдадутъ за-мужъ, а брата своего «удѣломъ подѣлятся вси равно. А въ выходъ Великого Князя ко Ордѣ «въ пять тысячь рублевъ имется дани дѣтемъ моимъ и Княгини моей «и ихъ удѣломъ три ста рублевъ и дватцать рублевъ.... А перемѣнитъ «Богъ орду, и Князь Великій не имѣтъ выхода давати во Орду, и дѣти «мои; а что возметъ дани на Московскихъ станѣхъ, и на городѣ на Москвѣ, «и на численыхъ людехъ, и дѣти мои возьмутъ свою треть дани Москов- «скіе, а подѣлятся съ матерью вси равно по частемъ... А что мои ключники «не купленые, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники «дѣтемъ моимъ пенадобны, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ «удѣлѣ... А сыну Князь Ивану далъ есмь ему на Москвѣ Зворыкинъ «дворъ, да Игнатьевъ дворъ, да Бутовъ садъ. А сыну Князю Семену, «за Неглинною Тереховъ садъ: а Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми, «со Княземъ Андресмъ, со Княземъ съ Василіемъ, далъ есмь дворъ свой «большой Московьской на-полы. А сыну Князю Ярославу, Князю Андрею, «Князю Василью, далъ есмь имъ Чичаковъ садъ на-трое. А что есмь «подавалъ свой Княгинѣ пошлины Московскіе, по ее животѣ чей будетъ «годъ Москва вѣдати сына моего, тотъ и тѣ пошлины вѣдаетъ. А соль «на Городцѣ дѣти мои, Князь Семенъ, Князь Ярославъ, вѣдаютъ съ оди- «ного... а иной не вступается никто въ Городецькіе варницы.... А писалъ «есмь сю грамоту передъ отцы своими, передъ Игуменомъ передъ Нико- «номъ Радонежскимъ, передъ Игуменомъ передъ Савою Спасъскимъ; а «тутo были Бояре мои: Костянтинъ Ивановичь, Михайло Ивановичь, «Олексѣй Григорьевичь, Ондрей Борисовичь, Григорей Михайловичь. А «грамоту писалъ Мещерипъ».

Въ *Никон. Лѣт.*: «Князь Володимеръ Андреевичь завѣща Княгини «своей и дѣтемъ дати въ домъ Христовъ... и Фотію Митрополиту по «себѣ и по своемъ роду село свое *Кудрино*» (нынѣ часть города Мос- квы) «и съ деревнями.» — О кончинѣ Владиміровой супруги см. ниже, примѣч. 371.

(211) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1410: «Едигей воевалъ поморскіе грады... «Тое жь зимы (1411) сяде на Царствѣ въ Ордѣ Царь Темиръ, а Еди- «гей Князь вмалѣ убѣжа.. Того жь лѣта Тохтамышевъ сынъ Салтанъ «взя изгономъ Ординскія улусы и пограбилъ.. Тое жь зимы» (въ 1412 г.) «сяде Зелени-Салтанъ на Царствѣ, а Едигея прогна... Того жь лѣта отъ «Царя Зелени-Салтана пріиде во Тферь посолъ лютъ, зовя съ собою «Вел. Кн. Ивана Михайловича въ Орду... Того жь лѣта выйдоша изъ «Орды Князи Нижняго Новагорода, пожаловани отъ Царя Зелени-Сал- «тана ихъ отчиною». Тамъ же, г. 1411: «Тое жь зимы Генв., на память «Св. Ивана Кушника, бысть бой на Лысковѣ Князю Петру Дмитріевичу «Московскому и Княземъ Ростовскимъ и Ярославскимъ и Суждальскимъ «со Княземъ Даніиломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новагорода и съ его «братомъ, со Княземъ Иваномъ, и съ Болгарскими Князми и Жуко- «тенскимъ... и ту убіенъ бысть Князь Данило Васильевичъ... сташа же «на костехъ Князи Новогородскіе и Казанстіи... Того жь лѣта Фотій «Митрополитъ пойде съ Москвы въ Володимерь... и се Князь Данило «Борисовичь Нижняго Новагорода, укрывся тайно отъ всѣхъ, приведе «къ себѣ Царевича Толыша, и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю «Боярина своего, Семена Карамышева, а съ нимъ 250 Татаръ, а Руси «полтретья ста же», и проч. Далѣе: «Фотій Митрополитъ послѣ Вечерни «пойде въ свою Митрополичью волость Іюля 2, и бывшу ему на *Свя- «томъ* озерѣ своемъ у Церкви Св. Преображенія, яже поставилъ Кип- «ріянъ Митрополитъ и часто тамъ живалъ, зане же любилъ лѣсныя пу-

«стынная мѣста, и многія тамо озера Митрополичи и мѣста крѣпки и «непроходимы, и тамо изъ Володимеря пріиде вѣсть къ Фотію... и отъ- «иде въ лѣсы на озера свои Сенежскія. Татаромъ же не постигшимъ Фо- «тія... и стадо градское взяша и посады пожгоша. Тогда жь „въ Соборнѣй «церкви затворися Ключарь, Священникъ Патрекій, родомъ Гречинъ, «иже пріиде съ Фотіемъ изъ Грекъ, нарочитъ и много добродѣтеленъ «мужъ, и поймавъ сосуды церковные серебряные и златые, и елико кузни «поспѣша подхватити, и вознесе на церковь, и тамо нѣкіихъ людій по- «сади, а самъ сошедъ лѣствицы отмета и, ста въ церкви единъ предъ «образомъ Богородици плачась, а Татарове кричаще Рускимъ языкомъ, «да отворятъ имъ двери церковныя... и высѣкоша двери, и икону Бого- «родицы одраша и всю церковь разбрабиша, а Презвитера Патрекія «начаша мучити о прочей кузни... Онъ же никако же не сказа... и на «сковородѣ огненнѣ ставиша его, и за ногти щепы биша и кожу одраша «и ноги прорѣзавъ, уже вдернувъ, по хвостѣ у коня влачиша... и тако «скончася... Глаголаху же, иже тогда въ плѣненіи томъ быша, яко «толикое множество богатства снесоша» (Татары), «порты драгія и вещи «многоцѣнныя складше яко селныя копны пожгоша, не могуще бо взяти «съ собою, но точію златое и сребреное, и кузно, и драгоцѣныя ризы... «а денги мѣрками дѣлиша межь собою. Въ томъ пожарѣ и колокола «разліяшась... Бысть же сіе Іюля 3.—Фотій же Митрополитъ постави у «озера своего у Сенгу на брезѣ на лѣсу церковь Рождество Богородицы... «и нача жити тамо Священноинокъ Пахомей Болгаринъ, иже пріиде на «Русь съ Фотіемъ, живый преже въ пустыни во Аѳонорейской у того же «великого старца Ааккія, унего же и Фотій... И пребысть Фотій въ Сенгу «4 недѣли и 3 дни во умиленіи... часто приходя и смотряя лѣсы вели- «кія и дебри пустынныя и тишину и молчаніе веліе... И Князь Вели- «кій, Василей Дмитріевичь, посылаетъ къ нему, зовя его на Москву... и «срѣте его, и бесѣдоваша о бывшемъ нашествіи», и проч.—Озеро *Свято* и нынѣ извѣстно въ Владимірской Губерніи, также и село *Синжаны*, гдѣ, какъ вѣролтно, были *Сенежскія* пустыни.

(212) *Никон. Лѣт.* г. 1411: Князь Александръ Ивановичь Тверскій «поѣхалъ со Твери въ Литву, и наѣхалъ Короля (Польскаго) и Витовта «на Кіевѣ, а Зелени-Салтанъ» (еще не будучи Ханомъ) «тамо же бяше «у Витовта... Того жь лѣта (1412) взяша единачество межи собою Ви- «товстъ и Кн. Иванъ Михайловичь Тверскій».

(213) *Никон.. Лѣт.* г. 1412: «Авг. въ 15 пойде въ Орду Кн. В. «Иванъ Михайловичь Тферскій рѣкою Волгою въ судѣхъ, благословясь «у Епископа Антонія... и приводиша его сынове его и множество на- «рода со слезами, а съ нимъ Бояръ и слугъ множество; а иніи Бояре и «слуги проводиша его до Нижняго... а въ Ордѣ до его прихода той злы «нашъ недругъ Зелени-Салтанъ умре, застрѣленъ на войнѣ отъ брата «своего Кирмбердѣя». Тамъ же, г. 1408: «Тое же осени Окт. Кн. Вел. «Иванъ Мих. Тферскій пойде ратью къ Кашину на братанича своего, «па Князя Ивана Борисовича; онъ же бѣже на Москву; а Кн. Вел. «Иванъ Мих. пришедъ къ Кашину, помирися съ братомъ своимъ, Васи- «ліемъ Михайловичемъ Кашинскимъ; а сноху свою, Княгиню Борисову, «приведе во Тферь, а на Кашинѣ посади Намѣстники своя и дань на «нихъ взя»... Въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же весны Князь Юрьи Всеволо- «дичь Тферскій приде изъ Орды и приведе съ собою па помощь посолъ «именемъ.. добиваяся Кашина, да третьей части Тфери: и князь же Иванъ «Михайловичь не съступися ему; они же възратишася къ Царю Булатъ- «Салтану». Далѣе въ *Никон. Лѣт.*: «Дек. въ 8 день (1411), бывшу Князю Василью Михайловичу на праздникъ Св. Зачатія въ своемъ селѣ Стра-

«ковѣ, и покоющимъ имъ вечерню уже по Прокимнѣ, и полетѣ отъ Кашина «змѣй великъ зѣло и страшенъ, дыша огнемъ, и летяше отъ Востока къ «Западу къ нѣкоему озеру, аки заря свѣтясь... Бысть межи Вел. Кн. «Иваномъ Мих. и Василіемъ Мих. Кашинскимъ нелюбіе веліе (въ 1412 г.), «и повелѣ Вел. Кн. Иванъ Кн. Василія Мих. изымати и Бояръ его и «слугъ Іюня въ 28 день, а въ Кашинъ посла своего Намѣстника, а Кня«гиню его повелѣ привезти во Тферь. Тажь на завтріе въ Четвертокъ «по Вечерни посла за сторожи Кн. Василія Мих. на Новой городокъ, «и бывшимъ имъ въ Переволоцѣ, и сойдоша съ коней, и Князь преже «всѣхъ погна на кони въ одномъ терликѣ и безъ киверя, и перебреде «рѣку Тмаку, и погнаше не дорогами; и лучись ему въ нѣкоемъ селѣ «обрѣсти человѣка, иже печашесь о немъ и храняше его втаю въ лѣсѣ, «и переимая вѣсти и побѣже съ нимъ къ Москвѣ, а здѣ много искавше «и не обрѣтоша... Кн. Василей Мих. пойде съ Москвы въ Орду ко Царю «Зелени-Салтану... Авг. въ 1 день Кн. Великій Василей Дмитріевичь «пойде въ Орду со множествомъ богатства и со всѣми Вельможами, да «съ нимъ Князь Иванъ Васильевичь Ярославскій... Окт. о Дмитріевѣ «дни выйде изъ Орды Великій Князь В. Дм... Дек. въ 24 пріиде Князь «Василей Михайл. въ Кашинъ съ Татары и Князь Иванъ Борисовичь, «и застава Тферская въ городъ Кашинъ его не пустиша, и Кн. Василей «Мих. опять пошелъ въ Орду... Князь Иванъ Мих. Тверскій пріиде во «Тферь Апр. 9 въ день... и срѣтоша его со кресты».

(214) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 394. Длугошъ называетъ Керимбердея сыномъ Зелени-Салтана (Solthan Zelcdin). См. ниже, примѣч. 215.—*Никон. Лѣт.* г. 1415: «Пріидоша Татарове мнози и воеваша «по Задонью власти Резанскія, и градъ Елецъ взяша и Елецкого Князя «убиша; а иніи въ Резань убѣжаша... Того же лѣта (1422) Авг. въ 31 «день Царь Баракъ побилъ Куйдата Царя... Царь Баракъ приходилъ» (въ Сент. 1422 г.) «къ Одоеву ратью... Царь Куйдатъ» (въ исходѣ 1423 г.) «паки пріиде ратью къ Одоеву на Кн. Юрія Романовича Одоевскаго, и «слыша то Витовтъ и посла къ Василью Дмитріевичу, чтобъ послалъ на «Царя, а самъ послалъ Кн. Андрея Михайловича ратью и Кн. Андрея Всеволодовича и Кн. Ивана нарицаемаго Баба, и брата его Путяту «Дрюцкихъ Князей, и Кн. Дмитрія Всеволодича и Григорья Протасье«вича, Воеводу Мченского. Они же шедше со Княземъ Юрьемъ Рома«новичемъ Одоевскимъ Куйдата прогониша... и двѣ Царицы его пой«маша... Тогда же убили и Когчю, богатыря Татарскаго, велика суща «тѣломъ и силою.»—Абульгази называетъ Барака сыномъ Койричака или Каверцика, а 8 Тохтамышевыхъ сыновей слѣдующими именами: Dsalaludin, Dsabarbirdi, Kajuk, Karim-birdi, Iskander, Abusait, Chodsa, Kadir-birdi.

(215) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 375 и 409. Не давно издано на Нѣмецкомъ языкѣ *Путешествіе Шильтбергера, Мюнхенскаго уроженца, по землямъ Востока* въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка (Schiltbergers Reise in den Orient), имъ самимъ описанное и переведенное съ древней рукописи Ненцелемъ. Шильтбергеръ былъ взятъ въ плѣнъ Турками въ сраженіи 1395 года при Никополисѣ и разсказываетъ слѣдующее (стр. 38—78): «У внука Тамерланова, Абубахира, жилъ Царевичь Золотой «Орды, именемъ *Зегра*. Послы сей Орды молили его возвратиться въ Улусы «ея. Зегра отправился туда черезъ Шерванъ, *Byrsy* (Bursa), Шабранъ «(Smabram), Дербентъ, *Орнгенсъ* (на островѣ рѣки *Эдиля*, Ателя или «Волги), первый городъ Татарскій. Зегра пріѣхалъ къ Эдигею, который «располагалъ Ханскимъ достоинствомъ и былъ то же, что Maior Domus. «Въ Ордѣ царствовалъ Schuduchbochen (Шадибекъ): изгнавъ его, Эдигей

«выбралъ въ Ханы Polet (Булата), который царствовалъ полтора года «и былъ изгнанъ Ханомъ Segelladin (Зелени-Салтаномъ). Tamir (Темиръ), «братъ Булатовъ, свергнулъ Зелени-Салтана, но царствовалъ только 14 «мѣсяцевъ: Зелени-Салтанъ снова явился, убилъ Темира, и черезъ 14 мѣ«сяцевъ самъ погибъ отъ руки своего брата, именемъ TheBac» (Кибака, извѣстнаго по современнымъ монетамъ и Турецкимъ лѣтописямъ). «Дру«гой, меньшій братъ его, KerimBardin (Керимбердей), изгналъ Кибака, «а черезъ 5 мѣсяцевъ Кибакъ изгналъ Керимбердея; а Эдигей и Зебра «изгнали Кибака. Зебра сдѣлался Ханомъ; но черезъ 9 мѣсяцевъ воз«сталъ на него и на Эдигея какой-то Machmud» (Махметъ? см. ниже, г. 1426—1431). «Зебра ушелъ въ Kestihipschach (Кипчакъ?), а Махметъ «взялъ Эдигея въ полонъ. Но скоро Waroch» (Баракъ? см. выше, примѣч. 214) «изгналъ Махмета, а послѣ Махметъ Барака, а послѣ *Дола*«*берть* Махмета, но Махметъ черезъ 3 дни возвратился и убилъ врага «своего. Наконецъ пришелъ Зебра, убилъ Махмета и сдѣлался Ханомъ».— Далѣе Шильтбергеръ упоминаетъ о землѣ Horasma, гдѣ городъ *Оригенсъ* (см. выше въ семъ примѣч.)— о землѣ Bastan, гдѣ городъ Zulat, въ горахъ—о городахъ Bolar, Ibissibur, Asach (Азовъ?), или Alechena, какъ именуютъ его Христіане, на рѣкѣ Tena (Донѣ), откуда идетъ рыба и воскъ въ Венецію, въ Геную—о землѣ Kopstzoch (Кипчакъ?) гдѣ городъ Sulchat—о городахъ Kassa (Кафѣ?), Karkeri на Черномъ морѣ, гдѣ жители Христіане Греческой Вѣры и гдѣ, подлѣ города Saruchertman (Херсона?), Св. Климентъ былъ утопленъ въ морѣ—о землѣ Stracgas (Астрабатѣ?), гдѣ жители Христіане Греческіе, злые разбойники — о странѣ Reussen или Россіи, которая находится въ подданствѣ у Татаръ Онъ сказываетъ, что Татары *Красные* раздѣляются на три колѣна, именуемыя Kejat, Jabu, Mugal. Вообще всѣ его извѣстія не ясны, безтолковы, но доказываютъ, что Шильтбергеръ дѣйствительно былъ въ сихъ мѣстахъ. Онъ возвратился въ Мюнхенъ въ 1427 году.

(216) Въ *Псков. Лѣт.* г. 1422: «Витовтъ, събравъ силы «многы, не «токмо Литву, но Москвичь и Тферичь, иде на Прусы и взя градъ Го«лубъ и воева землю ихъ 3 мѣсяци, и возвратись миру не вземь, и мно«зіи ратніи его тогда гладомъ изморша». См. Гадебуша Livl. Jahrbüch. г. 1422, стр. 54. Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена въ 1413 году писалъ къ своему двоюродному брату, фонъ Плауэну, о союзѣ Витовта съ Новогородцами, Псковитянами и mit den *grossen Russen* (между бумагами Кенигсберг. Архива № 631). Въ письмѣ своемъ къ Королю Богемскому (подъ No 632) говоритъ онъ о дружествѣ сего Литовскаго Князя *со всѣмъ народомъ Русскимъ* mit der ganczen Russischen Czunge; а въ другомъ письмѣ (подъ № 641) проситъ Короля взять въ свою службу какого-то *Россійскаго Герцога Вайселя,* выѣхавшаго въ Пруссію, кажется, изъ Литвы.

(217) Въ *Новог.* Попа Іоанна, г. 1407: «Пріиде въ Новгородъ Кн. «Семеонъ Ольгердовичь.... Пріпде въ Новгородъ Князь Костянтинъ Дми«тревичь отъ Великаго Князя на Намѣстничество (въ 1408)... Лугвенъ «(въ 1412 г.) съѣха въ Литву и Намѣстники сведе съ пригородовъ По«вогородскихъ .. а Король Ягайло и Витовтъ и Лугвенъ вскинуша гра«моты възметны къ Новугороду Генв. 2, а рекъ тако Король и Витовтъ: «что были есте намъ нялися служить и вамъ было Нѣмцемъ такожь слу«жити, а съ нами заедино стати и закрѣпитися на обѣ сторонѣ въ за«пасъ... и мы къ вамъ послали Бояръ своихъ, Немира и Зиновья Бра«тотича... и вы Немиру отвѣчали: не можетъ Новгородъ того учинити: «какъ есмя съ Литовскымъ мирны, такъ есмя и съ Нѣмци мирны. Мы «Кн. Лугвепя вывели отъ васъ, а съ Нѣмци есмы миръ вѣчный взяли и

«съ Угры и съ всѣми нашими граничьникы... А еще люди ваши намъ «лаяли, насъ безчествовали... А Лугвенъ рече: дружали мя есте у себе «хлѣбокормленіемъ», и проч... «Той же весны (1414) пойдоша въ Литву «послове Новогородскіи, Посадникъ Юрья Онцифоровичь, Офонасъ Федо- «довичь, Федоръ Трябло, и взяша съ Княземъ Витовтомъ миръ по старинѣ.

Стриковскій напротивъ того пишетъ басню, что въ семъ году Псковитяне и Новогородцы признали Витовта своимъ Государемъ; что первые обязались давать ему ежегодно 5000 червонцевъ, 50 Нѣмецкихъ коней, но двадцати кожъ волчьихъ, медвѣжьихъ и лисьихъ: куницъ же, соболей, бѣлокъ и горностаевъ по сороку, а Новогородцы вдвое того; что Витовтъ сдѣлалъ начальникомъ во Псковѣ Князя Георгія Носса, а въ Новѣгородѣ Князя Симеона Алгимунта Гольшанскаго.

(218) Въ *Новог. Лѣт.*: «Того же лѣта (1392), вышедше изъ моря «Нѣмци разбойницы въ рѣку Неву, взяша села по обѣ стороны рѣки за «5 верстъ до Орѣшка, и Кн. Симеонъ Лугвеній съ Городчаны сугнавъ «ихъ, избиша, а иныхъ разогнаша, и языковъ въ Новгородъ приведоша... «Приходиша Нѣмци Свѣя (г. 1395) къ новому городку къ Ямѣ, и прочь «пойдоша: и Князь Костянтинъ съ Городчаны иныхъ избиша, а иніи убѣ- «жаша... Той же осени (г. 1397) Нѣмци взяша 7 селъ у Ямского городка «и пожгоша... Пришедъ Свія (г. 1411) войною и взяша пригородъ Нов- «городскій Тиверскій, и Новогородци вскорѣ пойдоша на Свѣю только «за 3 дни по сей вѣсти съ Кн. Семеномъ Ольгердовичемъ, и пришедше «въ Свѣйскую землю, села ихъ повоевавъ и пожгоша, а Свѣи много из- «сѣкоша, а у города Выбора охабень вземъ и пожгоша Марта въ 26, и «пріидоша въ Новгородъ съ множествомъ полона; а Воеводы были Фома «Есиповичь и Посадникъ Александръ Фоминичь, Иванъ Даниловичь, «Григорей Богдановичь, Афанасъ Есиповичь, сынъ Посадничь, Фома «Трощикинъ, Дмитрій Ивановичь, Андрей Ивановичь, Есипъ Филиповичь, «Аврамъ Стефановичь; а Нѣмци у Выбора только единого Новогородця «убиша, Павла съ Нутной улици».—Далѣе: «Ходиша изъ Заволочья вой- «ною на Мурманы Новогородскымъ повелѣніемъ, а Воевода Яковъ Сте- «фановичь. Посадникъ Двиньскый, и повоеваша ихъ... Пришедше Мур- «мане войною» (въ 1419 году) «въ 500 человѣкъ въ бусахъ и въ шне- «кахъ, повоеваша въ Аргузѣ погостъ Корельскый и въ земли Завотской «погосты, въ Неноксѣ Корельскомъ монастырь Св. Николы, Конечный «погостъ, Яковлю, Курью. Ондреяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кярь островъ, «Михайловъ монастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а Хри- «стіанъ и Черноризецъ посѣкли; а Заволочане 2 шнеки Мурманъ избиша, «а иніи избѣгоша на море».—О Нѣмцахъ: «Той же осени (1420) пріидоша «изъ Нѣметской земли послове отъ Местера Селивестра, Вельядскій Ку- «мендерь Гостило, и сестричичь Местеровъ Тимоѳей, и Воевода Руго- «дивскый Еремейко, и докончаша съ Княземъ Костянтиномъ и съ всѣмъ «В. Новымгородомъ, что быти на съѣздъ Местеру, а Князю Костянтину «и Новогородцемъ послати своихъ Бояръ, и послаша Намѣстника Князя «Великого, Кн. Федора Патрекеевичь, и Княжа Боярина Костянтинова, «Андрея Костянтиновича, Посадника Новогородскаго Василія Есиповичь, «Посадника Офонаса Федоровичь, Якова Дмитреевичь, Михаила Юрь- «евичь, Наумана Ивановичь; они же паѣхаша Местера на Наровѣ, и «взяша вѣчный миръ по старинѣ, како былъ при Вел. Князѣ Александрѣ «Ярославичь». См. Арнта Livländ. Chron. г. 1420. *Еремейко* есть Гер- «манъ. Къ мирной грамотѣ были привѣшены 6 печатей. Я нашелъ Нѣ- «мецкій переводъ сей или другой грамоты между Архивскими Кенигс- «бергскими бумагами № 320. Начало: Von dem Groszin Koninge Con- «stantin Demytirson, von dem Burgrafen von Nogharden Myckytenson.

von dem Herzogen — v. Nogharden Cuseman Terentenson, van alle Grosszin Nogharden: ich Koning Constantyne Dymytirson, ich habe gesant myne Boden Zachare, mynen Boyaren Jhezypisson und v. Nogharden ist Phyphylate Wassileusone, und haben geendiget eynen frede, alse vor uns und vor Pleskow mit dem Meister v. Riga und mit dem Bischope v. Darpte, u proч. Здѣсь Королемъ названъ Князь, Бургграфомъ Посадникъ, а *Герцогомъ* Тысяцкой. Въ договорѣ сказано, что рѣка Нарва служитъ границею; что Нѣмцы не должны на другой сторонѣ ея рубить лѣса, косить сѣна и проч.; не должны также изъ Выборга и Ревеля пропускать хлѣба сухимъ путемъ Россію, ни Шведскаго войска; что купцы наши свободно ѣздятъ и торгуютъ въ Ливоніи: de soll haben eynen reynen Weg. Года не поставлено.

Чрезъ нѣсколько времени Новогородцы, будучи въ ссорѣ съ иноземными купцами, многихъ изъ нихъ заключили въ оковы, описали ихъ имѣніе и на воротахъ Нѣмецкаго двора повѣсили одного Россіянина за то, что онъ взялся отправить въ Германію письмо купца Ганиса (см. Гадебуш. Livland. Jahrbuch. г. 1424).

(219) Въ *Новогород. Лѣт.* г. 1418: «Того жь мѣсяца (Апрѣля) сдѣялся «тако наученіемъ Діаволимъ: человѣкъ нѣкый Степанко, изымавше Боя«рина Данила Ивановичь, Божина внука... Людіе же влечахуть его (Боя«рина) и казниша его ранами близъ смерти. Жена же нѣкая, отъврѣгши «женскую немощь и вземши мужескую крѣпость, вскочивши посреди «сонмища, дасть ему раны, укаряюще его... и сведше его съ Вѣча, и «сринуша съ мосту. Нѣкто же людинъ, Личковъ сынъ рыболовъ, въсхыти «его въ челнъ... Начаша звонити Вѣче на Ярославлѣ дворѣ... И на Яневѣ «улицѣ берегъ пограбиша... и Кузмодемьянци отъдаша Степанка и молиша «Архіепископа, да пошлетъ къ собранію людску. Святитель же посла его «съ Попомъ, да своимъ Бояриномъ: они же пріяша его, и пакы възъярив«шеся на иного Боярина, на Ивана Іевлича на Чюдницевѣ улицѣ... И «того же утра на Люгощѣ улицѣ изграбиша дворовъ много... и на Прус«скую пріидоша... и они отбишась... Того же дни въ лютую ту брань «бысть громъ великъ и молніе блистаніе и дождь и градъ, или того ради, «или строеніемъ Вышняго на потребу живущимъ народомъ... А въ то «время прилучися быти Варламу Архимандриту Св. Георгія, и глагола «ему Святитель: послѣдуй мн.... И пріиде къ нему Посадникъ Федоръ «Тимофеевичь съ иными Посадники и Тысяцкыми, глаголюще, да уста«вить народъ. Владыка же посла Архимандрита Варлама и отца своего «духовнаго и Протодіакона на Ярославль дворъ ко Св. Николѣ, да по«дають благословеніе его *Степенному*» (правительствующему) «Посаднику «Василью Есиповичь и Тысяцкому Кузмѣ Терентьевичь и всему народу», и проч.

(220) «Съ Вяткы, изъ Князи Великого отчины, Княжь Бояринъ «Юрьевъ Глѣбъ Семеновичь съ Новогородскими бѣглеци и съ Устью«жаны и съ Вятчаны изъѣхаша въ насадѣхъ безъ вѣсти Заволоцкую «землю, и повоеваша волость Борокъ, Ивановыхъ дѣтей Васильевичь, и «Емцу и Колмогоры вземъ и пожьгли, и Бояръ Новогородскыхъ изымаша, «Юрья Ивановичь и брата его Самсона. Иванъ Федоровичь, братъ его «Офонасъ, Гаврила Кириковичь, Исакъ Ондреевичь, сугнавъ ихъ подъ «Моржомъ на островѣ, братію свою Самсона и Юрья отъяша, и полонъ «весь съ животы, а ихъ отпустиша; а Василій Юрьевичь, сынъ Посад«ничь, Самсонъ Ивановичь, Гаврила Кириловичь, братъ его Григорей съ «Заволочаны идоша за разбойникы въ погоню, и пограбиша Устъюгъ».

(221) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1419. Константинъ пріѣхалъ въ Новгородъ Февр. 25 въ 1420 г., а возвратился въ Москву въ 1421.

(222) Кранц. Wandal. кн. XI, стр. 251: Russorum tum urbem clarissimam, Nouguardiam vocant, tanta lues invasit epidemiae, ut intra sex menses octuaginta hominum millia perirent, tanta, ut ferunt, celeritate, ut ambulantes in plateis mox deciderent, et ad sepulchra mortuorum qui sani tumulandis aliis advenerant. cum mortuis mortui tumularentur. Въ *Псков. Лът.:* «Бысть моръ въ Псковѣ, яко же не бы«валъ таковъ» (въ 1390 г.): «гдѣ бо единому выкопали, ту и пятеро и «десятеро положиша... Того же лѣта (1404) бысть моръ во Псковѣ съ «Спасова дни; начаша преже мрети малыя дѣткы, и потомъ старыи и «младыя, а знатьба» (признакъ) «бяше такова: аще кому явится гдѣ же«лѣза, то на другый или на третій день умираше; а пришелъ тотъ моръ «изъ Юрьева отъ Нѣмець.... Тоя жь осени (1406) бысть моръ великъ въ «Псковѣ и по пригородомъ, а мряху желѣзою; тоя же осени бысть дождя «много... Не на длъзѣ времени отъ Спасова дни» (въ 1420 году) «начаша «въ Псковѣ и по волостемъ мрети малыя дѣтскы, и потомъ юноша и «дѣвы, и мужи и жены, и старыя мряху, но мало; и бысть моръ великъ «зѣло, и мнози тогда мужи и жены пріяша Ангельскій образъ... Тогда «начаша искати, гдѣ была первая церковь Св. Влассій, а на томъ мѣстѣ «стояше дворъ Артемьевъ, воротове, и Псковичи давши ему сребро и «изрывше дворъ, обрѣтоша престолъ, и на томъ мѣстѣ въ единъ день по«ставиша церковь во имя Св. Спаса, и освящаша и Литургію свершиша «Сент. въ 14... и мряху тогда желѣзою отъ Спасова дни и до Крещенья... «а пришло отъ Нѣмець изъ Юрьева».

Въ *Новогород. Лът.:* «Того жь лѣта» (1389 или 1390) «бысть моръ «въ Новѣгородѣ силенъ велми... Въ то же лѣто и зиму (1417) бѣ моръ «страшенъ въ Новѣгородѣ, и въ Ладозѣ, и въ Русѣ, въ Порховѣ, въ «Псковѣ и въ Торжьку, въ Дмитровѣ и въ Тфери... на всякъ день уми«раху толко, якоже не успѣваху погребати ихъ, а дворовъ много затво«риша безъ людей. Прежъ яко рогатиною ударить, и явится желѣза, или «начнеть кровію харкати и дрожь иметь и огнь ражжеть по всѣмъ съста«вомъ человѣчьскымъ.... и два Посадника преставишась въ Ангельскомъ «чину, Иванъ Александровичь и Борисъ Василевичь... Владыка Симеонъ «съ кресты обходи около града... и Христіане ови на конехъ, ови пѣши «изъ лѣса бервна (бревна) привозивъ, поставиша церковь Св. Настасію, «и свяща ю Арх. Симеонъ того же дни, а въ остаточныхъ бревнахъ по«ставиша церковь Св. Илію конецъ Пруской улицы; а Новотржане та«кожь единымъ утромъ Св. Аѳанасіа, и Литургію съврѣшиша... Въ си «два лѣта» (1421 и 1422) «бысть гладъ и моръ великъ, и наметаша «мертвыхъ 3 скудельници, едину у Св. Софіи за олтаремъ, а 2 у Рожe«ства на полѣ». Въ *Ростов. Лът.:* «тое же осени Сент. въ день» (1421 г.) «поча быти болѣзнь коркотная, и на зиму гладъ бысть». Далѣе въ *Новог. Лът.:* «Того же лѣта (1424) моръ бысть въ Новѣгородѣ желѣзою и хракъ «кровію».

Въ *Троицк. Лът.:* «Тое же осени (1401) моръ бысть на люди въ «Смоленьскѣ... Того же лѣта (1408) бысть моръ на люди по многымъ «странамъ, а болѣсть такова: первое разболится человѣкъ, и руцѣ и ногѣ «прикорчить, и шею скривить, и зубы скрегчеть, и кости хрястять, и «составы въ немъ троскотаху; кричить, вопить; у иныхъ же и мысль «измѣнится, и умъ отымется; иные одинъ день поболѣвше умираху, а «иные полтора дни, а иные два дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣвше «3 дни или 4, и паки здрави бываху. Сею же болѣстью умирали во во«лостехъ во Ржевскихъ. Волотьскыхъ, Можайскихъ, Дмитревскихъ, Зве«нигородскихъ, Переяславскыхъ, Володимерскихъ, Рязаньскихъ, Тору«скихъ, Юрьевскихъ, есть же инде и по Московскимъ волостемъ».

Ростов. Лът.: «Въ лѣто 6928 (1420) бысть моръ силенъ на Костромѣ «и въ Ярославлѣ, въ Галичѣ, во Плесѣ, въ Ростовѣ; почалъ отъ Успе«нія, и тако вымроша, яко и жита бѣ жати некому; а снѣгъ паде на «Никитинъ день, и иде 3 дни и 3 нощи: паде его на 4 пяди, и потомъ «сойде, и мало кто что сожа, и бысть гладъ по мору».

Въ *Псков. Лът.* г. 1411: «Того же лѣта Псковичи сожгоша 12 жонкѣ «вѣщихъ».

Въ *Никон. Лът.* г. 1422: «Гладъ бысть великъ по всей Руской землѣ «и по Новогородской: и мнози людіе помроша съ голоду, а иніи изъ Руси «въ Литву изыдоша, а иніи на путехъ съ лада и съ студени помроша: «бѣ бо зима студена велми; а ини же и мертвыя скоты ядоша, и копи, «и псы, и кошки, и кроты, и люди людей.... и купиша тогда на Москвѣ «оковъ ржи (4 четверти) по полутора рубли» (въ другихъ спискахъ *по рублю*) «а на Костромѣ по 2 рубли, а въ Нижнемъ Новѣгородѣ по 6 руб«левъ». Въ *Псков. Лът.* г. 1420: «На всю Рускую землю бысть гладъ «великъ по три годы, и преже въ Новѣгородѣ и по всѣмъ ихъ волостемъ. «и на Москвѣ, и по всей Московской и по Тферской, и толми бысть «тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковризѣ дати полтына, али како во «портище; а ржи паша четверетка чего кто запросилъ, а иніи съ усер«діемъ даваху; а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковыхъ «мало обрѣтаху... А въ Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякого «обиліа изнасыпаны на Крому; и пойдоша ко Пскову Новогородци, Ко«рѣла, Чюдь, Вожани и Тферичи, и Москвичи, и просто рещи, съ всей «Руской земли, и начаша по волостемъ и по пригородомъ и въ Псковѣ «купяще рожь, возити за рубежь, и въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи «по 70 ногатъ, а жита по 50, а овса по 30 ногатъ, а на полтыну ржи «2½ зобници.... и накладоша тѣхъ пустотныхъ» (бѣдныхъ пришельцевъ) «въ Псковѣ 4 скуделници».

Въ *Новогород.* Голицынск. *Лът.* г. 6929 (1421): «бысть вода велми «велика въ Волховѣ и снесе 20 городенъ Великого мосту Апр. въ 21... «мала же убо нѣкаа отъ части древеса остася у брега... и прочимъ мо«стомъ округъ града разрушенымъ быти; еще же и примостки уличніи «разбишася.... и храми мнози испроверженны быша.... и нѣци живяху на «врьсѣхъ кождо храмины своея... друзіи же на ины мѣста преселишася... «Иноци же убо не могуще ходити къ церквамъ, но иніи въ ладьици «путьшествуютъ ко церквамъ; друзіи же по доскамъ ходяще; во инѣхъ «же церквахъ не мошно убо и Іереомъ Литургіи свършати... Еще же и «ограды садовныя разбьены быша, и еже въ нихъ древеса плодовита «искоренена отъ буря вѣтряняа... Христіане же глаголаху: не сіе ли «хощетъ Богъ и нынѣ навести на ны наказаніе, яко же и при Нои? Се «же бѣ мѣра вшествію воды горѣ до градныхъ вратъ Прускыя улицы. «Въ то же пакы время, Маія въ 19, въ заговѣнье Петрово въ полунощи, «бысть трусъ на небеси велій: вшедше туча силна съ полудни испуща «громъ страшенъ и молнія огнена съ небеси блескающе, яко нѣсть можно «человѣкомъ видѣти, и ста надъ градомъ, и убо тученосный облакъ на «огненное видѣніе преложися.... и бысть дождь силенъ и градъ, и убо «*каменіе* валяшеся изъ облака... Священникомъ же и самому Архіепи«скопу пришедшимъ въ Св. Божію церковь, молящеся Богу», и проч. См. ниже, примѣч. 254, подъ годомъ 1421.

Въ *Новогород. Лът.:* «Въ лѣто 6910 (1402) явися звѣзда хвостата «на Западѣ, лучь имуще свѣтелъ, и пребысть мѣсяць Мартъ весь». Въ *Никон. Лът.* подъ тѣмъ же годомъ: «Въ Великое говѣніе мѣс. Марта «явись на Западѣ въ вечерней зарѣ звѣзда велика зѣло копейнымъ об«разомъ: въ верху ея лучь великъ сіяше обходяще ю же видѣхомъ за

«12 дній на Востопѣ восходящу и на Западѣ лѣтнемъ въ вечерней зарѣ «сіяющу». Въ *Псков. Лът.*: «Явися звѣзда хвостатаа на западной странѣ «и въсхожаше съ прочими звѣздами отъ *Свадебы*» (Февр. мѣс.) «до Вербной «Субботы». См. также Cométographie, г. 1402.

(223) Въ Голицын. *Новогородск. Лът.* г. 6910: «Сбывается слово «Евангельское, яко же самъ Спасъ во Евангеліи рече: въ послѣдняя дни «будутъ знаменія велика на небеси... и гладове и пагуби и трусы... во- «станетъ языкъ на языкъ... Се бо въсташа ратующе ово Татарове, ово «же Туркове, индѣ же Фрязове.... Въстаютъ рати, и правовѣрный Князь «на брата своего или на дядю... скуетъ копіе свое... и стрѣлами своими «стрѣлятъ ближній ближняго.... И понеже время послѣднее приходить», и проч.—Въ *Новог. Лът.* Попа Іоанна: «И Владыка Іоаннъ благослови «Великій Новгородъ.... а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, зане жь, «дѣти, видите уже послѣднее время!»

(224) Великій Князь скончался въ третьемъ часу ночи.

Въ *договорн. грамотѣ* Василія Димитріевича съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (въ *Собр. Государст. Грамотъ* I, 65) сказано: «А «со Княземъ съ Семеномъ съ Романовичемъ съ *Новосильскимъ* и съ *То-* «*рускими* Князи также взяти ти любовь... зане же ти Князи *со мною* «*одинъ* человѣкъ:» то есть, они были его присяжниками. Перемышль и Козельскъ находились въ числѣ городовъ Князя Владиміра Андреевича *Храбраго* (см. въ его завѣщаніи). — Князья Ростовскіе были Намѣстниками во Псковѣ и Двинской землѣ, какъ мы выше сказали. — Въ Хлыновской лѣтописи: «Великій Князь Василій Димитрьевичь весною «посылалъ рать на Вятку, съ Княземъ Семеномъ Ряполовскимъ, и ничто «же успѣвъ, воротились». Въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ «Юріемъ сказано: «также что тя пожаловалъ отецъ мой, Князь Великій «Василей Дмитреевичь, *Вяткою* и съ слободами и со всѣми мѣсты» (см. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 160). Увидимъ послѣ, что Кн. Ряполовскій ходилъ къ Вяткѣ уже при Темномъ. — Далѣе въ договорной Рязац. грамотѣ сказано: «на семъ, брате *молодшій*, Князь Великій Ѳедоръ Олговичь, «цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату *старѣйшему*... имѣти ти меня «собѣ братомъ *старѣйшимъ*, а братью мою молодшюю, Кн. Володимера «Ондреевича и К. Юрья Дмитреевича, имѣти собѣ *братьею;* а меньшюю «нашу братью, К. Ондрея Дмитреевича и К. Петра, имѣти ти собѣ «братьею *молодшею*... Быти ти съ нами вездѣ за одинъ по думѣ... а не «пристать ти къ Татаромъ никоторою хитростью. А будетъ ти Киличея» (посла) «послати въ Орду... или къ тебѣ посолъ Татарской придетъ, и «тобѣ того почтити Крестьянского дѣля добра... А что ти слышевъ отъ «Орды, а то ти намъ повѣдати.... А что на Рѣзанской сторонѣ за Окою... «какъ ся отступили Князи Торускіе Ѳедоръ Славичь, та мѣста къ Рѣзани... «Такъ же мнѣ, Князю Великому, въ землю Рѣзанскую и во Князи Рѣзан- «скіе не вступатися; а со Княземъ съ Великимъ съ Иваномъ Володи- «меровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ. А что ся учинитъ «межи васъ какова обида, и вамъ отслати своихъ Бояръ, ино учинятъ «исправу; а о чемъ ся сопруть, ино имъ третей Митрополитъ; а кого «Митрополитъ обвинитъ, ино обидное отдати; а не отдастъ, ино мнѣ, «Князю Великому, оправити... На кого помолвитъ третей, и виноватой «отдастъ; а не отдастъ, и правой пошлетъ къ Великому Князю Василью «Дмитреевичу, и Князь Великій пошлетъ къ виноватому въ первые, и «въ другіе, и въ третьи; а не послушаетъ виноватый и Кн. Велик. Ва- «сильи Дмитреевича а не отдастъ, Князю Великому исправити, а цѣло- «ванья не сложити, а то ему не въ измѣну. А коли позоутся на третей, «а въ то время рать на того будетъ, или посолъ Татарской въ землѣ,

«инъ за тѣмъ не поѣдетъ на третей, въ томъ ему вины нѣтъ... А что «будетъ Мещерская мѣста, что купилъ отецъ твой, К. В. Олегъ Ивано- «вичь, или вы, или ваши Бояре, въ та мѣста тобѣ, Князю Вел. Ѳедору «Олговичу, не вступатися; а земля къ Мещерѣ по давному, какъ было «при Великомъ Князѣ Иванѣ Ярославичѣ и при Князи Александрѣ «Уковичѣ... а что была рать отца моего въ твоей вотчинѣ при твоемъ «отци, и Княже Романова Новосильского, и Князей Торускихъ, намъ «отпустити полонъ весь; а что взято на полоняницѣхъ, а то намъ отдать... «А третей межи насъ хто хочетъ, тотъ воименуетъ три Князи Крестъ- «янскіе; а на комъ ищутъ, тотъ собѣ изберетъ изъ трехъ одиного... А «пошлина съ бѣглеца съ семьи два алтына, а съ одинца алтынъ. А мыты «ны держати старые пошлые... а мыта съ воза и въ городѣхъ и всѣхъ «пошлинъ денга; а съ пѣшеходца мыта нѣтъ, а иныхъ всѣхъ пошлинъ «съ рубля алтынъ, а съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои «два алтына, а безъ набои денга, а Князей Великихъ лодьи пошлинъ «нѣтъ... А что ся будетъ учинилося межи насъ въ перемирье обида, и «межи Князя Великого Ивана, и межи Князя Романа, и межи Князей «Торускихъ, то оправити по первой грамотѣ по перемирной. А всхочетъ «съ тобою тесть мой Князь Великій Витофтъ любви, ино тебѣ съ нимъ «взяти любовь со мною по думѣ, какъ будетъ годно... Писана на Москвѣ «въ лѣто 6911, Индикта 11, мѣсяца Ноября въ 25 день».

(225) «Тое жь зимы» (въ 1422 или 1423 году) «Софья Васильева «Дмитріевича съ сыномъ своимъ Васильемъ ѣздила ко отцу своему, «Витовту, въ Смоленескъ; а Князь Великій, отпустивъ ея съ Москвы, «самъ пойде на Коломну; а Фотій Митрополитъ у Витовта же былъ, а «пошелъ напередъ Великія Княгини».

(226) *Собраніе Госуд. Грамотъ* I, 82: «А приказываю своего сына, «Князья Василья, и свою Княгиню и свои дѣти своему брату и тьстю, «Великому Князю Витовту, какъ ми реклъ *на Бозъ, да на немъ!* какъ ся имѣть «печаловати, и своей братьѣ молодшей Князю Ондрею Дмитреевичу, и «Кн. Петру Дм. и Кн. Костянтину Дм. и Кн. Семену Володимеровичу, «и Кн. Ярославу Володимеровичу, и ихъ братьѣ, по ихъ докончанью, «какъ мы рекли».

(227) См. тамъ же. Василій отказалъ сыну изъ селъ Московскихъ Островское, Орининское, Костянтиновское, Малаховское, деревни Жи- ропкины, Копотенское, сельцо подъ Москвою надъ Великимъ прудомъ, Хвостовское, и проч. Далѣе: «на Москвѣ дворъ Ѳоминской Ивановича у «Боровицкихъ воротъ, да другій, што былъ за Михайломъ за Вяжемъ, «да новой дворъ за городомъ у Св. Володимера... А сына своего Князя «Василья благословляю своею вотчиною *Великимъ Княженіемъ*, чѣмъ мя «благословилъ мой отецъ. А Княгинѣ моей изъ Костромы Иледамъ и съ «Комелою... да Нерехта, и съ варницами, и съ бортники, и съ бобров- «ники... А сына своего, К. Василья, благословляю своими примыслы, «Новымъгородомъ Нижнимъ со всѣмъ, да своимъ же примысломъ Му- «ромомъ со всѣмъ... А тѣ волости и села, што есмь подавалъ своей Кня- «гинѣ, пославъ сынъ мой да моя Княгини опишютъ, да положатъ на нихъ «дань по людемъ и по силѣ; и Княгини моя дастъ съ тѣхъ волостей и «съ селъ дань по розочту, и ямъ... А перемѣнитъ Богъ Орду, и Княгини «моя емлетъ себѣ ту дань... а Волостели свои и Тіуни и доводщики су- «дитъ сама... А тѣ волости и села Княгинѣ моей до ее живота; а по ее «животѣ, ино сыну моему Князю Василью, опроче Гжели, да Семцинь- «ского села, да ее прикупа... вольна (въ томъ) Княгини моя, кому хо- «четъ даги, тому дастъ. А кто иметъ Бояръ служити моей Княгинѣ, и «сынъ мой тѣхъ Бояръ блюдетъ. А благословляю сына своего Князя Ва-

«силья Страстьми большими, да крестъ честный животворящій Патрі-«ярша *Филоѳеевскій*... даю ему икону Парамшина дѣла, да цепь хрестъ-«чатую, что мя благословилъ отецъ мой, да шапку золотую, да бармы «да поясъ золотъ съ каменьемъ, что ми далъ отецъ мой, да другій поясъ «мой на чепахъ съ каменьемъ, да третій поясъ емужъ на синемъ ремени. «А изъ судовъ даю коропку сердоничную, да ковшъ золотъ Княжъ Со-«меновской, да судно оковано золотомъ, что ми дала мати моя, да ка-«менное судно велико, что ми отъ В. К. отъ Витовта привезлъ Князь «Семенъ, да кубокъ хрустальной, что ми Король прислалъ. А стада ко-«быльи моей Княгинѣ съ моимъ сыномъ на полы; а опроче того, что ни «есть у мене, то все моей Княгинѣ. А холопи, которые есмь подавалъ «своей Княгинѣ при своемъ животѣ, тѣ ей и есть; а дастъ моя Княгини «моимъ дчеремъ изъ моихъ холоповъ по пяти семей; а опроче того всѣ «холопи мои на слободу и съ женами и дѣтьми... А у сее грамоты были «мои Боляре: Князь Юрій Патрикеевичь, Иванъ Дмитреевичь, Михайло «Ондреевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Михайло Ѳедоровичь, Ѳедоръ Ивано-«вичь. А писалъ сю мою грамоту Олексѣй Стромиловъ» (въ другомъ спискѣ: «мой Дьякъ Тимоѳей Ачкасовъ»). «А хто сю мою грамоту по-«рушитъ, судитъ ему Богъ, а не будетъ на немъ мое благословенье въ сій вѣкъ, ни въ будущій».

(228) Въ *Собраніи Грамотъ*, I, 72. Сія духовная писана по кончинѣ Митрополита Кипріана, но еще при жизни Василіевой матери, супруги Донскаго, умершей въ 1407 году. Іоаннъ же, сынъ Василія Димитріевича, преставился въ 1417 г. лѣтомъ. Въ семъ завѣщаніи сказано: «даю моей «Княгинѣ два села въ *опришнину:*» сіе имя сдѣлается ужасно при Царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ! Далѣе: «А ты, сынъ мой, держи матерь свою во «чти и въ матерствѣ, какъ Богъ реклъ... А о своемъ сынѣ и о своей «Княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на Князи на Володи-«мерѣ Ондреевичѣ, и на своей братьи... А у сее грамоты были мои Бо-«яре: Князь Юрьи Ивановичь, Костянтинъ Дмитреевичь, Дмитрей Афи-«неевичь, Иванъ Дмитреевичь, Вол... Иванъ Федоровичь, Федоръ Федо-ровичь».

Въ Архивѣ находится еще договорная грамота Василія Димитріевича съ братьями Андреемъ и Петромъ, въ которой онъ утверждаетъ за ними и за ихъ дѣтьми данные имъ отъ Донскаго Удѣлы, и проч.

(229) См. выше, примѣч. 224.

(230) Въ *Троицк. Лѣт.:* «Въ лѣто. 6906 (1398) бысть Царьгородъ въ «осадѣ... и рати стояху около города, поганіи Бесерменове, окаяннїи Тур-«ковс, сынъ Амуратовъ, братъ Чалибѣевъ, Баазытъ, со всѣ стороны пе-«рея пути, и по морю и по суху, и тако стояша долго время, яко и до «седми лѣтъ... Тогда Царь и Патріархъ и прочіи людьи и въ печали «бяху велицѣй и въ оскудѣньи, и то слышавъ Князь Великій и погадавъ «съ Митрополитомъ и съ прочими Князьми Рускими, и послаша сребро «милостыню во Царьгородъ, Съ Москвы поѣхалъ съ милостынею Родіонъ «Чернецъ Ослѣбя» (не тотъ, который былъ въ сраженіи съ Мамаемъ на Куликовѣ полѣ?) «бывый прежде Боляричъ Любутьскій: а «Князь Ми-«хайло Тферскій послалъ своего Протопопа Данила... Царь же и Патрі-«архъ много хваленья и благословенья вслаху Руси, и прислаша Князю «Великому поминокъ, икону чудну, на ней же написанъ Спасъ и Ангели, «и Апостоли, и Праведницы, а вси въ бѣлыхъ ризахъ; такожъ и Князю «Михайлу Тферскому прислаша икону Страшный судъ». Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Митрополитъ Кипріанъ убѣдилъ и Рязанскаго Князя Олега и Витовта сдѣлать Грекамъ вспоможеніе. Въ другихъ прибавлено, что Россіяне отослали тогда 20,000 рублей серебра въ Царьградъ.

(231) См. Русскій переводъ Кедрина, въ продолженіи его Исторіи: также Memor. Popul. II, 1033, и Дюканж. Famil. Aug. Byzant. 245. Въ одной краткой лѣтописи сказано: «того же лѣта (1404) приходила Царица Калоанова въ Св. Лавру» (Троицкую). Это не могла быть Анна, которая вышла замужъ черезъ 10 лѣтъ послѣ того. Ее погребли въ Константинополѣ, въ монастырѣ Богоматери, называемомъ τοῦ Ἀγίου.

(232) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Въ лѣто 6898 (1390) приде Кипріянъ Митр. «изо Царягорода на Русь, а съ нимъ придоста 3 Митрополита Гречина, «Матѳей Андріанопольскій, а другый Никандръ Гаанскый, Ѳедоръ *Епис*«*копъ* Ростовскій, Ефросинъ Архіепископъ Суждальскій, Михайло Епис«копъ Смоленскій, Исакій *Епископъ* Черниговскій» (въ *Ростов. Лѣт.* «Исаакій названъ Архіепископомъ: см. ниже: въ *Никон. Лѣт.* сказано, «что Патріархъ Антоній далъ *тогда* Ѳеодору Ростовскому *Архіепископію*) «и Еремея Грьчинъ, Епископъ Рязанскій. Кипріанъ на Москву приде «отъ Кіева въ Великое говѣнье на Средокрестной недѣли... а Ѳедосъ «Епископъ бысть Турову». Въ *Никон. Лѣт.*: «И срѣте (Митрополита) «самъ Вел. Князь съ матерію своею Евдокіею и съ братіею и съ Бояры «на Котлѣ... и облечеся во Святительскій санъ Кипріянъ у *Николы* у «*Старого*» (см. выше, примѣч. 194) «и пойде во градъ Москву». Тутъ упоминается еще о Даніилѣ, Епископѣ Звенигородскомъ.

Въ харатейномъ *Церковномъ Уставѣ*, находящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ No 216, въ концѣ книги приписано слѣдующее:

«Въ лѣто 6898 (1390) позванъ бысть Кипріянъ Митрополитъ на «Тферь Великымъ Княземъ Михайломъ Александровичемъ, и пойде съ «Петрова дни ко Тфери, а съ нимъ 2 Митрополита Гречина, Матѳей и «Никандръ Гаанскый, Владыка Михайло Смоленьскый, Стефанъ Перьм«скый, и стрѣте внукъ Князя Великого, Князь Александръ, за 30 верстъ «отъ города Митрополита съ Бояры и съ великою честію. На другій «день стрѣте большій сынъ Князя Великого, Князь Иванъ, за 20 верстъ «отъ города Митрополита... и въ день Суботный по Вечернѣ стрѣте «самъ Князь Великый Митрополита на Починцѣ за 5 верстъ отъ города... «и выйде Митрополитъ противу Князя Великого изъ шатра далече... и «цѣловастася любезно, и сѣдоста, и бесѣдоваста надолзѣ о ползѣ душев«нѣй. Наутріи, въ день Недѣльный, Іуліа въ 3, стрѣте Митрополита Князь «Великый на Перемѣрѣ съ дѣтми и съ братаничи и съ Бояры, и пой«доста ко граду. Устрѣтоша ихъ съ кресты предъ враты Володимер«скыми у церкви Св. Муч. Георгіа, и цѣловаста честныя кресты... и «одяся въ Святительскую одежду и пача пѣти молебенъ Великому Спасу... и войде въ церковь Спаса, а повелѣ заклати агнецъ и нача служити Св. «Литургію. По отпѣтіи позванъ бысть Митрополитъ Великымъ Княземъ «на пиръ и съ его братіею, Митрополиты, и съ Владыками и съ Черно«ризци и съ всѣми слугами; и бысть честь велика и дары по три дни. «И бысть на четвертый день, събрашася Старци и Архимандриты, и «Игумени, и Попове, и Дьякони, и весь Священническый чинъ къ Князю «къ Великому: онъ же съзва свои Бояре и съвокупи обои въ едино мѣ«сто, и посла къ Митрополиту; они же начаша жаловатись о мятежи «церковнѣмъ на Евфимія, Епископа Божія Тфери града. Митрополитъ «же совокупи Съборъ и нача судити, и не *обрѣтеся у Евфимія правда «во устѣхъ его*, яко же рече Давидъ: мужъ кривъ не препловитъ днiй «своихъ. Архимандриты и Игумены и Попове и Бояре истягаша его въ «многихъ судѣхъ. Митрополитъ же суди по правиломъ Свв. Отецъ Събо«ромъ, и извергоша его. И нача просити Князь Великый Михайло у «Митрополита Епископа: Митрополитъ же дасть ему своего Архидіакона «Арсенія, и поставленъ бысть Іуліа въ 24 въ день Недѣльный, и посла-

«диша его въ Св. Спасѣ на столѣ честнѣ» Сіе написано современникомъ и достовѣрнѣе *Никон. Лѣтописца*, именующаго жалобы на Евфимія Висленя клеветами.

Въ *Троицк. Лѣт.* подъ годомъ 1404: «Того же лѣта Кипріанъ Ми«трополитъ Антонья, Епископа Туровьского, сведе со Владычества его по «повелѣнью Витовтову, и отъя отъ него санъ Епископскій, и ризницу «его, и клобукъ его *бѣлый*, а источники и скрижали его спороти повелѣ, «и приведе его отъ Турова на Москву, и посади въ кельи на манастырѣ, «иже на Симоновѣ».

Въ *Никон. Лѣт.* г. 1401: «Того же лѣта бысть Соборъ на Москвѣ... «Было Владыкъ 9: Архіеп. Вел. Новаграда Иванъ, *Архіепископъ* Черни«говскій Исакій, Архіеп. Ростовскій Григорій, Наѳанаилъ Еписк. Суз«дальскій, Ефросинъ Еп. Рязан., Арсеній Еп. Тферскій, Осогностъ «Епископъ, Григорей Еп. Коломенскій, Сава Еп. Лутцкій... и на томъ «Соборѣ отписася Архіеп. Иванъ Новогородскій своея Епископіи и Лут«цій Епископъ Сава, и повелѣ имъ Кипріянъ съ Москвы не изъѣзжати: «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Митрополитъ за пѣкія вещи Святи«тельскія».

(233) Сію грамоту выписываю здѣсь изъ Горюшкинскаго лѣтописца слово въ слово:

«Се язъ Князь Великій Василей Дмитреевичь всея Руси, сѣдъ съ «своимъ отцемъ съ Кипріаномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, «управилъ есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ старый «Номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой, Св. Князь Великій Володи«меръ, и сынъ его, Князь Великій Ярославъ всее Руси, какъ управили «они, сѣдъ съ Митрополиты, о судѣхъ церковныхъ, и списали Номока«нонъ по Греческому Номоканону, что суды церковныя и вся оправданія «церковная, какъ пошло издавна; по тому же и мы нынѣча управили, «оже бы то неподвижно было: николи напередъ впрокъ ни умножити бы, «ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ Велиціи Свя«тіи Князи вписали и укрѣпили. Списанъ же бысть сей свертокъ изъ «великого и старого Номоканона на Москвѣ въ лѣто 6911 Индикта, мѣ«сяца Ноября 11».

(234) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 506, и Т. II, примѣч. 108. Въ мнимомъ Уставѣ Ярослава: «Аже кто зоветъ чюжу жену блядью Вели«кихъ Бояръ, за соромъ ей *пять гривенъ золота*, а Епископу 5 гривенъ «золота... Аже кто зблудитъ съ животиною, двѣнадцать гривенъ» (кунами, то есть, почти въ двадцать разъ менѣе, нежели за вышесказанную брань)... «Аже кто зажжетъ дворъ или гумно, Епископу сто гривенъ» (кунами, или вдвое менѣе, нежели за словесное оскорбленіе жены Боярской).

(235) См. *Книгу Степен.* I, 423. Тамъ же, стр. 558: «Пребывая въ «своемъ селѣ на Голенищевѣ, между двою рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, идѣже «тогда бысть оба полы лѣсъ многъ, идѣ же есть церковь Василія Вели«каго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и пребывая тамо, Епи«скопы и Попы ставляше, идѣ же и книги своею рукою писаше, и мно«гія святыя книги съ Греческаго языка на Рускій языкъ преложи, и «довольно писанія къ пользѣ намъ остави, и вел. Чудотворца, Петра Ми«трополита всея Русіи, житіе написа». Татищевъ вздумалъ назвать Кипріана сочинителемъ *Степенной Книги;* но сей Митрополитъ занимался «только душеспасительными твореніями, а не Исторіею народа, ему чуждаго.

(236) См. ниже, примѣч. 254, подъ годомъ 1393.—Въ *Степен. Кн.* I, 558: «За 4 дни преже преставленія своего написа грамоту нѣкаку

«чудну прощальную.. Быша же на погребеніи его Святителіе Григорій «Архіеп. Ростов. и Митрофанъ Еписк. Сужд., и Иларіонъ Еп. Коломен«скій». Любопытные найдуть сію грамоту въ *Степ. Книгѣ* и въ лѣтописяхъ. Замѣтимъ только, что Митрополитъ именуетъ Василія Димитріевича Великимъ Княземъ *всея Руси*, другихъ же *Князей Великихъ* просто *Русскими*, и въ особенности говоритъ о Князьяхъ *Мѣстныхъ* или Помѣстныхъ. Въ концѣ: «Писана бысть грамота си у тріехъ Святитель, м. «Сент. во 12 день, Индикта 15, въ лѣто 6915; а не подписалъ есмь не«мочи ради своея».

(237) На примѣръ, въ духовномъ завѣщаніи Василія Димитріевича. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 33, 34, 51.

(238) Въ *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1414: «Многія клеветы на Фотія «сотвориша къ Витовту, глаголюще: отъ начала Митрополиты столъ «имѣяху Кіевъ... и се нынѣ Фотій все узорочіе церковное и сосуды «преноситъ на Москву, и всю землю пусту сотвори тяжкими пошли«нами.... и Витовтъ собравъ Епископы, Исакія Чернигов., Ѳеодосія Полоцк., Діонисія Лучск., Герасима Владимірск., Ивана Галицк., Сева«стіяна Смоленск., Харитона Холмск., Павла *Червенскаго*, Евфимія Ту«ровск, и рече: подобаетъ вамъ поставити Митрополита въ Кіевѣ... и «повелѣ имъ жалобу написати къ себѣ на Фотія... Епископомъ же не «хотящимъ сего... и не хотяще написаша.... И пріиде вѣсть къ Фотію, «еже клеветы многи сотвориша на него лукавіи человѣци, иже бѣжаша «съ Москвы къ Чернигов. Владыцѣ и въ Литву... Фотій же восхотѣ ити «въ Царьградъ.... и прежъ въ Кіевъ.... и пойма его Витовтъ.... и огра«бивъ возврати къ Москвѣ.... Тогда жь нѣкто гость съ торгомъ пріиде «изъ Литвы и припаде къ Фотію, глаголя: прости мя... егда мало прежъ «сихъ погорѣ Москва и мое богатство много, и язъ оскорбился.... и «пріиде на мя страхъ... и разумѣхъ, яко согрѣшихъ къ тебѣ: егда бо бѣ «въ Литвѣ съ клеветники, злословихъ тя.... и здѣ Фотій же благослови «его.... Бѣ же имя ему Ѳома Лазоревъ». Далѣе описывается, какъ Епископы отрекались поставить особеннаго Митрополита Кіеву, но должны были повиноваться Витовту, грозившему имъ смертію. — Митрополитъ Григорій Цамблакъ называется также Семивлахомъ, Цемивлакомъ, Самблакомъ и Чамьблакомъ.

(239) См. *Никон. Лѣт.* V, 59.

(240) Здѣсь разумѣется, можетъ быть, насильственная смерть Митяева.

(241) Сіе письмо внесено въ нѣкоторыя лѣтописи. Фотій говоритъ: «Имѣмъ сего Чамьблака по Божественнымъ и священнымъ правиломъ «извержена и отлучена и *проклята;* тако же и тѣхъ Епископь его събо«рища неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемь ихъ.... Кто же убо имѣетъ «его» (Цамблака) «Священникомъ и спріобщается ему, или благословеніе «его пріимаетъ, аще буди Епископъ или Священникъ, или кто мірскый «человѣкъ, имѣемь того извержена и проклята... и молю вашю любовь, «православныхъ Христіанъ, еже не сходитеся вамъ съ тѣми ни въ ко«торомъ дѣйствѣ, ни въ пищи, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, ни въ обѣты, «ни въ мирѣ, ни въ любве» (см. въ Синодальн. библіотекѣ лѣтопись въ листъ, No 349).

(242) См. *Каталогъ Митрополитовъ Кіевскихъ* подъ именемъ Григорія. Въ лѣтописяхъ г. 1417: «Рече Цамблакъ Митрополитъ къ Витовту: «что ради ты, Княже, въ Лятской Вѣрѣ, а не въ православной? и отвѣща «ему Витовтъ: аще хощеши не токмо единого мене видѣти въ своей «православной Вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моея земли Литов«скія, то иди въ Римъ и имѣй прю съ Папою и съ его мудрецы, и аще

«нихъ препрешн, то мы вси Христіане будемъ; аще ли не препреши, то «всѣхъ Христіанъ вашея Вѣры, иже въ моей земли, имамъ превратити «въ свою Вѣру Нѣмецкую... Митрополитъ Цамблакъ пріиде изъ Рима въ «Литву» (въ 1418 году). Линденблатъ (см. выше, примѣч. 81) пишетъ, что лживый Витовтъ въ 1417 году посылалъ на Соборъ въ Констанцію своихъ Епископовъ, будто бы желавшихъ *сдѣлаться Христіанами;* но что они, удививъ всѣхъ странностію своей одежды, не захотѣли покориться Римской Церкви.

(243) Ходыкевичь въ своихъ Dissert. Historico-crit. несправедливо пишетъ, что Митрополитъ Григорій управлялъ Церковію 22 года или до временъ Исидора. Въ *Каталогѣ Росс. Митр.* сказано, что правовѣрные Россіяне Литовскіе, считая Григорія Папистомъ, на мѣсто его выбрали Герасима: что также есть ложь. Вотъ извѣстіе современное, найденное мною въ *Псков. Лѣт.* Синодальномъ: «Въ лѣто 6941 (1433) Смоленскый «Владыка Герасимъ иде къ Царюграду, и Патріархъ постави его Ми«трополитомъ».

(244) Выписываемъ сію грамоту отъ слова до слова изъ Пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ:

«Се язъ, Князь Великій Василей Дмитріевичь всея Руси, пожало«валъ есмь Боляръ своихъ Двинскихъ, такъ же Сотского, и всѣхъ своихъ «черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ Боляръ, «пошлю Намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую «Намѣстничествомъ изъ Двинскихъ Боляръ, и мои Намѣстници ходятъ «по сей моей грамотѣ Великого Князя. Оже учинится вира, гдѣ кого «утенутъ, ино душегубца изъищутъ, а не найдутъ душегубца, ино дадутъ «Намѣстникомъ десять рублевъ, а за кровавую рану тридцать бѣлъ, а за «синюю рану пятнадцать бѣлъ; а вина противу того. А кто кого издаетъ «Боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ: и На«мѣстници судятъ ему по его отечеству бещестіе: такожь и слузѣ. А «учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйдя изъ пиру: и На«мѣстникомъ и Дворяномъ не взяти ничего. А вышедъ изъ пиру возмутъ «прощеніе, ино Намѣстникомъ дадутъ по кунницѣ шерстью. А другъ у «друга межу переоретъ, или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины баранъ; «а межи селъ межа тридцать бѣлъ, а Княжа три сорока бѣлъ, а вязбы «въ томъ нѣтъ. А кто у кого что познаетъ татебное, и опъ съ себя све«детъ до десяти изводовъ полны до чека ово татя, а отъ того Намѣст«никомъ и Дворяномъ не взяти ничего, а татя въ первые продати про«тиву поличного; а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя; а ули«чатъ въ третьи, ино повѣсити: а татя всякого пятнити. А съ самосуда «четыре рубли; а самосудъ той, кто, изымавъ татя съ поличнымъ, да «отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а Намѣстники довѣдаются по запо«вѣди, ино той самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ. А кого утяжутъ «въ рублѣ, и Намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ, или менши, ино «по томужъ. А на Орлецѣ Дворяномъ хоженого бѣлка, а ѣзды и позовы «отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки; ѣзду до Колмогоръ двѣ бѣлки; до «Куръ острова двѣ бѣлки; до Чюхчелема двѣ бѣлки; до Ухтъ-острова двѣ «бѣлки; до Княжа острова четыре бѣлки; до Лисича острова семь бѣлокъ, «а до конечныхъ дворовъ десять бѣлъ; до Нѣпаксы двадцать бѣлъ, до «Уны тритцать бѣлъ, а съ Орлеца вверхъ по Двинѣ до Кривого бѣлка; «до Ракулы двѣ бѣлки; до Новолока три бѣлки; до Челмахты четыре «бѣлки; до Емци пять бѣлъ, до Кален десять бѣлъ, до Куріи горы семь«натцать бѣлъ, до Тоймы Нижніе тритцать бѣлъ; а на правду въ двое, «а *желѣзного* четыре бѣлки: только человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ «поруки; а болѣ того Дворянину не взяти ничего: а черезъ поруку не

«ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити; а что въ желѣзѣхъ посулъ, «то не въ посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ Дворянинъ, и Подвойскіи «позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того Намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ не тутошной человѣкъ, «ино его дадутъ на поруцѣ. А отъ печати Намѣстникомъ по три бѣлки; «а Дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки; а Сотскому и «Подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржи у гостя. А кто осподарь «огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ «томъ Намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ. А приставомъ моимъ «Великого Князя въ Двинскую землю не въѣздити; всему управу чинятъ «мои Намѣстници. А надъ кѣмъ учинятъ продажу сильно, а ударитъ ми «на нихъ челомъ, и мнѣ Князю Великому велѣти Намѣстнику стати «предъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная, и «приставъ мой доправитъ. А гостю Двинскому гостити въ лодьяхъ или «на возѣхъ; съ лодіи на Устюзѣ Намѣстникомъ два пуза соли» (см. Т. II, примѣч. 267) «а съ воза двѣ бѣлки; а того болѣ Намѣстники не емлютъ «у нихъ, ни пошлинники ничего. А на Вологдѣ дадутъ съ лодіи два пуза «соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ «лодіахъ или на возѣхъ коли поѣдутъ, и Намѣстници Устюжскіе и Волого«годскіе ихъ не уймаютъ; а на Устюзѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ «не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ. А учинится татба «отъ Двинскихъ людей съ поличнымъ, ино поставятъ ихъ съ поличнымъ «передъ мною передъ Великимъ Княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу. «А чего кто имѣть искати на нихъ, ино учинятъ имъ срокъ передъ моихъ «Намѣстниковъ передъ Двинскихъ, ино учинятъ исправу имъ на Двинѣ. «А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей «отчинѣ въ Великомъ Княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиное, «ни явка, ни иные никоторые пошлины; а чрезъ сю мою грамоту кто ихъ «чѣмъ изобидитъ, или кто не имѣть ходити по сей грамотѣ, быти ту отъ «мене отъ Великого Князя въ казни».

(245) Въ *Новогород. Лът.*: «Тогожь лѣта (1410) начаша торговати «промежи себе *лобци* и гроши Литовьскими и *артугы* Нѣмецкими, а куны «отложиша при Посадничьствѣ Григорія Богдановичь и при Тысяцкомъ «Василіи Есифовичь». Въ другихъ старыхъ спискахъ: «начаша торговати «бѣлками, *лобци* и гроши Литовьскыми и денги Московьскыми». Въ но«вѣйшихъ спискахъ: «бѣлыми лобци и гроши Литовьскими... а куны «отложиша, еже есть мордки куньи». Невѣроятно, чтобы Новогородцы, отмѣнивъ куны, вмѣсто ихъ употребляли дѣйствительные *лобки бѣлые*, которые подобно кунамъ, также не имѣли никакой существенной цѣны. *Лобками* названы здѣсь не *Любскіе* ли пфенинги, вмѣстѣ съ *артугами* ходившіе тогда въ Ливоніи? См. Гадебуш. подъ годомъ 1426, стр. 64. Въ *артугѣ* — Шведской монетѣ, ходившей съ XIV вѣка — было 8 пфениговъ; а 24 артуга составляли марку. Далѣе въ *Новогород. Лът.*: «Въ «лѣто 6928 (1420) начаша Новогородци торговати денги сребряными, а «артуги попродаша Нѣмцемъ, а торговали ими 9 лѣтъ». Здѣсь нѣтъ уже ни слова о *лобкахъ бѣлыхъ*.

Въ *Псков. Лът.* подъ г. 1424: «Того же лѣта Псковичи отложиша «пѣнязми артугы торговати, и приставиша мастеровъ денги ковати въ «чистомъ сребрѣ».

Въ *Псков. Лът.* г. 6915: «соль по гривнѣ да по осми мордокъ пудъ, «а *полтина серебра по пятнадцати гривенъ*».

(246) Въ началѣ Василіева княженія по *Троиц.*, *Ростов.* и всѣмъ древнимъ лѣтописямъ (кромѣ новѣйшей *Никоновской*) годъ начинался еще съ Марта: такъ въ лѣто 6898 сказано, что Іюня 22 горѣла Москва, а послѣ въ

томъ же году, Генв. 9, женился Великій Князь; что въ 1392 году лѣтомъ расписали Коломенскую церковь, а послѣ въ томъ же году Сент. 25 преставился Св. Сергій и Февр. 13 Даніилъ Ѳеофановичъ. Но кончина Василія Димитріевича Февр. 27 полагается въ 1425 году: слѣдственно годъ уже начинался не съ Марта. Въ концѣ Киприанова завѣщанія по древнему Троицкому списку означено *Сентября* 12, *Индиктъ* 15. лѣто 6915: слѣдственно годъ начался съ Сентября. Такъ и въ *Псков. Лът.* Одинъ *Новогород. Лѣтописецъ* сбивается еще на старину въ означеніи годовъ.

(247) Въ описаніи временъ Донскаго упоминали мы о Кореевѣ, *Мининѣ* и проч. Въ княженіе Василія встрѣчаются родовыя имена *Жадовскаго, Разсохина, Неелова* и проч.—Послѣдній Князь Славянскаго имени въ Москвѣ былъ сынъ Владиміра Андреевича Храбраго, Ярославъ.

(248) См. ниже, примѣч. 254, въ описаніи годовъ 1393, 1405, 1408 и 1420. Въ *Стоглавѣ* временъ Царя Іоанна Васильевича (г. 1551) сказано: «писати живописцомъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ Греческіи «живописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и протчіи пресло«вутыи живописцы».

(249) Въ *Троицк. Лът.*: «Въ лѣто 6912, Индикта 12, Князь Великій «замысли частникъ и постави е на своемъ дворѣ за церковью за Св. «Благовѣщеньемъ. Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же «часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы нощ«ныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно «и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хит«ростью, преизмечтано и преухищрено. Мастеръ же и художникъ сему «бѣяше нѣкоторый Чернецъ, иже отъ Святыя горы пришедый, родомъ Сербинъ, именемъ Лазарь: цѣна же сему бѣяше вящьше полувтораста «рублевъ».

(250) См. ниже, примѣч. 254 въ описаніи случаевъ 1394 года.

(251) Въ *Троицк. Лът.* г. 6898: «тое же зимы по Рождествѣ Хри«стовѣ на третій день Осей Кормиличъ Князя Великаго поколотъ бысть «на Коломнѣ въ игрушкѣ».

(252) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. № 164, и ниже примѣч. 292. Выпишемъ нѣкоторыя мѣста: «Которыи не по за«кону живутъ съ женами, безъ благословенія Поповска понялися, тѣмъ «опитемья 3 лѣта какъ блуднику, да паки совокупити ихъ... А на пиру «коли лучится которіи имутъ пити до обѣда, не давай тѣмъ Богородицына «хлѣба... А третее поиманіе бы не было, но сожитіе: аще кто будетъ «младъ, а дѣтій не будетъ у него, потому надобѣ разсужденіе, съ опи«тимьею съ великою поняти третью: въ церковь не входити 5 лѣтъ, ни «Св. причащенія не пріимаетъ. Аще ли видитъ его Духовникъ, аще ли «его заповѣди по боязньству сохраняетъ, и видя его умиленья слезы «и сокрушеніа сердечнаа, и онъ полегчитъ ему епитимію. А еще учите «своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престали отъ сквернихъ словесъ, что «лаютъ отцевымъ и материнымъ... а которіи не имутъ слушами, а тѣхъ «отъ церкви отлучайте. Также учите, чтобы басней не слушали, лихихъ «бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленіа, ни зеліа, ни вороженіа, «и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали... А «коли творите вѣнчаніе, и вы въ дни вѣнчайте по обѣднѣй, а въ уденіе, «въ полдни и въ полнощи не вѣнчайте... А который Игуменъ или Попы «или Черньцы торговали прежъ сего или сребро давали въ рѣзы, а того «бы отъ сѣхъ мѣстъ не было», и проч.

(253) См. въ слѣдующемъ примѣч. г. 1393, и Степен. Кн. I, 510.

(254) *Степен. Кн.* I, 512. Слѣдуетъ выписка изъ лѣтописей о разныхъ случаяхъ Василіева княженія:

Въ 1389 году, Іюля 21, былъ пожаръ въ Москвѣ: «загорѣся отъ «церкви Св. Аѳанасья, и мало не весь городъ Кремль погорѣ; нача го- «рѣти какъ люди отобѣдываютъ, и ко вечерни едва преста». Дек. 2 преставилась Княгиня Марія, супруга Андреева, мать Владимірова, въ Черницахъ и въ Схимѣ, названная въ монашествѣ Маѳою, и погребенная въ церкви Рождества, въ монастырѣ на рвѣ, ею основанномъ.—Въ 1390 году, Генв. 26, родился у Князя Владиміра Андреевича сынъ Ѳеодоръ. Весною, въ Великій постъ, умеръ Иванъ Родіоновичь, названный въ Монашествѣ Игнатіемъ, и погребенъ въ монастырѣ на Всходнѣ. Іюня 22, въ полдень, былъ въ Москвѣ пожаръ: загорѣлся посадъ за городомъ отъ Лвраама Армянина и сгорѣло нѣсколько тысячь дворовъ до ночи. «По- «ставиша монастырь Св. Николы (въ Новѣгородѣ) конець Чюдинцевы «улици. Той же осени свръшиша церк. кам. Св. Костянтина Царя и «матере его Елены на Ростькинѣ улици... Февр. 8 (г. 1391) церковь сгорѣ «Св. Дмитрій на Даньславлѣ улици въ обѣдъ, и много товара и запаса «церковнаго; а зима стала до Яковля дни, и по Радуницахъ люди дрова «возили изъ лѣса на конехъ аки и зимній возъ... Погорѣ отъ Борковы «улици и до Гзеня, а на другой сторонѣ отъ Микитины улици и до «Драковичь, а на Прусской улици загорѣся, и погорѣ весь Людинъ «Конець до Св. Алексѣя, и сгорѣ церквей древян. 15, и кам. 7 огорѣ, «а людій 14, Іюня въ 5. А Новгородци взяли серебра 5000 у Св. Софіи «съ полатей, скопленія Владычня Алексѣева, и раздѣлиша на 5 Концевъ, «и поставиша костры каменны по обѣ стороны острога у всякой улици. «Бысть знаменіе у Св. Якова на Яковли улици: у иконы Покрова те- «коша слезы изъ очію Окт. въ 1 на обѣднѣй, и Владыка Іоаннъ повелѣ «строити полати у Св. Якова надъ дверми Окт. въ 2, и бысть отъ «Крестьянъ помету много Покрову. Тоя жь осени въ Филипово говѣнье «паки воеваша Татарове Рязань... Князь Михайло Александровичь «Тферскій прибавилъ Новагородка на Волзѣ съ приступа, и ровъ около «копали, а во Тфери доспѣша ворота у Св. Василія. Женись Князь «Юрьи Всеволодичъ Холмской, внукъ Александровъ, и вѣнчанъ бысть «во Тфери у Спаса Владыкою Арсеніемъ. Женилъ Князь Михайло «Александровичь Тферскій сына своего на Москвѣ у Ѳедора у Кошки, «Ондреева сына, у Собакина, и вѣнчанъ бысть въ Тфери Татарове «воеваша Рязань... Въ л. 6900 (1392) преставися въ Литвѣ Княгини «Олгердова Ульяна, въ Мнишескомъ чину Марина, и положена въ Кіевѣ «въ печерѣ. Преставися Евфимей Висленъ бывый Еписк. Тфор. въ «монаст. Св. Чюда на Москвѣ, и положенъ бысть за олтаремъ. Юрьи «Онцифоровичь постави (въ Новѣг.) церковь Успеніе и монаст. устрои. «Посадникъ Богданъ Обакумовичь съ своею братьею, съ уличаны, по- «ставиша Св. Симеона кам. на Чюдинцевѣ улици. Мая 27 сгорѣ по «обѣдѣ церк. древян. и монастырь на Лисичьей горкѣ. Преставися По- «садн. Василей Ѳедоровичь и Михайло Даниловичь». Кипріанъ Митро- политъ поставилъ Ѳеодосія Епископомъ въ Полоцкъ. «По Велицѣ дни, «на шестой недѣли въ Пятницу, преставися Святитель Архіепископъ «Матѳей Гръчинъ, Митрополитъ Андреанопольскій, и служиша надъ нимъ «Сборомъ, и положиша въ церкви Св. Архангела Михаила, Честнаго «Его Чуда, идѣ же гробъ Алексія Митрополита. Того жь лѣта преставися «Павелъ, Епископъ Коломенскій... Кипріанъ Митрополитъ постави Гри- «горья Архимандрита Епископомъ на Коломну.... Подписана бысть на «Коломнѣ церковь кам. Сборная Успенья, юже созда Кн. Великій Дмитрій «Ивановичь дотолѣ еще за 10 лѣтъ... Сент. въ 25 преставися Игуменъ «Сергій, святый старецъ»... Слѣдуетъ въ *Троицк. Лът.* похвала Св. Сергію, листахъ на двадцати; нѣтъ ничего историческаго; одинъ наборъ

словъ, иногда забавный. «Въ Псковѣ поставиша 6 пороковъ. Сент. въ 1 «погибе мѣсяць предъ ранними зарями. Сент. въ 5 убіенъ бысть отъ «Тохтамыша Царевичь Озибаба въ Ордѣ». — Въ 1393 году, Февр. 13, въ Четвертокъ на Масленицѣ, скончался Даніилъ Ѳеофановичь, въ Монашествѣ Давидъ. «Постриженъ бысть отъ самаго руки Кипріана Митро«полита. Сій убо бысть единъ отъ Вельможъ, старѣйшихъ Боляръ, «лѣпшій и вяшшій, иже правый доброхотъ Князя Великого, вѣрою и «правдою служивый ему и въ Ордѣ и на Руси, яко же инъ никто же... «храборъ и голову свою складая по чужимъ странамъ, по незнаемымъ «мѣстомъ, по невѣдомымъ землямъ... толику же любовь имѣ къ нему «Князь Великій, яко прослезити ему по немъ и плакати на многъ часъ. «Положенъ бысть въ монастыри Св. Михаила Честнаго Чуда, близъ «гроба Алексія Митрополита, дяди его..... По Велицѣ дни на четвертой «недѣли въ Субботу на ночь преставися Игуменья Алексіевская Ульяна, «отъ града Ярославля, дщи нѣкоего богата родителя и славна, сама же «зѣло благобоязлива, чернечьствовавши лѣтъ болѣ 30 и Игуменья бывши «90 Черницамъ, и общему житью женскому начальница сущи, и многимъ «дѣвицамъ учительница бывши, и за премногую добродѣтель любима «бысть отъ всѣхъ и почтена всюду, и положена подлѣ церковь... Того «же лѣта Амуратовъ сынъ Челябій, иже Срацынски глаголется Амира, «иже владѣя землею полуденною и всею землею Греческою, Македонію, «и Сербьскою и Ефескою, Бруською, и Селеврісю, и Колосаи, и Ѳесса«лоникіи, и Сарацыны, и Бесермены, и Гурки, со всѣхъ собравъ воя «своя, и пойде ратію на Болгарского Царя и взя стольный градъ Тер«новъ, и Царя ихъ плѣнника створи и Патріарха, и мощи Святыхъ «огнемъ пожже, и церковь Сборную, идѣ же ѣсть Патріархія, въ мезгитъ «(мечеть) преврати.... Іюля въ 29 преставися Князь Иванъ, сынъ Вел. «Князя Дмитріевъ, братъ Василіевъ, во Мнишьскомъ чину Іоасафъ, и «положенъ бысть въ монастырѣ на Москвѣ у Св. Спаса въ притворѣ, «идѣже гробъ бабы его, Княгини Великіе Александры Ивановы... Сент. «въ 21 преставися Иванъ Михайловичь, нарицаемый Тропарь, въ бѣль«цѣхъ и положенъ въ своемъ монастыри на селѣ своемъ... Тое же осени «пріѣхаша на Москву 3 Татарина, ко Князю Великому въ рядъ ряди«шася, и биша ему челомъ, хотяще ему служити, иже бѣша почестни «и знакомити двора Царева — и въсхотѣша креститися... Кипріанъ «Митрополитъ пріимъ я̀, нача учити... и облечеся самъ во вся своя «священныя ризы и со всѣмъ своимъ Клиросомъ бѣло образующимъ... «и позвониша во вся колоколы, и собрася мало не весь градъ, и снидоша «на рѣку Москву, ту сущу Князю Великому... и ту на рѣцѣ Москвѣ «самъ Митрополитъ крести я̀. Бѣша же имъ по древнему по Татарски «имена Бахты Хозя, Хидырь Хозя, Мамать Хозя, и наречени быша «Онанія, Озарья, Мисаилъ, и бысть радость велика въ градѣ Москвѣ... «и ти Татарина новокрещени хожаху вкупѣ, аки соузомъ любве связаема... «Того же лѣта Княгини Великая Овдотья Дмитріевая постави на Москвѣ «церковь камену зѣло чудну, и украси ю съсуды златыми и серебре«ными... и створила паче всѣхъ Княгинь Великихъ, развѣ точью Марья «Княгини Всеволода, внука Мономахова, иже въ Володимири... Бѣ же «то преже церквица мала въ томъ мѣстѣ древяна Св. Лазаря. Егда же «сдана бысть каменная, наречена бысть во имя Св. Богородицы чест«наго Ея Рождества. Уставишеся таковый праздникъ праздновати Сент. «въ 8 день. Но и та малая церквица не бѣ оставлена, но внутри близь «большаго олтаря причинена бысть служба Св. Лазаря... и священа «бысть Февр. въ 1 день въ Недѣлю Великимъ священьемъ Кипріаномъ «Митрополитомъ, ту сущу Великому Князю и братьямъ его, Юрью и

«Андрею, и Петру и Костянтину... Была зима зѣло студена, яко многъмъ «человѣкомъ измерзати и издыхати; не точью человѣки, но и скоти; еще «брашну сущу во устѣхъ ихъ, внезапу обрѣтеся мертву отъ мраза на «пути. Поставиша церк. кам. Св. Богородицу на Лисичьи горкѣ. Прiиде «Князь Бѣлозерскiй Костянтинъ въ Новгородъ. Заложиша Псковичи «перси у Крома, стѣну камену, и колоколницю поставиша..... Тое же «весны (въ 1394) была поводь велика всюду. Того же лѣта на Тфери «Арсенiй Епископъ постави церковь на рѣцѣ на Тмацѣ во имя Ѳеодосiя «и Антонiя, и согради кельи, и созва Мнихи, и посади Игумена. Iюля «въ 9 день, въ Пятницу, Князю Володимеру Андреевичу родися сынъ «Василiй. Того же лѣта приходиша Нѣмцы ратью на Литву, и бысть «имъ бой у Вильны, и Нѣмци отыдоша. Тое же осени замыслиша на «Москвѣ копаги ровъ: починокъ его съ Кучкова поля» (гдѣ нынѣ мо-настырь Срѣтенскiй) «а конецъ устья его въ Москву рѣку; широта его «сажень человѣча, а глубина въ человѣка стояща; и много убытка лю-«демъ исчинилося въ томъ, понеже сквозѣ дворы копаша, и многи хоромы «разметаша.... Князь Михайло Тферскiй вятчаную (ветхую) стѣну у града «Тфери повелѣ рушити, да брусiемъ рубити, и на другое лѣто скончаша... «Князь Олегъ Рязанскiй (по *Никон. Лѣт.*) побилъ Татаръ Тохтамышевы «Орды, иже приходиша изгономъ... Бысть въ Ордѣ Тохтамышевѣ бой «на Волзѣ межи собою, и паде ихъ много Сент. 8.... Поставиша Дань-«славци церковь камену Св. Дмитрiя (въ Новѣгородѣ), и свящаю «Владыка Iоаннъ на праздникъ его... Отъяша Новогородци Посадничь-«ство у Есипа Захариниича, и даша Богдану Обакумовичь. Той же осени «погорѣ Владычьнъ дворъ, и за городомъ много улиць и у Св. Софiи «маковица огорѣ, а церквей камен. 8, а деревян. 2. Поставиша церковь «древян. Св. Спасъ конецъ Козмодемьяны улицѣ, и монастырь устроиша. «Прiиде въ Новгородъ изъ Царяграда отъ Патрiарха Антонiя Вселеем-«скый Владыка Михаилъ, а привезлъ 2 грамоты о поученiи Христiан-«скомъ... Ноября въ 28 день, въ Субботу, какъ обѣдню поютъ, преставись «Ѳеодоръ Архiепископъ града Ростова и Ярославля, Бѣлаозера и Устюга, «Углича Поля, Мологи, и положенъ бысть въ Сборной церкви Св. Бого-«родица. — Въ лѣто 6903 (1395), Инд. 3, Марта въ 30, на Цвѣтной не-«дѣли во Вторникъ, Князю Великому Василью родися сынъ Георгiй... «Мая въ 18 во Вторникъ у гроба Петра Митрополита прощена бысть «нѣкая жена Евфимья... Iюня въ 4, въ Четвергъ, какъ обѣдню опочи-«наютъ, начата бысть подписывати новая церковь камен. на Москвѣ «Рождество Св. Богородицы, а мастеры бяху Ѳеофанъ иконникъ Грѣчинъ «Философъ, да Семенъ Черный и ученици ихъ... Бысть пожаръ на Москвѣ: «погорѣ нѣколико тысячь дворовъ за городомъ на посадѣ... Iюля въ 19 «преставися Князь Борисъ Михайловичь Тферскiй въ Кашинѣ и при-«везоша тѣло его на Тферь Iюля 22, и положено бысть въ Сборной «церкви Спаса... Авг. 15 погорѣ отъ грому Новой городокъ Тферскiй «на Волгѣ на рѣцѣ на Старицѣ, въ Недѣлю по рану и церковь Св. Ми-«хаила... Погибе солнце мѣс. Сент.... Тое же зимы преставися Княгини «Иванова Всеволодича Тферскаго... Дек. 26, въ Недѣлю, въ часъ нощи «гiблъ мѣсяцъ, и бысть аки кровь, и по двою часу паки свѣта исполнися.... «Постави Исакъ Онкифовъ (въ Новѣгородѣ) церковь кам. Сборъ Св. «Михаила въ Аркажи монастыри... Поставиша церковь кам. (во Псковѣ) «въ Домантовѣ стѣнѣ Св. Воскресенiя, а другую Захарiя Посадникъ Св. «Николу на Волку... Въ лѣто 6904 (1396), Марта въ 19, Кипрiанъ Митро-«политъ на Москвѣ поставилъ Григорiя Епископомъ Ростову, а были на «поставленьи Епископи Ефросинъ Суждальскiй, Арсенiй Тферскiй, Ѳеог-«ностъ Рязанскiй, Григорiй Коломенскiй, Ѳеодосiй Подольскiй... Iюня въ

«21, въ 4 часъ нощи, гиблъ мѣсяцъ... Преставися Княгини Васильева «Михайловича, дщи Князя Володимера Олгердовича Кіевскаго, и поло- «жена бысть у Св. Спаса въ Тферн... Рождество Христово было въ «Понедѣльникъ, и на ту нощь былъ громъ, а туча отъ полуденной «страны... Тое же зимы Кипріанъ Митроп. посла въ Новгородъ Стол- «ника своего, Ѳеодора Тимоѳеева, по Владыку Ивана, зовя его къ собѣ «о Святительскихъ дѣлѣхъ, и чествова Столника Митрополича и даде «ему 60 рублевъ, и пойде на Москву, и пребысть на Москвѣ 2 дни, и «отпусти его Митрополитъ съ благословеніемъ, и прінде въ Новгородъ «во Вторникъ на Св. недѣли... Погорѣ Онтоновъ монастырь» (близъ Новагорода) «и Св. Богородица огорѣ: бяше бо свинцемъ обита — и «Срѣтеніе огорѣ. Сътворися знаменіе отъ образа Владычьня въ Св. Ев- «патьи на Щерковѣ улицѣ, аки вино идяше изъ иконы. Повелѣніемъ «Владыкы Іоанна побиша у Св. Софіи маковицу свинцемъ, коя въ по- «жаръ огорѣла. Сгорѣ церковь Св. Іоаннъ въ Ростъкинѣ монастыри и «иконы и книгы сгорѣша.. Витовтъ Литовскій казнилъ смертною казнію «Князя Ивана Михайловича и жену его и дѣти разведе и домъ его «разграби.

«Генв. въ 15 (г. 1397) въ Понедѣльникъ Князю Великому, Василью «Дмитріевичу, родися сынъ Иванъ. Пріѣздилъ Князь Александръ Патри- «кіевичь Стародубскій и былъ о Крещеньи на Москвѣ... Въ Великій «постъ, мѣс. Марта, преставися Епископъ Данилей, Владыка Смоленскій, «и положенъ на Москвѣ въ монастырѣ у Св. Арханг. Михаила Чуда «при Исакіи Архимандритѣ... Тое же весны преставися Семенъ Василье- «вичь. Того же лѣта Князь Александръ Ивановичь, внукъ Княжъ Ми- «хайловъ Тферьского, о Петровѣ заговѣньи оженися у Князя Ѳедора «Михайловича у Моложьского... Окт. въ 7 день Кипріанъ Митр. пріѣха «изъ Кіева на Москву, а съ нимъ Епископы Михайло Смоленскій, «Исакій Брянскій, Ѳедоръ Лучьскій... Пакы прінде Князь Василій Ивано- «вичь Смоленскій въ Новградъ, и пріяша его. Загорѣся на Церковой «улицѣ» (въ Новѣгородѣ) «и сгорѣ берегъ весь и Яневъ берегъ безъ 3 «дворовъ, и Розъважи берегъ весь, и Козмодемьянъ берегъ всь и до «Холопіи улици на память Андреи Стратилата. Преставися» (въ Новѣ- городѣ) «Есипъ Фалелеевичь въ Миншескомъ чину... Бысть знаменіе въ «церкви Св. Бориса и Глѣба» (во Псковѣ): «2 иконы, Св. Троица и «Богородица, снидоша съ верхняго *тябла* и легоша на Востокъ образомъ. «Того же лѣта быша 2 знаменія: у далняго Пантелеймона отъ иконы «Богородицы слезы, и другое въ Домантовѣ стѣнѣ у Св. Тимоѳея отъ «иконы Богородицы слезы изъ обою оку Авг. въ 18. Посадникъ Ефремъ «со Псковичи поставиша костеръ на Васильевѣ горкѣ.

«Генв. 20» (въ 1398 г.) «Кипріанъ Митр. постави Исакія Еписко- «помъ въ Пермь. Князь Михайло Алекс. Тферскій постави церковь ка- «мену Св. Арх. Михаила на Волзѣ на Городцѣ, на рѣцѣ Старицѣ, и «Арсеніемъ Еписк. священа бысть Ноября въ 8 день... Князь Иванъ «Андреевичь и Кн. Григорій Остафьевичь и Захарія Посадникъ Костро- «миничь и Псковичи поставиша 3 костры на приступной стѣнѣ: одинъ «на углѣ съ Великыя рѣки, а другый на Лужници, а третій отъ Псковы «на углѣ. Поставлена бысть» (во Псковѣ) «церковь камена Св. Богоявъ- «леніе»... Въ *Никон. Лѣт.*: «Царь Тохтамышъ воевалъ поморскіе грады. «Тохтамышевъ посолъ Темиръ-Хозя былъ на Рязани у Вел. Князя Олга, «а съ нимъ много Татаръ и коней и гостей. Владыка Иванъ Новогород- «скій постави церковь камену Св. Воскресенія на воротѣхъ и свяща ю «самъ. Михайло Круна постави церк. кам. Св. Николы конецъ Чюдни- «цовы улицы)».

«Марта въ 27» (въ 1399 г.) «преставися Княгини Великая Марья «Семеновая» (супруга Симеона Іоанновича, внука Даніилова) «въ Чер«ницахъ, во Мниш. чину Фетиніи, и положена на Москвѣ въ монастырѣ «Св. Спаса. Тое же весны Кн. Михайло Ал. Тферскій поставилъ церковь «Св. Спаса. Изначала на томъ мѣстѣ была Соборная церковь Козма и «Домьянъ, и Вел. Княгиня Тферская Оксинія Ярослава Ярославича съ «сыномъ Михайломъ преложили ту церковь во имя Св. Преображенія, «и стояла та церковь 100 лѣтъ до Вел. Кн. Михаила Александр. обнов«ленія... и верхъ ея чудно позлати» (К. Михаилъ Алекс.) «и сотвориша «каменосѣчцы отъ плиты зженыя и убѣлиша... Подписывали церковь «кам. на Москвѣ Св. Михаила, а мастеръ бяше Ѳеофанъ иконникъ «Гръчинъ со ученики своими... Загорѣся (въ Новѣгородѣ) на Лубяницѣ, «и погорѣ Плотничьскій Конецъ весь, а церквей кам. огорѣ 22, а при«дѣлъ 5, да церк. древяна, а душь погорѣ Богъ вѣсть, а нинѣ на Волховѣ «истопоша на память Св. Мемнона... Постави Архіеп. Іоаннъ съ Ново«городци церковь Покровъ на Звѣринцѣ, и свяща ю самъ Окт. въ 1. Той «же осени бысть помраченіе солнца, и явись серпъ на небеси, и потомъ «явись солнце, кровавы луча испущающе съ дымомъ, мѣс. Окт. на па«мять Св. Анастасіи. Той же зимы ходи Владыка Іоаннъ въ Псковъ на «свой подъѣздъ, и Псковичи судъ ему даша мѣсяць судити по старинѣ. «Поставлены (во Псковѣ) 2 церк. камены, Покровъ въ Домонтовѣ стѣнѣ «и Св. Михаилъ на полѣ въ женьскомъ монастыри. Убіенъ бысть» (по *Никон. Лът.*) «Кн. Романъ Юрьевичь на Шелонѣ и погребенъ бысть у «Св. Спаса въ Порховѣ. Въ Новѣгородѣ поставиша придѣлъ кам. у «Богородицы Св. Мученицы Екатерины и Св. Алексѣя, Человѣка Божія.

«Ноября въ 30 день (1400 г.) въ Недѣлю на вечеръ преставися «Князь Юрьи, сынъ Князя Великаго Василья Дмитріевича, шести лѣтъ «сущу ему, и положенъ въ церкви Св. Михаила... Заложи Владыка (Но«вогородскій) Іоаннъ городъ дѣтинець каменъ отъ Св. Бориса и Глѣба, «мѣс. Іуля на память Св. Мученицы Голендухы, и Св. Воскресеніе на «воротѣхъ подписано бысть. Поставиша церковь кам. на Яневѣ улицѣ «Св. Царя Костянт. и матери его Елены, и свяща ю Владыка Іоаннъ... «Князь Григорій Остафіевичь и Захарія Посадникъ и весь Псковъ здѣ«лаша новую стѣну къ старой на приступѣ отъ Великой рѣци до Пьсковы «тлъще и выше, и поставиша 3 костры: первой на Незнановѣ горкѣ, «второй у Лужскыхъ воротъ, третій у Куминыхъ... Въ предѣлѣхъ чер«леного Яру» (по *Никон. Лът.*) «въ караулѣхъ возлѣ Копорь у Дону «Кн. Вел. Олегъ съ Пронскими Князи и съ Муромскимъ и Козельскимъ «избиша множество Татаръ, и Царевича Маматъ-Салтана яша и иныхъ «Князей Ординскихъ.

«Въ лѣто 6909 (1401) бысть изобрѣтеніе честныхъ Страстей Господа «нашего. Сія же Страсти пріобрѣте Епископъ Діонисій Суждальскій, хо«дивый во Царьградъ, и тамо премногою цѣною искупи я... Потомъ же «нѣколько время въ Суждалѣ скровени быша въ каменой стѣнѣ цер«ковнѣй и заздани невидимо; но въ сію весну обрѣтени быша и перене«сени отъ Суждаля въ Переяславль, а оттуду на Москву... Царь Темиръ «Аксакъ посылалъ сына своего боронити Царягорода отъ Турковъ; они же «биша Турковъ... 6 Дек. Князю Великому Василью родился сынъ Данило, «да не долго жилъ: толико 5 мѣсяць, и умре.. Той же весны горѣ Вла«дычній (Новогородскаго) городокъ Молвотици. Прѣха въ Псковъ Архіеп. «Іоаннъ, и владе Псковичемъ нѣколико серебра, и здѣлаша его серебромъ «на Драчинѣ Всходѣ костеръ, а другый въ *куту* города. Кн. Григорій Оста«фьевичь и Захарія Посадникъ и весь Псковъ заложиша къ старой стѣнѣ но«вую тлъще и выше возлѣ Великую рѣку отъ Бурковыхъ воротъ отъ костра

«и до Крому. Бысть буря велика и сильбо крестъ съ Св. Троицы, и раз-«бися весь. Тоя же зимы преставися Посадникъ Псковскый, Захарія «Костроминичь, и положиша мощи его въ церкви Св. Рождества Марта «въ 20 день, за 2 недѣли до Велика дни. (По *Никон. Лът.*) Августа въ «нощи въ навечери Успенія отъ полунощія и до свѣта явишась столпы, «а конецъ ихъ вверху аки кровь, и бяше страшно видѣти.

«Въ лѣто 6910 (1402) Маія въ 6 преставися Михайло, Владыка «Смоленскій, бывъ въ Епископствѣ лѣтъ 19, и положенъ бысть у Троицы «въ Сергіевѣ монастырѣ близъ гроба Старцева... Взяша миръ Новогородци «съ Княземъ Юрьемъ Смоленскымъ. Поставиша Чюдинцевци церковь «кам. Усѣкновеніе главы Іоанна, а Черницинци церк. кам. Варвару, а «Посадникъ Кирила Онцѣлновичь 3 Отрокы придѣлъ у Св. Михаила «на Пруской улици; а сей зимы ѣздиша на конехъ чрезъ Вльховъ отъ «Юрьева дни до Марта.

«Въ лѣто 6911 (1403) Іюня въ 9 преставися Сава, Епископъ Сарай-«скій, и былъ въ Епископствѣ 20 лѣтъ. Князь Иванъ Михайловичь «Тферскій замыслилъ городъ на Волзѣ близко Ржевы во Опокахъ у Зуб-«цева, да одиного лѣта срубленъ бысть; въ веснѣ початъ, а въ осенинѣ «кончанъ. Тако же и на Городкѣ, на рѣцѣ на Старицѣ, въ томъ же лѣтѣ «поставлена бысть церк. кам. Св. Николы: въ веснѣ почаша, а въ осе-«нинѣ кончана и священа Ноября въ 13. Окт. въ 8, въ Недѣлю, Князь «Андрей Дмитріевичь оженися на Москвѣ у Князя Александра Патри-«кеевича у Стародубскаго, поя за ся дщерь его, Огрофену. Тое же зимы «предъ Великимъ заговѣньемъ Князь Иванъ Михайловичь Тферскій «ожени сына своего, Князя Ивашка, у Князя... и вѣнчанъ бысть Арсе-«ніемъ Епископомъ. Поставиша купци Новогородскіи прасолы въ Русѣ «церковь кам. Св. Борисъ и Глѣбъ. Погорѣ Плотницкій Конецъ до Слав-«ковы улици, а Рогатица до Евпатія Св., а Лубяница до в. Лукы, а «Славенскій весь Конецъ, а церкви каменыхъ 15 огорѣ; а горѣ въ Обра-«зовъ день. А Княжинскій берегъ, да Нѣмецкій дворъ не горѣ. Выгорѣ «церковь кам. Св. Дмитрій, и всѣ иконы и книгы. Бысть вода суха, и «рли (поля) вси сухы быша. Подписана бысть церковь Св. Богородица «на Лисичьи горкѣ.

«Въ лѣто 6912 (1404) Іюня въ 22 день, въ Недѣлю Кипріянъ Митро-«политъ Тимоѳея Игумена отъ Св. Бориса и Глѣба постави Епископомъ «въ Сарай. Іуліа въ 20, въ Недѣлю, Кипріянъ Митр. съ Москвы поѣха «въ Литву и къ Витовту и въ Кіевъ; и Намѣстника своего Тимоѳея «Архимандрита и слугъ своихъ тамошнихъ поймa и отосла на Москву, «и постави тамо Намѣстника своего Ѳеодосія, Архимандрита Спаскаго; «сице же и слугъ своихъ избра... Приходиша (по *Никон. Лът.*) Татарове «изгономъ на Рязань, и посла за ними въ погоню Кн. Вел. Ѳеодоръ «Олговичь, и побиша Татаръ и полонъ отъяша... Сент. въ 13 во Тфери «въ полдни бысть пожаръ, и сгорѣло дворовъ 100 и церковь Св. Иванъ «Предтеча. Епископъ Арсеній Тферскій заложи церк. кам. Успенія на «рѣцѣ на Тмакѣ. Тое же осени на Тфери преставися Княгиня Марія «Княжя Иванова Михайловича дчи Кестутьева, во Мнишеск. Марѳа, и «положена въ Соборной церкви Св. Спаса Ноября въ 30. Князь Данилъ «Александровичь и Кн. Григорій Остафъевичь, и Посадникъ Романъ, и «Ефремъ, и Елентей, и Панкратъ и весь Псковъ заложиша стѣну каме-«ную возлѣ старую тлъще и выше отъ Псковы рѣки, отъ Крому и до «Вродъ... Срубиша Переяславль... Постави Перфирій Намскій на Капо-«ротнѣ церк. древ. Св. Николу и монастырь устрои.

»Тое же зимы (г. 1405) Генв. въ 13 Князю Великому Василью ро-«дися сынъ Князь Семенъ, да жилъ 12 недѣль и умре. Тое же зимы Кн.

«Володимеръ Андревичь па Москвѣ ожени сына своего. Князя Семена, «у Князя Новосильского. Февр. въ 13 преставися Григорій, Владыка «Коломенскій. Тое же зимы преставися Евфимій, Архимандритъ Суж-«дальскій и добрый старецъ. Тое же зимы было не знаемо, голая «зима была безъ снѣгу, а разводье было до заговѣнья до Великаго, «а роскалье было на Масленой недѣлѣ. Тое же весны почаша подпи-«сывати церковь кам. Св. Благовѣщеніе на Князя Великаго дворѣ, не «ту, иже нынѣ стоитъ; а мастеры бяху Ѳеофанъ иконникъ Грьчинъ, да «Прохоръ старецъ съ Городца, да Чернецъ *Андрей Рублевъ*, да того же «лѣта и кончаша ю. Быша громи велични и молнь страшны, и многи че-«ловѣки громъ поби, и на Троицьской недѣлѣ во Вторникъ, въ обѣдню, «бысть громъ страшенъ, и въ церкви, въ Св. Лазарѣ, иконы попалила «молнія, а у Чуда у Михаилова Архимандритъ съ Черньци надоша на «землю отъ страха; на долгъ часъ лежали обумерши; а на Архимандри-«товѣ дворѣ человѣка громъ заразилъ до смерти; а на Тфери въ тотъ же «день громъ заразилъ церковь Св. Ивана Богослова и отъ грому згорѣ «въ вечернюю годину; не токмо же се, но и по инымъ мѣстомъ по мно-«гымъ былъ таковъ громъ... Кипріянъ Митр. былъ въ Литовской земли, «и бывшу ему въ Лучьскѣ, и ту постави Попа Гоголя во Владыки, и «тотъ бысть Епископъ граду Володимерю; а съ Митрополитомъ служили «на поставленьи Епископъ Холмскій, да другій Епископъ Лучьскій. Того «же лѣта Витовтъ поѣха къ Королю, а Король Ягайло тако же поѣха «къ Витовту, и съѣхашася въ градѣ Милолюбѣ; съ ними же и Митропол. «Кипріянъ, и пребыша вкупѣ недѣлѣ цѣлу едину... Подписывали на Тфери «церк. кам. Св. Михаила на Городкѣ. На Тфери Авг. въ 30, въ Недѣлю, «священа бысть церковь кам. Св. Богородица на рѣцѣ на Тмацѣ, иже «на Желтиковѣ, юже свяща Еп. Арсеній... Окт. въ 1 день, въ Четвергъ, «въ монастырѣ, иже на Симоновѣ, священа бысть церковь Успенія, юже «замысли и основа Ѳедоръ Игуменъ, а сверши ю Князь Великій при «Иларіонѣ Архимандритѣ, иже 26 лѣтъ здана бысть. Ноября въ 1 день, «въ Недѣлю, преставися Княгини Великая Евдокія Михайловая Але-«ксандровича Тферьскаго, и положена бысть во Св. Спасѣ. Дек. въ 5 «день преставися Княгини Евпраксія Ольговая Рязанского... Погорѣ на «Яневѣ улицѣ (въ Новѣгородѣ) 15 дворовъ, а людій сгорѣ 6; по семъ «погорѣ Людинъ Конець и Пруская улица до Св. Михайла, а въ Дѣтинцѣ «до Владычня двора, и сгорѣ церкви древян. 5, а каменныхъ огорѣ 12, «и Борисъ и Глѣбъ весь, а людій сгорѣ 30. Преставися Посадникъ «Василій Ивановичь, пріимъ Иноческій чинъ... Постави (во Псковѣ) «церк. кам. Карпъ Священноиногъ Св. Стефана въ монастырѣ Св. Спаса, «а Св. Никола поставленъ бысть на Узвазѣ. Въ Петрово говѣніе нанде «дождь и иде до Ильина дни, и наплънишася источници и рѣкы и озера, «акы веснѣ... По Петровѣ дни со Тфери въ Машинѣ ѣздиль Кн. Але-«ксандръ Ивановичь... Преставися Ѳедосья, Матеесева мать, Маія въ 18. «Бысть чудо на Москвѣ въ домѣ Тютюмовѣ, и отъ иконы Св. Богоро-«дица и Св. Николы иде миро. Князь Григорій Псковскій пострижеся «въ Великыхъ Пустыняхъ...

«Генв. въ 1 день (1406 г.) въ Пятокъ Кипріанъ Митроп. пріѣхалъ «изъ Кіева на Москву, а былъ тамъ лѣто едино и 5 мѣсяцъ, и потомъ «со двѣ недѣлѣ минуло, преставися Архимандритъ Дороѳей Печатникъ, «добрый нашъ старецъ... По Троицынѣ дни во Вторникъ на ночь передъ «рапними зарями гиблъ мѣсяцъ и бысть аки кровь, и тако не исполнився, «и зайде. Іюня въ 16 въ Среду, въ обѣдню, въ 4 часъ дни погибе солнце... «По Петровѣ дни въ Новгородьской волости Нижняго бысть буря велика, «а въ тотъ часъ изыде человѣкъ на поле и всѣде на конь вспряженъ

«съ колесницею, и взятъ вѣтръ съ конемъ и съ колесницею аки бурею «носимъ, яко въ трусѣ и въ вихрѣ страшнѣ, дондеже невидимъ бысть, «и на другій день обрѣтоша колесницу его на древѣ, висящу на версѣ «высока древа, и то на друзѣй странѣ великія рѣки Волги; коня же «кромѣ колесница мертва лежаща познаша; человѣкъ же безъ вѣсти: не «вѣдѣ, камо ся дѣлъ... Авг. въ 26 день Кипріянъ Митр. Ларивона Архи- «мандрита Симонова постави Епископомъ на Коломну. По семъ, минув- «шема двѣма недѣляма, поставленъ бысть Митрофанъ Епископомъ Суж- «далю: уже бо тогда Кипріяну больну сущу на Голенищевѣ... Ноября «въ 14 преставися Князь Родславъ Ольговичь Рязанскій... Пріиде въ «Новградъ Князь Петръ, братъ Вел. Князя Василія, и пребысть полторы «недѣли. Иде ледъ силенъ изъ озера (въ Новѣгородѣ) и вышибе изъ «Великого мосту городни. Апр. въ 11 погорѣ Княжь дворъ на Торговой «сторонѣ отъ Гочкова двора до Плесковского двора, а люди сгорѣ 6. «Выгорѣ городъ Псковъ на Духовъ день при послѣ Великого Князя «Микитѣ Нееловѣ, а загорѣлось отъ Оксентіа отъ Байбородѣ, какъ обѣдню «починаютъ пѣти; только не горѣ въ Домонтовѣ стѣнѣ до Кромъ. По- «ставлены 3 церкви: Рожество Св. Іоанна Предтечи въ Ростъкинѣ мо- «настырѣ и Св. Петръ и Павелъ въ Неревскомъ Концѣ и Св. Никита «въ Плотницкомъ Концѣ. Тое жь осени во Тфери преставися Князь «Дмитрей Еремеевичь и Княгиня Настасія Еремеевна, мати его. Брань «бысть Матѳею Михайлову Маія въ 23. Іюня 17 солнце погибе.

«Генв. въ 16 (г. 1407) Князь Петръ Дмитріевичь оженися, поя за «ся Полуектову дщерь Васильева сына Васильевича Тысячьского, и «бысть свадьба на Москвѣ. Февр. въ 13 день, въ Сборную Недѣлю, по- «ѣха съ Москвы во Пьсковъ Князь Костянтинъ Дмитреевичь. Въ день «Благовѣщенія преставися Ефросинъ, Епископъ Суждальскій. Тое же «весны Княгини Великая Овдотья Дмитріевая заложи церковь камену «Взнесенія въ монастырѣ на Москвѣ внутри города. Тое же весны пре- «ставися Князь Василей, сынъ Княжъ Федоровъ Ольговича Рязанского. «Іюня въ 7, во Вторникъ, преставися Княгини Великая Овдотья Дмитрее- «вая, и положена въ церкви Св. Взнесенья. Преставися Ѳеогностъ, «Епископъ Рязанскій. Пріиде изъ Царяграда въ Новгородъ Владыка «Ѳеодулъ Тряпизонскій милостыня ради. Іюня въ 6 погорѣ Неревскій «Конецъ до города и Сѳ. Софія огорѣ вся, и дворъ Владычнь, и Люд- «гоша улица, а церкви кам. 12 огорѣ, а деревян. сгорѣ 6. Постави «Владыка Іоанъ (въ Новѣгородѣ) церковь кам. на Верендѣ Св. Преоб- «раженія, и свяща ю самъ, и монастырь устрои. Поставиша церковь «кам. Св. Власій въ Людинѣ Концѣ, а братеничи Юрьи Посадникъ «Дмитріевичь и братъ его Яковъ церк. кам. Чюдо Архистр. Михаила «въ Хопѣхъ въ Аркажи монастырѣ. Князь Костянтинъ Дмитріевичь со «Псковичами създаша церковь Св. Афанасіа въ единъ день въ Недѣлю, «Марта 29. Новогородци въ то время приведоша къ собѣ изъ Литвы «Князя Лугвеня, а все то Псковичемъ не на добро, и хотяху искоренити «отъ основаніа градъ Псковъ. Тое жь зимы Новгородцы взяша къ собѣ «Князя Данила и брата его, Князя Юрья, и даша имъ градъ Порховъ. «Въ Тфери заложена колоколня около старыя Вел. Княземъ Иваномъ «Михайловичемъ въ Петрово говѣніе, и кончаша подписывати церковь «на Городкѣ Св. Архист. Михаила; а Владыка Арсеній Тферскій при- «бавилъ притвора отъ Тмаки рѣки на Желтиковѣ. Маія въ 25 въ раннюю «зарю мѣсяцъ погибе. Червь (по *Никон. Лѣт.*) окрылатѣвъ идяше отъ «Востока на Западъ, и поляде древо и засуши я. Авг. мѣс. бысть въ Литвѣ мятежъ и усобницы и гладъ. Бысть знаменіе на Похрѣ: иде кровь «отъ Св. Богородицы.

«Князь Иванъ Михайловичь» (зимою въ 1408 году) «оженися на «Тфери, поятъ за ся дщерь Княжь Дмитріеву Еремеевича. Тое же зимы «Князь Володимеръ Андреевичь ожени сына своего Ярослава у Ярослав- «ского Князя, и бысть свадьба на Москвѣ. Марта въ 9, въ Пятокъ, «преставися Епископъ Ларіонъ Смоленскій и положенъ въ Сборной «церкви на Коломнѣ. Марта въ 11 день, въ Недѣлю, у гроба Петра «Митрополита исцѣлѣ нѣкій человѣкъ. Тое же зимы снѣгъ великъ былъ «до шти пядей; а на ту весну поводь велика; за 20 лѣтъ старіи памятуки «не запомнятъ толь великія. Апрѣля въ 7, въ Субботу Лазареву, пре- «ставися Князь Ѳедоръ Михайловичь Моложскій, во Мнишеск. чину «Ѳеодоритъ, и положенъ въ своей отчинѣ въ градѣ Мологѣ въ Сборной «церкви. Мая въ 25 начаша подписывати церковь кам. великую Сборную «Св. Богородица, иже въ Владимірѣ, повелѣньемъ Князя Великого, а «Мастеры Данило иконникъ, да Андрей Рублевъ. Повелѣньемъ Князя «Великого срубиша городъ деревяный Ржеву, а Воевода бѣ у нихъ «Князь Юрій Козельскій, да Юрьи Васильевичь. Іюня въ 21, въ Чет- «вергъ о полудни, бысть пожаръ великъ въ градѣ Ростовѣ, и самая «чудная Сборная церковь изгорѣ, и каменіе распадеся, иконы и сосуды «златыя и сребреныя съ женьчугомъ и съ каменьемъ, то все огнемъ «позже... Бяше бо ведряно и засуха, и буря и вихорь... и человѣцы «погорѣша, числомъ болѣ яко 1000; и толь велика пожара за 200 лѣтъ «не бывало въ Ростовѣ. Пріиде въ Повгородъ Кн. Костянтинъ Дмитрее- «вичь на Намѣстничьство. Поби Владыка Іоаннъ Св. Софію свинцемъ, «а маковицу большую златовръхую устрои. Татарове бишась съ Княземъ «Рязаньскимъ, Ѳедоромъ Олговичемъ, и побиша рать Коломеньскую. До- «роговь бысть житу по всей землѣ Русьской. Постави Харитонъ, Архи- «мандритъ Кіевскій, церковь камен. Трехъ Святитель на Красномъ «островѣ.

«Въ лѣто 6917 (1409), Марта во 2, преставися Владыка Тферскій, «Арсеній. Февр. въ 28, въ Четв., поболѣ главою; къ полуночи же слу- «чися словесному органу угаснути и затворитися. Наставшю же Марту «по книжному, а по луниому Февр. 15, въ Пятокъ по заутренѣй, при- «ходитъ къ нему Великій Князь съ своею братьею, съ дѣтми и съ Бо- «ляры, и съзываетъ Архимандриты на помазаніе Святителя... глубоцѣ «ноши суще, пресѣдяху у него 10 Черноризцевъ.... и той ноши за пол- «третья часа отъ житія къ Богу отыде... и вложи Богъ въ мысль Вели- «кому Князю и всѣмъ людемъ положити его у Св. Богородици и у Св. «отецъ Ѳеодосья и Антоніа, въ его монастыри.... Преставися Посадникъ «Тимоѳей Юрьевичь въ Новѣгородѣ. Постави Владыка Іоаннъ теремецъ «каменъ, идѣ же воду свящаютъ на всякый мѣсячь, и пекелницу камену. «Преставись Посадн. Есипъ Захаріиничь. Ноября въ 30 чюдо бысть «страшно въ Церкви Св. Михаила на Сковородкѣ: звукъ бысть въ ма- «ковицѣ по 2 дни и по 2 ноши.

«Въ лѣто 6918 (1410) пріиде изъ Царяграда на Москву Митропо- «литъ Фотій Апр. 22 на Великъ день, поставленъ Патріархомъ Мат- «ѳеемъ». (Въ Кіевѣ пріѣхалъ онъ изъ Константинополя 1 Сент. 1409). «Іуля 15 бысть побоище Королю Ягайлу и Витовту съ Нѣмцы съ Прусы «межи городовъ Дубравны и Острода, и убиша Местера и Маршалка, и «Кунтуры побиша, и городы ихъ Нѣм. поимаша, но только 3 городы не «вдашась Королю и Витовту, и бысть той осени Ляхомъ 3 побоища «съ Нѣмци, и на всѣхъ избиваху ихъ, и стояша подъ Марьинымъ го- «родомъ 8 недѣль, и взяша 2 охабна, а вышняго не взяша, и ходиша «по Нѣм. земли полъдругынатцаты недѣли. Бысть (въ Новѣгородѣ) зна- «меніе въ церкви Св. Георгія конець Лубянки отъ иконы Св. Богоро-

«дицы молебной. Варламъ Архимандритъ постави церк. кам. въ воро-«тѣхъ монастыря Лисицкого во имя Св. Варлама Хутиньского, а въ «Русѣ поставиша 2 церкви камены, Св. Георгія и Благовѣщеніе. Въ Св. «Софіи отъ иконы Гуріа и Самона и Авива Дек. 21 сътворися знаме-«ніе. Преставись Посадн. Кирилъ Ондреяновичь въ Мниш. чину. Хо-«дила опять Ягайло и Витовтъ къ Маріину городу, и рать Нѣм. побѣ-«дивъ, и миръ взяша, а съ города взяша 300 тысящь пѣнязей златыхъ, «какъ тѣ крилошанинъ хлѣбца не сѣялъ... Великій Князь Василей по-«велѣ рубити градъ Плесо. Приходиша (по *Никон. Лът.*) Татарове на Ря-«зань изгономъ; Рязанцы же биша ихъ и полонъ отъяша. Бысть вода велія.

«Въ лѣто 6919 (1411) постави Владыка Іоаннъ церк. кам. Свят. Ис-«повѣдникъ. Сей же зимы иде Владыка Іоаннъ на Москву къ Митропо-«литу Фотію... Тое жь зимы Князь Иванъ Михайл. Тферскій прислалъ «Боярина своего къ Митрополиту Фотію, и Фотій иде во Тферь и по-«стави Антонія Епископа Тфери Февр. 2. Тое жь весны преставись Кня-«гиня Овдотія Вел. Князя Ивана Мих. Тферскаго, другая дщи Князя «Дмитрея Еремеевича. Апр. въ 13 въ Понедѣльникъ, на завтрее Велика «дни, и положена у Св. Спаса... Родися Лугвеню на Копорьи сынъ Яро-«славъ, а въ крещеніи Ѳедоръ. Родися Матеею сынъ Кіпріянъ.

«Въ лѣто 6920 (1412) поставиша церковь кам. Св. Николу въ Пор-«ховѣ, а другу на Веряжи у мосту Св. Николу древян. въ монастырѣ, «а треть на Клопьскѣ древян. Троицу. Пріѣха изъ Литвы во Тферь Кн. «Александра Ивановичь. Князь Вел. Иванъ Мих. Тферскій заложи градъ «на Новоторжскомъ рубежи. Генв. въ 17 Князь Иванъ Васильевичь Яро-«славскій выдалъ дщерь свою Марію за Князя Александра Ѳедоровича. «Меженина бысть въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ: купили мѣру ржи по со-«року алтынъ старыми денгами. За два дни до Ильина въ Кашинѣ при «вечерѣ видѣша серпъ изъ облака. Въ Оспожино говѣніе бысть вода ве-«лика въ рѣкахъ. Григорій, Владыка Ростовскій, вторый Архіепископъ, «поставилъ церк. кам. Благовѣщенія на Дорогомиловѣ надъ рѣкою Моск-«вою, а земли Митропольской Кудринскаго села отступился. Окт. въ 31 «на ночь во Тфери погорѣ Городецъ на Волзѣ и церк. Богоматери и «Княжь дворъ и запасъ.

«Въ лѣто 6921 (1413) постави Владыка Іоаннъ съ Воеводами Ново-«городскыми и съ вои ихъ, что были у Выбора, и пометомъ» (сборомъ) «Христіанскымъ церк. кам. Съборъ Арханг. Гаврила на Хревковѣ улицѣ, «и свяща ю самъ въпраздникъ его; а Иванъ Морозовъ постави церк. «кам. на Десятинѣ Зачатіе Св. Іоанна Предтеча: и погорѣ Тферь того «дни. Отъ Можайска за 10 верстъ, въ отчинѣ Князь Андрея Дмитрее-«вичь, отъ иконы Багородицы явись жалованія и прощенія много, слѣ-«пымъ, хромымъ.» (Здѣсь разсказывается, что земледѣлецъ, именемъ Лука, нашелъ сію икону на деревѣ: обогатился, ходя съ нею изъ города въ городъ, построилъ великолѣпный домъ и жилъ Княземъ, презирая всѣхъ; что ловчій Князя Андрея Димитріевича, оскорбленный грубымъ Лукою, пустилъ въ него медвѣдя, который изломалъ сего человѣка; что Лука, приведенный въ чувство увѣщаніями Князя Андрея, отдалъ ему чудотворную икону и все свое имѣніе для построенія обители Колочинской, самъ постригся въ ней и скоро умеръ). «Владыка Іоаннъ иде въ Плес-«ковъ. Поставлена (во Псковѣ) церк. кам. Св. Василей на Горкѣ. Вла-«дыка Іоаннъ, благословивъ Псковичь, отъѣха. Авг. въ 6. Князь Костян-«тинъ отъѣха въ Новгородъ, и тамо пребысть годъ, и пакы пріѣха во «Псковъ. Владыка Новог. Іоаннъ былъ на Москвѣ у Фотія Митр. съ «дары, и тогда на Москвѣ преставися Архидіаконъ его Іоакимъ, и по-«ложенъ въ монастырѣ Ивана Златоустаго внѣ града Москвы.

«Въ лѣто 6922 (1414) погорѣша въ (Новогородскомъ) монастырѣ на «Деревяницѣ Владычни хоромы и церк. кам. Св. Богородица обгорѣ, да «человѣкъ сгорѣ. Бѣ болѣзнь тяжка костоломъ. Авг. въ 3 погорѣ Перев- «скый Конець отъ Св. Владимера и до Гзени, а церкви кам. огорѣ 8, а «деревян. 5. Той осени съвръшиша церк. кам. Св. Евфимію въ Плотъ- «ницкомъ Концѣ. Пострижеся Владыка Іоаннъ въ Скиму, а Посадн. Ки- «рила Дмитреевичь преставись. Псковичи поставиша градъ Коложе на «новомъ мѣстѣ на Опочкѣ, а здѣлаша весь въ 2 недѣли въ осень по «Покровѣ. Кн. Костянтинъ поѣха изо Пскова на Москву въ Петрово «говѣнье.

«Генв. въ 20 (1415) сѣиде Владыка Новогород. Іоаннъ съ Владыче- «ства, бысть въ Владычествѣ 30 лѣтъ безъ трій-Иде вода възводъ (въ «Новѣгородѣ). Повоеваша Татарове Елетскую землю (по *Никон. Лът.*) «и Князя убиша. Смоленскъ выгорѣ и Москва» (по *Никон. Лът.*) «и на «Саву Авраміева, иже клевета на Фотія Митр., огнь аки облакъ пре- «клонись отъ горницы Фотіевой и снѣде его жива. Іюня 7 въ Пятокъ «бысть знаменіе въ солнцѣ» (затмѣніе). «Преставись (въ Новѣгородѣ) «Посадн. Ѳедосій Обакумовичь въ Мнишеск. чину. Поставиша Св. Троицу «кам. на Видогощи въ монастырѣ. Новъгородци, съдумавъ на Ярославлѣ «дворѣ и ставъ Вѣчемъ у Св. Софіи, положиша 3 жеребьи на престолѣ, «написавъ имена Самсона Черньца отъ Св. Спаса съ Хутина, Михаила «Игумена Св. Михаила съ Сковороткы, Лва Игумена Св. Богородицы съ «Колмова, и по отпѣтіи Св. службы Василій Протоповъ Старый вынесе «на Вѣче Лвовъ жребій, по семъ Михаиловъ, и остася на престолѣ Сам- «соновъ; и Посадникъ Ондрей Ивановичь и Тысяцкой Александръ Игнатье- «вичь възведоша Самсона въ домъ Св. Софіи на сѣни Авг. въ 11 въ «Недѣлю. Того же дни священа бысть церк. древян. Въскресенія на «Красной горкѣ у Плотничскаго Конца, и монастырь устроиша. Той же «осени съвръшиша 2 церкви кам. въ Людинѣ Концѣ, Възъдвиженье и «Св. Луку... Купци Псковскыя разбиша старую церковь Св. Софію и «начаша новую дѣлать. Мастеръ Еремей съверши церк. кам. Вѣры, «Любве и Надежи Іуня 18 благословеніемъ служителя Св. Мученицъ, «Ивана Священника Хахиловичь, а повелѣніемъ купецкыхъ старостъ «Андрея Тимоѳеевичь и Осея и всѣхъ купцовъ.... Той же зимы отъѣха «Князь Ярославъ Володимировичь изъ Москвы въ Литву. Марта въ 10 «день родись Великому Князю Василью Дмитріевичу сынъ Василій. На- «чатъ мати его велми изнемогати... Великому жь Князю въ скорби сущу. «Бѣ же въ то время нѣкій старецъ святъ въ монаст. Св. Ивана Пред- «течи подъ боромъ за рѣкою Москвою, знаемъ же бѣ и Велик. Князю, «къ нему же посла Вел. Князь, да помолится о Княгинѣ. Онъ же отвѣща «посланному: шедъ рцы Вел. Князю, да помолится Мученику Логину: «понеже той данъ бысть отъ Бога помощникъ всему роду вашему. Кня- «гиня здрава будетъ; родитъ тебѣ сына въ вечеръ сій, наслѣдника. «Внегда же родись, и въ той часъ Священнику, Духовнику Вел. Князя, «сѣдящу въ келіи въ монастырѣ Преображенія, пришедъ нѣкто удари «въ двери и рекъ: иди, нарци имя Великому Князю Василью. Онъ же «вскорѣ вставъ и изыде, и не видѣ никого посланнаго, и пойде на дворъ «Княжь, и срѣте его посланъ по него, глаголя, да идетъ и наречетъ имя «роженному сыну Вел. Князя. Священникъ же вопроси его, аще онъ и «прежъ приходилъ по него—и рече: нѣсмь. И шедъ нарече имя отро- «чати Василій—и повѣда сія Вел. Князю и Княгинѣ, и удиви всѣхъ.

«Февр. 23 въ Недѣлю (1416) пріѣха Самсонъ къ Митрополиту ста- «вится, а съ нимъ послы Новог. Василій Обакуновичь, Тысяцкой Ва- «силій Есиповичь, Тысяц. Александръ Игнатьевичь. Марта въ 9 въ

«Понедѣльникъ и въ Четв. 12 простилъ Богъ у гроба Петра Митропо-
«лита, у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ, а въ 15 Февр. у Черницы
«руцѣ исцѣлѣша; а въ той день Фотій постави Самсона Діакономъ, а
«въ Субботу третью постави Попомъ, а въ Недѣлю Средокрестную въ
«22 Архіепископомъ въ церкви Св. Архистрат. Михаила, и нареченъ
«бысть отъ Митрополита Симеономъ; а на поставленіи было Владыкъ 5:
«Григорій Ростов., Митрофанъ Суздаль., Антоній Тфер., Тимофей Сарьскій,
«Исакій Пермскій, при Вел. Князѣ и при братѣ его Юрьѣ и Костян-
«тинѣ; и пріѣха въ Новгородъ Апр. въ 16, и Посадн. Иванъ Богдано-
«вичь, Тысяцк. Борисъ Васильевичь съ Игумены и съ Попы срѣтиша
«его конець Славна; а на ту нощь преставися Наумъ, крилошанинъ Св.
«Софіи. Поставиша Св. Илію конець Прусской улици. Той осени съвръ-
«шени 2 церкви кам.: Св. Петръ Митрополитъ, да Св. Аѳанасій, стяжа-
«ніемъ Владыки Симеона... Градъ Кострома заложена бысть. Маія въ 3
«преставися Григорій, Архіепископъ Ростовскій. Воеваша Татарове Литву
«и возвратишася съ полономъ.

«Въ лѣто 6925 (1417) преставись Новог. Посадникъ Юрьи Онцифо-
«ровичь, бывъ нѣмъ годъ и 3 мѣсяца. Іюня въ 10 бысть громъ въ церкви
«Св. Евпатія на Рогатицѣ и иконы опалиша. Того же мѣс. въ 24 пре-
«ставися Владыка Іоаннъ на Дерявницѣ и положенъ у Св. Въскресенія
«въ притворѣ; а на Москвѣ преставися Князь Иванъ, сынъ Князя Ве-
«ликого, Василія, ѣдучи съ Коломны. Съврѣшены быша (въ Новѣгородѣ)
«5 церкви кам., на Колмовѣ Св. Никола, Св. Мина на Даньславлѣ
«улицѣ, Св. Андрей на Щитной улицѣ, Св. Антоній у Спаса на Хутинѣ,
«Св. Никола на Холопьи городкѣ. Псковскіи Посадники Ѳеодосъ и Се-
«ливестръ и весь Псковъ паяша мастеровъ и здѣлаша стѣну отъ костра
«на Незнановѣ горкѣ и до Сысоевыхъ воротъ, а другыхъ наймитовъ
«паяша и поставиша костерь на Крому отъ Псковы, а поимаша то се-
«ребро на коръчмитѣхъ. Попове не вкупніи собравшесь, биша чоломъ
«Пскову, и устроиша третій Соборъ у Св. Николы надъ греблею. Пре-
«ставися Князь Григорій (Псковскій), на Снетной горѣ постригся, и по-
«ложенъ въ притворѣ на десной странѣ. Тое жь зимы мнози люди отъ
«мраза изомроша.

«Въ лѣто 6926 (1418) въ церкви Св. Анастасіи (въ Новѣгородѣ)
«идяше отъ иконы Св. Богоматери Покрова акы кровь по обѣ стороны
«ризы ея Апр. въ 19. Поставлены 4 церкви кам. въ Новѣгородѣ: Св.
«Власій на Черницинѣ улици, Св. Саву на Кузмодиміанѣ, Св. Илію у
«Спаса на Хутинѣ, Въскресенье общи монастырь и Св. Николу на
«Пидбѣ. Той же осени пойде Владыка Симеонъ въ Псковъ на свой
«подъѣздъ, и мѣсяць судилъ и поучи ихъ: да чтобы есте Церковь не
«обидѣли и не въступалися ни во что, елико изъ начала Епископьи по-
«тягло при прежебывшихъ Архіепископъ, въ домъ Св. Софіи, въ земли
«и въ воды, и въ суды и въ печать.... Въ Новгородъ пріѣха Князь
«Тферскый Андрей Дмитріевичь, и пріяша его.... Князь Дашко Ѳеодо-
«ровъ сынъ Острожского взялъ Кременецъ Витовтовъ въ Великій Чет-
«вергъ; послалъ прежь себя дву человѣкъ своихъ, Дмитрея да Илью, а
«съ ними ся зговоря: предайтеся служити Кондрату Прусу, Воеводѣ
«Кременецкому; егда же пріиду ко граду, и вы взводъ оттните, а мостъ
«положите.... и Дашко пріѣхалъ ко граду въ ночи въ 500 человѣкъ; и тѣ
«его совѣтницы у города отводъ отътяша, а мостъ положиша, и Дашко
«съ други своими въ городъ въѣха, Кондрата Воеводу уби, а присга-
«вовъ Королевыхъ и Витовтовыхъ присѣклъ, а Князя Свитригайла изъ
«желѣзъ высѣклъ. сѣдѣвша полдевята года; и оттолѣ ѣде Свитригайло въ
«Угры, и взялъ Луческъ, да у Волынскихъ Бояръ 150 коней отлучилъ..

«Поставленъ Ростову Епископъ Діонисій... Преставися Князь Александръ «Ивановичь *Брюхатой* Суждальской, зять Великаго Князя: Князь же «Великій дасть дочь свою Василису за другова мужа, за Князя Але«ксандра *Вземтя* Даниловича Суждальского и Нижегородскаго; а другую «дочь свою Марью Князь Вел. дасть за Кн. Юрья Патрекеевича На«римантовича.

«Въ л. 6927 (1419) Маіа въ 1 погорѣ Славенскый Конець и Плътничь«скій и до Ѳедорова ручья, церкви 24, а Св. Отецъ церк. вся выгорѣ, «а людій изгыбло много. Преставись Новог. Посадн. Иванъ Богдановичь. «Апр. въ 9 по Вечерни буря велія и дождь и громъ, и у Св. Богоро«дицы у городнихъ воротъ уби сторожа Андрея, а чепь паникадилную, «что въ лбѣ, всю порвало, и двери Царскія ополѣли, и Св. Іоаннъ Пред«теча, и на Св. Николѣ и на Василіи знадбу сътвори, а подъ церк. въ «воротѣхъ 2 человѣка убило; а иніи падоша аки мертви, ови онѣмѣша, «а иніи безъ ногъ бѣша и глуси... и въ Св. Костянтинѣ иконы ополѣша... «Варламъ Архимандритъ постави церк. кам. въ Юрьевѣ монаст. Рожде«ство Богородицы, и Михайло Юрьевичь церк. древян. на Колмовѣ, а «Ѳедосій Игуменъ Св. Троицю кам. на Клопскѣ въ 60 дній... При Вла«дыцѣ Симеонѣ во Псковѣ преставись Романъ Посадникъ, а на зиму въ «Суб. Мясопустную Ларіонъ Посадникъ. Поставлена въ Псковѣ церк. «кам. Св. Никола въ Нескахъ. Поставиша костеръ на Кромы отъ Псковы «падшій. Бысть моръ въ Кіевѣ. Симеонъ Владыка Новог. ѣздилъ по Ко«рельской землѣ въ поѣздѣ своемъ. Поставиша церк. древян. Св. Антонія «на Вежищахъ.

«Въ л. 6928 (1420) Псковичи наяша мастеровъ Ѳедора и дружину «его побивати церковь Св. Троица свинцомъ, и не обрѣтоша Псковичи «такова мастера въ Псковѣ, ни въ Новѣгородѣ, кому лити свинчаты «доски, а къ Нѣмцемъ слаша въ Юрьевъ, и поганіи не даша мастера, «и пріѣха мастеръ съ Москвы отъ Фотія Митрополита и научи Ѳедора «мастера Св. Троици, а самъ отъѣха на Москву, и тако до году побиша «бысть Св. Троица Авг. во 2, и даша мастеромъ 44 рубли. Бысть зна«меніе веліе въ Чирскахъ отъ иконы Св. Богородицы: изъ обою оку «идяху слезы, и Священники послаша, Попы и Діаконы, а отъ Пскова «послаша Ѳедора Шибалкина и иныхъ Бояръ—и принесоша икону, и «усрѣтоша ихъ съ кресты весь Псковъ за Старымъ Взнесеньемъ, идѣ «же и нынѣ крестъ въ тыну, и поставиша церк. въ женск. монастыри, «и оттолѣ начаша праздновати Знаменіе Богородицы Іуля въ 16... Приде «изъ Угорскія земли Князь Швитригайло Олгердовичь въ Литовскую «землю жити. Поставлены 2 церкви древян. (въ Новѣг.), Св. Никола въ «Іонинѣ пустынѣ и Св. Онуфрій на Красномъ островѣ.

«Въ л. 6929 (1421) бысть зима снѣжна и вода велика въ Волховѣ «и снесе Вел. мостъ, и Передичьской и Жилотужской, а съ Кольмець и «церковь снесе Св. Троицю, а въ Щиловѣ и на Соколищѣ и въ Радо«ковицахъ и въ Въскресеніи въ Людинѣ Концѣ, въ тѣхъ церквахъ только «на полатѣхъ пѣли, а по концамъ хоромы снесе, и разліяся въ городняя «ворота до Рыбниковъ. Маіа въ 19, вшедши тучи съ полудни, въ полу«нощи громъ страшенъ и дождь прапруденъ и съ каменіемъ акы яблока, «а иное аки яица... и бысть все лѣто дождево... Преставися въ Мнишьск. «чину 2 Посадника, Ѳедоръ Тимоѳеевичь и Александръ Ѳоминичь. Іюня «въ 15 преставися Архіеп. Новогор. Симеонъ... и Новогородцы поло«жиша 3 жеребіа на престолѣ Св. Софіи, Игумена Ѳеодосіа Св. Троици «съ Клопска, Игум. Захарію отъ Благовѣщенія и Арсенія Ключника «Владычня съ Лисичьей горкы... и Труфанъ Попъ вынесе Арсеніевъ «жребій и Захаріинъ, а на престолѣ остася Ѳедосьевъ. Посадникъ Ти-

«моѳей Васильевичь и Тысяцкой Кузма Терентьевичь съ Новогородци «взведоша Ѳедосіа въ домъ Св. Софіи на сѣни Сент. въ 1, въ Понедѣльникъ. Съвръшены 4 церк. кам.: Богоявленіе на полѣ, Воскресеніе «въ Павловѣ монастырѣ, Въскресеніе у Благовѣщенїа въ монастырѣ, «Давыдомъ Дмитріевичемъ Иванъ Милостивый въ Людиѣмъ Концѣ: а «Новогородци пѣловаша крестъ за единъ братъ. Перхурей Чернець Со«пешка даде мѣсто земли, и поставиша (во Псковѣ) церк. Благовѣщеніе «и монастырь женскый въ Нескахъ. Свершиша церк. кам. Св. Варвару «возлѣ Николы въ Опоцкомъ Конци... Князь Иванъ Тферскый изнима Боярина Новоторжьскаго, Ивана Кумганца, и сына его Ѳому, и бивъ «ихъ заточи въ Новый городокъ. Свершиша 2 церкви кам., Исакъ Онцифовичь въ монастырѣ на полѣ Богоявленіе, Василій Филиповичь съ Лукьяномъ Онцифоровичь Св. Спасъ на Розважи улици... Мѣсяца Окт.» (въ другихъ спискахъ: 15 Генв.) «свершиша въ Новѣгородѣ мость Великій. Тое жь осени Княгини Настасія Юрьева Дмитріевича была у «отца своего на Москвѣ, а пойде съ Москвы за недѣлю до Рожества. «Тое жь зимы Князь Юрьи Ивановичь Тферскій женись у Ивана Дмитріевичь.

«Въ л. 6930 (1422) преставися Княгини Настасія Юрьева Дмитрі«вича въ Звенигородѣ, а положена на Москвѣ у Вознесенья. Августа «въ 18 *отъ пороху* погорѣ Москва, въ полночи загорѣся, а о полудни «преста.

«Въ л. 6931 (1423) бысть знаменіе въ солнцѣ, и съвершиша 2 церкви «кам.: Св. Богородицю на Колмовѣ и Св. Іоанна на Лужници.—Авг. въ «30 сослаша Новогородци Ѳеодосія, нареченнаго ихъ Епископа, со Вла«дычня двора въ его монастырь, глаголюще: не хотимъ *шестника*» (см. Т. IV, примѣч. 380)... «и возведоша на дворъ Владычень по жребію «Инока Емельяна отъ Св. Воскресенія съ Древяницы. Моръ бысть по Корельской землѣ.

«Въ л. 6932 (1424) Митрополитъ Фотій на Москвѣ постави въ Новгородъ Емельяна Инока въ Епископы, и нареченъ бысть Евфимій. «Съвръшены 2 церкви кам. (въ Новѣгородѣ): Св. Лука на Лубяници и Св. Борисъ и Глѣбъ на Гзенѣ. Постави Владыка Евфимій церковь Милостиваго Спаса за олтаремъ у Св. Софіи... Кончана бысть стѣна камена (во Псковѣ) перси Кромскыа, а дѣлаша полчетверта года 200 мужь, а найма взяша 1200 рублевъ, и поставиша на персехъ колоколницю и колоколи повѣсиша, и 3 года стоявше, распадошася перси.

«Въ л. 6933 (1425) бысть въ Псковѣ хлѣбъ подешевле, по 5 зобницъ «на полтыну ржи».

(255) См. выше, примѣч. 254, подъ годомъ 1415.

(256) Въ *Степен. Книгѣ* сказано: «Митрополитъ посла по Юрья, хотя «ему поручити *старѣйшинство* Великаго Княженія:» или Авторъ разумѣлъ подъ *старѣйшинствомъ* только первое мѣсто въ Великокняжескомъ Совѣтѣ, или ошибся въ своей догадкѣ о приверженности Фотія къ Юрію: ибо послѣдствіе доказываетъ, что Митрополитъ усердно держалъ сторону юнаго Василія.—Герберштейнъ пишетъ, что Василій Димитріевичь будто бы не любилъ сына, подозрѣвая супругу, именемъ *Анастасію* (развѣ Софію?) въ прелюбодѣяніи, и наслѣдникомъ своимъ объявилъ брата, Юрія: завѣщаніе Василія Димитріевича опровергаетъ сіе извѣстіе.

(257) По извѣстію другихъ Лѣтописцевъ не Константинъ, но Андрей Димитр. Можайскій ходилъ въ слѣдъ за Юріемъ съ 30,000 или съ 25,000 воиновъ до рѣки Суры и возвратился ни съ чѣмъ, *поровя* ему.— Далѣе: «Митрополитъ пріиде въ Ярославль на Рожество Предтечево, и «ту ни мало помотчавъ, но точію ужиналъ у Князя Ивана Васильевича:

«молиша его Князіи Ярославстіи, чтобы у нихъ наутріе обѣдню слу-«шалъ, и не послуша ихъ, пойде въ Галичъ.., Митрополитъ же вшедъ въ «посадъ града, и пойде къ Соборной церкви Преображенія: бѣ же та на «посадѣ на полѣ у озера... И посла Юрій Боярина своего, Бориса Га-«личскаго, и Данила Чешка въ Москву», и проч.

(258) «Въ лѣто 6934 (1426) преставися В. К. Иванъ Мих. Тфер-«скій, и сяде на его мѣсто сынъ его, Александръ, и вскорѣ преставися; «и сяде на его мѣсто сынъ его, Кн. Юрьи Александр., и сидѣлъ 4 не-«дѣли, и преставися; и сяде братъ его, Кн. Борисъ Александр., а пле-«мянніку, Князю Ивану Юр., далъ городъ Зубцовъ... Того же лѣта Князь «Борисъ поималъ дядю, Князя Василья Михайл. Кашинскаго.—Тоя же «осени (1426) преставися Кн. Андрей Володимер. во иноч. чину Сава, «и положенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ... и К. Ярославъ Волод. «и К. Иванъ Васил. Ярославскій... Въ той же моръ преставися (въ «1427 г.) К. Василей Волод. и положенъ во Архангелѣ на Москвѣ... «Преставися (въ 1428) К. Петръ Дмитр.» (а не Константинъ, какъ въ *Псков. Лът.*). — «И послѣ того мору, какъ послѣ потопа, толико лѣтъ «люди не почали жить, но маловѣчніи и худи и щадушніи начаша «быти» (см. ниже, примѣч. 386, г. 1425, 1442 и 1448). Въ 1431 было небесное знаменіе, три огненные столпа, и проч.

(259) Въ *Никон. Лът.* (1426): «и рѣзаша у Татаръ... и въ ротъ вла-«гаху имъ наругающеся, яко же бо и самому Витовту видѣти».

(260) Въ *Псков. Лът.*: «Псковичи биша чоломъ Новгородцемъ (въ «1425 г.), и они отрядиша послы къ Витовту, а Псковичи послаша съ «ними Ѳедора Посадника и Андрея Ларіоновичь и Ивана Ларьяновичь «и Бояръ; они же не учиниша ничто же... Въ лѣто 6934 (1426), Іуня «въ 29, отступникъ Витовтъ разверже миръ съ Псковичанами, и Пско-«вичи послаша къ Новугороду, абы помогли, и не помогоша, но еще и «послаша Александра Игнатьевичъ къ Витовту на Псковское зло, и егда «мимо иде 4 недѣли и 4 дни, и Витовтъ... пріиде къ Опочкѣ Авг. въ «1 день, а Опочани бьяхутъ ихъ ово каменьемъ, ово колодьемъ отъ за-«боролъ отсѣкая, и поганіи, всуе трудившесь 2 дни и 2 нощи, отъидоша... «И пріиде Витовтъ къ Вороначю Авг. въ 25, и счинивше пороки, ши-«баху на градъ каменіе, и бѣ Вороночаномъ притужно, и послаша ко «Пскову, чтобы печаловалися о нихъ, и Псковичи послаша къ Витовту «Посадника Ѳеодора Щибалкина, а съ нимъ Бояръ, и биша много чо-«ломъ; онъ же чолобитья не пріять, и начаша къ городу лѣзти, пушками «шибая и пороками, и приспѣвши нощи, и бысть чюдо страшно» (тутъ описаніе грозы)... « Вороночани моляхуся Богу и Мученику Георгію, а «Псковичи ожгоша посады своя; и Витовтъ призва Вороночанъ, и оболь-«стивъ ихъ, и взя перемирье съ ними; и Вороночани послаша гонца ко «Пскову, а Псковичи къ Витовту Якима Посадника и Ѳедоса и Бояръ. «Еще же и о семъ повѣмъ: тогда же въ засаду къ Котелну городу по-«слаша Посадниковъ Селивестра и Ѳедора Шибалкина, и съ ними 400 мужь, «а Витовтъ посла къ Котелну 7000 мужь Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того «не вѣдущимъ, и подъ Котелномъ удариша на нихъ Литва и Татары, и убиша «Псковичь 17, а руками яша 13; а Псковичи съ ними бишась побѣгая къ го-«родку, и побиша Литвы много, и тако вбѣгше въ Котелной, затворишась. А «Островичи тогда ходиша торономъ» (набѣгомъ) «къ Велью, и наѣхаша «на ночьлезѣ Татаръ и убиша 40 мужь, а мало ихъ убѣжа, а инѣхъ «подо Вревомъ Вревичи побиша... И пріѣхавше Якимъ Посадникъ и «Ѳеодосій, биша много чоломъ, и срядишася дати 1000 рублевъ, и взяша «миръ съ Витовтомъ Авг. въ 25, а полоненныхъ даде на поруку Посад-«никомъ, а срокъ положиша привезти 1000 рублей и полоненныхъ всѣхъ

«въ Вильни поставити на Крещеніе... Псковичи (въ 1427 г.) послаша къ «Вел. Князю Юрья Посадника Тимоѳеевичь и Бояръ, чтобы послалъ сво- «ихъ Бояръ къ Витовту и ударилъ бы чоломъ за Псковичь; и бяше ему «тогда брань съ Княземъ Юрьемъ о Великомъ Княженіи, но обаче о «всемъ томъ небрегъ уречеся; и на зиму присла Вел. Князь Бояръ сво- «ихъ во Псковъ, и Псковичи послаша съ ними Посадниковъ Якима «Павловичь и Ивана Сидоровичь и Бояръ, и даша имъ реченное Ви- «товту сребро. Они же ѣхавше въ Вилно на срокъ, и поставиша плѣн- «ныхъ предъ Витовтомъ, и сребро положиша 1000 рублей; онъ же по- «званый сребро взя, а плѣнныхъ на крѣпости посади... За 3 недѣли до «Велика дни Псковичи послаша къ Витовту Посадника Селивестра Ле- «вонтьевичь и Владычня Намѣстника Парѳея... и докончяша за поло- «неныхъ полтта-ста рублевъ, а сребро дати на Покровъ». На противъ «того *Никон. Лът.* сказываетъ, что посолъ Великаго Князя, Александръ «Владиміровичъ Лыковъ, нашедше Витовта еще подъ Вороночемъ, уго- «ворилъ его взять съ Псковитянъ только 1000 рублей вмѣсто трехъ ты- «сячь.—Ливон. Лѣтописецъ говоритъ, что Псковитяне ссорились тогда съ Епископомъ Дерптскимъ, Дитрихомъ, который убѣдилъ Витовта итти на нихъ войною (см. Гадебуш. Livland. Jahrbüch. г. 1426). — См. *Новог. Лът.* г. 1428, и Длугош. Hist. Polon. стр. 509 — 510, гдѣ онъ говоритъ о характерѣ Новогородцевъ. — *Тюфяками* назывались особеннаго роду пушки. — Объ осадѣ Порхова въ *Никон. Лът.*: «пушка у «церкви Св. Николы переднюю и заднюю стѣну во олтари прорази и «градныя каменныя зубцы сразн, и изыде паки изъ града на полки Ви- «товтовы... и много избн воинства и коней. Бысть же се въ самую Ли- «тургію; Священника же ничимъ не вреди, а Нѣмчина мастера, похва- «лившагось на Св. Николу, размета невидимо гдѣ... точію *полкабата* «(камзола) его остася». Въ *Новог. Лът.*: «Порховичи докончаша за себе «5000 рублевъ» (въ *Арханг. Лът.* прибавлено: *Рижскою*, т. е. Рижскимъ серебромъ)... «а Новогородци другую 5000 серебра, а шестую на полону: «и то серебро браша на всѣхъ волостѣхъ Новгородскыхъ и по Заволо- «чію съ десити человѣкъ рубль». Въ *Псков. Лът.*: «Новгородци прислаша «ко Пскову помощи просити противу Витовта, и Псковичи отрекоша: «какъ вы намъ не помогосте, тако и мы вамъ не поможемъ; а еще межю «нами крестное цѣлованіе съ Витовтомъ, что намъ по васъ не пособляти... «И Новгородци съ Владыкою Евфиміемъ привезше дары многы (къ Ви- «товту) и добиша чоломъ *пятьюнадесять тысящь* рублей, и стоя подъ «Порховомъ недѣлю, и отъиде Іюля въ 28 день». Въ *Никон. Лът.* ска- зано, что Архіепископъ Евфимій выкупилъ плѣнниковъ за 3000 рублей.

(261) Въ *Новог. Лът.*: «А Князь Великій тогда къ дѣду своему Ви- «товту и крестъ поцѣлова, что ему не помогати по Новѣгородѣ, ни по «Псковѣ».—Въ Императорской Библіотекѣ есть *списокъ* присяжной гра- моты, около сего времени данной Княземъ Рязанскимъ Витовту. Въ ней сказано: «Господину Осподарю моему, В. К. Витовту. Се язъ К. В. «Иванъ Ѳедоровичь Рязанскый добилъ есми челомъ, далъ ся есми ему «на службу... а быти ми съ нимъ за-одинъ на всякого... А будетъ ли «которая налога В. К. Василью Васильевичь, внуку его, изъ которые «стороны, а взвелитъ ми К. В. Витовтъ, и мнѣ пособляти ему (Василію): «а судъ и исправы держать ми съ В. К. Василіемъ по старинѣ. А бу- «детъ ли В. К. Витовту съ В. К. съ Василіемъ Вас., со внукомъ сво- «имъ, какое нелюбіе, или съ дядями его, или съ братьею его, и мнѣ по- «собляти В. К. Витовту, своему Осподарю. А В. К. Витовту въ отчину «мою не вступатися, выпемши Тулу, Берестей, Дороженъ... А суды и «исправа давати ему мнѣ чисто... Съѣхався судіямъ В. К. Витовта съ

«моими, судити имъ, цѣловавъ крестъ... а что сопрутся, ино положить «на Осподаря, на В. К. Витовта.кого обвинитъ», и проч.

(262) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, Стриков. кн. XV, гл. 13, и *Никон. Лѣт.* г. 1430. Въ Генв. 1429 Витовтъ угощалъ въ Луцкѣ Сигизмунда, Короля Римскаго, и Ягайла, а осенью въ 1430 Князей Россійскихъ въ Трокахъ и въ Вильнѣ. Стриковскій въ числѣ гостей именуетъ и Датскаго Короля, Эрика (что сомнительно). Означенное количество меду и запасовъ отпускалось ежедневно на пиры въ Луцкѣ; но Виленскіе не уступали имъ въ роскоши. На первомъ съѣздѣ Сигизмундъ предложилъ Литов. Князю назваться Королемъ; а второй съѣздъ былъ для ожидаемой коронаціи Витовта. Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ хранятся письма Витовтовы о сихъ происшествіяхъ къ Магистру Нѣмецк. Ордена, Павлу Русдорфу: въ одномъ (отъ 17 Генв. 1429) сказано, что Ягайло уже въ Луцкѣ, а Сигизмундъ скоро будетъ; въ другомъ (Авг. 1430) говорится о Вел. Князѣ Московскомъ, пріѣхавшемъ къ нему вмѣстѣ съ Тверскимъ около 8 Авг.: wir beiten (erwarten) euer hie mit gutem Gemute mit den Gästen, als mit dem Grossen Fursten von der Moskaw und von Twere, und sunst mit viel andern (Длугошъ упоминаетъ единственно о Татарскомъ Царѣ, сверхъ Князей Россійскихъ).

(263) Длугош. Hist. Polon. 559.

(264) См. *Никон. Лѣт.* г. 1440, Стриков. кн. XVII, гл. 5—8, и Кромера гл. XXII, стр. 337. Послѣдній пишетъ: Michael apud Moschos exulans veneno, opera Lituanorum procerum, ut creditum est vulgo, in poculum infuso extinctus est; а Стриковскій говоритъ, что какой-то Игуменъ Московскій отравилъ Михаила ядомъ въ просфорѣ (около 1452 года).—Подлинная Свидригайлова договорная грамота находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, но такъ ветха, что не льзя разобрать ни одной цѣлой строки; видно только, что говорится о свободной торговлѣ въ обѣихъ земляхъ, и проч. На примѣръ: «Язъ, Князь Великій Швитриктайло, миръ... «съ Новымгородомъ... а послѣ грамотъ мѣсяцъ не воеватися... А на семъ «язъ, Кн. Вел. Швитриктайло, крестъ цѣловалъ; тако же и посломъ Но«вогородскимъ... Иванъ Ермолиничъ... Харьиничъ... Индикта IX», то есть, 1431 г.—Свидригайло въ 1432 заключилъ миръ и съ Псковитянами, отъ коихъ ѣздили къ нему Посадники Іоакимъ, Алексѣй Ефремовичъ и Боярс. Съ обѣихъ сторонъ утвердили старую границу, какъ было при Витовтѣ (см. *Псков. Лѣт.*).—Въ *Новог. Лѣт.*: «той же зимѣ (1436) послаша Нов«городци Посадьника Григорія Кириловичъ къ Литов. Кн. Жидимонту, «и Жидимонтъ цѣлова крестъ къ Новугороду по старинѣ».—Изъ Кенигсбергскаго Архива прислана ко мнѣ слѣдующая Свидригайлова грамота, достойная замѣчанія и слогомъ и содержаніемъ: «отъ Великаго Князя «Швитриктайла пріятелю нашему, милому Князю Павлу, Мистру Пру«скому. Грамоты ваши Князя Лодвиковъ Кунтура Къгмевьского слуга «Климокъ принеслъ къ намъ къ Смоленьску на третьей недели въ Чет«вергъ по Великому дни. Пишете, иже есте готови со всими своими «людми къ семой недели въ Ляцкую землю потягнути: то намъ велми «любо, што не вмѣшкивая дело чините. А пишете, што быхомъ псали «прося Волоского Воеводы, што бы въ тыи часы такожь съ своими людми «отъ своее стороны втягнулъ въ Ляцкую землю: и мы къ нему послали, «просячи его. А пишетъ о Князя Михайла и о Князя Федка, што бы«хомъ и тымъ отъ тое стороны и съ Подолья Ляцкой земли велѣли зава«жати и шкодити; а о Князя Олександра о Носа ведома ещо вамъ не «было, што приступилъ къ намъ: ино о томъ есмо къ вамъ ужо послали «перво грамотъ и словомъ пакъ приказали есмо, а потомъ и слугу его «отпустили есмо, што послалъ къ вамъ, то вжь (уже) вамъ ведомо есть:

«ино Князю Федку велѣли есмо оттуль отъ Подольское земли заважати «Ляхомъ, што наиболши могучи со всими тамошними людми, а и съ Татары пакъ: занюжь и Татаръ съ нимъ досыть есть; а Князь Олександръ «Носъ отъ Луцкое стороны. Надеемся, имуть имъ много заважати и щкодити ихъ земли; о томъ есмо послали къ нимъ, ко Князю къ Олександру и ко Князю Федку; но Князю Михайлу, Воеводе Киевъскому, велѣли есмо къ собѣ тягнути ему. Мы жь, Богъ дасть, хочомъ на тотъ «жо день, на семую Суботу, со всими нашими людми и съ Мистромъ «Лифлянтьскимъ соймася въ Полоцку или где будеть споручь и намъ и «ему, хочомъ пойти въ Литву на тотъ же рокъ, какъ и вы потягнете. А «также оногды ещо у (въ) Великии постъ, какъ толко отпустивъ Лодвика «Кунтура Къгмевьского къ вамъ, послали есмо Боярина нашего, на имя «Михайла Арбанасса, ко Царю Магмету къ Орде, а после опять передъ Великою ночью послали есмо къ Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, «прося Царя, штобы намъ такожь отъ себе помоглъ. Тотъ жо Михайло Арбанасъ пріѣхалъ къ намъ къ Смоленьску того жь дни, какъ Кунтуровъ слуга Климокъ: приказалъ съ тымъ Михайломъ къ намъ Царь Магметь Ордьский, молвя, какъ есми взялъ братство за-одно стояти съ тобою, съ своимъ братомъ съ Великимъ Княземъ Швитрикгайломъ, то такъ «держу полно свое слово, свое докончанье. А послалъ былъ есмь сее зимы къ тобѣ брату на помочь своихъ люди дванадцать тысячь, а съ ними «многихъ въ головахъ Улановъ Князей, и дошодшо до Киева вернулися «опять: за снегомъ не могли далей пойти; снеги были великии; а нынѣчи шлю къ своему брату, къ тобѣ къ Великому Князю Швитрикгайлу, на помочь сына своего большого Мамушяка Царевича, а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Ельбердѣя, со многими людми: одно братъ мой пришлетъ ко мне человѣка доброго, кому быхъ тыи свои «люди далъ на руки, ижъ бы ихъ довелъ до моего брата, до Великого Князя Швитрикгайла. А о Пана Ивашка, что есмо послали къ нему, ведома ему ещо не было; и сустрѣлъ тотъ Михайло нашъ Пана Ивашка въ поли; надеемся вже въ Орде есть у Царя; а людей своихъ готовы держить Царь; отрядивъ съ Паномъ Ивашкомъ ихъ и отпустить къ намъ «на помощь, и сына и дву зятей тыхъ своихъ со многими людми; а и то «приказалъ къ намъ съ тымъ Михайломъ и на ярлыце псалъ на своемъ: «будеть тыхъ людей моихъ мало, а будетъ самого мене надобе со всими «моими людми, готовъ есми къ тобе, къ своему брату Великому Князю Швитрикгайлу; одно где ми узвелишь. Такъ намъ приказалъ молвить, «што его неприятель, то и мой неприятель; но хочомъ Богу моляся съ «одного своего добра смотреть. А псанъ у Смоленьску Маия 3 дне»— вѣроятно, въ 1432 году.

(265) См. *Никон. Лѣт.* г. 1426 и 1429. Первое нападеніе было *осенью:* вѣроятно, еще въ 1425 г. Татары, стоявъ въ Галичѣ мѣсяцъ, взяли Кострому 6 Генв. Съ дядями Великого Князя ходилъ къ Нижнему Бояринъ Иванъ Дмитріевичь.—О походѣ въ Болгарію см. *Никон. Лѣт.* г. 1430.

(266) Сія грамота находится въ Архивѣ подъ No 22 и 23 (см. *Собр. Госуд. Грам.* 86). Въ началѣ: «На семъ, *брате молодшій*, Князь Юрьи Дмитреевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ», и проч. Она подписана Митрополитомъ; въ ней означенъ годъ, Индиктъ и день (Марта 11). Въ лѣтописи: «Тое жь зимы (1431) Кн. Юрьи развержe миръ».

(267) Но въ такомъ единственно случаѣ, когда бы Василій не оставилъ сыновей; и притомъ въ завѣщаніи нѣтъ имени Юрьева, а сказано только: «кто будетъ подъ тѣмъ (Василіемъ), ино тому сыну моему Княжь Васильевъ удѣлъ».

(268) «Князь Юрьи Дмитр. на Рожество Богородицы бысть на Ли-«тургіи у Пречистые на Сторожехъ, и пойде ко Ордѣ же; и взятъ ихъ «къ себѣ въ улусъ Дорогаминъ Московской Минъ-Булатъ... но добръ бяше «до Юрья Князь великій Ординскій Ширинъ-Тегиня... Нѣкто же Тата-«ринъ. Усеинъ именемъ, Постелникъ Царевъ, братаничь Тегинѣ, сказа «ему думу Цареву..... Прінде Князь Великій В. В. на *Москву* на Пет-«ровъ день, а съ нимъ Царевъ посолъ, Уланъ Царевичь: тотъ его садилъ «на Великое Княженіе у Пречистые у золотыхъ дверей» (въ Успенскомъ Соборѣ) «а Князь Юрьи пойде въ Звенигородъ, а оттолѣ въ Дмитровъ». Только въ одномъ *Архангельск. Лът.* сказано, что Мурза Ханскій посадилъ Василія на престолъ будто бы въ *Владимірѣ*.

(269) Великій Князь не былъ доволенъ тѣмъ, что Ханъ отдалъ Юрію Дмитровъ.

(270) *) «И Микула поясъ далъ въ приданые жь Ивану Дмитріевичю, «а Иванъ Дмитр. далъ его за своею дочерью Князю Андрею Володи-«меровичю; по смерти же Андреевой, по Ординскомъ приходѣ, Иванъ «Дмитріевичь Княжну, Андрееву дщерь, а свою внуку, обручалъ за «Князя Василья Юрьевича, и тотъ поясъ далъ ему». Въ *Архангельск. Лът.*: «на той свадбѣ (Великаго Князя) Захарья Ивановичь Кошкинъ «имался за поясъ у Князя Василья Юрьевича у Косова, а ркучи: тотъ «поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою». Лучше вѣрить Москов-скому Лѣтописцу.—Юріевичи, уѣхавъ изъ Москвы, ограбили Ярославль и взяли *казны всѣхъ Князей*.

(271) «Посла противу ему (Великій Князь Юрію) Ѳеодора Андре-«евича Лужа и Ѳеодора Товаркова».—О Москов. воинахъ: «піяни бяху, «а и съ собою медъ везяху, чтобъ пити еще».

(272) Въ *набережныхъ* сѣняхъ.

(273) Въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, I, 99. Тамъ сказано: «Цѣлуй «крестъ ко мнѣ и къ моему сыну, К. Дмитрею меньшому, и съ нашимъ «братомъ молодшимъ, К. Костянтиномъ Дмитр., и съ моими братаничи «Княземъ Иваномъ и К. Михайломъ Андреевичемъ» (Можайскими, сы-«новьями умершаго Андрея Димитріевича) «и со К. Васильемъ Яро-«славичемъ... А держати ми тобя, Великаго Князя, «въ старишиньствѣ... «а дѣтей ми своихъ большихъ, Князя Василья, да Князя Дмитрея, не «пріимати и до своего живота, ни моему сыну меньшому; а тобѣ ихъ «также не пріимати... Что отчина брата нашего; Княжа Петрова Дми-«треевича, Дмитровъ со всѣми волостьми, того ми всего подъ тобою, «подъ Вел. Княземъ, блюсти... а что есмь взялъ Царевъ ярлыкъ на «Дмитровъ, и тотъ ми ярлыкъ тобѣ дати... Что ми ся еси нынѣча от-«ступилъ Сурожыка, да Лучинского, да Шепковы, и Шачебала, и Ли-«курги, и Костромскихъ волостей... и Бѣжыцкаго Верха... А въ Литву «ти у мене помочи не имати, а къ тебѣ ми не ѣздити... а которые суды «судилъ язъ Князь Юрьи Дмитреевичь, сидя на Москвѣ, а тѣхъ ти су-«довъ моихъ не посужати... А что поимана твоя казна и твосе матери, «или Бояръ, и мнѣ то отдати... А что будутъ поклажей моихъ Бояръ, «Семеновы Ѳедоровича, или иныхъ, и тобѣ то отдати... А что Князь «Василей Ярославичь ималъ или люди его грабили, а на то судъ и ис-«права. А что еси платилъ въ Ордѣ за мою отчину за Звенигородъ и «за Галичь два выхода и съ распанами, а о томъ ми съ тобою розче-«стися... А что есмь занялъ у гостей и у суконниковъ шесть сотъ ру-«блевъ, да заплатилъ есмь въ твой долгъ въ Ординской Резепъ-Хозѣ, да

*) См. Лѣт. Софійск. II, 11. В. Княгиня Марія названа внукою Марьи Родіоновой (Отмѣтка Исторіографа на собств. его экземплярѣ И. Г. Р.).

«Абипу въ кабалы и на кабалахъ есмь то серебро подписалъ, и тобѣ съ «мене тотъ долгъ сняти, а съ тѣми гостьми вѣдатися тобѣ».

Въ лѣтописи: «Князь Великій В. В. посла Воеводу, Князя Юрья «Патрикеевича, а съ нимъ Дворъ свой, многіе люди, на Кострому на «Юрьевичевъ, а съ ними бяше Вятчане и Галичане: и сташа на бой, «на рѣчкѣ на Куси, и рать Вел. Князя побиша, а Воеводу, Юрья Па«трикеевича, поимали, и пріидоша опять на Кострому: а какъ Волга «стала, и они ступили къ Турдеевымъ врагомъ... К. В. слышавъ измѣну «дяди, что на бою у дѣтей его были Воеводы его со многими людьми, «и пойде на него ратію; онъ же (Юрій) бѣжа къ Бѣлуозеру, и Князь «Великій Галичъ взя и сожже» (въ *Архангельск. Лът.* сказано, что онъ не взялъ крѣпости, гдѣ засѣли Косой и Шемяка.)... «и возвратися къ «Москвѣ. А Князь Юрьи приде въ Галичъ, и посла по дѣти своя, и «собра силу многу, и Вятчанъ приведе... Князь же Великой пойде про«тиву, а съ нимъ Князь Иванъ Можайской... и сретошася у Николы «Св. на горѣ въ Субботу Лазареву... а Князь Иванъ Можайской бѣже «ко Тфери: тамо бо и мати его бѣжала ко дочери своей и К. В. посла «къ нему Андрея Ѳеодоровича Голтяева... А Князь Юрьи присла къ «нему Якова Жесткова, зовя его къ себѣ; Иванъ же пойде со Тфери «къ Юрью, и срѣте его у Троицы, и пойде съ нимъ къ Москвѣ». (Въ «*Новгород. Лът.*: На Св. недѣли, Апр. въ 1, пріѣха въ Новгородъ Князь «Вел., Василій, и выѣха весь Великій Новгородъ ратью на поле на За«рѣчскую сторону къ Жилотугу, а Князь Великій былъ на Городищи, и «не бысть имъ ничего же; и К. В. въ Новѣгородѣ пребывъ 3 недѣли и «4 дни, отъѣха на Тферь Апр. въ 26»). «Пріиде же Юрьи подъ Москву «на Страстной недѣли въ Среду, и стоя подъ городомъ недѣлю... и взя «Москву, и Княгинь Великихъ, посла въ Звенигородъ». Во *Псков. Лът.* сказано такъ о началѣ войны между Юріемъ и Великимъ Княземъ: «К. В. «пойде ратью на Князя Юрья, а черезъ мирную руку и правду, церкви «пожже въ Галичѣ и монастыри, и много народу посѣче, а К. Юрья ту не бысть; и приде въ Переславъ, и учини пакость велику».

(274) «Преставися (въ 1432 г.) дядя В. К. Василія, Князь Андрей «Можайскій, въ своей отчинѣ мѣсяца іюня, и привезоша его на Москву «и положиша во Архангелѣ». Въ 1433 г. К. Иванъ и братъ его К. Михайло Андреевичи заключили союзъ съ Василіемъ, жившимъ тогда въ Коломнѣ: см. ихъ договоръ въ *Собраніи Государствен. Грамотъ*, I, 92.

(275) См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 90. Въ обѣихъ грамотахъ Юрьй называется *Великимъ Княземъ*. Въ Рязанской сказано: «Тобѣ, Вел. Князю «Юрью Дмитр., отчины моей Княженья Рязанского, Переславля и Проп«ска по рѣку Оку блюсти подо мною... а въ *Тулу* и въ Берестій тобѣ «и твоимъ дѣтямъ не вступатись... А со Княземъ еси съ Пропскимъ и «съ его братьею любовь взялъ; а что ся промежъ насъ учинитъ, ино «межъ насъ управить тобѣ, Вел. Князю... а съ Торускимъ Княземъ взяти «ми любовь, заше тѣ Князя съ тобою одинъ человѣкъ. А Новосильскіе «Князи добьютъ челомъ тобѣ, и мнѣ съ ними взяти любовь... А что бу«детъ покупилъ въ Мещерскихъ мѣстѣхъ дѣдъ мой и отецъ мой и язъ «или мои Бояре, и въ та мѣста мнѣ не вступатись: знати намъ свое «серебро, а земля къ Мещерѣ, какъ было при В. К. Иванѣ Ярославичѣ и при Князи Александрѣ Уковичѣ... а *Князи Мещерскіе* не имутъ «тобѣ, Вел. Князю, править, и мнѣ ихъ не приматъ... А что будетъ «въ моей вотчинѣ Егедѣева полону, коли былъ Егедѣй у Москвы, тѣхъ «ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти; также и Царевичь Мах«мутъ-Хозя какъ былъ у тобе въ Галичѣ ратью... А что есми посылалъ свою рать съ твоимъ братычемъ, со Княземъ съ Васильемъ, и

«воевали и грабили, ино тому всему погребъ», и проч. Въ *Родословной Книгѣ* (II, 239) сказано о *Мещерскихъ Князьяхъ* такъ: «Въ лѣто 6706 «(1198) Князь Ширинской Бахметъ, Усеиновъ сынъ, пришелъ изъ Боль- «шіе Орды въ Мещеру, и Мещеру воевалъ, и засѣлъ ее, и родился у «него сынъ Беклемишъ, и крестился Беклемишъ, и названъ Михаиломъ, «и въ Андреевѣ городкѣ поставилъ храмъ Преображенія, и съ собою «крестилъ многихъ людей. У Князь Михайла сынъ Князь Ѳедоръ, у «Ѳедора Юрьи, и Князь Юрьи былъ на Дону, пришелъ изъ Мещеры къ «В. К. Дмитрію Ивановичу съ своимъ полкомъ. У Юрьи сынъ Князь «*Александръ:*» сей-то Александръ есть *Уковичъ*, продавшій Мещеру Дмитрію Донскому (см. выше, стр. 110); но Князь Ширинской Бахметъ вышелъ изъ орды безъ сомнѣнія гораздо послѣ 1198 года, когда еще и Большой Орды не было.

(276) *Собр. Госуд. Грамотъ*, 105. Юрій отказываетъ Косому Звенигородъ, разныя села, и между прочимъ Тамашенскіе луга на Перервѣ; Шемякѣ Рузу, а Красному Галичъ съ соляными варницами (кромѣ церковныхъ), Вышегородъ, и между прочими деревнями Подмосковное село *Сущевское* съ *Ходынскимъ* лугомъ: Московскіе же доходы, Дмитровъ, Вятку, дворъ, загородный садъ и садикъ всѣмъ тремъ вмѣстѣ. Далѣе: «Благословляю сына своего, Василья, икона пречистая Богородица, око- «вана золотомъ, Смоленская; а благословляю сына своего, Дмитрея, «икона Спасъ окована, что мя ею благословила Княгиня Марья Дани- «лова; а благословляю сына своего, Дмитрея меньшаго, икона Пречи- «стая золотомъ окована, что мя благословила мати моя Княгиня Вели- «кая. А что изъ золота, даю сыну своему Василью поясъ золотъ съ «каменьемъ на чепехъ безъ ремени; а Дмитрею, сыну своему даю поясъ «золотъ на червьчати ремени; а Дмитрею, сыну своему меньшему, даю «поясъ золотъ съ каменьемъ безъ ремеи, чѣмъ мя благословилъ отецъ «мой. А что моего осталося золота, или женчугу, или матери его золота, «или женчугу, а тѣмъ благославляю сына своего, Дмитрея меньшего. А «Богъ дастъ, будетъ Митрополитъ на Русь, и язъ ему велѣлъ дати блюдо «свое большее двоколечное... А писалъ есьми грамоту сю передъ Бояры».

Въ Архангельскомъ Соборѣ на гробѣ Юріевомъ изображены годъ и число его смерти: «л. 6940, Авг. 19:» но въ томъ и другомъ ошибка. По всѣмъ лѣтописямъ онъ скончался въ 6942 году, а по *Архан. Лът.* 6 Іюня. Сія надпись безъ сомнѣнія не есть древняя.

(277) См. о Константинѣ выше, примѣч. 122, а грамоту въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, 107. Начало: Божіею милостію и Пречистыя Его Бого- «матере и *по нашей любви»*, и проч. Далѣе: «што еси взялъ у Семена «у Аминева пасынка въ Тростнѣ въ своемъ имяни, и то село твое» (въ Звенигородской области)... «А што, брате, еще въ цѣлованьи будучи со «мною, не додалъ ми еси въ выходы серебра и въ Ординскые проторы, «и что есмь посылалъ киличеевъ своихъ ко Царемъ, къ Кичимъ-Ахметю «и къ Сити-Ахметю, а то ти мнѣ, брате, по разочту... а што въ наше «розмирье (было), а тому всему *дерть»* (забвеніе).

(278) Въ Синод. *Псков. Лът.:* «Князь Василій Юрьевичь, побравъ «злато и сребро, казну отца своего, и градскій запасъ весь и *пускчи* «(пушки) и подоймя съ собою Князя Романа *Переяславскаго»* (вѣроятно, бывшаго Намѣстникомъ въ *Переславлѣ*) «побѣжѣ къ Новугороду... и егда «прибѣже въ Новгородъ, а Князь Романъ побѣже отъ него: онъ же, по- «имавъ его, повелѣ отсѣщи руку и ногу, и умре; а самъ Кн. Василій «Юрьевичь, на Городищѣ поживъ 8 недѣль, поѣха въ Заволочье». — Въ *Никон. Лът.* и въ другихъ: «Косой, шедъ на Кострому, нача собирати «вои... и пріѣха въ Но..городъ..' и пойде и ограби на Мстѣ рѣцѣ и по

«Бѣжецкомъ Верху и по Заволочью.. и пойде съ Костромы со многими «силами къ Москвѣ, а Князь Великій противу... и срѣтошась въ Ярославской отчинѣ у Козмы и Даміяна на Которосли, Генв. въ 6 (1435), «и поможе Богь Вел. Князю, а Косой убѣже въ Кашинъ... и пойде изгономъ къ Вологдѣ на Вел. Князя заставу... и тамо Воеводу поималъ, «Ѳеодора Михайловича Челядну, Андрея Ѳедоровича Голтяева, Володимера Андреевича Зворыксима, Михайла Чепчика и иныхъ; и пойде къ «Костромѣ, и посла по Вятчанъ, и пріидоша къ нему... а Князь Великій пойде на него, и ста на мысѣ у Св. Ипатія межи Волги и Костромы, и не лзѣ бѣ битися имъ, межи бо ихъ рѣка Кострома, и взяша миръ... а весна была вельми студена». (Между рукописями Императорской Библіотеки находится списокъ мирнаго договора, заключеннаго тогда между Великимъ Княземъ и Косымъ). Далѣе: «Косой же пришедъ въ Дмитровъ, «и пребысть въ немъ 1 мѣсяцъ... и пойде опять на Кострому, а къ Вел. Князю розметные послалъ, а жилъ въ Костромѣ до пути зимняго, а на пути пойде къ Галичю, а изъ Галича къ Устюгу, и на Кичьменгу на верхъ Югу рѣки приде въ Николинъ день, а на Устюгъ подъ городъ «Гледенъ Генв. въ 1 (1436), а ждалъ Вятчанъ и стоялъ 9 недѣль, и на «всякъ день приступалъ, и города не взялъ; а на городѣ былъ Воевода «Вел. Князя, Князь Глѣбъ Ивановичь Оболенскій; а волости выпустошилъ, а послѣ Гледенъ взялъ на цѣлованье, а Князя Глѣба взялъ душею на правѣ, да его убилъ, и положенъ бысть въ Соборн. церкви на «Устюзѣ; а *Десятинникъ* Владычня, Іева Булатова, повѣсилъ, и много «Устюжанъ казнилъ, вѣшалъ, сѣклъ».

(279) «А приставъ у него Иванъ Старковъ, а Намѣстникъ на Коломнѣ онъ же... Тое же весны, въ 4 недѣлю поста Великого, пойде Кн. «В. Ю. Косой похвалися на Великого Князя... а К. В. стрѣтилъ его на Скоротинѣ въ Ростов. области».

(280) Объ немъ сказано въ *Псков. Лѣт.*: «Пріѣха во Псковъ изъ «Риги (въ 1436 г.) отъ Местера Князь Иванъ Баба, а въ своемъ безвременьи, и пребывъ въ Псковѣ до полузимы, поѣха въ Москву».

(281) «Угони Косого Борисъ Тоболинъ, и нача кликати: *ось Князь «Василей Юрьевичь!* и пригна къ нему Князь Иванъ Баба». Далѣе въ *Арханг. Лѣт.* стр. 122: «А когда К. Василій Юрьевичь перевезлся «Волгу, и пойде конною силою на Нерехту, а Вятчанъ отпустилъ 400 «въ судѣхъ къ Ярославлю, а Князь Великій чаялъ судовые силы много со Княземъ Васильемъ, и онъ велѣлъ Князю Александру Ѳедоровичю Брюхатому Ярославскому съ Ярославцы и съ Углячане въ судѣхъ быти подъ Ярославлемъ, а силы съ нимъ 7,000, а Вятчаня, не дошедъ до Ярославля за 15 верстъ на усть рѣчки Тунашмы, суды оставя въ рѣчкѣ, а сами пѣши поскочили за Княземъ Васильемъ, да не поспѣли «на бой, стрѣтили бѣглыхъ съ бою, а сказываютъ, что Князя Василья «на бою поимали. И Вятчяня побѣгли взадъ подлѣ Которосль рѣку внизъ, «а ужъ нощь, и прибѣгли близъ Ярославля на свѣтлой зарѣ, ажъ Чернецъ единъ ѣдетъ по Которослѣ вверхъ, и начаша спрашивати его: гдѣ «Князь Александръ стоитъ? Чернецъ же чаявъ Князь Александровы «люди, и рече имъ: близъ на усть Которосли шатромъ стоитъ на Волзѣ «со всею силою, а иные въ Которосли, а Княгиня со Княземъ спитъ въ шатрѣ. А того утра была мгла велика: Вятчяняжъ здумавше и кинувся скоро, Князя Александра и со Княгинею поимавше, и вметалися во Княжіе же суды, и отъ берегу отпехнулися на Волгу, а всѣхъ Вятчанъ 40: рать Князь Александрова вся спала, и вскакали, начаша «хватати доспѣхи: Вятчяня же пловучи внизъ по Волзѣ со Княземъ и «со Княгинею, и стоячи надъ Княземъ и надъ Княгинею съ копьи и съ

«топоры, и рѣша: одинъ на насъ стрѣлу стрѣлитъ, мы Князя и Княгинею по-«губимъ: Князь же нача кликати Ярославцемъ и Угличаномъ, чтобы не «стрѣляли. Вятчаняжъ перегребешися за Волгу, и сташа, и нача Князь «за себя и за Княгиню сулить окупъ 400 рублевъ. Вятчаня же велѣша «послати по казну въ городъ Ярославль, и Казначей Княжей казну при-«везлъ: Вятчяня ме вземше казну, а Князя Александра и со Княгинею «не отпустили; а побѣгли къ Вятки мимо Казань въ судѣхъ, а Князя и «съ Княгинею свели къ Вяткѣ неволею. Приде же вѣсть Великому Князю «на Москву, что Вятчяня Князя Александра и со Княгинею поимали, «и на Вятку свели, и Князь Великій велѣлъ Князю Василью Косому «очи выняти Маія въ 21 день».

(282) *Собр. Госуд. Грамотъ*, 118: «А Москва намъ, господине, съ «тобою держати по душевной грамотѣ дѣда нашего.., А что ввелъ зять «твой, Князь Александръ Ивановичь, отцю моему четыре села, въ долгу «въ пяти сотъ рублехъ, и тобѣ то, господине, мнѣ и моему брату опра-«вити по докончанью; а заприться твой сестричь, и вобѣ В. Князю взяти «у него судъ». Сія грамота писана въ Москвѣ, Іюня 13, съ означеніемъ «Индикта XIV.—Косой умеръ въ 1448 году.

(283) «Устюжане (въ 1425 г.) воеваша Заволочскую землю... Того «же лѣта Новогородци ходиша ратью къ Устюгу». Далѣе: «Посадники «Новогород. Иванъ Васильевичь, да Григорій Кириловичь, да Тысяцкій «Ѳедоръ Елисеевичь, Есипъ Васильевичь, Онанья Семеновичь, Остафей «Есиповичь, а съ Рушаны Ѳедоръ Остафьевичь, Михайло Буйносовъ и «Порховичи, идоша (въ 1435 г.) тремя путьми, и казниша *Ржевичь*, и «села пожгоша по Ржевѣ по Плесковскый рубежъ и на Бордовѣ». Здѣсь говорится не о Московскомъ и Тверскомъ Ржевѣ, но объ нынѣшнемъ Псковскомъ Новоржевѣ, который назывался прежде *Ржевою Пустою*. Далѣе: «Той же зимы В. К. Василей цѣловаше крестъ къ Вел. Нову-«граду, что отступитися ему Новогород. отчины и слати своихъ Боляръ «на розводъ земли на Петровъ день; а Новогородскимъ Бояромъ отсту-«питись Княжчинъ, гдѣ ни есть. Послаша Новогородци (въ 1436 г.) на «отводъ земли на Бѣжитьскій Връхъ Посадника Григорія Кириловича и «Ивана Максимовичь, а Житьихъ Кузму Тарасина, Ивана Максимова, «а иныхъ на Ламскій Волокъ и на Вологду».—Далѣе: «пріѣха (въ 1437 г.) «съ Москвы въ Новгородъ отъ Князя Вел. К. Юрьи Патрикеевичь чер-«ного бору прошати, и Новогородци даша». Грамота, тогда писанная, находится въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: вотъ она:

«Отъ Посадника В. Новагорода Степенного Офонаса Остафьевича, «и отъ всѣхъ Старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого Степенного Ми-«ханла Ондрѣевича, и отъ всѣхъ Старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и «отъ Житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего «В. Новагорода на Вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ: Се дахомъ черный боръ «на сей годъ Великому Князю Василью Васильевичу всея Руси. А по-«слалъ К. В. на черный боръ Семена Яковлича въ *Торжокъ:* а брати «Князь Великого черноборцемъ на Новоторжскихъ волостехъ на всѣхъ, «куды пошло по старинѣ: съ сохи по гривнѣ по новой; а писцу Княжу «мордка съ сохи; а въ соху два коня, а третья припряжь; да тіанъ ко-«жевничской за соху: неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи: «кузнецъ за соху; четыре пѣшци за соху: лодья за двѣ сохи; *чрьнъ* (см. «Т. II, примѣч. 267) за двѣ сохи. А кто сидитъ на исполовь, и на томъ «взяти за полсохи. А гдѣ будетъ Новгородецъ заѣхалъ лодьею, или лав-«кою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти. А кто будетъ одерно-«ватый, емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти. А кто поверга свой дворъ, «а вбѣжитъ въ Боярскій дворъ, или кто имѣтъ соху таити, а изобличатъ,

«на томъ взяти вины въ двое за соху. А кормъ съ десяти сохъ Князя «Великого черноборцемъ взяти тритцать хлѣбцовъ, баранъ, а любо по«лоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневого «корму пять коробей овса въ старую коробью; три возы сѣна съ десяти «сохъ, какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану; а брати имъ, «куды и прежде сего черноборци брали по старинѣ».

(284) Въ *Никон. Лѣт.*: «Того жь лѣта (1435) Евфимій, Владыка «Новог., заложи у себя во дворѣ церковь Иваня Злотоуст. на воротѣхъ «того жь лѣта и совершена бысть... и егда мастеры отступиша вси отъ «церкви, и церковь вся и до основанія падеся великимъ разрушеніемъ; «*и се знаменье показася, яко хощетъ власть Новогородскихъ Посадниковъ «и Тысячскихъ и всѣхъ Бояръ и всея земли Новогородскія разрушитися*».

(285) Послы Новогородскіе, Архіепископъ и Бояре, встрѣтили Ва«силія въ Деревской области, у городка Демона. Въ *Новог. Лѣт.*: «Въ «то же время Воеводы Новгородскіи съ Заволочаны по вотчинѣ Князя «Великого воеваша». Въ *Псков. Лѣт.*: «Вел. Князь присла посла, веля «Псковичамъ развергнути миръ съ Новгородци, а самъ стоялъ въ Торжку, «и Псковичи отслаша мирную грамоту Новугороду, и идоша къ Пор«хову, и стояша 3 дни, и повоеваша Новогородецъ область отъ Литов«скаго рубежа и до Нѣмецкого въ длину на 300 верстъ, а поперегъ на «50 верстъ; а Князь Вел. стоялъ подъ Демономъ».

(286) Сіе извѣстіе находится не во всѣхъ лѣтописяхъ: оно внесено въ *Степен. Книгу* (II, 99) съ такимъ прибавленіемъ: «Инокъ святъ отъ «Вельможска роду, живый въ монастыри Клопскомъ, внезапу нача зво«нити въ колокола, и мнози снидошася; онъ же яко уродствуя бяше, и «всѣмъ людемъ, и самому Архіепископу вопія и глаголаше.... Гордыню «вашу упразднитъ (Іоаннъ), и ваше самовластіе разрушитъ, и самоволь«ные ваши обычаи измѣнитъ, и за ваше непокорство много бѣду и по«сѣченіе и плѣнъ надъ вами сотворитъ, и богатство и села ваши вос«пріиметъ».—По тогдашнему обыкновенію давали младенцу имя Свя«таго, коему празднуютъ въ день его рожденія, а при крещеніи другое.

(287) См. Лызлова и *Казанск. Исторію*, стр. 77. Но въ договорѣ, заключенномъ между Великимъ Княземъ и Шемякою въ 1436 году, говорится о дани Ханской: «а Орда, господине, управливати и знати тобѣ, «а у мене ти имати *выходъ* по старымъ дефтеремъ».—Въ лѣтописи: «При«ходиша (въ 1437 г.) Татарове на Рязань, и украйные села поимаша, «и возвратишася во свояси... Татарове (въ 1439 г.) воеваша Рязань, и «много зла учиниша, и отъидоша».—Махметъ, какъ мы описали, утвердилъ Василія на Великомъ Княженіи. Братъ его именуется въ грамотѣ 1434 года (см. выше, примѣч. 277) Кичимъ-Ахметъ, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Кичи-Махметъ.

(288) «Убіенъ же бысть въ городѣ Князь Петръ Кузминской, да «Семенъ Волынецъ: гнашася бо тѣ за Татары до половины града, а «прочіи вои отъ града возвратишася».—О бѣгствѣ Россіянъ: «Бысть же «сіе Дек. въ 5; убіени же быша на томъ бою Андрей Костянтиновичь «Шонуровъ, К. Ѳедоръ Торусскій, К. Андрей Стародубскій, Лобанъ, «Микита Туриковъ, Семенъ Горсткинъ, Кузма Порховской, Иванъ Куз«минской, Андрей Хоробровъ, Дмитрій Кака, и иныхъ множество».

Въ *Архан. Лѣт.* разсказаны обстоятельства иначе: «Воеводы Вел. «Князя изошли Татаръ подъ городомъ безвѣстно, и Царь противъ го«рода сѣлъ въ острозѣ, а учалъ бити челомъ... а Григорей Протасьевъ, «Воевода Мценскій, учалъ Царю наровити, а Воеводамъ Вел. Князя»— ибо Григорій былъ Литовскимъ, а не Московскимъ подданнымъ—«гово«рити такъ: К. В. прислалъ ко мнѣ, битися со Царемъ не велѣлъ, а ве-

«лѣлъ миритися и полки распустити; и Воеводы учали слабѣти, и на ту «ночь Григорей Протасьевъ послалъ своего человѣка ко Царю въ острогъ, «а ркучи тако: чтобы еси утре на рать Великого Князя пришелъ; и того «утра мгла бысть велика, и Царь пришелъ, а сторожи Рускія не ви- «дали, а учали Русь сѣчи, а Григорей Протасьевъ напередъ всѣхъ по- «бѣжалъ, кличючи: побѣжи! побѣжи! и побѣгоша» (*).

(289) См. выше, примѣч. 176, *Казанск. Лѣт.* въ *Казанск. Исторіи* Рычкова стр. 81, и Лызлова *Скиѳ. Ист.* I, 86. Казанскій Лѣтописецъ разсказываетъ, что Улу-Махметъ сдѣлалъ себѣ ледяной городокъ и передъ битвою молился въ пустой церкви Христіанской; что какой-то чудесный свѣтъ вывелъ его изъ укрѣпленія и далъ ему смѣлость ударить на Россіянъ; что у Шемяки было 20,000 Москвитянъ, 10,000 Тверскихъ и 10,000 Рязанскихъ воиновъ, и проч.—По другому сказанію, первымъ Царемъ въ Казани былъ сынъ Улу-Махмета, Мамутякъ (см. ниже, примѣч. 329). Далѣе въ лѣтописи: «Того же лѣта (1439) Махметъ прихо- «дилъ къ Москвѣ Іюля въ 3, въ Пятокъ... и стоявъ 10 дней, пойде прочь, «и идучи назадъ досталъ Коломны пожегъ, а людей плѣнилъ, а иныхъ «изсѣклъ..... Тоя же осени (1439) Царь Ахметъ (Кичимъ-Ахметъ) Бол- «шія Орды убилъ Болшаго своего Князя Ординскаго, Мансупа, и много «Татаръ избіено бысть въ Ордѣ; не точію же тамо, но и въ иныхъ Ор- «дахъ мятежъ бысть и межиусобныя брани».

(290) *Собр. Госуд. Грам.* 130. Въ сей грамотѣ сказано: «также и «нынѣча што будете взяли на Москвѣ *нынѣшнимъ приходомъ* у меня, и «у моее матери, и вамъ то отдати». Кажется, что Юрьевичи имѣли передъ симъ войну съ Великимъ Княземъ; но въ лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова. Далѣе упоминается о *поручникѣ* Кн. Дм. Ряполовскаго, о К. Ив. Засѣкѣ, о должникѣ Васил. Вепревѣ. На оборотѣ: «А подписалъ «Ѳедько Дьякъ... въ лѣто 6948 (1440) Іюня въ 24».

(291) «Сент. въ 22 преставися К. Дм. Юрьевичь Красной... преже «бо глухота ему бысть и болячка въ немъ движеся... и Священникъ со «причастіемъ въ сѣнехъ ожидая. Отецъ же его духовный, Осія именемъ, «Священноинокъ, заткну ему бумажкою ноздри: Князь же вставъ срѣте «причастіе въ дверехъ... и возлеже... и покуша отъ ухъ мясныя и рыб- «ныя, и вина чашу испи, и рече своимъ: выступити вонъ; дадите ми «упокой; заснути ми ся хощетъ. Они же возрадовашася, мняше кровь «ту за потъ, и поидоша ясти къ Деонисію Ѳомину; и какъ бысть уже «вечеръ, и се единъ притече къ Осіи (ту бѣ и Діяконъ Княжь Демен- «тей) и рече: Князь отходитъ... и пришедъ каноннъ на исходъ души и «молитву промолвиша и отдаде духъ. Осія же затнете ему очи и покры «его.... Единъ Діяконъ не испилъ тогда, но легъ противу Князя на дру- «гой лавицѣ, зряще нань... и яко же бысть въ полунощи, Князь же «скину одѣяло и рече великимъ гласомъ: *Петръ же позна, яко Господь «есть*... Потомъ же нача пѣти демествомъ: *Господа пойте*... таже алли- «луія, стихъ Богородичной... а пояте очи смеживъ, а тѣло на немъ яко «же у живаго. Предъ Утренею же нача тишати, и по Утрени отецъ его «духовный приспѣ съ причастіемъ запаснымъ, а Князь таки не зглядъ- «валъ. Осія же двинулъ по устомъ лжицею, и Князь возгляну... и рече: *«радуйся утроба Божествен. воплощенія*— и причастися, и въ Понедѣль- «никъ той и во Вторникъ глаголаше отъ Писаній и пояше стихи; и лю- «дей знаяше, и глаголаше къ нимъ, но не по ряду... а кто что къ нему «ни промолвитъ, того не слышаше. Въ Среду же преста говорити, а люди «знаяше; въ Четвертокъ же, въ Обѣдню, егда начаша чести Евангеліе,

(*) «Соф. 11, 15.» (Ссылка Историографа къ собств. его экземплярѣ И. Г. Р.).

«отдаде духъ Сент. въ 22... И Бояре послаша по Князя Шемяку на «Угличь, а его нарядивъ, яко же достояше надъ мертвыми, несоша въ «церковь Св. Левонтія, а церковь та безъ пѣнія стояше... Въ осьмый «же день приде Шемяка, и тогда отпѣвше надгробная, и положиша его «въ колоду, и осмоливше съ полстьми, повезоша на Москву на носи-«лѣхъ... и дважды срониша его; привезоша же на Москву Окт. въ 14... «По отпѣтіи же разсѣкоша о немъ колоду, мняще толико кости обрѣсти», и проч.—Въ *Архан. Лѣт.* сказано, что Шемяка будто бы содержался тогда подъ стражею въ Коломнѣ, и по смерти брата освобожденный, былъ отпущенъ въ Угличь.

(292) *Степен. Кн.* II, 40: «Апрѣля въ 20, въ Пятокъ Св. Пасхи, по «утреннѣй службѣ Митрополиту пришедшу въ ложницу свою и немощи «ради возлегшу на одрѣ, и почивающи, и внезапу зритъ, съ полуноще-«ныя страны вниде яко человѣкъ зѣло свѣтелъ, власы имѣя яко златы, «и вѣнецъ на главѣ, и одежда его бяше преудобрена паче смысла че-«ловѣческаго, и посохъ златъ имѣяше въ рукѣ, и ста предъ Святите-«лемъ и не глагола ничто же. Фотій же рече: *кто еси ты, удививый «мене? писано бо есть, не входяй дверми тать есть.* Тогда глагола ему: «*есмь Божій Ангелъ... Се даетъ ти Христосъ Богъ седмицу...* Живъ же «Фотій по явленіи лѣто едино и мѣсяца три и дній 20». Тутъ же и гра-мота Фотіева, въ коей между прочимъ сказано: «Вѣдомо всѣмъ, что «како есми пришелъ на Митрополію, не нашелъ есми ничто же въ дому «церковнѣмъ Митрополитстѣмъ: все запустѣло.... Вѣдомо же всѣмъ, что «како отъ пожара грамоты вси погорѣли церковныя», и проч. Онъ скон-чался 8 Іюля, и былъ погребенъ въ Успенск. Соборѣ на правой сторонѣ, гдѣ находился гробъ Кипріана Митрополита. Мы имѣемъ разныя сочи-ченія Фотіевы, въ коихъ видны умъ, знанія богословскія и краснорѣчіе: 1) *Посланія во Псковъ о Стригольникахъ*, которые въ его время снова явились (см. выше, примѣч, 124); 2) *Слово къ Іереямъ и Монахамъ*; 3) *Слово къ Епископамъ*; 4) *Посланія къ народу, Правительству и Ду-ховенству Псковскому*, въ коихъ Митрополитъ жалуется, что Іереи въ крещеніи употребляютъ муро *Латинское*, а не *святое*, и передъ судіями гражданскими даютъ присягу въ полномъ Священническомъ одѣяніи, и проч.; 5) *Посланіе въ Новгородъ къ Архіепископу Іоанну* и къ мірскимъ чиновникамъ о соблюденіи Христіанскихъ добродѣтелей, и проч. (см. въ Синод. библіотекѣ книгу подъ No 164).

Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна г. 1434: «той весны поѣха на поста-«вленіе Евфимій къ Митрополиту Герасиму въ Смоленскъ Апр. въ 11». См. выше, примѣч. 243. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1434: «тоя осени Герасимъ «Владыка пріѣха изъ Царяграда въ Смоленьско отъ Патріарха постав-«ленъ Митрополитомъ на Рускую землю, а на Москву того ради не по-«ѣха, Князи Великіи заратишись между собою.

Степен. Кн. II, 69—71: «Іона бысть родомъ отъ мѣстъ града Галича «близь предѣлъ Казанскія земли, растояніе имѣя отъ Соли Галическія «яко шесть верстъ на рѣцѣ на Святицѣ, родися отъ отца благочестива, «именемъ Ѳеодора, зовомаго Одноуша, идѣже нынѣ погостъ по его имени «Одноушево именуемо, его же той Одноушъ далъ въ Домъ Соборной церкви «Пречистыя, иже на Москвѣ.... И двунадесятимъ лѣтомъ исполнившимся «отъ рожества его, во Мнишескій образъ облечеся... и пріиде во обитель «на Симоново, иже на Москвѣ, и тамо подвизашеся... съ блаженнымъ «Варѳоломеемъ, и съ Иваномъ Златымъ, и Игнатіемъ иконникомъ, не «дадуще никакому безчинію бывати въ монастыри, ни самому Архима-«риту не попущаху... аще и многу скорбь и опечаленіе пріимаху... Блажен-«наго Варѳоломея по мнозѣхъ лѣтѣхъ преставленія его показа Богъ стояща

«въ церкви на мѣстѣ, идѣже въ животѣ еще обычай имѣя молитися, якоже «о сихъ свидѣтельствуетъ въ духовномъ завѣщаніи преподобнаго Іосифа «Волоцкаго... Пріиде нѣкогда Фотій Митрополитъ во обитель на Симоново «въ пекольницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону уснувша «отъ великого воздержанія и десную свою руку на главѣ своей держаше «согбену, яко благословляше ею. Святитель же, пророчествуя о немъ, «глаголаше», и проч. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 104) есть такъ называемое *порученіе Митрополиту Московскому*—вѣроятно, избранному тогда Іонѣ—*на Кіевскую Митрополію отъ Короля* Казимира. Въ сей грамотѣ сказано: «Какъ бывало за отца нашего, «Короля Володислава, и В. К. Витовта, мы Казимиръ, Божіею милостію «и проч. гадавше и добрѣ смотривше съ нашимъ братомъ, съ В. Княземъ, «и съ нашими Князьми и Паны, и съ нашею Радою, полюбили есмо «собѣ отцемъ Митрополитомъ»... Имени нѣтъ. Далѣе: «и дали есми ему «столецъ Митрополичь Кіевскій и всея Руси, какъ бывало по уставленію... «Про то же Князи наши, Епископи и Бояре, и Архимандриты, и Игумени, «и Попове, и весь Посполитый народъ имѣете его и чтите... Притомъ во «избраньи были стрыйко нашъ, К. Швитригайло, братъ Кн. Александро «Володимеровичь, Князь Матей Бискупъ Виленскій, Воевода Виленьскій «Панъ Кгаставтъ, Воевода Троцкій Панъ Монивидъ, Воев. Новогородскій, «Маршалокъ Земьскій, Панъ Петрашъ Монтикгирдовичь, Панъ Судивой «Намѣстникъ Ковеньскій, Панъ Виленскій, Намѣстникъ Смоленскій, Панъ «Семенъ Кѣгедикгольдовичь, Панъ Ондрей Немировичь, Панъ Ондрей «Исаковичь, Намѣст. Полоцкій, Панъ Юрша Староста Брязлавскій, Панъ «Михайло Канцлеръ, и иныхъ многихъ нашихъ Князей и Пановъ. А «дана въ Вильнѣ».

(293) См. Флёри Hist. Eccl. XV, 593, г. 1463, и *Степен. Кн.* II, 71.

(294) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1437—1440—Грека Сильвестра Сгуропула Hist. Concilii Florentini, переведенную на Латинскій языкъ Робертомъ Крейтономъ (Creyghton) — Льва Аллація (Allacii) Exercitationes in Creyghtoni Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. scriptam a Sguropulo—Мозгейма Kirchengeschichte, V, 50—Флёри Hist. Eccl. XV — *Никон. Лѣт., Степен. Кн.* II и двѣ рукописи, Синодальн. библіотеки No 364 и Архив. No 10, гдѣ сказано въ заглавіи: *Повѣсть Симеона Суздальскаго о осьмомъ Соборѣ.*

(295) *Степен. Кн.* II, 72. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1435: «Того же лѣта «Князь Литовскый Свитригайло пойма Митрополита Герасима въ городѣ «Смоленьскѣ и окова твердо желѣзы, и спровади въ Видбескъ, и державъ «на крѣпости 4 мѣсяци, сожже огнемъ Іюля 26, за толику вину, что пере«вѣтъ на него дружалъ къ Князю Жидимонту, и выня у него грамоты «перевѣтныя». — Исидоръ пріѣхалъ въ Москву во Вторникъ Святой Недѣли (въ 1437 г.).

(296) Сіе описаніе находится въ Синодальн. библ. No 329 и напечатано въ *Древ. Рос. Вивліов.* VI, 27. Совѣтуемъ любопытнымъ прочитать его (*).—Въ *Псков. Лѣт.*: «Пріѣха во Псковъ Сидоръ Митрополитъ Дек. «въ 6 (г. 1437) и въ Св. Троицѣ Литургію сверши, и пребысть 7 недѣль, «и отъя судъ и печать, и воды, и землю, и вси пришлины Владычни, «и на тѣхъ оброцѣхъ посади Намѣстника своего, Геласія Архимандрита, «а самъ поѣха на осьмый Соборъ». Письмо Великаго Магистра Нѣмецкаго къ Исидору сообщено мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива подъ No 736. Оно такъ начинается Alehrwirdigster Vater und Grosmechtiger, besunder lieber Herr! Вотъ содержаніе: «Свѣдавъ отъ вашего посланнаго и

(*) «Соф. II. 49». (Ссылка Исторіографа въ собств. его экземплярѣ И. Г. Р.).

«Маршала Ливонскаго, что вы, ревностно желая способствовать едино-
«мыслію въ Христіанствѣ, спѣшите на Соборъ Италіянскій, но доселѣ
«не могли безопасно проѣхать чрезъ Самогитію, писалъ я о томъ къ Вел.
«Герцогу Литовскому Сигизмунду, который и доставилъ мнѣ пропускъ и
«другую, по Руски писанную бумагу, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ письмомъ:
«что все къ вамъ посылаю. Увидите, что Герцогъ не ручается за Само-
«гитію. И такъ посовѣтуйтесь съ Маршаломъ и съ иными Орденскими
«чиновниками, а въ особенности съ Архіепископомъ Рижскимъ, какъ
«вамъ лучше ѣхать, берегомъ ли (oder den Strant) или другимъ путемъ.
«Архидіаконъ Вашего Высокопреосвященства (euwir Herlichkeit), от-
«правленный вами напередъ въ Италію, получилъ отъ насъ оберегатель-
«ную грамоту на путь», и проч. Между рукописями Іосифова Волоколамскаго монастыря, No 665, л. 352, есть переводъ *опасной грамоты*, данной Папою Тверскому Боярину Ѳомѣ для его возвращенія въ Россію. Сказано: «Евгеній... всѣмъ и коимждо, къ нимъ же настоящая сіа писаніа
«пріидуть, Св. Апост. благословеніе. Какъ возлюбленный сынъ, благород-
«ный мужъ Ѳома, Рускій Посолъ, благоговѣніа виною» (за духовнымъ дѣломъ) «въ Римъ нынѣ приходилъ, и къ нѣкоимъ міра частемъ, также
«и къ своимъ возвращаяся, дойти умышляетъ, и мы хощемъ того Ѳому
«съ товарыщи и со служебники его, числомъ съ десятми, и съ рухлядми
«ихъ всякими итти и стояти полнымъ вездѣ безбоязніемъ и опасеніемъ
«радоватися... Подвластнымъ убо нашимъ заповѣдаемъ... того Ѳому съ
«товарищи... свободно пропущати... не давайте обидѣти, но паче ему о
«опасномъ путешествіи и о пріиманіи въ домы и о провожаніи ихъ...
«тако же ласкою промыслити... чтобы онъ возмоглъ пами ему порученная
«совершити, да отъ того къ намъ и къ сѣдалищу Апостольскому пріидетъ
«благоговѣніе... Данъ въ Флоренціи, въ лѣто Воплощеніа Господня 1438» (1439?).

(297) Соборъ Базельскій склонялъ и Грековъ на свою сторону, отводя ихъ отъ Папы.

(298) Наши Лѣтописцы говорятъ, что Греки, а не Паписты сидѣли на правой сторонѣ.

(299) Сгуропул. Hist. Conc. Florent. гл. VII.

(300) Сгуропул. Hist. Conc. Flor. и рукопись Синод. библ. No 364, гдѣ такъ предложена рѣчь Іоаннова: «Мы оставихомъ отчество наше и
«пріидохомъ съ великимъ трудомъ, ищуще единенія церкви, и да пре-
«станутъ соблазны... и вси вы потрудишася ради надежды наслѣдниковъ
«своихъ; азъ же единъ за едину надежду всѣмъ труждаюся и злострадду,
«яко да пріиму отъ Бога прощеніе: зане ниже дѣти имѣю, ниже иныя
«чести хощу, токмо сего ради и ради рода Греческаго творю, яко да воз-
«вратимся въ отчество наше съ честію съединени». и проч. Это, кажется, переводъ съ Греческаго. У Сгуропула все подробнѣе.

(301) См. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* VI, 43.

(302) См. ихъ имена въ Синодальн. рукописи No 364, стр. 1473 — 1476. — Повѣсть Симеона Суздальскаго о Флорент. Соборѣ (см. выше, примѣч. 294) заключается такъ: «Посла Папа Бискупа своего Христофора
«къ Епископу Суздалскому, дабы и онъ подписалъ: ему же не хотящу
«сего сотворити, Митрополитъ Исидоръ ятъ его и заключи въ темницу
«и сидѣлъ недѣлю, и той подписалъ нуждею. Видѣвшу же мнѣ такую
«прелесть, и Митрополиту многажды глаголахъ вопреки: онъ же мене
«укоряше, и наединѣ многажды томляше мя; мнѣ же укрѣпльшуся и не
«послушалъ его ни въ чемъ, но идохъ ко Св Марку Митрополиту Ефес-
«скому (аще убо ему тогда за стражи сѣдящу) и поклонихся ему, и вся
«сказа, яже о мнѣ; онъ же благослови мя, и отголѣ никакова зла не

«пріяхъ. Потомъ же Папа даде Царю честь велію и дары многія, не «прихода ради, но подписанія ради, и пойде Царь отъ града того Августа «въ 26 день, и пріѣха въ Венецыю: Венеція же градъ стоитъ среди моря: «и пребысть Царь въ Венеціи 53 дни, и оттолѣ пойде моремъ, и на томъ «пути постиже его смертный часъ, и погребенъ на земли, его же и земля «трижды изрину изъ себе. Исидоръ же Московскій Митрополитъ по- «хвалися Папѣ. сице рече, яко вси Князи и люди въ моей рукѣ суть и «Епископи: ни единъ противу мене не можетъ глаголати; а Князь Великій «младъ есть, и той въ моей воли; а нынѣ вси Князи боятся мене. И «того ради Папа даде ему область Православныхъ Патріарховъ въ пер- «выхъ не поминати, ни православныхъ Царей въ началѣ не поминати; а «на томъ Исидоръ Папѣ приклякнулъ. Папа же даде ему много злата, «и пойде Исидоръ отъ Папы Септемврія въ 14 день, и пріѣха въ Вене- «цыю, и пребысть ходя по божницамъ, и приклякая какъ и Фрязи: и «намъ тако же повелѣваше. Пойде изъ Венецыи посолъ Ѳома; азъ же «видѣвъ такую великую ересь, и пойде съ посломъ Декемврія въ 9 день «и пріиде въ Великій Новъградъ, и все лѣто пребысть у Владыки Евѳимія».

(303) Императоръ прибылъ въ Константинополь 1 Февр. 1440.

(304) Скандербегъ помогалъ Фердинанду Аррагонскому противъ Графа д'Анжу. Исторія сего Албанскаго Героя издана Іезуитомъ дю-Поисе (Poncet) въ 1709 году.

(305) Исидоръ получилъ Кардинальское достоинство 18 Дек. 1439 г.— Евгеній пишетъ (въ Райнальд. Annal. Eccl.) къ Исидору: Venerabili fratri Isidoro *Kieu* ac totius Russiae Metropolitae in Lituaniae, Livoniae et Russiae provinciis, ac in civitatibus, dioecesibus, terris et locis Lechiae, quae tibi jure Metropolitico subesse noscuntur, Apostolicae sedis Legato salutem, и проч.

(306) По *Никон. Лѣт.* Исидоръ пріѣхалъ въ Будинъ Марта 5 въ 1441 году; но это ошибка (см. ниже) — Въ *Каталогѣ Рос. Епископовъ* сказано несправедливо, что Кіевское Духовенство выгнало Исидора: оно не отреклось повиноваться и преемнику его, Григорію. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Исидоръ нача зватися Легатосомъ отъ ребра Апостольскаго Сѣ- «далища и нача поминати Папу и иныя вещи, ихъ же неколи же слы- «шахомъ отъ крещенія Русской земли, и повелѣ въ Литьскыхъ божни- «цахъ Рускымъ Попомъ служити, а въ Рускыхъ церквахъ Капланомъ. «Литва же и Русь о томъ не вняша».

Никон. Лѣт. г. 1441, стр. 155: *Посланіе Евгенія Папы Римскаго къ Великому Князю о Исидорѣ Митрополитѣ.* «Евгеній Епискупъ, рабъ «рабомъ Божіимъ, превысокому Князю Василію Васильевичу Москов- «скому и всеа Русіи Великому Царю спасеніе и Апостольское благо- «словеніе. Благодаримъ Вседержителя Господа Бога, якоже нынѣ по «мнозѣхъ трудѣхъ, Духа Святаго благодати помощію, Восточная Церкви «съ нами едина есть, еже ко спасенію идетъ душъ многихъ людей, и «къ *твоей славѣ и хвалѣ* пишется: и къ сему единачеству и согласію «многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего, Исидора «Митрополита твоего Кіевского и всеа Русіи и отъ Апостольского пре- «стола посла, иже за свое благое крѣпчайше потрудился о соединеніи. «И того ради потребно есть помогати ему каждому во всѣхъ дѣлѣхъ, а «наипаче въ сихъ дѣлѣхъ, еже пристояніе имѣетъ ко достоинству и чину «церковному, врученну ему; а твое превысочайшее въ Господа Іисуса «Христа со многимъ желаніемъ просимъ его Митрополита Исидора о «оправданіи, и о добрѣ церковнѣмъ прежереченнѣмъ, да пріимеши его «Бога ради и насъ для, занеже то съ желаніемъ и со многимъ раченіе- «смъ къ тебѣ о немъ призываемъ во всѣхъ вещехъ, еже имати видѣти

«отъ него о церковнѣй пошлинѣ пристояніе, да будеши помощникъ ему «усердно всею своею мышцею, еже да будетъ хвала и слава отъ людей, «а отъ насъ благословеніе, а отъ Бога вѣчное дарованіе да имаши. А «дано въ Флорентіи Священства нашего въ 9 лѣто».

(307) См. Ходык. Dissert. — Въ *Псков. Лът.*: «Тоя же осени на «Покровъ Св. Богородицы (въ 1440 году) пріѣха въ Литву Митропо- «литъ Исидоръ отъ Римьскаго Папы, и присла въ Псковъ своя грамоты «и благословеніе, и своего Намѣстника, Архимандрита Геласія, сведе, «и потомъ присла Архимандрита Григорія, Генв. въ 18... Тоя же весны «пріѣха изъ Литвы на Москву Исидоръ на Вербной недѣли... Убѣжа съ «Москвы на Тферь Митроп. Исидоръ, и Князь Тферскый Борисъ, пріи- «имъ его, за приставы посади, и потомъ отпусти въ Великій постъ на «Средокрестной недѣли, и поѣха въ Литву къ Князю Казиміру въ Новый «Городецъ». Въ *Никон. Лът.*: «Исидоръ поцію, исшедъ тайно, бегу ятся «и со ученики своими, съ Черницемъ Григоріемъ и Аѳанасіемъ, и по- «бѣжа съ Москвы ко Тфери, а изо Тфери къ Литвѣ, да и къ Риму».

См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1458. Исидоръ назывался *Митрополитомъ Россійскимъ и Епископомъ Сабинскимъ.*

(308) *Архивск. Лът.* No 8, г. 6951, л. 97: «Того же лѣта К. В. «посла во Царьгородъ Полуехта Моря, что былъ посломъ во Царѣградѣ «со Іоною Епископомъ Рязанскимъ, и съ нимъ посла писаніе сицево: «Державнѣйшій, боговѣнчанный, высочайшій Царю Греческій! братъ «святаго ти Царства, Великій Князь Московскій и всея Руси, достой- «ное», и проч. О путешествіи Іоны въ Константинополь сказано: «По- «слахомъ же и посла нашего съ нимъ *Боярина Василья* съ прошеніемъ «святому вашему Царству, къ Святѣйшему Патріарху и къ божествен- «ному священному Собору съ грамотами».—Объ Исидорѣ; «Колико воз- «браняхомъ ему, да не пойдетъ» (на Соборъ въ Италію)! Онъ же нача «извѣты сицевыя творити, глаголя, яко не мощно ми есть, яко да не «пойду; имамъ отъ Святѣйшаго Патріарха вмѣсто благословенія клятву «воспріяти, яко и рукописаніе дахъ на собя».—Далѣе: «Мы же по свя- «тымъ правиламъ собравше во отечествіи нашемъ, въ Рустѣй землѣ, «боголюбивыя Епископы... избравше человѣка добра, мужа духовна, вѣ- «рою православна, да поставятъ намъ Митрополита на Русь; понеже «прежь сего за нужу поставленіе въ Руси Митрополитомъ бывало».

(309) Въ *Степен. Кн.* II, 77: «Св. же Іона пріиде съ Углеча на «Москву» (въ 1446 году) «ему же Шемяка жити повелѣ на Митро- «польи дворѣ, понеже *преже наречень бысть и благословень на Русскую «Митрополію*». Въ *Архивск. Лът.* No 8, л. 102: «По сихъ же не малу «времени минувшу, Исидоръ лстецъ второе въ Римъ пришедъ и оболга «Папу: бѣ бо другій Папа въ Римѣ поставленъ послѣ Евгенія; сему «Исидоръ ложными словесы повѣда, яко не хощу назадъ ити на Русь- «скую Митрополію, да молю твое Папежство, да послеши къ нимъ въ «мое мѣсто Митрополита—ученика своего нарекъ Григорья, и рекъ, яко «достойна суща и мудра велми языку Русьскому. Онъ же послуша мо- «леніе его, постави Григорья Митрополитомъ на Русь, и грамоты свои «къ Королю и ко всѣмъ Паномъ и ко Княземъ подаваше ему, яко да «пріимутъ его». Въ *Степен. Кн.*, II, 78: «Злаго Исидора злѣйшій уче- «никъ Григорій пріиде отъ Рима въ Литву, поставленіе имѣя отъ Царе- «градскаго Патріарха, отступника православныя Вѣры, Григорія же, «единоименна себѣ». Патріархъ Константинопольскій, Григорій IV Мамма, ревностный защитникъ Флорентійскаго Собора, въ 1452 году уѣхалъ изъ Греціи въ Римъ, гдѣ, какъ вѣроятно, онъ и посвятилъ Митрополита Григорія (см. ниже, примѣч. 311 и 347).—Въ *Каталогѣ* упоминается еще о

Лжемитрополитѣ Спиридонѣ, названномъ *Сатаною* и будто бы посвященномъ въ Турецкой области согласно съ волею Амурата II, около 1443 года.

(310) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1443, No 22: Universis ecclesiis, earumque Episcopis seu *Wladicis* (Владыкамъ), Praelatis, Clero et caeteris personis ecclesiasticis eiusdem ritus Graeci et Ruthenorum haec omnia jura, libertates, modos, consuetudines et immunitates universas duximus in perpetuum concedendas et praesentibus concedimus, и проч.

(311) *Архив. Лът.* No 8, л. 105: «Андрей (Казимиръ) Король Поль«скій съ прошаніемъ посла къ своему брату, къ Вел. К. Василью, дабы «къ себѣ принялъ Григорья на Русск. Митрополью: зане бо Іона Митро«политъ престарѣлся уже» (см. ниже, примѣч. 347).

Литовскія Епархіи именованы въ Буллѣ Пія II, писанной въ 1458 году. Весьма неясный переводъ ея внесенъ въ *Архивск. Лът.* No 8, л. 102, подъ заглавіемъ: «Посланіе къ Королю Польскому Андрею въ «лѣто 6950» (нѣтъ, въ 6966: см. ниже) «отъ Римскаго Папы Піуса о «Митрополитѣ, Исидоровѣ ученикѣ, Григоріи Литовскомъ, поставленномъ «въ Римѣ». Въ ней сказано: «Хвалебный у Бога братъ нашъ, Исидоръ, «Бискупъ Сабинскій, Архіепископство Кіевское и всея Руси, Церкви той «подданное, которое опеканіе держа, въ руцѣ доброе памяти Калиста «Папы, намѣстника (предмѣстника) нашего, двоенадесятного дне Календъ «Августовыхъ, *четвертаго лѣта*, добровольнѣ пустилъ... и потомъ того «же дня милого сына Григорья Олекта Кіевскаго, тогда Опата (Аббата) «монастыря С. Дмитрея Костянтинопольскаго, закона святаго Божія Ка«пляна... Архіепископомъ уставилъ и Пастыремъ, яко въ нашихъ грамо«тахъ выписано есть», и проч. Слѣдственно уже при Каллистѣ III Григорій сдѣлался Митрополитомъ Кіевскимъ, въ *четвертый* годъ его Первосвященства или въ 1458? Въ *Каталогѣ Епископовъ* несправедливо сказано, что Григорій посвященъ Евгеніемъ IV въ 1442 г.; а Ходыкевичъ вмѣсто Евгенія и Пія именуетъ Николая V, говоря, что сей Митрополитъ управлялъ Кіевскою Церковію отъ 1452 до 1468 года. — Далѣе въ Буллѣ именованы Литовскія Епархіи, и внизу подписано: «Дано въ Римѣ у Св. Петра, Папежства нашего *лѣта перваго*» слѣдственно въ 1458 году.

Мы имѣемъ *Рукописаніе Даніила, Епископа Владимірскаго* (Волынскаго) и Берестійскаго, въ коемъ онъ признаетъ Исидора еретикомъ Латинскимъ, а Митрополита Іону единственнымъ законнымъ Первосвятителемъ Церкви Россійской, говоря: «Нынѣ азъ смиренный прежнее испо«вѣданіе свое и Исидорово мнѣ поставленье отметаю и имя Папино и «осьмаго Събора сбраніе, и проклинаю, и повинуюся во всемъ Госпо«дину своему Митрополиту Кіевскому Іонѣ и всея Русіи... Къ симъ же «исповѣдую, яже имать пошлины Митрополичій престолъ, во всемъ при«сдѣлѣ моемъ соблюдати непреложно, и не сотворити ничто же по нужи, «ни отъ Царя (Греческаго), ни отъ Короля и Литов. В. Князя, аще и «смертію претятъ ми... ни единаго же отъ нашея Вѣры не пускати къ «Армяномъ свадьбы творити и кумъвства и братства, и къ Латыномъ... «Аще ли же буду оный Латинскый Соборъ похваляти, или Папу или того «Исидора, чуждъ буду Святительства... Подписалъ своею рукою въ лѣто «6960 (1452), Индикт. 15, м. Окт. въ 28». Сія рукопись находится въ библіотекѣ Новогород. Соф. Собора.

(312) Въ *Новг. Лът.*: «Хощеши, Княже, и ты къ намъ поѣди; а не «хощеши, ино какъ тобѣ любо... Въ Новѣгородѣ (Мая 11, г. 1442) по«жаръ бысть великъ на Подольи, и церквей камен. огорѣ 12, и Конецъ «весь погорѣ до Св. Георгія, и Христіянъ множество сгорѣ, и преста на

«Лубяницѣ... Того же мѣсяца погорѣ заполье Микитины улицы... кото-«рыи люди носилися отъ перваго пожару съ животы своими, и ти вси «погорѣша... Похвативше люди иныя напрасно, а глаголюще имъ: втайнѣ «не ходите, людемъ не являетесь, зажигаете градъ».

(313) Въ Синод. *Новг. Лът.* No 349, л. 150: «въ Новѣгородѣ хлѣбъ «дорогъ бысть, во всю десять лѣтъ по двѣ коробіи на полтину, овогда «же больше, а иногда менши, часто же негдѣ и купити; и бысть туга», и проч. Далѣе, г. 1444: «Прiѣха Кн. Иванъ Володимеровичь изъ Литов. «земли отпущеньемъ В. К. Казимира въ Новгородъ на пригороды, на «коихъ былъ Князь Лугвень и сынъ его Юрьи; а Князь Юрьи Семено-«вичь поѣха къ Нѣмцомъ, и Нѣмци пути ему не даша, и онъ отъѣха на «Москву».

(314) Сіе было въ 1444 году. Далѣе въ Синод. *Новг. Лът.:* «того «же лѣта (1445) прiѣха съ Москвы К. Юрьи Семеновичь, и Новогородци «даша ему кръмленіе, по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даша; а Князь «Иванъ отъѣха въ Литву».—Въ *Псков. Лът.* г. 1443: «Прiѣха во Псковъ «отъ Князя Великого Намѣстникомъ Князь Александръ Васильевичь Чер-«торизскый въ Недѣлю Сыропустную... и Авг. въ 25 прiѣхаша послы отъ «Великого Князя и поручиша ему Княженіе, и цѣлова крестъ къ Князю «Великому и Пскову». Такъ было до 1448 года, когда Псковитяне безъ согласія Василія приняли къ себѣ Князя Суздальскаго (см. ниже, примѣч. 386, г. 1448).

(315) См. Гадебуш. Livl. Jahrbüch. г. 1442. Въ *Псков. Лът.* г. 1443: «Псковичи послаша Посадника Ѳедора Патрикіевичь и Прокопію судію «въ Ригу къ Князю Местеру и взяша миръ на 10 лѣтъ Сент. въ 8... Тоя «же осени Князь Александръ Васильевичь съ Псковичи ѣздивше подъ «Новый городокъ Нѣмецкый и потроша жито на своей земли и поимавше «7 Чюхновъ повѣсиша. Того же лѣта (1444) Князь Свейскый Выбор-«скый съ многими Свейцы прiѣхавше на Нарову и поимаша на нашей «сторонѣ Посадника Максима Ларивоновичь и съ нимъ 30 человѣкъ безъ «трехъ, а иныхъ изсѣкоша, а на миру, и быша въ полону годъ. Въ лѣто «6953 (1445) Псковичи послаша Прокопію въ Выборъ къ Князю Карлу, «и взяша Максима и дружину его на окупъ, а иніи тамо изомроша, а «даша окупа 120 рублей, а всей проторе 150 рублей».

(316) Въ Синод. *Новг. Лът.:* «Тоя же осени (г. 1444) Нѣмци у Ямы «городка посадъ пожгоша и берегъ повоеваша, а въ Новгородъ присланa «глаголюще: не мы, а воюсть васъ Григорій Князь изъ заморья Клев-«скый про своего проводника и толка Ругодивца; а все то Нѣмци лгаша... «Той же зимѣ Новгородци, шедше за Нарову съ Княземъ Иваномъ Во-«лодимеровичемъ, пожгоша около Ругодива и до Пудожни, а подлѣ На-«рову и до Чюдского озера. Того же лѣта Местерь съ всѣми своими вои «пришедши подъ Яму, бивше городъ пушками, а изъ города противу та-«кожь, и нарочитую ихъ великую пушку заморскую намѣривше изъ го-«рода разбиша и пущечника убиша; и отъ часа того нападе страхъ на «нихъ, а они стояша 5 днiй, и въ то время по Водьской земли и по «Ижорѣ и по Невѣ много поплѣниша, а города ублюде Св. Архангелъ «Михаилъ... и отъидоша; а въ то время въ городѣ былъ Князь Василій «Юрьевичь Суздальскыхъ Князей, а Новгородци послаша къ нему сель-«никовъ Лужьскыхъ и Вольчьскыхъ, а Ижорьскыхъ Бояръ напередъ; а «Новгородци съ ними не пойдоша того ради, понеже тогда бяше моръ «на кони; а Псковичи въ то время прислаша въ Новгородъ свои послы «о миру, и узрѣша, оже въ Новьгородѣ много коній падуть, а Новго-«родци не идоша за Нарову, и отъѣхаша безъ миру... Той же зимѣ (г. 1445) «послаша Новгородци на съѣздъ съ Нѣмци, съ Княземъ Местеромъ,

«Князя Юрья Семеновичъ и Бояръ и купцовъ. Местеръ же захотѣ Острова, и безъ миру поѣхаша прочь».

Изъ Кенигсбергскаго Архива получилъ я болѣе двадцати бумагъ, относящихся къ сей войнѣ и писанныхъ старымъ Нѣмецкимъ языкомъ: 1) No 737, Письмо Великаго Магистра Прусскаго къ Князю Юрію Лугвеніевичу о Клевскомъ Принцѣ. 2) No 743, Наставленіе того же В. Магистра Коммандору Б*. отправляемому къ Герцогу Литовскому Казимиру въ 1444 году, съ порученіемъ отвести его отъ союза съ Новогородцами. 3) No 796, Записка въ 1444 году поданная Вел. Магистру Нѣм. Ордена Секретаремъ Ливонскаго Магистра, Павломъ, о причинахъ войны между Новымгородомъ и Ливоніею, съ прозьбою, чтобы онъ на сеймѣ въ Кристмемелѣ отвратилъ Вел. Герцога Литовскаго отъ союза съ Россіянами. Тутъ сказано, что Ливонскій Орденъ, заключивъ вѣчный миръ съ Новогородцами, никогда не имѣлъ отъ нихъ управы въ своихъ жалобахъ; что назначенный съѣздъ въ Нарвѣ остался безполезнымъ; что они, давъ проводниковъ Герцогу Клевскому, не защитили его въ обидахъ; что Вел. Магистръ не могъ удовлетворить ихъ требованію и выдать имъ людей, которые именемъ сего Герцога грабили Новогородскую землю; что Россіяне сами начали войну, и проч. 4) No 756, Записка Литовскаго посла, врученная Вел. Магистру Прусскому, и отвѣтъ Магистра о ссорѣ Ливонцевъ съ Новымгородомъ въ 1444 году, гдѣ сказано: der Meister von Liffand hette czu dem H. Grosfursten gesant und hette em (ihm) lassen sagen, das der von Cleue den Neugartern den Schaden, der em gescheen were, gethan hatte: nu hette der Grosfurste dirfaren (erfahren), das der Meister von Lyffland den Schaden gethan hette darnach, als *die Neugarter dem H. Grosfursten gehuldet hetten.* 5) No 759, Наставленіе Вел. Магистра Прусскаго послу его, отправляемому въ 1445 году на свадьбу Короля Датскаго и Шведскаго Христофора, чтобы склонить его къ содѣйствію противъ Новогородцевъ. 6) No 760, Записка Литовскаго посла, врученная Вел. М. Прусскому о войнѣ Ливонскаго Ордена съ Новымгородомъ въ 1445 г., гдѣ сказано: der Meister von Liffland hatte zcu uns gesand den Kompthur von Aschrade und lies uns sagen, her (er) hette nicht geheret, sunder der Herczog von Cleue hette es getan, und lies uns auch bitten, das wir zcu den Grossneugartern senten. Wir santen unsirn Schreiber Pusir zcu en (ihnen), also santen der Grossneugarter iren Boten mit demselben: der behielt den Neugarter Boten bey sich... furthe in ut die Grenitz und nam im was her hatte und lies in nackt weg lawffen, und czoug selbst hernach und heerete und brante... Dorumb wellen wir nich damit zcu thun haben Jtem der Röm. König und Kurfursten haben uns geschreben, das ir ubir uns geclaget habt, das die Grossneugarter in Liffland Frawen, Jungfrawen und Kinder beschemet hatten: seghen wir uns doch mit enander czu Kirsmemel, do saget ir uns nichts von: warumb? Далѣе увѣряетъ Казимиръ, что онъ не помогалъ Новогородцамъ ни совѣтомъ, ни дѣломъ, прибавляя: Das wir en (ihnen) eynen Houbtman gegeben haben, was konde der mit seynem Hoffegesinde vile thun? Es ist gewess (gewesen) noch bey Herczog Witawt, unsers Vettern, geczeiten, das en eyn Grosfurst eynem Houbtman gegeben hat; doch begerten sie forder keyner Hulffe, т. е. сами Новогородцы не требовали помощи. Далѣе Казимиръ говоритъ, что Магистръ Ливонскій, узнавъ о намѣреніи ихъ поддаться Литовскому Государю, и живъ дотолѣ въ мирѣ съ ними, началъ воевать, и помирился со Псковитянами, Казимировыми врагами. — 7) No 761, Запросы Вел. Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому о правѣ Новогородцевъ на половину рѣки Наровы въ

1445 году: ap (ob) sie em (ihm) den halben Strom der Narwen und dem Holm (островъ) lassen welden (wollten)? — 8) No 763, Письмо Вел. М. Нѣм. къ городу Любеку о непосыланіи хлѣба къ Новогородцамъ въ 1446 году. — 9) No 772, Письмо о томъ же къ Королю Датскому и Шведскому въ 1446 году, гдѣ сказано, чтобы въ особенности изъ Швеціи не посылать къ нимъ хлѣба, и что они много зла сдѣлали, дѣлаютъ и намѣрены дѣлать Ордену. — 10) No 784, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому, чтобы онъ пропустилъ къ нему посольство *Герюга* Новогородскаго, Юрія Лугвеніевича, въ 1447 году. 11) No 785, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году, въ коемъ онъ увѣдомляетъ его, что Князь Новогородскій Юрій Лугвеніевичъ ѣдетъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ въ Вильснакъ (zcum heiligen Blute) и требуетъ свободнаго пропуска черезъ Ливонію и Пруссію. Тутъ сказано, что хотя Юрій и получилъ отъ Казимира свою отчину въ Литвѣ, однакожь не хочетъ отказаться отъ Новагорода.—12) No 787, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о знатномъ витязѣ ѣдущемъ изъ Моравіи въ Новгородъ съ 600 всадниками: der habe wol 600 Pferde gehabt, und habe gesprochen, her welde zcu Herzog Ulotken in die M[illegible]an reyten, und als sie nun uff im Wege waren, vernam disser, das sie zcu Herczog Jorgen (къ Юрію въ Новгородъ) reiten welden: und als her eyn solchs vernam, slug her sich von en und wolde furder nicht mit em reyten. — 13) No 791, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году, съ увѣдомленіемъ, что онъ посылаетъ къ нему Фогта Роггаузенскаго, Вольфганга Зауэра, витязя искуснаго, съ нѣкоторымъ числомъ воиновъ.—14) No 792, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о посланіи къ нему войска изъ Данцига моремъ въ Нарву, а другаго изъ Мемеля сухимъ путемъ; онъ приказываетъ заготовить все нужное для ихъ продовольствія.—15) No 793, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о посланіе къ нему Рыцаря Генриха, eynen Buchsenschuthczen.—16) No 794, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о томъ, что противные вѣтры не дозволяютъ отправить къ нему помощи въ Ревель, но что люди уже на судахъ, и что съ ними ѣдетъ и Рыцарь Генрихъ. «Бояре Литовскіе въ Краковѣ» (прибавляетъ онъ) «говорятъ, что вамъ не будетъ удачи въ войнѣ съ Новогородцами, «которые ожидаютъ сильной помощи. Нынѣ пишутъ ко мнѣ, что Волохи «и Татары намѣрены итти къ нимъ. Слышали мы также, что Новогородцы предлагали уступить вамъ половину рѣки Наровы съ островомъ, «но что вы не захотѣли мира, и тѣмъ возбудили противъ себя и Псковитянъ». 17) No 798, Вел. М. Нѣм. пишетъ въ 1446 г, къ Ливонскому, чтобы онъ задержалъ Прусскія суда, которыя везли хлѣбъ и медъ въ Россію, и чтобы сообщилъ ему имена сихъ купцевъ, дабы они были наказаны.—18) No 804, Письмо Вел. М. Нѣм. въ 1447 году къ Прокуратору Двора Римскаго о томъ, чтобы онъ склонилъ Папу уступить Ордену церковные сборы въ Пруссіи и въ Ливоніи для войны съ Русскими отступниками, и чтобы Св. Отецъ вмѣстѣ съ Кардиналами молился о побѣдѣ. Тутъ сказано: Die abgesunderten, ungeloubigen Rewsen v. Gr. N., die auch in Meynung seyn, sich mit andern Ungeloubigen, als Musskauwirn, Plesskauwirn und villeicht mit den Tatern zcu vereynen... Wir auch unserm Herr R m. Kon. und Kurfursten und Fursten in Deutschen Landen zcu wissen haben getan, и проч.—19) No 807, Вел. М. Нѣм. въ 1447 году увѣдомляетъ Ливонскаго, что онъ соглашается пропустить Князя Юрія Лугвеніевича черезъ Орденскія владѣнія, но безъ многочисленной свиты. — 20) No 817, Вел. М. Нѣм. посылаетъ къ Ливонскому въ 1446 году проектъ дружественнаго союза съ

Королемъ Датскимъ и Шведскимъ, но совѣтуетъ ему лучше не заключать его, напоминая худыя слѣдствія бывшаго союза съ Литовскимъ Княземъ, Свидригайломъ. Вотъ условія сего трактата: Wir Meister zcu Lieffland addir unsern Gebiettiger Anwalden und Leute sollen mit ganzcer Macht disse der mehrgedachten Rewssen von Grosse Newgarten Gebiete *Mewsloss* und *Capporg*, die an unsers Ordens Grenitczen stossen und ruren, kriglichen oberzcihen... und in gleicher weysse unsir H. Koning Gristofter addir seyn Anwolde und Lewte sullen auch zcu derselben zceit mit faller irer Macht dise der berurten Rewsen Gebiete *Jauteborg* (Орѣховъ), *Landskron* und *Walchaw*, die an des obengedachten unsirs H. Koning Reyche Grenitzcen stossen, kriglichen oberczihen.—21) No 820. Установленіе Вел. М. Нѣмецкаго для всей Пруссіи о молебствіи и ходахъ церковныхъ, гдѣ сказано: Unsers Ordens Pristerbruder seyn bestellet.. disser nachgeschrebener dreyer Messen eine, als von unser lieben Frauwen adir von allen lieben Heiligen, adir contra paganos... und in denselben die collecten contra paganos ingelegt werde, и проч. Тутъ же говорится о силахъ Волошскихъ и Татарскихъ, идущихъ на помощь Новугороду.

Всѣ любопытныя бумаги, полученныя мною изъ Кенигсбергскаго Архива, намѣренъ я отдать въ нашъ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(317) Арнта Liefländ. Chr. стр. 135.

(318) Въ *Псков. Лѣт.* г. 1447: «Князь Александръ Васильевичь «(Черторижскій) поѣха изо Пскова въ Новгородъ Намѣстникомъ въ «Петрово говѣніе. Новогородцы (въ 1448) съ Кн. Александромъ Черто«рискымъ ходиша на Нѣмець противу Князя Местера Ризского и Ко«роля Прусьскаго и Короля Свейскаго, и бишась съ Нѣмци черезь Но«рову, и побиша Нѣмець много, овыхъ на мори въ *бусахъ* побиша и «истопиша, а иныхъ подъ Ямою, а инѣхъ руками яша 84 и Князи 4».— Въ Синод. *Новогор. Лѣт.* г. 1444: «Корѣла ходиша на Мурманы и из«биша ихъ много, и пріидоша здравіи.. Пріидоша (въ 1445 г.) Свея«Мурмани безвѣстно за Волокъ на Двину ратью, Неноксу воевавъ, и «пожгоша, и людей изсѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша... и Двиняне «пойдоша вборзѣ на нихъ, и овыхъ изсѣкоша, а иныхъ прислаша въ «Новгородъ 40 человѣкъ, а Воеводы ихъ, Ивора и Петра, убиша, а иніи «вметавшись въ корабль, бѣгоша въ море».

(319) Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* г. 1445: «Той же зимѣ Князь «Тферскый Борисъ взя Новгородскыхъ волостій 50, повоева и пограби «Бѣжичьскый Верхъ, и около Трьжку и Торжокъ... Того жь лѣта Вое«воды Новгородскіи поидоша ратью на Югру, и поимавше Югрьскыхъ «людей много, и жонъ и дѣтей, и расплошишась... Югреци же удариша «на острогъ на Васильевъ, и много добрыхъ людей и Дѣтей Боярьскыхъ «изсѣкоша 80, а Василій съ сыномъ убѣжа, а иніи разбѣгошась по лѣсу: «а другый Воевода Михайло Яковль былъ въ иной рѣцѣ, и егда пріѣха «къ Васильеву острогу, и видѣ острогъ разоренъ, а люди побиты, и нача «искати своихъ по рѣцѣ, и скопишась къ нему Василій съ сыномъ и «иніи, и пріѣхаша въ свою землю». Въ *Псков. Лѣт.* г. 1447: «Псковичи «послаша въ Новгородъ Посадника Зиновія Михайловичь и Стефана «Юрьевичь и Ондрона Тимоѳеевичь, и взяша миръ по старинѣ». О прежнихъ ссорахъ и мирѣ Псковитянъ съ Новымгородомъ см. ниже, примѣч. 386, г. 1427, 1430, 1431, 1432, 1434... «Послаша Псковичи (въ «1448 г.) на Норову рѣку возлѣ Новгородцовъ взяти миръ съ Нѣмци, «Посадника Ѳеодора Патрикіевичь, Стефана Юрьевичь, Аѳанасія Юрь«евичь, и Левонтія Макарьиничь, Тимоѳея Власьевичь, Парфея Воло«диничь, Алексѣя Мархивея, Игнатья Пяшкова и иныхъ Бояръ, и до-

«кончаша миръ Посадники Новгородскіи и Псковскіи съ Княземъ Ме«стеромъ *Инри Виики* Ризскымъ и съ Юрьевци на 25 лѣтъ. Они погани «возвратиша со студомъ вся старины Псковскія, и докончаша на Успе«ніе; а отъ Новогородцевъ Князь Александръ Васильевичь, Посадники «Самсонъ Ивановичь, Дмитрей Васильевичь Глуховъ, Иванъ Лукиничь «Щока, Осифъ Андреевичь Горшковъ, Богданъ Осиповичь и иныхъ «много».

(320) «Князь Юрьи Семеновичь Лугвеневъ выѣха изъ Новагорода въ «Литву, и В. К. Казимиръ даде ему отчину его всю, Мстиславль, Кри«чевъ и иныхъ градовъ не мало; онъ же возгордевся засяде Смоленескъ... «и бяше ему не полезно и людемъ на мятежь... и избѣже на Москву». См. также Стриков. *Хрон. Литов.* кн. XVII, гл. 7. *) Далѣе: «Прихо«диша къ Колузѣ Литва, Панъ Судивой, Панъ Родивиль Осесовичь, Ан«дрюшка Мостиловичь, Ябубъ Раловичь, Андрей Исаковичь, Николай «Немировичь, Захарья Ивановичь Кошкинъ... И собрался Можаичевъ «100 человѣкъ, а Воевода у нихъ Князь Андрей Васильевичь Лугвица «Суздальскихъ Князей—и сто же человѣкъ изъ Вереи, а Воевода у нихъ «Судокъ—и Василья Ярославичи люди 60 человѣкъ, а Воевода у нихъ «Жиневъ.., и срѣтошась, и убиша ту К. Андрея Лугвицу, да Корача«рова, да иныхъ 4 человѣка: а Яронка, да Семена Ржевскаго поимали, «Кн. Ивана Андреевича Верейскаго поимали Воеводъ Судока, да Фи«липа Щокина, да Конійскаго, да 5 человѣкъ молодыхъ; а Литвы убили «200 человѣкъ». Стриковскій (кн. XVII, гл. 8) разсказываетъ, что самъ Великій Князь Василій въ 1442 году съ помощію Царя Казанскаго, ходилъ къ Вязмѣ; что Казимиръ оставался въ Смоленскѣ, поручивъ войско Вельможѣ Станиславу Кишкѣ; что Станиславъ, опустошивъ владѣнія Московскія, уже возвращался въ Литву, когда 15,000 Россіянъ окружили его; что онъ, вмѣстѣ съ Паномъ Зеновичемъ и двумя Родивилами, хитростію побѣдилъ ихъ, и проч.

(321) «Посла (Великій Князь) К. Василья Оболенского и Андрея «Ѳедоровича Голтяева, да Дворъ свой, да Мордву *на ртахъ* (лыжахъ)... «а *Козаки* Рязанскіе тако же на ртахъ... и рать съ ослопы и съ топоры... «Князя Мутъ-Мурзу яли, да Князя Азбердѣя, Мишереванова сына... а «Великаго Князя полку убили Плью Ивановича Лыкова».—Сіе было въ 1444 году. Послѣ, въ Сент., Татары нападали на Рязанскія области и на Мордву.

(322) Въ Нижегородскомъ Лѣтописцѣ подъ годомъ 1422: «Въ Ниж«немъ Новѣгородѣ подъ *старымъ городкомъ* вверхъ по Окѣ рѣкѣ была «слобода на берегу Оки, и гора оползла и съ лѣсомъ сверху на слободу, «и засыпало 150 дворовъ; а тотъ городъ поставленъ былъ, какъ Великіе «Князи Суздальскіе ходили на взысканіе, гдѣ поставити городъ и рас«пространити Княженіе Суздальское на Низовской землѣ за Волгою и «за Окою, гдѣ были лѣса великіе и жили поганая Мордва, которыхъ они «отогнали, и земли ихъ населили Русью». — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Улу-Махметъ пришелъ въ нижній будто бы прямо изъ Бѣлева; но лучше вѣрить Казанскому Лѣтописцу. Далѣе: «А Татарове «въ то же время, коли Царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ воевали... И «В. К. слыша то, пойде противу, и взя Крещеніе въ Володимірѣ.. и «возвратися отъ Мурома къ Суздалю, а изъ Володимеря пріиде на Мо«скву въ Пятокъ Великій вечера... Князь же Великій, заговѣвъ Петрово «говѣйно, пойде съ Москвы ратью... и въ Юрьевъ прибѣгоша къ нему «Воеводы Новогородскіе, Князь Ѳедоръ Долголдовъ, да Юшка Драница...

*) „Соф. II, 44". (Ссылка Историографа въ собств. его экземплярѣ И. Г. Р.).

«Князь же Великій взя Петровъ день въ Юрьевѣ, и пойде къ Суздалю; «тогда пришли К. Иванъ Можайскій, да братъ его, К. Михайло Верейскій, да К. Василей Ярославичь... и сташа на рѣцѣ на Каменкѣ «Іюля въ 6, во Вторникъ».

(323) «Ту бо нощь въ Юрьевѣ ночевалъ».

(324) «Татаръ было полчетверты тысяци». — Въ *Степен. Кн.:* «Сто «Татариновъ паде отъ руки Великаго Князя; на самомъ же многи быша «раны; у правыя руки его три персты отсѣкоша: только кожею удержа- «шася. Лѣвую жь руку насквозь прострѣлиша, и на главѣ его бяше 13 «ранъ; плеща же и груди отъ стрѣльнаго ударенія и отъ сабельнаго, и «*брусны* его бяху сини, яко и сукно».

(325) «Царевичи сташа въ монастырѣ Ефимьевѣ, и ту снемше съ «Великого Князя кресты его *тѣльники*, и послаша на Москву съ Татари- «номъ Ачисаномъ». *Тѣльниками* назывались кресты носимые на *тѣлѣ*

(326) Въ одной лѣтописи сказано, что сгорѣло 2700 человѣкъ, а въ «другой 1500. Церковь Воздвиженія развалилась отъ пожара.

(327) Въ Синод. *Новг. Лѣт.:* «Прославъ Князь Тферскый Борисъ «своихъ Воеводъ на Торжокъ, останокъ людій разгна и пограби, а иныя «погуби, а иныя на окупъ прода, а животовъ и товара Московскаго 4 «повозковъ свезли во Тферь, а иніи съ товаромъ потопиша въ рѣцѣ; а «въ Бѣжичкомъ Верху и по Заборовью осми волостей повоева въ два году».

(328) «Стояху въ Суздали 3 дни и перешедъ Клязму, сташа противъ «Володимеря».

(329) Въ *Архив. Лѣт.* No 8, л. 114; «Тое же осени Царь (Царевичь) «Мамутякъ, Улу Махметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, и вотчича Ка- «занскаго, Князя Либея, убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовати». Въ *Никон. Лѣт.* VII, 233: «Мамутякъ, пришедъ изъ Курмыша, Казань «взялъ, а Казанскаго Князя, Азыя, убилъ, а самъ на Казани воцарился».

Въ *Никон.* и въ другихъ лѣтописяхъ: «Царь Улу-Махметъ и сынъ «его Мамутякъ, утвердиша Великого Князя крестнымъ цѣлованіемъ, что «дати ему съ себя окупъ, *сколько можетъ*». Въ *Синод. Новогород. Лѣт.:* «Царь Махметъ взя на немъ окупа 200,000 рублевъ, а иное Богъ вѣсть, «и они въ себѣ». Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «Князь Великій окупъ посулилъ «на собе отъ злата и сребра, и отъ портища всякого, и отъ коней, и «отъ доспѣховъ 29,500; а съ нимъ пріидоша 500 Татаръ». Въ другихъ: «съ нимъ послали» (Махметъ и сынъ его) «Князя Сеит-Асана и Утеша, «и Кураиша, и Долхозю, и Айдара и иныхъ многихъ. Князь же Великій, «отшедъ отъ Курмыша два дни, отпустилъ къ Москвѣ съ *сеунчомъ* Андрея «Плещеева», (*сеунчь* есть слово Татарское и значитъ *вѣсть:* то, есть, Плещеевъ былъ посланъ съ вѣстію о Василіевомъ освобожденіи. Сіе слово употребляется въ Розрядныхъ Книгахъ)... «А Ѳедоръ Дѣякъ съ «Бигичемъ въ туже пору пойдоша изъ Мурома судномъ, а кони отпустиша «берегомъ. Андрею же пришедшу противъ Иванова села Киселева, межъ «Новагорода и Мурома, и срѣте ту Плишку Образцова съ конми съ «Бигичевыми и съ Ѳедоровыми, и сказавъ имъ, что Князь Великій от- «пущенъ; они же вернувшеся оттолѣ, переняша Ѳедора подъ Дудинымъ «монастыремъ, а онъ пловетъ съ Бигичемъ Окою... и К. Василей Ивано- «вичь Оболенской изымалъ Бигича и оковалъ, а Князь Дмитрій, слышавъ «то, бѣжа къ Угличю; а Князь Великій пойде къ Мурому и къ Володи- «мерю, и на Дмитріевъ день пріиде въ Переславль», и проч.— Въ *Степен. Кн.:* «Шемяка увѣща Бигича, еже убіену быти Великому Князю... На- «мѣстницы же Муромстіи повелѣніемъ Великого Князя послаша къ Бигичю «меду; онъ же напився и усну; а сіи пришедше емше его, и оковаша «и въ Муромъ приведоша».

(330) «Мнози же неспящи, слышавше то, во скорби бѣша... наутріе «жь со многими слезами неслышащимъ сія исповѣдаху».

(331) Великій Князь сказалъ въ Троицкой Лаврѣ (см. ниже), что Шемяка и Можайскій жили съ нимъ тогда въ мирѣ. См. ихъ договоры въ *Собраніи Государств. Грамотъ* I, 107 и 133. Шемякина несправедливо отнесена къ 1434 году.

(332) Въ Синод. Новог. Лѣт.: «Сдумавши три Князи, К. Дмитрій, «К. Иванъ Мужайскый и К. В. Тферскый Борисъ». Въ Императорской Библіотекѣ есть *списокъ* договора, заключеннаго К. Борисомъ съ Василіемъ Темнымъ около 1437 года: ибо въ сей грамотѣ (и только въ ней одной изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ) названъ Митрополитъ *Исидоръ*. Выписываемъ любопытнѣйшее: «Божіею милостію и пречист. Его Богоматери, и по благословенію отца нашего, Исидора Митрополита... на семъ на всемъ, брате, К. В. Василій В., цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату и В. К. «Борису Александр.... и къ моей братьѣ молодшей, К. Ѳедору Ѳедоровичь, «и ко К. Ивану Юрьевичь и ко К. Андрею Ивановичь... Имуть вамъ «Татарове давать Домъ Св. Спаса, Тферь и Кашинъ, и вамъ ся не имать «за пашу отчину... А быти намъ на Татары и на Ляхи, и на Литву «и на Нѣмци заодинъ... А что ся есте воевали съ Царемъ, а положитъ «Царь на васъ вину въ томъ, и мнѣ вамъ не дати ничего въ то... А къ «Жигимонту намъ цѣлованіе сложити безъ перевода... а будетъ вамъ, «брате, взять любовь съ Жигимонтомъ или кто иный Осподарь сядетъ «на Литовской земли, и вамъ безъ мене любви не взяти... А къ Ордѣ «ти (Борису) путь чистъ ко Царю... А что судилъ Кипріянъ Митрополитъ «судей нашихъ обчихъ... или что судили судьи наши обчіи и грамоты «подавали, что будетъ взято, то взято; а что не взято, то есмя *погрекули* «(оставили); а грамоты тѣхъ судовъ подрати... А полонъ ти нашъ Тферскый и Кашинскый отпустить безъ окупа; а кто купилъ полоняника, и «онъ возметъ цѣну по цѣлованію... А съ Новымъ ти (Борису) городомъ «жити по старинѣ», и проч.

(333) «Ничто же иного чая, но токмо накрѣмити братію Великія «Лавры». Далѣе см. *Ростов. Лѣт.*

(334) «Сіи смущаютъ насъ; а азъ съ своею братіею во *крестномъ «цѣлованіи*... и повелѣ его съ монастыря сбити, и назадъ повороти его; «и яко бывшу тому, яша того ратніи (непріятельскіе) сторожи и биша... «Посла (Великій Князь) сторожи къ Радонежу. Сани съ Рогозинами, а «иніи съ полстьми, а на нихъ по два человѣка въ доспѣсѣхъ, а третій «идетъ подлѣ какъ бы за возомъ... Убѣжати не камо бяше; снѣгъ былъ «въ 9 пядей..... Пономарь Никифоръ Инокъ отмче церковь... и ушедъ «схоронися.... Убійцы яко свирѣпіи волцы возгониша на монастырь на «конехъ, преже всѣхъ Никита Костянтиновичь, и на лѣствицу на кони «къ преднимъ дверямъ церковнымъ, и ту сшедшу ему съ коня, и заразися «о камень... и прочіи подняша его; онъ же едва воздохнувъ и бысть яко «піянъ, а лице яко у мертвеца... И взятъ (Василій) икону Явленія Св. «Богородицы со двѣма Апостолома.... Въ Понедѣльникъ на ночь, Февр. «въ 14, привезоша Вел. Князя... а самъ Шемяка стоялъ на дворѣ Попов- «кинѣ». Въ Синод. *Новог. Лѣт.:* «и ослѣпиша его про сію вину: почто «еси Татаръ привелъ на Русьскую землю и городы подавалъ еси имъ и «волости въ кормленіе; а Татаръ и языкъ ихъ паче мѣры любишь, а «Христіанъ безъ милости томишь, а злато и сребро Татарамъ даешь? и «за тый гнѣвъ, что ослѣпилъ Василья Юрьевича».

(335) Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей.

(336) «И многихъ подговоривъ съ собою, и пограби уѣзды Коломен- «скія». — К. Василій Ярославичь Боровскій въ 1433 году заключивъ до-

говоръ съ Великимъ Княземъ, какъ съ *отцемъ* своимъ и съ Государемъ Московскимъ, (см. *Собраніе Государствен. Грамотъ*, I, 90), оставался ему вѣрнымъ во всѣхъ перемѣнахъ судьбы его.

(337) *Собр. Госуд. Грам.* 135: «Божьею милостью, и проч. держати «тя насъ собѣ, мене К. Василья Юрьевича, собѣ сыномъ, а брата моего «молодшего К. Ѳедора Юрьевича братаничемъ, а сыну ти, Господине, «своему, Князю Ивану Дмитреевичю, держати меня братомъ ровнымъ, «а мене ти, Господине, К. Ѳедора Юрьевича, держати сыну своему, К. «Ивану, братомъ молодшимъ; а намъ тебя, своего господина, держати «мнѣ К. Василью Юрьевичу господиномъ и отцемъ, а сына твоего, К. «Ивана Дмитреевича, братомъ ровнымъ; а мнѣ, К. Ѳедору Юрьевичу, «держати ми тебя собѣ господиномъ и дядею, а сына ми твоего, К. Ивана «Дмитр.. братомъ старѣйшимъ... А которыми ея дѣлы братъ твой, К. «Иванъ (Можайскій), имется въ нашу отчину вступати, и тобѣ насъ отъ «него боронити. А что К. Иванъ, держа за собою Суздаль, далъ Св. Тро«ицѣ село наше, а другое Боярину Петру, а у Княгини у Марьи купилъ «собѣ Князь Иванъ село, ино тѣ села намъ по старинѣ... А что К. Ве«ликій отъималъ у насъ безъ пошлины села, да подавалъ Св. Рожеству «въ монастырь въ Володимерь, а тѣ намъ по старинѣ, а десятое мона«стырю по старинѣ. А вашему, господине, Великому Княженью съ на«шею прадѣдиною и дѣдиною и отчиною судъ по старинѣ... како же дастъ «ти Богъ велитъ достати своее отчины, Великого Княженья». Къ сей грамотѣ приложена восковая печать. На оборотѣ написано: *Великого Князя Дмитрея Юрьевича съ братьею, со Княземъ Василемъ, да со Княземъ Ѳедоромъ, Юрьевичи.* Послѣднія слова заставляютъ думать, что сія грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладѣлъ всѣмъ Московскимъ Княженіемъ.—О К. Василіи Юрьевичѣ Суздальскомъ см. выше, примѣч. 316.

(338) Въ Хронографѣ: «отъ сего убо времени въ Великѣй Руси на «всякого судью и восхищника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*».

(339) «Іона пойде къ Мурому въ судѣхъ... и шедъ въ Соборную цер«ковь Рожества Богоматери», и проч.

(440) «Бѣже въ той мысли съ ними» (Ряполовскими) «К. Иванъ Вас. «Стрига, да Ив. Ощера съ братомъ Бобромъ, да Юшка Драница, да Се«менъ Филимоновъ съ дѣтьми, да Русалко, да Руно и иные; учиниша себѣ «срокъ всѣмъ быти подъ Угличемъ на Петровъ день о полудни; и Семенъ «Филим. на тотъ срокъ пришелъ, а про Ряполовскихъ учинилась вѣсть «Князю Дмитрею, и не смѣяша пойти подъ Угличь, но поидоша за Волгу «къ Бѣлуозеру, и К. Дмитрей посла за ними съ Углича рать съ Васи«ліемъ съ Вепревымъ, да Ѳедора Михайловича съ полки, а сойтися имъ «на усть Шексны у Всѣхъ Святыхъ, и Ѳедоръ не успѣ къ Василію, а «Ряполовскіе воротившеся на Василія, побиша его на усть Мологи: а «Ѳедоръ перевезся Волгу на усть Шекснѣ: они же и на того воротишася: «Ѳедоръ же побѣже опять за Волгу. Ряполовскіе пойдоша по Новогород«ской землѣ къ Литвѣ... а Семенъ Филимоновъ со всѣми своими отъ «Углича пойде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣдая; одинъ Руно «отвернулся отъ него за Ряполовскими».

(341) См. *Архангел. Лѣт.* г. 6955.

(342) «Учиниша себѣ срокъ всѣмъ снятися на Пацынѣ... К. Василей «Ярославичь во Мстиславлѣ, а съ нимъ Ряполовскіе 3, да К. Иванъ «Стрига, да Ощера; а во Брянскѣ К. Семенъ Оболенской, да Басенокъ... «и приде къ нимъ вѣсть, что Князь Великій выпущенъ, а пригонилъ Да«нило Башмакъ, а во Брянескъ Кіянинъ, Полтинкою зовутъ, а лежалъ «тотъ на Москвѣ отъ Княгини Настасіи Олельковы на вѣстехъ про Ве«ликаго же Князя». Олелько, сынъ Владиміра Ольгердовича Литовскаго

и зять Василія Темнаго, господствовалъ въ Кіевѣ (см. ниже, примѣч. 386, г. 1451). Далѣе: «Изъ Брянска погонилъ (Полтинка) къ Кіеву... «Князь же Василей Ярославичь со всѣми Бояры, и съ женами, и съ «дѣтьми, пойдоша... и пригонилъ къ нимъ (въ Нацынъ) Дмитрей Андре- «евъ сынъ, что уже Князь Великій пошелъ съ Вологды къ Бѣлуозеру и «ко Тфери... Пришедшимъ же имъ въ Елну, и ту срѣтошася съ ними «Татарове начаша межь себя стрѣляти. По семь же Татарове начаша «Руси кликати: вы кто есте? Они же отвѣщаша: Москвичи... А вы кто «есте? Мы изъ Черкасъ», и проч. См. также *Степен. Кн.* II, 19. Въ *Архангел. Лѣт.*: «Царевича два *Кайсимова,* Трегубъ да Ягупъ».

(343) «А въ ту пору ѣхала во градъ къ завтренѣ Княгиня Ульяна, «Княжа Васильева Володимеровича... Намѣстникъ же Княжь Дмитріевъ, «Ѳедоръ Галичской, у заутрени убѣжа; а Княжа Иванова Намѣстника, «Василья Шигу, бѣжаща изъ города на конѣ изымалъ истопничишко Ве- «ликіе Княгини, Растопчею звали, и приведе его къ Воеводамъ, и сіи «оковаша его».

(344) «И оттолѣ пойде съ матерью къ Переславлю, а Сабуровъ (Мих. «Ѳедор.) съ прочими добивъ челомъ Вел. Князю, не возвратишася къ «Шемякѣ».—Кутузовъ назывался Василій Ѳед.

(345) См. *Собр. Госуд. Грам.*, стр. 149, договорную грамоту Шемяки и Можайскаго съ Кн. Михаиломъ Верейскимъ и Василіемъ Ярослав. Боровскимъ, гдѣ сказано: «намъ бити челомъ своему господину, Великому «Князю... А К. В. Борисъ Олександровичь съ нашимъ братомъ съ ста- «рѣйшимъ, съ Великимъ Княземъ, одинъ человѣкъ... А что язъ К. Дмитрей «Юр. и К. Иванъ Ондр. поимали есмя Князя Великого кресты и Страсти «Спасовы, да казну и матери его, и его Великіе Княгини, и Марьину «Голтяевы, и намъ то все отдати.. А по сей грамотѣ взяли осмя пере- «мирье со К. Михайломъ Ондр. и со Княземъ Васильемъ Ярослав. Петрова «говѣнья въ Недѣлю... А подписалъ Ѳедоръ Дьякъ».

Договорныхъ грамотъ съ К. Іоанномъ Андр. четыре (см. *Собр. Г. Г.* 138—154). Въ третьей: «А исполнится твоимъ дѣтямъ (Великаго Князя) «по двѣнадцати лѣтъ, и твоимъ дѣтемъ цѣловати крестъ самимъ ко мнѣ, «къ твоему брату молодшему ко К. Ивану Ондр... А о семъ о всемъ «поставили есмя на собя свидѣтеля Вседержителя Господа Бога, и пре- «чистую Его Богоматерь, и Великихъ Чудотворцевъ, Святителя Николу, «и Св. Петра Митрополита, и Св. Леонтія Епископа Ростовскаго, и пре- «подобныхъ Старцевъ Сергія и Кирилла, и молитву святыхъ родитель «нашихъ, отецъ, дѣдъ и прадѣдъ нашихъ Великихъ Князей; а къ тому «вели есмя по собѣ на обѣ стороны брата своего Великого Князя Бо- «риса Олександровича Тферского, и свою сестру, а его Великую Княгиню «Настасью, и свою братью молодшую, К. Михайла Ондр. и К. Василья «Ярославича; и будутъ по цѣлованью съ правымъ на виноватаго. А пи- «сана грамота въ лѣто 6956 (1448); а подписалъ Дьякъ Княжь Ивановъ «Ондреевича Кулударь». Въ четвертой грамотѣ: «а что мя еси, господине «Князь Великій пожаловалъ, далъ ми еси Бѣжицкій Верхъ въ отчину... «да половину Заозерья Кубенскихъ Князей, да Лисину вотчину... А жити «ми, господине, съ тобою въ Москвѣ по душевной грамотѣ дѣда нашего, «Великого Князя Дмитрея Ивановича; а вотчина ти наша подо мною «держати по душевной грамотѣ отца нашего, Князя Ондрея Дмитреевича... «А Орда, господине, тобѣ знати и исправливати самому; а мнѣ Орды не «знати; а выходъ ти у мене имати съ моее вотчины по старымъ дефте- «ремъ... а съ Полуозерья давати ми тобѣ какъ преже сего давали Заозерь- «скіе Князи Ярославскимъ во Царевъ выходъ. А писана грамота на Ко- «ломнѣ въ лѣто 6956 (1448) мѣсяца Септемврія; а подписалъ Княжь

«Ивановъ Ондреевича Дьякъ Щербина». Къ сей грамотѣ приложены двѣ «восковыя печати: на оборотѣ грамоты написано: Княжа Ивана Можай-«ского съ Вѣжицкимъ Верьхомъ;» а ниже: «Княжи Ивановы Можайского «и Княжи Михайловы».

О примиреніи Великаго Князя съ Можайскимъ сказано въ *Архан. Лѣт.* г. 6957: «Тое же весны Князь Великій былъ на Рудинѣ горѣ въ «Ярославлѣ, и приспѣ Шемяка, да Князь Иванъ Можайскій со многими «людьми, и мало не бысть кровопролитія; и не захотѣлъ Князь Иванъ «Можайскій съ Шемякою, и увернуся у него, и доби челомъ Вел. Князю «за свою вину, и пожаловалъ далъ ему Бѣжицкій Верхъ».—О Шемякѣ: «Князь Великій пойде къ Галичю... и ста на Костромѣ, и начаша межъ «себя посылати послы. Князь же Дмитрей, убоявся, начатъ мира про-«сити, и грамоты на себя проклятые далъ «(см. ниже)... «Князь же Ве-«ликій возвратися съ Костромы въ Великій Четверкъ, а Великъ день «взялъ въ Ростовѣ, а назавтрее празднова Благовѣщеніе въ Ростовѣ же... «и того дни къ Москвѣ пойде и пріиде въ Недѣлю Ѳомину; а сынъ его, «Князь Иванъ, былъ въ Володимерѣ».

(346) См. *Архив. Лѣт.* No 8, л. 127 на обор. и *Степен. Кн.* II. 79.— Въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164) есть письмо Василія Темнаго къ Греческому Царю о поставленіи Іоны; въ немъ сказано. «Поставили есмы Іону Митрополи-«томъ, но за великую нужду сіе сотворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзо-«стію.... Церковь наша Святыя Софіи Цареградскія благословенія тре-«буетъ и ищетъ во всемъ по древнему благочестію.... развѣе нынѣшнихъ «новоявльшихся разгласій, и молимъ святое ти Царство, да будетъ къ «тому нашему Митрополиту добрыя воли... Хотѣхомъ же убо писати и «къ Святѣйшему Патріарху, требующе о всемъ благословенія; но не вѣмы, «аще уже есть въ царствующемъ градѣ святѣйшій Патріархъ... по древ-«нему благочестію», и проч.

(347) См. выше, примѣч. 311. Въ сей Буллѣ сказано: «отщепенца и «противника, злочестиваго сына, Іону». Папа совѣтуетъ Королю схва-тить и заключить нашего Митрополита въ темницу, буде онъ пріѣхалъ бы въ Литву. Письмо Іоны о Григоріи къ Литовскимъ Князьямъ, Па-намъ, Боярамъ и Воеводамъ находится въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 42). Тамъ же (л. 90) есть грамота его къ Мисаилу, Епископу Смоленскому, гдѣ сказано: «Вѣдомо тобѣ, моему сыну, «что есмь посылалъ отъ Кіева великія обители св. Троицы Сергіева мо-«настыря Настоятеля духовнаго, Игумена Васіяна, о Св. Дусѣ дочери «нашего смиренія Княгинѣ Княжѣ Александровѣ Володимеровича На-«стасьѣ и къ ихъ дѣтемъ... чтобы отъ благочестіа своего не умалено «было, ни прикладено, и что отъ того волка и единомысленника Исидо-«рова, что же нынѣ именуетъ себе Митрополитомъ Кіевскимъ и всея «Руси... пришолъ съ Папежскими листы, да и съ первоначяльнаго отступ-«ника Патріаршими Григорьевыми грамотами и съ Исидоровыми, и пи-«шется въ нихъ Сидоръ Легатосомъ и Гардиналомъ, а мене пишутъ «отступникомъ... И нынѣ отъ Короля къ Вел. Князю о томъ Григорьѣ «Якубъ Писарь да Ивашенецъ пріѣздили посольствомъ, чтобы его Князь «Вел. принялъ и держалъ собѣ отцемъ Митрополитомъ; и господинъ и «сынъ мой К. В. и сынъ его, К. В. Иванъ Васильевичь, не хотя его не «токмо видѣти, но и слышети.. и того ради тобѣ пишу», и проч.—Упо-минемъ здѣсь о грамотѣ Іоны къ Царю Казанскому, писанной съ его слугою, который ѣздилъ въ Казань по торговымъ дѣламъ. Митрополитъ говоритъ: «Слыша, что Вышняго Бога силою держитъ свое Государьство, «и купцемъ шкоты и убытковъ нѣтъ никоторыхъ ни отъ кого, и на то

«надѣяся, послали есмо своего слугу съ своею рухлядью... и прошу жа-«ловати», и проч. См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* л. 118.

(348) См. *Собр. Г. Г.* 171.—Въ Синод. *Новог. Лѣт.* г. 6954: «и при-«сла (Шемяка) поклонъ въ Новгородъ: Новгородци же послаша къ нему «послы, Посадн. Ѳедора Яковличь, Посадн. Василья Стефановичь, и «Князь Дмитрій цѣловалъ крестъ на всѣхъ старинахъ; а Князь Тферь-«скый Борисъ на опасѣ державъ 4 мѣсяца Новгородскыхъ пословъ, и «отпусти ихъ; то же поѣхали къ Князю Дмитрію».—Въ Пушкин. собра-нiи Двинскихъ грамотъ No I: «По благословенію Преосв. Архіепископа «Великаго Новагорода и Пскова, Владыки Евфиміа, отъ Посадн. Нов-«город. Ивана Лукинича, отъ Тысетского Василіа Пантелеевича, и отъ «всего В. Новагорода. Се пріѣхали послове къ В. К. Василію Василіе-«вичу всея Руси, и къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, «отъ В. Новагорода, Посадникъ Григорей Даниловичь, Посад. Ѳедоръ «Яковличь, Посад. Василей Степановичь, Тысятской Яковъ Ивановичь, «Тысятскій Новгородскій Василей Пантелеевичь; а отъ Житьихъ Офонасъ «Микуличь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, Еремей Кузмичь, Ва-«силей Захарьиничь, и докончали миръ по крестнымъ грамотамъ... какъ «цѣловалъ Князь Великій Ондрей, и Князь Великій Иванъ, и Князь «Великій Семенъ, и прадѣдъ твой Князь Великій Иванъ, и дѣдъ твой «Князь Великій Дмитрій, и отецъ твой Князь Великій Василей. Новго-«родъ держати вамъ въ старинѣ по пошлинѣ безъ обиды: а намъ, му-«жемъ Новгородцемъ, княженіе ваше держати честно и грозно безъ обиды; «а пошлинъ вашихъ Князей Великихъ не таити». Слѣдуютъ обыкновен-ныя условія, извѣстныя читателю по древнѣйшимъ грамотамъ Новогo-родскимъ.

(349) См. въ *Собр. Г. Г.*, стр. 185, договоръ К. Суздальскаго, *Ивана Васильевича, съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ*. Тамъ сказано: «по бла-«гословенью отца нашего *Іоны, Митрополита всея Руси*, на семъ на «всемъ, Господине Осподарь Князь Великій Василей Васильевичь, и съ «своимъ сыномъ, съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ, и со Княземъ «*Ондреемъ* Васильевичемъ, и со Княземъ *Семеномъ* Васильевичемъ, цѣлуй «крестъ», и проч. Далѣе: «Моя братья Князь Александръ и *Князь Ва-«силей*», и проч.

Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ въ *Собр. Г. Г.* 142: «На семъ, «брате *молодшій*, Князь Великій Иванъ Ѳедоровичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ: «имѣти ти К. Ивана Ондр. собѣ братомъ, а брата К. Михайла Ондр. «братомъ молодшимъ... и К. Василья Ярославича... А всхочетъ съ тобою «К. В. Литовской любви, и тобѣ съ нимъ взять любовь со мною по думѣ; «а писать ти съ нимъ въ доконча̀льную грамоту, что есь со мною одинъ «человѣкъ; а будетъ ему любовь со мною ино и съ тобою; а не будетъ «ему любви со мною, ино и тобѣ съ нимъ любви нѣтъ... А пойдетъ на «тобя, и мнѣ пойти самому тобя боронить... А что Резанское на Резан-«ской сторонѣ за Окою, что *доселѣ тягло къ Москвѣ*, Почепъ, Лопастна, «уѣздъ Мстиславль, Жадено городище, Дубжа, Демль, Бродничь съ мѣсты, «какъ ся отступили Торускіе Князи Ѳедору Святославичу, и та мѣста «къ Резани; а въ *Тулу* и въ Берестій не вступатися мнѣ, Вел. Князю «Василью Васильевичу... А со Княземъ Пронскимъ и съ его братьею «любовь взялъ еси ты; а что ся промежъ васъ учинить, ино промежъ «васъ управити мнѣ... А Новосильскіи Князи добьютъ мнѣ челомъ, и «тобѣ съ ними взять любовь... А Князи *Мещерскіе* не учнутъ мнѣ пра-«вити, и тобѣ ихъ не пріимати, а добывать ти ихъ мнѣ безъ хитрости «по тому цѣлованью... А намъ, Княземъ Великимъ, въ судъ въ вопчей «(общій) не вступатися; а судьямъ нашимъ сѣсти судити, цѣловавъ

«крестъ... *Третій* межи насъ хто ищетъ, тотъ воименуетъ три Князи «Христіянскіе: а на комъ ищутъ, тотъ собѣ беретъ изъ трехъ одиного; «а судьи наши вопчеи о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій по томужъ... «А пошлинъ съ бѣглеца съ семьи два алтына, а съ одинца алтынъ... а «мыта съ воза въ городѣхъ всѣхъ пошлинъ деньга, а съ пѣшехода мыта «нѣтъ; а тамги и всѣхъ пошлинъ отъ рубля алтынъ, а съ лодьи со доски «по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набоя деньга; а «со Князей Великихъ людей пошлинъ нѣтъ. А писана на Москвѣ въ «лѣто 7955 (1447) мѣсяца Іюля въ 11 день».

Тамъ же, стр. 171, въ договорѣ съ Тверскимъ Княземъ: «Аци имутъ «насъ сваживати Татарове, а учнутъ вамъ (Вел. Князьямъ Московскимъ) «давати домъ Святаго Спаса, а нашу отчину Тферь и Кашинъ, и вамъ «ся, брате, не имате за домъ Св. Спаса, и за нашу отчину... Тобѣ, В. К. «Василью, подо мною, и твоимъ дѣтемъ подъ моимъ сыномъ подъ Кня«земъ подъ Михайломъ, ни меньшимъ твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми, «кого ми Богъ дастъ, ни подъ моею братьею молодшею подъ К. Дмит«реемъ Юрьевичемъ, и подъ К. Иваномъ Юрьевичемъ. ни вашимъ вну«чатомъ... а быти намъ на Татаръ и на Ляхи, и на Литву, и на Нѣмцы «за-одинъ. Которой ти иный братъ сгрубитъ, и мнѣ къ собѣ ихъ не «пріимати. Такожь, которой мой братъ молодшей и изъ меньшіе братьи «изгрубятъ мнѣ, тѣхъ вамъ къ собѣ не пріимати... А рубежъ Тфери и «Кашину, какъ было при моемъ пращурѣ, при В. К. Михайлѣ Ярослa«вичѣ... А съ Новымъ ми городомъ жити по старинѣ.. А которые земли «и воды отошли отъ Тфери и Кашина при твоемъ отцѣ и при тобѣ, а «тѣмъ землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны. А новыхъ мы«товъ не замышляти, а на старыхъ мытѣхъ имати пошлины съ воза «деньга, а *костокъ*» (дорожной пошлины) «съ человѣка деньга же; а «поѣдетъ на версѣ (верхомъ) съ торговлею, ино деньга же; а кто ся про«мытитъ, ино съ воза промыти 6 алтынъ; а заповѣди 6 алтынъ, колько «бы возовъ ни было; а промыта то, кто объѣдетъ мытъ; а проѣдетъ «мытъ, а мытника у забору не будетъ, ино промыты нѣтъ; а встижетъ «его мытникъ, ино возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ; а «съ лодьи пошлина съ доски по два алтына; а больше того пошлины «нѣтъ; а съ струга алтынъ, а тамги и осминичего отъ рубля алтынъ, а «тамга и осминичее взяти, аже имеетъ торговати; а поѣдетъ мимо, инъ «знаетъ свои мыты да костки, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ «безъ торговли, ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ»....

Въ договорѣ съ Василіемъ Ярослав. (тамъ же, 168, 177): «А что «есмь былъ, брате, пожаловалъ тобе своею отчиною городомъ Дмитро«вомъ съ волостьми, и ты, брате, Дмитрова и съ волостьми отступился «еси мнѣ Великому Князю... А чего, брате, достанешь отъ моихъ не«друговъ, или отъинуда отколѣ казны моее, и моее матери, и моее Ве«ликіе Княгини казны: и то ти, брате, мнѣ отдати. А Князей ти моихъ «служебныхъ съ вотчинами не пріимати... А въ городѣ на Москвѣ по«слати намъ своихъ Намѣстниковъ, и они очистятъ нашихъ холоповъ и «сельчанъ. А кого выму собѣ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ Вели«кому Князю и моимъ дѣтемъ два жеребья; а тобѣ, брате, того треть».

Въ договорѣ съ Михаиломъ Верейскимъ: «да что мя еси, Господине «Князь Великій, пожаловалъ своего брата молодшего, далъ ми еси *Вы«шегородъ* съ волостьми въ вотчину и въ удѣлъ, какъ было за тобою; да «къ тому ми еси придалъ Плѣскъ, опрочь Плѣсенскаго села, что еси по«жаловалъ Семена Ондреевича Плота; а судъ, господине, мой того села «и дань по землѣ и по водѣ... да пожаловалъ мя еси, далъ еси Выше«городу моему и тѣмъ волостемъ льготу на пять лѣтъ, выхода не дати,

а моей еси, господине, отчинѣ всей пожаловалъ отдалъ ми еси полови-
«вину выхода на три года... А дана грамота на Москвѣ въ лѣто 6958
«(1450) Іюля въ первый день».

Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 153) есть грамота Іоны къ Королю Казиміру *о братствѣ и о любви съ Великимъ Княземъ*. Въ ней сказано: «Что господине и сыну, присылалъ къ
«своему брату, къ Вел. Князю, своего посла Гармана съ рѣчьми и съ
«листы о вашихъ дѣлѣхъ о земскихъ, а ко мнѣ еси приказалъ же съ
«нимъ, чтобы попеченье имѣлъ о вашемъ братствѣ... и язъ по твоему
«приказу, Великого Короля, Вел. Князю рѣчи твои говорилъ съ благо-
«словеніемъ и съ мольбою, и Князь Вел., братъ вашъ, вельми хочетъ
«братства и любви и прочнаго доброжитья... и о всемъ къ тобѣ на сво-
«емъ листу написалъ и рѣчми къ тобѣ съ своимъ Діакомъ Степаномъ
«приказалъ... И благодарю и благословляю, чтобы еси къ своему брату,
«а къ нашему сыну, любовь свою имѣлъ по тому крестному цѣлованію...
«а о великомъ вашемъ жалованіи и о вашемъ поминкѣ (дарѣ) благо-
«дарю... О чемъ ти, господине, опрочь сего нашего листу иметъ мой Діакъ,
«Василей Карло, говорити рѣчми, и ты бы тому вѣрилъ», и проч.

(350) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. No 164, л. 70. Сія грамота Епископовъ къ Димитрію содержитъ въ себѣ 28 страницъ. Выписываемъ главныя мѣста: «Господину Князю Димитрію бого-
«молци, господине, брата твоего старѣйшаго, Вел. Князя, и вашего бла-
«городія общіи, Ефремъ Владыка Ростовскій, Аврамій Вл. Суждальскій,
«Іона Вл. Рязанскій, Варламъ Вл. Коломенскій, Питиримъ Вл. Пермьскій,
«и мы ваши нищіи и молебницы Геронтій Архим. Симановскій, Марти-
«ніянъ Игуменъ Сергіева монастыря, и съ прочими Архимандриты и
«Игумены (и проч.) челомъ бьемъ и благословляемъ... Вѣси, како отецъ
«твой тщаніе имѣлъ на начальство Вел. Княженія, яко же и древній
«нашъ праотецъ Адамъ ко обоженію, и въ Орду ходилъ, и колиціе труды
«подъялъ... а Княженія Великого не досяглъ, что ему Богомъ не дано,
«ни земскою пошлиною... Потомъ паки не уймяся, ссбравъ къ собѣ
«злыхъ человѣкъ, да Вел. Князя згонилъ: и колико паки на Вел. Кня-
«женьи пожи? Не самъ же ли того часа съ великимъ челобитьемъ Вел.
«Князя на великое государство призвалъ, а самъ въ пяти человѣцѣхъ
«съѣхалъ? Потомъ и въ другіе пришедъ сѣлъ на вел. Государствѣ безъ
«пошлины же, паче рещи яко разбойнически: и колико пакъ и самъ
«пожилъ? Егда были ему при кончинѣ о своей души попеченіе поимѣти,
«и по желанію его древнему самоначальства Богъ ему здѣ попусти хо-
«тѣнію его исполнитися, токмо яко человѣкомъ на видѣніе, а ему отъ
«всѣхъ на осуженіе... Въспомянемъ же и тобѣ вмалѣ и тебе самого.
«Егда приходилъ къ Москвѣ безбож. Ц. Махметъ, а воя по земли рас-
«пустилъ, и Князь Вел. колькое пословъ по тебе посылалъ, также и
«грамотъ? и ты не пошелъ: и въ томъ коликое крови Христіанскіе про-
«лилося, и коликое множество въ полонъ пошло и коликое церквей Бо-
«жіихъ разрушилося, и черноризиць осквернено и дѣвиць растлѣно! По-
«томъ же безбож. Царевичь Мамотякъ приходилъ», и проч. Далѣе: «И
«тобе Діаволъ на него (Василія) вооружилъ желаніемъ самоначальства,
«разбойнически нощетатствомъ изгонити его на крестномъ цѣлованьи, и
«сотворилъ еси надъ нимъ не меньши Каина и окаяннаго Святополка...
«Чимъ еси себе самаго пользовалъ, и колико еси государьствовалъ, и въ
«которой тишинѣ пожилъ еси? не все ли въ суетѣ и въ прескаканьи отъ
«мѣста до мѣста, во дни отъ помышленія томимъ, а въ нощи отъ меч-
«таній сновидѣнія? Ища и желая большего, и меншее свое изгубилъ
«еси... А братъ твой старѣйшій, В. К., опять на своемъ Государьствѣ:

«понеже кому дано что отъ Бога, и того не можетъ у него отняти ни-
«кто... Впалъ еси былъ самъ въ руки, яко же древній онъ гордый Фа-
«раонъ въ глубину моря, и аще не бы милосердіе свое показалъ на тобѣ
«К. В. то пришелъ еси былъ самъ въ своей погибели и со всѣми сво-
«ими... вселила бы ся въ адъ душа твоя... Ты къ нему цѣловалъ крестъ...
«быти съ Вел. Княземъ вездѣ заодинъ... а съ кѣмъ будешь въ цѣло-
«ваньи, а къ тому ти цѣлованье сложити... а добра ти Вел. Князю хо-
«тѣти во всемъ вездѣ... и подъ нимъ Вел. Княженье блюсти... и подъ
«его дѣтми... а давати ти выходъ по старымъ дефтеремъ. А что еси
«поималъ честные кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, да и казну
«Вел. Князя и его Вел. Княгини казны и поклажи, и тобѣ то все отда-
«вати Вел. Князю, и полонъ весь старой и нынѣшней безъ окупа, и
«нятцевъ отпущати; а сѣдя на Москвѣ, кого людей Вел. Князя велѣлъ
«будешь давати на поруцѣ или кабалы на кого или серебро переведено,
«и тобѣ съ тѣхъ поруки свести и переводное серебро, или что еси пои-
«малъ въ казну Вел. Князя, грамоты доканчяльные и ярлыки и дефтери,
«и тѣ отдати; а Боярину и Дѣтемъ Боярскимъ и слугамъ межи васъ
«вольнымъ воля; а кто служитъ Вел. Князю, а живетъ въ твоей отчинѣ,
«и тобѣ тѣхъ блюсти какъ и своихъ; а казны отдати отъ того дни мѣ-
«сяць... Или, господине, по нужи смѣемъ рещи, ослѣпила тя будетъ ду-
«шевная слѣпота возлюбленіемъ временныя и преходящія чести Кня-
«женья и начальства, еже слышатися зовому Княземъ Великимъ, а не
«отъ Бога дарованно, или златолюбствомъ объятъ еси, или женовнима-
«теленъ и женопокоренъ, якоже Ироду подобствуя, явился еси, и крест-
«ное цѣлованіе ни вочтоже вмѣнивъ... а святые Петрахили наши сквер-
«нить неподобными своими богомерзкими рѣчми; а надѣемся, что и самъ
«знаешь, что суть тѣ св. Петрахили воображеніе муки І. Христа... токмо
«самъ душу свою губишь. Мы же о прежствореннихъ тобою твоихъ дѣ-
«лѣхъ не много глаголемъ, еже ни во Христіянѣхъ когда прежъ сего ни
«есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоемъ преступленіи...
«Ты въ цѣлованьи съ В. Новымгородомъ... да еще посылалъ еси и посла,
«а зовучи себѣ Княземъ Великимъ, да просилъ еси у нихъ собѣ помочи,
«а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву....
«Таже еси посылалъ ко Князю Ивану Андреевичю Михайла Сатина, а
«все одиначяся съ нимъ на Вел. Князя, чтобы К. Иванъ и къ Вел.
«Князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: *только пожалуешь К.*
«*Дмитрія Юрьевичь, ино то еси мене пожаловалъ.* И Князь Ивановъ
«Андреевичь посолъ Елезаръ Васильевъ възвѣстилъ то твое слово Вел.
«Князю отъ К. Ивана... Къ Вятчаномъ посылаешь, а въ Вятку ти ся
«по доканчянью не въступати. Посылалъ еси въ Казань ко Царевичю
«Мамотяку на Вел. Князя лихо... и посолъ его къ тобѣ пришелъ: у собе
«его и нынѣ держишь; а за твоею посылкою къ Мамотяку Вел. Князя
«Киличея (посла) Мамотякъ поималъ да сковалъ... А Вел. Князь посы-
«лалъ къ тобѣ Боярина, а опять Дѣтей Боярскихъ, чтобы еси отпустилъ
«къ нему того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпу-
«стилъ, такъ и видѣтися еси не далъ его Боярину и Дѣтемъ Боярскимъ
«съ тѣмъ посломъ. Да отъ Царя Седи-Ахмета пришли къ Вел. Князю
«послы, и онъ къ тобѣ посылалъ просити, что ся тобѣ имаетъ дати съ
«своей отчины въ тѣ Татарскіе проторы: и ты не далъ ничего, а не
«зовучи Седи Ахмета Царемъ; а того нѣкакъ позабылъ еси, не на томъ
«ли юрту отецъ твой былъ у Царя съ Вел. Княземъ вмѣстѣ, и на пош-
«линѣ стояли?... Ино уже послѣ того срока болѣ шести мѣсяць книж-
ныхъ, и ты нѣчто малое казны Вел. Князя и его матери и его Вел.
Княгини отдалъ, а большее, все лутшее, еще у тобе; а Марьина Ѳедо-

«ровы жены Ѳедоровича, того не отдаси ничего: также ярлыки и гра-«моты и дефтери.... Которые Бояре и Дѣти Боярскіе отъ тобе били че-«ломъ Вел. Князю служити, и ты еси черезъ крестное цѣлованье тѣхъ «пограбилъ, села ихъ и домы у нихъ поотъималъ и животы всѣ и жи-«вотину. Также, господине, ваша старина, что жити вамъ въ Москвѣ по «духовной грамотѣ дѣда вашего, В. К. Дмитрея Ивановича: и ты шлешь «къ своему Тіуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывати «отъ Вел. Князя людей къ собѣ, а все подъ В. К. доставая Вел. Кня-«женья; и тѣ твои грамоты выиманы у Ватазина на пути, какъ уже его «былъ Князь Вел. отпустилъ къ тобѣ... А себе въ томъ во всемъ исправи... «И о всемъ тобѣ управливатися срокъ по Крещеньи 2 недѣли». Слѣду-ютъ примѣры высокоумія, взятые изъ Св. Писанія и Армянской Исторіи «(о Царѣ Тиридатѣ, обращенномъ въ вепря за гоненіе Св. Григорія Ве-«ликаго). Далѣе: «И имѣли быхомъ еще и много тобѣ писати отъ Бо-«жественнаго Писанія; но самъ, господине, какъ ти данъ Богомъ разумъ, «по тонку разумѣешь Бож. Писаніе... И аще не обратитися къ Богу и «къ Вел. Князю чистымъ покаяніемъ, чюжъ будешь отъ Бога и отъ «Церкви Божіей и отъ православ. Вѣры, и части не имаши съ Вѣрными, «и не будетъ на тобѣ милости Божіей и силы животворящ. креста, ко-«торый еси къ своему брату старѣйшему, къ В. Князю, цѣловалъ, и «проклятъ да будешь отъ Св. Апостолъ и отъ Св. Отецъ, и въ конечную «погибель да пойдеши... А писана на Москвѣ м. Декемвріа въ 29 день, «въ лѣто 6956, Индикта II».

(351) Въ *Архан. Лът.* о второмъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ Татаръ г. 6963: «Приходили Татаровѣ отъ *Синіе* Орды Ахметовы». Сія Орда называлась послѣ Улусами Ногайскими, Большими и Малыми. Въ *Больш. Чертежѣ* стр. 229: «Отъ верху рѣки Бузувлука на поляхъ и до «*Синяго* (Аральскаго) моря кочевье все Большихъ Нагаевъ». Тамъ же, стр. 93: «Отъ рѣки Кубы, отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому, «и до верху рѣки Маначи кочевье Малыхъ Нагаевъ, Казыева Улуса».

(352) «Ходилъ Вел. Князь къ Галичю, и бысть ему вѣсть, что Ше-«мяка пошелъ къ Вологдѣ, и Князь Великій пойде на Иледамъ, да Об-«нору. Бывшу же ему у Николы на Обнорѣ, и пріиде вѣсть, что опять «воротился къ Галичю, и К. В. воротился Обнорою назадъ, да Костро-«мою вверхъ, и пріиде на Желѣзной борокъ къ Ивану Святому... а боль-«шей Воевода Князь Василей Ивановичь Оболенской... и Царевичевъ «отпустилъ съ нимъ.... И молебная совершивъ въ церкви Св. Іоанна «Предтечи» (послѣ сраженія).—Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Си-нод. библіот. No 164) есть письмо Митрополита Іоны къ Литовскимъ Князьямъ и Панамъ о вѣроломствѣ Шемяки. «Вѣдаете (говоритъ онъ) «коликое лиха и запустѣніа земли нашей починилося... и Князь Дмитрей «въ познаніе пришедъ, да своему брату старѣйшему, Вел. Князю, до-«билъ челомъ и животворящій крестъ цѣловалъ и не одинова, да то все «измѣнялъ... И сего ради пишу вамъ, чтобы есте пощадѣли себе вси «Христіане, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ, и посылали бы есте и «били челомъ своему Господарю, Вел. Князю, о жалованьи, какъ ему «Богъ положитъ на сердце; а не имете бити челомъ, а за тѣмъ кровь «Христіанская прольется, и та вся на васъ отъ Бога взыщется... и чюжи «будете нашего смиреніа благословеніа... тогды не Христіанинъ кто бу-детъ именуяся въ вашей земли, ни Священникъ священствуя, но вси «Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиреніа», и проч.

(353) Въ *Архангел. Лът.*: «Шемяка утече къ Новугороду, а тутъ» (подъ Галичемъ) «убиша Григорья Семеновича Горсткина... и пришелъ «па Устюгъ въ насадѣхъ, и Устюжане противъ его *щита не держали*»

(не сопротивлялись)... и казнилъ Емельяна Лузскова, да Миню Жугу-«лева, да Давида Долгошеина, да Евфимья Ежевину: металъ ихъ въ «Сухону... Ежевиня же, на днѣ сѣдя, изрѣшись и выплове внизъ живъ «и утече на Вятку. Того жь лѣта Шемяка пойде на Вологду, и воевавъ, «приде на Устюгъ, и жилъ на Устюзѣ два годы неполны». Въ библіотекѣ Волоколамскаго моностыря, въ книгѣ подъ No 465, л. 198, находится посланіе Митр. Іоны къ Евфимію, Архіеп. Новогородскому, гдѣ сказано: «Пишешь намъ, что будтось язъ посылаю къ тобѣ и пишу о К. «Дмитреи о Юрьевичи, а называя его сыномъ: ино возри въ ту мою «грамоту... язъ тобѣ и твоимъ дѣтемъ, Великому Новугороду, не велю «съ нимъ ни пити, ни ѣсти... Колико лиха есть починилъ и крови Хри-«стіанскіа пролилося!.. и какъ того К. Дмитреа мощно именовать Церкви «Божіи, да нашему смиренію духовнымъ сыномъ?.. Имѣмъ его небла-«гословена и отлучена Церкви. А что ми пишешь, что прежзе того Рус-«кіе Князи пріѣжжали въ Домъ Св. Съфея, въ В. Новгородъ, и честь «имъ въздавали по силѣ, а прежніе Митрополиты такихъ грамотъ съ тя-«гостію не посылывали: ино скажи, преже сего Князи которые съ та-«кимъ лихомъ что учинили надъ своимъ братомъ старѣйшимъ, надъ В. «Княземъ, чрезъ крестное цѣлованіе? Къ вамъ пріѣхавъ, Княгиню свою «и дѣти, и весь свой кошь оставя у васъ, ходя въ В. Княженіе, Хри-«стіанство губилъ... Тобѣ пишу, чтобы еси своимъ дѣтемъ, Посадникомъ «и Тысяцкимъ, и всему В. Новугороду думалъ, на прочное есть ихъ и «всего Христіаньства добро, чтобъ послали съ челобитьемъ и съ всею «управою къ сыну моему, В. Князю; а язъ по своему долгу радъ печа-«ловатись какъ моцно... А писалъ Сент. въ 29 день».

(354) Въ *Казан. Лѣт.:* «и тамо» (Улу-Махметъ въ Казани) «умре, «съ сыномъ своимъ меньшимъ Юсупомъ оба ножемъ зарѣзаны отъ боль-«шаго сына его Мамутека; царствова въ Казани шесть лѣтъ». Вѣроятно, что братья Мамутековы, Касимъ и Ягупъ, боясь подобной же участи, ушли тогда въ Черкасскую землю (см. выше, примѣч. 342)—Въ *Арханг. Лѣт.:* «На самъ Великъ день приходили Татарове Казанскіе ратью на «Устюгъ, стояли 3 дни, и въ Великъ день приступили, несучи на голо-«вахъ насадъ; бити ихъ не лзѣ, и зажгли городъ, и выгорѣло 2 городни «у нижнихъ воротъ... Татаръ отъ города отбили, а они взяли миръ на «томъ, что въ погоню за ними не ходити, а съ города и съ церквей «взяли окупъ копейщину за 11,000 всякою рухлядью... приходили мимо «Галичь на Кичменгу, а пошли вверхъ по Югу, а по Ветлузѣ на пло-«тѣхъ... а все Царевъ Дворъ, а въ Казань вошло 40 человѣкъ». Въ *Арх. Лѣт.:* «Въ лѣто 6956 (1448) въ Филипово говѣйно Казан. Царь «Мамутекъ посла всѣхъ Князей своихъ со многою силою воевати Му-«ромъ и Володимерь... Княжь же Вел. посла противу ихъ сына своего, «Ивана». Болѣе ни слова. Далѣе: «Скорые Татарове Седи-Ахматовы (въ «1449 г.) догонили до Похры, и Княгиню Василія Оболенского взяли «Марью, и невѣстку ея Степаниду, жену Григорья Козлова-Морозова... «Царевичь же Касимъ иде противу ихъ изъ Звенигорода, а они разсу-«нушася по земли, и съ коими встрѣтился, тѣхъ билъ и полонъ отъ-«ималъ; они же бѣжаша назадъ... Того же лѣта (1450) бывшу Вел. Князю «на Коломнѣ, и пріиде вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей «и Уланъ... и посла Царевича съ Татары, да съ нимъ Воеводу, Костян-«тина Александр. Беззубцева, съ Коломничи, и угониша ихъ на Би-«тюцѣ рѣкѣ въ полѣ... Тогда убиша Ромодана Зиновьева».

(355) «Бывшу же Великому Князю близъ Брашевы... и воротился «къ Москвѣ; а людей всѣхъ отпустилъ съ Княземъ Иваномъ Звениго-«родскимъ; онъ же убоявся, вернуся инымъ путемъ, а не за Княземъ

«Великимъ. Князь же Великій вземъ Петровъ день на Москвѣ и градъ «осадивъ, посади въ немъ матерь, да сына... прежде же всѣхъ Митро- «полита и Архіепископа Ростовскаго Ефрема... да самъ изъиде, и но- «чевавъ въ Озерецкомъ, а оттуду пойде къ Волзѣ; а Татары пришедъ у «брега чаючи рати, и не бысть ничтоже. Они же чающе потаившуюся «рать или брегъ дающу имъ, и послаша сторожи... и пріидоша къ Москвѣ «въ часъ дни», и проч.—Въ *Арханг. Лът.*: «Князь Великій выѣде изъ «города противъ Татаръ... а Татарове съ нимъ разгрѣшилися» (разошлись)... «и посады» (Москвы) «зажгоша, и понесе вѣтръ огнь на городъ. Святый «же Митроп. Іона нача пѣти молебенъ, и вѣтръ утиши».

(356) «К. В. вземъ на Москвѣ Рожество Христово, съ Васильева «же дни пойде противу Шемякѣ, а Крещеніе быть ему у Троицы въ «Сергіевѣ; и оттуду пойде къ Ярославлю... отпустилъ сына на Кокшенгу, «а съ Костромы отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися Царевича Ягупа, «Мамутякова *сына (брата)*, на Князя же Дмитрея; а преже того по- «слалъ Князя Василія Ярославича, да съ нимъ Бояръ, Князя Семена «Ивановича Оболенскаго.. и Дворъ свой къ Устюгу; а Князь Дмитрій, «подъ Устюгомъ стоя, пожегъ посадъ и побѣже. К. В. Иванъ и Царе- «вичь, шедъ на Кокшенгу, градки ихъ поимаша... и ходиша до усть «Ваги, и до Осинова поля». Въ *Арханг. Лът.*: «Князь Дмитрей побѣже «къ Двинѣ, а на Устюзѣ оставилъ Намѣстника, Ивана Киселева... и за- «стави Двинянъ рѣку Двину *полити* пониже городка Орлеца. К. В. Иванъ «послалъ за нимъ Воеводъ Югомъ мимо Устюгъ, и подъ городомъ не «стояли, за Шемякою пошли; а К. В. Иванъ съ Андреевымъ селицъ и «съ Галицаны пошелъ на Городишную, да на Сухону, да въ Саленгу на «Кокшенгу воюючи: а городъ Кокшенской взялъ, а Кокшаровъ сѣклъ «множество, а съ Кошенги на Вологду... а Князь Дмитрей побѣжа къ «Новугороду; а Воеводы, то слышавъ на усть Ваги, и воротилися по «Вагѣ вверхъ на Кокшенгу жь».

(357) «Пріиде вѣсть (Іюля 23) къ Великому Князю изъ Новагорода «на Вечерни у Бориса Глѣба на Москвѣ на рвѣ, что Шемяка умре». «Въ *Арханг. Лът.*: «даша ему лютаго зелія». Онъ умеръ Іюля 18 (см. Синод. *Псков. Лът.*).

(358) Въ Синод. *Псков. Лът.*: «Прiѣха во Псковъ Князь Иванъ Дмитріевичь Шемячичь изъ Новагорода Апрѣля 9 (въ 1454 г.) и вы- «идоша противу его Игумени и Попове со кресты ко Св. Дмитрею на «Пскову, и Псковичи пріяша его честно, и даша ему 20 рублевъ, и «поѣха въ Литву Маіа 1».—Вина К. Іоанна Можайскаго изъяснена въ грамотѣ Митрополита Іоны къ Смоленскому Епископу Мисаилу (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164, л. 151): «Учалъ «(Князь Иванъ) Великому Князю не послушенъ быти... Приходила рать «Седи-Ахметова... и отъ насъ было посылаемо о томъ, чтобы отъ него «помочь была, и онъ ни самъ не поѣхалъ къ нему, ни къ его дѣтемъ, «ни къ его людемъ, ни помочи не послалъ.... Также на Галичь рать Та- «тарская приходила, и сынъ нашъ, Вел. Князь, и мы посылали къ нему «Коломеньскаго Владыку Геронтія, чтобы пошелъ на оборонь Христіянь- «ству, Воеводъ ли бы послалъ; и онъ ни самъ пошелъ, ни людей не «послалъ... Благословляю тобе, своего сына, чтобы еси того побереглъ, «чтобы какъ отъ того Князя Ивана въ вотчинѣ Вел. Князя накости не «было... Князь Великій вельми хочетъ съ Королемъ братства и любви «и прочнаго добраго житья; да того дѣля за нимъ не пошелъ, ни своихъ «людей не послалъ... а въ обиду ему себе не мощно подавати. А сыну «нашему Пану Михаилу Канплеру говори, чтобы также о томъ побе «реглъ, какъ самъ вѣдаетъ».

(359) См. ниже, примѣч. 386, г. 1448, и грамоту въ примѣч. 361. Да лѣе въ лѣтописи: «Генв. 19, въ Понедѣльникъ (1456), К. В. пойде на «Новгородъ... на Волокъ же пріиде къ нему Посадникъ Василей Сте- «пановъ».

(360) Въ *Псков. Лѣт.:* «Русу взя (Вел. Князь) Февр. 2... Москвичи «убиша Посадника Іосифа Носова... а Князь Василей (Суздальскій) самъ- «третей убѣжа».

(361) Сей договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: «А се за то ялися послове отъ Великаго Новагорода къ Вели- «кому Князю Василію Василіевичу всея Руси и къ его сыну къ Вели- «кому Князю Ивану Василіевичу всея Руси по Новгородскому слову и «по Новогородской грамотѣ, на чемъ послали къ Великимъ Княземъ По- «садника Григоріа Даниловича, Посадника Ѳедора Яковлича, Посадника «Василіа Степановича, Тысяцкого Якова Ивановича и Тысяцкого Васи- «лія Пантелѣевича; а отъ Житьихъ людей Офонаса Микулинича, Ивана «Юріевича, Якова Ивановича, Еремѣя Кузминича, Василія Захарьинича. «Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ, отъ Великихъ Князей Боярин- «судьею, отъ Новагорода Боярин. Судити имъ Князей Великихъ чело- «вѣка съ Новгородцемъ; а судити имъ какъ право по крестному цѣлова- «нію. Аже ся сопрутъ о которомъ дѣлѣ, а не могутъ управити, и коли «будетъ Князь Великій въ Новѣгородѣ, или Князя Великого сынъ, или «Князей Великихъ братъ, и тому дѣлу тогды учинитъ Князь на Горо- «дищѣ съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, «а то велѣхомъ имати Княземъ Великимъ съ Владыкою на виноватомъ «отъ сего докончанія. А крюкъ Князю Великому по старинѣ на третей «годъ, а отъ волостей даръ имати по старинѣ; а печати быти Князей «Великихъ. А Виры имати Княземъ Великимъ по старинѣ, а Новгород- «цемъ не таити; а пошлинъ Князя Великаго Новгородцемъ не таити по «крестному цѣлованію. А что земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, что поку- «пили наши Новгородцы, а тыхъ земель Княземъ Великимъ сступилися, «и грамоты подавали: а полонъ съ обѣ половины безъ окупа. А кто бу- «детъ продавалъ полонъ въ Княженьи въ Великомъ, а тому серебру по- «гребъ съ обѣ сторонѣ. А кто будетъ продалъ полоняника своему, тому «ся увѣдати самому, а полоняникъ пойдетъ прочь. А съ Новогоржцевъ «Князи Великіи цѣлованіе сложили; а что сребро и хлѣбъ Княземъ Ве- «ликимъ не добранъ въ Торжку, или на Губахъ, а то Княземъ Великимъ «не надобѣ. А кто будетъ данъ на поруцѣ въ серебрѣ, или въ хлѣбѣ, съ «тыхъ порука доловъ; а что собрано, а то Княземъ Великимъ, а Нову- «городу въ томъ дѣлѣ на Новоторжцовъ нелюбія не держати, ни мща- «тись никоторою хитростью. А что война была Князей Великихъ надъ «Новгородскою волостію, или Новгородская война была надъ Великихъ «Князей волостьми, тому всему погребъ. А послѣ сего крестного цѣло- «ванія аже доспѣется война съ обѣ половины, а не вѣдая сего докончa- «нія, иманое назадъ отдати съ обѣ половины; а учинятся мертвые, а «почнутъ клепати мертвыми или грабежомъ съ обѣ половины, ино судъ «тому на Городищѣ передъ тыми судьями. А что были войны и грабежи «изъ Великого Княженія и изъ Новгородской вотчины до складной гра- «моты Великого Князя съ обѣ половины, тому судъ на Городищѣ, а суда «имъ у Князя у Великого Намѣстниковъ въ Новѣгородѣ не отымати» (здѣсь, думаю, пропускъ) «развѣ ратной вѣсти, или городъ коли имутъ «дѣлати безъ хитрости. А *Вѣчныя* грамотамъ не быти. А въ Водцкую «землю слати Княземъ Великимъ ежегодъ по старинѣ. А коли приве- «дется взяти Княземъ Великимъ черный боръ, и намъ дати черной боръ «по старинѣ. А позовъ по волостемъ по Новгородскимъ позывати позов-

«никомъ Князей Великихъ, да Новогородскимъ, а въ городъ позывати «Князей Великихъ Подвойскій, да Новогородской Подвойскій. Такъ же «что наши братіа Новогородцы покупили земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, или даромъ поймали, и намъ тыхъ земль обыскавъ отступитися «вамъ, Великимъ Княземъ, по крестному цѣлованію. А кто которой земли запритца, тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А пріѣдутъ къ «намъ, къ Великимъ Княземъ, отъ В. Новагорода послы Новогородскіе «о какихъ обидныхъ дѣлахъ исправы просити, а наѣдутъ насъ обѣихъ «Великихъ Князей въ Руской землѣ: ино имъ посольство правити обѣма «Великимъ Княземъ, и исправы просити у обѣихъ; а имъ исправа дати «В. Новугороду по крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати В. Новугороду. «А наѣдутъ одного В. К. въ Руской землѣ, ино одному посольство пра«вити, а ему исправа дати В. Новугороду по томужь крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати В. Новугороду. А В. Новугороду К. Ивана Ан«дреевича Можайскаго и его дѣтей, и К. Ивана Дмитріевича Шемякина «и его дѣтей, и его матери Княгини Софьи и ее дѣтей и зятьи Новугороду не пріимати. А послѣ сего доконча̀ниа изъ Московской земли, «изъ Великого Княженіа, кто пріѣдетъ лиходѣй Великихъ Князей въ В. Новгородъ, и Новугороду ихъ не пріимати; или кто лиходѣй Вели«кихъ Князей побѣжитъ изъ Руской земли, изъ Московского Княженіа, «въ Литву или въ Нѣмцы, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ къ В. Новугороду, и Новугороду тыхъ лиходѣевъ не пріимати. А коихъ людей привели къ цѣлованію за Великихъ Князей, кои живутъ на Но«вогородской землѣ въ Торжку, или за Волокомъ, или индѣ гдѣ ни есть, «а съ тыхъ людей Князи Великіи цѣлованіе сложиша; а земли и воды «къ В. Новугороду по старинѣ, и по старымъ по крестнымъ грамотамъ; «а на тыхъ людей Новугороду про то нелюбіа не держати по крестному «цѣлованію. А что нятцевъ, или полону у Великихъ Князей, или у В. Но«вагорода нятцевъ и полону и старого полону Великихъ Князей и его «братьи молодшой изо всего его Великого Княженіа: ино тыи нятцы и «той полонъ отпустити безъ окупа на обѣ половинѣ и старой и новой. «А на томъ на всемъ, Князи Великіе, цѣлуйте крестъ ко всему В. Но«вугороду безо всякаго извѣта; такожь Посадники и Тысяцкіе, и весь «Великій Новгородъ цѣлуйте крестъ къ Великому Князю Василію Васи«лиевичу всея Руси, и къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея «Руси, по любви въ правду безо всякой хитрости».—Тутъ же находится и другая слѣдующая грамота о платежѣ денегъ: «Се заплатиша отъ В. Но«вагорода Подвойскіе Степанъ Ильинъ, Степанъ Григорьевъ, и Вѣчный «Дьякъ Яковъ, Ивану Володимеровичу тысячю рублевъ, да сто рублевъ «послѣднего платежа, что добили челомъ Бояре Новогородскіе Великому «Князю въ Яжелбицахъ: Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ «Ѳедоръ Яковличь, Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкой Яковъ «Ивановичь, Тысяцкой Василей Пантелеевичь, а отъ Житьихъ Офонасъ «Микулиничь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, полу-девятою тыся«чею рублевъ, и грамоту дали Великому Князю въ той полу-девятѣ ты«сячѣ рублехъ, и въ залозѣхъ отъ Демонского доконча̀нія, за своими пе«чатьми, и честный крестъ цѣловали. Ино та полъдевяты тысячи руб«левъ Великому Князю дошла чисто вся, а залоги отъ Демонского до«конча̀нья остался за Новымгородомъ; и мы ту грамоту у Ивана взяли, «а въ залозѣхъ есмя Великого Князя, что ся за нами остало отъ Демон«скаго доконча̀нья, дали на собя сю грамоту, что справити намъ всѣ за«логи по крестному цѣлованью, по тому какъ цѣловали въ Яжелбицахъ «Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Ѳедоръ Яковличь, Посад«никъ Василей Степановичь, Тысяцкіе Яковъ Ивановичь, Василей Пан-

«телеевичь, а отъ Житьихъ Офонасъ Микулиничь, Иванъ Юрьевичь, «Яковъ Ивановичь къ Великому Князю; а какъ залоги дойдутъ всѣ Ве«ликого Князя, ино ся грамота подрати; а запечатали есьмя сю грамоту «печатію Посадничею Степенного Ивана Лукинича и Тысяцкого Степен«ного печатію Михайловою Андреевича».

Въ *Псков. Лѣт.*: «Прислаша Новгородци въ Псковъ гонца своего «съ чолобитьемъ... и Псковичи не помянуша древняя злобы ихъ, но пра«вяще свое крестное цѣлованіе, отрядиша Воеводами Посадника Левон«тіа Макарьиничь и Максима, и послаша съ силами Февр. 15. А сто«ялъ К. В. въ волостехъ Новгородскихъ полчетвертѣ недѣли. Псковичи «пребыша въ Новѣгородѣ полторѣ недѣли». Въ другихъ лѣтописяхъ ска-зано, что Новогородцы заплатили 10,000 рублей.

(362) «Тое жь весны преставись Князь Великій И. Ѳ. Рязанскій «въ Черньцахъ, и нареченъ бысть Іона; а за мало преже его Княгиня «его преставись».

(363) *Собр. Г. Г.* 195. Сія грамота подписана Митрополитомъ Іоною.— Въ *Арханген. Лѣт:* сказано, что Великій Князь взялъ своего шурина подъ стражу *съ супругою и съ дѣтьми.*

(364) Въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: «*Списокъ съ «докончальные грамоты со Княжы съ Ивановы Можайскаго, что кончали «въ Литвѣ со Княземъ съ Иваномъ съ Ярославичемъ сыномъ, а привезъ сесь «списокъ Володя Давыдовъ лѣта 70* (то есть г. 6970) Милостіею Божіею «и пречистыя Его Богоматери, на семъ на всемъ, господине брате ста«рѣйшій К. Иванъ Андреевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату «молодшему, Князю Ивану Василіевичу: что, господине, К. В. Вас. Ва«сильевичь отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣло«ваньѣ, и выгонилъ тобе; также, господине, К. В. Вас. Васильевичь ялъ «моего отца на крестномъ цѣлованьи безвинно, а мене выгонилъ изъ «моее отчины и дѣдины, и тобѣ, господине, пойти доставати своее от«чины и дѣдины, также моего отца доставати К. Василья Ярославича, «и наше отчины и дѣдины; а мнѣ, господине, пойти съ тобою за-одинъ «доставати своего отца и твоей отчины и дѣдины, и своей отчины и «дѣдины. А иметъ, господине, Князь Великій тобя К. Ивана Андрее«вича звати на твою отчину, а иметъ ти давати твою отчину, или прида«вати, а моего отца не пожалуетъ не выпустить, а отчины отцу моему «не отдастъ по старинѣ, какъ было за моимъ отцемъ; или господине, «учнетъ жаловати отца моего какъ мнѣ нелюбо, и тобѣ, господине, съ «Великимъ Княземъ безъ моей воли не канчивать, ни помиритись, а «стоять ти, господине, со мною за-одинъ доставати отца моего. И по «грѣхомъ, господине, К. В. отца моего убіетъ, или уморитъ въ нятьѣ, «или какъ Богъ позоветъ отца моего къ собѣ въ нятствѣ: и тобѣ, К. «Иванъ Андреевичь, съ Великимъ Княземъ ни кончати, ни помиритися «безъ моей воли... Также, господине, К. В. отца моего пожалуетъ изъ «нятства выпуститъ, а отчину отцу моему отдастъ, а тебя, господине, «К. В. не почнетъ жаловати по твоей любви, а отчины, господине, тобѣ «К. В. не отдастъ, и мнѣ къ Великому Князю нейти безъ твоей воли, «ни кончати, а отъ тобя ми не отставати безъ твоей воли. Также, го«сподине, по грѣхомъ К. В. не смилуется, тобя не почнетъ звати, а «отчины тобѣ не отдасть по твоей любви, а отца моего не пуститъ и «отчины ему не отдастъ, и дастъ Богъ однова не по нашимъ грѣхомъ «Князя Великого побіемъ, или изгонимъ; а дастъ Богъ, господине, до«станешь Великого Княженія и отца моего достанешь: и тобѣ, госпо«дине, приняти отца моего въ любовь и въ докончанье по его любви, «какъ любъ будетъ конецъ отцу моему: а въ его ти отчину не вступа-

«тись, что было за нимъ городовъ и волостей въ вотчину его и въ дѣ-
«дину... А меня ти, господине, пожаловати въ докончанье приняти, и
«въ браты молодшіе, и отчину ти мнѣ дати опрочь отца моего отчины:
«Дмитровъ съ волостьми, какъ былъ далъ К. В. моему отцу; да Суздаль
«съ волостьми. А кто ти меня изобговариваетъ чѣмъ, и тобѣ меня не
«изымати по тому крестному цѣлованью, а обослати мене Князь Ивана
«Васильевича своими Бояры, а вспроситъ ти мене по тому же крест-
«ному цѣлованью, и мнѣ тобѣ сказати въ правду, и тобѣ, господине, мнѣ
«вѣра яти. А однова, господине, К. В. почнетъ водить съ собою отца
«моего, и тобѣ отца моего отчина дати мнѣ; а мнѣ ти, господине, таки
«дати, опрочь отца моего отчины, Дмитровъ въ вотчину, какъ за отцемъ
«за моимъ былъ со всѣмъ, да Суздаль со всѣмъ; а о моемъ ти, госпо-
«дине, отцѣ печаловатись по тому крестному цѣлованью, доколѣ дастъ
«Богъ достанешь моего отца. А какими, господине, дѣлы К. В. убіетъ
«отца моего, или Богъ позоветъ къ собѣ отца моего, умретъ своею смертью
«въ нятьи у В. К., и тобѣ въ вотчину отца моего не вступатись, а мнѣ
«ти отчину отца моего отдати; а также ти не вступатись въ то, что ти
«было мнѣ придати при моемъ отцѣ: Дмитровъ съ волостьми, Суздаль
«съ волостьми. А принять ти мене собѣ въ отца моего мѣсто въ браты
«въ докончанье, какъ былъ отецъ мой съ Великимъ Княземъ въ любви
«и въ докончаньи и въ крестномъ цѣлованьи. А въ треть ти, господине,
«въ Московскую и въ пошлины не вступатись: какъ было за моимъ
«отцемъ, такъ ти держати за мною. А имешь, господине, ходить доста-
«вати своее отчины, и отца моего, а что, господине, ходячи достанемъ
«городовъ и волостей, или казны Великого Князя, или Боярскихъ ко-
«зенъ, или Князцевъ *окупныхъ*: и тобѣ, господине, во всемъ въ томъ
«дати мнѣ треть. А также по грѣхомъ по нашимъ дѣла своего доброго
«не здѣлаемъ, а учнешь, господине, собѣ въ которой землѣ мѣста искати:
«и тобѣ меня не оставити, а дѣлати со мною за-одинъ, и мѣста намъ
«собѣ искати за-одинъ по тому крестному цѣлованью. А учинишь срокъ,
«на которой день намъ выйти, а на тотъ срокъ не пойдешь, а имешь
«жити здѣсь: и мнѣ тобѣ крестное цѣлованіе сложити. А на семъ, го-
«сподине, на всемъ К. Иванъ Андреевичь цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему
«брату молодшему Князю Ивану Васильевичу въ правду безъ хитрости».

Въ лѣтописяхъ: «А тое же весны» (въ 1448 году «по Велицѣ дни
«бысть у Великого Князя Посолъ Литовскій. Панъ Семенъ Едиголдовъ».

(365) «Тое же зимы (г. 1462) многіе Дѣти Боярскіе Княжи Васильевы
«Ярославича здумавши себѣ и цѣловаша крестъ меже себя, какъ бы имъ
«пришедъ изгономъ къ Угличу и выняти Князя своего, и бѣжати съ
«нимъ. Увѣденъ же бысть совѣтъ ихъ Великому Князю и повелѣ всѣхъ
«имати и казнити, бити кнутьемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ
«главы отсѣкати; тою казнію казниша главною Володю Давыдова, Парфена
«Бренка, Луку Подливаева и иныхъ».

(366) Василій Темный по завѣщанію своему (см. ниже) отдалъ Суз-
даль и Нижній Новгородъ одному изъ сыновей своихъ: слѣдственно тамъ
уже не было Князей особенныхъ.

(367) «На Троицынъ день» (еще въ 1438 году) «Вятчяне приходили
«на Устюгъ, и городъ Гледенъ сожгли пустъ, а люди всѣ розбрелися на
«лѣсъ... Посылалъ (въ 1458 г.) Князь Великій рать свою на Вятку со
«Княземъ *Семеномъ*» (а по другимъ лѣтописямъ съ *Иваномъ*) «Ряполов-
«скимъ: онъ же, ничто же успѣвъ, возвратися, и стоялъ подъ городомъ
«подъ Хлыновымъ долго, а городъ не взялъ: зане же Григорей Перуш-
«ковъ у Вятчанъ посулы ималъ, а имъ норовилъ» (см. *Арханг. Лът.*).
Князь Великій (г. 1459) посылалъ рать на Вятку. Князя Ивана Юрье-

«вича, да Ивана Ивановича, да Князя Дмитрея Ряполовскаго со мно-«гою силою, да Устюжанъ: они же взяша Котельничь да Орловъ», и проч. Увидимъ послѣ, что Вятчане до временъ Іоанна Василіевича оставались народною Державою.

(368) Борисъ умеръ въ Февралѣ мѣсяцѣ. Между Новогородскими грамотами есть одна договорная съ симъ Княземъ о рубежѣ и судахъ (*Собр. Г. Г.* 23).

(369) Въ *Псков. Лѣт.*: «Того же лѣта (1456) пріѣха изъ Новагорода «во Псковъ Кн. Александръ Черторизскый, а по Псковскому челобитью, «Іуля 18» (вѣроятно, безъ дозволенія Великокняжескаго)... «Князь Черто-«ризьскый и Посадники и Псковичи ѣхавше (въ 1459 г. на землю и воду «Св. Троицы, на Озолицю и на Жолочко, и церковь поставиша Св. Ми-«хаила, и сѣно покосиша, и ловцемъ своимъ повелѣша рыбы ловити по «старинѣ, и Чюхновъ на Рожкинѣ повѣшали... Въ Вел. постъ (г. 1460) «Нѣмци изгонивше на Озолици церковь и 9 человѣкъ сожгли. Князь «Черторизьскый съ Псковичи ѣхавше въ насадахъ и въ лодьяхъ на «Озолицю, и въ Нѣмецкой земли много Чюди пожгоша. Нѣмци ѣхавше «въ шнекахъ въ Норову, и насаду Псковскую у ловцовъ съ пушками и «со всѣмъ запасомъ ратнымъ отняли, и 42 двора выжгли, а людей Богъ «ублюде. Пріѣха (въ 1461 г.) посолъ отъ Новагорода во Псковъ, Посад-«никъ Карпъ съ дружиною, по чолобитью Нѣмецкому, и по ихъ сроку. «и поѣхаша Князь и Бояри Псковскіи на Озолицю и на Жалачко, и «досмотрѣли того обидного мѣста, а поганіи Нѣмци не сташа на срокъ. «Тоя же зимы въ Рожественое говѣніе Кн. Александръ со Псковичами «воеваша Нѣмецкую землю на 70 верстъ, и 3 нощи въ землѣ ихъ бывше, «приведоша много полоненыхъ и скота, и божницу велику выжгли, и «крестъ съ божницы и 4 колокола сняли и Попа Нѣм. поимали... Того «же лѣта Генв. 20 (1461) пріѣха К. В. въ Новгородъ съ своими сынами, «съ Юрьемъ и Андреемъ, и Псковичи послаша къ нему Посадника Юрья «Тимоѳеевичь и Максима Ларивоновичь и съ ними Бояръ изо всѣхъ «Концовъ, и даша имъ на дарове Великому Князю 50 рублевъ, и биша «чоломъ Великому Князю о жалованіи и о печалованіи своея отчины, «мужей Псковичь, доброволныхъ людій, что есме пріобижени отъ по-«ганыхъ Нѣмець, и водою и землею и головами, и церкви Божіи пож-«жени отъ поганыхъ Нѣмець на миру и на крестномъ цѣлованіи; и по-«томъ биша челомъ Великому Князю о Князи Александри Васильевичь, «чтобы ему быти Намѣстникомъ, а во Псковѣ Княземъ; и Князь Ве-«ликій отвѣщалъ: я васъ, свою отчину, хощу жаловати, и боронити отъ «поганыхъ, якожь отци наши и дѣди наши; а что ми повѣстуете о Князи «о Александри Черторизскомъ, и о томъ васъ, свою отчину, жалую, аже «только поцѣлуетъ крестъ животворящій Князь Олександръ ко мнѣ къ «Великому Князю и къ моимъ дѣтемъ къ Великимъ Княземъ, что ему «зла на насъ не мыслити: ино буди вамъ Князь, а отъ мене Намѣстникъ. «И услышавъ Князь Олександръ отвѣтъ Князя Великаго, и не восхо-«тѣлъ цѣловати къ нему и къ его дѣтемъ, и поѣхалъ изо Пскова вонъ; «а Псковичи много ему били челомъ, чтобы онъ жилъ; и поѣхалъ въ «Литву, Мѣсяца Фев... и К. В. услышавъ, что Князя Александра во «Псковѣ нѣтъ, и послалъ сына своего, Князя Юрья, съ Бояры во Псковъ. «и посадники Псковскіи и Бояры срѣтоша его за рубежомъ на Дубровнѣ «съ великою честью, и пріѣхалъ во Псковъ въ Недѣлю Сыропустную «Фев. 24, а Игумены, и Священники, и Діаконы срѣтоша его со кресты «противъ старого Вознесенія, и вниде Князь Великый Юрьи Василевичь «въ домъ Св. Троицы, и все Священьство пѣвши ему много лѣтъ и по-«садиша его на столѣ отца его Великаго Князя. и знаменась его чест-

«нымъ крестомъ, а Посадникы Псковскыи пріяша его честно, и биша «челомъ, чтобы еси, господине, пожаловалъ, далъ бы еси намъ отъ Князя «Великаго и отъ себе Намѣстника во Псковъ Князя Ивана Васильевичь «Стригу, и Князь Юрій пожаловалъ свою отчину по повелѣнію отца своего «Князя Великого и брата своего Князя Великого Ивана Васильевича, «далъ имъ Князя Ивана Васильевича Стригу Княземъ во Псковъ, и «пріаша его Посадники и весь Псковъ съ великою честью Марта 23; и «даша ему всю Княжую пошлину, и цѣловалъ крестъ честный къ Пскову; «а К. В. Василей Васильевичь былъ въ Великомъ Новѣгородѣ 6 недѣль «безъ дни, и поѣхалъ на Москву Марта въ 1; и потомъ того же времени «пріѣхаша послове Нѣмецкіи во Псковъ отъ Князя Местера Ризского «бити челомъ Великому Князю Юрью Васильевичу за Юрьевцовъ о пе«ремиріи, и К. В. Юрьй пріялъ ихъ челобитье и далъ имъ срокъ о пе«ремиріи до Рождества Христова, а съѣзду быти на Успеніе; а на томъ «Нѣмецкіи послове руку даша и крестъ поцѣловаша; а былъ К. В. Юрьи «Васильевичь во Псковѣ 3 недѣли и 2 дни, а Посадники и весь Псковъ «чтиша его и даша ему 100 рублевъ, и поѣхалъ изо Пскова Марта 18, «и проводиша его честно изо Пскова, и за рубежъ. Въ лѣто 6969 пріѣхаша послы Нѣмецкіи, судья великій, отъ Арцибискупа Ризского и «отъ Пискупа Юрьевскаго и отъ всей Нѣмецкой земли, въ В. Новгородъ «ко Владыки Іонѣ и къ Посадникомъ, и ко всему Новугороду, бити че«ломъ послу Великого Князя и Новгородцомъ, таже и Псковскому по«слу Посаднику Зеновею Михайловичь о перемирьи, чтобы К. В. далъ «перемирья со Псковичи на 5 лѣтъ Нѣмцомъ, и Князя Великаго посолъ «и Новгородци испросившись со Пьсковичи и даша имъ перемирья на «5 лѣтъ, и цѣловаша на томъ Нѣмцы крестъ; а въ тую 5 лѣтъ ловити «на обидномъ мѣстѣ Псковичамъ къ своему берегу, а Нѣмцомъ къ своему «берегу; и пріѣхаша изъ Новагорода во Псковъ судья Нѣмецкый и та«коже цѣловаша крестъ во Псковѣ, а отъ Пскова Зеновій Михайловичь, «и судьи и Соцкій исписаша грамоты и запечатали. Того же лѣта по«слаша Псковичи послы своя съ Новгородцкымъ посломъ, Якова Кро«това и иныхъ Бояръ, въ Юрьевъ къ Пискупу Юрьевскому, и ко всѣмъ «Юрьевцомъ, и къ Арцибискупу Ризскому, рука имати, и Пискупъ даше «руку Новгородскому послу и Псковскому, а Ратманы поцѣловаша крестъ «по своей Вѣрѣ, что тая 5 лѣтъ держати крѣпко, и отдаваша Нѣмци «Псковскіа иконы, что на Жолочкѣ сожгли церковь храмъ Св. Ахистра«тига Михаила, и товаръ Псковскій отдаша, и всему исправу учиниша. «Того же лѣта поѣха изо Пскова К. Иванъ Стрига на Москву, а Пско«вичи послаша со К. Иваномъ Васильевичемъ къ Великому Князю По«садника Максима Ларивоновичь и иныхъ Бояръ, чтобы К. В. печало«вался своею отчиною мужей Псковичь, доброволныхъ людей, и послаша «дару Князю Великому 50 рублевъ. Того же лѣта пріѣхаша послы Нѣ«мецкыи отъ Арцибискупа Ризского, и отъ Пискупа Юрьевскаго и отъ «всей Нѣмецкой земли по своятство (собственность), и также поимаша «Нѣмци своятство своя, и полоняниковъ своихъ и все своя поимаша, и «всему исправу учиниша. Того же лѣта пріѣхаша послы Псковскіи отъ «Князя Великаго, Посадникъ Максимъ и Бояри вси здорови, а К. В. «свою отчину жалуетъ, урекается стояти и боронити, за домъ Св. Троици «и за мужей Псковичь. Того же лѣта прислалъ К. В. Намѣстника своего «въ Псковъ на Княженіе Князя Владимера Ондреевича, а не по Псков«скому прошенію, и Псковичи пріяша его съ честью, и посадиша его на «Княженіи».

(370) Въ 1455 году «тогда убитъ Князь Семенъ Бабичь, а не на «суймѣ» (не въ схваткѣ) «но притчею нѣкоею. Того же лѣта (1459) Та-

«тарове Седи-Ахматовы похвалився на Русь пошли... и побѣгоша; и тоя «ради похвалы Іона Митроп. поставилъ церковь камену Похвалу Бого- «родицы, придѣлалъ къ олтарю Соборныя Пречистыя, возлѣ южныхъ «дверей... Того же лѣта (1460) Царь Ахмутъ Большія Орды приходилъ «подъ Переславль Ряз. и стояль 6 день въ постъ Успенія». Въ *Архан. Лът.*: «Царь Ахметъ Кичимъ-Ахметовичъ... Казатъ Уланъ Рязанцамъ «норовилъ... и пойде прочь Царь, на Казата Уланъ-Мурзу нелюбье «держа».—Миръ съ Казан. Царемъ заключенъ въ 1461 году.

(371) Во многихъ лѣтописяхъ: «не даша ему воли». Василій началъ лечиться въ Пятницу на первой недѣлѣ Великаго поста, а скончался Марта 17, въ Субботу, въ третьемъ часу ночи, и погребенъ въ Воскресенье.

«Іюня въ 15 преставися В. К. Софія, и положена того же дни въ «монастыри въ Возънесеніи, идѣ же и свекры (свекровь) ея, Вел. Кня- «гиня Евдокія». (*) Духовная сей Княгини напечатана въ *Собр. Г. Г.* 191. Приводимъ нѣкоторыя мѣста; «Господинъ мой, сынъ мой, В. К. Вас. «Васильевичь... даю ему оть святости ящикъ съ мощьми, а въ немъ «крестъ... А сноху свою Вел. Княгиню Марію благословляю, даю ей свя- «тую икону оковану, на мусіи Святый... А внука своего, В. К. Ивана, «благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю съ пеле- «ною... А внука своего Князя Юрья благословляю, даю ему святую икону «пречистую Богородицю, большую икону стѣнную съ пеленою и съ «убрусцы... а то Олексино (село) дала есмь Княг. Ефросиньѣ... А внука «своего Князя Ондрея благословляю, даю ему икону Св. Безсребреникъ «Космы и Дамьяна... А внука своего Князя Бориса благословляю, даю «ему икону Св. Великомученика Ѳедора Стратилата, выбиту на серебрѣ... «которые святости, оприсно того, кого есмь чѣмъ благословила, честные «кресты и святые иконы, или мощи Святыхъ... въ большомъ дубовомъ «и въ меньшемъ ларчику, и въ ящику въ большемъ, и въ коробки: и «язъ всѣмъ тѣмъ благословила внука жь своего Князя Бориса. А что ся «останетъ у мене моее казны или какіе рухляди моее клѣтные, какіе ни «буди, и язъ то все даю внуку же своему Князю Юрью; да даю ему «дворъ свой Московской внутри города Орининской Семеновы жены Ва- «сильевича, и съ тѣми своими дворци съ подольными, что стоятъ подъ «моимъ дворомъ на томъ же Орининскомъ мѣстѣ; да и то мое мѣсто ту- «тожь на подолѣ ему же, гдѣ собѣ поставлялъ хоромы Степанъ Ободу- «ровъ; да что ми далъ сынъ мой К. В. мѣсто дворовое Фоминьское Ива- «новича, и язъ на томъ на Фоминьскомъ мѣстѣ поставила житничный «дворъ, да тогожъ Фоминьского мѣста промѣнила есмь была Ивану Стар- «кову на его куплю на Степановьскій дворъ Дмитріевича и его дѣтей, «Григоріемъ и Ѳеодоровъ, на подолѣ, и тотъ есмь была Степановьскій «дворъ взяла собѣ, а Ивану есмь была противу того дала того Фоминь- «ского мѣста, гдѣ собѣ Иванъ хоромы поставилъ: и то свое мѣсто по- «дольнее свою куплю, вѣдаетъ Иванъ, а въ то ся мѣсто въ Фоминьское «не вступаетъ, знаетъ свои хоромы; а язь то все Фоминьское мѣсто и «съ житничнымъ своимъ дворомъ дала внуку же своему Князю Юрью: «а за городомъ дала есмь ему Елизаровьскій дворъ и со всѣмъ, что къ «нему потягло, да Ивановьское мѣсто Конюшего; а на Великомъ посадѣ «Моравьевскій дворъ и съ садомъ, то все ему жь... Да даю тѣ свои села «къ тѣмъ Божьимъ церьквамъ со всѣмъ съ своимъ, да съ половиною «издѣльного серебра, что на людехъ, а половину издѣльнаго серебра ве- «лѣла есмь Христіаномъ серебреникомъ отдавати, оприсно и страдникомъ;

(*) „Соф. (т. е. Софійск. временникъ) 63ч". Отмѣтка Историографа на собств. его экземплярѣ И. Г. Р.).

«страдники пойдутъ на слободу... А о всемъ положила есмь на своемъ «Господинѣ, на своемъ сыну на В. Князѣ о томъ серебрѣ: кто будетъ «отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины того изъ долгу серебра «заплатити не взможетъ, и сынъ мой В. К. тому велитъ отдати за мою «душу все издѣльное серебро; а который будетъ издѣльный серебреникъ «изможенъ въ животѣ, и на томъ сынъ мой В. К. велитъ все взяти.... «А что будетъ въ моихъ селѣхъ хлѣба стоячего на полѣ, ржи и ярм, «оприсно сѣменъ ярныхъ, и сынъ мой В. К. тотъ хлѣбъ стоячій весь «велитъ попродати, да серебро роздастъ по моей душѣ. А у сее моее ду«ховныи грамоты были Священници, Спасьскій Архимандритъ Трифонъ, «Симоновьскій Архимандритъ Геронтій, отецъ мой духовныи Архи«мандритъ Ѳеодосій; а писалъ Митрополитъ Дьякъ Ярлыкъ».—Къ сей грамотѣ, въ которой по краямъ многихъ словъ не достаетъ, привѣшены двѣ восковыя печати, изъ конхъ одна Митрополичья, а другая Великія Княгини.

За 16 лѣтъ до кончины Софіинои преставилась вдовствующая супруга Князя Владиміра Андрееевича, оплакавъ смерть всѣхъ сыновей своихъ. Она говоритъ въ завѣщаніи (см. *Собр. Г. Г.* 189): «Се язъ раба «Божья инока Евпраксья пишу сію грамоту духовную своимъ цѣлымъ «умомъ, во своемъ смыслѣ, при своемъ животѣ: бью челомъ своему Го«сподину Великому Князю и своей Госпожѣ Вел. Княгинѣ Софьѣ, и при«казываю свои снохи по грамотѣ своего Господина Княжѣ Володимеровѣ «Ондреевича, чтобы Господинъ мой К. В. пожаловалъ печаловался моими «снохами, чтобы были не обидны. А благословляю своего Господина Вел. «Князя по своемъ животѣ селомъ Коломенскимъ съ деревнями; а внука «своего благословляю К. Василья Ярославича селы... А сноху свою Кня«гиню Семенову Василису благословляю по грамотѣ Князя своего, Воло«димеровѣ Ондреевича, что былъ тѣмъ благословилъ по своемъ животѣ «сына Князя Семена... А сноху свою Княгиню Васильеву Ульяну бла«гословляю селы... А внуку свою благословляю Княгиню Марью Иванову «селомъ... да въ городѣ мѣстомъ подъ дворомъ подъ старымъ на Подолѣ, «гдѣ были Владычни хоромы, до ее живота, а по животѣ внуку моему «Князю Василью... А благословляю свои снохи и своего внука К. Ва«силья Ярославича монастыремъ Рожествомъ Св. Богородицы; а дала «есьми тому монастырю, гдѣ ми самой лечи, село съ деревнями... А что «мой долгъ, что есьми займовала, а платила за своего внука отчину за «Князя за Василья 300 рублевъ безъ 20, а за Лужу 500 рублевъ, и Оспо«динъ мой К. В. вотчину мою Лужу взялъ, а далъ внуку моему, а долгъ «мой ялся заплатити, и внукъ мой Князь Василей свой долгъ 300 руб«левъ заплатилъ безъ 20, а Лужевского заплатилъ сто рублевъ, а за нимъ «ся остало четыре ста рублевъ; и Осподинъ мой К. В. Вас. Васильевичь «пожаловалъ бы взялъ то серебро на моемъ внукѣ на Князѣ на Василѣ, «да далъ бы то серебро снохамъ моимъ, и снохи мои должникомъ запла«тятъ, а съ моее души сведутъ, чтобы на меня должники мои не пла«кали, ни мои снохи. А приказываю внуку своему К. Василью Ярослава«вичу, чтобы есть правилъ по душѣ дѣда своего, а моего Господина, «Княжѣ Володимеровѣ Ондреевича, и по мнѣ и моихъ дѣтехъ; а снохамъ «своимъ приказываю свою душу поминати и по своемъ Князѣ, и по моей, «и по моихъ дѣтехъ, правити по силѣ. А у грамоты сидѣлъ отецъ мой «Архимандритъ Ѳефанъ духовный».

(372) *Собр. Г. Г.* 202: «А сына своего старѣйшего Ивана благо«словляю своею отчиною Великимъ Княженьемъ, и даю ему треть въ «Москвѣ и съ путьми съ моими жеребьи... *Володимеромъ*... *Переяслав«лемъ*... *Костромa*... *Галичь* съ путьми и съ солью... *Устюгъ*... землю *Вят-*

«скую, *Суздаль*... *Новгородъ Нижній*... *Муромъ*... *Боровескъ*... и *Суходолъ*... «да *Калугу* и съ *Олексинымъ*... А сына своего Юрья благословляю третью «въ Москвѣ Княжею Володимеровскою, съ сыномъ своимъ съ Ондреемъ «по половинамъ, а держать по годамъ; да Юрью же сыну придаю годъ «въ Москвѣ Княжь Костянтиновской Дмитреевича... *Дмитровъ*... *Мо*«*жаескъ* и съ Медынью... да *Серпуховъ*, да *Хотунь*... А сына своего Он«дрея благословляю, даю ему *Углече* и съ *Устюжною*, и съ *Рожаловымъ*, «и съ *Велетовымъ*, и съ *Кистмою*, и со всѣми тѣми, какъ было за Кня«земъ за Дмитреемъ за Шемякою... *Бѣжицкій Верьхъ*... а у Москвы село «*Сущевское*, и съ дворы съ городскими, а чѣмъ его благословила баба «его, Вытелѣсомъ, ино то его и есть. А сына своего Бориса благослов«ляю въ Москвѣ годомъ Княжимъ Ивановымъ Можайского, да въ городѣ «на посадѣ дворы около Св. Егорья каменные церкви, Марьинскіе Ѳедо«ровы; да даю ему *Ржеву*... *Волокъ*... *Рузу*... да лугъ на рѣцѣ Москвѣ «*подъ Крутицею*... да что ему дала Марья и дворъ свой внутри города «на Москвѣ, ино то его и есть. А сына своего Ондрея меньшого благо«словляю въ Москвѣ садомъ Княжимъ Петровымъ Дмитреевича; да у «Москвы село Танинское, да Ясеневское... даю ему *Вологду* и съ *Кубе*«*ною* и съ *Заозерьемъ*... А Княгинѣ своей даю *Ростовъ*... до ее живота; а «Князя Ростовскіе что вѣдали при мнѣ, ино по тому держать и при «моей Княгинѣ, а Княгиня моя у нихъ въ то не вступается. А возметъ «Богъ мою Княгиню, и Княгиня моя дастъ Ростовъ моему сыну Юрью, «а онъ держитъ по тому же, какъ держала его мати... А что ее купля «городокъ Романовъ, Княжо Михайлово Дѣева, и Княжыхъ Львовыхъ «дѣтей, и Княже Давыдово Засѣкина и усть Шокстны, что собѣ купила «у Князя у Семена и у Князя у Василья у Шохонскихъ: ино то ее и «есть... Да даю своей Княгинѣ Нерехту *съ варницами*, Напрудское (село) «у города, и съ дворы съ городскими, да мельницу Ходынскую съ лу«гомъ съ Ходынскимъ... А что ее купля, въ томъ вольна моя Княгини: «опослѣ своего живота которому своему сыну всхочетъ дати, ино тому «дастъ. А что моя тамга Московская, и язъ даю своему сыну Ивану «треть тамги, и со всѣми пошлинами; а другую треть Княжу Володиме«рову сыну моему Юрью, да Ондрею большому по-половинамъ; а третью «треть сыну своему Борису, да Ондрею меньшому по-половинамъ; а изъ «тѣхъ изо всѣхъ трехъ третей далъ есмь своей Княгинѣ половину тамги «и всѣхъ пошлинъ до ее живота; а по ее животѣ, ино отдасть имъ ихъ «жеребьи по сей духовной грамотѣ, какъ имъ написано. Да даю своей «Княгинѣ изъ Новагорода изъ Нижняго половину пошлинъ своихъ всѣхъ, «какъ было за моею матерью за Великою Княгинею... А какъ почнутъ «дѣти мои жити по своимъ удѣломъ, и моя Княгини, и мой сынъ Иванъ, «и мой сынъ Юрьи, и мои дѣти пошлютъ писцевъ, да удѣлы свои писцы «ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ «по сохамъ и по людемъ, да по тому окладу моя Княгини и мои дѣти «и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану съ своихъ удѣловъ. А «перемѣнитъ Богъ Орду, и моя Княгини и мои дѣти возмутъ дань собѣ «съ своихъ удѣловъ... А гдѣ есмь ни подавалъ своей Княгинѣ волости, «и тѣ волости и села *даню и судомъ* потянутъ къ моей Княгинѣ; а Во«лостелей своихъ и Посельскихъ, и Тіуновъ, и Ключниковъ, и Доводщи«ковъ, судитъ моя Княгини... *А кому буду давалъ своимъ Княземъ и Бо*«*ромъ и Дѣтемъ Боярскимъ свои села въ жалованье*, или хотя и въ куплю, «ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ; во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и «есть. А по грѣхомъ у которого у моего сына вотчины отоймутся, и Кня«гини моя уйметъ у своихъ сыновъ изъ ихъ удѣловъ, да тому вотчину «исполнитъ; а дѣти мои изъ ее воли не вымутся. А сына своего Ивана

«благословляю крестъ Петровъ Чудотворцовъ, да крестъ золотъ Парам-«шинской, да шапка, да бармы, да сердоличная коробка, да поясъ золотъ «большой съ каменьемъ; а сына своего Юрья благословляю икона Фило-«еевская, да крестъ золотъ, что мя благословила моя мати Великая «Княгини, да поясъ золотъ на червчатѣ ремени. А сына своего Ондрея «большого крестъ золотъ Княжь Дмитреевской меньшего съ чепочкою; а «сына своего Бориса благословляю крестъ золотъ, что мя благословила «моя мати, коли есмь шолъ къ своей отчинѣ къ В. Новугороду; а сына «своего Ондрея меньшого благословляю икона золота на изумрудѣ. А «приказываю свою Княгиню и своего сына Ивана и Юрьи, и свои меньшіе дѣти, брату своему Королю Польскому и Великому Князю Литов-«скому Казимиру, по докончальной нашей грамотѣ, на Бозѣ и на семъ «на моемъ братѣ... а дѣти свои приказалъ есмь своей Княгинѣ... а кото-«рый сынъ мой не иметъ слушати своее матери, на томъ не буди моего «благословенья. А вы, дѣти мои, чтите и слушайте своего брата ста-«рѣйшего Ивана въ мое мѣсто своего отца; а сынъ мой Иванъ держитъ «своего брата Юрья, и свою братью меньшую, въ братствѣ безъ обиды. «А хто моихъ Бояръ иметъ служити моей Княгинѣ, а живутъ въ удѣ-«лѣхъ дѣтей моихъ, и тѣхъ Бояръ дѣти мои блюдутъ съ одиного. А хто «будетъ моихъ Казначеевъ, или хто моихъ Дьяковъ прибытокъ мой отъ «мене вѣдали, или Посельскихъ, или Тіуновъ, или хто женился у тѣхъ, «ино тѣ всѣ не надобны моей Княгинѣ и моимъ дѣтемъ; а хто сю мою «грамоту переступитъ, ино по Евангельскому словеси: хто преслушается «отца и матери, и заповѣди ихъ не хранитъ, смертью да умретъ. А у «духовные сидѣлъ отецъ мой духовный Архимандритъ Спасьскій Три-«фонъ, да Симоновскій Архимандритъ Афонасій; да мои Бояре Князь «Иванъ Юрьевичь, да Иванъ Ивановичь, да Василей Ивановичь, да Ѳе-«доръ Васильевичь. А грамоту сю писалъ Дьякъ мой *Василей Ѣда*».— На подлинной подписано такъ: «смиренный Ѳеодосій *Архіепископъ всея «Русіи*». — Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ печати, изъ коихъ одна Великаго Князя, а другая Митрополичья.

Василій написалъ и другое завѣщаніе (стр. 207), также подписанное Митрополитомъ Ѳеодосіемъ; оно служитъ единственно прибавленіемъ къ первому.

Въ лѣтописи объ Іонѣ: «Марта въ 31, во вторый часъ дни, во Втор-«никъ Страстныя недѣли (въ 1461 году) преставился Іона Митрополитъ «и положенъ бысть въ церкви Успенія за лѣвымъ крылосомъ противъ «Митрополитовъ Кипріяна и Фотія: Князю жь Великому сущу тогда въ «Володимерѣ; заратилъ бо ся съ Царемъ Казанскимъ» (см. выше)... Тоя-«же весны поставленъ на Митрополію Архіепископъ Ростовскій Ѳеодо-«сій Владыками Рускими, нашея земли Московскія, Суздалскимъ Фили-«помъ, Рязанскимъ Евфросимомъ, Коломенскимъ Геронтіемъ, Саръскимъ «Васіяномъ; а Новогородцкой Архіепископъ Іона и Тферскій Владыка «прислаша послы съ грамотами своими, глаголюще тако: кого восхощетъ «Господь Богъ и Пречистая Мати Его и великіи Чудотворцы, и Госпо-«динъ нашъ Князь Великій, и братія наша Епископи Рустіи и иже съ «ними освященный Соборъ, то и нашъ Митрополитъ; и подписашася вси «за единъ».—О чудесахъ Св. Іоны Митрополита см. въ *Степен. Кн.* II.

(373) Герберштеинъ въ *Rer. Moscov.*: Post. Wolodimerum Monomach usque ad hunc Basilium Russia carebat Monarchis.

(374) Ослѣплены Василій Косой и самъ Великій Князь; отравлены Шемяка и Князь Литовскій Михаилъ, племянникъ Витовтовъ (см. выше). Вспомнимъ также, что Косой, братъ Шемякинъ, отсѣкъ руку и ногу Князю Переславскому Роману. — Чернь злодѣйствовала въ Новѣгородѣ

въ 1442 году; плѣнниковъ терзали въ Опочкѣ, въ 1426 году, какъ мы описали. Въ лѣтописи: «Тое жь весны (въ 1444 году) Князь Иванъ «Андреевичь Можайскій поималъ Андрея Дмитреевича и жену его и сжегъ «на Мироносицы въ Можайскѣ... Тогда жь» (1442 году) «Колударова и «Режскаго кнутомъ били;» также и Дворянъ Василія Боровскаго въ 1462 году.

(375) «Въ городѣ въ Троцѣхъ езеро Жидовское 3 дни стояло кро- «ваво» (въ 1430 году)... «Въ Смоленцѣ явился волкъ голъ, безъ шерсти, «и много людей ѣлъ» (въ 1430 году). Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* л. 152: «Тоя же зимы, Генв. въ 3, бысть облакъ тученосенъ съ дождемъ, и паде «съ облакы пшеница и рожь и жито, на поли и на лѣсѣ, отъ града 5 «верстъ вдалѣ, отъ Волховца и Мьстѣ рѣкѣ на 15 врьстъ; людье збравше, «елико кто избобрѣте, и принесоша въ градъ; людье же стекошась видѣти «сіе преславное чудо, откуду и како бысть».

(376) Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* № 349, л. 152: «Того же лѣта «(1446) начаша Новгородци денги хулити сребреныя, и вси люди, другъ «на друга смотря; и бысть межю ими голка и мятежъ и нелюбье; и По- «садникъ и Тысяцкой и весь Новгородъ уставиша 5 человѣкъ денежни- «ковъ, и начаша въ старыхъ денгахъ новіи ковати, въ ту же мѣру, на «четыре почкѣ таковы же, а отъ дѣла отъ гривнѣ по полуденгѣ, и бысть «Христіаномъ убытокъ великъ, и по волостемъ: да и сіе незабвенно бу- «деть въ послѣднихъ родѣхъ .. Того же лѣта охулиша Новгородци старыя «рубли, и бысть денежникомъ прибытокъ, а рубли передѣлаша на денги. «а у денежниковъ посулы поимаша». Въ Синод. *Новогор. Лѣт.* № 347 г. 1447: «Вывѣде Сѣкира Посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора «Жеребца, и напоивъ его нача сочити, на кого еси лилъ рубли? Онъ же «оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчамъ иныхъ съ мосту сметаша, иныхъ «домы разграбиша, и изъ церквей вывозиша животы ихъ; а преже того «по церквамъ не искивали. И еще того же Ѳеодора начаша безправдіи «Бояре наущати говорить на многыхъ людей, претяще ему смертію. Онъ «же протрезвився рече: на всихъ есмь лилъ и вѣсилъ съ своею братьею «ливци. Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи, а *голодники* и ябедники ра- «довахуся; только бы на кого выговорилъ. И того самого смерти преда «(Посадникъ), а животъ его въ церкви раздѣли и разграби. И бысть въ «градѣ мятежъ великъ; и оттолѣ и самъ Сѣкира разболѣся и умре».

(377) См. *Арханг. Лѣт.* г. 6963.

(378) См. *Лѣт. Соловецк. Монастыря.* Зосима пришелъ въ Соловки въ 1438 году съ Аввою Германомъ. Іона былъ Архіепископомъ Новогород. отъ 1458 до 1471 года. Первымъ Игуменомъ Соловецкимъ именуется Павелъ, вторымъ Ѳеодосій, третьимъ Іона, четвертымъ Зосима (съ 1452 года).

(379) Memor. popul. III, 531. О Торкахъ Россійскихъ мы часто упоминали въ Исторіи отъ X до XIII вѣка.

(380) См. Исторію Палеологовъ, описанную Дукою, Франзову Hist. Byzant., напечатанную въ Венеціи въ 1733 году, и Кантемирову Оттоманской Имперіи.

(381) *Никон. Лѣт.* г. 1453, стр. 266: «Вельможи Костянтиновы на- «богатѣли отъ нечистаго своего собранія, отъ слезъ и отъ крови Хри- «стіанскія». Стр. 268: «какъ конь подъ Царемъ безъ узды, такъ Царство «безъ грозы».—Стр. 273: «Цвѣтно было видѣти Вельможъ его (Константи- «новыхъ) полки, да противъ недруга крѣпкаго бою не держалися». Стр. 272: «У него же у Турскаго Царя противъ недруга ставится игрою «играти». Стр. 277: «Иного Христіанскаго Царства вольнаго» (кромѣ Русскаго) «и Закону Греческаго нѣтъ». Стр. 261: «Но убо да разумѣеши, «аще же преждереченная Меѳодіемъ Патрьскимъ и Львомъ Премудрымъ «и знаменія о градѣ семъ совершися, то и послѣдняя не прейдуть, но

«также совершитися имутъ: пишетъ бо: *Рускій* же родъ съ преждесоз-«данными всего Измаила побѣдятъ и Седмохолмаго пріимутъ, и въ немъ «воцарятся». Но Меѳодій въ своемъ сказаніи *о послѣднихъ вѣкахъ и народахъ* не говоритъ о Русскихъ: развѣ Левъ Премудрый въ какомъ нибудь сочиненіи, намъ неизвѣстномъ, упомянулъ о семъ пророчествѣ?

(382) Райнальд. Annal. Eccl. T. XVIII, г. 1453, № 5. Cie громозвучное посланіе начинается такъ: Audite haec, audite omnes gentes; auribus percipite qui habitatis orbem... universi quoque Reges et Principes Christocolae ac universus Domini populus cum religiosis cunctis audite. Описавъ взятіе Константинополя, Исидоръ прибавляетъ: Eorum actus et opera propriis oculis vidi, et una cum aliquibus Constant. viris, plura perpessus sum mala et pericula, licet de manibus eorum me eripuerit Deus, ut Jonam de ventre ceti. Въ заключеніи: Licet enim in multitudine confidat (т. е. Магометъ) et feritate suorum, plures tamen sunt, qui nobiscum sunt, immo Dominus ipse omnium militiarum, pro cujus fide et religione pugnatis, ita quod centum ex vobis persequi et superare valeant mille ex illis, et mille ex vobis decem millia. и проч.—О погребеніи Исидора см. Флери Hist. Eccl. XV, 593. По кончинѣ Исидора былъ названъ Латинскимъ Патріархомъ Царяграда Кардиналъ Виссаріонъ.

(383) См. Лызлова *Скиѳ. Ист.* I, 66, гдѣ разсказывается сказка о стрѣлахъ, которая гораздо древнѣе Эдигеевыхъ временъ.

(384) См. Нарушев. *Таврикію*, стр. 119 и 128 — Дегина кн. XVIII, 375—Абульгази Hist. des Tat. 467 — Лызлова II, 2. Такъ называемый *Михаилъ Литовецъ* (Michal. Litv. de moribus Tartarorum) жившій въ XVI вѣкѣ, именно пишетъ: Aczkirei apud Troki natus, et hinc a divo Withowdo ad Imperium illud missus.

(385) По извѣстію Михаила Литовца (см. Нарушев. *Таврикію*, стр. 128).

(386) Нарушевичъ. Папа въ 1465 году присылалъ Антіохійскаго Патріарха Людовика уговариватьАзи-Гирея, чтобы онъ объявилъ войну Туркамъ; а сей Ханъ отвѣтствовалъ ему, что онъ готовъ во всемъ слушаться Короля Польскаго (см. Кромера de Reb. Polon. стр. 382). — Кромеръ (стр. 339) пишетъ, что Седи-Ахметъ, около 1452 года прибѣжавъ въ Литву съ девятью сыновьями и съ Вельможами, хотѣлъ уйти оттуда въ Кіевъ, но взятый подъ стражу, умеръ въ Ковнѣ.

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ СЕГО КНЯЖЕНІЯ:

Въ 1425 году «въ Новѣгородѣ погорѣ Торговая сторона и Людинъ «Конецъ: преставись нареченный Владыка (Новогородскій) Ѳеодосій, Игу-«менъ Троицы, его же были избрали по жребію и паки не восхотѣша... «Съ Ильина дни до Крещенія бысть моръ во Псковѣ и по всей волости «желѣзою; а К. Ѳедоръ Патрикіевичь, того мору убоявся, поѣха со всею «челядью на Москву Авг. въ 22, а былъ во Псковѣ годъ и 2 мѣс.; и «тамо смерти не избѣже: умре на Москвѣ. За Старымъ Коложемъ, на «Каменнѣ озерѣ (въ Псков. области) у Васля у двора, отъ иконы Св. «Богоматери, изъ праваго ока, идяше кровь Сент. въ 16 день, проявляя «нахожденіе Витовта. Сентября въ 23 колоколы повѣшаху Псковичи на «персехъ ко Св. Троицѣ на новой колокольницѣ, на новой стѣнѣ».

Въ 1446 году. Сент. въ 5 день около солнца 6 явися круговъ, а «кругъ за кругъ связался, и различны бѣаху цвѣтами, овъ черменъ, овъ «зеленъ, а иный желтъ. Преста моръ въ Новѣгородѣ. За Волокомъ бысть «гладъ: купиша кадь верши (ржи) по 40 бѣлъ. Весною бысть пожаръ на «Псковѣ на Запсковьи мѣсяца Мая; погорѣло 40 дворовъ; а потомъ на «посадѣ за рвомъ, въ Трупеховѣ улицѣ, Іюня въ 5».

Въ 1427 г. «умножи Богъ всякого обилья хлѣба во Псковѣ, по 7 зобницъ ржи на полтыну, а говядь 3 яловичи на полтыну. Апрѣля 9 преставися Посадникъ Псковскый Микула Павловичь. Съвръшена церк. кам. Спасъ Владыкою Евфиміемъ (въ Новѣгородѣ), и устроена бысть дивно иконами и книгами, и свинцомъ покры. Іюня въ 9 преставись Св. Игуменъ Кирилъ Бѣлоозерскій и положенъ въ своемъ монастыри. Нѣмци убиша 6 Опочанъ бортниковъ на нашей земли, и посѣкше и пожгоша въ нихъ мѣстѣхъ, а все на миру. Псковичи, ѣхавше въ 2 насадѣхъ. пожгоша сѣно у Нѣмцевъ, и Чюди 7 человѣкъ повѣсиша у Выбодска. Псковичи послаша къ В. Князю Посадника Ѳеодора Шибалкиничь, и испросиша собѣ Князя Александра Ѳеодоровичь Ростовского; онъ же присла прежъ себе сына своего, Дмитрія. Дмитрій же пребысть во Псковѣ и до полузимѣ, и не дождавъ отца отъѣха на Москву». Въ 1428 году «преставися Посадникъ Псковскый Ѳеодоръ Шибалкиничь Генв. въ 10 день. Февр. въ 29 Котелно городъ выгорѣлъ весь, а загорѣлося отъ церкви Св. Николы. Преставись Игуменъ Никонъ, чудный старецъ. Псковичи подтвердиша миръ съ Местеромъ и съ Юрьевци, а безъ Новагорода».

Въ 1429 году «преставись (въ Новѣгородѣ) Владыка Евфимій Ноября въ 1, а былъ Владыкою 5 лѣтъ и 5 недѣль, а Черньцемъ на сѣнехъ годъ и двѣ недѣли. Того жь мѣсяца въ 13 възведенъ бысть по жребію Священноиноко Евфимій съ Лисичей горки на сѣни. Падеся (въ Новѣгородѣ) церковь Св. Отець на Княжи дворѣ. Псковичи послаша Микифора Совкина, Карпа Зобанова и Аѳанасья Терентѣевичь къ Князю Вел.... и испросиша собѣ К. Александра Ѳедоровичь и пріѣха во Псковъ съ сыномъ Дмитріемъ Февр. въ 20, уже въ третіе; а тогда бяше ржи на полтыну 9 зобниць. Князь Псковскый Александръ и Посадникъ Селивестръ заложища новый городъ на новомъ мѣстѣ на рѣкѣ надъ Ругодивомъ, и начаша дѣлати на Воздвиженіе и до зимы здѣлаша. Псковичи на торгѣ и на Черехѣ намостиша мостъ новый. Сент. въ 15 бысть буря во Псковѣ по 3 дни».

Въ 1430 году «поставиша (въ Новѣгородѣ) церковь кам. Св. Отець вмѣсто падшей. Новогородци приставили къ Порхову другую стѣну. Пригонъ былъ Христіаномъ къ Новугороду городъ ставити, а покручали (наряжати) отъ четырехъ пятаго. Той же осени вода бысть мала, и земля и лѣсы горяху, и дымъ многъ, и съ того дыму мряху рыбы и птицы, а рыбы дымомъ воняша и по два года. Тогда Псковичемъ съ Новогородци не бяше миру, ни рати. К. Александръ Ѳедоровичь и Юрьи Посадникъ Тимоѳеевичь и вси Посадники Псковскые заложили городъ новый, Выборъ тако нарицаемый, въ Котеленскомъ обрубѣ, а заложиша стѣну на Воздвиженье».

Въ 1431 году «на весну Князь Псковскый Александръ Ростовскый и Посадникъ Якимъ Павловичь и Ѳеодосій Ѳеофиловичь и Стефанъ наяша 300 человѣкъ, и заложиша городъ на берегѣ, на рѣкѣ на Гдовѣ, на пятой недѣли по Великѣ дни, а на Гдовскыхъ земцахъ, у кого тамо отчина, взяша 300 рублей въ камену стѣну; а одиного лѣта доспѣша съ приступа; а по инымъ сторонамъ и деревяну стѣну окончаша Ноября въ 1. Іюля въ 24, въ 5 часъ нощи, бысть знаменіе въ лунѣ въ полнощи. Послаша Псковичи въ Новгородъ Ивана Посадника Сидоровичь и Селивестра Посадникъ и Бояръ, и биша чоломъ Владыцѣ Евфимію и всему Новугороду о миру; они же миру не даша, а рати не учиниша. Того жь лѣта знаменіе на небеси, три столпы огненны, и засуха была земля и болота горѣли, и мгла 6 недѣлъ; солнца люди не видали, рыбы съ дыму мерли: а что скотъ и птица, все дымомъ слышати».

Въ 1432 году «бысть знаменіе въ лунѣ, Генв. 5, въ 7 часъ нощи, «и Генв. въ 17. Здѣлаша Псковичи прясло стѣны отъ Великіе рѣки у Сысоевыхъ воротъ; а того же лѣта ѣхаша на съѣздъ на Полочьскый «рубежъ, и не учиниша ничто же. Мая въ 3 бысть (во Псковѣ) туча грозна... а на Снетной горѣ въ монастыри пояху старци вечернюю, и «церковь исполнися пламени, а Черньци падоша отъ страха, а иконы «позлащенныя вси потемнѣша. Послаша Псковичи къ Новугороду 3 По«садника, Юрья и Селивестра и Якима, о миру, и Новгородци миру не «даша, а рати не учиниша. Владыка (Новогородскій) Евфимій постави «церковь древяну Св. Апостолъ конець Чюдинцевѣ улици. Той осени «пріѣха въ Новгородъ К. Юрьи Семеновичь съ своею Княгинею изъ Ли«товской земли; той же осени погорѣ околотокъ весь и Владычнь дворъ «(и на Св. Софіи кровля погорѣ, а болшій верхъ позлащеный ублюде Богъ); заложиша церк. кам. Св. Юрія на Борковѣ улицѣ. Княземь Литовскымъ бысть (Дек. 8) брань велія между собою, Князю Жидимонту «съ Кніземъ Свитригайломъ, о Великомъ Княженіи... и одолѣ Жидимонтъ, а Свитригайло побѣже къ Полотску». — Въ 1433 году «Генв. 6 бысть знаменіе въ лунѣ, въ 7 часъ нощи, а мѣс. Іуня въ 14 отъ грому много людей поби (въ Псковѣ) и за рѣкою противу Снетной горѣ дворъ сожже, а другій противъ Старого Вознесенія. Іюня въ 17 бысть знаменіе въ солнцѣ, а 29 въ лунѣ; тогда Нѣмецкый городъ Колывань вы«горѣ весь отъ молніа. Іюля въ 3, въ Пятокъ, отъ молніа загорѣся два костра, единъ кутнѣй въ Кромы, а другой на персехъ отъ Великой рѣки, «а въ церкви у Св. Троицы Попа ожже въ обѣдню... а за рѣкою въ монастыри Св. Іоанна наполнися церковь пламени, и на иконахъ потем«нѣло злато, и Попове со кресты по граду ходяще... Петровскіи сусѣди (во Псковѣ) разбиша костеръ старый у Св. Петра и Павла, и въ томъ камени създаша церковь Св. Бориса и Глѣба, и начаша разбивати всю стѣну старую къ Великой рѣкѣ. Бысть побоище межю Кн. Жидимун«томъ и Свитригайломъ... и не учиниша ничто же. Въ веснѣ загорѣся (въ Новѣгородѣ) на Яневѣ улици, и погорѣ Загородскый Конець и Людинъ до Лукины улицы; свершиша Борковци церк. кам. Св. Георгія; «нареченный Владыка Евфимій постави въ дворѣ у себе полату камену, а дверей у нее 30, а Мастеры дѣлали Нѣмецкіи изъ заморья съ Новогородскыми мастеры».

Въ 1434 году «Псковичи послаша къ Новугороду Ивана Посадника Сидоровичь, и Якима Посадника Павловичь, и Бояръ, и много бивше «чоломъ, а миру не взяша. Тоя же зимы К. Александръ поѣха изъ «Пскова со всею челядью своею на Москву Февр. 28, а былъ въ «Псковѣ трижды, всего 12 годовъ, а въ тотъ же день пріѣха изъ Литвы «во Псковъ зять его, Князь Володимеръ Данильевичь, а былъ въ Литвѣ «10 лѣтъ, и Псковичи пріяша его честно. Того жь лѣта бысть хлѣбъ «дорогъ вельми въ Нѣмецкой земли, а во Псковѣ ржи на полтыну 13 зобницы» (въ другомъ спискѣ: *по девяти денегъ зобница ржи*). «Свершиша «церк. кам. Спасъ Милостивый на торгу (во Псковѣ) Іюля въ 23. Псковичи послаша къ Новугороду Селивестра Посадника и Стефана Родивоновичь и Бояръ, и взяша миръ; а отъ Новагорода цѣловалъ крестъ «Самсонъ Посадникъ Ивановичь, а Тысяцкой Ѳедоръ Елисеевичь, Іюля «въ 22, и Псковичи цѣловаша крестъ предъ послы Новогородскими. Той же веснѣ подписана полата во Владычни дворѣ (въ Новѣгородѣ). Пріѣха въ Новгородъ Владыка Евфимій, поставленъ Митрополитомъ Гераcимомъ Смоленьскымъ Маія въ 26. Поставиша церк. кам. въ Околоткѣ Іоанна Златоуст. на старой основѣ Посадникъ Григорій Кириловичь и Есифъ Андріяновичь (въ Новѣгородѣ), Горошковъ внукъ».

Въ 1435 году «пріѣха во Псковъ Архіепископъ Новог. Евфимій «Генв. въ 13, а не въ свое лѣто реченое, и хотѣ своего Новгородца «Намѣстьника и Печатника посадити, а не якоже первіи Владыки уста- «виша, и Псковичи не даша ему тоя воли; онъ разгнѣвався поѣха изо «Пскова, и К. Володимеръ и Посадникъ Селивестръ и Ѳедосъ возвра- «тиша его изъ Невадичей и даша ему судъ и на Попѣхъ подъѣздъ, и «Посадники ему повелѣша сборовати въ Св. Троици; онъ же не хотѣ «сборовати до Митрополита, и разгнѣвався и поѣха изо Пскова Генв. «въ 30». (Въ другомъ спискѣ: «и учалъ Намѣстникъ его судити не по «Псковской пошлинѣ, учалъ посужати рукописанья и рядници, и учали «Діаконовъ сажати въ гридницу; а Псковичи за оброкъ не стояли, но «по Діяволю наученью сталъ бой Псковичамъ съ Софеяны, и Владыка «разгнѣвался»). Того же лѣта въ Петрово говѣніе морозъ побилъ рожь «(въ Псковской области). Князь Свитригайло, собравъ Смольняны и Видь- «бляны, и Кіаны, и Полочаны, и Князя Местера Ризьского съ силами «и заморцовъ, пойде на Жидимонта, а онъ съ Литвою и съ Ляхи, и «съступишась въ Жомоитьской земли Сент. въ 1, и одолѣ Жидимонтъ, «и Местера Рижского убиша: а Свитригайло прибѣже въ Полотьско съ «30 мужь. Наяли Псковичи наймитовъ на новый мостъ на Псковѣ рѣкѣ, «а запасъ дѣлки наймитовъ, а *римины*» (перила: см. Т. IX, примѣч. 95, годъ 1564) «и городни и дубья Псковская, а даваху имъ найма 70 руб- «левъ, а наймитовъ было 40 человѣкъ».

Въ 1436 году: «тоя же зимы пріѣха въ Псковъ К. Борисъ Василье- «вичь, и Псковичи пріяша его, чаяхуть его пріѣхавша отъ В. Князя «Намѣстникомъ, и послаша къ В. Князю Ивана Ларіонова и Тимоѳея «Пошкина, и съ ними К. Володимера... и дасть имъ отъ себе Намѣстни- «комъ К. Володимера Данильевичь, а К. Бориса выпроводиша изо Пскова, «а онъ пролгался. Тоя же зимы Новгородци воеваша Луки Великіи и «Ржову (Новоржевъ), и они не хотѣша дани давати». *Новг. Лѣт.* въ 1435 году сказываетъ о томъ слѣдующее: «Посадники Новогородскіи, «Иванъ Васильевичь да Григорей Кириловичь, да Тысяцкій Ѳедоръ Ели- «сеевичь, Есипъ Васильевичь, Онанья Семеновичь, Остафей Есиповичь, «а съ Рушаны Ѳедоръ Остафьевичь, Михайло Буйносовъ и Порховичи «идоша тремя путьми и казниша Ржевичь, и села пожгоша по Ржевѣ «по Плесковский рубежъ и на Бардовѣ». Новоржевъ и Великія Луки «оставались спорнымъ владѣніемъ между Литвою и Новымгородомъ. Да- лѣе: «Тоя весны Псковичи пріяша гостей Нѣмецкихъ товаръ, а самыхъ «Нѣмець въ погребъ всадиша, 24 Нѣмчина: зане же они на крестномъ «цѣлованіи Псковичей изымаша, а иныхъ избиша. За двѣ недѣли по Ве- «лицѣ дни пріѣха во Псковъ изъ Литвы К. Иванъ Андреевичь, внукъ «Олгердовъ, а въ своемъ безвременіи, и Псковичи даша ему 100 зоб- «ницъ ржи, да 100 овса, да 10 рублевъ на кормлю» (въ другомъ спискѣ: «хлѣбомъ и *вологою*, и медомъ и поминкомъ почтиша) и пребысть въ «Псковѣ до Рожества. Владыка Новогород. Евфимій заложивъ пакы и «сверши церк. Іоанна Златоуст. на воротѣхъ, а надъ полатою у себе «часы звонящіи устрои, и заложи церк. кам. Св. Николы на Вежицахъ. «Той же осени мразъ обиліе погуби въ жатву въ всей Новогород. обла- «сти, и мнози изыдоша въ Нѣмци. Вода бысть велика, и ледомъ мер- «жею выломи у Великого мосту 7 огородень, и Жилотужьскый мостъ «вынесе».

Въ 1437 году «въ веснѣ подписанъ бысть Иванъ Златоустъ въ Вла- «дычнѣ дворѣ на воротѣхъ. Той же весны вода подмывала у дѣтинца «города, и оползе валъ отъ стѣны, и падеся стѣна каменна и колоколь- «ница отъ Волхова. Владыка Евфимій благослови крестомъ на Вѣчѣ въ

ризахъ Посадниковъ и Тысячскыхъ и весь Вел. Новгородъ въ Недѣлю, «и поѣха на Москву къ Митрополиту Исидору Іуля въ 7. Паде церковь Николы на Вежищахъ, и Владыка Евфимій заложи церк. кам. Св. Петра «Митрополита Русьского на воротѣхъ у себе на дворѣ, а старую порушавъ. Того жь лѣта (въ Новѣгородѣ) мостъ Вел. свершиша. Сент. 15 преставися Евпраксія Княгини, и погребе ея Исидоръ Митрополитъ» (см. выше, примѣч. 371). «Окт. 9 пріиде въ Новгородъ съ Москвы Митрополитъ Исидоръ. Тое же осени родися Великому Князю сынъ Князь Юрьи большой».

Въ 1438 году «въ веснѣ пріѣха въ Новгородъ К. Юрьи Семеновичь Марта въ 3, и поставиша опять церковь Св. Николу на Вежищахъ на старой основѣ. Поставлена бысть во Псковѣ церк. кам. Св. Аѳанасіа въ Довмантовѣ стѣнѣ, а Св. Спасъ у Старого костра. Тое жь весны въ Суботу Вербную погорѣ городъ Коломна; загорѣся въ вечерню, а о заходѣ солнца преста».

Въ 1439 году «постави Архіеп. Новогород. Евфимій *ключницу* хлѣбную камену, омаза известью Св. Софію всю, и постави колоколницу «кам. на старомъ мѣстѣ на городѣ, иде же палася. Того же лѣта *обрѣтено бысть тѣло Архіепископа Іоанна, при коемъ были Суздальци подъ Новымгородомъ*» (во время Андрея Боголюбскаго). «Архіепископъ Евфимій *позлати гробъ Князя Владиміра, внука Великою Володимера, и подписа и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто, «Окт. въ 4.* Пріѣха въ Псковъ Князь Александръ Ивановичь, правнукъ «Олгердовъ, съ Тфери, и Псковичи посадиша его на Княженіи» (вѣроятно съ дозволенія Великокняжескаго) «а К. Володимера Данильевичь вы«гнаша. Городъ Устюгъ заложили около Св. Покрова и монастыря».

Въ 1440 году «погорѣ Полтескъ весь. Постави Владыка Новог. Евфи«мій церк. кам. Св. Настасіа и комнату кам. меншую. Въ Вороначи бысть знаменіе Авг. въ 7 день, отъ иконы Св. Николы изъ суха де«рева истече кровь изъ лѣваго уха, и Священники привезоша икону въ «Псковъ, а Геласій Архимандритъ и Священники срѣтоша со кресты. Го«родъ Опочка выгорѣ весь Сент. 5, а загорѣся отъ церкви Св. Спаса и тоя «осени поставиша новый, а ѣздилъ туда Посадникъ Псковскый, Тимоѳей».

Въ 1441 году «преставися Князь Юрьи Васильевичь болшой, сынъ Вел. Князя, а другій Юрьи Васильевичь родился Генв. въ 22. Двиняне «приходили ратью подъ Устюгъ, и стояли единъ день, и прочь пошли. «Тое же осени пожаръ бысть на Москвѣ».

Въ 1442 году «зима люта бысть зѣло, и много скотомъ и человѣ«комъ зла сотворися. Тое же весны громы велики и вихри, и бысть «страхъ на человѣцѣхъ. Бысть жито дорого. Владыка Новогород. Евфи«мій постави церк. Преображеніе въ Русѣ на старой основѣ, а пособ«ници быша Новгородци и Рушани. Тоя же зимы въ Псковѣ бысть моръ «великъ зѣло, и аще кому явится желѣза, наскорѣ умираше: а почало «мерети 5 Дек., и мряху все лѣто: а почало изъ заулка и съ Пустынекъ «отъ кам. церкви: и К. Александръ Ивановичь и Посадники 3, Юрьи «Тимоѳеевичь, и Архимандритъ Григорій и Попове 3 Збора подумавше «съ Псковичи, поставиша церковь въ единъ день на Романихѣ Похвалу Св. Богородици, въ Петрово говѣнье въ Среду на память Дороѳея; и въ тотъ день и Литургію свершиша; поставиша и другую церк. Св. Саву въ Микитьевѣ монастыри; и того же лѣта К. Александръ преставись «въ Чернечьствѣ: а преста моръ на Дмитровъ день, а по селомъ мерли «и до Крещеніа».

Въ 1443 году «постави Новог. Владыка Евфимій духовницу камену «и сторожницю: поставиша церк. кам. Св. Николу на Кречевѣ, близъ

«Русѣ. Поставлены (во Псковѣ) двѣ церкви на Завеличіи, Успеніе, и «священа Окт. 26, а другая Богоявленіе на Запсковьи въ Бродѣхъ, свя- «щена Ноября 1».

Въ 1445 году «постави Новог. Владыка Евфимій теплую церк. кам. «Св. Евфимія въ сѣнехъ. Сотворися знаменіе въ Суздалѣ въ Соборной «церкви Богоматери при Епископѣ Авраміи: начаша напрасно Святи- «тельскыя гробы внутри горѣти и падати, а назавтріе, въ праздникъ Пре- «половенія, падеся и сама церковь Сборная».

Въ 1446 году «родися Великому Князю на Угличѣ сынъ Андрей «Авг. въ 13» (по другимъ спискамъ 14). «Въ Новѣгородѣ хлѣбъ бяше «дорогъ, коробья ржи по полтынѣ; постави Владыка Евфимій церк. кам. «Св. Варлаама на Хутинѣ, а наверху колокольницу, и заложи монастырь «Св. Георгія въ Городкѣ, и стѣну камену понови и подписа, идѣ же от- «пало, и покры ю чешуею; а все то сдѣлано въ 4 мѣс. Поставиша (во «Псковѣ) церк. кам. на погребѣ въ Снетогорскомъ дворѣ Іоанна Бого- «слова. Поставиша Княжанци (въ Новѣгородѣ) церк. кам. Св. Мирono- «сиць на старой основѣ; а въ Русѣ церк. Св. Дмитрія кам.—Авг. въ 7 «день Владыка Новог. Евфимій благослови своихъ дѣтей Посадниковъ «и весь Новгородъ, и поѣха за Волокъ благословити Новогородскую от- «чину и своихъ дѣтей».

Въ 1447 году «Генв. 23 пріѣха Владыка Евфимій изъ Заволочья въ «Новгородъ; того же мѣс. въ 30 свяща церковь Соборомъ теплую Св. «Евфимія».

Въ 1448 году «моръ бысть силенъ на люди и на кони на Москвѣ. «Генв. 14 пріѣхалъ во Псковъ изъ Новагорода К. Суздальскый, Васи- «лей Васильевичь *Гребенка*, и посадиша его на Княженіи во Св. Троици, «и даша ему всю пошлину Княжью и цѣлова крестъ ко Псковичемъ по «всей Псковской пошлинѣ. Пріѣха во Псковъ Владыка Евфимій Дек. 27, «а при Князи Василіи Васильевичи Гребенки, при Посад. Степенномъ «Ѳедорѣ Патрикіевичь, и срѣтоша его противъ дальняго Пантелеймона, «и на 3 день учини Соборъ въ дому Св. Троицѣ. и Сенедиктъ чтоша, «злыя прокляша, которіи хотятъ дому Св. Троицы и Св. Софіи зла, а «благовѣрн. Княземъ, тамъ лежащимъ, пѣша вѣчную память и инѣмъ «добрымъ людемъ, иже кровь свою проліяша за домъ Божій, а живымъ «въ дому Св. Троицы и Св. Софіи пѣша много лѣтъ».

Въ 1449 году «погорѣ весь Псковъ Окт. 22, а загорѣлося отъ Хытри «кожевника, отъ Бурковѣ лавицы, отъ Кушнего костра, и горѣло полторѣ «нощи да день, а дѣтинца ублюде Богъ. Родися Іуля мѣс. сынъ Вели- «кому Князю Борисъ».

Въ 1450 году «постави Владыка Евфимій (въ Новѣгородѣ) часо- «звонъ. Володимеръ Григорьевичь Ховринъ Казначей поставилъ церк. «кам. на Москвѣ на своемъ дворѣ Воздвиженіе на мѣстѣ первыя камен- «ныя же, что роспалася въ пожаръ по Суздальцинѣ. Митрополитъ Іона «заложилъ на своемъ дворѣ полату камену, въ ней же церковь Ризъ «Положеніе. Авг. въ 5 бысть туча велика на Москвѣ и громъ прорази «церковь Собори. Арханг. Михаила. Авг. въ 13 буря сломи крестъ съ «тоя же церкви».

Въ 1451 году «поставлена стѣна новая (во Псковѣ) на Крому въ «охабни» (въ другомъ спискѣ: *у персей отъ Великыхъ воротъ*) «и учи- «ниша въ ней 5 погребовъ отъ Псковы межи воротъ. Былъ Князь Се- «менъ Алешковичь (Олельковичь Кіевскій) у своей бабы, Вел. Княгини «Софіи, и у Вел. Князя Василія, дяди свего:» ибо Олелько былъ женатъ на сестрѣ Васильевой и дочери Софіиной. О семъ бракѣ упоминается въ письмѣ Ливонскаго Магистра къ Вел. Магистру Прусскому 1417 года:

Des Koniges Tochter von Moskaw, Herzog Witoulis Tochtir-Tochtir, sol szu Manne nemen Knese Olleneke, Wolledimers Son, eyn Russischen Herzogen, und dye Hochzeit solde syn des negesten Sontages vor Bartholomei (см. между моими Кенигсбергскими бумагами No 570).

Въ 1452 году «Іюня въ 4 женилъ Князь Великій сына своего, Вел. «Князя Ивана, у Вел. Князя Бориса Тферскаго дщерію его Маріею. «Родися Великому Князю сынъ Андрей Авг. въ 1».

Въ 1453 году «пріѣха Новог. Владыка Евфимій во Псковъ Генв. въ «5, и соборова на 3 день во Св. Троицы; а въ тую зиму не бысть снѣга «на земли: гола бысть зима. Биша челомъ Попове невкупніи Князю Ва«силью и Посадн. Степенному Юрью Тимоѳеевичь, и всему *Господину «Пскову*, чтобы быть четвертому Собору во Псковѣ... и благослови Вла«дыка Поповъ невкупныхъ четвертый Соборъ дръжати вседенную службу «у Св. Спаса Всемилостиваго на торгу, и у Св. Дмитріа у Домантовы «стѣны. Тогда Владыка Евф. взя Ремду Ремедскую въ свою Владыч«кину... и проводиша Владыку до Торошины, до Св. Ильи. Того жь лѣта «мразъ много жита побилъ. Здѣлаша Псковичи прясло стѣны у Луж«скихъ воротъ. Апрѣля 9 выгорѣ Москва Кремль весь. Дек. 14 бысть «пожаръ во градѣ Псковѣ; загорѣлось отъ Болобина Конца, отъ Про«копьева двора Владычня Намѣстника, и погорѣло 4 части града, и ми«лостью Св. Троицы прометаше отъ Плотскихъ воротъ къ Св. Спасу по «старую стѣну къ костру, а отъ стараго костра ко Враговѣ улици, да «къ Глухому костру; а горѣло нощь да день».

Въ 1454 году «поставиша (въ Новѣгородѣ) церк. кам. на старой «основѣ Св. Михаила на Михайловѣ улици. Пріѣха во Псковъ Митро«политъ Цареградскый Игнатей на 6 недѣли въ Суб. по Велицѣ дни, и «поѣхалъ изо Пскова одаренъ въ Вел. Новгородъ Іюля 1. Марта въ 29 «преставися Архіепископъ Ростовскій Ефремъ. Того же лѣта поставленъ «бысть Ростову Архіеп. Митрополитомъ Іоною Ѳеодосій Бывальцевъ, «бывый Архимандрить у Арханг. Михаила у Чюда. Авг. въ 31 бысть «громъ страшенъ на Москвѣ и прорази церк. кам. Рожество Богоматери, «иже имать придѣлану къ ней церк. Лазарь Св. Того же лѣта дождь «бысть умноженъ и ржей не сѣяли».

Въ 1455 году «Князь Вас. Васильевичь Гребенка выѣха изо Пскова «въ Новгородъ Іюля въ 15, и Псковичи били челомъ, чтобы осѣлся, и не «послуша, и проводиша его честно до Чересского мосту. Того же лѣта «много дождя бысть, а хлѣба Богъ умнози. Бысть знаменіе отъ иконы «Богоматери въ селѣ во Зраковицахъ, изъ праваго ока слезы шли, и «проводили ю во Псковъ Авг. въ 24. Псковичи послаша Стефана Посад«ника Аристовичь; а съ нимъ Бояръ, бити челомъ Князю Александру «Черторизскому въ Русу о Княженіи. Постави Владыка Евфимій коло«кольницю каменну (въ Новѣгородѣ), Св. Илью въ Славнѣ на старой основѣ».

Въ 1456 году «Генв. пріиде изъ Смоленска на Москву Владыка «Мисаилъ со многими мѣстичи» (гражданами) «бити человѣкъ Великому «Князю, чтобы пожаловалъ отпустилъ икону Богоматери, ея же плѣномъ «взялъ Юрга. Князь же Великій, помысливъ съ Митрополиты и съ Бояры, «сотворяетъ празднество на отпущеніе и призываетъ Іону Митроп. и «весь Священ. Соборъ въ церковь Благовѣщенія на свой дворъ: понеже «бо тамо стояше икона на поклонѣ, на десней странѣ отъ дверей Цар«скихъ—и совершиша молебная и Литургію; и приходитъ К. В. ко образу, «и Митрополитъ, и Вел. Княгиня Марія, и сынове ихъ, Иванъ и Юрьи, «Андрей и Борисъ, и Андрей меншій принесенъ на рукахъ, и знамена«шася вси. Князь же Великій многи слезы изліявъ, и Митрополитъ, и «взимаютъ икону изъ кіота и вручаютъ Епископу Смол. Мисаилу, еще

«же и ины иконы многи менши, златомъ и каменіемъ и жемчюгомъ украшены того же плѣна, и не просившу Епископу, изъ нихъ же Митр. «Іона едину вземъ Богоматерь съ младенцемъ, и рече: о Епископе, брате «и сыну! сей образъ, на воспоминаніе сего дни, остави Господину Великому Князю и Княгини и чадомъ его... и Епископа призвавъ, и обою, «въ рукахъ вземше, и знаменаютъ ею Вел. Князя и Княгиню и чадъ ихъ, «и выдаютъ въ руцѣ Великому Князю... и облобыза сію икону со слезами... и поидоша, несуще Богоматерь и ту икону, яже оставлена Великому Князю на благословеніе... и Князи и Бояре; бѣ бо тогда и мнóжество воинства на Москвѣ. Проводи же В. К. Богоматерь Смоленскую, «и съ чады своими, до Благовѣщенія на Дорогомиловѣ, два поприща за «градъ, и возвратися за тою иконою, юже оставиша у него, и молебная «совершаху, и пришедъ въ церковь Благовѣщенія, постави ея повелѣ, «идѣ же стояла икона, ея же отпустилъ, и повелѣ ину въ тоя мѣсто писати, снемъ мѣру съ нея и образъ назнаменова; а предъ тою, иже «оставлена, повелѣ на всякъ день молебенъ пѣти. Бысть же сіе Генв. «въ 18, въ Недѣлю. Въ Вел. Новѣгородѣ знаменіе бысть отъ грома мѣс. «Іуня и отъ молніи страшныя: много людей поби и коней. Пріѣхалъ Кн. «Александръ Васильевичь Черторизскый изъ Новагорода во Псковъ «Іуля 18, и посадиша его на Княженіе. Бысть осень вся мокра, и рѣкы «воды наполнишась акы веснѣ. Мостъ намостишась Псковичи великъ «чрезъ рѣку Пскову, а даша мастеромъ 80 рублевъ.

Въ 1457 году «пріѣхалъ во Псковъ Новог. Владыка Евфимій Генв. 4, «и въ той же день и Литургію сверши у Св. Троицы, и Сенедистъ чтоша, «и подъѣздъ (пошлину) вземъ, и выѣха изо Пскова Генв. 27. Погорѣ «градъ Муромъ. Кремль весь, Сент. въ 29. Окт. въ 20 въ 9 часовъ нощи «загорѣся на Москвѣ внутри города близъ Володимирови церкви Ховрина «и погорѣ до третіе части града. Погорѣ все Запсковіе отъ Богоявленія «и до монастыря Воскресенія и Св. Козмы и Даміана згорѣ: а загорѣлося отъ Якова отъ Желѣзова съ Мощоной улици, Окт. 3, въ полнощь; «тогда и Крому было притужно».

Въ 1458 году «Февр. 15, въ Среду на Ѳедоровѣ недѣли, егда начаша «часы пѣти, родися Великому Князю Ивану Васильевичу сынъ Иванъ. «Поставиша (въ Новѣгородѣ) церк. кам. Богородицу въ торгу на старой «основѣ, а старую церковь порушивъ, и свяща Владыка. Марта 10 пре«ставися Новог. Владыка Евфимій. Создана на Москвѣ церк. кам. Ввеженіе на Симоновскомъ подворьѣ у Никольскихъ воротъ. Прибавиша «Псковичи зобницы. Отъ грому згорѣ Св. Воскресеніе на Полоници (во «Псковѣ), а иконы и книгы выносили; тогда же и кам. церк. поставиша «на томъ мѣстѣ. Псковичи наддѣлаша на старую стѣну новую взвышь «на Крому отъ захабня до Кутнего костра, а даша мастеромъ 150 рублевъ».

Въ 1459 году «мѣс. Февраля поставленъ бысть на Архіепископію «Новугороду Великому Священноиноку Іона Митрополитомъ Іоною». О «семъ Св. Іонѣ, Архіеп. Новогородскомъ, находится слѣдующее сказаніе «въ одной рукописи (см. въ Волоколам. монастырѣ книгу подъ № 666, «л. 358): Повѣда намъ самъ Г. Архіеп. Іона. Егда рече, бѣхъ еще младенецъ, оставшу ми сиротою отъ отца седми лѣтъ, а отъ матери трехъ «лѣтъ, и положилъ Богъ на сердце женѣ вдовицѣ, именемъ Натальи, «матери Якова Дмитріевича Медоварцова, а Михайловѣ бабѣ, и взя мя «въ домъ къ собѣ и начатъ кормити и одѣвати, и вда мя въ наученіе «грамотѣ Дьяку, бысть же въ училищѣ томъ *множество дѣтей учащихся:* «мнѣ же отъ убожества сущу тиху. Въ единъ убо отъ дній, дѣтемъ играющимъ по вечернѣ, абіе идяще по улицѣ блаженъ мужъ: дѣти же устремившеся на него и начаша метати каменіе и сметіе на очи его; а мнѣ

«стоящу недвижимо. Онъ же, оставя всихъ дѣтей, притече ко мнѣ, и «вземъ мя за власы, да поднялъ выше себе, и нача звати именемъ, ни-«како же зная мя: *Иванецъ! учися грамотѣ: быти тебѣ въ В. Новѣгородѣ «Архіепископомъ*... И бысть на Архіепископствѣ 12 лѣтъ и 6 мѣсяцъ. «Бысть же при его Святительствѣ миръ со всѣми землями и тишина и «гобзованіе плодомъ».

Въ 1460 году «Генв. 22, о свадьбахъ, бысть пожаръ во Псковѣ; за-«горѣлося на Усохѣ отъ Ѳедоса отъ Гоболя отъ мясника, и переметавше «отъ торгу отъ Св. Спаса возлѣ Торговскый и Боловинскый Конець до «Св. Георгія и до Куклинѣ лавици и до стѣнѣ по конець Враговкѣ улици, «а выгорѣло 3 конца, Опоцкей, Городецкей, Острой, и лавици и Княжей «дворъ по самъ торгъ. Того же лѣта въ Вельи въ монастыри Св. Спаса «внутрь церкви отъ грому попалѣло и пономаря зашибло. Іюня въ 13, «въ 6 часъ дни, съ западныя страны бысть туча страшна на Москвѣ... «и Богъ услыша моленіе рабъ своихъ, и туча пребѣже чрезъ градъ, и «бысть тишина... назаутріе по вечерни, уже въ 15 часу, взыде паки «туча съ полуденныя страны... земля и храмы яко пламень видяхуся отъ «молнія, и буря многи церкви кам. поколеба, храмы же ободра и верхи «смета, а градные забрала разнесе, и по селомъ многіе церкви изъ осно-«ванія взимая, далече отнесе, а лѣсы и раменье и дубы изъ коренья «исторже... но человѣки нигдѣ не вредило. Іюня въ 18, въ Пятокъ, во 2 «часъ дни нача гибнути солнце, и бысть яко пяти дней мѣсяцъ; а въ «пятый часъ бысть полно; а того же мѣсяца въ нощи и мѣсяцъ гибль. «Поставлена на Москвѣ церк. кам. Богоявленія Игуменомъ Троицкимъ «Сергіева монастыря».

Въ 1461 году, зимою «у Св. Спаса на Хутынѣ (въ Новѣгородѣ) у гроба Варламьева исцѣлѣ Отрокъ Княжь Григорей, а яко мертвъ лежаше.(*) Мѣсяца Дек. погибе мѣсяцъ нощію. Князь Великій *поставилъ* на Москвѣ «*церковь камену, Рожество Іоанна Предтечи, у вратъ Боровицкихъ; а «преже бѣ древяная: глаголютъ же, яко та первая церковь на Москвѣ: «на томъ-де мѣстѣ боръ былъ, и та церковь въ томъ лѣсу срублена; «таже-де тогда и Соборная церковь была при Петрѣ Митрополитѣ, и «дворъ Митрополичь тутo же былъ, гдѣ нынѣ дворъ Княже Ивановъ «Юрьевича*».

Въ 1462 году «поставиша во Псковѣ церк. кам. Успеніе на Мело-«товѣ и новый городокъ на обидномъ мѣстѣ, надъ Великимъ озеромъ, и «нарекоша его Кобылою при Посадникѣ Максимѣ Ларивоновичь, и цер-«ковь въ немъ Св. Архистратигъ Михаилъ, а дѣлаша Псковскія мастеры 60 человѣкъ, и взяша 90 рублевъ. На Москвѣ Генв. въ монастыри Св. Арханг. Михаила, честн. его Чудеси, у гроба Св. Алексія Митроп., «прощенъ бысть Чернецъ того монастыря Наумъ, иже отъ младенства «имы усохшу ногу и на древяницы хожаше, служа въ поварни и въ «пекельницы; и пришедъ въ нощи ко образу Святаго, иже написанъ у «гроба его, и нача молити... и простре нога его, и скинувъ древяницу, «и отъиде здравъ. Тоя же зимы преставись Епископъ Рязанскій Евфро-«синъ Звенецъ, и поставленъ бысть въ его мѣсто Давидъ, иже преже «былъ Казначей Іоны Митрополита, Февр. въ 1.»

(387) Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбоевъ и воров-ства въ Московскомъ Великомъ Княженіи (см. сей *Исторіи* Т. IV, при-мѣч. 319).

(*) Противъ сего года рукою Исторіографа въ собств. его экземплярѣ отмѣчено: „Соф. II, 66. О бунтѣ въ Новѣгородѣ и трусѣ".

(388) См. сей *Исторіи* Т. II, въ *Поученіи* или въ Духовной Владиміра Мономаха—также въ описаніи временъ Донскаго, г. 1375—выше, примѣч. 244, въ судной Двинской грамотѣ, и 365. Добродушный Александръ Невскій и Темный рѣзали носы преступникамъ, Василій Димитріевичь отсѣкалъ руки и ноги, Юрій Смоленскій изрубилъ на части Княгиню Вяземскую, Опочане сдирали кожу съ Литовскихъ плѣнниковъ, и проч. и проч.

(389) См. на примѣръ рѣчь Изяслава II, Т. II, въ описаніи 1152 года, и рѣчь Донскаго передъ битвою съ Мамаемъ.

(390) Вѣчевой колоколъ еще былъ въ Владимірѣ и при Іоаннѣ Калитѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 302, выше, примѣч. 91, и въ описаніи временъ Донскаго, годъ 1375).

(391) Владиміръ Святый въ 993 году сдѣлалъ одного храбраго юношу и отца его Великими Мужами или Боярами. Въ *Русской Правдѣ* Бояринъ называется *Мужъ Княжъ*. Владиміръ Мстиславичь сказалъ, что онъ переименуетъ своихъ Отроковъ въ Бояре (см. Т. II, въ описаніи 1167 года).—О городскихъ Боярахъ см. въ описаніи войска, собраннаго Димитріемъ противъ Мамая въ 1380 году. Убійца Св. Бориса и Глѣба, Святополкъ, пріѣхавъ въ Вышегородъ, призвалъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ или *Боярцевъ* (см. Т. II, примѣч. 3): симъ уменьшительнымъ именемъ названы они въ отношеніи къ Княжескимъ Боярамъ.

(392) См. договоры Княжескіе въ *Собр. Госуд. Грам.* и сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 324.

(393) См. Т. IV, примѣч. 38.

(394) См. Т. IV, въ описаніи 1318 года. Баскаки гнали Михаила Тверскаго, но уже доброхотствовали Василію Темному (см. выше, въ описаніи 1431 года).

(395) См. Т. IV, примѣч. 327, и выше, примѣч. 364.

(396) См. Т. IV, примѣч. 245.

(397) См. Т. IV, въ описаніи 1352 года.—Митрополитъ Платонъ нашелъ въ архивѣ Чудова монастыря собственноручную записку Св. Алексія Митрополита слѣдующаго содержанія: «Черкизово *сельцо* куплено на «мое *серебрено*».—См. выше, примѣч. 254, подъ годами 1391 и 1400; и Т. IV, примѣч. 328.

(398) Такъ Димитрій Іоанновичь изгналъ Кипріана, а Василій Темный Исидора. Мы видѣли, что Митрополитъ въ угодность Іоанну Калитѣ наложилъ клятву на Псковитянъ, и проч.

(399) См. *Степен. Кн.* II, 84, гдѣ сказано, что Митрополитъ вмѣстѣ съ Новогородскимъ Архіепископомъ Іоною, склонивъ Василія на милость къ Новогородцамъ, предсказали ему, что Великіе Князья уже не будутъ ходить въ Орду для поклоненія Царямъ.

(400) Вотъ слова Рубруквиса по Французскому переводу: Les femmes Russiennes ornent leurs testes, ainsi que les notres, et bordent leurs robes depuis le bas jusques aux genoux de bandes de vair et d'hermines; les hommes portent des manteaux comme les Allemands.

(401) На примѣръ, конь назывался у насъ *лошадью* гораздо прежде завоеваній Батыевыхъ (см. Т. II, примѣч. 198). Мономахъ въ своемъ Поученіи именуетъ хозяина *унешномъ*; въ лѣтописяхъ XII вѣка находимъ *сайгатъ* и другія слова восточныя. Татарскія слова *Киличей*, *Дорогаминъ* и проч. исчезли; но остались *тамга*, *ямъ*, *карій*, *деньга*, и проч.

(402) См. выше, примѣч. 244. Въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* I, 402: «тѣ «суды судятъ наши Намѣстники; а которыи слуги потягли къ Дворь«скому, а черныи люди къ Сотскому», и проч. Тамъ же, стр. 189: «А «намъ Княземъ Великимъ въ судъ въ обчей не вступатись:» слѣдственно Князья обязывались исполнять приговоры общаго Боярскаго суда.

Между рукописями Императорской Библіотеки есть слѣдующая судебная грамота XV вѣка, *или запись, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ:* «А на Москвѣ на посадѣ лучится душегубство за рѣкою за «Москвою, ино къ тому и Даниловское; а будетъ за Яузою, ино къ тому «и Андроньевъ монастырь и Городище; а лучится на Великой улици у «Николы у Мокрово, ино къ тому отъ Острого Конца и до Варьской «(Варварской) улици; а лучится за Варьскою, ино къ тому и Устрѣтен«ская и по Неглимну; а лучится за Неглимною, ино къ тому и Дорого«милово, все Занеглименье и Семьчинское... Ити искати передъ Большего «Намѣстника Московьского; а судья за нимъ идетъ, своего прибытка «смогритъ. А поимаютъ съ поличнымъ, ино судьи за нимъ нѣтъ; ино су«дитъ и казнитъ Большей Намѣстникъ. А посулятъ Большему Намѣст«нику, а двѣма Третникомъ то же». (Большимъ назывался Великаго Князя Намѣстникъ, а двумя Третниками Намѣстники его братьевъ, которые вмѣстѣ съ ними вѣдали Москву)... «А Тивуну Вел. Князя у поля *вяжщого* «(за связаніе) треть, и пересуда треть же, да что посулятъ; а у душе«губства третье же, да что посулятъ. А поголовщины Намѣстникомъ «4 рубли, а Тивуну Вел. Князя вяжщого треть; и пересуда треть. А у «Намѣстниковъ Третниковъ пересуда идетъ съ рубля по десяти денегъ; «а меньше рубля пересуда нѣтъ. А кто учнетъ безчестья искать, то со «всякого пересудъ.... Поимаютъ опроче того въ *пеномъ*» (отъ слова *пеня*) «дѣлѣ въ какомъ ни есть, срокъ ему дать, судью за собою поставить: «зане въ докончаньи писано по крестному цѣлованью въ Московскіе суды «не вступатись ни которому Князю. По старинѣ бывало, что вси дворы «и дворцовыи Великіе Княгини и Удѣльныхъ Князей всихъ суживалъ «Намѣстникъ Большей, а судьи за ними не бывало; а учинила то Кня«гини Великая Софья» (мать Темнаго) «что судья за ними ставится... «А что деревни въ Московскомъ въ Становомъ (вѣдомствѣ) Удѣльныхъ «Князей, и Волостели ихъ судятъ, а доложатъ своего Князя, аже будетъ «на Москвѣ; а не будетъ, и имъ доложить Велик. Князя или Большаго «Намѣстника; а по инымъ городомъ не водить къ докладу. А поимаютъ «Тферитина съ поличнымъ на Москвѣ, а отсылки и судьи за нимъ нѣтъ, «а судятъ и казнятъ его на Москвѣ; а поимаютъ въ пеномъ дѣлѣ, ино «его дать на поруцѣ, а искать на немъ во Тфери».

(403) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. Библіот. No 164. л. 438. Фотій пишетъ: «Который человѣкъ позовется на *поле*, да придетъ «къ которому Попу причаститися, ино ему Св. причастіа нѣтъ, ни цѣло«ванія крестнаго; а который Попъ дастъ ему Св. причастіе, тотъ Попов«ства лишенъ. А кто утепетъ лѣзти на поле, погубитъ душю, по Вели«кого Василья слову, и душегубець именуется, въ церковь не входить, «ни доры не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія же Св. не «пріемлетъ 18 лѣтъ; а убитого не хороните; а который Попъ того похо«ронитъ, тотъ Поповства лишенъ».

(404) Сію грамоту нашелъ я въ Синодальной лѣтописи подъ No 348 на первомъ листѣ. Вотъ она: «Судить Владычню Намѣстнику, аже Попъ, «или Дьяконъ, или противу Черница, или Чернецъ; а будетъ оба непро«стыи люди, церковныи, ино не судити Князю, ни Посаднику, ни судьямъ «не судить: занеже тотъ судъ Владычня Намѣстника. А будетъ одинъ «человѣкъ простый истець мірянинъ, а не церковный человѣкъ съ цер«ковнымъ, то судить Князю и Посаднику съ Владычнимъ Намѣстникомъ «вѣпчи, такоже и судьямъ. Которой человѣкъ имется за конь, или за ко«рову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ млъвитъ, то у «мене свое роценое: ино правда дати, какъ что ся роценое. Кто предъ «господою ударитъ на судѣ своего истьца, ино его въ рубли выдати тому

«человѣку, а Князю продажа: боранъ присужати 6 денегъ, а за овцу «10 денегъ государю, а судьи 3 деньги и старая правда; за гусакъ и за «гусыню присужати по двѣ деньги государю, а судьи 3 деньги; за утицу «и за селезеня, и за курицу и за кочетъ, присужати по двѣ деньги.... «Кто съ кимъ напьяни помѣнится чимъ, или что купить, а потомъ про- «спятся, и одному истцу нелюбо будетъ, ино имъ размѣнитися, а въ «томъ цѣлованіа нѣтъ, не присужать. Княжимъ людемъ корчмы по дво- «рамъ не дръжать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ «корецъ, ни бочкою меду не продавати. Кто зажоги на комъ учнетъ со- «чить, ино на вольную роту възвать вольно. Кто у кого бороду вырветь, «а послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати, и битися на полѣ; «а послухъ изможетъ, ино за бороду присужати два рубля и за бой, а «послуху быти одному. Кто корову купитъ за слюблено, а по торговли «телять не сочить, а толко корова кровію помачиваться иметъ: ино тая «корова назадъ воротити, чтобы и денги заплачены были. Жонки съ «жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сто- «рону. Кто учнетъ на комъ сочить бою 5 человѣкъ или 10, или сколько «ни будетъ, на 5 боевъ или на одномъ, да утяжутъ: ино имъ присужати «всимъ, за вси боеви, единъ рубль, и Княжая продажа одна».

Судная грамота Новогородская находится въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ и писана въ 1471 году. Сообщаемъ оную здѣсь:

«Господы Великихъ Князей, В. К. Ивана Васильевича всея Руси, «и сына его, В. К. Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью «нареченнаго на Архіепископство В. Новагорода и Пскова Священно- «инока Ѳеофила, се покончаша Посадники Новгородскіе, и Тысяцкіе «Новгородскіе, и Бояре, и Житьи люди, и купци, и черные люди вся «пять Концовь, весь Государь Великій Новгородъ на Вѣчѣ на Ярославлѣ «Дворѣ, нареченному на Архіепископство В. Новагорода и Пскова Свя- «щенному Иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ Святительскій по Святыхъ «Отецъ правилу, по Номоканону; а судить ему всѣхъ ровно, какъ Боя- «рина, такъ и Житьего, такъ и молодчего человѣка. А Посаднику судити «судъ свой съ Намѣстники Великого Князя по старинѣ; а безъ Намѣстни- «ковъ Посаднику суда не кончати. А Намѣстникомъ Великого Князя и «Тіуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ. А Тысецкому судить свой «судъ, а судить имъ право по крестному цѣлованью. А сажати въ суду «по два человѣка. А кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣ- «дается. А Посадника и Тысецкого и Владычня Намѣстника и ихъ су- «дей съ суда не збивати. А истцю на истца наводки не наводить, ни «на Посадника, ни на Тысецкого, ни на Владычня Намѣстника, ни на «иныхъ судей, ни на докладщиковъ. А кто наведетъ наводку на Посад- «ника, или на Тысецкого, или на Владычня Намѣстника, или на иныхъ «судей, или на докладщиковъ, или истець на истца у суда, или у до- «клада, или у *поля*, ино взять Великимъ Княземъ и В. Новугороду на «виноватомъ: на Бояринѣ 50 рублевь, а на Житьемъ дватцать рублевь, «а на молодшемъ 10 руб. за наводку; а истцу убытки подойметъ. А кому «будетъ о землѣ дѣло, о селѣ, или о дву, или больши, или менши: ино «ему до суда на землю не наѣжжать, ни людей своихъ не насылать, а о «землѣ позвати къ суду. А утяжетъ въ землѣ, ино взяти ему грамота у «судьи въ землѣ и въ убыткѣ на истцѣ; а отъ земли судьѣ кунъ не взять. «А отъ суднаго рубля взять Владыкѣ, и его Намѣстнику, и Ключнику «отъ печати гривна; а отъ безсуднаго рубля отъ грамоты взять Владыкѣ «и его Намѣстнику и Ключнику три денги. А Посаднику и Тысецкому, «и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи «денегъ, а отъ безъсуднаго рубля по три денги. А орудье судить Посад-

нику и Тысецкому, и Владычню Посаднику, и ихъ судьямъ, и инымъ «судьямъ мѣсяцъ; а далѣ того имъ орудья не волочить. А кто на комъ «поищетъ наѣзда, или грабежа въ земномъ дѣлѣ: ино судити напередъ «наѣздъ и грабежъ; а о земли послѣ судъ. А кого утяжутъ въ наѣздѣ и «въ грабежѣ, ино взять Великимъ Княземъ и В. Новугороду на винова- «томъ: на Боярине 50 рублевь, а на Житьемъ 20 рублевь, а на молод- «чемъ 10 рублевь; а истцю убытки подойметь. А о землѣ судъ, а не бу- «детъ суда въ Новѣгородѣ, а о наѣздѣ и грабежѣ судъ. А кой истецъ «похочетъ искать наѣзда, или грабежа и земли вдругъ: ино другому «истцю ему отвѣчать. А утяжетъ въ землѣ, и въ наѣздѣ и въ грабежи, «и судьѣ дать на него грамота въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи. А «кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметъ, ино ему ѣхать «на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею: а въ «томъ пени нѣтъ. А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истець истца, а поищетъ «своего дѣла, а будетъ тому истцю до своего истца дѣло: ино ему по- «звать своего истца, а поискать ему одиного жъ дѣла; а иныхъ позвовь «на него не класти въ иномъ дѣлѣ, ни Новогородцовъ не научивати безъ «хитрости по крестному цѣлованью, доколѣ тѣ суды кончаютъ. А кто на «комъ какова дѣла поищетъ, а крестъ не цѣловавъ на сей грамотѣ; ино «крестъ поцѣловавъ одинова, да искать; а кому будетъ отвѣчивать, а «креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, ино ему крестъ поцѣловавъ да «отвѣчать; а не поцѣловавъ креста, тымъ его и обинить. А отъ коего «истца отвѣтчикъ станетъ на судъ, а истецъ тотъ будетъ креста не цѣ- «ловавъ на сей грамотѣ: ино тому истцю крестъ цѣловать одинова, а «отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивать; а не поцѣлуетъ креста, ино тѣмъ «его и обинить. А кому будетъ какое дѣло до Старѣйшей жены, или до «Житьей кой вдовы, а у коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ «на сей грамотѣ за собя и за матерь однова; а не поцѣлуетъ сынъ кре- «ста за матерь, ино цѣловать крестъ матери однова у собя въ дому пе- редъ истцомъ и передъ приставы Новгородскими, а цѣловать Боярину «и Житьему, и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женнину. А по- «зовутъ Боярина и Житьего и купца въ его землѣ, или въ женнинѣ, «ино ему отвѣчать, или отвѣтчика послать въ свое мѣсто и въ женнино, «по тому крестному цѣлованью; а отвѣтчику съ послухомъ на учанѣ «крестъ цѣловать. А при которыхъ докладчикѣхъ судъ роскажетъ, ино «тѣмъ докладчикомъ тотъ судъ кончать; а судьямъ какъ роскащики ука- «жутъ, *ино коему ни есть* судьѣ велѣти своему Дьяку тое дѣло записать; «а роскащикомъ къ тѣмъ спискомъ свои печати приложить. А послуху «на послуха не быть. А Псковитину не послуховать, ни одерноватому «холопу. А холопъ на холопа послухъ. А кто съ кѣмъ пошлется на по- «слуха, ино взять закладъ шестнику на сто верстъ по старинѣ, а Под- «войскимъ и Софьяномъ, и Биричемъ, и извѣтникомъ на сто верстъ че- «тыре гривны. А кой истецъ скажетъ послуха далѣ ста верстъ, а похо- «четь и другой истецъ слаться на того послуха: ино слаться на него; а «не всхочеть другой истецъ слаться далѣ ста верстъ, ино поставить ему «своего послуха у суда: а срокъ ему взять на послуха на сто верстъ по «три недѣли: а закладъ дать виноватому истцю на сто верстъ шестнику. «А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы, «или на шабары: ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли: «а далѣ и ближе, а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, «за кѣмъ управы лежать по крестному цѣлованью: да и по рукѣ ему «ударити съ истцомъ своимъ; а Посаднику приложить къ срочной грамотѣ «своя печать, а иному сроку не быть, а отъ сроку взять гривна. Также «и инымъ судьямъ давать срокъ потомужь. А кой истецъ не возметъ

«срочной за печатью, ино тѣмъ его и обинить тому судьѣ, передъ коимъ «судъ былъ; а сроку не ждать, а о иныхъ дѣлѣхъ срокъ по старинѣ. А «въ Тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону, людемъ добрымъ, да су- «дити имъ въ правду, крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ. «А докладу быти во Владычнѣ комнатѣ а у докладу быть изъ Конца по «Боярину да по Житьему, коимъ людямъ въ судѣ сидѣти, да и приста- «вомъ, а иному никому же у доклада не быть. А докладчикомъ садиться «на недѣлю по трижды: въ Понедѣльникъ, въ Среду и Пятокъ. А кой «докладчикъ не сядетъ на тотъ день, ино взять на Боярынѣ два рубли, «а на Житьемъ рубль. А докладчикомъ отъ доклада посула не взять, а «у доклада не дружить никоею хитростію по крестному цѣлованью. А «кому сѣсти на докладѣ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной «грамотѣ однова. А Посаднику и Тысяцкому, и Владычню Намѣстнику, «и ихъ *судьямъ*, и инымъ судьямъ всимъ крестъ цѣловать, да судить имъ «въ правду. А земное орудье судити два мѣсяца: а больши дву мѣсяцъ «не волочити. А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той судъ кончати «въ другіе два мѣсяца томужь Посаднику, а далѣ не волочить. А кой «Посадникъ межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того «суда, ино Великимъ Княземъ и В. Новугороду на томъ Посадникѣ 50 руб- «левь, а истцю убытки подойметь; или Тысетской поѣдетъ прочь изъ го- «рода не кончавъ суда, или Владычень Намѣстникъ, ино взять Великимъ «Князем и В. Новугороду 50 рублевь; а истцю убытки подойметь. А «не кончаетъ судья земного орудья въ два мѣсяца, ино истцю взять на «него приставы у В. Новагорода, ино ему тотъ судъ кончати передъ «тыми приставы; а не укажутъ судъ и докладчики въ тую два мѣсяца, «ино ити судьѣ съ истцомъ къ В. Новугороду, да взяти приставы на «докладчиковъ: а докладчикомъ указати судъ, и тое дѣло передъ тыми «приставы: а судьѣ кончати истцю тое дѣло передъ тѣмижь приставы. «А буде ли истци у коего судьи возмутъ срокъ и срочные за печатьми, «а той судья перемѣнится, а кто будетъ судья на его мѣсто, ино тымъ «истцомъ стать передъ тыми судьями, да и срочные свои положити на «той срокъ: а тому судьѣ судити той судъ, да и кончати. А одинъ истецъ «станетъ на тотъ срокъ передъ судьею, да и срочную свою грамоту по- «ложитъ, а другой не станетъ, ино тому судьѣ дати на него грамота: да «и срочная грамота къ той же ему грамотѣ припечатать, а отсылки ему «не отсылати. А во чье будетъ мѣсто отвѣтчикъ срокъ взялъ, а до тово «сроку сведется отвѣтчику смерть: ино на той срокъ стать самому истцю, «или иного отвѣтчика не поставитъ, ино тымъ его и обинить. А кто кого «утяжетъ въ татьбѣ съ поличнымъ, или въ разбоѣ, или въ грабежи, или «въ поголовщинѣ, или въ холопствѣ, или о полевой грамотѣ: ино взять «судьямъ отъ судной грамоты 4 гривны, а отъ безсудной 2 гривны. А «кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи, или «до истца: ино ему переговариваться съ ними мѣсяцъ: а не почнетъ «переговариваться въ тотъ мѣсяцъ, ино взять на него приставы съ Вѣча, «да имать его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хоро- «ниться отъ приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгоро- «домъ. А кого опослушествуетъ послухъ, ино съ нимъ увѣдается въ двѣ «недѣли; а въ тѣ двѣ недѣли не дается послухъ позвати, ино позвати «истца; а послухъ истьцъ хорониться, ино то послушество не въ послуш- «ство: а другого истца тымъ и оправить. А кто не почнетъ позывать въ «тѣ двѣ недѣли послуха, или истца, ино дать на него грамота судная «по тому послушеству. А кому будетъ дѣло до Владычня человѣка, или «до Боярского, или до Житейского, или до купецкого, или до монастыр- «ского, или до Кончанского, или до улицкого, въ волости о татьбѣ, и о

«розбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто будетъ кресть цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово, а рука дать по крестному цѣлованью, что той человѣкъ тать и разбойникъ, или грабежщикъ, или пожегщикъ, или душегубецъ, или холопъ. «Ино въ коей волости будетъ отъ Владыки волостель, или посельникъ, «ино имъ поставить того человѣка у суда; а Боярину и Житьему, и «купцу, и монастырскому закащику, и посельнику, и Кончанскому, и «улицкому также своихъ людей ставить у суда, а срокъ взять на сто «верстъ три недѣли, а ближе и далѣ по числу, а до суда надъ нимъ силы «не дѣять; а кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обинить. А кого утяжутъ, а далъ ся въ грамоту, ино ему у того осподаря въ волости не жить; а иметь жить у того осподаря въ волости, а доличать, ино той государь тѣ убытки подойметь. А пондетъ жить въ иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю; а въ иную ему волость не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людемъ; а о иныхъ дѣлѣхъ, ино знать истцу истца: и коли не скажетъ кто того человѣка у «собя по крестному цѣлованью, да и руку дасть, что тамъ ему не быти, «а уличатъ, что у него въ волости, ино той государь ему истцу убытки подойметь. А къ коему государю въ иную волость прибѣжитъ, и ему «государю поставить его у суда по крестному цѣлованью: а кто не поставить, ино взять на томъ закладъ по Новгородской грамотѣ. А кто «на кого взговоритъ на Владычня человѣка, или на Боярского, или на Житьего, или на купецкого, или на монастырского, или на Кончанскаго, или на улицкого, а будетъ самъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, и онъ самъ увѣдается съ своимъ истцомъ по своей исправѣ опрочь осподаря. А кто обѣчается къ суду къ коему дни, ино опослѣ обѣта отсылка къ нему не слать; а не сядетъ судья того дни, ино коли судья сядетъ, и тогда къ нему отсылка: а не видить отсылки, и почнетъ хоронится, ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды, да и Биричемъ кликать: а не станетъ къ суду, ино дать на него грамота обѣтная: а обѣту больше трехъ денегъ не быти. А примутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ ними силу дѣять, ино дать въ позовниково мѣсто грамота «безсудная, племяннику его или другу. А кто кого позоветъ въ селѣ позовкою, или Дворянином, ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли, а далѣ и ближе, а то по числу. Отъ Конца или отъ улицы, и отъ Ста, и отъ Ряду итти ятцамъ двѣма человѣкъ; а инымъ на пособіе не ити къ суду, ни къ росказу. А будетъ наводка отъ Конца, или отъ улицы, или «ото Ста, или отъ Ряду: ино Великимъ Княземъ и Вел. Новугороду на «тыхъ дву человѣкѣхъ по Новогородской грамотѣ»...

(405) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 328.

(406) Король Французскій, Карлъ VII, первый въ Европѣ учредилъ всегдашнее, нераспускное войско въ 1445 году: оно состояло изъ 9000 всадниковъ и 16,000 пѣшихъ.

(407) См. выше, примѣч. 47 и 115, также въ описаніи Митяева путешествія въ Грецію. О Городскихъ Боярахъ см. выше, въ примѣч. 391.

(408) На примѣръ, Василій Темный въ 1433 году вооружилъ Московскихъ купцевъ для битвы съ дядею.

(409) См. выше, примѣч. 81, описаніе Куликовской битвы, похода Димитріева противъ Ольгерда въ 1372 году и Василія Темнаго противъ Шемяки въ 1450.

(410) Димитрій Волынскій или Волынецъ находился въ засадѣ съ Владиміромъ *Храбрымъ* и рѣшилъ судьбу Куликовской битвы. Василій Оболенскій разбилъ Шемяку подъ Галичемъ въ 1450 году. Басенокъ отличился въ разныхъ случаяхъ.

(411) См. Окольского Orb. Polon. III, 318. Они ходили тогда подъ начальствомъ Предислава Ланцкоронскаго къ Турецкому Бѣлугороду или Акерману въ числѣ 1200 человѣкъ.

(412) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 218 и 347.

(413) Т. I, примѣч. 388.

(414) См. *Лѣтопись Малорос.*, Piasecii Chronicon, Hist. Belli Cosacco-Polonici, authore Samuele Grondsky, и Миллер. Ursprung der Kosaken, въ Samml. Russ. Gesch. Т. IV.

(415) Болтинъ пишетъ, что Ханскіе Баскаки имѣли при себѣ воиновъ, называемыхъ *Козаками*, и что города наши, подражая имъ, завели своихъ *Козаковъ:* въ лѣтописяхъ нѣтъ того.

(416) Сіе слово въ Турецкомъ языкѣ есть новое и произошло отъ разбоевъ Козацкихъ. — Нѣкоторые иностранные Писатели производятъ названіе Козакъ отъ *косы*, *козы*, *козявки*, *Козаровъ*, *Кипчака*, и проч. У насъ есть рукописное сочиненіе *о Козакахъ Запорожскихъ*, гдѣ сказано, что они уже существовали въ 948 году; что какой-то Семенъ вышелъ изъ Польши къ устью Буга, основалъ свое жилище на одной косѣ, донынѣ именуемой *Семеновымъ рогомъ*, и приманилъ туда болѣе ста человѣкъ; что они, сшивъ себѣ одежду изъ *козьихъ* шкуръ, назвались *Козарами*, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя *Козаковъ* и перешли жить на берегъ Днѣпра къ Очакову, снискавъ особенную милость Государей Польскихъ. Сія басня изобрѣтена однимъ изъ ученыхъ Запорожцевъ.—Донынѣ *Козаками* именуютъ у насъ *вольныхъ* работниковъ или наемниковъ.

(417) См. Т. II, примѣч. 419, и выше, примѣч. 32. Италіанскій купецъ, I. Барбаро, отъ 1436 до 1452 года жилъ въ Азовѣ и проѣзжалъ чрезъ Россію: путешествіе его, Viaggio di Messer Iosafa Barbaro alla Tana, напечатано въ собраніи историческихъ твореній, изданныхъ Рамузіемъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ пишетъ онъ о Россіи, но сказываетъ мало любопытнаго: всѣ мѣста отъ Москвы до границы Литовской казались ему печальною степью, гдѣ видны были развалины селеній и нѣсколько хижинъ.

(418) См. въ Т. II *Поученіе* или *Духовную Мономаха*, гдѣ онъ разсказываетъ дѣтямъ о своей ловлѣ. См. также въ концѣ описанія времени Донскаго Путешествіе Митрополита Пимена въ Царьградъ. Ханы посылали къ намъ ловить лебедей (см. Т. IV, примѣч. 167). Въ *Уложеніи* Царя Алексія Михайловича еще говорится о бобровыхъ ловахъ близъ Москвы.

(419) Въ Бержерон. Voyages, стр. 162: Les Ruchéniens occupent une très grande province, qui s'etend presque jusqu'au pole arctique. Ils sont Chrétiens, selon les rites des Grecs; ils sont blancs et beaux, tant les hommes que les femmes; ils ont les cheveux plats. Ils paient tribut au Roi des Tartares, aux quels ils sont voisins du coté de l'Orient. Il y a aussi chez eux une grande quantité de pelleteries precieuses, et ils ont beaucoup de mines d'argent; mais le pays est très froid: parcequ'il s'etend du coté de la mer glaciale. Il y a cependant quelques îles dans cette mer, ou l'on trouve des Griffons, des Hérodiens, et des faucons en abondance, et que l'on transporte en differentes parties du monde. См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88, Сарторія Gesch. des Hanseat. Bundes, Ч. I, стр. 189—198, и Ч. II, стр. 428—474.

(420) Т. IV, примѣч. 223, и выше, примѣч. 260. Новогородцы въ 1316 году обязывались заплатить Михаилу Тверскому, по сказанію Лѣтописца, 50,000 гривенъ или 25,000 фунтовъ серебра; но въ грамотѣ означено только 12,000 гривенъ. Въ договорахъ и въ завѣщаніяхъ Княже-

ских часто опредѣляется соразмѣрность между общею и частною Ханскою данію, платимою Великимъ Княженіемъ; на примѣръ, Князь Юрій Димитріевичь пишетъ въ завѣщаніи: «Звенигороду (платить) въ *семиты* «слѣдной выходъ *пять сотъ рублевъ и одиннадцать рублевъ, а* Галичу *пять* «*сотъ рублевъ* и *полтретиціать рублевъ*:» изъ чего Штриттеръ заключилъ что Великіе Князья платили Ханамъ ежегодно 7,000 рублей; но вѣроятнѣе, что сіе количество серебра было только *частію* ежегодной дани, опредѣленною для срочнаго взноса въ Ханскую казну; можетъ быть, взносили серебро по-третямъ; можетъ быть также, что дань расчисляли по городамъ, и что одна Москва платила 7,000 рублей. — О деревняхъ см. выше, примѣч. 103. Если на деревню полагать кругомъ четыре земледѣльца, то въ семъ году 7,000 рублей собиралось съ пятидесяти-шести тысячь земледѣльцевъ (надобно вспомнить, что тогдашній рубль содержалъ въ себѣ пять нынѣшнихъ серебряныхъ).

(421) Слово *деньги* въ смыслѣ пѣнязей употребляется у насъ съ XV вѣка. На примѣръ въ Новогородской грамотѣ 1471 года (которую сообщимъ въ слѣдующемъ томѣ) сказано: «а дати намъ то серебро Великимъ «Княземъ *деньгами* въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ». См. выше, примѣч. 244.

(422) Въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 363: «а гостемъ торговати добро- «вольно безъ *заиьнокъ* и безъ пакости». Прежде обыкновенно писали: «безъ *рубежа* и безъ пакости».—При Димитріи Донскомъ уже существовали Галицкія соляныя варницы (см. выше, примѣч. 122). Двиняне вмѣсто денежныхъ пошлинъ давали соль (см. выше, примѣч. 244). Жители Торжка платили Василію Темному съ кожевенныхъ чановъ (см. выше, примѣч. 283).—О Псковскихъ варницахъ см. выше, примѣч. 137, г. 1364, и примѣч. 222.

(423) См. Т. IV, примѣч. 373. Въ *Словарѣ Академическомъ* несправедливо *хартія* названа *бумагою*. Греки называли Египетскій *папиръ* Χάρτον, а Римляне charta; но древній *папиръ* не бумага; у насъ же подъименемъ *хартіи* всегда разумѣлся пергаменъ (Χάρτον Περγάμον): отъ того названіе *харатейный*, или на *пергаменѣ писанный*. Мы имѣемъ еще нѣсколько харатейныхъ рукописей пятнадесятъ вѣка, но весьма мало. См. выше, примѣч. 136 и 376, также въ описаніи 1451 года.

(424) Послѣ *Спаса на борѣ* въ Кремлѣ, древнѣйшія церкви сего времени находятся въ Троицкой Лаврѣ, въ Симоновѣ монастырѣ, и проч.— Въ описаніи Московскаго пожара въ 1445 году упоминается только о каменныхъ церквахъ и стѣнахъ. О палатахъ Архіепископа и Митрополита см. выше, примѣч. 386, г. 1433, 1434, 1436 и 1449. Далѣе см. духовныя завѣщанія Великихъ Князей въ *Собр. Госуд. Грам.*

(425) Ученымъ извѣстенъ любопытный каталогъ сей Библіотеки, сочиненный Г. Матеемъ.

(426) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 346, гдѣ приведенъ стихъ Гомеровъ о *лести*. Въ похвалѣ Донскому Сочинитель говоритъ: «мнози «бо Философи быша въ міру, но двѣма главѣ быша Философомъ, *Пла*- «*тономъ* и *Пивагоромъ*».

(427) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 272. Житіе Александра Великаго вписано въ Синодальную Псковскую лѣтопись No 349, подъ слѣдующимъ оглавленіемъ: *Повѣсть о храбрости Александра, Царя Македонскаго, къ воинствомъ устремляющимся полезно есть слышати. Створивый есть Аріанъ, ученикъ Епиктита Философа. Господи благослови, отче!* Древность слога въ семь переводѣ указываетъ на XIV или на XIII вѣкъ.

(428) См. выше, примѣч. 65, 76, 79. Первое мѣсто такъ въ подлинникѣ: «Рече же Князь Владимиръ: Господине Княже! Воеводы у насъ

«вельми крѣпцы, а Рускія удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ собою борзыя «кони, а доспѣхи вельми тверды, злаченыя колоптари» (латы) «и булат- «ныя *банданы*, и кончаны (кончары, мечи) Фряжскія и *курды* Ляцкія и «сулицы Нѣмецкія, а щиты червленыя, и копья злаченыя, сабли булат- «ныя; а дорога имъ вельми свѣдома, а береги имъ по Оцѣ изготовлены; «хотятъ главы свои сложити», и проч. Далѣе о плачѣ Евдокіи: «Великая «Княгиня и съ своею *снохою*» (которой не было) «и со инѣми Воепод- «скими женами взыде на златоверхій свой теремъ въ набережной и сяде «подъ южными окны и рече: убо конечное зрѣніе зрю на тя, Великаго «Князя... слези бо отъ очію ея ліяхуся аки быстрина рѣчная, и воз- «дохнувъ печально, приложивши руцѣ къ персемъ, и рече: Господи Боже «великій! призри на мя смиренную: сподоби мя еще видѣти славнаго въ «въ человѣцѣхъ, В. К. Димитрія Ивановича; даждь ему помощь на про- «тивныя отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ. Не сотвори, Господи, яко- «же прежде на Калкѣ рѣцѣ было Христіаномъ отъ злаго Батыя» (на Калкѣ не было Батыя)... «не даждь погибнути оставшему Христіанству... «Отъ тоя бо рати Руская земля уныла... Азъ же имѣю два отрасли, но «еще малы суть: егда повѣетъ ихъ вѣтръ съ Юга или съ Запада, не мо- «гутъ терпѣти, и ни на чтоже опираяся; или зной поразитъ ихъ, тако «же имъ погибнути» и проч.

(429) «Инѣмъ бо человѣкомъ въ начадцѣхъ похваленіе бываетъ, «инѣмъ бо во средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо весь съ «похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего сверши... Богомъ даро- «ванную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе царство сътвори... и вскипѣ «земля Руская въ дне Княженіа его... Бываетъ же (Димитрій) другомъ «стѣна и твердь, противнымъ же мечь и огнь... Князи Рускыя въ обла- «сти своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бы- «ваше... Высокый умъ, смиреный смыслъ... Красенъ бѣ взоромъ и чистъ «душею... вмалѣ глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ «учитель препираше, и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше... Яко «отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ... Егда же «успе вѣчнымъ сномъ великій Царь Дмитрій Рускыя земли, аэръ възму- «тися, земля трясашеся и человѣци смятошася... день той день скорби «и туги, день тмы и мрака, день захлипаніа и кричаніа; но токмо слы- «шахъ народъ глаголющь: *о горе намъ, братье! Князь Княземъ усне; звъзда «сіяюща всему міру къ западу грядетъ!*... Обѣма» (Димитрію и супругѣ его) «едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное «житье, яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица съ ума- «леніемъ смотряху своего спасеніа въ чистѣй совѣсти». Здѣсь соедини- лъ я мѣста разсѣянныя въ подлинникѣ. Слѣдуетъ плачь Евдокіи: «Ви- «дѣвъ его Княгини (Княгиня) мертва на постели лежаща, въсплакася «горкымъ гласомъ, огненныя слезы отъ очію испущающе, въ перси своя «рукама біющи, яко труба рать повѣдяющи, яко ластовица рано шеп- «чющи и арганы сладковѣщающи, и глаголюще: Зайде свѣтъ отъ очію «моею! Гдѣ отходиши, скровище живота моего? Почто не промолвиши ко «мнѣ, утроба моя, къ женѣ своей? Цвѣте прекрасный! что рано увя- «даеши? Виноградъ многоплодный! уже не подасть плода сердцу моему «и сладости души моей! Чему, господине мой милый, не возриши на мя? «Чему не обратишися ко мнѣ на постели своей? Уже ли мя еси забылъ, «мене и дѣти свои? Чему имъ отвѣта не даси? Кому ли мене приказы- «ваеши?... Царю мой милый! како пріиму тя? како тя обойму? или како «ти послужю? Гдѣ, господине, честь и слава твоя? Господинъ всей земли «Руской былъ еси: нынѣ мертвъ лежиши, никимъ же владѣеши! Многы «страны примирилъ еси: нынѣ же смертію побѣженъ еси! Измѣнися

«слава твоя и зракъ лица твоего превратися въ истлѣніе. Животе мой! «како намилуюся тебе?... За многоцѣнныя багряница худыя сія и бѣд- «ныя ризы пріемлеши; не моего наряда одѣяніе на себе въздѣваеши, и «за Царскый вѣнецъ худымъ симъ платомъ главу покрываеши; за па- «лату красную гробъ сій пріемлеши!... Аще Богъ услышитъ молитву твою. «помолися о мнѣ, Княгини твоей: вкупѣ жихъ съ тобою, да вкупѣ нынѣ «и умру! Уность не отъиде отъ насъ, а старость не постиже насъ... Не «много, господине, нарадовахся съ тобою; за веселіе печаль и слезы «пріидоша ми, за утѣху и радость сѣтованіе и скорбь яви ми ся. По- «что родихся? и родився преже тебе како не умрохъ, да быхъ не видѣла «смерти твоея и своея погибели? Не слышишь ли бѣдныхъ моихъ сло- «весъ? не смилятъ ли тя моя горкаа слезы? Крѣпко еси, господине мой «драгій, уснулъ; не могу разбудити тебе. Съ которыя войны еси при- «шелъ? истомился еси велми. Звѣри земніи на ложа свои идуть, а птица «небесна ко гнѣздомъ своимъ летятъ: ты же, господине, отъ своего дому «не красно отходиши. Кому уподоблюся? како ся нареку? Вдова ли ся «нареку? не знаю азъ сего. Жена ли ся нареку? остала есмь Царя. «Старыя вдовы погѣшайте мене, а младыя вдовы поплачите со мною! «вдовья бо бѣда горчае всѣхъ... Великій мой Боже, Царь Царемъ! за- «ступникъ ми буди! Пречистаа Богородице! не остави мене въ время «печали моея!»

(430) Новогородцы *протекали* свою вольность.

(431) См. сей *Исторіи* Т. I. примѣч. 261, и главу *о состояніи древней Россіи*, гдѣ мы говоримъ о Словесности.

(432) Въ сіе время уже начинали писать *полкъ*, а не *плькъ*— *перстъ*, а не *прьстъ*,—*сверши*, а не *сверъши*, и проч.

Конецъ Примѣчаній пятаго Тома.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ къ пятому тому

„ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

стр.

I. Общій видъ древняго Новгорода, по наброску, сдѣланному Олеаріемъ (посѣтившимъ Московію въ 1636 г.). Видъ снятъ, очевидно, съ Софійской стороны. На первомъ планѣ, на право, Новгородскій дѣтинецъ (Кремль) со стѣнами и башнями и соборомъ св. Софіи. Отъ дѣтинца перекинутъ мостъ черезъ Волховъ на Торговую сторону, которая также обнесена стѣнами (деревянными) съ множествомъ башенъ. На лѣво, за Волховомъ, на второмъ планѣ, подгородній монастырь Антоніевскій . . . . . 56— 57

II. Видъ окрестностей Новгорода со всѣми монастырями и подгородними слободами (по новѣйшей топографической картѣ) . . . . . 56— 57

III. 1) Видъ древняго Пскова, сохранившійся на древней иконѣ Псково-Печерской Божіей Матери, XII вѣка, хранящейся въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ. На этомъ планѣ ясно виденъ, по сю сторону р. Великой, Псковскій Кромъ (Кремль) съ соборомъ св. Троицы, нѣкоторыя внутреннія части города и внѣшняя каменная стѣна съ высокими крѣпкими башнями. За р. Великою видна Спасо-Пароменская церковь и Завеличье, какъ отдѣльная часть города, также обнесенная стѣнами и башнями . . . . . —

2) Одно изъ древнѣйшихъ частныхъ зданій во Псковѣ, такъ называемыя *Поганкины палаты*, нѣкогда принадлежавшее дѣйствительно богатому псковскому купцу Поганкину; нынѣ-оно обращено въ интендантскій складъ. . . —

3) Шлемъ Александра Ярославича Невскаго (спереди и сбоку)—стальной, съ богатой золотой насѣчкой и восточными надписями. Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ . . . . . —

4, 5) Мечи Псковскихъ князей, Довмонта и Гавріила, съ ножнами, хранящіеся при гробѣ этихъ князей, въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ. На первомъ изъ нихъ надпись латинская: «Honorem meum nemini dabo»—т. е. «чести моей никому не отдамъ». . . . . 114—115

IV. 1, 2) Рогатина Тверского князя Бориса Александровича, стальная, съ золотой насѣчкою, хранящаяся въ Оружейной Палатѣ. На граняхъ ея тула наведены золотомъ рисунки, изображающіе сцены охоты и травли звѣрей. Внизу надъ каймою, надпись, обозначающая принадлежность лицу; въ этой подписи князь Борисъ Александровичъ Тверской величается титуломъ Великаго князя . . . . . 202—203
3, 4) Предметы, принадлежавшіе преподобному Сергію Радонежскому и вынутые изъ гроба его при обрѣтеніи мощей. Вмѣстѣ съ другими подобными-же предметами его домашняго обихода и его облаченіемъ, они хранятся въ ризницѣ Троице-Сергіевой лавры, какъ величайшія святыни . 202—203
V. 1) Теремъ Олега Рязанскаго, современника Дмитрія Донскаго, отчасти уцѣлѣвшій, хотя и въ передѣланномъ видѣ, обращенъ теперь въ архіерейскій домъ . . . . . .
2) Заглавныя буквы, изображенныя здѣсь, представляютъ: мужчину и женщину, бесѣдующихъ между собою; охотника, который колетъ медвѣдя рогатиной; двоихъ рыбаковъ, вытаскивающихъ сѣть . . . . . —
3) Драгоцѣнныя бармы, отрытыя въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка въ старой Рязани; хранятся въ Оружейной Палатѣ. Это весьма изящныя и высоко-художественныя по работѣ части украшеній княжеской одежды; онѣ отлиты изъ золота, украшены драгоцѣнными камнями и образами, писанными по финифти . . . . . 216—217

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
098289

Biblioteka WSP Kielce
0258794